ЖИЗНЕОПИСАНІЯ

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ

ПОДВИЖНИКОВЪ БЛАГОЧЕСТІЯ

18 и 19 вѣковъ

(съ портретами)

АВГУСТЪ

ИЗДАНИЕ ВВЕДЕНСКОЙ
ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
1994

ББК 86.372
Ж 71

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

Репринтное издание:
Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Август. -
М.: Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря;
Типо-литография И. Ефимова, 1909.

ISBN 5-86594-006-6

© Введенская Оптина Пустынь,
1994 г., оформление.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Какъ нынѣ святые умножились во всемъ мірѣ, будетъ ли такъ же и при кончинѣ вѣка сего?“ спросилъ нѣкто св. Нифонта Цареградскаго. Блаженный старецъ отвѣчалъ: „Сынъ мой, до самаго скончанія вѣка сего не оскудѣютъ Пророки у Господа Бога, равно какъ и служители сатаны. Впрочемъ, прибавилъ онъ, въ послѣднее время тѣ, которые по истинѣ будутъ работать Богу, благополучно скроютъ себя отъ людей“.

Истина этихъ словъ сбывается и въ наше время. При общемъ, для всѣхъ видимомъ и осязательномъ упадкѣ вѣры и благочестія, и въ наше время было много великихъ святителей, много достойныхъ іереевъ, замѣчательныхъ и даромъ слова, и высокою жизнью; много отшельниковъ и иноковъ, ревновавшихъ идти путемъ древнихъ преподобныхъ отцевъ. Достойно вниманія, что такихъ великихъ подвижниковъ вѣры въ 19-е столѣтіе въ Россіи было не менѣе, нежели въ другіе вѣка, повидимому болѣе благопріятствовавшіе монашеству, и даже не знаемъ, во всѣ ли времена въ отечествѣ нашемъ жили почти одновременно такія свѣтила монашества, каковы—были въ наши дни: Серафимъ Саровскій и другіе Саровскіе подвижники, Назарій Валаамскій, Ѳеодоръ Санаксарскій, Георгій Задонскій, Василій Кишкинъ, Петръ Мичуринъ, Зосима Верховскій и Василискъ; схимонахи — Ѳеодоръ и Клеопа, Макарій Пѣсношскій, Иларіонъ Троекуров-

скій, Ѳеофанъ Новоезерскій, Іоаннъ Сезеновскій, Даніилъ Сибирскій, Парѳеній Кіевскій, Амфилохій и Иннокентій Ростовскіе, Александръ Арзамазскій, Ѳеодоръ Новоспасскій, Левъ, Макарій и Моисей Оптинскіе, Тимонъ Надѣевскій, Амфилохій Реконскій, Макарій Алтайскій, Филаретъ Глинскій, Аникита Ширинскій-Шихматовъ; также подвижники болѣе и менѣе извѣстные пустыней — Бѣлобережской, Площанской, Никифоровской и другихъ,—и весь этотъ сонмъ преподобныхъ отцевъ нашего времени, которыхъ православная Россія хорошо знаетъ, а одна часть нашего общества почти вовсе не знаетъ, и которыхъ жизнь многимъ изъ насъ послужитъ тяжкимъ обличеніемъ". Такъ писали Оптинскіе иноки, издавая жизнеописаніе великаго старца о. Макарія. Да послужитъ же и нашъ сборничекъ православному люду въ облегченіе его знакомства съ жизнію этихъ великихъ, не зримыхъ міру, но славныхъ предъ Господомъ Его вѣрныхъ рабовъ.

Схимонахиня Елисавета.

(Память 1 августа).

Въ Елецкомъ Знаменскомъ монастырѣ стоитъ небольшой памятникъ, и близъ него могила схимонахини Елисаветы, бывшей въ супружествѣ за благочестивымъ мужемъ, впослѣдствіи схимонахомъ Митрофаномъ, собесѣдникомъ святителя Тихона Задонскаго, скончавшейся 1 августа 1765 года. Изъ любви къ Богу она оставила мірскую жизнь и честное супружество, по взаимному согласію съ мужемъ своимъ, и довольное время подвижнически пожила на Каменной Горѣ. Общій голосъ, хотя и по отдаленному преданію, удостовѣряетъ о схимонахинѣ Елисаветѣ, что она была весьма благочестивой жизни. Въ то время вокругъ Каменной Горы былъ пустынный лѣсъ, въ которомъ часто укрывались бѣглые солдаты и разные бродяги: они приходили иногда къ дверямъ келліи схимонахини Елисаветы, требуя себѣ пищи. Она же, милосердствуя о ближнихъ, не страшилась ихъ, какъ опасныхъ людей, но съ кротостью, какъ братьямъ, подавала имъ хлѣбъ и овощи, по заповѣди Христовой: «просящему у тебя дай». По кончинѣ схимонахини Елисаветы, Задонскій подвижникъ Никандръ Алексѣевичъ Бехтѣевъ, изъ уваженія къ добродѣтельной ея жизни, и по благословенію святителя Тихона, устроилъ надъ ея могилою, на Каменной Горѣ, памятникъ, въ видѣ высокаго каменнаго столпа съ

прекраснымъ фонаремъ на верху, внутри котораго предъ малымъ Распятіемъ теплилась неугасимая лампада. Къ сожалѣнію, этотъ памятникъ уничтоженъ, по приказанію Орловскаго епископа Никодима въ 1847 году, и замѣненъ обыкновенною чугунною доскою, которая и доселѣ скромно покрываетъ достопамятную могилу *).

Схимонахъ Никодимъ Аѳонскій.

(Память 2 августа).

Мірское имя о. Никодима было Николай Ивановъ Санинъ. Родомъ онъ былъ Смоленской губерніи, города Сычевокъ, изъ мѣщанскаго сословія, православнаго исповѣданія, былъ женатъ. Съ дѣтства онъ жилъ въ самомъ городѣ при родителяхъ и занимался мелочною торговлею, а потомъ перемѣстился въ Петербургъ, гдѣ сдѣлался полотеромъ, а впослѣдствіи сдѣлался хозяиномъ и имѣлъ свою артель, наживалъ деньги успѣшно, но въ семьѣ не былъ счастливъ, съ женою своею жилъ не въ ладу, такъ какъ она не хранила къ нему супружеской вѣрности. Это огорчало Санина до крайности, съ досады онъ и самъ иногда съ мастеровыми предавался разгульной жизни; но совѣсть не оставляла его въ покоѣ, внушала ему, что онъ во время скорби долженъ бы искать утѣшенія отъ Бога, а не отъ плотоугодія, и что рано или поздно, а ему не избѣжать смерти и суда Божія. Таковыя и подобныя этому обличенія совѣсти мало-по-малу начали приводить Санина къ исправленію жизни. Онъ началъ вспоминать о смерти и судѣ Божіемъ, сталъ бояться, какъ бы не умереть безъ покаянія, что и побудило его на добрыя дѣла: онъ началъ щедро подавать милостыню, ходить въ церковь, читать св. книги, посѣщать св. мѣста, ходилъ въ

*) „Душеполезное Чтеніе“.

Іерусалимъ, по возвращеніи откуда рѣшился вовсе оставить міръ и удалиться на св. Аѳонскую гору, дабы тамъ въ покаяніи провести остатокъ дней своихъ. Съ женою Санина съ этого времени также сдѣлалась перемѣна: она, оставивъ прежнюю жизнь, стала тоже заботиться о спасеніи души; и когда Николай предложилъ ей отпустить его въ монастырь, то она сему нисколько не воспротивилась, и даже сама пожелала по примѣру его идти въ женскій монастырь. Рѣшившись посвятить себя монашеской жизни, Николай въ 1846 г. прибылъ на св. Аѳонскую гору и поступилъ въ монастырь Русикъ, въ коемъ былъ принятъ въ число русскаго братства; сначала онъ исполнялъ разныя послушанія, хотя съ ревностію и усердіемъ, но просто, не обращая вниманія на внутреннее свое состояніе; когда же было ему объяснено, что при упражненіи тѣла во внѣшнемъ послушаніи необходимо должно и умомъ упражняться во внутреннемъ послушаніи совѣсти, тогда Николай сталъ болѣе прежняго внимать себѣ, а по принятіи монашества, съ именемъ Никодима, началъ жить еще строже, обуздывая языкъ и чрево.

Духовникъ, видя въ немъ особое къ себѣ довѣріе, простоту и рѣшительную готовность къ послушанію, вознамѣрился приблизить его къ себѣ. Взявши благословеніе у о. игумена, духовникъ принялъ о. Никодима къ себѣ въ келейники. При этомъ послушаніи о. Никодимъ еще исполнялъ слѣдующія должности: эконома, рухальнаго, будильщика и архондаричнаго (гостинника); при такихъ многозаботливыхъ внѣшнихъ занятіяхъ о. Никодимъ показалъ себя и достойнымъ подвижникомъ.—Исполненіе столькихъ безпокойныхъ должностей не помѣшало ему усовершаться въ духовной жизни; всѣ внѣшнія препятствія онъ побѣдилъ дѣтскою, Евангельскою вѣрою и послушаніемъ и стяжалъ такія высокія добродѣтели, которыя и въ уединенной жизни и съ большимъ трудомъ не всегда пріобрѣтаются даже людьми болѣе способными къ самонаблюденію, нежели о. Никодимъ, ко-

торый былъ очень простъ и несвѣдущъ въ Св. Писаніи. Но этотъ недостатокъ онъ восполнялъ въ себѣ, какъ выше сказано, вѣрою и послушаніемъ. Опытные знаютъ различіе браней вблизи предметовъ, возбуждающихъ страсти, и вдали отъ нихъ: иное дѣло побѣждать страсти въ уединеніи, а иное—въ общежитіи. Да и въ общежитіи неравныя трудности въ борьбѣ съ страстями, по причинѣ разныхъ должностей и занятій; иное дѣло хранить мирное состояніе духа сидящему съ рукодѣліемъ въ келліи, а иное—находящемуся на должности, при исправленіи разныхъ общихъ нуждъ;—для послѣдняго потребенъ сугубый трудъ. О. Никодимъ, принявши на себя четыре соединенныя должности, вначалѣ встрѣтилъ большія препятствія къ исполненію оныхъ со стороны своихъ мірскихъ привычекъ. Живши въ мірѣ, онъ привыкъ много ѣсть и пить и спать безвременно, а также празднословить. Но какъ побѣждать эти привычки, имѣя все предъ глазами и въ своихъ рукахъ? Не зная, что дѣлать, онъ вопросилъ духовника, какъ ему въ такомъ случаѣ поступать? съ чего начать? Духовникъ посовѣтовалъ ему начать съ исполненія заповѣди: *съ совѣтомъ вся твори*, т.-е. обо всемъ сказывать духовнику, какъ о худомъ, такъ и о добромъ. И если когда-либо придетъ ему какая-нибудь добрая мысль сдѣлать что противъ своей мірской привычки, не приводилъ бы ея въ исполненіе, пока не скажетъ прежде о томъ духовнику, и чтобы началъ искоренять привычки свои не разомъ, а мало-по-малу, и не иначе, какъ съ совѣта духовника. Съ того времени о. Никодимъ о всемъ сказывалъ духовнику и безъ его совѣта ничего не дѣлалъ. Онъ могъ о себѣ сказать: «уготовихся и не смутихся сохранити заповѣди Твоя», потому что все сказанное отъ духовника принималъ съ несомнѣнною вѣрою, а потому и силенъ былъ исполнять приказанное. Въ мірской жизни о. Никодимъ любилъ пить вино, поэтому духовникъ, снисходя немощи его, не запрещалъ ему пить вино и въ монастырѣ, только немного. Но и это немногое нѣсколько вредило ему, потому что онъ былъ косноязыченъ и заика, и не безъ затрудненія бесѣдовалъ съ другими, а когда хотя немного выпивалъ краснаго вина, тогда еще болѣе затруднялся въ разговорѣ. Однажды духовникъ, вышедши изъ трапезы и увидавъ о. Никодима разговаривающаго съ другими, сказалъ ему: «о. Никодимъ, я говорилъ тебѣ, что для тебя неполезно наравнѣ съ другими пить вино, ты долженъ пить его меньше другихъ—вполовину, потому что, и не пивши вина, ты объясняешься такъ худо, что поклонники, не зная причины сему, соблазняются, думая, что ты пьянъ». О. Никодимъ поклонившись отвѣчалъ: «простите, батюшка, съ того времени, какъ вы мнѣ приказали, я такъ и дѣлаю, пью вино противъ другихъ вполовину меньше, но и это мѣшаетъ мнѣ, и я желалъ бы вовсе не пить его, но самъ не смѣлъ сего сдѣлать; отселѣ не благословите ли мнѣ вовсе оставить вино?» Духовникъ отвѣчалъ: «Богъ благословитъ». Съ того времени о. Никодимъ не пилъ ничего хмѣльного до смерти своей. Многосложная должность его требовала частаго объясненія съ духовникомъ, потому духовникъ назначилъ время для бесѣды съ нимъ ввечеру послѣ повечерія. Въ это время онъ обыкновенно передавалъ духовнику все, что имѣлъ на совѣсти и спрашивалъ, что ему было нужно.

Однажды, бесѣдуя съ духовникомъ, между прочимъ, онъ спросилъ: «св. отцы совѣтуютъ, опредѣлившись въ монастырь, стараться пріобрѣсть ежедневныя побудительныя слезы. Скажи мнѣ, отче, могу ли я пріобрѣсть ихъ?» Духовникъ отвѣчалъ ему: «почему неможно тебѣ пріобрѣсть ихъ?» О. Никодимъ отвѣчалъ духовнику: «по причинѣ многосложной и безпокойной моей должности». Духовникъ сказалъ ему: «если ты думаешь, что многопопечительная должность служитъ препятствіемъ къ полученію высокихъ даровъ Божіихъ, то ты этимъ уничтожаешь благодать Божію, которая всесильна. Ты вѣруешь ли, что Христосъ силенъ даровать тебѣ

то, что ты желаешь получить отъ Него?» О. Никодимъ отвѣчалъ: «вѣрю, отче, что Господь силенъ дать мнѣ желаемое мною»,—и поклонившись прибавилъ:—«благослови мнѣ этого домогаться». Духовникъ отвѣчалъ: «Богъ да благословитъ и по вѣрѣ твоей даруетъ тебѣ». Съ того времени о. Никодимъ тщательно понуждалъ себя, чтобы ежедневно плакать, и встрѣчавшіеся къ тому препятствія онъ устранялъ или побѣждалъ. Зная по опыту, что многояденіе изсушаетъ слезы, чтобы побѣдить это препятствіе, онъ оставилъ сперва сладкія снѣди, а потомъ и отъ обыкновенныхъ воздерживался, а по пятницамъ и вовсе не ѣлъ; спалъ на землѣ; вмѣсто подушки имѣлъ камень, покрытый полотномъ; чтобы не побѣждаться празднословіемъ и гнѣвомъ, держалъ камень во рту; все это онъ дѣлалъ по совѣту духовника, и другимъ никому о семъ не открывалъ. Для молитвы онъ не имѣлъ много времени по причинѣ должности своей, впрочемъ, сколько имѣлъ свободнаго времени, проводилъ оное въ усердной молитвѣ. Нерѣдко случалось ему молиться до послѣднихъ силъ своихъ такъ, что, сдѣлавъ земной поклонъ, онъ засыпалъ въ этомъ положеніи и весьма утѣшался, проснувшись въ подобномъ молитвенномъ подвигѣ; такая молитва ему очень нравилась. Братія, не зная причины молчанія его, говорили: «нашъ о. Никодимъ отъ старости сдѣлался глухъ и молчаливъ». Впрочемъ, нѣкоторые постигали духовную его настроенность,—особенно Святогорецъ и о. Григорій Лисянскій *), который очень уважалъ о. Никодима и нерѣдко говорилъ о немъ, что о. Никодимъ старецъ рѣдкій, какъ послушаніемъ и терпѣніемъ, такъ и молчаніемъ.

О. Никодимъ еще отличался и примѣрной простотою. Когда вышеупомянутый о. Григорій, долго страдавшій чахоткою, наконецъ тяжко заболѣлъ, слегъ въ постель, тогда духовникъ приказалъ Никодиму смотрѣть за больнымъ и строго наблюдать, чтобы онъ не умеръ безъ присмотра. О. Григорій былъ примѣрный монахъ, любитель умной молитвы, потому о. Никодимъ болѣе другихъ уважалъ его и хотѣлъ при кончинѣ его жизни самъ послужить ему, (тѣмъ болѣе, что келлія о. Григорія была близъ келліи о. Никодима), но затруднялся тѣмъ, что ему, по его послушанію, нужно было часто отлучаться отъ больного, и боялся чтобъ онъ въ это время не умеръ; впрочемъ, изъ такого затрудненія вывела о. Никодима простота его. Пришедши къ о. Григорію и объяснивъ ему свое затрудненіе, о. Никодимъ просилъ его, чтобъ онъ сказалъ ему, когда будетъ умирать. О. Григорій съ подобной же простотою и увѣренностію отвѣчалъ ему: «не безпокойся, отецъ мой, когда я буду умирать, тогда объ этомъ скажу тебѣ». И дѣйствительно, по прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ сказалъ сидѣвшему при немъ о. Никодиму: *вотъ, отче, я скоро умру*. О. Никодимъ спросилъ у него, почему это онъ знаетъ. Больной отвѣчалъ ему: «развѣ ты, отче, не видишь, вотъ уже пришли за мною двое и сказали мнѣ: *пойдемъ домой*». Отецъ Никодимъ торопливо началъ спрашивать его: «гдѣ они, гдѣ они? я не вижу ихъ!» Григорій, давши ему рукою знакъ, сказалъ: «молчи, молчи, я тамъ тебѣ скажу»,—и вслѣдъ за этими словами мирно окончилъ свою страдальческую жизнь.

Одинъ изъ русскихъ безмолвниковъ, жившій на Капсалѣ, именемъ Анастасій, прихаживалъ въ Русскій монастырь къ духовнику для исповѣди. О. Никодиму было приказано принимать его. Однажды духовникъ сказалъ о. Никодиму, чтобъ онъ поболѣе обращалъ вниманіе свое на этого старца, и чѣмъ только можетъ утѣшалъ бы его, потому что этотъ старецъ достигъ высокаго устроенія духовнаго, можетъ помогать намъ своими молитвами въ усовершенствованіи духовной нашей жизни. Выслушавши это, о. Никодимъ наклонилъ голову къ груди и послѣ минутнаго молчанія, поклонившись до земли, спросилъ съ замѣтнымъ умиленіемъ: «можно-ли, батюшка,

*) Сынъ извѣстнаго Юрія Ѳеодоровича Лисянскаго, въ 1803—4 гг. совершившаго кругосвѣтное плаваніе.

мнѣ узнать, въ чемъ состоитъ это высокое устроеніе духовнаго старца о Анастасія?» Духовникъ отвѣчалъ ему: «можно и полезно будетъ открыть тебѣ о его добродѣтеляхъ для поощренія твоего.» Потомъ духовникъ разсказалъ ему о подвигахъ старца Анастасія: о его постѣ и нестяжательности, о томъ, что онъ нѣсколько лѣтъ прилежно понуждалъ себя къ слезамъ; за то Богъ даровалъ ему высокій даръ слезъ въ его волю, и онъ когда только захочетъ поплакать, тогда и плачетъ, а это все происходило отъ послушанія его къ духовному отцу, безъ совѣта котораго ничего не дѣлалъ. Выслушавъ это, о. Никодимъ пришелъ въ восторгъ, плѣнился высокимъ даромъ свободныхъ слезъ; падаетъ въ ноги духовнику и со страхомъ спрашиваетъ: «мнѣ, батюшка, можно-ли домогаться этого?»—«Почему-же не можно?» отвѣчалъ ему духовникъ. «А долго терпѣть мнѣ?» сказалъ о. Никодимъ.—«А ты опять за маловѣріе берешься! возразилъ ему духовникъ; я и прежде говорилъ тебѣ, что исполненіе должностей не препятствуетъ восходить къ совершенству христіанскому, а маловѣріемъ нашимъ мы уничтожаемъ благодать Божію, которая всемогуща и вседѣйствующа, а потому безъ сомнѣнія можетъ, и при разсѣянныхъ и безпокойныхъ должностяхъ, даровать то, чего мы съ вѣрою просимъ у Бога. Ты вѣруешь ли, что Господь можетъ дать тебѣ этотъ даръ?..»—При этихъ словахъ о. Никодимъ, со слезами опять поклонившись до земли, сказалъ: «вѣрую, отче, что Господь силенъ и можетъ даровать мнѣ этотъ даръ твоими св. молитвами».—Духовникъ на это сказалъ ему: «итакъ, если вѣруешь, то Богъ благословитъ тебя, по реченному Имъ: *ищите и обрящете, ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзется*»... И давши ему благословеніе, отпустилъ его. Послѣ этой бесѣды у о. Никодима началъ увеличиваться страхъ Божій, потому онъ часто бесѣдовалъ съ духовникомъ болѣе о вѣчныхъ мученіяхъ, иногда выражалъ свой ужасъ, какъ онъ будетъ умирать, какъ онъ будетъ проходить мытарства бѣсовскія, боялся, какъ

бы бѣсы не задержали его на мытарствахъ своихъ за многіе грѣхи, содѣянные имъ въ мірѣ, нерѣдко говорилъ: «боюсь бѣсовъ, какъ бы они меня въ часъ смертный не привели въ отчаяніе,—говорятъ, что они всѣми силами своими нападаютъ на человѣка умирающаго, напоминаютъ ему всѣ его грѣхи, обличаютъ его, ужасно кричатъ и вопятъ: *наша душа, мы ее возъмемъ себѣ,*—и тому подобное; что въ такомъ случаѣ дѣлать надобно? какъ и чѣмъ отбиваться отъ нихъ? Я думаю, что въ это время, отъ страха и ужаса, умирающій человѣкъ какъ бы изумится и оцѣпенѣетъ». На эти вопросы о. Никодима, духовникъ сказалъ ему слѣдующее: «надобно заблаговременно заботиться и часто размышлять объ этомъ; многіе изъ св. отцевъ во всю жизнь свою болѣе проводили время въ размышленіи о смерти, и само слово Божіе поучаетъ насъ помнить послѣдняя наша. Надобно обращать особенное вниманіе на стихъ молитвы церковной, и этимъ стихомъ почаще молиться Господу:—*Христіанскія кончины живота нашего безболѣзненны, непостыдны, мирны и добраго отвѣта на страшномъ судищѣ Христовѣ просимъ у Тебе, Отче Господа нашего Іисуса Христа, просимъ ради Его Пресвятаго имени;* всякій же грѣхъ свой должны исповѣдывать духовному отцу и о немъ скорбѣть, плакать и совѣтоваться почаще съ духовникомъ, какъ лучше приготовлять себя къ смерти, и заблаговременно необходимо предобучаться, какъ въ страшный тотъ часъ смертный бороться съ бѣсами, и спорить, какъ имъ противорѣчить и не вѣрить клеветамъ ихъ, не бояться угрозъ ихъ и совершенно не принимать отчаянія, которое они обыкновенно внушаютъ умирающему. И прежде смерти бѣсы стараются внушать болящему сомнѣніе о спасеніи и невѣріе въ полученіи милости Божіей, принося такія мысли: *вотъ ты не спасешься, тебя Богъ не приметъ, ты многогрѣшный, плодовъ достойныхъ покаянія ты не сотворилъ, ты нечисто исповѣдывалъ грѣхи свои, а многіе вовсе забылъ, а потому ты въ адъ пой-*

дешь: тебя Богъ не проститъ, ты лицемѣрно жизнь свою прожилъ и часть твоя въ адѣ, а можетъ быть ты и предопредѣленъ къ погибели. Таковыя и подобныя имъ мысли враги наши внушаютъ намъ и предъ смертію, и въ часъ нашей смерти, и потому надобно заблаговременно обучить себя въ таинствѣ вѣры, утверждаться въ вѣрѣ въ заслуги Господа нашего Искупителя Іисуса Христа и вседушно полагаться на нихъ. Онъ за насъ воплотился, пострадалъ, кровь Свою пролилъ и на крестѣ умеръ, и вѣрующимъ въ Него, и кающимся въ грѣхахъ своихъ, даруетъ прощеніе и вводитъ въ жизнь вѣчную—блаженную. Вотъ основаніе нашего спасенія. На этомъ твердомъ основаніи и нужно намъ утверждаться всегда и особенно во время часа смертнаго, на этомъ стоять, этимъ защищаться отъ нападеній враговъ, этимъ отгонять ихъ отъ себя, этимъ успокоивать и утѣшать, этимъ только однимъ, потому что если бъ кто имѣлъ и многія добрыя дѣла, то надѣяться на нихъ не должно, ибо Самъ Господь сказалъ: *аще и вся повелѣнная вамъ сотворите; и тогда глаголите, яко раби неключимы есмы.* Какъ бы грѣхи наши ни были велики, и сколько бы ихъ ни было, мы отчаяваться въ полученіи милости Божіей не должны; слово Божіе увѣряетъ насъ, что *нѣсть грѣхъ побѣждающъ милосердіе Божіе.* Отчаяніе рождается отъ гордости, потому что, предавшись ей, человѣкъ обвиняетъ Бога, какъ будто Богъ причиною его грѣховъ, (яко бы Онъ его сотворилъ склоннымъ къ грѣху), и потому не смиряется, не проситъ прощенія у Бога, но гнѣвается на Бога. А кто уповаетъ на милосердіе Божіе, тотъ при всѣхъ своихъ многихъ и тяжкихъ грѣхахъ не оправдывается, но себя осуждаетъ, подобно благоразумному разбойнику и мытарю;—молится и испрашиваетъ прощеніе. Если же кто повѣритъ внушенію враговъ, и приметъ мысли ихъ такія, что онъ не спасется или что онъ будетъ осужденъ, или будетъ отверженъ Богомъ, или что предопредѣленъ къ

погибели, то душу такого человѣка бѣсы увлекутъ къ себѣ, потому что онъ отчаяніемъ своимъ отвергъ искупленіе и уничтожилъ милосердіе Божіе, и подобно Каину счелъ свои грѣхи превышающими милосердіе Божіе. Но, какъ уже сказано, должно не внимать подобнымъ бѣсовскимъ внушеніямъ и вовсе не вѣрить имъ, но именемъ Божіимъ запрещать имъ, противорѣчить имъ и съ сильнымъ гнѣвомъ проклинать ихъ, ибо для того намъ дана отъ Творца раздражительность, чтобъ мы гнѣвались на бѣсовъ, а не на людей. Надобно отвѣчать бѣсамъ такъ: *хотя я и многогрѣшный, но отчаяваться во спасеніи не хочу, ибо надѣюсь на милосердіе Божіе. Богу моему одному я согрѣшилъ, Ему и каюсь; Онъ одинъ мой Судія, а не вы, проклятые бѣсы; какое вамъ до меня дѣло? вы сами отступники отъ Бога и отверженные отъ Него; вы не имѣете права истязывать меня, вы сами осуждены на вѣчную погибель, я знать васъ не хочу проклятыхъ. Богъ моя сила, Богъ мой Спаситель, вся моя надежда на милость Его, и все зависитъ отъ Его помилованія, страха же вашего не убоюся, ниже смущуся; если бъ и въ тысячу разъ болѣе этого вы нашли за мною грѣховъ, то и тогда я не принялъ бы внушенное мнѣ вами отчаяніе, надѣясь на неизреченную милость Божію, на молитвы Божіей Матери, св. ангеловъ и угодниковъ Божіихъ, которыхъ я призываю на помощь.* Полезно держать себя какъ въ продолженіе жизни, такъ и при концѣ ея, посреди страха и надежды, какъ Апостолъ сказалъ: *нечаеми и не отчаяваеми,* но всего полезнѣе во всякое время надѣяться на милость Божію, ибо слово Божіе таковыхъ ублажаетъ: *блажени,* говоритъ, *вси надѣющіеся нань.* Вотъ, о. Никодимъ, тебѣ сказано кратко, какъ надобно приготовляться къ исходу изъ сего міра, и какъ при помощи благодати Божіей надобно правильно дѣйствовать предъ смертію и въ самый часъ смертный. Ты понялъ это хорошо и те-

перь знаешь объ этомъ, но исполненіе этого совѣта надо предоставить опять-таки Богу милосердія и щедротъ, Его надобно молить, чтобъ Онъ привелъ предположеніе наше въ исполненіе, даровалъ бы намъ въ тотъ страшный часъ вѣру твердую и упованіе и необходимое благодерзновеніе. А это надобно дѣлать заблаговременно: ты знаешь, что безъ помощи благодати мы и одной минуты не можемъ провести благополучно, даже и помыслить о добрѣ и пожелать добраго безъ благодати не можемъ. Потому церковь въ ночи молится Богу: *Сподоби, Господи, въ нощь сію безъ грѣха сохранитися намъ,* также и днемъ и вечеромъ, утромъ и въ полдень, тѣмъ болѣе намъ очень нужно часто молиться, чтобъ сподобилъ Господь благополучно пройти врата смертныя и мытарства бѣсовскія, и достигнуть обѣтованнаго намъ небеснаго царствія и блаженства.

О. Никодимъ вѣрно слѣдовалъ совѣту духовника, и отъ частыхъ слезъ глаза у него постоянно были красные. Духовникъ иногда спрашивалъ его: имѣетъ ли онъ слезы или плачетъ ли? Онъ отвѣчалъ, что плачетъ. Братія говорили, что онъ отъ старости худо видитъ и слышитъ, и потому нѣкоторые изъ состраданія просили о немъ духовника, чтобы успокоилъ его. Духовникъ, призвавъ его къ себѣ, спросилъ у него. не страдаетъ ли онъ зрѣніемъ или слухомъ? О. Никодимъ отвѣчалъ духовнику, что онъ здоровъ. Духовникъ, посмотрѣвъ ему въ глаза и замѣтивъ въ нихъ красноту, спросилъ у него: «отчего жъ у тебя глаза очень красны и какъ будто воспалены, и рѣсницъ у нихъ нѣтъ? Часто ли ты плачешь?» О. Никодимъ отвѣчалъ: «плачу». А какъ часто ты плачешь? опять спросилъ у него духовникъ. О. Никодимъ, наклонивъ голову къ груди, съ улыбкою повторилъ тотъ же отвѣтъ: *плачу*. Потомъ духовникъ сказалъ ему: «мнѣ, какъ духовнику, нужно знать, сколь часто ты плачешь: чрезъ день или каждый день, или нѣсколько разъ въ день, потому что хитрые враги наши умѣютъ обольщать насъ и съ доброй стороны». На этотъ вопросъ о. Никодимъ, не перемѣняя своего положенія, еще съ большею улыбкою отвѣчалъ духовнику: «плачу, отче, когда захочу». Духовникъ спросилъ у него: «давно ли ты это имѣешь?» О. Никодимъ отвѣчалъ: «два года съ половиною,— съ того времени какъ я, послѣ бесѣды моей съ тобою объ этомъ дарованіи Божіемъ, сдѣлалъ тебѣ поклонъ и испросилъ благословеніе у тебя искать этого дара Божія. А до того времени я по твоему благословенію три года съ трудомъ понуждалъ себя къ ежедневнымъ слезамъ». На это духовникъ замѣтилъ ему: «видишь ли, что ты получилъ этотъ даръ вѣрою за послушаніе, а не за заслуги твои, и знай, что всякій даръ Божій сохраняется смиреніемъ. Берегись отъ возношенія, не осуждай никого, постоянно укоряй себя;—и другіе имѣютъ этотъ даръ, но считаютъ себя хуже всѣхъ». Послѣ этой бесѣды духовникъ хотѣлъ было уволить о. Никодима отъ заботливыхъ должностей его, чтобы онъ спокойно могъ въ келліи своей упражняться въ молитвѣ и слезахъ; но Богъ устроилъ иначе, чтобы о. Никодимъ прямо отъ трудовъ своихъ перешелъ въ вѣчность. Вскорѣ о. Никодимъ заболѣлъ; болѣзнь его продолжалась сорокъ дней; предъ смертію своею за нѣсколько дней онъ прочитывалъ какую-то записку, которая находилась у него подъ подушкою; приближаясь къ смерти, онъ прочитывалъ эту записку нѣсколько разъ въ день и мирно почилъ о Господѣ. Послѣ смерти записку эту нашли; она оказалась слѣдующаго содержанія:

Я уповаю на милость Божію, на заслуги Христовы Онъ мой Судія, а не вы, окаянные, что вамъ за дѣло до меня? Ему согрѣшилъ, Ему и каюсь; а вы не имѣете во мнѣ никакого мѣста, лукавые бѣсы; отъидите отъ меня къ вашему сатанѣ.

О. Никодимъ ростомъ былъ невысокъ, лица пріятнаго, плѣшивъ, бороду имѣлъ длинную и густую съ просѣдью,

поговорка у него была скорая, немного заикался, но въ церкви пѣлъ и читалъ безъ затрудненія. При служеніи духовникомъ ранней литургіи, онъ почти всегда пѣлъ одинъ. Скончался о. Никодимъ въ 1854 году; всей его жизни въ монастырѣ было 8 лѣтъ *).

Аѳонскій подвижникъ игуменъ Павелъ.

(Память 2 августа).

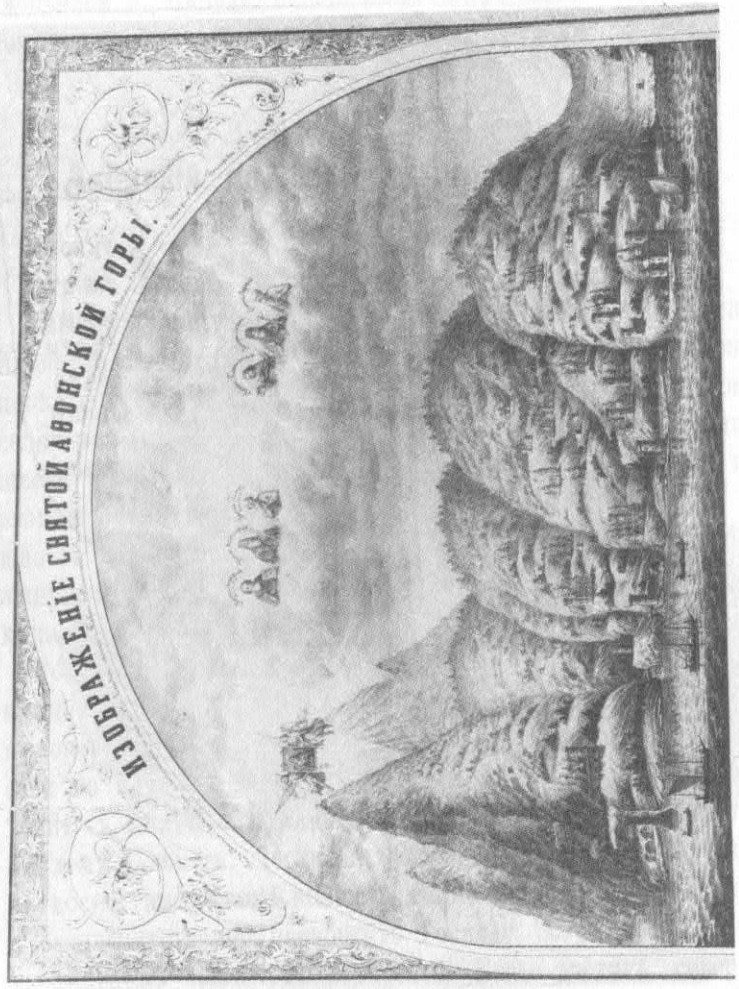
О немъ писалъ въ свое время инокъ Парѳеній такъ.

Вкратцѣ опишу жизнь іеромонаха Павла, игумена скита Ильинскаго, который взошелъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь и съ собой русскую братію ввелъ, и въ немъ скончался въ 1840 году, препроводивъ въ Аѳонѣ тридцать шесть лѣтъ. Иное я слышалъ о немъ отъ самого, иное своими очами видѣлъ, иное отъ его учениковъ узналъ. А о юности его слышалъ отъ его прежде бывшей супруги, нынѣ живущей въ градѣ Калугѣ, въ женскомъ монастырѣ, монахини Павлы.

Родомъ онъ великороссіянинъ, города Калуги, изъ богатыхъ купцовъ; въ младенчествѣ просвѣщенъ святымъ крещеніемъ и нареченъ былъ Петромъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ посвятилъ себя на служеніе Богу и всегда упражнялся въ чтеніи духовныхъ книгъ и Священнаго Писанія, и всегда приметался въ дому Божіемъ. Достигши возраста, занимался торговлею, но всегда имѣлъ сильное желаніе поступить въ монашество и безпрепятственно поработать Господу Богу своему, только удерживаемъ былъ отъ родителей. Когда достигъ совершеннаго возраста—неволили его родители жениться. Онъ же нижѐ слышать хотѣлъ о женитьбѣ. Они же всѣ силы употребляли, чтобъ женился, и то угрозою, то ласкою, то слезами пону-

*) Изъ книги „Аѳонскіе соврем. подвижники. 1904 г. г. М.“.

Іеросхимонахъ игуменъ Павелъ



Святая Аѳонская гора.
Литографія 1848 г.

ждали исполнить волю ихъ. И онъ, хотя и не пожеланію своему, но покорился своимъ родителямъ и женился. Пожилъ съ женою три года и имѣлъ двухъ дщерей.

Потомъ, въ одну ночь, Петръ въ ложницѣ подошелъ къ своей супругѣ и со слезами началъ ей говорить: «возлюбленная и милая моя сожительница, ты знаешь, какъ я тебя люблю, такожде и дѣтей моихъ, и много мы имѣемъ богатства, но все сіе тлѣнно и скоропреходяще: прійдетъ смерть и любовь нашу расторгнетъ, и насъ вѣчно разлучитъ, и богатство наше останется, а мы должны пойти къ праведному Судіи только съ одними добрыми дѣлами; потому надобно намъ ихъ заготовить, и въ семъ мірѣ Ему послужить, поработать и помолиться». Она же ему отвѣтила: «любезный другъ мой, работай и молись Господу Богу; я тебѣ въ томъ не препятствую, ниже возбраняю; еще и сама тебѣ буду подражательница». Онъ же сказалъ: «любезная моя, отпусти меня въ святый градъ Іерусалимъ поклониться живоносному Христову гробу и прочимъ святымъ мѣстамъ». Она отвѣтила: «пди съ Богомъ,—я тебя отпускаю». Онъ же, видѣвши супруги своей такое благое расположеніе, весьма обрадовался, и началъ выправлять себѣ паспортъ. Хотя родители много тому препятствовали, но не могли удержать, потому что жена и общество отпустили. Губернаторъ, видя его весьма юнаго, трижды призывалъ жену его и уговаривалъ ее, чтобы она его не отпускала; потому что какъ за-границу уйдетъ, не захочетъ возвратиться назадъ. Но она отпустила, полагаясь на волю Божію. Петръ, получивши паспортъ, отправился въ путь; жена провожала его сто верстъ. Было имъ тогда по двадцати одному году. Потомъ стали прощаться, и онъ ей началъ говорить: «любезная моя супруга, Господь сказалъ: «аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матерь, и жену, и чадъ, и братій, и сестеръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ» (Лук. 14, 26). И я хочу быть ученикомъ Господа моего Іисуса Христа; и

не знаю, возвращусь ли назадъ, или нѣтъ. А тебя съ дѣтьми препоручаю единому Богу; и ты помни Его, Создателя, и не забывай; при семъ прости меня и благослови идти въ слѣдъ Христа». Едва успѣлъ сказать сіе, сѣлъ въ повозку и уѣхалъ. Жена, услышавши послѣднія слова, упала на землю, яко мертвая, безъ памяти положили ее въ повозку, и возвратилась въ домъ свой; и плакала десять лѣтъ, все ждала мужа. Потомъ услышавши, что онъ въ святой горѣ Аѳонской постриженъ въ монашество, уже и іеромонахомъ, сама поступила въ Калужскій женскій монастырь, и уже пострижена въ мантію; а дочерей сродники выдали замужъ.

Оставивъ жену и отечество, Петръ поѣхалъ прежде въ Іерусалимъ и поклонился живоносному Христову гробу и прочимъ святымъ мѣстамъ; потомъ заѣхалъ въ св. Аѳонскую гору и, обошедши всѣ монастыри и скиты и всю св. Гору, опредѣлился въ скитъ св. Пророка Иліи, къ малороссіанамъ въ число братства; потомъ постриженъ въ монашество и нареченъ Павломъ; скоро рукоположенъ во іеродіакона и во іеромонаха. Прожилъ онъ въ скиту, въ совершенномъ послушаніи и въ отсѣченіи своей воли, восемнадцать лѣтъ. Тогда наступило смутное военное время; а наипаче грозное Божіе посѣщеніе постигло св. Аѳонскую гору; и пошли братія, кто куда могъ; тогда и скитскіе братія разошлись. Игуменъ Парѳеній съ іеромонахомъ Павломъ и съ немногими братіями, убравши скитъ, всѣ церковныя и скитскія вещи спрятали въ потаенные погреба и кладовыя и засыпали землею; а легкія вещи и деньги взяли съ собою, скитъ заперли и отправились въ Россію, въ Одессу, а оттуда въ Молдавію. Странствовали восемь лѣтъ, много претерпѣли скорбей и почти самую смерть, такъ что никогда о томъ не могъ Павелъ безъ слезъ говорить. Когда перестала война, наступило мирное время, и стали братія возвращаться въ св. Гору; тогда и Павелъ съ игуменомъ Парѳеніемъ возвратились въ св. гору Аѳонскую. Пришедши къ своему Ильинскому скиту, едва

могли въ двѣ седмицы добраться до вратъ: въ восемь лѣтъ весь заросъ великимъ лѣсомъ; почти годъ очищали скитъ и еще три года очищали сады. Сколько они тогда положили трудовъ, только единому Богу извѣстно. И привели скитъ въ совершенный порядокъ. Павелъ постригся въ великую схиму, но имени ему не перемѣнили. Со временемъ собралось братіи въ скиту до сорока человѣкъ.

Въ 1837 году послалъ Господь на скитъ Ильинскій великое искушеніе: по какому-то случаю заразился скитъ чумою, и всѣ почти братія и самъ игуменъ Парѳеній сдѣлались ея жертвою. Въ то время Павелъ ежедневно служилъ литургію, всѣхъ больныхъ зараженныхъ причащалъ и въ схиму постригалъ, и съ немногими остался въ живыхъ, и потомъ высидѣлъ сорокъ дней карантинъ. Послѣ того, собравшись посторонніе братія, греки и всѣ русскіе, подняли изъ монастыря Ксиропотама Пречестное Древо Креста Господня, великую его часть съ отверстіемъ, гдѣ былъ гвоздь, и было въ ходу множество духовенства, съ крестами и хоругвями, и съ великимъ пѣніемъ. И взошли всѣ братія прямо въ скитъ, и никто не убоялся заразы, но положились на волю Господню; и, взошедши въ соборную церковь, отпѣли молебенъ, святили воду и погружали самое Честное Древо; потомъ кропили братій, оставшихся отъ чумы, и весь скитъ. Было всенощное бдѣніе и литургія, и было всѣмъ въ трапезѣ веліе утѣшеніе. Потомъ, по согласію аѳонскихъ братій и своихъ оставшихся, избрали игуменомъ іеросхимонаха Павла и утвердили сіе грамотами. И онъ опять собралъ братій человѣкъ до сорока и устроилъ въ скиту весь общежительный чинъ и порядокъ. Но добра ненавидяй врагъ, діаволъ, возмутилъ малороссіанъ, и возстали они на великороссіанъ, а наипаче на игумена Павла, и многія наводили на него скорби: трижды съ безчестіемъ сгоняли съ игуменства, хотя и паки возводили; а, наконецъ, выгнали со всѣми великороссіанами безъ возврата. Хотя Павелъ скорбѣлъ о томъ, что, тридцать пять лѣтъ про-

жившu въ скиту, послѣ съ безчестіемъ выгнанъ, но не роптaлъ на малороссіанъ и ученикамъ своимъ возбранялъ стропотное о малороссіанахъ говорить, и всегда говорилъ: «малороссіане—великіе намъ благодѣтели; они намъ ходатайствуютъ жизнь вѣчную».

Вскорѣ Господь утѣшилъ Павла: за его смиреніе и безропотность далъ ему, вмѣсто скита, великій царскій монастырь, вмѣсто одноэтажной малой келліи—пятиэтажный корпусъ. Осенью, 1839 г., начали звать отца Павла, со всею братіею, Русскаго Пантелеимонова монастыря отцы, греки, въ свою русскую обитель, на вѣчное жительство. И отецъ Павелъ, по благословенію духовника Арсенія, взошелъ въ древнее русское наслѣдіе, въ Русскій монастырь св. великомученика Пантелеимона; освятилъ первоначально храмъ во имя святителя Митрофана, Воронежскаго чудотворца, обѣщанный іеромонаху Аникитѣ, и прожилъ въ Русскомъ монастырѣ восемь мѣсяцевъ и десять дней, удивляя всѣхъ грековъ своимъ смиреніемъ, терпѣніемъ и послушаніемъ, и давая во всемъ образъ своимъ ученикамъ.

Іюля 28 числа, 1840 года, отецъ Павелъ заболѣлъ и былъ нездоровъ три дня, но литургію служилъ, хотя и съ трудомъ. Августа 2-го числа уже въ церковь идти не могъ, но приказалъ читать утреню у себя въ келліи. По окончаніи полунощницы начали утреню. Шестопсалміе читалъ самъ, съ особеннымъ самоуглубленіемъ, и много слезъ проливалъ, а наипаче на первыхъ трехъ псалмахъ, когда читалъ: «Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи мене. Вонми въ помощь мою, Господи Боже мой, къ Тебѣ утреннюю: возжада Тебе душа моя, коль множицею Тебѣ плоть моя», и проч. (Пс. 37 и 62). Потомъ нѣсколько утѣшился и съ великимъ восторгомъ читалъ: «благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его: благослови, душе моя, Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній Его» и проч. (Пс. 102). Ектеніи уже не могъ сказать, а велѣлъ пропѣть двѣнадцать

разъ «Господи помилуй». Когда начали пѣть: «Богъ Господь и явися намъ, благословенъ грядый во имя Господне»,— онъ предалъ душу свою въ руцѣ Господа своего, Котораго отъ юности возлюбилъ паче родителей, жены и чадъ своихъ, и Которому тридцать шесть лѣтъ поработалъ въ иноческомъ чинѣ.

Воистину, честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его. Скончался безъ всякой болѣзни и страха; умеръ, яко заснулъ сладкимъ сномъ, сидя и повѣсивъ свою голову. Увидѣвши сіе, братія оставили читать утреню, скоро пошли въ соборъ и сказали игумену Герасиму. Изъ собора всѣ пришли къ усопшему. Греки горько о немъ плакали, не имѣя надежды видѣть изъ русскихъ другого такого подвижника, кроткаго и смиреннаго; и не только они, но и братія другихъ обителей св. горы Аѳонской о немъ плакали, услышавъ о его кончинѣ. Игуменъ Герасимъ послалъ по всей горѣ Аѳонской повѣстить всѣмъ русскимъ, чтобы пришли на погребеніе. Погребали его всѣмъ соборомъ русскіе и греки. Игуменъ Герасимъ горько плакалъ. Архимандритъ Прокопій говорилъ надгробное слово и ублажилъ странствіе, скорби и изгнаніе, кротость и смиреніе почившаго. Черезъ три года, по обычаю аѳонскому, откопали его кости, и оказались, по аѳонскому замѣчанію, благодатными: желты яко воскъ, и нѣкое малое испускали благоуханіе. И поставили главу его въ гробницѣ подъ церковію, и написали на главѣ сице: «Іеромонаха Павла Русскаго.

Теперь скажу о его непамятозлобіи. По изгнаніи его изъ скита, сдѣлался игуменомъ въ скиту тотъ, кто болѣе его гналъ, іеромонахъ Акакій, и, поживши полгода игуменомъ, много скитскаго имѣнія расточилъ. И сдѣлалось чрезъ то въ скиту великое смущеніе. Игумена Акакія арестовали и послали за отцемъ Павломъ, и просили его, чтобы сказалъ, какихъ вещей не оказывается; потому что Павелъ зналъ, что есть въ скиту, гдѣ тридцать пять лѣтъ прожилъ. Но

отецъ Павелъ покрылъ и оправдалъ своего врага и, вмѣсто зла, сотворилъ ему благо: сказалъ, что все цѣло, что было прежде. Этому его поступку удивлялась вся гора Аѳонская *).

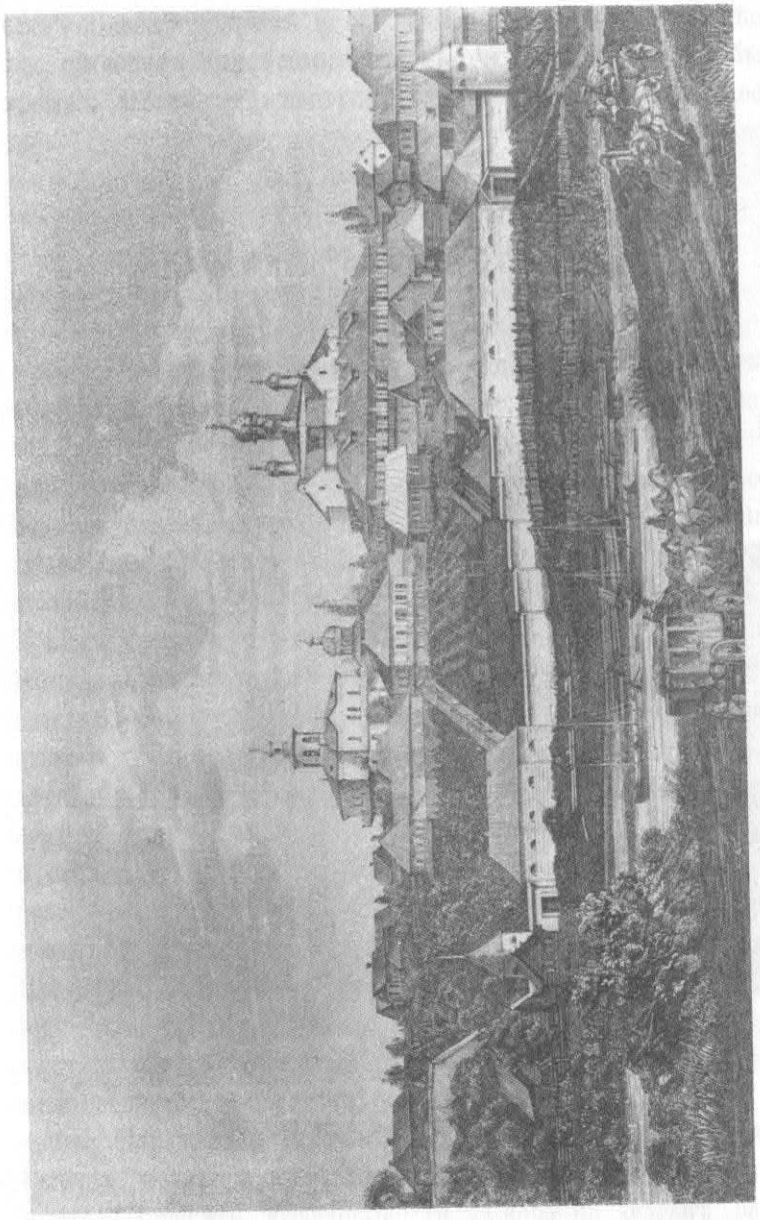
Юродивая Іулитта Уфимская.

(Память 3 августа).

Скончавшаяся въ Уфимскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ и оставившая по себѣ свѣтлую память Христа ради юродивой, Іулитта Борисовна Зуева родилась въ 1807 г. Ея родители Борисъ и Марія были простые поселяне изъ села Воздвиженскаго, Оренбургской губерніи и уѣзда, люди простые и благочестивые, любившіе въ праздники, послѣ недѣльныхъ сельскихъ трудовъ своихъ, посѣщать Божій храмъ. У нихъ, кромѣ Іулитты, былъ еще сынъ Адріанъ. До 15 лѣтъ Іулитта росла и жила въ домѣ родителей, какъ и всякая сельская дѣвушка, отличалась притомъ большою скромностью и трудолюбіемъ. Когда ей было пятнадцать лѣтъ, родители задумали было ее выдать замужъ. Она же въ тайнѣ сердца своего имѣла думу посвятить себя жизни иноческой и съ самыхъ малыхъ лѣтъ уже не ѣла мясной пищи. Глубоко опечаленная намѣреніемъ родителей, она въ горячей молитвѣ искала помощи и утѣшенія у ангела-хранителя и Пресвятой Богородицы, и однажды во снѣ получила указаніе—что ей нужно, чтобы провести жизнь дѣвственную,—идти подвигомъ юродства. Въ ближайшее послѣ этого времени воскресенье Іулитта уже начала этотъ тяжелый подвигъ. Наряженная скромно, но чисто, въ храмъ, къ службѣ, Іулитта, послѣ службы, идучи домой, сѣла въ грязную лужу и стала говорить несообразности. Скоро по деревнѣ разне-

*) См. „Странствованіе и путешествіе по Турціи, Молдавіи и Россіи“, въ 4-й части.

Юродивая Іулитта Уфимская



Благовѣщенскій общежительный женскій монастырь въ г. Уфѣ. Гравюра 1856 г.

слась молва, что «Улитка сдурила». На другой день Іулитта попросила мать, подъ предлогомъ нестерпимой головной боли, остричь ей волосы. Мать остригла ее; она же сняла всю одежду, кромѣ рубашки, и такъ стала ходить по деревнѣ.

Началась тяжелая многоскорбная доля Іулитты, и этотъ крестъ добровольно ради Господа она несла всю свою долгую жизнь! Тяжело ей жилось въ родной деревнѣ: мальчики стали гоняться за нею, осыпая бранью и побоями; доставалось и отъ взрослыхъ. Купивъ пучекъ большихъ иголокъ и ими защищаясь отъ неотвязчивыхъ порою преслѣдователей, Іулитта ночами тайно молилась, а днемъ ходила по избушкамъ и, кому и чѣмъ могла, помогала женщинамъ: то въ тканьѣ, то въ уходѣ за ребятишками. Питалась она только чернымъ хлѣбомъ и водою, а отъ всякой хорошей пищи подъ разными предлогами уклонялась. Вскорѣ умерли ея родители; братъ Адріанъ нанялся въ караульщики, Іулитта же стала совсѣмъ свободною. Въ это время тайно она была духовною дочерью священника Сперанскаго изъ с. Никитинскаго, который былъ человѣкомъ доброй души и очень милостивымъ ко всѣмъ бѣднымъ и безпріютнымъ, особенно сиротамъ. У него она живала по временамъ, и онъ ее постоянно оберегалъ и защищалъ. Порою Іулиттѣ приходилось отъ несдержанныхъ и нецѣломудренныхъ людей испытывать и большія покушенія на ея цѣломудріе, но она твердо охраняла себя, гдѣ скрываясь, гдѣ напередъ обнаруживая въ прямомъ и рѣзкомъ словѣ намѣреніе замышлявшихъ недоброе, и, тѣмъ приводя ихъ въ стыдъ и смущеніе, удерживала отъ дальнѣйшихъ проступковъ: то при всѣхъ устыдитъ, то заберется подъ печку, то исколетъ иголками.

Такая жизнь, полная подвиговъ тайной молитвы и труда, крайняго смиренія и терпѣнія, скоро очистила ея душу и развила ея духовныя силы: она стала вдумчива, опытна въ вопросахъ духовной жизни, въ разумѣніи путей Промысла Божія въ жизни людей, чиста и отзывчива на людское горе,

милостива и тверда въ молитвѣ и надеждѣ на милосердіе Божіе. Подъ благодатнымъ воздѣйствіемъ Іулитта стала предвидѣть будущее, и этимъ даромъ стала обильно служить спасенію своихъ ближнихъ. Прикрывая свое предвѣдѣніе внѣшними несообразностями, она предсказывала будущее и подготовляла этимъ людей, чрезъ что и легче тѣмъ становились посѣщенія Божьей воли. Когда она предузнавала пожаръ, сама одѣвалась на ночь и другихъ заставляла дѣлать то же. Къ бурану начинала храпѣть, какъ лошади къ ненастью. Она носила съ собой мѣшокъ съ иконками, крестами, съ чугункомъ, кружкою и иголками. Кому предстояла скорбь и слезы, тому давала крестъ и говорила, чтобы тотъ человѣкъ вычистилъ и омылъ крестъ. При большой скорби крестъ давала большой, при малой—поменѣе; предъ концомъ скорби приходила и отбирала.

Почти шестьдесятъ три года Іулитта провела въ подвигѣ юродства въ родномъ селѣ и окрестныхъ деревушкахъ, служа ближнимъ словомъ и дѣломъ, молитвами и услугами въ нуждахъ, главнымъ образомъ духовныхъ. Ходила она обыкновенно въ такомъ видѣ: на головѣ носила шапку, подвязанную платочкомъ, на себѣ сверхъ лѣняной рубашки синій сарафанъ, а на ногахъ рваныя лапти, и всемѣрно сама же себя унижала, постоянно приговаривая: «Улитка—дура», и т. п. Когда тѣ, у кого она поживала, начинали ее уважать, она скоро уходила, а кто не обращалъ на нее особеннаго вниманія, у тѣхъ жила подолгу и работала.

Въ двадцатыхъ числахъ іюня 1885 г. Іулитта собралась въ Уфимскій женскій монастырь. Въ это время туда поѣзжали никитинскія келейницы. Съ ними стала проситься ѣхать и Іулитта; ее долго не брали, опасаясь, что она станетъ дурить и имъ благополучно не доѣхать. Іулитта дала слово, что будетъ дорогою вести себя смирно, и дѣйствительно ничѣмъ страннымъ не проявила себя. Дѣвушки мирно доѣхали съ нею до обители, а игуменія Евпраксія всѣхъ ихъ и Іулитту приняла охотно въ свою среду.

До гробовой своей доски Іулитта была благодарна тѣмъ сестрамъ, что привезли ее въ обитель, и не иначе выражалась, что онѣ, привезя ее въ обитель, «заживо ее въ рай свезли». Въ обители старица нашла желанный просторъ своему молитвенному подвигу: посѣщала она и постоянныя службы обители, молилась и тайно по ночамъ. И какъ на родинѣ, такъ и здѣсь она служила ближнимъ данными ей отъ Бога благодатными дарами прозрѣвать въ будущее и давать добрые совѣты. Когда какой либо сестрѣ грозила скорбь, она той начинала кланяться въ ноги. Которой сестрѣ предстояло быть переведенной изъ одной келліи въ другую, приходила къ той Іулитта, садилась на палку и начинала выѣзжать. Если кому-либо изъ сестеръ предстояло получить вѣсть о смерти близкихъ родныхъ, Іулитта приходила въ ихъ келлію и ложилась около кровати на полу, какъ покойникъ. Въ обители существуетъ много разсказовъ о подобныхъ предсказаніяхъ блаженной, точно сбывшихся. Упомянемъ здѣсь объ одномъ. Когда игуменія Евпраксія была уже слаба и хотѣла разъ поѣхать на дачу для поправленія здоровья, а ея келейница заказывала столяру на дачу кровать, Іулитта пришла и стала настойчиво требовать, чтобы дѣлали скорѣй не кровать, а прочный столъ. И сколько ее ни унимали, она не переставала буянить, требуя своего. И что же? Не кровать на дачу, а столъ понадобился, чтобы положить почившую игуменію!

Многіе міряне изъ города, простые и образованные, скорбящіе и нуждавшіеся въ совѣтахъ и наставленіяхъ, въ разрѣшеніи недоумѣнныхъ случаевъ, обращались къ Іулиттѣ и всегда получали отъ нея опытныя указанія и нравственную поддержку. Многихъ она утѣшала, многимъ предсказывала будущее, многихъ вразумляла. Такъ, когда къ ней пришли жившіе небрачно мужчина и женщина, она стала при нихъ браниться грубо, тѣмъ довольно ясно указывая на ихъ безнравственную жизнь. Послѣдніе чрезвычайно были

этимъ потрясены и исправили свою жизнь, вступивъ въ законный бракъ. Другому господину предсказала о бѣгствѣ его жены съ любовникомъ. А одной москвичкѣ она была доброю совѣтницею и успокоительницею ея въ теченіе многихъ годовъ, о чемъ та съ признательностью и сообщила обители письмомъ. Когда нужно и можно было надѣяться на соблюденіе тайны, Іулитта отлагала юродство и говорила прямо, мудро наставляя и совѣтуя лучшее. Такъ одну сестру, собиравшуюся уйти въ міръ, Іулитта, оставивъ юродство, такъ утѣшила, вразумила, наставила, что та уже навсегда осталась подъ крестомъ иноческаго подвига.

Такъ, почти ста лѣтъ отъ роду, скончавъ свой подвигъ, тяжелый и спасительный, но міру незримый, старица перешла въ вѣчную жизнь. Тихо скончалась она, напутствованная всѣми таинствами святыми: покаянія, елеосвященія и пріобщенія Св. Тѣла и Крови Христовыхъ, 3 августа 1903 года. Она погребена въ обители. Ушла она изъ этого міра отъ своей скорбной доли, но оставила по себѣ свѣтлую память, и народная тропинка не заростаетъ къ ея могилкѣ. Какъ падающая звѣздочка оставляетъ на темномъ небосклонѣ яркую полоску свѣта, такъ и Іулитта, скончавшись, оставила по себѣ свѣтлыя и добрыя воспоминанія. Звѣздочный, однако, слѣдъ скоро меркнетъ, но свѣтъ жизни этой юродивой не померкнетъ и останется незабвеннымъ изъ рода въ родъ. И эти воспоминанія о ней будятъ и въ другихъ душахъ теплую вѣру, примиряютъ съ нестроеніями нашей жизни, и сильнѣе влекутъ къ доброй, святой жизни,—и какъ бы говорятъ: все пройдетъ, пройдутъ скорби и печали, но не забудется добро, не забудется та любовь, которую явитъ человѣкъ ближнему. И—никогда не забудется эта память добра, но еще возраститъ и новыя въ свою очередь вѣтки добрыхъ дѣлъ и чистыхъ чувствъ! *).

*) По монастырскимъ запискамъ.

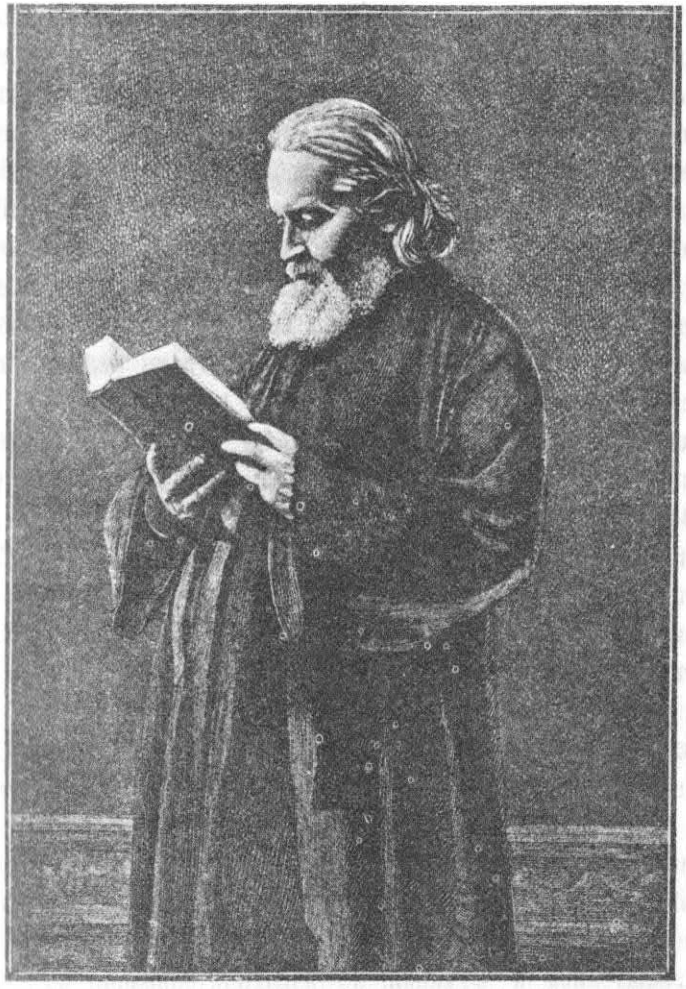
Галицкій протоіерей о. Іоаннъ Григорьевичъ Наумовичъ.

(Память 4 августа).

Іоаннъ Наумовичъ родился 14 января 1826 года въ Галиціи, въ селѣ Козловѣ, Каменецкаго уѣзда, въ домѣ своего дѣда по матери, мѣстнаго приходскаго священника и благочиннаго о. Николая Дроздовскаго. Отецъ его, Григорій Наумовичъ уніатскаго исповѣданія, былъ народнымъ учителемъ въ мѣстечкѣ Бускѣ. По окончаніи народной школы, многосемейные родители отдали его въ Львовъ, гдѣ онъ долженъ былъ самъ искать себѣ средствъ къ существованію. Въ 1839 году онъ нашелъ себѣ пріютъ въ домѣ польской графини Мѣръ, гдѣ имѣлъ случай близко узнать іезуитовъ, которымъ особенно покровительствовала графиня. Лишившись мѣста въ домѣ графини и не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, онъ съ своимъ младшимъ братомъ поступилъ для заработка на вѣтряную мельницу, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ исполняли они самыя тяжелыя работы: носили мѣшки, копали камни и т. п., но вслѣдствіе худого съ ними обращенія бѣжали, въ холодѣ и голодѣ, за 32 мили пѣшкомъ въ Залѣщики, куда переведенъ былъ изъ Буска ихъ отецъ. Въ скоромъ времени Наумовичъ опредѣленъ былъ въ гимназію въ Львовѣ, и по окончаніи курса поступилъ въ философскій классъ русской уніатской духовной семинаріи. Окончивъ въ ней курсъ въ 1851 году, Наумовичъ поступилъ во священники и послѣдовательно занималъ приходы въ пяти мѣстахъ: въ Городкѣ близъ Львова, въ Ляшкахъ, Перемышлянахъ, въ Стрѣльчѣ и, наконецъ, въ Скалатѣ. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, въ 1850 г., Наумовичъ началъ трудиться для народа, участвуя въ тогдашнихъ галицко-русскихъ журналахъ и газетахъ и издавая отдѣльныя популярныя книжки для народа. Главная заслуга его, какъ просвѣтителя галицко-русскаго

народа, состоитъ въ изданіи популярнаго журнала «Наука», который въ первые годы его изданія составлялся почти исключительно изъ его собственныхъ статей, основанной имъ же популярной газеты «Русская Рада», и въ основаніи имъ же просвѣтительнаго «Общества имени Михаила Качковскаго». Лучшая изъ галицко-русскихъ газетъ, издающаяся во Львовѣ «Галицкая Русь» такъ характеризуетъ его значеніе, какъ народнаго писателя: «Наумовичъ указалъ народу путь къ высшимъ идеаламъ, и галицко-русскій народъ всегда будетъ называть Наумовича своимъ просвѣтителемъ. Онъ научилъ народъ его исторіи, научилъ любить свою Церковь, обрядъ, землю, вывелъ народъ изъ тьмы и указалъ путь къ достиженію цѣли, а своими основательными церковно-историческими статьями оживилъ церковную жизнь и твердо и неутомимо отстаивалъ независимость и достоинство Церкви».

На поприщѣ общественно-политической дѣятельности Наумовичъ пользовался выдающимся значеніемъ и извѣстностью,— какъ депутатъ Львовскаго сейма и Австрійскаго парламента, гдѣ онъ отличался ораторскимъ талантомъ и неустрашимостью въ защитѣ правъ народныхъ. Но патріотическая дѣятельность его на политическомъ поприщѣ доставила ему и тяжкія испытанія: онъ привлеченъ былъ къ извѣстному галицко-русскому политическому процессу 1882 года по обвиненію наиболѣе выдающихся галицко-русскихъ патріотовъ въ мнимой государственной измѣнѣ и присужденъ на нѣсколько мѣсяцевъ къ тюремному заключенію. Римскій папа отлучилъ о. Наумовича отъ Церкви, обвинивъ его въ приверженности къ «схизмѣ», т.-е. православію. На отлученіе папы о. Наумовичъ отвѣчалъ извѣстною «апелляціею» къ папѣ Льву XIII, въ которой обстоятельно, на основаніи церковно-историческихъ документовъ, излагалъ исторію и права Русской Церкви въ Галиціи и объяснялъ свою 30-тилѣтнюю пастырскую дѣятельность среди галицко-русскаго народа, но его оправданіе не измѣнило отношеній къ нему высшей духовной уніатской



Галицкій протоіерей Іоаннъ Григорьевичъ Наумовичъ

власти. Лишенный сана и прихода, преслѣдуемый польско-іезуитскими кознями, о. Наумовичъ рѣшился искать душевнаго мира въ лонѣ Церкви православной. 6 октября 1885 г. въ Львовской православной Церкви совершенъ былъ надъ нимъ обрядъ присоединенія къ православію. Съ переходомъ въ православіе немыслимо уже было ему оставаться въ Галиціи, въ виду крайней религіозной нетерпимости въ отношеніи православія, господствующей въ Австріи вообще, и о. Наумовичъ переселился въ Россію, въ гор. Кіевъ, гдѣ былъ сначала епархіальнымъ миссіонеромъ, а затѣмъ поступилъ приходскимъ священникомъ подъ Кіевомъ въ село Борщаговку, въ послѣднее же время оставилъ приходъ, предавшись всецѣло писательскимъ трудамъ на пользу всего великаго русскаго народа. Изъ сочиненій протоіерея І. Г. Наумовича напечатаны въ Россіи на великорусскомъ языкѣ слѣдующія: 1) О Галицкой Руси (въ Славянскомъ сборникѣ, т. 1-й, 1875 г.). 2) Апелляція къ папѣ Льву XIII (Спб. 1883 г.). 3) Братское слово православному христіанину о святости церковнаго обряда (Спб. 1885 г.). 4) Четыре путеводителя доброй жизни (изд. 3-е, 1888 г.). 5) Псалтирникъ (изд. 2-е, 1888 г.). 6) Отецъ Ѳеодоръ—сельско-хозяйственныя бесѣды (1888 г.). 7) Завѣтныя тополи (1888 г.). 8) Степанъ Старозумовъ (1888 г.). 9) Какъ въ простотѣ люди живутъ (1889 г.). 10) Христіанскія добродѣтели (1890 г.). 11) Православный народный календарь на 1890 и 1891 г.г. и 12) Книга для чтенія о сельскомъ хозяйствѣ (1890 г.).

Въ послѣднее время о. протоіерей Наумовичъ сильно былъ занятъ вопросомъ о развитіи пчеловодства на Кавказѣ при мѣстныхъ церковно-приходскихъ школахъ и монастыряхъ и о галицко-русской колонизаціи на Кавказѣ, и съ этою цѣлью отправился туда въ іюнѣ мѣсяцѣ для изученія вопроса на мѣстѣ. Свои наблюденія и впечатлѣнія онъ излагалъ въ интересныхъ путевыхъ письмахъ, печатавшихся въ «Наукѣ» и въ газетѣ «Галицкая Русь». На обратномъ пути съ Кав-

каза въ Кіевъ неожиданно постигла его кончина въ г. Новороссійскѣ 4 августа.

31 іюля, на обратномъ пути съ Кавказа о. Іоаннъ сѣлъ въ Батумѣ на пароходъ, направлявшійся къ Новороссійску, съ тѣмъ, чтобы отсюда по желѣзной дорогѣ возвратиться въ Кіевъ. Вскорѣ по отбытіи изъ Батума, онъ почувствовалъ разстройство желудка, которое такъ усилилось, что 1 августа въ Новороссійскѣ онъ вынужденъ былъ пригласить врача Т. С. По словамъ сего врача, больной въ этотъ день имѣлъ сравнительно удовлетворительный внѣшній видъ и на другія страданія, кромѣ желудка, не жаловался. Что о. Іоаннъ не чувствовалъ ничего особенно угрожающаго его здоровью, видно изъ того, что онъ врача болѣе къ себѣ не требовалъ, да и мѣстнымъ своимъ собратьямъ-священникамъ, съ которыми познакомился въ первый пріѣздъ въ Новороссійскъ по пути на Кавказъ, никому не сообщилъ о своемъ пріѣздѣ въ городъ. Уже 3-го числа прибѣжалъ къ священнику Г. служитель изъ гостинницы Грандъ-Отель съ извѣстіемъ объ опасной болѣзни «какого-то пріѣзжаго священника». Оказалось, что 3 августа утромъ съ о. Іоанномъ случился апоплексическій ударъ. Немедленно перевезли его въ городскую больницу, гдѣ всѣ усилія врачей спасти больного оказались тщетными, и въ 11 часовъ утра 4 августа о. протоіерей скончался. Погребеніе состоялось съ возможною по краткости времени торжественностью на другой же день 5 августа, на городскомъ кладбищѣ. Отпѣваніе совершали четыре городскихъ священника, при чемъ о. Владиміръ Гофманъ сказалъ прочувствованное надгробное слово. Множество народа выказало свое уваженіе къ почившему присутствіемъ на отпѣваніи и сопровожденіемъ покойнаго до могилы, несмотря на отдаленность кладбища.

Неожиданная вѣсть о кончинѣ протоіерея Наумовича въ Галиціи произвела потрясающее впечатлѣніе. Газеты всѣхъ оттѣнковъ и направленій, не только русскія, но и польскія,

и нѣмецкія посвятили ему статьи, выясняющія его значеніе для галицко-русскаго народа. Вотъ какъ отзывается о немъ патріотическая «Галицкая Русь»: «Скончался лучшій сынъ Матери-Руси, угасъ ея свѣточъ, умеръ глашатай истины. Не стало любимца народа, его наставника и учителя... Характеръ чистый, какъ слеза, обширныя знанія, благородная скромность, поэтическая душа, сердце преисполненное доброты и кротости, однимъ словомъ—человѣкъ идеальный». Въ первое время никто не хотѣлъ вѣрить въ дѣйствительность жестокаго удара.

Несмотря на политическія и партійныя страсти, наиболѣе добросовѣстныя мѣстныя польскія газеты воздаютъ должную дань уваженія памяти покойнаго. Gazeta Narodowa, причисляя о. Наумовича къ необыкновеннымъ талантливымъ людямъ, между прочимъ такъ о немъ отзывается: «кто зналъ его близко, тому извѣстно, что его призваніемъ было пастырство, не только въ своемъ приходѣ, но среди всего народа. Имѣлъ онъ къ тому всѣ благородныя свойства сердца и духа, знанія и опытъ. Если кто и отнесется съ порицаніемъ къ его общественной дѣятельности, то долженъ воздать ему особенныя похвалы какъ пастырю, товарищу, сосѣду и принужденъ удивляться его писательскимъ дарованіямъ, его умѣнью художественно владѣть языкомъ русскаго простонародья. Матеріализма, погони за личными выгодами никто не поставитъ ему въ упрекъ». Называя его «знаменитымъ ораторомъ и народолюбцемъ», польская газета признаетъ, что Наумовичъ записанъ на страницахъ исторіи «нашей земли», т. е. Галиціи. Русскія газеты, столичныя и провинціальныя, посвятили памяти покойнаго сочувственные некрологи, во многихъ городахъ совершены торжественныя панихиды по покойномъ. «Кіевское Слово» выражало пожеланіе, чтобы останки покойнаго перенесены были въ Кіевъ на Аскольдову могилу, гдѣ онъ выражалъ желаніе быть погребеннымъ, что потомъ и было исполнено. Это былъ ис-

тинный пастырь, учитель забитаго Галицкаго народа, мученикъ за вѣру православную, исповѣдникъ, пребывшій вѣрнымъ родному народу до гроба *).

Архимандритъ Игнатій Симоновскій.

(Память 4 августа).

Этотъ замѣчательный мужъ былъ возстановителемъ Московскаго Симонова монастыря послѣ его запустѣнія и былъ ученикомъ и постриженникомъ старца Ѳеодора Санаксарскаго. На его надгробномъ памятникѣ есть такая надпись.

«Симонова монастыря архимандритъ Игнатій, природою изъ велико-россіянъ, церковнаго чина, служилъ при дворѣ Ея Императорскаго Величества при казенной сервизной, откуда 15 марта, 1763 года уволенъ; въ 1764 году, генваря 11 дня, по именному указу постриженъ въ Санаксарскомъ монастырѣ строителемъ Ѳеодоромъ Ушаковымъ въ монашество, гдѣ проходя разныя общежительныя послушанія, произведенъ іеродіакономъ и іеромонахомъ. Въ 1776 году переведенъ въ Флорищеву пустынь, гдѣ исправлялъ казначейскую должность; въ 1778 году опредѣленъ въ Введенскую Островскую пустынь строителемъ; въ 1781 году переведенъ въ Николаевскій Пѣшношскій монастырь строителемъ; въ 1788 году марта 20 произведенъ въ Тихфинъ монастырь архимандритомъ. Въ 1795 году апрѣля 4 дня, при возобновленіи Симонова монастыря, переведенъ въ оный для учрежденія общежитія. 1796 года, августа 4 дня скончался. Всего житія его было 65 лѣтъ, изъ нихъ въ монашествѣ провелъ болѣе 33 лѣтъ; во всѣхъ упомянутыхъ монастыряхъ научась учительству, уставилъ общежитія, монастыри въ немалую ветхость пришедшіе поправилъ, братіи былъ примѣромъ добродѣтельнаго

*) Изъ книги „Памяти Наумовича“. 1891 г.

житія, а наипаче нищеты и нестяжанія, шелковыхъ одеждъ онъ на себѣ со вступленія въ монашество не носилъ ни единыя. Былъ къ нищимъ милостивъ, къ бѣднымъ сострадателенъ и братіи былъ благодѣтеленъ, ибо и трапеза его была съ братіей нераздѣльна, гдѣ часто повторялъ слѣдующія слова: се что добро или красно, но еже жити братіи вкупѣ» *).

Старцы Раненбургской Петропавловской пустыни: Мелхиседекъ, Наѳанаилъ, Піоръ, Ириней, Авраамій и Германъ.

(Память 6 августа).

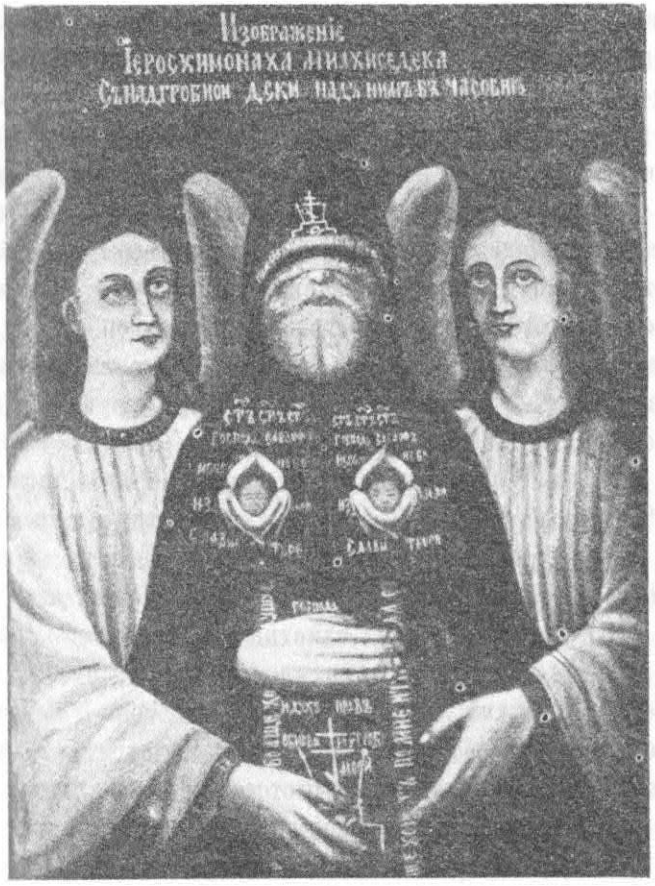
Старцы, особенно просіявшіе иноческими добродѣтелями и чтимые въ Петропавловской пустыни, были слѣдующіе: іеромонахъ Мелхиседекъ, іеросхимонахъ Наѳанаилъ, іеросхимонахъ Піоръ, архимандритъ Ириней и нѣкоторые другіе.

Время жизни и подвиговъ іеросхимонаха Мелхиседека относится къ послѣдней половинѣ XVIII и къ началу XIX-го столѣтія. Онъ былъ родомъ изъ Рязанской губерніи и происходилъ изъ духовнаго званія; родился въ 1727 г.; въ мірѣ носилъ имя Матѳея и былъ уже діакономъ одной изъ церквей г. Михайлова Рязанской епархіи, когда въ 1769 году лишился супруги, скончавшейся въ молодыхъ лѣтахъ и оставившей на его попеченіе четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей: троихъ сыновей и одну дочь.

Не имѣя достаточныхъ средствъ отъ бѣднаго прихода своего, о. Матѳей открылъ у себя на дому школу начальнаго обу-

*) (Историческое описаніе Московскаго Симонова монастыря. М. 1843 г. 103—104 стр. Подлѣ о. Игнатія погребено и семейство Московскаго купца Долгова: Аѳанасія Ивановича, его супруги Гликеріи и родныхъ; это семейство принесло много матеріальныхъ жертвъ на дѣло обновленія Симонова монастыря).

ченія дѣтей приходящихъ и, получая за это нѣкоторое вознагражденіе, вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣтей своихъ обучалъ и содержалъ. Выростивъ, воспитавъ и устроивъ двухъ старшихъ сыновей, онъ выдалъ въ замужество и дочь, и только уже послѣ того рѣшилъ оставить міръ и посвятить себя на служеніе Богу въ чинѣ иноческомъ; это было въ 1780 году. Онъ поступилъ для сего въ Рязанскій Спасовъ монастырь, взявъ съ собою туда и третьяго младшаго сына, поселившагося въ обители на положеніи послушника. Но, по случаю бывшаго тогда разбора церковниковъ, сынъ его, по истеченіи трехъ лѣтъ пребыванія своего въ послушникахъ, со скорбію долженъ былъ оставить и монастырь и отца своего и поступилъ на гражданскую службу. Тогда и отецъ его принялъ постриженіе въ монашество съ именемъ Михаила и вскорѣ по постриженіи былъ посвященъ во іеромонаха. Строгія правила жизни, практическая опытность и разсудительность іеромонаха Михаила были причиною, что его въ томъ же Спасовомъ монастырѣ по времени сдѣлали казначеемъ, а затѣмъ послали исправлять должность строителя въ Данковскій Покровскій монастырь. Здѣсь онъ пробылъ 7 лѣтъ въ этой должности и заслужилъ общее уваженіе и расположеніе со стороны гражданъ, сосѣднихъ помѣщиковъ и братіи, такъ что, когда назначенъ былъ туда новый строитель, которому о. Михаилъ сдалъ дѣла управленія, то жители города наиболѣе почетные, начальствующіе, помѣщики и прочіе и послѣ того, по привычкѣ, въ праздники, по окончаніи богослуженій, и въ другіе дни, посѣщали его, а не новаго строителя, не пользовавшагося такимъ расположеніемъ. Такія отношенія, понятно, не нравились послѣднему, и онъ прибѣгъ даже къ клеветѣ на о. Михаила предъ тогдашнимъ Рязанскимъ преосвященнымъ Симономъ (Лаговымъ). Мудрый и проницательный архипастырь хорошо зналъ и цѣнилъ о. Михаила и потому не довѣрился клеветѣ, а, вызвавъ ихъ обоихъ въ Рязань и ближе узнавъ въ чемъ дѣло, хотѣлъ



Іеросхимонахъ Мелхиседекъ

было уже лишить новаго строителя его должности и на его мѣсто поставить о. Михаила, но послѣдній, какъ на неудовольствія строителя въ Данковѣ, громко и грозно выражаемыя, всегда отвѣчалъ смиренными словами: «я не виноватъ въ томъ, что ко мнѣ, а не къ вамъ приходятъ», такъ и теперь смиренно, но все же усиленно сталъ упрашивать владыку не возлагать на него бремени строительской должности. Тогда преосвящ. Симонъ, устроивъ между ними примиреніе, строителя отпустилъ на свое мѣсто съ обличеніемъ и наставленіемъ, а о. Михаила съ любовію и миромъ перемѣстилъ въ Солотчинскій монастырь, наградивъ его набедренникомъ. Въ Солотчѣ о. Михаилъ прожилъ также нѣсколько лѣтъ, честно подвизаясь въ иноческихъ добродѣтеляхъ. Но преклонныя лѣта и сопряженныя съ ними немощи старца побудили сына его (младшаго), служившаго въ Рязани на гражданской службѣ, перемѣстить его въ Рязанскій Троицкій монастырь, гдѣ была учреждена больница. Чрезъ два года по учрежденіи своемъ эта больница переведена была въ Раненбургскую Петропавловскую пустынь, и посему всѣхъ пятерыхъ штатныхъ больничныхъ старцевъ также сюда перевели, въ томъ числѣ и о. Михаила. Это было въ 1807 году 10-го сентября. Прибывъ въ пустынь и увидѣвъ ея богослужебные и иноческіе порядки, старецъ сильно возрадовался духомъ. Онъ тогда же писалъ сыну своему, что его вселили сюда, какъ въ вертоградѣ, поистинѣ, душеспасительный: что сколько онъ ни обошелъ монастырей въ своей жизни, нигдѣ не находилъ такого добраго порядка, какъ здѣсь; даже высказывалъ глубокое сожалѣніе, что такъ поздно поступилъ въ сію обитель,— это было при о. строителѣ Авраміи, введшемъ чинъ богослуженія Санаксарскій и общежитіе. Пробывъ въ Петропавловской пустыни около 8 мѣсяцевъ въ санѣ іеромонаха, о. Михаилъ, предчувствуя близость конца своего земнаго проприща, пожелалъ облечься въ великую схиму. 27 апрѣля 1808 года онъ и былъ облеченъ

въ схиму съ именемъ Мелхиседека. Въ санѣ іеросхимонаха онъ въ пустыни пробылъ еще 1 годъ слишкомъ, а всего въ Петропавловской пустыни провелъ онъ, такимъ образомъ, безъ малаго два года. Блаженная кончина его послѣдовала 6 августа 1809 года. Бывъ помѣщенъ сначала въ свѣтлой келліи больничнаго корпуса, въ углу близъ Предтеченской церкви, онъ самъ пожелалъ, считая себя недостойнымъ такой келліи, по смиренному сознанію грѣховности своей, перемѣститься въ болѣе тѣсную и темную келлійку подъ восточною башнею, и тамъ то, подвизаясь въ непрестанной молитвѣ и другихъ иноческихъ добродѣтеляхъ, сподобился предузнать кончину свою за три дня. Онъ объявилъ о семъ тогдашнему отцу строителю Авраамію, испросилъ у него дозволенія вырыть себѣ могилу и самъ началъ рыть ее, но по немощи только на четверть вырылъ ее, оставивъ чрезъ то лишь знакъ, гдѣ ей должно быть; затѣмъ призвалъ духовника, исповѣдался и пріобщился Св. Таинъ; послѣ того, по желанію старца, и елеосвященіе надъ нимъ совершено, при каковомъ совершеніи находился самъ о. строитель. Въ назначенный для кончины день, въ праздникъ Преображенія Господня 6 августа, строитель присылалъ своего келейника навѣдаться о старцѣ, и старецъ сказалъ, что еще не пришелъ часъ кончины, но что истину говоритъ онъ объ отшествіи своемъ въ иной міръ въ тотъ же день. Во время литургіи старецъ облекся въ схиму и, несмотря на немощь, самъ вышелъ изъ келліи своей и приказалъ келейнику вынести войлокъ, обрубокъ дерева (чуракъ) и подушку и изъ сего приготовить ему постель близъ мѣста могилы своей. Когда все это было приготовлено, старецъ прослезился, сполчаса времени усердно молился, обратясь лицемъ къ церкви и затѣмъ, возлегши на войлокъ, сказалъ вслухъ келейнику: «прощай, брате», и въ ту же минуту испустилъ духъ. Видя все это, послушникъ тотчасъ же по кончинѣ старца побѣжалъ къ о. строителю и сообщилъ ему о всемъ бывшемъ.

Строитель и братія прямо по окончаніи литургіи пошли на приготовленное для могилы мѣсто и, увидѣвъ старца Мелхиседека подлинно скончавшагося, дивились совершившемуся, согласно предсказанію, видя въ семъ знаменіе богоугодной жизни старца; тотчасъ же совершили литію надъ усопшимъ, изготовили гробъ, вырыли могилу, продолживъ начатое самимъ почившимъ, и съ великою честію, при множествѣ собравшагося отовсюду народа, совершили отпѣваніе останковъ блаженно почившаго. Предузнавъ кончину свою, старецъ іеросхимонахъ Мелхиседекъ предсказалъ и сыну своему, что будетъ жить въ Раненбургской Петропавловской пустыни и навсегда поселится въ ней, когда этотъ сынъ былъ еще женатымъ. Такъ и случилось. Не прошло и пяти лѣтъ послѣ кончины старца, какъ сынъ его овдовѣлъ и водворился въ пустыни, принявъ иноческій образъ въ 1814 году.

Многое и другое, по сохранившимся въ обители преданіямъ, ясно свидѣтельствовало о богоугодной жизни старца-подвижника. Такъ, о немъ повѣствуется, что однажды онъ, по особому устроенію Божію, невредимо влѣзалъ въ печь, съ огнемъ, въ квасоварнѣ, для испытанія прочности поставленнаго въ нее котла, съ кипящею водою, и тѣмъ привелъ въ ужасъ и удивленіе братію, бывшую въ квасоварнѣ. Другой случай былъ уже по кончинѣ старца. У одного купца была больна ракомъ въ груди жена, и всѣ врачи отказались лѣчить ее, и когда супруги отчаявались уже, ночью во снѣ больной является старецъ и велитъ ѣхать въ Раненбургскую Петропавловскую пустынь и тамъ отслужитъ сперва молебенъ Божіей Матери, а потомъ панихиду на могилѣ его, старца, и, взявъ земли съ могилы послѣдняго, приложить къ больному мѣсту. На вопросъ: «какъ имя его?» Онъ отвѣчалъ: «Мелхиседекъ». Скорбящіе мужъ и жена такъ и сдѣлали, и послѣ того больная скоро поправилась. Въ благодарную память о семъ они привезли въ пустынь и поставили на могилѣ старца кованное изъ серебра надгробіе съ высѣчен-

ною на немъ фигурою старца и надписью: «Іеросхимонахъ Мелхиседекъ».

Другое чудное дѣло по кончинѣ старца совершилось съ іеросхимонахомъ Наѳанаиломъ къ описанію жизни котораго мы теперь и переходимъ.

Іеросхимонахъ Наѳанаилъ, въ мірѣ Никифоръ Борисовичъ, родился 13 марта 1779 года и происходилъ изъ государственныхъ крестьянъ деревни Колчанки, прихода Малаго

Іеросхимонахъ Наѳанаилъ

Жерновца, Ливенскаго уѣзда Орловской губерніи. У родителей его были еще четыре дочери, но сыновей не было, и потому онъ, какъ единственный сынъ, былъ горячо любимъ и особенно заботливо взлелѣянъ своими родителями. Рано обнаружилъ онъ, вмѣстѣ съ красотой внѣшней, и признаки внутренней духовной красоты. Онъ обладалъ смѣтливостію, разумностію, предпріимчивостію, живостію характера, впечатлительностію и мягкосердечіемъ. Еще въ дѣтствѣ Никифоръ однажды въ церкви услышалъ слова Господа Іисуса Христа: *иже аще речетъ слово на Сына Человѣческаго, отпустится ему; а иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій* (Матѳ. 12, 32), и слова эти такъ врѣзались въ его сердце, что онъ послѣ того всегда, вспоминая эти слова, отгонялъ отъ себя хульные помыслы. Помѣщикъ ихъ села, зная и цѣня отца его, самъ предложилъ ему дать воспитаніе его сыну вмѣстѣ съ своими дѣтьми, но отецъ не отпустилъ сына, какъ единственнаго отъ себя.

Между тѣмъ, чтобы не дать ребенку своему остаться безъ образованія, пользу котораго родители хорошо видѣли на другихъ, они отдали его учиться въ сельское училище, но ненадолго. Опасаясь того, чтобы сѣмена добраго домашняго воспитанія не заглохли въ сынѣ отъ обращенія съ сверстниками, родители Никифора, взявъ его изъ училища, отдали въ ученіе приходскому священнику. Мальчикъ обнаружилъ быструю воспріимчивость, понятливость и способность запоминанія и оказалъ хорошіе во всемъ успѣхи, будучи за это, такъ же какъ и за благонравіе, кротость и послушаніе, весьма любимъ своимъ наставникомъ. Въ свободное отъ ученія время онъ не пропускалъ ни одной церковной службы, при чемъ, имѣя большую охоту къ пѣнію и чтенію, становился на клиросъ, читалъ и пѣлъ вмѣстѣ съ причетниками. Довершилъ отрокъ Никифоръ свое образованіе у одного канцелярскаго чиновника, который также, видя его добронравіе и совершенное послушаніе и ласковость въ обращеніи, настолько полюбилъ его, что ничего не взялъ съ него за обученіе.

Окончивъ несложный курсъ образованія своего, Никифоръ Борисовичъ поступилъ въ лавку къ одному ливенскому торговцу мѣщанину; затѣмъ, на такомъ же положеніи былъ еще въ Ельцѣ и Москвѣ; а, наконецъ, и самъ, выписавшись въ мѣщане, началъ свою торговлю мелочнымъ товаромъ.

Еще будучи у чужихъ людей, онъ подвергался искушеніямъ обмана покупателей (съ помощію обвѣса) и утайки хозяйскихъ денегъ, но Господь тѣмъ или инымъ способомъ скоро вразумлялъ его и направлялъ на лучшее, показывая всю низость этого порока; поэтому, когда Никифоръ Борисовичъ сталъ вести самостоятельную торговлю, то, наученный опытомъ тому, что ни одно порочное дѣйствіе не остается не наказаннымъ, велъ дѣло свое съ неуклонною честностію; за это и его Господь ущедрялъ Своими милостями и споспѣшествованіемъ успѣху его торговли, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и прямо являлъ ему Свое особенное небесное покровительство. Такъ, когда однажды онъ, въ бытность свою на казенной ярмаркѣ въ Курскѣ, велъ куда-то лошадь свою по полю, страшная туча собралась надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ шелъ, громъ гремѣлъ перекатами, и вдругъ молнія, освѣтивъ его ослѣпительнымъ блескомъ, поразила веденную имъ лошадь, и она пала мертвою, а онъ самъ остался цѣлъ и невредимъ, вознося благодарность Богу за свое спасеніе.

Такъ какъ Господь между прочими милостями наградилъ Своего вѣрнаго раба и тѣлеснымъ благообразіемъ, то многіе родители не только изъ купцовъ, но и изъ дворянъ, зная и любя его, желали имѣть его своимъ зятемъ, и многія дѣвицы—своимъ супругомъ; но онъ уклонялся,—для видимости, подъ тѣмъ предлогомъ, что, когда де наживетъ побольше собственнаго своего состоянія, тогда и женится, а въ глубинѣ души уже въ юности рѣшилъ посвятить себя дѣвственной жизни.

Тайнымъ желаніемъ Никифора Борисовича было идти на Аѳонъ и тамъ спасаться, но прежде, нежели исполнить свое намѣреніе, онъ рѣшилъ посовѣтоваться со старцами-иноками русскихъ обителей и для этого отправился въ Задонскъ. Одинъ изъ задонскихъ старцевъ сказалъ ему: «зачѣмъ тебѣ ходить на Аѳонъ? Оставайся здѣсь у насъ и живи такъ, какъ живутъ на Аѳонѣ; вотъ тебѣ и Аѳонъ». Онъ послушался совѣта старца и былъ сопричисленъ къ братству Воронежскаго Задонскаго монастыря. Довольно скоро, несмотря на молодость Никифора, всѣми замѣчена и оцѣнена была въ обители его духовная мудрость и опытность, и настоятель обители благословилъ ему подавать совѣты и наставленія желающимъ изъ приходящихъ богомольцевъ. Въ числѣ послѣднихъ къ нему начала было приходить и одна изъ тѣхъ дѣвицъ, которыя желали имѣть его своимъ женихомъ и супругомъ, особенно полюбившая его и давшая себѣ слово или за него только одного выйти замужъ, а болѣе ни за кого, или же, въ случаѣ его непреклонности въ намѣреніи не жениться, пойти въ монастырь. Никифоръ скоро понялъ, какую тайную причину имѣли для себя ея частыя посѣщенія его келліи; онъ рѣшительно воспретилъ ей приходить къ нему и тѣмъ пресѣкъ дальнѣйшее поползновеніе къ искушенію. Съ дѣтства имѣя большую любовь, какъ говорено было выше, къ чтенію и пѣнію въ церкви, Никифоръ теперь, въ обители, еще болѣе развивалъ и укрѣплялъ въ себѣ эту святую любовь, вмѣсто грѣшной любви къ земной красотѣ. Онъ былъ въ числѣ монастырскихъ пѣвчихъ и пѣлъ басомъ. Однажды, когда онъ съ другими пѣвчими находился въ пѣвческой комнатѣ, въ нее вошелъ извѣстный и всѣми чтимый за свою святую жизнь затворникъ Иларіонъ, жившій въ селѣ Троекуровѣ Тамбовской губерніи, Лебедянскаго уѣзда. При видѣ старца, убѣленнаго сѣдинами и украшеннаго подвигами добродѣтели, въ комнатѣ водворилась тишина, и взоры всѣхъ обратились къ старцу. Подвижникъ, окинувъ взоромъ всѣхъ и никому не говоря ни слова, кромѣ общаго привѣтствія, остановилъ свое вниманіе на послушникѣ Никифорѣ и сказалъ: «вотъ этотъ годится въ затворники».

Находясь въ Задонскомъ монастырѣ, Никифоръ Борисовичъ подвергался опасности быть отданнымъ въ военную службу по разбору. Но и опять Господь уберегъ его для высшей, духовной службы Царю небесному. Задонскій городничій при-

нялъ живое участіе въ немъ, взялъ его въ свой домъ и въ три мѣсяца выхлопоталъ ему право на полное отрѣшеніе отъ міра, а слѣдовательно и отъ военной службы, для опредѣленія въ монастырь. Указомъ консисторіи ему опредѣлено было сопричислиться къ братству Алексіевскаго монастыря. Здѣсь онъ пробылъ два года и сдѣланъ былъ рясофорнымъ; при чемъ, такъ какъ онъ имѣлъ хорошій голосъ и велъ себя примѣрно, его еще въ рясофорѣ представляли было къ рукоположенію въ іеродіакона; но тогдашній Воронежскій Преосвященный нашелъ это не бывалымъ и велѣлъ отложить дѣло до полнаго постриженія его въ мантію, каковое постриженіе, а затѣмъ и рукоположеніе въ іеродіакона и совершилось въ непродолжительное за тѣмъ время. Изъ Алексіевскаго Воронежскаго монастыря іеродіаконъ Никодимъ—такъ переименованъ былъ Никифоръ при постриженіи въ ангельскій образъ,—переходилъ въ разные монастыри и между прочимъ жилъ нѣкоторое время (лѣтъ 6) въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ. Это было при архимандритѣ Герасимѣ (1810—1821 г.г.). Здѣсь Господь, молитвами угодника Своего преподобнаго Сергія, совершилъ надъ нимъ новую милость. Его мучила сильная лихорадка. Изнемогая подъ бременемъ ея, инокъ Никодимъ, какъ самъ о себѣ разсказывалъ, пришелъ въ храмъ обители, въ которомъ придѣлъ посвященъ былъ преподобному Сергію, Радонежскому чудотворцу, и палъ предъ иконою Преподобнаго, съ великимъ усердіемъ и слезами умоляя его объ избавленіи отъ болѣзни. «Молился я, — разсказывалъ онъ самъ,—съ такимъ горячимъ чувствомъ, какого, кажется, послѣ никогда не бывало». И угодникъ Божій услышалъ молитву скорбящаго труженика обители, основанной его ученикомъ и сродникомъ; онъ не умедлилъ своею помощію. Проснувшись отъ сна послѣ такой молитвы, іеродіаконъ Никодимъ почувствовалъ облегченіе, и съ этого времени лихорадка оставила его. Но главнѣйшимъ мѣстомъ подвиговъ иноческой жизни для отца Никодима была именно Ранен-

бургская Петропавловская пустынь. Еще будучи въ Задонскѣ, молодой тогда подвижникъ иноческой жизни послушникъ Никифоръ видѣлъ въ видѣніи эту пустынь, какъ самъ о томъ разсказывалъ послѣ, живя въ этой самой пустыни.

Въ Петропавловской пустыни о. Никодимъ подвизался и жилъ долѣе всего, именно около 40 лѣтъ. Здѣсь онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха архимандритомъ Рязанскимъ Евгеніемъ (Казанцевымъ) въ 1834 году въ Никольской Ямской церкви, здѣсь былъ нѣкоторое время казначеемъ и здѣсь-же въ 1844 году принялъ великую схиму съ именемъ Наѳанаила. Но, между тѣмъ какъ до рукоположенія въ іеромонаха о. Наѳанаилъ былъ весьма крѣпокъ ногами и никогда не садился во время богослуженія, со времени этого рукоположенія Господь посѣтилъ его болѣзнію ногъ, не оставлявшею его до кончины и происходившею, конечно, отъ продолжительныхъ стояній при богослуженіяхъ и на молитвѣ келейной. Эта болѣзнь и была причиною того, что онъ оставилъ всѣ послушанія по обители, и жилъ только для Бога и для спасенія своего и ближнихъ.

О. Наѳанаилъ былъ для многихъ и питателемъ, и безмездымъ врачемъ, и молитвенникомъ, и опытнымъ духовнымъ совѣтникомъ. Получая довольно значительныя по цѣнности и обильныя числомъ приношенія отъ разныхъ лицъ, онъ ничего не оставлялъ для себя самого, довольствуясь весьма немногимъ и ведя самый строгій, умѣренный образъ жизни, а все отдавалъ или въ обитель, или бѣднымъ, неимущимъ. Когда приходили къ нему съ разнаго рода болѣзнями, часто даже весьма серьезными—каковы: ракъ, чахотка, водянка и др., или сообщали ему о таковыхъ болѣзняхъ, прося исцѣленія и облегченія отъ нихъ, то онъ обыкновенно выслушаетъ внимательно, воздохнетъ со скорбящимъ о болѣзни и пожалѣетъ его, помолится и, утѣшая его своими словами, скажетъ своему келейнику, чтобы тотъ сходилъ на чердакъ келліи его и досталъ изъ мѣшка № такой-то травы, и дастъ

болящему, приказывая оттапливать воду и пить ее или прикладывать къ больнымъ мѣстамъ, примачивать ихъ и т. д. И если не полное исцѣленіе, то облегченіе бывало послѣдствіемъ такого употребленія лѣкарства старца. Вѣра въ силу благодатную, врачевавшую молитвами старца болѣзни, была такъ велика, что нерѣдко обращались къ нему и въ такихъ, напримѣръ, случаяхъ, когда во время скотскаго падежа бѣдному человѣку нужно было купить по дешевой цѣнѣ уже заболѣвшую корову, чтобы прокормить молокомъ свою семью. По молитвамъ старца, корова, считавшаяся уже безнадежной, будучи приведена во дворъ бѣдняка, выздоравливала, и семья была «съ коровушкою». Какъ малымъ довольствовался самъ о. Наѳанаилъ, щедрою рукою раздававшій милостыню и благодѣтельствовавшій обители и другимъ, это видно изъ того, что онъ ежедневно вкушалъ только супъ изъ картофеля съ черносливомъ, или уху изъ окуней, ершей и под. и манную кашицу или клюквенный кисель, при чемъ кастрюли, въ которыхъ варилось то и другое были—для супа вмѣстимостію лишь въ $2^1/_2$ стакана чайныхъ воды, а для каши въ $1^1/_2$ стакана, и этой малой мѣры старцу хватало на обѣдъ и на ужинъ. И во всемъ старецъ наблюдалъ мѣру, на все у него было назначено свое время. Свободное отъ молитвы, богослуженія и другихъ занятій время о. Наѳанаилъ употреблялъ на разнаго рода рукодѣлія, подобно инокамъ восточныхъ православныхъ обителей, какъ-то: на переплетъ книгъ, уборку иконъ, клееніе коробочекъ, вязаніе четокъ и др. Будучи очень умѣренъ и на сонъ, старецъ нерѣдко ночью выходилъ изъ своей келліи и гулялъ по обители съ костылькомъ своимъ, занимаясь богомысліемъ и умною молитвою, и братія обители нерѣдко видѣла его такъ ходящимъ въ бѣломъ подрясникѣ или халатикѣ и въ схимонашеской шапочкѣ, съ четками въ лѣвой и съ костыликомъ въ правой рукѣ. Сила молитвы и слова его были такъ велики, что и бѣсы трепетали его. Однажды среди ночи прибѣжалъ

къ нему проживавшій въ г. Раненбургѣ близъ церкви затворникъ, по имени Ѳеодоръ Васильевичъ, прося у него защиты противъ нападенія бѣсовъ. Когда затворникъ разсказалъ о. Наѳанаилу о своемъ страхованіи, старецъ спокойно выслушалъ его разсказъ и съ улыбкою сказалъ ему: «какъ это не съѣли тебя бѣсы?! Какъ не догнали по дорогѣ изъ келліи?! Какой же ты затворникъ, если боишься вражія мечтанія? Какой ты воинъ, если бѣжишь съ поля брани, гдѣ нужно стоять до капли крови»? Онъ затѣмъ далъ затворнику наставленіе, увѣщевалъ не бояться мечтаній бѣсовскихъ и побѣждать бѣсовъ молитвою, смиреніемъ и терпѣніемъ. Затворникъ былъ ободренъ словами старца и, исполненный рѣшимости бороться до смерти съ врагами своего спасенія, вернулся въ свою келлію, и что же? По молитвамъ старца, онъ нашелъ въ ней все въ прежнемъ порядкѣ и на прежнемъ мѣстѣ, и только дверь въ келліи была нѣсколько пріотворена вслѣдствіе поспѣшнаго бѣгства изъ нея самого хозяина келліи.

Весь духъ и собственнаго подвижничества о. Наѳанаила, и его благотворнаго вліянія на другихъ выразился въ слѣдующихъ его изреченіяхъ: «Непрестанно молитеся, и непрестанно кайтеся, и о всемъ благодарите, всѣхъ любите, и не воздавайте зла за зло. Вся вамъ любовію да бываютъ. Благотворенія не забывайте».

Съ теченіемъ времени, отъ старости и отъ усиленныхъ подвиговъ, немощи отца Наѳанаила усилились, и такъ какъ онъ, для излѣченія или облегченія своихъ болѣзней, не желалъ принимать никакихъ медицинскихъ средствъ, то эти немощи сильно удручали его тѣло и дѣлали мучительными его болѣзни. Но никто никогда не слышалъ отъ старца жалобы на свои болѣзни. Смиреніе и терпѣніе его служили дивнымъ образомъ для всѣхъ. Еще года за три до своей кончины онъ испыталъ сильный недугъ, въ виду котораго келейники и братія думали даже, что старецъ умретъ. Но

когда келейникъ посему сталъ было напоминать старцу объ исполненіи обѣщанія—благословить его, келейника, иконою Спасителя, старецъ, какъ бы предвидя свое исцѣленіе отъ болѣзни, сказалъ ему: «еще успѣешь». И старецъ выздоровѣлъ и прожилъ еще три года. Предъ кончиною онъ опять сильно захворалъ и, не желая опять прибѣгнуть къ земной врачебной помощи, только по просьбѣ многихъ дѣтей своихъ духовныхъ рѣшился на то, чтобы отслужить молебенъ о здравіи его предъ Корсунской иконою Божіей Матери. И онъ получилъ снова облегченіе отъ своей болѣзни, но опять ненадолго. Удостоившись благодатнаго видѣнія, предуказывавшаго ему его будущее блаженное состояніе въ раю, старецъ навѣки почилъ сномъ праведника 11 марта 1861 г., въ полномъ сознаніи и вполнѣ истинно по-христіански приготовившись къ переходу въ загробную жизнь. Быстро и весьма многіе узнали о кончинѣ его, и множество народа, несмотря на распутицу, изъ ближнихъ и дальнихъ селеній, собралось въ обитель, чтобы отдать послѣдній долгъ глубокочтимому старцу. Панихиды, по усердію почитателей почившаго, совершались безпрерывно и днемъ и ночью, такъ какъ слишкомъ много было желавшихъ отдать почившему послѣдній долгъ. Отпѣваніе старца совершалъ о. игуменъ съ братіею, и тѣло почившаго погребено было въ могилѣ, въ которую угломъ входилъ гробъ упомянутаго раньше старца Мелхиседека. Когда о. Наѳанаилъ былъ казначеемъ обители, для кого-то ему пришлось отдавать приказъ копать могилу. Рабочіе копали, повидимому, на свѣжемъ мѣстѣ, но когда выкопали землю на нѣкоторой глубинѣ, то напали на гробъ еще свѣжій и крѣпкій и доложили о семъ казначею. О. Наѳанаилъ, отославъ рабочихъ обѣдать, самъ полюбопытствовалъ раскрыть крышку гроба и посмотрѣть, чье тѣло положено въ немъ. Открывъ гробъ, онъ увидѣлъ въ немъ тѣло іеросхимонаха, вполнѣ сохранившееся и даже съ одеждою неистлѣвшею. О. Наѳанаилъ и далѣе простеръ свое

любопытство: онъ попробовалъ взять за волосы бороды покойника и потянуть ихъ, чтобы испытать ихъ крѣпость; волосы оказались совершенно крѣпкими. Тогда на о. Наѳанаила напалъ большой страхъ и ужасъ, и онъ поспѣшно вылѣзъ изъ могилы и тогда же приказалъ зарыть могилу, а для новаго покойника вырыть могилу на другомъ мѣстѣ. Въ первую же ночь послѣ того ему во снѣ явился схимникъ съ посохомъ въ рукахъ и грозно спросилъ его: «кто позволилъ тебѣ прежде времени открывать мой гробъ, да еще и за волосы дергать меня»? О. Наѳанаилъ отъ страха проснулся и болѣе не могъ уснуть въ ту ночь. То же повторилось и въ другую и въ третью ночь, притомъ все грознѣе и грознѣе былъ являвшійся схимникъ. Тогда о. Наѳанаилъ пошелъ на могилу послѣдняго, кланялся надъ нею, со слезами прося прощенія у него и въ то же время обѣщая поставить памятникъ надъ его могилою, и сдѣлалъ надъ нею на 4-хъ столбахъ кирпичную часовню съ навѣсомъ. Потомъ о. Наѳанаилъ началъ доискиваться свѣдѣній о томъ, кто былъ этотъ чудный схимникъ, и, наконецъ, гдѣ-то въ ризницѣ, за шкафомъ, нашелъ небольшую старую тетрадь, содержащую въ себѣ краткую запись о жизни и подвигахъ старца, который и оказался іеросхимонахомъ Мелхиседекомъ.

Блаженной памяти іеросхимонахъ Піоръ происходилъ отъ благочестивыхъ родителей изъ крестьянъ Раненбургскаго уѣзда, Рязанской губ., деревни Набережной и родился въ 1822 г., въ св. крещеніи былъ названъ Прокопіемъ. Часто посѣщая церковныя службы, онъ усердно молился о такомъ устройствѣ своей жизни, которое вело бы прямымъ путемъ къ спасенію души его. Усердіе его къ посѣщенію церковныхъ службъ было столь велико, что однажды онъ въ незначительный церковный праздникъ пошелъ въ свой приходскій храмъ съ намѣреніемъ тамъ помолиться, но тамъ службы не совершалось; тогда молодой богомолецъ отправился въ близъ лежавшее сосѣднее село, но и тамъ службы не оказалось, и

только въ слѣдующемъ по дорогѣ селѣ, уже значительно отдаленномъ отъ его деревни, онъ засталъ службу. За такое усердіе Прокопій, будучи еще 17 лѣтъ, удостоился во снѣ таинственнаго видѣнія Самого Господа Христа.

Желая отречься отъ міра и всецѣло посвятить себя на служеніе Господу, Прокопій отправился къ жившему въ то время неподалеку прозорливому затворнику о. Иларіону, и тотъ, на вопросъ о средствахъ и мѣстѣ для спасенія души, прямо и положительно сказалъ, что онъ, по Божіей милости, будетъ спасенъ на всякомъ мѣстѣ. И вотъ, имѣя отъ роду 24 года, въ февралѣ 1846 года, Прокопій поступилъ въ Раненбургскую Петропавловскую пустынь въ число послушниковъ. Примѣрной жизни и прозорливый старецъ іеросхимонахъ о. Наѳанаилъ, благословляя вновь поступившаго послушника на новую жизнь, далъ ему, какъ наилучшій совѣтъ: волю свою оставить за воротами монастыря. «Я,—говорилъ ему старецъ іеросхимонахъ,—и теперь готовъ исполнять самыя трудныя послушанія, покоряясь, согласно данному обѣту, волѣ Божіей и начальствующихъ».—Совѣтъ старца палъ на добрую почву. Прокопій, отъ природы бывшій кроткаго, ровнаго характера, смирялъ себя еще болѣе въ обители и исполнялъ въ ней безпрекословно самыя трудныя послушанія и работы: рылъ и кололъ пеньки для монастырской кухни, топилъ баню и т. п. Пробывъ на этихъ работахъ полтора года, онъ затѣмъ опредѣленъ былъ на послушаніе въ трапезу и здѣсь находился 15 лѣтъ, почти до самаго рукоположенія своего во іеродіакона, бывъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Пимена, 17 іюня 1856 г., рукоположенъ во іеродіакона 23 января 1865 года, и во іеромонаха 30 іюня 1868 года.

Будучи младшимъ іеромонахомъ, онъ радовался сердечно тому, что стоялъ ниже всѣхъ въ церковныхъ службахъ и другихъ случаяхъ и, наоборотъ, плакалъ отъ огорченія, когда получилъ повышеніе по службѣ. Много добра дѣлалъ о.

Іеросхимонахъ Піоръ

Пименъ, подавая мудрые совѣты и наставленія обращавшимся къ нему изъ братіи и постороннихъ лицъ, всѣхъ принимая съ любовію и служа каждому соотвѣтственно его духовнымъ нуждамъ. Всегда отъ него можно было услышать слово утѣшенія въ скорби и имѣть его молитвенникомъ объ избавленіи отъ бѣдъ и напастей. По его богоугоднымъ молитвамъ многіе больные и бѣсноватые получали исцѣленіе, боримые вражьими искушеніями находили подкрѣпленіе въ борьбѣ и т. д. Такъ одинъ изъ братіи, поступивъ въ обитель, боримъ былъ сильнѣйшими искушеніями и нападеніями врачной силы, побуждавшей его возвратиться къ мірской жизни; но, по молитвамъ старца, въ непосильной для неопытнаго подвижника борьбѣ явилась благодатная помощь, отгнавшая отъ него темныхъ духовъ, что, по сознанію о. Пимена, и для него самаго было не безъ труда.

Въ свободное время отъ исполненія послушаній, церковныхъ службъ и келейныхъ трудовъ о. Пименъ любилъ заниматься чтеніемъ священныхъ книгъ; при чтеніи Псалтири поминалъ усопшихъ и живыхъ, иногда же, особенно въ послѣднее время своей жизни, приглашалъ къ себѣ келейника или кого-либо изъ братіи и, слушая читаемое, поучалъ полезному и душеспасительному примѣрами и уроками изъ Священнаго Писанія. Отъ частаго чтенія и слушанія Священнаго Писанія о. Пименъ зналъ наизусть священныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта и, будучи человѣкомъ неученымъ, ясно и хорошо разумѣлъ смыслъ Священнаго Писанія. По своимъ душевнымъ качествамъ іеромонахъ Пименъ былъ любвеобиленъ, добръ, почтителенъ къ старшимъ, благосклоненъ къ равнымъ, привѣтливъ и милостивъ къ младшимъ, сострадателенъ къ обиженнымъ и угнетеннымъ, щедръ на подаяніе, воздержанъ во всемъ и цѣломудренъ. Не имѣя склонности къ стяжанію съ дѣтства, онъ тѣмъ болѣе не имѣлъ ея въ иночествѣ, такъ что у него не было не только ненужныхъ вещей, но даже и излишнихъ одеждъ, кромѣ са-

маго необходимаго, достатки же свои употреблялъ онъ на нужды братства и на подаяніе нищимъ. Смиреніе, незлобіе покорность волѣ Божіей были отличительными чертами благочестивой настроенности о. Пимена. По его собственнымъ словамъ, онъ все происходившее съ нимъ, въ теченіе жизни, принималъ какъ посылаемое отъ руки Божіей, почему и радостныя, и печальныя событія въ своей жизни, въ томъ числѣ и свою долговременную трудную болѣзнь, переносилъ безъ ропота и всегда говорилъ: «благодарю Бога о всемъ». Такъ, живя рядомъ съ келліей одного изъ братіи, о. Пименъ часто ночью спотыкался о поставленную, иногда, быть можетъ, преднамѣренно, корзину съ дровами и падалъ, но никогда не рѣшался дѣлать выговоръ или жаловаться на ушибы, принимая обиду, какъ полученную отъ своего Господина въ видѣ наказанія.—Очищая свою душу покаяніемъ и богомысліемъ, и борясь со страстями и искушеніями, о. Пименъ много трудился въ ночномъ бдѣніи и молитвѣ; находясь же въ церкви, при совершеніи богослуженія и, особенно, пріобщаясь Св. Таинъ, ощущалъ неизъяснимую радость. Имѣя отъ Бога даръ умиленія и слезъ, онъ, по замѣчанію келейника, читая и слушая священныя книги, плакалъ, а также ночью часто плакалъ отъ сокрушенія сердечнаго.

Во время же бывшей по окрестностямъ монастыря засухи о. Пименъ горячо молился и испросилъ у Бога дождь. Видя столь скорое исполненіе своей молитвы, онъ и самъ въ глубокомъ сердечномъ умиленіи и благодареніи, стоя на колѣняхъ, со слезами взывалъ къ Богу, какъ дитя къ Отцу: «Господи, что ни попросишь у Тебя, Ты все подаешь. Слава Тебѣ!» А разъ, послѣ подобной же, особенно горячей молитвы старца, келейникъ узналъ отъ него, что онъ молился объ избавленіи отъ приближающагося града, и, дѣйствительно, неподалеку выпалъ градъ, мѣстность же, лежащую вокругъ монастыря, Господь помиловалъ. Такая сила и дѣйственность молитвы старца получена была имъ послѣ продолжительной и упорной борьбы съ врагами духа: плотію, міромъ и діаволомъ. Видя побѣду подвижника надъ міромъ и плотію, бѣсы съ особенною яростію и силою дѣлали на него свои нападенія, чтобы лишить его побѣднаго вѣнца. Особенно во время молитвы діаволъ всячески искушалъ и смущалъ его, доводя его нерѣдко до слезъ. Иногда «ухватитъ меня за шею и тащитъ,—говоритъ подвижникъ, явно представляя разверзшуюся предо мною пропасть». При постриженіи въ монашество о. Пименъ, по его же собственнымъ словамъ, проводя ночь въ храмѣ, оглушенъ былъ сильнымъ свистомъ, вслѣдствіе чего, въ теченіе шести недѣль, былъ глухъ и едва не оглохъ навсегда, затѣмъ увидѣлъ ходящую по церкви безъ видимой причины табуретку; по молитвѣ же, въ упованіи на помощь Божію, прямо и безбоязненно пошелъ на видѣніе,—и бѣсовскіе приступы прекратились. Получивъ же впослѣдствіи, по волѣ Божіей, побѣду надъ бѣсовскими искушеніями и обольщеніями, подвижникъ получилъ и власть надъ падшими духами и нерѣдко исцѣлялъ бѣснуватыхъ. И въ дарѣ прозорливости и предсказанія выражалась благодатная сила, обитавшая въ о. Пименѣ.

Такъ, одному изъ братіи онъ говорилъ, что, спустя 8 лѣтъ, онъ произведенъ будетъ въ іеродіакона, но я,—добавилъ при этомъ старецъ,—уже не доживу до этого; другому предсказалъ принятіе его въ военную службу, указавъ при этомъ и мѣсто, и срокъ будущей службы его, а также время отпуска на побывку. Оба эти предсказанія исполнились во всей точности. Въ иномъ случаѣ, отецъ одного изъ знакомыхъ старца тяжко заболѣлъ, и докторъ, освидѣтельствовавъ больного, посовѣтовалъ готовить ему гробъ; но о. Пименъ, напротивъ, увѣрялъ, что болѣзнь не кончится смертію, и, дѣйствительно, спустя сутки, больной выздоровѣлъ; тогда какъ, наоборотъ, одной совершенно здоровой женщинѣ о. Пименъ посовѣтовалъ записать себя на вѣчный поминъ, и женщина спустя полгода умерла. Равнымъ образомъ

одного послушника онъ послалъ посмотрѣть, какъ будетъ умирать такой-то человѣкъ, и оказалось, что этотъ человѣкъ чрезъ полчаса, дѣйствительно, умеръ. Другого послушника на исповѣди о. Пименъ послалъ въ келлію припомнить необъявленный грѣхъ, и тотъ, по нѣкоторомъ размышленіи наединѣ съ собою въ келліи, припомнилъ забытое и открылъ ему, какъ духовному отцу, возвратясь изъ келліи; равно также еще одного послушника старецъ не допустилъ до св. Причастія за содѣянные имъ тайно и необъявленные на исповѣди грѣхи. Одинъ послушникъ, идя домой провѣдать родныхъ, сошелся на пути съ сектантомъ и завелъ съ нимъ разговоръ религіознаго содержанія, при чемъ и самъ высказалъ нѣсколько словъ противныхъ истинѣ Христовой. По возвращеніи въ обитель послушникъ, несмотря на скрытность свою, обличенъ былъ старцемъ въ содѣянномъ имъ грѣхѣ и понесъ епитимію. Особенно возвысилась духовная жизнь старца и усилилась благодатная сила въ немъ по мѣрѣ приближенія къ разлученію души отъ тѣла. По своему желанію, о. Пименъ, незадолго до кончины своей облекся въ великую схиму и при семъ названъ былъ Піоромъ. Съ тѣхъ поръ, несмотря на ослабѣвающія силы тѣлесныя, онъ началъ вести еще болѣе строгую жизнь, изнуряя себя подвигами и молитвою. Чудными видѣніями предшествовалась и самая кончина старца Піора. Близость кончины своей старецъ предвидѣлъ и наканунѣ дня отшествія своего въ другой міръ, увидя сожительницу племянницы своей, велѣлъ ей поспѣшить извѣщеніемъ послѣдней и другой, жившей въ 7 верстахъ отъ монастыря, богобоязненной дѣвицѣ, о смерти его. Сожительница, при всей поспѣшности исполненія воли старца, едва могла во время извѣстить ихъ, чтобы онѣ, одинаково благоговѣвшія предъ старцемъ, застали его въ живыхъ. 22 ноября 1886 г., наканунѣ дня кончины къ вечеру старецъ, бывшій все время въ полномъ сознаніи, сталъ готовиться къ переходу въ загробную жизнь и особенно горячо молился весь

вечеръ и всю слѣдующую ночь, то лежа, то съ великимъ усиліемъ вставая на ноги, а то сидя, и въ 7 часовъ утра 29 ноября скончался тихо, самъ закрывъ глаза и уста.

Къ числу избранниковъ Божіихъ, добродѣтельно и съ великою пользою подвизавшихся въ обители, принадлежитъ и скончавшійся послѣ всѣхъ упомянутыхъ старцевъ, архимандритъ Ириней, не безъ основанія, конечно, и погребенный вмѣстѣ съ ними подъ одною часовнею.

Отецъ архимандритъ Ириней, въ мірѣ Иванъ Зиновіевъ Центровъ, былъ сыномъ причетника села Савры Мамышевой, Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Отъ природы кроткій и молчаливый, съ дѣтства имѣлъ онъ наклонность къ уединенію. Прежде нежели дѣтскій умъ его могъ сознательно объяснить себѣ значеніе иноческой жизни, сердце его уже имѣло къ ней сильное влеченіе. Отрадно было мальчику, если онъ, хотя иногда во снѣ, видѣлъ себя монахомъ. Но онъ никому не открывалъ своей тайны. По окончаніи курса въ семинаріи, настала, наконецъ, для него пора рѣшить важный вопросъ. Чтобы положить конецъ своимъ колебаніямъ, Центровъ рѣшился побывать у о. Иларіона, безъ сомнѣнія, вѣруя, что старецъ разрѣшитъ всѣ его недоумѣнія. Объяснивъ старцу свои обстоятельства и нерѣшительность, Центровъ получилъ отъ него такой отвѣтъ: «хорошо и родителей покоить, а лучше быть монахомъ». Цѣлый годъ послѣ того провелъ Центровъ все еще въ мучительномъ состояніи въ борьбѣ съ собою.

Слова о. Иларіона: «лучше быть монахомъ» связывали его рѣшительность оставаться мірскимъ человѣкомъ. Онъ опять пошелъ къ о. Иларіону съ своимъ товарищемъ.

Но когда они вошли къ старцу, онъ позвалъ ихъ обоихъ вмѣстѣ въ свою келлію и сперва сказалъ товарищу Центрова, чтобы онъ поступилъ въ Саровскую пустынь, а самому Центрову, чтобы онъ поступилъ въ Раненбургскую Петропавловскую пустынь. Прощаясь, добавилъ Центрову:

«родителямъ твоимъ Богъ поможетъ. И ты, если будешь въ силахъ, помоги». Хотя отецъ его еще не скоро далъ свое благословеніе на поступленіе сына въ монашество, но Иванъ Зиновьевичъ, на время уступая волѣ его, уже не измѣнялъ своего намѣренія и, по молитвѣ о. Иларіона, поступилъ въ Петропавловскую пустынь, гдѣ, послѣ семилѣтняго пребыванія, избранъ былъ настоятелемъ». Поступленіе его въ пустынь относится къ 1856 году (въ октябрѣ).

Поступивъ въ Петропавловскую пустынь при строителѣ іеромонахѣ Герасимѣ, послушникъ Центровъ первоначально проходилъ должность письмоводителя, затѣмъ, 8 іюля 1858 г., былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Иринея, а въ 1863 году опредѣленъ на должность благочиннаго. Его строгая жизнь, его умъ, распорядительность и неподкупная честность, при его тихомъ любвеобильномъ нравѣ, внушали къ нему общую любовь и уваженіе братіи; и потому неудивительно, что въ 1864 году, по избраніи братіи онъ опредѣленъ былъ въ строители ея, а въ 1881 году на той же должности, и многозаботливой и отвѣтственной, получилъ санъ архимандрита, чего Петропавловская пустынь доселѣ не удостоивалась съ самаго времени своего основанія.

Испытавъ всю тяготу бѣдности въ дѣтствѣ и юношествѣ, при крайней бѣдности родителей, въ самые большіе праздники зачастую питаясь скудною пищею, отецъ Ириней всѣми силами старался вывести изъ состоянія бѣдности ввѣренную ему обитель, которая досталась ему въ управленіе обремененная 6,000 руб. долга. На первыхъ порахъ о. Ириней чувствовалъ великую скорбь отъ стѣсненныхъ обстоятельствъ обители и изнемогалъ подъ тяжестію этой скорби, нерѣдко со слезами на глазахъ говорилъ съ братіею объ этихъ обстоятельствахъ, на колѣни падая предъ нею, просилъ ее помолиться о немъ, изнемогающемъ подъ бременемъ таковой тяжести. Господь внялъ скорби вѣрнаго раба Своего и въ скоромъ времени послалъ избавленіе отъ нея. Мудрымъ

управленіемъ, бережливостію и тщательностію въ веденіи хозяйственнаго дѣла въ обители, благолѣпнымъ служеніемъ, любовію и кротостію о. Иринеи, съ Божіею помощію, въ 20-лѣтній періодъ своего завѣдыванія обителію не только освободилъ ее отъ долга, но и составилъ ей прочное обезпеченіе на будущее время скопленіемъ значительнаго капитала, несмотря на произведенные имъ расходы по улучшенію обители въ различныхъ отношеніяхъ (были произведены постройки гостинницы и другихъ зданій; пріобрѣтенъ большой колоколъ на монастырскую колокольню, устроенъ пріютъ на 15 сиротъ павшихъ воиновъ, въ Турецкую кампанію 1877 года и т. д.). Но что всего важнѣе, онъ сумѣлъ расположить двухъ богобоязненныхъ престарѣлыхъ дѣвицъ изъ дворянъ Елисавету Парфеніевну и Анну Парфеніевну Буниныхъ, издавна бывшихъ близкими собесѣдницами и почитательницами въ Бозѣ почившаго архіепископаа Воронежскаго Антонія, къ пожертвованію въ пользу обители ихъ родовыхъ имѣній, отъ первой — въ количествѣ 177 десятинъ съ постройками, а отъ второй — 68 десятинъ.

Имя о. Иринея значитъ мирный. И его управленіе обителію и его отношенія ко всѣмъ запечатлѣны были характеромъ миролюбія и кротости. Нѣкоторые изъ братіи, враждебно относившіеся, по тѣмъ или другимъ причинамъ, къ о. архимандриту, и всячески старавшіеся очернить его особенно предъ епархіальнымъ начальствомъ, взводя на него разныя клеветы и сочиняя ложныя доносы, встрѣчали съ его стороны только любовь и миръ; и епархіальное начальство, зная его безупречную жизнь, благонамѣренность, его всецѣлую преданность долгу своего призванія, никогда не вѣрило этимъ клеветамъ и доносамъ и вполнѣ довѣряло настоятелю пустыни. Самъ же о. архимандритъ любовію и терпѣніемъ, кротостію и миролюбіемъ болѣе всего побѣждалъ враговъ своихъ, а одному изъ нихъ даже и предсказалъ благой конецъ жизни за годъ до смерти его, что такъ и случилось: враждовавшій

прежде, потомъ примирился съ нимъ и напутствованный св. Таинствами мирно отошелъ ко Господу.

Но усиленные труды, скорби и заботы подломили здоровье отца архимандрита Иринея.

Въ 1885 году лѣтомъ съ нимъ случился нервный ударъ, и хотя онъ послѣ того еще прожилъ около четырехъ лѣтъ, однако уже не могъ свободно владѣть силами, такъ что, въ 1886 году, когда болѣзнь его уже признана была неизлѣчимою, былъ уволенъ отъ управленія пустынью, съ помѣщеніемъ въ числѣ сверхштатной братіи пустыни, и съ назначеніемъ ему пенсіи по 5 рублей въ мѣсяцъ при келліи съ обстановкою и трапезѣ отъ обители. На мѣсто его управляющимъ пустынью назначенъ былъ уволенный на покой отъ управленія епархіею бывшій епископъ Тобольскій и Сибирскій Василій (Левитовъ), и это было великимъ счастіемъ для болящаго отца архимандрита, ибо преосвященный Василій и ранѣе хорошо зналъ и уважалъ отца архимандрита.

Жизнь отца архимандрита Иринея послѣ удара, случившагося съ нимъ 17 іюня 1885 года, и до дня кончины его 7 января 1889 года, была въ полномъ смыслѣ жизнь страдальческая; ибо, вслѣдствіе паралича, всѣ отправленія жизни душевной и тѣлесной у старца крайне затруднены были и многія совершаемы были не безъ сторонней помощи. Не говоримъ уже о тяготѣ нравственной, которая удручала болящаго, привыкшаго къ дѣятельности, а теперь безпомощнаго и къ дѣятельности неспособнаго, всѣми почти оставленнаго. Только и утѣшенія ему было въ молитвѣ, чтеніи церковныхъ и духовнаго содержанія книгъ, въ частомъ пріобщеніи св. Таинъ и въ бесѣдахъ съ посѣтителями, изъ коихъ особенно дорогимъ для него былъ преосвященный Василій, управлявшій пустынію. Когда страдалецъ нѣсколько избавился отъ недуга сего, онъ возможно часто, съ помощію келейниковъ, посѣщалъ и храмъ Божій (гдѣ, въ алтарѣ, и пріобщался св. Таинъ), а болѣе всего дома, въ келліи молился. Молитва Іисусова и другія краткія молитвы: «Господи, помилуй!.. Боже, спаси!» и иныя постоянно бывали на устахъ его, и съ глубокимъ воздыханіемъ и чувствомъ произносилъ онъ ихъ, а по средамъ неуклонно вычитывалъ весь акаѳистъ Тихвинской Божіей Матери. Читалъ же онъ изъ духовныхъ книгъ больше Четіи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго. Слезы часто потокомъ лились изъ очей его и отъ полноты молитвеннаго настроенія и отъ сознанія безпомощности своего положенія. Миролюбіе, кротость, смиреніе и въ этомъ положеніи не оставляли его. Разъ оставленный келейникомъ, онъ вздумалъ пройтись по комнатѣ, но при этомъ зацѣпился за половикъ и упалъ. Въ это время келейникъ былъ уже недалеко и, услышавъ шумъ отъ паденія, поспѣшилъ въ келлію старца и, увидѣвъ его лежащимъ на полу въ безпомощномъ состояніи и страдальческомъ видѣ, прослезился самъ; между тѣмъ о. Ириней, когда келейникъ усадилъ его на диванъ, самъ же началъ утѣшать и успокоивать его и, обратясь къ иконамъ, крестился, лишь вздыхая и часто повторяя: «Господи, помилуй!.. Боже, спаси!»

Не будучи въ силахъ свободно владѣть языкомъ, онъ часто болѣе всего плакалъ или вздыхалъ также и въ бесѣдахъ съ посѣтителями, которыхъ всегда съ радостію и любовію принималъ. Посѣтители утѣшали его, какъ могли. Особенно же утѣшительны и назидательны были для страдальца посѣщенія преосвященнаго Василія, и когда Преосвященный послѣ такихъ бесѣдъ уходилъ, то болящій отецъ архимандритъ долго смотрѣлъ ему вослѣдъ, плакалъ, вздыхалъ, крестился на иконы и повторялъ: «Господи, помилуй!» Въ послѣдній разъ Преосвященный посѣтилъ болящаго за недѣлю до кончины его и никакъ не могъ утѣшить больного, котораго уже мучила водянка и другія предсмертныя болѣзни и который, какъ бы предчувствуя, что это ихъ свиданіе будетъ послѣднее на землѣ, плакалъ и рыдалъ, какъ дити. Владыка, видя все это, и самъ растроганъ былъ и

сказалъ отцу Иринею: «отецъ архимандритъ, что наша малοвременная жизнь на землѣ въ сравненіи съ вѣчностію? — Ничто! какіе есть славные люди на землѣ, но и тѣхъ не минуетъ предѣлъ сей. Можно сказать, вы счастливцы, только не сего міра! По всему видно, что васъ Богъ возлюбилъ, тернистымъ путемъ ведетъ васъ къ Себѣ; вы на землѣ уже очистились страданіями, и надобно твердо надѣяться на милосердіе Божіе, что Господь въ будущемъ не оставитъ васъ за ваше терпѣніе». — Дѣйствительно, страданіями многолѣтними была предочищена душа отца архимандрита Иринея къ переходу въ жизнь вѣчную, блаженную. Напутствованный не разъ св. Таинствами покаянія и причащенія и два раза— елеосвященіемъ,—отецъ Ириней, уже долгое время не принимавшій почти никакой пищи и только пробавлявшійся чаемъ, тихо скончался утромъ 7-го января 1889 года и былъ погребенъ преосвященнымъ Василіемъ, при чемъ по приказанію Преосвященнаго, для отца архимандрита могила приготовлена была въ одной и той же часовнѣ, подъ которой погребены и старцы іеросхимонахи: Мелхиседекъ, Наѳанаилъ и Піоръ. Такъ и отецъ Ириней сопричисленъ былъ къ этимъ блаженно почившимъ старцамъ.

Были и кромѣ этихъ старцевъ иноки, сіявшіе благочестіемъ и добродѣтелями иноческими и болѣе другихъ сокровенную жизнь проводившіе. Такъ, иноки обители съ любовію и благоговѣніемъ памятуютъ отца Авраамія, подъ видомъ юродства скрывавшаго свое благочестіе и подвиги. О немъ одинъ инокъ разсказывалъ, что онъ, подъ предлогомъ, что самъ желаетъ выучить на память Псалтирь, побуждалъ его выучивать ее на память, говоря, что ему одному скучно учить ее и, нѣсколько разъ навѣдываясь, много ли онъ выучилъ, а между тѣмъ самъ въ совершенствѣ зналъ ее всю наизусть. Наконецъ, когда ученикъ его замѣтилъ послѣднее и потому охладѣлъ къ ученію и наконецъ рѣшилъ бросить изученіе Псалтири, сказалъ отцу Авраамію: «зачѣмъ учить

Псалтирь на память, если можно, въ случаѣ надобности, читать ее по книгѣ?» На это отецъ Авраамій замѣтилъ: «здѣсь-то можно и по книгѣ читать, но когда ты помрешь, тамъ-то почему ты будешь читать, а славословить Бога нужно будетъ; ибо въ томъ все и занятіе тамъ будетъ». Несмотря на юродство видимое, отецъ Авраамій иногда говорилъ очень мудро, и вреда онъ никому не причинялъ своимъ юродствомъ. Скончался онъ въ 1871 году.

Былъ еще также проводившій строго подвижническую жизнь іеромонахъ Германъ, изъ вдовыхъ священниковъ. Былъ онъ простъ въ обращеніи и даже иногда тоже какъ бы юродствовалъ, но также часто говорилъ и дѣйствовалъ весьма мудро и назидательно. Онъ былъ весьма снисходителенъ къ другимъ, любвеобиленъ и нестяжателенъ; ничего не оставлялъ себѣ, а все приносимое ему отдавалъ другимъ. (Скончался также въ 1871 году *).

Настоятельница Арзамасской Алексѣевской общины схимонахиня Олимпіада.

(Память 6 августа).

Настоятельница Арзамасской Алексѣевской общины, Ольга Васильевна родилась 1771 года іюня 29 дня въ городѣ Костромѣ отъ благочестивыхъ, именитыхъ и богатыхъ родителей Василія и Параскевы Стригалевыхъ. Отъ самыхъ молодыхъ лѣтъ таилось въ сердцѣ ея намѣреніе посвятить себя Богу; но намѣренія своего она не только не могла открыть своимъ родителямъ, но должна была всячески скрывать отъ нихъ. Одна только сестра ея Ѳекла Васильевна была повѣренною ея сокровенныхъ думъ и желаній. Вмѣстѣ съ нею онѣ обыкновенно молились тайно по ночамъ, когда всѣ до-

*) Изъ историческаго очерка Раненбургской Петропавловской пустыни.

машніе отходили ко сну, а двѣ сестры однѣ оставались въ комнатѣ. И это святое дѣло онѣ должны были совершать со страхомъ и боязнію, какъ-бы горничная прислуга не замѣтила, что онѣ проводятъ наединѣ безсонныя ночи, и не донесла бы объ этомъ ихъ родителямъ. При теплящихся лампадахъ или при тускломъ свѣтѣ восковой свѣчи, прилѣпленной за занавѣсами ихъ кроватей, съ колѣнопреклоненіемъ и слезами на глазахъ стояли онѣ, безмолвно погруженныя въ глубокое молитвенное созерцаніе Господа Бога и Пресвятой Дѣвы Богоматери.

Ольга Васильевна Стригалева

Впослѣдствіи старшая сестра Ѳекла Васильевна отдана была замужъ. Много слезъ было пролито благочестивыми сподвижницами при этой, совсѣмъ неожиданной, разлукѣ. Одна Ольга Васильевна нисколько не измѣнила образа своей жизни; напротивъ, при одиночествѣ все болѣе и болѣе возгаралось въ сердцѣ ея рѣшительное желаніе посвятить себя Богу и тайно уйти изъ дома родительскаго, такъ какъ она навѣрное знала, что родители ея никогда не дадутъ на то своего согласія. Изъ сосредоточеннаго религіознаго чувства постепенно развивалось въ ней непреодолимое желаніе подвижнической жизни ради любви къ Господу и своего спасенія. Часто по цѣлымъ днямъ отказывала она себѣ въ пищѣ, или въ зимніе морозы тайкомъ выходила на снѣжный дворъ

и по нѣскольку часовъ босыми ногами стояла на снѣгу, такъ что подъ слѣдами ея снѣгъ растаивалъ до самой почвы. Она сама впослѣдствіи разсказывала, что эти подвиги, совершаемые ею отъ неразумія своего, повлекли за собою жестокую болѣзнь, которая осталась у нея на всю жизнь и особенно усилилась въ послѣдніе ея годы.

Оправившись немного отъ болѣзни, Ольга Васильевна не только не измѣнила своего желанія посвятить себя Богу, но тотчасъ же рѣшилась обратиться за совѣтомъ къ настоятельницѣ Арзамасской Алексѣевской общины схимонахинѣ Маѳѣ, зная, по слухамъ, о богоугодной ея жизни и о строгихъ правилахъ устава, соблюдаемаго въ Алексѣевской общинѣ. Письмо, писанное Ольгою Васильевною по этому случаю, не дошло до насъ; но изъ слѣдующаго письма настоятельницы схимонахини Маѳѣы видно, какое живое участіе приняла въ судьбѣ Ольги Васильевны почтенная настоятельница, которая сама когда-то, презрѣвъ всю славу міра и любовь родительскую, также тайно ушла изъ родительскаго дома.

Письмо схимонахини Маѳѣы въ отвѣтъ Ольгѣ Васильевнѣ.

Письмо твое я получила, чрезъ которое усматриваю, что совѣтъ мой вамъ пріятенъ, чтобъ въ дѣвствѣ жизнь свою провождать. О семъ по премногу порадовалась, что есть въ васъ еще память Божія; да, если бы многія разсмотрѣли краткость вѣка сего и на какой конецъ мы созданы, то-есть не на временное здѣшнее пребываніе, но на вѣчное и безконечное житіе, въ усыновленіе и наслѣдіе небеснаго царствія; то конечно бы не столь стремились къ здѣшнимъ временнымъ мнимымъ утѣхамъ. Подлинно, мой другъ, мнимыя только радости вѣка сего, а сами по себѣ никакого добра не имѣютъ; но если небеснаго восхощешь поискать, то воистину найдешь и временное спокойствіе души и будешь свободна отъ многихъ печалей. Когда замужъ сама не пожелаешь и родители тебя къ тому принудить не могутъ.

Такъ конечно тебѣ, мой другъ, совѣтую не налагать на себя оковы сіи нерѣшимыя, а свободной быть къ шествію въ путь Божій; а на мірскіе совѣты, пожалуй, не полагайся, а имѣй въ памяти Жениха небеснаго всегда и Святыхъ Божіихъ, какъ они старались всегда въ угодность Божію пожить, оныхъ въ примѣръ себѣ бери. Мірская рѣчь: духъ-де бодръ, а плоть немощна; но если ихъ спросить: къ чему сіе слово слѣдуетъ Христа Спасителя и на какой конецъ сказано, то не могутъ отвѣтствовать. Христосъ Спаситель во время страданія Своего, когда молился въ вертоградѣ и видѣлъ Апостоловъ Своихъ сномъ отягченныхъ, понеже естество немощное плоти требовало сна, на сіе изволилъ сказать: духъ бодръ, а плоть немощна, что побдѣти съ Нимъ и помолитися не могли. И мы со Христовымъ словомъ согласны, что не можетъ плоть наша безъ сна пробыть, безъ пищи, безъ одежды, а особливо на морозѣ безъ шубы немощно естество наше; но могутъ ли извиниться тѣ люди симъ словомъ—немощію плоти добрыя дѣла творить, земное презирать, небесное любить? и могутъ ли сказать на томъ свѣтѣ: Господи, вѣдь духъ бодръ, плоть немощна; мы не могли по сему слову заповѣдей Твоихъ сохранить? Когда Господь требуетъ чрезъ Апостола Своего: не любите міра, ни яже въ мірѣ, и аще кто хощетъ другъ быти міру, врагъ Богу бываетъ,—міръ толкуется страсти мірскія, то-есть сладострастное любленіе богатства, славы человѣческія, прохладное и плотоугодное житіе,—то какъ же Господь требуетъ сего отъ насъ, а Самъ насъ немощныхъ сотворилъ? По сему ихъ слову, что духъ-де бодръ, а плоть немощна, Создатель виноватъ сталъ. Такъ сіе страшно намъ и подумать, и сею отговоркою клевещутъ на Зиждителя, будто Онъ насъ немощныхъ сотворилъ пожити въ угодность Ему; а требуетъ Господь отъ всякаго христіанина въ слѣдъ Себя хожденія, отверженія себя, то-есть воли своея и креста ношеніе; но лѣнивыя души и міролюбивыя и о любви Божіей

нерадивыя всегда немощію плоти отговариваются, да и тебя къ тому же приводятъ. Но не слушай, мой другъ, ихъ совѣтовъ: не знаютъ и сами, что толкуютъ. Если бы не совѣты развращенные послѣдовали твоей бѣдной сестрицѣ, какъ я слышу о ея усердіи къ Богу, не оковалась бы и она супружествомъ и не промѣняла бы злато на серебро. Апостолъ пишетъ и о женатыхъ, какое безпристрастіе должно имѣть ко всему земному; братіе, глаголетъ, яко время препращенно есть, да и имущія жены, якоже неимущіи будутъ, и плачущіи, яко не плачущіи, и радующіися, яко не радующіися, и требующіи міра сего, яко не требующіи, преходитъ бо образъ міра сего, хощу же вамъ безпечальны быти. А къ намъ съ тобою Апостолъ глаголетъ, то-есть, безбрачнымъ: не оженившійся печется о Господнихъ, како Господеви угодити, а оженившійся печется о мірскихъ, како угодити женѣ; раздѣлися жена и дѣва—непосягшая печется о Господнихъ, да есть свята и тѣломъ и духомъ; а посягшая печется о мірскихъ, какъ угодити мужу. Такъ что лучше? человѣкъ ли тлѣнный, а иногда и развращенный, или Христосъ сладчайшій, Который столь насъ возлюбилъ, что пречистую кровь Свою пролилъ нашего ради спасенія? Не силенъ ли Онъ подать любящей Его душѣ помощь Свою Божественную, если и случится ей какое препятствіе ко спасенію? Посмотрите въ житія святыхъ Отцевъ, кто изъ нихъ немощію плоти отговаривался? Не паче ли стремились къ подвигамъ, и плоти своей не жалѣли, на смерть готовы всегда были, и который изъ нихъ оставленъ бысть отъ Бога? Многіе говорятъ: и въ мірѣ-де спасеніе не отнято; и мы въ томъ не споримъ, что можно спастись въ мірѣ, но неудобно. Іоасафъ царевичъ могъ бы въ мірѣ жить, жениться, милостыню подавать, добрыя дѣла творить; но разсмотрѣлъ, что неудобно въ мірскихъ вещахъ жить и безвредно отъ страстей душу свою сохранить, того ради и удалился отъ мірскихъ соблазновъ. Но и прочіе угодники Божіи разсмотрѣли

суету и прелесть міра сего, старались удалиться отъ него, и все оставляли: родителей, друговъ и сродниковъ, славу, богатство и сладости, и вся, яже въ мірѣ, возненавидѣвши и презрѣвши, стремились иное житіе, то-есть иноческое предпринять, и, собравшеся единъ по единому, монастыри устроили и монашескіе уставы учредили, старались невидѣніемъ похотей злыхъ и винъ къ прелести влекущихъ, чтобъ и изъ сердца желанія ихъ и изъ памяти оныя искоренить, и любовь Божію и желанія Божественныхъ радостей въ сердцахъ своихъ насадити. Если бы способнѣе было въ мірѣ спастися, для чего бы имъ удаляться отъ міра въ монастыри? Но какъ угодники Божіи міръ моремъ называли, того ради не восхотѣли въ морѣ плавати, боялись, дабы не погрузиться волнами житейскими, стремились къ пристанищу, то-есть къ монастырскому житію, для удобнѣйшаго спасенія душъ своихъ. Совѣтую тебѣ, моя любезная, также удаляться отъ мірскихъ соблазновъ, которые весьма приводятъ къ душевному вреду; душа, видѣвши и слышавши всякіе виды и слухи, весьма отъ всего повредиться можетъ, а особливо, которая тщится уневѣститься Христу, Жениху небесному; должно отъ всего храниться, чтобъ сердце чисто отъ всѣхъ страстей соблюсти, и помыслами чтобъ не осквернитися, и ничему земному любви своей не прилагать. А въ мірѣ совершенно любящему Бога весьма тяжко сіе сохранить и мучительно въ грѣхахъ жить. Изъ письма твоего вижу желаніе твое къ нашей обители; весьма бы сіе полезно вамъ было; могли бы увидѣть Богоспасаемыя обители Саровъ и Санаксаръ, и отца нашего наставника іеромонаха Ѳеодора, совершенно житіе Богоугодное имущаго, могли бы видѣть, и наставленіе отъ него своей жизни услышать. Не худо бы, хотя побывать къ намъ постарались; положившись на Промыслъ Божій и стараніе свое должны прилагать, а Господь готовъ помогать. Не только что надѣяться, да и только; но съ надеждою на Божіе милосердіе—и къ дѣлу приниматься;

и что боишься храмины разрушенія, сіе до тебя не слѣдуетъ, понеже Христосъ ясно сказалъ: всякъ грядый ко Мнѣ и слышай словеса Моя и творяй я, подобенъ есть человѣку, зиждущему храмину на камени, то-есть, которая на заповѣдяхъ Божіихъ основана, и не можетъ поколебати ее наводненіе; слышавый и не сотворивый подобенъ есть зиждущему храмину на пескѣ, и будетъ храмины тоя разрушеніе веліе отъ наводненія. Такъ, если не хощеши разрушенія храмины, твори заповѣди Божіи и старайся въ угодность Божію пожить и намѣреніе твердое ко исправленію Божіяго дѣла полагай, такъ и будетъ на камени храмина твоя. Совѣтую тебѣ, мой другъ, и впредь разсужденія свои къ намъ писать, которыя влекутъ васъ къ отчаянію, и чего мы не доразумѣемъ, то премудрый нашъ наставникъ, который по жизни своей получилъ отъ Бога даръ разсужденія, онъ намъ растолкуетъ, а мы вамъ отпишемъ. А то весьма слово Божіе по слабостямъ и по своимъ страстямъ толкуютъ многіе и къ отчаянію другъ друга приводятъ. Того ради и Апостолъ пишетъ: не будите мудри о себѣ, но духовная съ духовными разсуждайте. И паки глаголетъ: слово Божіе мечъ обоюду остръ, съ обѣихъ сторонъ остръ; человѣкъ можетъ однимъ концомъ врага побѣдить, а другимъ и самъ заколоться отчаяніемъ можетъ; какъ мы и видимъ многихъ, погибшихъ отъ своего разсужденія и мудрованія пустаго. Многіе расколы и ереси прозябли отъ сего: человѣкъ приметъ слово Божіе и растолкуетъ по своему и утвердитъ за истину свое мудрованіе и другихъ зачнетъ невинныхъ повреждать. Берегитесь, Бога ради, въ разныя разсужденія вдаваться, а особливо хранитесь отъ враговъ матери святыя Церкви нашея, т.-е. раскольниковъ; они весьма убиваютъ души несмысленныхъ, отвращаютъ вѣрныхъ отъ Церкви Божіей, отъ св. Причастія, приводятъ въ крайнее безнадежіе своего спасенія, яко бы уже не можно въ нынѣшнія времена и спастися, и много окаянства всякаго толкуютъ, яко-бы уже нѣтъ никакого нынѣ и

спасенія въ Церкви Божіей чадомъ истиннымъ, и вѣра будто перемѣнилась. Но совершенно ихъ неправда: Церковь Божія основана на камени, и врата адовы не одолѣютъ ея. Берегитесь, мой другъ, ихъ словъ слышать, яко смертоноснаго яду. А что ты, мой другъ, пишешь, что родителямъ твоимъ непріятно будетъ твое намѣреніе, и ты сего трепещешь, дабы не узнали, такъ на сіе я тебѣ опять предлагаю житія святыхъ Отцевъ, возьмите ихъ себѣ въ примѣръ, какъ ихъ ни строгость родительская, ни прещеніе, ни слезы, ни ласкательства, ничто не могло ихъ отъ благого намѣренія поколебать и отъ Христова пути отвратить; и рѣдкое житіе читается Преподобныхъ, чтобы добрымъ порядкомъ родители ихъ отпускали, а особливо тѣ, которые временнымъ богатствомъ обложены и привязаны къ суетамъ вѣка сего—таковые всегда дѣтямъ своимъ ко спасенію препятствовали; но дѣти на то не взирали, а стремились въ слѣдъ Христа и не отлагали своего намѣренія, по писанному: лучше вмалѣ опечалити родителей по плоти, нежели сотворшаго насъ Господа. Почитайте Ѳеодосія Печерскаго, какъ матушка его вооружалась на него и неоднократно гналась за нимъ и, бьющи, домой приводила связаннаго. Но душа, распаленная ко Христу, не могла ничѣмъ поколебаться: своимъ терпѣніемъ онъ преодолѣлъ матернюю жестокость. Наконецъ, и сама матушка его пошла въ монастырь; а если бы онъ, не хотя оскорбить ее, да во угодность ей нѣсколько лѣтъ въ мірѣ пожилъ, то можетъ и онъ бы поколебался въ спасеніи своемъ. Въ мірѣ столь опасно мѣшкать, которыя хотятъ уневѣститься Христу, что я вамъ и описать не могу, какъ нечувствительно можемъ ту искру погасить, которую Богъ, по Своему человѣколюбію, возжигаетъ въ насъ, и отъ міролюбивыхъ совѣтовъ мірскихъ человѣкъ тотчасъ ослабѣть и въ мірѣ погрузиться, такъ что и воспомянуть о Христовомъ пути не захочемъ. Я все сіе грѣшница на себѣ испытала, сколь человѣкъ между мірскими разговорами простываетъ и

усердіе къ Богу теряетъ. Итакъ, я какъ своей душѣ, такъ и вашей равно желаю, чтобы Христу Спасителю въ юности своей поработать, какъ мы видимъ преподобныхъ матерей царскаго рода: Евпраксію святую, Аполлинарію, Евфросинію, Ксенію странную, другую Ефросинію Полоцкую; не откладывали онѣ на старость свое намѣреніе, но, вся оставивши красная вѣка сего, текли спѣшно за Христомъ, чего и тебѣ, мой другъ, желаю и Божію храненію тебя поручаю. Остаюсь спасенія твоего желательница, Марья Протасьева. Декабри 31-го, 1790 года.

Получивъ такой отвѣтъ, Ольга Васильевна въ восхищеніи духа прочитывала его и хранила его, какъ сокровище, укрѣпляя имъ духъ свой къ терпѣнію и думая только о томъ, когда Господь откроетъ ей случай и возможность намѣреніе свое привести въ дѣло. Съ благочестивою своею родительницею она часто ѣздила въ Костромской женскій монастырь и здѣсь имѣла случай коротко познакомиться съ одною монахинею и съ одною благочестивою и почтенною по жизни помѣщицею Натальею Тихменевою, ѣздившею въ этотъ монастырь изъ своей вотчины, въ 30 верстахъ отъ города. Ольга Васильевна открыла г-жѣ Тихменевой свои благочестивыя желанія. Тихменева отъ души полюбила ее и приняла въ ней живое участіе, такъ что рѣшилась, при содѣйствіи настоятельницы Алексѣевской общины, схимонахини Маѳы, отправить ее въ общину Алексѣевскую на своихъ лошадяхъ. Полночь на второе августа 1792 года назначена была временемъ для выѣзда Ольги Васильевны: съ вечера приставила она къ окошку лѣстницу и, когда всѣ предались сну, и все въ домѣ успокоилось, она, какъ робкая горлица, отдавши себя на Божій Промыслъ, вышла на дворъ, отодвинула задвижку заднихъ воротъ, за которыми стояла уже пара готовыхъ лошадей съ благонадежною женщиною, и Ольга Васильевна отправилась прямо въ домъ г-жи Тихменевой. Поутру отецъ и мать долго ждали прихода Ольги Васильевны

и думали, что она или нездорова, или противъ обыкновеннаго еще спитъ. Прасковья Ивановна, мать ея, имѣвшая обыкновеніе ходить съ посошкомъ, взошла въ ея комнату, подошла тихо къ ея занавѣшенной постели, постучала своимъ посошкомъ, говоря: Олинька, другъ мой, пора вставать. Отвѣта не было. Она повторила, и опять отвѣта не было. Она раскрыла занавѣсъ, и увы! на кровати нѣтъ дочери. Въ ужасномъ недоумѣніи и безпокойствѣ, въ слезахъ и отчаяніи спѣшитъ она разсказать объ этомъ отцу. Начались поиски, но совершенно напрасные: отъ Ольги Васильевны и слѣда не осталось. Между тѣмъ разошелся слухъ въ городѣ о побѣгѣ дочери Стригалевыхъ, пошли толки и догадки, не бѣжала ли она тайно съ такимъ-то и прочее. Благочестивая мать прежде всего обратилась къ Спасителю съ горячею молитвою, чтобы Онъ милосердый открылъ ей участь ея дочери. Долго она молилась и, наконецъ, всматриваясь въ ликъ Спасителя, замѣтила за иконою записку, взяла ее и узнала руку дочери.

Письмо было слѣдующаго содержанія: «Любезные мои родители! Я знаю любовь вашу ко мнѣ во всѣ дни отъ самаго рожденія моего; я не могла воздать вамъ равною любовію; меня позвалъ Господь на лучшая, дабы шла вслѣдъ Его. И коль сладокъ гласъ сей Зиждителя моего явился! По сему званію всю вашу любовь забыла и тщилась всячески предпріять вожделѣнный мною путь. О, коль благъ, о, коль любезенъ Любитель мой! вскорѣ послалъ помощь Свою и восхитилъ мя отъ среды вашей, дабы ваша любовь не повредила души моей. А я прошу васъ, Бога ради, оставьте меня поработати Создавшему мя и пролившему предражайшую кровь Свою меня ради и не противьтесь званію Владыки моего. Аще и разлучусь съ вами на время, но уповаю на щедроты Звавшаго мя, яко въ будущемъ вѣцѣ соединитъ насъ; аще бы отреклась Звавшаго мя, то кто вѣсть, могли ли бы вы утѣшаться на меня? А вамъ и неполезно о семъ скорбѣть,

понеже вы имѣете еще благодатію Божіею на кого утѣшаться; но если бы я и одна у васъ была, то и тутъ не должно бы препятствовать. А я васъ усердно прошу, родители мои, оставьте меня въ мирѣ поработати Зиждителю моему; молите Его человѣколюбіе, дабы облегчилъ мнѣ бремя свое и сподобилъ бы со тщаніемъ понести его до послѣдняго моего издыханія. Къ сему же прошу вашего произволенія и чистаго благословенія вашего родительскаго къ созиданію спасенія моего. Бога ради не забывайте, почаще напоминайте меня въ своихъ пріятныхъ Богу молитвахъ родительскихъ. А я вручила себя Богу и васъ вручаю Ему же; да сохранитъ и продолжитъ животъ вашъ въ радости и да утѣшитъ васъ небеснымъ утѣшеніемъ и укрѣпитъ сердца ваши во упованіи будущаго воздаянія. Итакъ, пожелавъ вамъ тѣлеснаго здравія и душевнаго спасенія, полагаюсь о себѣ на Промыслъ Божій и тщусь идти во слѣдъ Звавшаго меня. Грѣшная раба Божія, и вамъ дщерь по плоти Ольга. Еще падаю къ стопамъ вашимъ, прошу вашего родительскаго благословенія и молитвъ и лицеземно кланяюсь и прошу прощенія въ моихъ къ вамъ погрѣшностяхъ, отъ моего неразумія дерзнутыхъ».

Подлинникъ этой записки хранится у ея родственниковъ; на немъ видны слѣды слезъ, которыми обливала письмо Ольга Васильевна, разставаясь съ домомъ родительскимъ.

Такъ какъ Ольга Васильевна часто бывала въ Костромскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и была тамъ съ нѣкоторыми монахинями коротко знакома, а также съ г-жею Тихменевой, усердною благодѣтельницею обители, то отецъ ея Василій Ивановичъ, нимало не мѣшкая, отправился прежде всего въ этотъ монастырь и, не нашедши тамъ дочери, поѣхалъ къ г-жѣ Тихменевой и, съ горестію и растерзанною душею разсказывая ей о случившемся, умолялъ ее сказать, не знаетъ ли она чего-либо о его дочери и даже выразилъ прямо подозрѣніе, не скрывается ли она въ дому ея. Дѣйствительно Ольга Васильевна еще находилась у нея: не успѣли еще ее

отправить въ обитель Алексѣевскую; но г-жа Тихменева приняла на себя видъ, будто обижена такимъ подозрѣніемъ Василія Ивановича и увѣряла его, что она ничего не знаетъ, и хотя вполнѣ сочувствуетъ его горю, но помочь не можетъ. Впрочемъ глубокое отчаяніе и скорбь старика-отца тронули г-жу Тихменеву и заставили ее раскаиваться въ томъ, что она была нѣкоторымъ образомъ виновницею побѣга Ольги Васильевны. Подъ нѣкоторымъ предлогомъ она оставила Василія Ивановича и вошла въ комнату, гдѣ Ольга Васильевна, узнавъ о пріѣздѣ отца, стояла блѣдная, прижавшись къ стѣнѣ, въ неописанномъ страхѣ. Г-жа Тихменева стала упрашивать ее явиться къ отцу, говоря, что она уже болѣе не можетъ обманывать этого несчастнаго, истерзаннаго горемъ человѣка; но Ольга Васильевна бросилась ей въ ноги, обняла колѣни ея, залилась слезами и молила не сказывать о ней родителю, «въ противномъ случаѣ за мою душу отдадите Богу отвѣтъ», говорила она. Г-жа Тихменева убѣдилась окончательно, что такой могучей страсти къ иноческому житію мѣшать не слѣдуетъ. Она воротилась въ гостинную, гдѣ сидѣлъ злополучный отецъ и, отклоняя отъ себя всякое подозрѣніе и соболѣзнуя о немъ, умоляла его овладѣть самимъ собою и не предаваться неумѣренному горю, потому что съ помощію Божіею можетъ еще онъ отыскать свою дочь и проч. Такъ сама въ слезахъ проводила она Василія Ивановича и въ то же время съ благонадежною женщиною, на своихъ лошадяхъ, отправила Ольгу Васильевну въ Алексѣевскую общину.

Настоятельница схимонахиня Марѳа давно уже ожидала Ольгу Васильевну, приняла ее въ свои объятія съ истинно материнскою любовію и оставила у себя въ келліи подъ видомъ странницы, одѣвъ ее въ самое простое платье. Но скоро слухъ разошелся, что Василій Ивановичъ вездѣ разсылаетъ людей отыскивать свою дочь и подозрѣваетъ, что непремѣнно она скрывается въ какомъ-либо монастырѣ.

Схимонахиня Марѳа теперь сама стала просить Ольгу Васильевну отправиться съ нею вмѣстѣ къ родителямъ: «я страшусь, говорила она, раздражить твоего родителя столь славнаго и знатнаго мужа, извѣстнаго и любимаго самимъ императоромъ; онъ можетъ не только многія непріятности сдѣлать намъ сиротамъ, но и разорить наше мѣсто за укрывательство своей дочери. Я увѣрена, что если есть Божіе званіе быть тебѣ, другъ мой, въ обители, то силенъ Богъ преклонить сердца родительскія не только простить тебя, но и наградить родительскимъ благословеніемъ. Если что и случится, какъ я сама на себѣ испытала, оставляя Бога ради домъ родителя моего, то огради себя терпѣніемъ и вѣрою въ Промыслъ Божій». Ольга Васильевна, не имѣя возможности противиться волѣ настоятельницы, должна была ѣхать обратно въ домъ родительскій.

Радостныя слезы и полные любви упреки встрѣтили Ольгу Васильевну при свиданіи съ родителями. Все здѣсь слилось въ одно: и радость, и горе, и слезы, и строгіе выговоры за нанесенное побѣгомъ оскорбленіе фамиліи. Родители потребовали, чтобы Ольга Васильевна тотчасъ же одѣлась въ приличное платье, потому что они не могли видѣть ее въ такомъ рубищѣ, и чтобы она, забывъ о монастырѣ, осталась въ родномъ домѣ. Но Ольга Васильевна съ твердостію возразила, что, разъ посвятивши себя Богу, она никогда не рѣшится измѣнить своему непреклонному намѣренію, и что простое платье для нея пріятнѣе пышныхъ нарядовъ.

Родители оставили дочь дома; они надѣялись побѣдить ея непреклонность своею родительскою властію. Но эта надежда не сбылась: въ теченіе 8-ми мѣсячнаго пребыванія въ дому родителей, Ольга Васильевна не снимала съ себя простаго своего одѣянія, пребывала въ безпрестанныхъ молитвахъ днемъ и ночью, строго постилась и всегда посѣщала храмъ Божій. Въ такихъ подвигахъ благочестія она не встрѣчала препятствія со стороны родителей; напротивъ мать ея и сама

уже не вкушала скоромной пищи и каждый день неопустительно присутствовала при Богослуженіи. Наконецъ, послѣ сильной борьбы любви родительской, сама мать ея начала убѣждать своего супруга отпустить ее со всѣмъ приличіемъ ихъ званія въ обитель, ею избранную, и наградить отеческимъ благословеніемъ. Согласился и родитель. И вотъ 17 марта 1793 года на 20 году отъ рожденія Ольга Васильевна пріѣхала въ Алексѣевскую обитель, гдѣ настоятельница схимонахиня Марѳа и сестры приняли ее съ радостію.

Впослѣдствіи посѣщали ее родители ея Василій и Параскева; особенно часто въ обитель ѣздила мать ея, которая всѣми была до крайности любима за великое ея благочестіе и любовь ко всѣмъ сестрамъ, такъ что онѣ называли ее своею бабушкою. Творили многія благодѣянія обители и приносили въ храмъ Божій богатыя жертвы отъ усердія своего, какъ-то: сребропозлащенные сосуды, Евангеліе, богато украшенныя иконы. Все это и доселѣ сохраняется въ обители, какъ памятникъ благодѣтелей Стригалевыхъ.

Ольга Васильевна, подъ руководствомъ схимонахини Марѳы, ревностно проходила разныя обительскія послушанія; а въ 1795 году 17-го же марта чрезъ отца Адріана тайно отъ человѣкъ, но явно Богу, приняла иноческій образъ и наречена Олимпіадою. Отселѣ, прилагая усердіе къ усердію, тѣло удручая трудами, умъ обучая послушанію, любви, смиренію, чистотѣ, воздержанію безмѣрному, нестяжанію совершенному, терпѣнію, она стала всѣмъ примѣромъ, всѣми была любима и почитаема, пріобрѣвъ отъ настоятельницы и отъ всѣхъ сестеръ особенное довѣріе, такъ что когда настоятельница схимонахиня Марѳа уѣзжала въ Москву для пріобрѣтенія пособій обители отъ усердныхъ къ ней благотворителей, то Олимпіада Васильевна съ другою старшею сестрою Матроною Емельяновною исправляла всѣ труды по должности настоятельницы обители. Въ 1813 году, по кон-

чинѣ настоятельницы схимонахини Марѳы, всѣ сестры единогласно избрали Олимпіаду Васильевну начальницею обители, но она со слезами умоляла оставить ее простою сестрою, говоря, что она готова исполнять и носить на себѣ весь трудъ будущей настоятельницы, только бы избавили ее отъ наименованія начальницы. Дѣлать было нечего, избрали настоятельницею уже весьма престарѣлую сестру Матрону Емельяновну. Но по волѣ Божіей, тотчасъ по избраніи, Матрона Емельяновна сдѣлалась отчаянно больна и чрезъ 6 недѣль скончалась. Чтобы отклонить отъ себя жребій правленія, Олимпіада Васильевна заперлась въ своей келліи и увѣряла, что не выйдетъ изъ нея, пока сестры не изберутъ другую настоятельницею. Сестры находились въ смущеніи и не знали, что дѣлать. Въ то время проживала въ обители одна извѣстная своей прозорливостію блаженная Елена Аѳанасьевна изъ рода дворянъ Дертьевыхъ. Она передала Олимпіадѣ Васильевнѣ записку съ наказомъ хранить ее и почаще прочитывать слова Іисуса Христа: «пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы; возьмите иго Мое на ся и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ, иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть»,—Спасителя моего слова, Іисуса Христа моего. Это указаніе на заповѣдь Христову склонило Олимпіаду Васильевну покориться волѣ Божіей и избранію сестеръ. Объ этомъ избраніи представлено было на архипастырское благоусмотрѣніе епархіальному преосвященному, и августа 13-го того-же 1813 года, указомъ Нижегородской духовной консисторіи, она утверждена была настоятельницею.

По великому смиренію, Олимпіада Васильевна тяготилась возложеннымъ на нее бременемъ начальствованія, что видно изъ письма ея къ родной своей сестрѣ Прасковьѣ Васильевнѣ отъ 9-го октября 1813 года, гдѣ она пишетъ, что ѣздила къ преосвященному и говорила ему, что бремя начальство-

ванія превосходитъ ея силы. Но владыка отечески увѣщевалъ ее и совѣтовалъ уповать на Божественную помощь и подкрѣпленіе отъ благодати Св. Духа, дѣйствующаго въ немощныхъ сосудахъ. Напутствованная милостивымъ и многократнымъ благословеніемъ архипастыря, какъ она сама изъясняла въ письмѣ своемъ, возвратилась Олимпіада Васильевна въ обитель, чувствуя себя облегченною въ душѣ, какъ скоро себя и сестеръ вручила его архипастырскому покровительству. «Точно камень отвалился отъ сердца моего, писала она, и мракъ, лежащій на душѣ моей, просвѣтился, и, благодареніе Господу! большую чувствую отраду».

По вступленіи своемъ въ должность, новая настоятельница не измѣнила своего правила совершеннаго нестяжанія и воздержанія, даже до самой своей кончины. Мудро управляла она обителію, всѣми была любима, не только сестрами, но и мірскими; всѣ знавшіе ее лично питали глубочайшее уваженіе къ ея особѣ. Она была для сестеръ любвеобильною матерію; если по долгу настоятельницы она должна была въ иное время оказать строгость, сдѣлать выговоръ или наказаніе, то послѣ этого она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока виновная не получитъ прощенія. Она признавалась, что въ тотъ день, когда она знала, что досадуютъ на нее, она не могла прочитать молитву: Отче нашъ. Келейныя сестры, зная это, всегда старались склонять виновныхъ испросить у нея прощеніе. Олимпіада Васильевна одарена была отъ Бога даромъ слова: очень часто изустно дѣлала она мудрыя наставленія при трапезѣ въ общемъ собраніи сестеръ, и слова ея лились, какъ бы она читала по книгѣ. А когда она одержима была болѣзнію, и была необходимость въ ея наставленіи, она своеручно, лежа на болѣзненномъ одрѣ, писала наставленія, которыя или соборнѣ читались въ трапезѣ, или по келліямъ посылала читать довѣренную сестру. Памятникомъ ея простого, безыскусственнаго, но трогательнаго и могучаго слова осталось завѣщаніе сестрамъ,

найденное въ ея бумагахъ въ особенномъ конвертѣ послѣ ея кончины.

Олимпіада Васильевна имѣла особенную вѣру и усердіе къ кіево-печерскимъ угодникамъ, въ честь которыхъ былъ ею сооруженъ придѣлъ въ холодной церкви, иждивеніемъ постояннаго благотворителя обители и усерднаго почитателя настоятельницы, Шуйскаго купца Василія Максимовича Киселева, отзывавшагося о своемъ усердіи вотъ какими словами: «мы вѣруемъ угодникамъ Божіимъ по описанію Богоугодной жизни ихъ, тогда какъ сами мы ихъ никогда не знали и не видѣли; какъ же мнѣ не усердствовать къ угодницѣ Божіей Олимпіадѣ Васильевнѣ, которую столь много знаю по жизни ея благоугодной, и притомъ лично счастливъ знать ее?» Этотъ же купецъ устроилъ богатый сребропозлащенный ковчегъ, въ которомъ хранится 29 частицъ св. мощей, большею частію Кіево-печерскихъ, пріобрѣтенныхъ усердіемъ Ольги Васильевны.

Еще живя въ домѣ родителей, читая Житія Святыхъ, она часто останавливалась мыслію на молитвѣ преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, въ которой онъ испрашивалъ отъ Господа царствія небеснаго и водворенія съ преподобными для тѣхъ, кто будетъ погребенъ на мѣстѣ ихъ обиталища. Въ послѣдніе годы житія Ольги Васильевны эта мысль неотступно влекла ее въ Кіевъ, и она дала обѣщаніе непремѣнно ѣхать поклониться св. мощамъ угодниковъ Божіихъ. Въ 1827 году она просила преосвященнаго Аѳанасія уволить ее въ Кіевъ; но въ этотъ годъ преосвященный просилъ ее не покидать сестеръ и обитель, и отвѣтственность за неисполненное обѣщаніе ея принялъ на себя. Настоятельница повиновалась волѣ архипастыря. Между тѣмъ, въ сонномъ видѣніи она неоднократно сподобилась видѣть преподобныхъ отцевъ Антонія и Ѳеодосія, которые говорили: «мы тебя отъ себя не отпустимъ». Однажды на болѣзненномъ одрѣ, какъ бы не спя, видитъ она себя перенесенною въ Кіево-Печерскій храмъ

и поставленною среди онаго въ сонмѣ преподобныхъ, которые шли въ алтарь чрезъ отверстыя царскія двери, въ которыхъ стояли преподобные Антоній и Ѳеодосій. Ольга Васильевна, испугавшись, старалась уклониться къ западнымъ дверямъ храма, какъ въ то же время стоявшіе сзади ея преподобные подвинули ее къ царскимъ дверямъ и въ алтарь, гдѣ преподобные Антоній и Ѳеодосій, благословивъ ее, ласково сказали ей: «мы ждемъ тебя сюда къ намъ». И это видѣніе воспалило въ ней сильное желаніе отправиться въ Кіевъ на поклоненіе угодникамъ Божіимъ, и побудило обратиться съ просьбою объ увольненіи къ тому же преосвященному 1828 года. Она сдѣлала это тайно отъ сестеръ, дабы прежде времени не безпокоить ихъ вѣстью о разлукѣ съ нею. Къ удивленію, преосвященный безпрепятственно увольнилъ ее. Она была въ неописанномъ восхищеніи; но вдругъ сдѣлалась отчаянно больна и въ одну ночь такъ была опасна, что не надѣялись, что она проживетъ эту ночь. Всѣ толпились около ея келліи въ горести неисповѣдимой и боязни лишиться матери. Въ этомъ отчаянномъ положеніи она нѣкоторымъ сестрамъ говорила, что имѣла намѣреніе ѣхать въ Кіевъ, а теперь Господь зоветъ ее въ иной горній Іерусалимъ. Но на другой же день такую неожиданную получила отраду отъ болѣзни, что первое ея слово было: «видно угодникамъ Божіимъ угодно, чтобы мнѣ быть въ Кіевѣ». И дѣйствительно, мало-по-малу поправляясь отъ болѣзни, вознамѣрилась она испробовать свои силы, понемногу начала выходить и даже замышляла дѣлать приготовленія къ отъѣзду.

Когда всѣмъ стало извѣстно объ отъѣздѣ настоятельцы въ Кіевъ, то помѣщица Марья Михеевна Алфимова дала ей свою карету и своего кучера Андрея. 14-е число іюня 1828 года назначено было днемъ выѣзда. Всѣмъ сестрамъ приказано было для прощанья собраться въ большой Вознесенскій храмъ. Принесли настоятельницу на рукахъ въ церковь, посадили ее, едва дышащую отъ изнуренія силъ, на ея мѣстѣ, про-

тивъ образа Божіей Матери Утоленія печали. Со слезами и воздѣяніемъ рукъ своихъ изливала она слабымъ голосомъ молитвы къ Царицѣ небесной, вручая сестеръ и обитель Матернему Ея покровительству. Отъ громкаго рыданія горестныхъ сестеръ стонъ стоялъ въ церкви. Этотъ день изобразить невозможно: надо было все самому перечувствовать и все видѣть. Замѣчая, что Олимпіада Васильевна уже чрезмѣрно ослабѣла, сестры взяли ее опять на руки и прямо изъ церкви посадили въ карету. Рыданія не прекращались, пока изъ виду не скрылась карета любимой настоятельницы. Съ проводовъ возвратились сестры въ обитель съ неизъяснимою скорбію, какъ бы предчувствуя, что навсегда лишились своей матери.

При смѣнѣ лошадей на первой же станціи Олимпіада Васильевна какъ бы ожила. Пріѣхавши въ Саровскую пустынь, она уже могла бесѣдовать съ иноками. Во все путешествіе до Кіева, она едва, едва иногда переводила духъ, а иногда опять какъ бы оживала. Когда гдѣ случалось подыматься на гору, выходила съ трудомъ великимъ изъ кареты и шла пѣшкомъ, потому что чрезмѣрно боялась подыматься на гору, сидя въ каретѣ. Иногда до того доходило дѣло, что мы страшились, не доѣхавши до Кіева, оставить ее на дорогѣ. Рѣдко выходила она изъ кареты, даже по ночамъ, потому что въ избѣ дѣлалось ей дурно отъ духоты, а когда оставалась на ночь въ избѣ, ночи никогда почти не спала и во всю ночь, какъ бы по книгѣ, читала псалтирь, или что приходило ей на память. Отъ сладости слышать ее, отходилъ и отъ насъ сонъ: она молилась, а мы слушали. Иногда видѣли мы, что она весьма ослабѣвала, а когда насъ замѣчала грустными, утѣшала и ободряла, что непремѣнно Богъ приведетъ намъ до Кіева доѣхать; дѣлалась веселой и шутила съ нами, чтобы насъ утѣшить, или приказывала читать что-нибудь изъ книги св. Димитрія Ростовскаго. Во всю дорогу она жаловалась на ужасный жаръ и постоянно

читала молитвы и Псалтирь съ такими чувствами, что мы плакали. Когда мы подъѣзжали къ Ельцу, тамъ благовѣстили къ обѣднѣ. Олимпіада Васильевна, чувствуя себя нѣсколько лучше, приказала кучеру внести ее на рукахъ на лѣстницу одной двухъэтажной церкви, потомъ сама вошла въ нее и въ продолженіе всей Божественной службы стояла на колѣняхъ и, въ землю кланяясь, плакала отъ радости. По окончаніи службы, опять вынесли ее на рукахъ; до квартиры хотя съ трудомъ, но шла она пѣшкомъ и, взошедши на постоялый дворъ, приказала подать бумагу и написала своею рукою слѣдующее: «видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ милости Отца небеснаго; пою съ Давидомъ: нога моя ста на правотѣ въ церкви; благословить удостоилась Господа, услышавъ Божественную литургію и насладившись сладкаго пѣнія».

Гдѣ только можно было, мы писали въ обитель сестрамъ, и Олимпіада Васильевна подписывала, но запрещала писать, что она слаба, жалѣя сестеръ, «не перепугать бы намъ ихъ», скажетъ бывало. А иногда точно случалось, что мы были въ отчаяніи ея лишиться. Гдѣ только можно было, по городамъ и селамъ, настоятельница всегда почти сподоблялась пріобщенія Св. Таинъ. На Коренной ярмаркѣ Олимпіада Васильевна выходила приложиться къ чудотворной иконѣ Курской Божіей Матери, служила молебенъ съ акаѳистомъ въ церкви. Пріѣхавши въ богатый городъ Курскъ, мы 2 часа проѣздили, ища пристанища: ни на постоялый дворъ, ни въ домъ никто насъ не пускалъ; видя матушку столь слабую, вездѣ отказывали въ ночлегѣ со словами: «не надо намъ больныхъ». Кое какъ допустили внести ее въ самую плохую избу. Хотя и были въ Курскѣ извѣстные матушкѣ благодѣтели и подъѣзжали мы къ дому ихъ, но и они отказывали. Вездѣ была страшная остановка въ почтовыхъ лошадяхъ по случаю войны и проходившихъ всюду войскъ и начальниковъ. Пріѣхавши въ мѣстечко Барвары, мы тутъ долго

ждали. Матушкѣ сдѣлалось весьма дурно; она увѣряла насъ, что умираетъ, и вѣроятно угодники Божіи не допускаютъ ея доѣхать до Кіева; мы находились въ самомъ мучительномъ состояніи, видя Олимпіаду Васильевну совершенно истощенною въ силахъ. Это было 3-го іюля.

Наконецъ, съ большимъ затрудненіемъ мы изъ Барваровъ выѣхали въ 7 часовъ вечера и въ 9 часовъ въѣхали въ Кіевскую крѣпость въ домъ комендантши Аракчеевой. Настоятельницѣ угодно было ѣхать тотчасъ въ Лавру; но такъ какъ уже поздно было, церковь нашли запертою. Побѣжали попросить отпереть двери церковныя, а матушку Олимпіаду Васильевну положили у дверей церковныхъ совершенно ослабѣвшую въ силахъ. Къ нашему несчастію ключаря дома не было, и ключей не нашли; опять должны были страждущую мать воротить на квартиру. Изобразить невозможно восхитительную радость ея, что, наконецъ, послѣ столь продолжительнаго, можно сказать страдальческаго, ея путешествія, доѣхали мы до Кіева.

По пріѣздѣ въ Кіевъ еще успѣла страдалица быть въ Великой церкви 10 числа іюля на праздникъ у всенощной и у обѣдни, была въ восхищеніи, и Господь подкрѣпилъ ея силы. 11 въ день своего ангела также была у службъ церковныхъ, и въ церкви пріобщилась Св. Таинъ Христовыхъ. Потомъ едва дышащую водили мы ее подъ руки въ ближнія пещеры, а на дальнихъ не была; но тѣломъ своимъ тамъ почиваетъ.

Съ тѣхъ уже поръ она постоянно отчаянно была больна; одно утѣшеніе и отраду имѣла въ томъ, что Господь привелъ ей доѣхать до Кіева; часто пріобщалась Божественныхъ Таинъ Христовыхъ и съ восторгомъ смотрѣла безпрестанно изъ окошка нашей квартиры на Великую церковь. Въ Кіево-Печерской лаврѣ не позволялось монашествующимъ исправлять каковыя-либо требы, для этого устроена приходская церковь. Но по благословенію Его Высокопреосвященства лаврскій

іеромонахъ Логгинъ, духовникъ Олимпіады Васильевны, сподоблялъ ее самъ причащенія Св. Таинъ, а также соборованіе, выносъ тѣла по кончинѣ ея и самое отпѣваніе производились лаврскимъ духовенствомъ. Отпѣваніе было монашеское; равно и погребеніе тѣла ея на дальнихъ пещерахъ произошло не безъ особеннаго Промысла Божія. Никого изъ умершихъ женскаго пола не хоронятъ въ Лаврѣ, даже самихъ братій скончавшихся отвозятъ въ Китаевскую пустынь, въ 7 верстахъ отъ Лавры. При жизни еще Олимпіады Васильевны въ Кіевѣ скончалась одна богатая купчиха, пріѣхавшая на поклоненіе св. мощамъ, и на вопросъ нашей матушки: гдѣ ее положили? сказали, что повезли ее въ пустынь. Матушка заплакала и сказала: «нѣтъ уже мнѣ надежды быть погребенной въ Кіевѣ: я бѣдная, а она была богатая купчиха, и тоже желалось ей быть въ Лаврѣ положенною, но не сподобилась этого». Едва, едва г-жа Аракчеева могла увѣрить Олимпіаду Васильевну, что будетъ стараться о погребеніи ея въ Лаврѣ. Но однако послѣ намъ говорила: «я только утѣшаю матушку, а этого быть не можетъ,—въ Лаврѣ обычая нѣтъ погребать лицъ женскаго пола».

Архимандритъ, намѣстникъ Лавры, тотчасъ по кончинѣ матушки, отправился къ митрополиту, чтобы доложить Его Высокопреосвященству, что настоятельница Алексѣевская скончалась. Митрополитъ самъ благоволилъ спросить: гдѣ сестры желаютъ ее положить? Намѣстникъ отвѣчалъ: «онѣ желаютъ положить хотя бы возлѣ схимника». Преосвященный возразилъ: «нѣтъ это не мѣсто, схимникъ почиваетъ на самой дорогѣ, положите ее на дальнихъ пещерахъ близъ церкви». Намѣстникъ, удивленный такою Архипастырскою милостію, уже болѣе ничего не могъ ему сказать, боясь, какъ бы Владыка не перемѣнилъ своего назначенія. Получивъ такое неожиданное благословеніе, онъ возвратился къ намъ; мы выбѣжали къ нему на встрѣчу (онъ, царствіе ему небесное! милостивъ и отечески снисходителенъ былъ къ

намъ, сирымъ, во все наше пребываніе въ Лаврѣ). Первое его слово было: «сестры! видно угодила Господу мать ваша; вотъ какую милость Владыка оказалъ, вотъ гдѣ положить ее самъ назначилъ!» Представьте же наше нежданное удовольствіе! Мы внѣ себя были при всей нашей печали. Надъ тѣломъ ея читалось Св. Евангеліе поперемѣнно священниками, и въ руки ея данъ былъ св. крестъ кипарисный, по кіевскому обыкновенію. Она, поистинѣ, была крестоносица!

При послѣднихъ дняхъ жизни матушки, именно 2-го числа августа въ 7 часовъ вечера вдругъ входитъ къ намъ Никаноръ Ивановичъ Посылинъ. Онъ ѣхалъ чрезъ Кіевъ въ Ромны на ярмарку и, услышавъ, что здѣсь настоятельница Алексѣевской обители, пожелалъ видѣть ее. Матушка его узнала и съ большимъ усиліемъ начала съ нимъ говорить, но говорила такъ тихо и слабо, что едва можно было разобрать; съ улыбкой доказывала, какъ пріятно ей было его посѣщеніе. Онъ заплакалъ, неоднократно кланялся ей въ ноги; прощаясь опять поклонился и спросилъ матушку: «не имѣете ли вы какой нужды?» Она едва выговорила: «батюшка! въ дорогѣ не безъ нужды». Посылинъ сейчасъ вынулъ 1,000 р. ассигнаціями и положилъ ей подъ подушку. Надо было видѣть чувствительность страждущей матери! Она зарыдала, начала простирать слабыя свои руки къ небу и умиленнымъ голосомъ произнесла: «воздай тебѣ Господи!» Онъ, простясь съ нею, до свиданія на возвратномъ его пути, вышелъ въ слезахъ. Проводя его и увидѣвъ столь богатый подарокъ его, она съ плачемъ сказала намъ: «вотъ, сестрицы, кто этого ожидалъ? и знаешь ли, отъ кого милость получишь?» Мы дѣйствительно имѣли нужду въ деньгахъ. Анна Аѳанасьевна г-жа Костылева, во время нашего пребыванія въ Кіевѣ, прислала 500 руб. ассигнаціями, но они почти всѣ были издержаны, а намъ предстояли еще страшные расходы. Надо было и возвращаться. Матушка вынуждена была чрезъ письмо изъ Кіева просить извѣстнаго благодѣтеля

В. М. Киселева оказать намъ помощь; но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ деньги отъ него долго не высылались и уже не застали насъ въ Кіевѣ. На деньги г-на Посылина мы совершили погребеніе и возвратились въ Алексѣевскую обитель; и сверхъ того еще 150 руб. остальные привезены были въ общину.

Какую неограниченную любовь имѣла матушка Олимпіада Васильевна къ сестрамъ! При всѣхъ страданіяхъ своихъ она никогда безъ особеннаго прискорбія не воспоминала о нихъ; нѣсколько разъ собиралась она ѣхать изъ обители, хотя сердце ея было въ Кіевѣ, призывала нѣсколько разъ кучера и приказывала, чтобы готовился къ отъѣзду, едва дышащая; а потомъ скажетъ: «да какъ же мнѣ не ѣхать? Преподобные печерскіе Антоній и Ѳеодосій обѣщали мнѣ, что не отпустятъ меня, а сестрамъ тяжело будетъ». И при самомъ почти исходѣ праведной души ея, она воображала, что она въ обители, и приказывала намъ исполнить послѣднее послушаніе, чтобы по келліямъ читали Евангеліе и намъ также велѣла читать Евангеліе о страшномъ судѣ. При самомъ исходѣ души ея приходилъ священникъ со Св. Дарами; но такъ какъ сутки еще не вышли, а она была уже пріобщена по утру того дня, то и не рѣшился пріобщить, а прочитана была отходная для души ея молитва, и едва священникъ, благословивъ ее, вышелъ изъ двери, она испустила духъ въ мирѣ, безъ малѣйшаго страданія, взирая угасающимъ взоромъ на поставленный предъ одромъ ея образъ Спасителя. Такъ скончалась мать Олимпіада на 56 году отъ рожденія, 6 августа въ 9 часовъ вечера 1828 года. Тѣло ея, какъ выше сказано, вынесено, отпѣто лаврскимъ духовенствомъ и положено на дальнихъ пещерахъ близъ церкви Рождества Богородицы. Миръ праху твоему, возлюбленная матерь!

Впослѣдствіи купцомъ Киселевымъ устроенъ на могилѣ Олимпіады Васильевны чугунный памятникъ съ приличною надписью и рѣшеткою, а въ память ея принесены имъ въ даръ

многія сребропозлащенныя утвари для Кіево-Печерскаго храма на дальнихъ пещерахъ, гдѣ покоятся останки матери нашей Олимпіады. Вотъ какую замѣтку встрѣчаемъ мы въ журналѣ: «Сынъ Отечества» за 1829 годъ: «Настоятельница знаменитой Арзамасской общины Ольга Васильевна Стригалева принадлежитъ къ малому числу тѣхъ умныхъ и необыкновенныхъ особъ, кои повсюду оставляютъ слѣды добродѣтели. Претерпѣвая несносныя страданія отъ недуга, коего жестокость лишаетъ ее малѣйшаго движенія, а нерѣдко и самыхъ чувствъ, Ольга Васильевна управляетъ сею общиною 25 лѣтъ и заслужила уваженія отъ всего города, любовь и неограниченную преданность сестеръ, всѣ, кто ее лично знаетъ, питаютъ глубочайшее уваженіе къ ея особѣ. Надобно быть въ Алексѣевской общинѣ, чтобы собственными наблюденіями повѣрить мои безпристрастныя замѣчанія, надобно, повторяю, видѣть всѣ мудрыя распоряженія Ольги Васильевны и нерушимый порядокъ, постоянно царствующій въ обители, иначе всѣ похвалы мои не заслужатъ полнаго довѣрія. Она начертала превосходный планъ для главной церкви въ общинѣ. Всѣ послушницы участвовали въ устроеніи сего храма. Недавно услыхалъ я, что почтеннѣйшая настоятельница Ольга Васильевна скончалась, и всеобщая скорбь жителей Арзамаса ознаменовала смерть ея» *).

Священникъ Максимъ.

(Память 7-го августа).

Въ с. Тулиголовѣ (Глухов. уѣзда) жилъ священникъ о. Максимъ Ѳоминъ, извѣстный въ приходѣ по глубоко благочестивой жизни. Старики, лично знавшіе его, разсказывали,

*) См. краткое описаніе жизни настоятельницы Арзамасской Алексѣевской общины Ольги Васильевны Стригалевой, во иноки няхъ Олимпіады,—гдѣ помѣщены завѣщаніе и наставленія схим. Олимпіады. Казань. 1892 г.

что онъ былъ весьма кротокъ и безкорыстенъ въ высшей степени: за требы довольствовался и кускомъ хлѣба. До самой смерти не переставалъ служить Господу; когда за великою слабостію не могъ придти въ церковь, онъ призывалъ къ себѣ причетника, и тотъ читалъ ему дневную службу; безъ слушанія службы не проходило у него дня. Скончался онъ въ 1810 году. Прошло сорокъ лѣтъ. Въ Тулиголовѣ вздумали строить каменный храмъ въ честь Успенія Богоматери. При копаніи рвовъ для фундамента храма, открытъ былъ дубовый гробъ священника Максима Ѳомина; тѣло покойнаго, облаченіе, крестъ въ рукахъ—оказались цѣлыми. Гробъ стоялъ на открытомъ воздухѣ 10 дней, и—не послѣдовало никакой перемѣны съ тѣломъ и одеждою почившаго. Надъ гробомъ вывели арку, и сокрыли его подъ правой стѣною храма; на стѣнѣ прибили мѣдную доску съ надписью: «на семъ мѣстѣ погребено тѣло умершаго въ 1810 г. священника Максима Ѳомина *).

Схимонахъ Іоаннъ Валаамскій..

(Память 7-го августа).

Схимонахъ Іоаннъ, въ мірѣ Иларіонъ Родіоновъ, происходилъ изъ крестьянъ деревни Рогалева, Ярославской губерніи, Пошехонскаго уѣзда, Верещагинской волости. Родился въ 1810 году. Родственники его были раскольниками. Иларіонъ Родіоновъ въ дѣтствѣ былъ обученъ грамотѣ. Вблизи его родины находится Адріановскій-Пошехонскій монастырь, въ которомъ открыто почиваютъ мощи преп. Адріана Пошехонскаго. Въ годы юности Иларіона въ этой обители былъ одинъ старецъ подвижнической жизни и богатый мудростью духовною. Иларіонъ посѣщалъ эту обитель. Бесѣды старца благо-

*) Изъ Истор.—статист. опис. Черн. еп.

творно подѣйствовали на живую и воспріимчивую душу юноши-раскольника. Юноша вскорѣ разъ навсегда оставилъ расколъ и около четырехъ лѣтъ прожилъ въ Адріановскомъ монастырѣ послушникомъ. Въ 1835 году 25 лѣтъ отъ роду, Иларіонъ прибылъ на Валаамъ, при игуменѣ Веніаминѣ. Ревнуя о подвижнической жизни, онъ проходилъ дѣло святого послушанія со всѣмъ усердіемъ. Здѣсь же обрушилась на него и брань отъ діавола. Объ этомъ самъ о. Іоаннъ разсказывалъ впослѣдствіи такъ: «въ первоначальное поступленіе мое на жительство въ число братства Валаамской обители, діаволъ позасталъ на меня съ обычною своею адскою злобою и понудился вытащить меня опять на мірскую жизнь. Однажды пребывающу мнѣ въ моей келліи,—тогда я былъ на послушаніи келейникомъ у о. намѣстника,—ночью діаволъ вошелъ въ мою келлію чувственнымъ образомъ, въ видѣ сѣдого старика, схватилъ меня за ногу и потащилъ вонъ изъ келліи, приговаривая: выходи вонъ изъ монастыря! При такомъ дерзкомъ его поступкѣ, пришлось мнѣ скакать на одной ногѣ до дверей келліи, гдѣ сатана отпустилъ ногу, самъ исчезъ, а я, оправившись, сталъ на обѣ ноги и обратился молитвенно къ Богу. Послѣ такого видимаго діавольскаго искушенія, постигло меня невидимое искушеніе отъ того же врага: меня стали смущать мысли, чтобъ я возвратился опять въ міръ. На помощь сему искуснтелю явились и мои родственники, которые стали писать мнѣ, чтобъ я возвратился обратно въ міръ, обрисовывая мнѣ всю красоту мірской жизни. Въ это же время какими-то путями, при всей затруднительности сообщенія въ то время, добралась до Валаама родная моя сестра, которая тоже стала упрашивать меня убѣдительно, чтобъ я возвратился опять въ міръ. Такъ, Богу попускающу, мысленный врагъ всѣми искушеніями, видимыми и невидимыми, со всѣхъ сторонъ окружилъ меня: я сталъ колебаться. Притомъ, разсуждалъ, что если жить въ монастырѣ, то прежде всего нужно достать увольненіе. Подъ этимъ, какъ будто

добрымъ, предлогомъ я выпросился у о. игумена Веніамина съѣздить домой—за увольненіемъ; о. игуменъ отпустилъ, и я поѣхалъ. Врагу человѣчества это и нужно было—подъ какимъ бы то ни было предлогомъ исторгнуть меня изъ монастыря. Когда я возвратился въ міръ, тутъ обступили меня всѣ прелести міра сего; родные мои стали уговаривать меня жениться, обѣщая многое. При такихъ сильныхъ убѣжденіяхъ, искусившихъ меня, я сталъ склоняться; прежнее мое усердіе къ иноческой жизни стало ослабѣвать; я согласился на предложеніе родныхъ—женился—тутъ и конецъ всему: Богу попускающу, врагъ свое сдѣлалъ. Сталъ я жить обычною мірскою жизнью; торговалъ, ѣздилъ въ Нижегородскую ярмарку, все шло по внѣшности какъ будто бы ладно, разумѣется—не безъ кораблекрушенія душевнаго. Но вотъ милость Божія снова явилась на мнѣ. Жена моя, съ которой недолго пришлось жить, и дѣти мои померли. Лишившись любезныхъ моему сердцу, я какъ бы отъ сна проснулся, снова прозрѣлъ душевно и увидѣлъ, куда я уклонился отъ истиннаго Божьяго пути, увидѣлъ, что въ мірѣ семъ все суета суетствій, оставилъ все и снова возвратился на любимый мною Валаамъ, уже при игуменѣ Дамаскинѣ въ 1840 году».

Поступивъ вторично на жительство въ Валаамскій монастырь, Иларіонъ три года прожилъ безъ приписки къ монастырю. 27 февраля 1843 года, формально, по указу, опредѣленъ въ послушники, а 6 августа 1847 года постриженъ въ монахи и нареченъ Ириneемъ. Старательно и послушно несъ онъ всѣ тяжелыя послушанія, возлагавшіяся на него игуменомъ Дамаскинымъ. Занимался съ усердіемъ обработкой полей, уборкой и молотьбой хлѣба, къ чему не былъ подготовленъ жизнью въ мірѣ, гдѣ велъ торговлю. Кромѣ того, на немъ продолжительное время лежало еще одно послушаніе—поѣздки по озеру въ гор. Сердоболь (въ 40 в. по водѣ) съ почтой и по другимъ монастырскимъ надобностямъ. Въ

этихъ поѣздкахъ часто приходилось ему подвергаться всѣмъ неудобствамъ пути по озеру въ разныя времена года. Разъ онъ зимою ѣхалъ по льду съ почтою на лошади. Когда переѣзжалъ переломъ льда, лошадь у него провалилась въ переломъ. Онъ былъ одинъ; помочь вытащить лошадь некому было; долго онъ бился, вытаскивая ее; наконецъ, выбившись изъ силъ, онъ обратился молитвенно къ своимъ покровителямъ, преподобнымъ Сергію и Герману, Валаамскимъ чудотворцамъ, и простосердечно воскликнулъ: «Преподобные отцы Сергій и Германъ! вы видите, что я одинъ не могу лошадь вытащить и вотъ ужъ изъ силъ выбился. Неужели вы попустите, чтобы монастырская скотина погибла? Это будетъ монастырю ущербъ и мнѣ скорбь—помогите мнѣ!» Съ этими словами онъ взялся снова тащить изъ воды лошадь,—и что же? Лошадь онъ легко вытащилъ и поѣхалъ дальше. Сохранились двѣ замѣтки, писанныя покойнымъ собственноручно и относящіяся къ его опаснымъ путешествіямъ по Ладожскому озеру, которыя обрисовываютъ его глубокую вѣру. Въ нихъ инокъ писалъ такъ: 1) «1842 года, мѣсяца декабря, 28 числа, съ почтой изъ деревни Отсоненъ пошли въ двѣнадцатомъ часу поутру. Пошли на озеро. Четыре человѣка насъ было. Отошли отъ берега въ озеро на Валаамъ. Отошли отъ берега шесть верстъ. Подулъ вѣтеръ меженикъ, сильный. Тогда ледъ оторвало отъ берега, понесло въ озеро, начало ломать, переломало въ полчаса. Ледъ толщиной въ два вершка. Мы бѣжимъ по льду, перескакиваемъ по льдинамъ. Сломало на штуки (на куски). Ледъ идетъ въ море (въ озеро). Добѣжали до половины озера—переломъ въ 40 саженъ ширины. Тогда я побѣжалъ, нашелъ льдину—четырехъ человѣкъ подымаетъ. Встали на льдину, помолились на монастырь, угодниковъ просили на помощь Сергія и Германа, Николая Чудотворца, и перенесло (черезъ) переломъ. Опять побѣжали впередъ. Добѣжали до другого перелома, въ 60 саженъ ширины. Я опять нашелъ льдину. По-

молились на монастырь и встали на льдину. И понесло насъ. Страшно было намъ стоять: боялись, что сломаетъ (льдину) волной. На льдинѣ воды было 2 вершка. Перенесло переломъ. Опять побѣжали впередъ. Ледъ идетъ въ море (въ озеро). Мы бѣжимъ по льдинамъ, перескакиваемъ по льдинамъ. Ледъ гладкій (скользкій). Нельзя было въ сапогахъ идти. Сняли сапоги, въ чулкахъ шли, сапоги въ рукахъ несли. Какое мученіе намъ было! Стало темнѣть. Островъ недалеко, полверсты не добѣжали до острова. Отъ острова ледъ сто саженъ ширины. Попасть нельзя на островъ. Кругомъ вода. Ледъ остановился напротивъ скитскихъ горъ. Прибѣжали — темно стало. Бѣгаемъ, грѣемся: на ногахъ чулки мокрые и портянки (мокрыя). Ногамъ холодно очень. Пришли къ острову въ 8 часовъ вечера. Морозу 12 градусовъ. Дожидали, когда замерзнетъ переломъ, — до перваго часа дожидали. Пришли на Предтеченскій островъ во второмъ часу пополуночи. Ночевали въ рыбацкой избѣ. Поутру встали—смотримъ: ледъ унесло; чисто на озерѣ. Какой страхъ былъ намъ смотрѣть: только перешли на островъ, ледъ унесло въ море (въ озеро). Пришли поутру въ монастырь, разсказываемъ о своемъ путешествіи. Въ мою бытность, на озерѣ восемь разъ лошадь въ переломахъ проваливалась по уши. Иногда одинъ ѣдешь на берегъ. Три раза случалось на озерѣ ночевать съ лошадью. Погода со снѣгомъ страшная; съ дороги собьешься въ сторону. Я возьму—лошадь выпрягу, къ санямъ привяжемъ. Съ мальчикомъ сами въ саняхъ сидимъ, до свѣту дожидаемъ. При игуменѣ Дамаскинѣ случилось». II) «1864 года, мѣсяца октября, случилось намъ на озерѣ. Отправились отъ Никольскаго острова въ озеро на почтовой лодкѣ, при одномъ парусѣ; вѣтеръ былъ сильный, въ десять часовъ поутру. Бѣжали до берега 2 часа. Водой забрызгало; одежа на насъ замерзла; перезябли на лодкѣ. Не добѣжали до залива 50 саженъ,—вдругъ ударилъ вѣтеръ изъ залива навстрѣчу паруса: тогда понесло

лодку къ острову Хабасаръ. Волны катятъ со всего озера на островъ. Бросаетъ на десять саженъ. Разсыпается волна по каменьямъ. Страшно было смотрѣть намъ. Тогда несло лодку къ острову. Тогда видѣли смертный часъ. Ожидали, когда лодку донесло до острова. Мы думали, — ударитъ лодку о скалу. Лодка дошла до скалы, не стукнулась, остановилась легко. Тогда народъ бросился на берегъ съ лодки. Полминуты времени не было—волна покрыла насъ на камняхъ. Сажень воды было, но скоро назадъ ушла. Тогда далеко убѣжали на гору. Когда въ водѣ были, лодка не пошла черезъ насъ. Когда убѣжали далеко, тогда лодку бросило далеко на каменья — отъ воды 8 саженъ. Тогда благодарили Бога и угодниковъ Сергія и Германа и Николая Чудотворца: они насъ спасли отъ великой бѣды. Тогда помолились на монастырь, благодарили Бога, что остались живы, и угодниковъ нашихъ Сергія и Германа и Николая Чудотворца: они насъ сохранили. Часъ пополудни. Тогда побѣжали на гору острова. Кругомъ острова вода: нельзя попасть съ острова; лодокъ нѣтъ; отъ острова до деревни двѣ версты. Бѣгали по острову, кричали. Никого не видать. Устали бѣгать, не можемъ и ходить. На всѣхъ одежа мокрая, ничего сухого не было. Одежа замерзла на насъ. Ноги—какъ чурки стали. Очень трудно было намъ. Мы думали—погибнемъ отъ морозу. Спички у всѣхъ подмочило. Однако достали огонь. Благодарили за огонь Бога и угодниковъ нашихъ Сергія и Германа и Николая Чудотворца: они насъ сохранили отъ великой бѣды. Огонь достали въ девять часовъ вечера. Дрова сырые, не горятъ. Вѣтеръ со снѣгомъ. До свѣту стояли у огня. Дымъ. Глаза изъѣло дымомъ. Сѣна нашли стожокъ. Закладали за одежу—полегче стало намъ отъ сѣна. Хлѣбъ унесло—три хлѣба. Сутки безъ хлѣба жили. Поутру сдѣлали плотъ изъ жердей и переѣхали на берегъ. Достали лодку, пріѣхали на островъ Хабасаръ за нами и перевезли въ деревню, на островъ Самосаръ. Народу на лодкѣ 13 человѣкъ. Одежа

худая на нихъ: народъ бѣдный. Островъ вышины 40 саженъ. Лѣсу мало очень, чистый каменный. Островъ Хабасаръ отъ монастыря разстояніемъ 23 версты. При игуменѣ Дамаскинѣ случилось. Лодку сломало о каменья. Хоть сами спаслись, слава Богу!» Изъ этого уже можно видѣть, какъ было тяжело такое послушаніе и какъ оно закаляло духъ подвижничества!

Былъ онъ также на послушаніи въ просфорнѣ. Какъ человѣкъ грамотный, исполнялъ и чреды церковнаго чтенія по нѣскольку разъ въ недѣлю. Обладая пріятнымъ тенóромъ, онъ принималъ участіе и въ клиросномъ пѣніи.

По времени его хотѣли посвятить во іеродіакона. Въ этомъ дѣлѣ онъ прибѣгъ за совѣтомъ къ игумену Дамаскину. «Батюшка! сказалъ онъ о. Дамаскину: отъ вашего предложенія принять мнѣ санъ священства я хотѣлъ бы отказаться, ибо сознаю свое недостоинство; но, чтобы впослѣдствіи не тревожила меня мысль, что я сдѣлалъ это по *своей* волѣ, безъ совѣта настоятеля, рѣшите вы сами: идти ли мнѣ въ священство или нѣтъ?» — Мудрый настоятель, подумавъ мало, сказалъ ему: «да, священство—великое дѣло; принявъ священство, надо быть житіемъ какъ ангелу, а человѣкъ немощенъ: оставайся-ка такъ, простымъ монахомъ».—Принявъ рѣшеніе отъ настоятеля, какъ отъ Самого Бога, онъ остался въ спокойствіи духа на все продолженіе своей жизни.

Когда онъ проходилъ разнообразныя послушанія, между прочимъ, ему поручена была должность келліарха, въ которой онъ пробылъ много лѣтъ въ трудное для Валаама время, когда здѣсь было не мало *подначальныхъ*. Келліархъ, по самому роду своего послушанія, имѣлъ самыя непосредственныя отношенія и къ братіи, и ко всѣмъ живущимъ въ монастырѣ. Отецъ Иринеи былъ весьма близокъ къ игумену Дамаскину, и послѣдній, зная въ немъ истиннаго послушника и всегда вѣрнаго исполнителя своихъ приказаній и порученій, посылалъ его для увѣщанія буйныхъ *подначальныхъ*, чтобы они имѣли покорность къ настоятелю, сами не бунтовали и не мутили братію. Нерѣдко, возвратясь отъ нихъ, онъ доносилъ настоятелю: «Батюшка! былъ я, по вашему благословенію, у *подначальныхъ*, для увѣщанія; но они до того разбушевались, что пишутъ на васъ доносъ и увѣрены въ своемъ предпріятіи,—что много надѣлаютъ вамъ зла».—Мудрый настоятель, исполненный упованія на Бога, имѣя залогомъ безупречную совѣсть и чистоту своихъ дѣйствій и намѣреній, говорилъ ему съ твердостью духа: «не бойся, чадо! Всѣ эти возмутители, возстающіе противъ власти, Богомъ поставленной, скоро исчезнутъ и сами впадутъ въ яму, которую искапываютъ».—Это и дѣйствительно сбывалось въ точности. Тяжелая пора такихъ буйныхъ *подначальныхъ* по времени миновала Валаамъ благополучно.

Игуменъ Дамаскинъ любилъ о. Иринея и въ своихъ путешествіяхъ по островамъ въ окрестности Валаама часто бралъ его съ собою. И тутъ случалось, что слабый весенній ледъ, по которому они переходили, ломался подъ ихъ ногами, и приходилось проваливаться; но, хранимые благодатію Божіею, они освобождались отъ опасности и продолжали свой путь по дѣламъ послушанія благополучно.

Отецъ Иринеи всегда имѣлъ желаніе удалиться на пустынное житіе. Игуменъ Дамаскинъ похвалялъ его доброе намѣреніе; но время еще не приспѣло. Наконецъ, при основаніи Предтеченскаго скита, въ 1857 году, рука отца Иринея первая начала рубить лѣсъ, очищая мѣсто для скита въ честь Предтечи Господня Іоанна. По созданіи скита, онъ первый и поселился на жительство въ этомъ скиту, при самыхъ постническихъ условіяхъ жизни; а впослѣдствіи, при постриженіи въ схиму, 13 августа 1870 года, получилъ и имя великаго угодника Божія—Іоанна.

Слишкомъ *тридцать лѣтъ* подвизался о. Іоаннъ въ Предтеченскимъ скиту. Подвиги о. Іоанна здѣсь были необычные; труды—превосходящіе силы; молитва—непрестан-

ная. Молиться онъ любилъ болѣе въ церкви; въ келлію же свою приходилъ только для чтенія отеческихъ книгъ и для краткаго отдыха. Онъ говаривалъ: «зачѣмъ мнѣ въ келліи молиться, когда у насъ есть двѣ церкви? Вѣдь, въ церкви обитаетъ Самъ Господь: за то и мнѣ утѣшительно тутъ совершать молитвенные подвиги, и я тутъ—какъ на Ѳаворѣ съ Господомъ, осіяваемый небеснымъ свѣтомъ». Съ глубокой ночи онъ приходилъ въ церковь и тутъ впотьмахъ, безъ огня, упражнялся въ молитвѣ, богомысліи и полагалъ много поклоновъ. Когда же приближалось время общаго утренняго правила, онъ обходилъ по пустынькамъ (отдѣльнымъ домикамъ скитскимъ) и приглашалъ старцевъ на утреннее славословіе, которое нерѣдко совершаемо было и безъ огня, наизусть. — «А что забудешь, — говорилъ смиренный пустынникъ, —падешь ницъ и своей малоумной молитвой дополнишь. Словъ не хватитъ, слезами. Оно точно какъ слѣдуетъ и выходитъ». Обыкновенно пустынножители Предтеченскаго скита собирались на общее молитвенное правило зимою въ нижнюю (теплую) церковь во имя трехъ Святителей, а лѣтомъ — въ верхнюю (холодную) во имя Іоанна Предтечи. Отецъ Іоаннъ всегда, не взирая и на зимніе морозы, послѣ общаго молитвеннаго богослуженія, уходилъ въ верхнюю церковь и тамъ пребывалъ долго, совершая въ алтарѣ, предъ Распятіемъ, стоящимъ на горнемъ мѣстѣ, множество земныхъ поклоновъ, такъ что отъ поклоновъ его на этомъ мѣстѣ образовались на полу знаки. «Зачѣмъ ты, о. Іоаннъ, — спрашивали подвижника, —въ такіе морозы ходишь молиться въ верхнюю церковь? Вѣдь, тамъ холодно. Не лучше ли тебѣ молиться въ нижней церкви? Тамъ теплѣй».—«Въ холодной церкви,—отвѣчалъ тотъ,—мнѣ не такъ жарко класть опредѣленные схимническіе поклоны, которые я обязанъ каждодневно исполнять».—Четки въ рукахъ у о. Іоанна постоянно были въ дѣйствіи; онъ всегда перебиралъ ихъ съ молитвою; а на плечахъ у мантіи всегда можно было видѣть

либо большія заплатки, либо пробоины отъ постояннаго ударенія по этимъ мѣстамъ при совершеніи крестнаго знаменія во время поклоновъ.

Отецъ Іоаннъ былъ довольно словоохотливъ,—что, впрочемъ вытекало изъ самыхъ свѣтлыхъ, привлекательныхъ качествъ его личности: добродушія и чистоты сердечной. Онъ любилъ говорить и умѣлъ говорить хорошо, складно. Съ первоначальнаго поступленія своего на жительство въ Предтеченскій скитъ о. Іоаннъ, съ благословенія игумена Дамаскина, предпринялъ великій подвигъ—подвигъ *молчанія*, въ которомъ провелъ *четырнадцать лѣтъ*. Игуменъ Дамаскинъ далъ ему такой урокъ: «вотъ ты, о. Іоаннъ, считай себя недостойнымъ говорить съ людьми,—молчи. Говорить, или бесѣдовать, разрѣшается тебѣ только съ Богомъ, въ церкви, при совершеніи молитвенныхъ славословій, и, *въ случаѣ нужды*, съ настоятелемъ и съ духовникомъ, при откровеніяхъ и исповѣдяхъ». Такъ онъ и проводилъ свою жизнь въ молчаніи, хотя съ прочею братіею постоянно находился въ общихъ трудахъ, какъ-то: въ воздѣлываніи огородовъ, садовъ, въ лѣсныхъ работахъ и т. п. Со всѣми и всегда держалъ себя такъ, какъ бы вовсе не умѣлъ говорить; въ церкви же, при богослуженіи, пѣлъ и читалъ громогласно. Легко ли было совершить такой подвигъ человѣку словоохотливому, а главное—легко ли было привыкнуть такому человѣку къ безмолвію?—можетъ разсудить всякій. Между тѣмъ, о. Іоаннъ пробылъ въ совершенномъ молчаніи *четырнадцать лѣтъ!* О. Дамаскинъ, испытавъ его послушаніе, и чтобы тотъ не возгордился своимъ подвигомъ, приказалъ ему разрѣшить молчаніе и снова говорить, какъ обычно, сказавъ ему: «ну, о. Іоаннъ, ты недостоинъ такой великій подвигъ нести; говори опять, какъ и обычно». И смиренный подвижникъ съ чистосердечною покорностью принялъ это приказаніе настоятеля, и съ тѣхъ поръ сталъ опять говорить со всѣми.

Въ Предтеченскомъ скиту о. Іоаннъ прожилъ всѣ 30 лѣтъ, при самомъ строгомъ постническомъ уставѣ. Пища тамъ опредѣлена всегда постная, исключительно растительная; рыбную или молочную пищу не дозволяется употреблять никогда, хотя бы даже и въ великіе праздники; даже и чай пить не дозволялось. При такихъ постническихъ строгихъ правилахъ, онъ всегда былъ легокъ, веселъ и здоровъ. Оставшееся отъ молитвы время онъ употреблялъ на совмѣстныя работы съ прочею братіею: пилилъ въ лѣсу дрова, проводилъ по острову дороги, воздѣлывалъ садъ и огородъ, а въ зимнее время дѣлалъ изъ осины лукошки и плелъ изъ вѣтвей мебель и корзины для монастырскихъ надобностей.

Отецъ Іоаннъ и по времени своего долголѣтняго пребыбыванія, и по возрасту былъ старшимъ въ Предтеченскомъ скиту, хозяиномъ скита—что касается несложнаго его управленія, а для младшихъ членовъ скитскаго братства былъ, сверхъ того, руководителемъ въ жизни духовной, наставникомъ, учителемъ и живымъ примѣромъ для подражанія.

По постриженіи въ схиму (13 августа 1870 г.), о. Іоаннъ пробылъ въ Предтеченскомъ скиту еще болѣе пятнадцати лѣтъ. Въ бытность свою здѣсь онъ лишился одного глаза. Проходя изъ церкви черезъ садъ, онъ накололъ глазъ сучкомъ яблони. Хотя глазъ впослѣдствіи и зажилъ, но все-таки о. Іоаннъ ослѣпъ на этотъ глазъ. Однако благодушный старецъ не скорбѣлъ объ этой потерѣ, а, шутя, говаривалъ: «Будетъ съ меня и одного глаза. Слава Богу: Богъ оставилъ мнѣ хоть одинъ глазъ, я все-таки могу съ нимъ читать и Евангеліе, и акаѳисты, и каѳизмы». Давно уже, еще въ 1872 году, зачисленный по указу, въ заштатъ, въ число больничныхъ, онъ еще долго-долго послѣ того продолжалъ оставаться однимъ изъ самихъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ членовъ братства, — дотолѣ, доколѣ позволяли силы. Наконецъ, старость (тогда шла уже вторая половина восьмого десятка лѣтъ его жизни) начала давать ему чувствовать

себя изнеможеніемъ силъ тѣлесныхъ, но только тѣлесныхъ, а отнюдь не духовныхъ: духомъ онъ оставался бодръ даже до послѣднихъ дней своей жизни. Въ виду ослабленія тѣлесныхъ силъ, ему благословлено было настоятелемъ изъ Предтеченскаго скита перейти на жительство въ Коневскій скитъ, — тоже постническій, но съ той разницей, что въ Коневскомъ скиту чай былъ дозволенъ, а старцу не излишне было согрѣть иногда себя чайкомъ, поддержать свои упадавшія силы, чтобы онѣ могли понести обычные подвиги. Но здѣсь онъ недолго пожилъ. Шли годы. Время брало свое. Старческія силы слабѣли все болѣе и болѣе. Чтобы не дать ему дойти до полнаго истощенія силъ, онъ былъ переведенъ изъ Коневскаго скита въ монастырскую больницу, гдѣ и прожилъ до самой своей кончины.

Въ монастырѣ, въ больничномъ корпусѣ, онъ проводилъ жизнь такъ же, какъ и въ пустыни. Обычно шло у него келейное правило, состоявшее изъ нѣсколькихъ сотъ поклоновъ, чтенія Евангелія и Псалтири. Кромѣ того, читалъ и отеческія книги. Хотя онъ читалъ и однимъ глазомъ, но видѣлъ хорошо. Ежедневно неопустительно посѣщалъ всѣ службы церковныя: утрени, обѣдни, вечерни, всенощныя, и притомъ всегда выстаивалъ всѣ службы съ начала до конца. Обычно приходилъ онъ въ церковь много раньше начала службы и до обѣдни вычитывалъ акаѳисты Спасителю и Божіей Матери. Слухъ, съ теченіемъ времени, сталъ у него слабѣть, и онъ, для слушанія чтенія въ церкви, подходилъ ближе къ чтецу и стоялъ, слушая, у самаго налоя. «Вѣдь, слово Божіе,—говаривалъ онъ,—это пища для души. Какъ же я, стоя далеко и не слыша, буду лишаться душевной пищи»?

Въ послѣдніе дни своей жизни о. Іоаннъ ходилъ уже какъ тѣнь, въ совершенномъ изнеможеніи силъ; и видѣлись у него однѣ кости, кожей обтянутыя. Простаивая продолжительное всенощное богослуженіе, онъ изнемогалъ до послѣдней

крайности, но оставить службу и уйти не рѣшался. За всенощной подойдетъ, иной разъ, къ настоятелю, о. игумену Гавріилу, своему бывшему ученику. Поклонившись земно и взявъ благословеніе, поцѣлуетъ и наперсный крестъ у настоятеля и скажетъ: «ахъ, какъ я изнемогъ, едва-то-едва стою; сколько разъ покушался уйти изъ церкви, да все перемогаюсь; вотъ ужъ скоро и конецъ всенощной, какъ-нибудь авось и достою: ну, да некуда меня беречь: таковскій стариченко, да и поютъ-то хорошо: уйти не хочется: къ двѣнадцати часамъ навѣрное кончится всенощная». Иногда о. Іоаннъ ходилъ помолиться въ часовню, недалеко отъ монастыря.

Нерѣдко въ церкви подходили къ нему мірскіе люди, желая слышать отъ него слово назиданія. Онъ смиренно отвѣчалъ имъ: «что полезное хотите вы услышать отъ меня—безполезнаго? Я—козлище, никуда негодное, пустосвятъ; я васъ всѣхъ прельстилъ, одѣлся въ монашеское схимническое одѣяніе, какъ будто-бы что и значу; ничего я не значу, все пустота, хочу только начало доброе положить, да все не могу, никакъ съ своей лѣностью не справишься». И онъ дѣйствительно до самой кончины всегда считалъ себя хуже и ниже всѣхъ и еще не положившимъ добраго начала духовной жизни: онъ водился духомъ истиннаго смиренномудрія. Нерѣдко случалось, что игуменъ Іонаѳанъ (управлявшій обителью послѣ Дамаскина и скончавшійся въ 1891 году), испытывая о. Іоанна, по какому-нибудь совершенно ничтожному случаю начнетъ жестоко укорять его и назначитъ въ наказаніе большое число земныхъ поклоновъ. Что же? Старецъ начнетъ себя еще болѣе того укорять, считая себя достойнымъ большихъ наказаній и укоризнъ, встанетъ на колѣни и проситъ сильнѣйшаго наказанія. «Мало мнѣ этого, накажите больше». Игуменъ посмѣется, бывало, и скажетъ: «ну, что съ тобой дѣлать; ничѣмъ тебя не одолѣешь: ты смиреніемъ все побѣждаешь». И смиреніе это отнюдь не

было лицемѣрнымъ. Нестяжательность осталась съ нимъ нераздучно и до гробовой доски: и въ послѣдніе годы его земной жизни, въ монастырской больничной келліи, у него была совершенная пустота, ничего лишняго, только иконы, четки, мантія, книги необходимыя. Случалось, что кто-либо изъ братіи или благотворителей дастъ ему чайку. Чтобы не оскорбить отказомъ, онъ приметъ, а потомъ принесетъ къ настоятелю. «Возьми, батюшка! Куда мнѣ его? Вѣдь, чужое терніе жать и не въ силахъ, въ пору свое пожинать, да и то не могу. Спасибо имъ, добрымъ людямъ, не забываютъ старика; да у меня-то онъ лишній». Многіе изъ братій и изъ мірскихъ людей прибѣгали къ нему за духовнымъ совѣтомъ и утѣшеніемъ, открывая ему свои душевныя раны и скорби и прося его молитвъ. Самая наружность его привлекала къ себѣ. Отъ его облеченной въ схимническое одѣяніе высокой, сухощавой фигуры вѣяло какой-то необычайной простотой и святостью. Бодрость духа, побѣждающая немощи тѣлесныя, неизмѣнно сіяла на привлекательномъ лицѣ убѣленнаго сѣдинами старца.

Отецъ Іоаннъ отнюдь никогда не былъ суровъ съ людьми, не отталкивалъ отъ себя людей, а напротивъ былъ привѣтливъ и готовъ былъ братски подѣлиться богатствомъ своего чистаго, любвеобильнаго сердца и своей духовной опытности.

Почти шестьдесять лѣтъ о. Іоаннъ прожилъ въ Валаамскомъ монастырѣ и всегда свято соблюдалъ обѣты иночества. Послѣ многолѣтняго иноческаго подвига, какъ онъ былъ полонъ дѣтской простоты, по непреложному обѣтованію Спасителя, отверзающей врата царствія небеснаго!

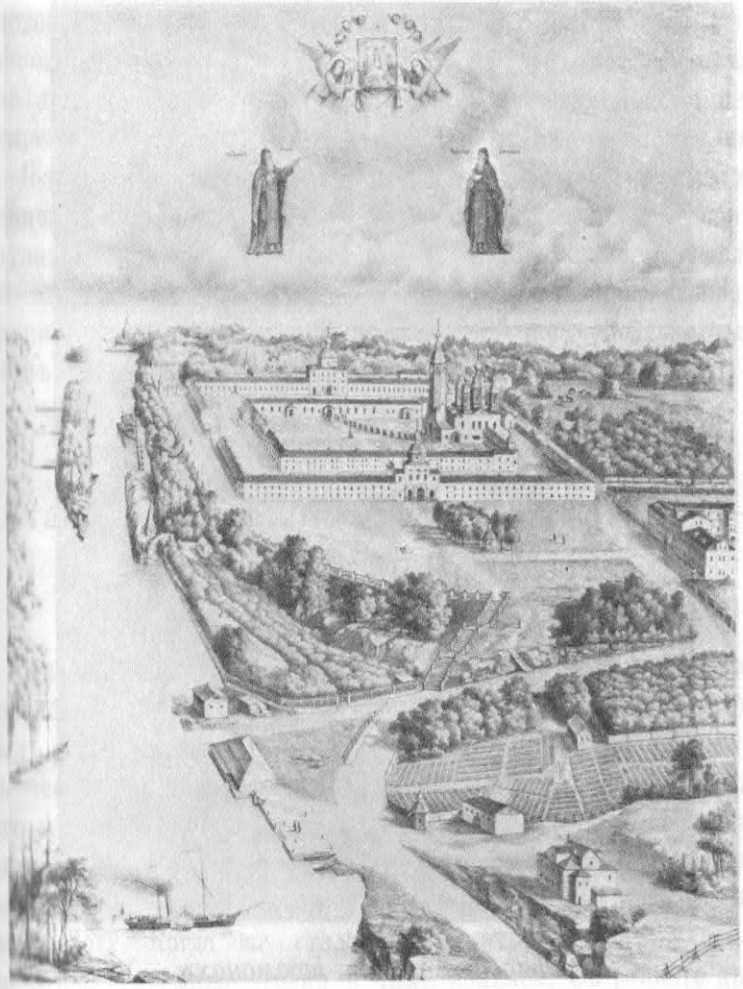
Отецъ Іоаннъ былъ чистѣйшимъ и прекраснѣйшимъ образомъ истиннаго монаха, глубоко вѣрующаго, кроткаго, смиреннаго, простого, чистаго сердцемъ, монаха-подвижника, монаха-молитвенника. За недѣлю до смерти старецъ, чувствуя все большее и большее изнеможеніе силъ тѣлесныхъ, сознавая, что онъ иногда своимъ словоохотливымъ языкомъ

лишнее что-либо скажетъ, и памятуя, что за каждое слово праздное предстоитъ намъ дать отвѣтъ на страшномъ судѣ Божіемъ, возжелалъ вновь предпринять прежній подвигъ — совершеннаго молчанія—и пришелъ къ о. игумену Гавріилу съ просьбою: «Батюшка! повѣсь опять замокъ на мой языкъ; а то я иногда забудусь и наговорю лишнее». Отецъ игуменъ похвалилъ его доброе желаніе, далъ ему заповѣдь молчать пока на Успенскій постъ: «а далѣе,—сказалъ, — что Богъ устроитъ, посмотримъ». Съ 1 августа 1894 года о. Іоаннъ и началъ подвигъ молчанія. Промолчалъ пять дней. Тѣмъ временемъ болѣзнь тѣлесная—онѣмѣніе ноги—дала ему почувствовать, что онъ скоро навѣки замолчитъ. 6-го августа, въ день праздника Преображенія Господня, онъ уже не могъ придти въ церковь, лежалъ на постели въ изнеможеніи силъ, но въ полномъ сознаніи, которое онъ сохранилъ до послѣдней минуты своей жизни. Многіе изъ братій приходили посѣтить его — болящаго, ибо всѣ искренно любили его за кротость, смиреніе и простоту и глубоко уважали за его подвиги. Пришелъ, конечно, и настоятель. Всѣ прощались со старцемъ.

— Ну, иди съ Богомъ, коли собрался въ вѣчную жизнь, сказалъ на прощанье о. игуменъ и благословилъ старца.

Вечеромъ о. Іоаннъ сталъ еще болѣе слабѣть и изнемогать. Ему прочитали отходную. А въ воскресенье, 7-го августа, въ 9-ть часовъ утра, въ началѣ поздней обѣдни, старецъ тихо и мирно предалъ душу свою Господу. Троекратнымъ удареніемъ въ колоколъ возвѣщено было всѣмъ обителямъ Валаама о кончинѣ глубокоуважаемаго старца. На литургіи стали поминать о упокоеніи новопреставленнаго схимонаха Іоанна. Скончался онъ на 85-мъ году отъ роду, проживъ на Валаамѣ подъ тремя именами: послушника Иларіона, монаха Иринея и схи-монаха Іоанна—всего около 60 лѣтъ.

Тѣло почившаго три дня стояло въ церкви *Живоноснаго Источника*. Братія и многіе посѣтители, уважая почившаго



Спасо-Преображенскій Валаамскій монастырь. Литографія 1862 г.

Старецъ Адріанъ, іеромонахъ Югской Дороѳеевой пустыни

старца, непрестанно служили по немъ панихиды. 9-го августа настоятель съ соборомъ священнослужителей отпѣвалъ тѣло почившаго подвижника. Не въ примѣръ прочимъ, святолѣпное лицо его было открыто для послѣдняго зрѣнія на него искренно любившихъ почившаго братій и посѣтителей. Ликъ о. Іоанна былъ весьма благообразенъ и какъ-бы въ молитвенномъ настроеніи, полонъ невозмутимой тишины, благодатнаго мира, безмятежнаго покоя. Его изможденное тѣло, не взирая на лѣтнюю жару, не издавало ни малѣйшаго трупнаго запаха. Почившаго предали землѣ на монастырскомъ кладбищѣ подъ сѣнію каменнаго общаго креста *).

Старецъ Адріанъ, іеромонахъ Югской Дороѳеевой пустыни.

Память 7-го августа.

Старецъ Адріанъ родился въ 1800 году, въ селѣ Семеновскомъ Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Онъ былъ сынъ діакона. Въ св. крещеніи былъ названъ Андреемъ въ честь св. Андрея Критскаго. Въ благочестивой семьѣ родителей онъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ проникался духомъ благочестія и любовію къ св. храму и, будучи еще малюткою, нерѣдко уползалъ на церковное крыльцо и тамъ молился Богу. Когда же сталъ подростать, нерѣдко уходилъ въ самые укромные уголки и тамъ молился. Съ ранняго дѣтства Андрей былъ обученъ чтенію, отличался тихимъ нравомъ и послушаніемъ. Праздности не любилъ и всегда чѣмъ-либо занимался; пріучалъ къ постоянному дѣлу и своихъ малыхъ сестренокъ. Страхъ Божій и живое чувство Божьяго присутствія были отличительными чертами его характера. Съ

*) Вал. скитъ Св. Пр. Іоанна Предтечи и Жизнеописаніе схим. Іоанна († 7 августа 1894 г.) Спб. 1896 г. 2-е изд.

самаго ранняго дѣтства Господь хранилъ Своего избранника, и видно было, что изъ этого мальчика впослѣдствіи будетъ человѣкъ необыкновенный. Когда Андрей былъ еще небольшимъ, разъ поднялся въ селѣ сильный ураганъ; мальчика захватило порывомъ вихря и саженъ на 15 подняло отъ земли. Уже думали, что при паденіи онъ совсѣмъ разобьется. Но что же случилось? Невидимая сила тихо поставила мальчика на землю на ноги!

Когда мальчикъ подросъ, его отдали въ духовную школу. Учился сначала онъ въ духовномъ училищѣ, потомъ въ семинаріи. Учился мальчикъ очень хорошо и отличался рѣдкимъ, примѣрнымъ поведеніемъ. А въ свободные отъ занятій часы погружался въ чтеніе Пролога, Четіихъ-Миней; слово Божіе было постояннымъ его и любимѣйшимъ чтеніемъ. Никто не видалъ его безъ дѣла, и никакой дурной примѣръ товарищей не могъ повліять на него развращающе: юноша весь былъ проникнутъ страхомъ Божіимъ, и этотъ страхъ удерживалъ его отъ всего дурного.

Къ начальству и старшимъ Андрей былъ почтителенъ и вѣжливъ. Съ товарищами добръ и кротокъ. Имѣя скудныя средства, онъ не только не тяготился этимъ, но еще пользовался этимъ, какъ поводомъ, для провожденія жизни воздержной, чисто постнической. Юноша рѣзко выдѣлялся своими нравственными качествами, и если обыкновенные люди, погруженные въ сутолоку будничной жизни, этого не замѣчали, то замѣчалъ жившій въ то время въ городѣ юродивый. Его чистому взору было видно, какъ быстро зрѣлъ въ духовной жизни этотъ мальчикъ. И когда тотъ выходилъ изъ класса, блаженный часто съ любовію бралъ его на руки и, высоко поднимая на воздухъ, говорилъ о будущемъ призваніи отрока.

Духовная школа не удовлетворяла юношу. Съ нимъ произошло то же, что ранѣе было съ великимъ старцемъ Паисіемъ Величковскимъ, творенія котораго такъ любилъ впо-

слѣдствіи о. Адріанъ,—онъ не выдержалъ и оставилъ школу, чтобы всецѣло отдаться иноческой жизни; къ ней чувствовалъ сильное влеченіе, которое еще болѣе окрѣпло подъ вліяніемъ религіозно-нравственнаго чтенія. Юноша, подъ предлогомъ скудости средствъ, уволился изъ семинаріи, къ искреннему прискорбію начальства и наставниковъ, которые очень его любили. Мирно оставилъ духовную школу юноша, чтобы идти школою суроваго иноческаго подвига.

Разставшись съ міромъ, юноша на двадцатомъ году жизни направилъ свои стопы въ обитель преподобнаго Адріана; эта обитель находится въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи.

Тридцать лѣтъ, даже немного болѣе, провелъ подвижникъ въ этой обители. Здѣсь онъ принялъ постригъ съ именемъ Адріана въ честь преподобно-мученика Адріана, Пошехонскаго чудотворца. Здѣсь онъ прошелъ тяжелую тропу нравственнаго развитія; здѣсь вынесъ суровую брань съ бѣсами и здѣсь же явился и добрымъ другомъ страждущаго душевно и тѣлесно бѣднаго человѣчества, старцемъ и руководителемъ многихъ по пути къ спасенію!

Руководясь наставленіями святыхъ отцевъ-подвижниковъ, особенно Исаака Сирина, Лѣствицею котораго онъ уже давно назидался, Андрей, поступивъ въ обитель, постоянно пламенно прибѣгая въ молитвѣ къ преп. Адріану, отдалъ себя въ полнѣйшее послушаніе старцу-иноку строгой жизни, по имени Иннокентію. О. Иннокентій былъ мужъ замѣчательной жизни. Онъ былъ начитанъ въ твореніяхъ отцевъ-аскетовъ, и это отеческое ученіе объ иноческой жизни онъ опытно прошелъ путемъ суроваго подвига. Старецъ душевно обрадовался такому ученику. Онъ былъ строгъ съ нимъ и взыскателенъ даже въ самыхъ незначительныхъ мелочахъ. Памятникомъ духовной опытности и образованія этого старца служитъ подробное жизнеописаніе преподобно-мученика Адріана и его ученика Леонида; также акаѳистъ преп.-мученику

Адріану. Въ духовной радости старецъ такъ говорилъ юному ревнителю совершенной иноческой жизни: «Андреюшко, я въ тебѣ замѣчаю особенную любовь къ жизни монашеской и горячее усердіе понести трудъ ея ко спасенію твоей души. А какъ для этого нуженъ опытный руководитель или достаточное пособіе чрезъ книги монашескія, коихъ на первый разъ достать тебѣ трудно, такъ отдайся мнѣ въ послушаніе. Я хотя не опытенъ въ духовной жизни, и не посвященъ въ ея тайны, но много начитанъ и богатъ познаніями о ней, которыя и хочу передать тебѣ для дѣланія твоего, къ коему ты имѣешь великое усердіе. Оселокъ-то хоть тупъ, да бритву точитъ. Только, пожалуйста, будь терпѣливъ, сноси мои немощи, слушайся меня во всемъ. Будетъ тебѣ великая польза отъ того, а мнѣ утѣшеніе, ибо какъ горько было бы мнѣ умереть, не передавши кому-либо моихъ познаній! Теперь же я, на старости лѣтъ, буду въ пріятной надеждѣ на милость Божію, чрезъ твое спасеніе, при моемъ руководствѣ къ нему». Онъ наставлялъ своего ученика не столько словами, сколько дѣломъ. Пріучая къ молчанію, которое имѣетъ такую нравственную цѣнность и вообще въ жизни человѣка, особенно же инока, – старецъ училъ больше намеками, чѣмъ рѣчами. Принесетъ полѣнце,—значитъ Андрею слѣдуетъ топить печку; нужна вещь какая-либо,—только посмотритъ. Конечно, не сразу научился Андрей понимать желанія старца, однако освоился скоро: этимъ безмолвнымъ руководствомъ старецъ развивалъ въ Андреѣ внимательность, умѣнье владѣть своимъ языкомъ и самособранность духовную. При опытномъ старческомъ водительствѣ, юный подвижникъ быстро преуспѣвалъ въ добродѣтеляхъ иноческой жизни.

Онъ былъ усердный уже тогда молитвенникъ. Неопустительно посѣщая службы, онъ сосредоточенно молился въ храмѣ и келліи. И молился часто до совершеннаго изнеможенія. Впослѣдствіи онъ по поводу молитвы до усталости такъ говаривалъ: «что намъ считаться съ Богомъ? Сколько

силъ есть, намъ нужно подвизаться предъ Нимъ день и ночь въ трудахъ молитвенныхъ, да и церковь поетъ: *молитву пролію*,—тутъ разумѣется принужденіе себя къ молитвѣ до крайности». Кроткій и почтительный ко всѣмъ, послушный и ровный по устроенію духа, послушникъ Андрей преуспѣвалъ и въ постѣ. Блюдя чистоту души и тѣла отъ плотскихъ страстей, онъ съ самаго начала жизни въ монастырѣ пріучалъ себя питаться лишь одними сухарями или чернымъ хлѣбомъ съ водою. Объ этомъ самъ впослѣдствіи такъ говаривалъ: «я съ самой ранней юности не любилъ питаться сладкими, тучными и цѣнными кушаньями, къ чему способствовали и скудость средствъ къ содержанію по бѣдности родителей и желаніе мое пріятно пользоваться легкостью тѣла». И дѣйствительно, онъ былъ легокъ и быстръ въ ходьбѣ. Однажды по крайней надобности въ просфорахъ, онъ сходилъ за ними въ городъ, сдѣлавъ въ два конца тринадцать верстъ, въ часъ съ четвертью.

Но не прошло такое ревностное теченіе юнаго подвижника безъ брани отъ бѣсовъ. Какъ и бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, врагъ вооружилъ противъ него многихъ изъ братій, особенно молодыхъ послушниковъ. Тѣмъ непонятна, странна была такая жизнь, какую велъ Андрей. Его примѣръ обличалъ ихъ нерадивую жизнь, и,—естественно,—противъ Андрея стала быстро развиваться ненависть; врагъ рода человѣческаго не пьетъ, не ѣстъ и не спитъ, и всю силу своего злого духа и время употребляетъ противъ Божіихъ рабовъ. Особенно дышитъ гнѣвомъ и яростью врагъ спасенія противъ молодыхъ и ревностныхъ иноковъ. Какъ умный вождь злой рати, діаволъ ясно понимаетъ то, какъ вреденъ для него будетъ впослѣдствіи подобный ревнитель. И, не смогши его свалить плотскими страстями, какъ дерево подтачиваемое червемъ, врагъ воздвигаетъ противъ такого людскую ненависть. Возненавидѣвшіе Андрея послушники изнемогали отъ придумыванія пакостей этому иноку. Они, поль-

зуясь временемъ, когда Андрей бывалъ въ келліи безъ своего наставника, часто сильно стучали въ двери его келліи, когда онъ молился; всячески его злословили и поносили,—угрожали вырубить двери топоромъ, если онъ не впуститъ къ себѣ и даже не разъ начинали рубить уже двери. Но Андрей мужественно противостоялъ врагу и терпѣливо и незлобиво сносилъ всѣ обиды помраченныхъ злобою собратій своихъ. Всякую неисправность, ошибку,—все въ монастырѣ складывали на Андрея. Онъ же кротко терпѣлъ, никогда не оправдываясь, пока самъ настоятель, о. Константинъ, не увидѣлъ воочію, что не Андрей виноватъ, а винитъ его только злоба братій; и пересталъ даже слушать про подобныя обвиненія, Андрея же еще болѣе полюбилъ за смиреніе.

Немного прошло времени, какъ добродѣтели Андрея стали очевидны и всей братіи. Андрей въ февралѣ 1821 г. былъ окончательно причисленъ къ братству и 22 іюля того же года посвященъ въ стихарь. Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ расходчикомъ. Эту должность Андрей проходилъ со стараніемъ и разумно. Онъ смотрѣлъ на монастырское имущество, какъ на достояніе Божіе, и употреблялъ разсудительно, осторожно, въ случаяхъ только дѣйствительной надобности. Да и вообще онъ смотрѣлъ на все потребное къ жизни, какъ на Божій даръ, и говаривалъ по этому поводу такъ: «чтобы не оскорбить Владыку, всяческихъ Создателя, милостиво на тебя призрѣвшаго дарованіемъ тебѣ потребнаго къ жизни—благодари Его разумнымъ, въ очахъ Его, съ страхомъ обращеніемъ съ вещами, давая каждой мѣсто по ея назначенію. Смотри, человѣкъ, какая тебѣ честь. Создатель пригласилъ тебя быть участникомъ съ Собою въ управленіи и распоряженіи вещами міра сего видимаго. Смотри же—не посрами такого высокаго призванія: будь мудръ и совершенъ въ путяхъ своихъ, въ отношеніи дѣлъ и вещей, тебѣ ввѣренныхъ. Когда будешь все, тебѣ дарованное къ обезпеченію жизни твоей, считать не своимъ, а со страхомъ разумно пользоваться, какъ

слуга Царскимъ—никогда ни къ чему не пристрастится твое сердце. Давай каждой вещи назначеніе совѣстливое, по намѣренію Божію. Тогда дивно испытаешь на себѣ великія милости Божіи и ощутительно поймешь Его попечительное промышленіе о всей твари».

4 апрѣля 1826 г. Андрей былъ постриженъ въ монашество и нареченъ Адріаномъ въ честь преподобно-мученика Адріана; постриженіе совершилъ игуменъ Константинъ; вся братія при этомъ глубоко была умилена неподдѣльнымъ смиреніемъ и благоговѣніемъ постриженника, и не могла стоять безъ слезъ во время глубоко-умилительнаго чина постриженія. Съ постриженіемъ въ иночество, Адріанъ еще болѣе усилилъ свои подвиги. Въ молитвѣ онъ былъ почти неусыпнымъ: нерѣдко сутки напролетъ онъ проводилъ въ молитвѣ, а Псалтирь всю сполна вычитывалъ ежедневно. Постъ онъ держалъ строгій. Отъ молитвеннаго напряженія и поста онъ очень исхудалъ, былъ блѣденъ и сухъ. А когда знавшіе съ состраданіемъ просили его умѣрить подвиги, онъ говорилъ: «теперь только намъ и готовиться къ смерти, пока силы есть; придетъ время—и рады бы, да некогда будетъ, или не въ силахъ будемъ». Въ то же время онъ попрежнему раздѣлялъ съ братіею и всѣ послушанія по обители.

Въ виду примѣрной подвижнической жизни Адріанъ былъ представленъ къ посвященію въ іерейскій санъ и 2 ноября 1826 г., въ Вологдѣ, преосв. Онисифоромъ, былъ рукоположенъ въ діакона, а 9 числа—въ іерея. Съ новою ревностью и съ новыми духовными силами возвратился двадцатишестилѣтній іеромонахъ Адріанъ въ свою обитель и, когда была его очередь, совершалъ божественную литургію съ тщательнымъ приготовленіемъ и глубочайшимъ умиленіемъ. Онъ бывалъ объятъ такимъ благоговѣніемъ, что во время служенія слезы струились изъ его очей, и отъ трепета онъ едва могъ выговаривать самыя слова молитвъ. Но служилъ онъ не часто, а по времени и совсѣмъ сталъ уклоняться отъ слу-

женія литургіи, но, причащаясь Св. Таинъ въ свое время,—когда говѣлъ. Причиною этому было его особенно живое сознаніе высоты и святости Божественной литургіи. Когда его спрашивали о томъ, почему онъ уклоняется отъ совершенія литургіи, Адріанъ говаривалъ такъ: «страшно и велико это дѣло—я едва могъ вынести его. Разъ приснилось мнѣ. Будто подвели меня къ страшной огненной пропасти, откуда слышались отчаянные стоны погруженныхъ въ ней. Едва живому мнѣ отъ страха приведшій меня и говоритъ: если не хочешь попасть въ эту пропасть, священнодѣйствуй достойно. Такъ вотъ, брате, дѣло, совершаемое мною здѣсь, въ алтарѣ, по просьбѣ о. игумена, какъ легко для меня. Я едва живъ остаюсь! Грозныя слова Апостольскія: *судъ себѣ ясть и піетъ*—такъ вотъ неумолкаемо и гремятъ для меня, когда я приступаю къ священнодѣйствію. Не совершая литургіи, но не удаляясь отъ общенія въ трапезѣ Христовой, Адріанъ поступалъ не противно правиламъ христіанскаго поведенія; онъ подражалъ нѣкоторымъ преподобнымъ, кои такъ же поступали, о чемъ и говаривалъ, когда ему замѣчали, что его уклоненіе отъ совершенія служенія вызываетъ соблазнъ, такъ по этому поводу. «Здоровье мое (разумѣлъ свое нравственное состояніе) не позволяетъ. А вы этимъ не смущайтесь! Какъ же Ефремъ то Сиринъ и многіе другіе изъ святыхъ, какъ это видно изъ Четій-Миней и Прологовъ, во всю свою жизнь не священнодѣйствовали и никакихъ церковныхъ должностей не занимали, а Богу угодили, прославились и въ рай попали? Это—тайна боголюбцевъ и мудрость святыхъ».

Строгая жизнь инока, его разсудительное слово, постническій внѣшній видъ,—все это невольно располагало къ нему сердца людей. И неудивительно, если народъ потянулся къ нему за совѣтами и благословеніемъ, что въ свою очередь не могло не отразиться и на матеріальномъ благосостояніи обители. Бѣдная обитель стала получать большія средства и, по мысли

о. Адріана, прежде всего была устроена гостинница для пріѣзжающихъ. Потомъ, по совѣту о. Адріана, пламенно почитавшаго преподобно-мученика Адріана, его почитатели, съ благословенія настоятеля обители, обновили и колодецъ Преподобнаго, устроили часовню надъ источникомъ, и съ той поры, по молитвамъ о. Адріана, многіе больные стали у этого источника получать исцѣленія отъ своихъ недуговъ. Въ іюлѣ 1831 г. о. Адріанъ былъ сдѣланъ казначеемъ обители и нѣкоторое время съ пользою для обители проходилъ эту должность. Но это дѣло было не по душѣ пустынно-любивому иноку.

Онъ, служа людямъ словомъ и примѣромъ, ясно видѣлъ нужду въ большемъ самоочищеніи и тяготился хозяйственными дѣлами. Онъ жаждалъ полнѣйшаго уединенія. Его духъ, предочищенный постомъ и молитвою, зрѣлъ быстро; но быстро же усиливалась и брань вражія. Врагъ, не побѣдивъ инока путемъ злобы человѣческой, выступилъ противъ него уже явно предъ умнымъ, очищеннымъ постомъ и молитвою, взоромъ подвижника съ своими страхованіями. Утончившій плоть, цѣломудренный и самособранный, о. Адріанъ видѣлъ явно духовъ злобы и мужественно боролся съ ними. Но—духъ бодръ, а плоть немощна: если духомъ инокъ въ силахъ былъ вести брань съ діаволомъ, то плоть его не выдерживала такого напряженія. Въ пустыню уйти ему совершенно и скрыться отъ людей не пришлось, а потому всю брань тяжелую онъ переживалъ, находясь среди братіи. Правда, Господь укрѣплялъ Своего избранника благодатными видѣніями. Такъ, разъ онъ въ теченіе трехъ дней былъ восхищенія: и лицо его сіяло неземною радостью. Онъ какъ бы спалъ, и никакъ его разбудить не могли. Только на третій день онъ пришелъ въ себя и, сколько его ни спрашивали, не рѣшился открыть ничего, только умолялъ всѣхъ усерднѣе молиться Царицѣ Небесной. Въ другой разъ, служа молебны въ г. Пошехоньѣ, во время холеры, онъ ви-

дѣлъ всѣхъ, кто имѣлъ умереть, безъ головъ. Но такія видѣнія непосильны были для изможденнаго тѣла подвижника. Суровая брань болѣзненно отражалась и на его тѣлѣ. То, что у другихъ мужей-подвижниковъ скрывала или пустыня, или уединенная келлія, при ихъ болѣе преклонномъ возрастѣ и меньшей замѣтности такой борьбы и напряженія, у о. Адріана совершалось на глазахъ всей братіи малой обители. Онъ переживалъ всѣ скорби и страхованія, какія по ученію отцевъ приходится переживать борцамъ духовнымъ. Неудивительно, что часто онъ, вслѣдствіе глубочайшей самособранности, бывалъ внѣшне какъ бы разсѣянъ; не слыхалъ, что ему говорили; молчалъ, вздрагивалъ, трепеталъ, казался глубоко озабоченнымъ. Порою по ночамъ выбѣгалъ изъ келліи и, томимый духомъ злобы, искалъ утѣшенія и подкрѣпленія въ молитвѣ на паперти церковной, на снѣгу; подолгу не спалъ и т. д. Старца его о. Иннокентія уже не было въ живыхъ. Настоятель о. Рафаилъ, какъ самъ потомъ признавался, долго не понималъ о. Адріана и вообще не былъ искусенъ въ вопросахъ духовной брани; это былъ только хорошій, скромный, добрый обыкновенный инокъ-хозяинъ обители. Тѣмъ болѣе не понимала переживаній о. Адріана въ его духовной брани препростая братія и, неудивительно, что его сочли больнымъ бѣлою горячкою. Освободили о. Адріана отъ служенія и отъ должности казначея. Соболѣзнуя ему, о. игуменъ, въ сердечныхъ заботахъ о немъ, предложилъ его роднымъ и знакомымъ взять его на время къ себѣ—для лучшаго и скорѣйшаго излѣченія. Поэтому о. Адріана сначала взялъ къ себѣ его дядя, діаконъ с. Михайловскаго, Василій Михайловъ, у котораго онъ пробылъ девять дней; большую часть времени онъ проводилъ на чердакѣ дома въ молитвѣ и молчаніи. Отсюда его перевезли въ Пошехонье, гдѣ онъ жилъ у своего знакомаго Ивана Буренина. Этотъ добрый человѣкъ лучше другихъ понялъ страдальца. Онъ помѣстилъ его въ отдѣльной комнатѣ и ничѣмъ не мѣшалъ его уединенію. Инокъ проводилъ время въ молитвѣ, чтеніи слова Божія, при строгомъ постѣ. Онъ впослѣдствіи съ особенною любовію вспоминалъ про это время. «Милостью Божіей, говорилъ о. Адріанъ, о, какъ пріятно былъ я утѣшаемъ сладостью трудовъ ночного бдѣнія въ домѣ Буренина! Тогда міръ видимый для меня какъ бы не существовалъ. Мнѣ давалось неизъяснимое и пріятнѣйшее ощущеніе предметовъ духовныхъ, особенно ночью, когда все безмолвствовало. И такое тонкое чутье скаредной душенкѣ моей, что какъ будто было можно подслушать не только дыханіе всего живущаго, но и мысли людей. Полюби-ка, братъ, ради Господа, бдѣніе: дивно ты утѣшишься и скорехонько оживешь душой». Наконецъ, девять мѣсяцевъ о. Адріанъ находился въ домѣ другого своего сродника, діакона с. Егорья-Яловецъ, жена котораго отличалась благочестіемъ и сострадательностью. У нихъ большую часть времени проводилъ онъ на холодномъ чердакѣ, не оставляя своихъ суровыхъ подвиговъ. Онъ всегда: и зимой, и лѣтомъ одежду имѣлъ одну и ту же, ветхую и холодную. Ходилъ зимой босымъ или только на ноги одѣвалъ прямо худые башмаки. Пищу вкушалъ крайне умѣренно, и то только хлѣбъ съ водой, горячаго не ѣлъ почти ничего. Въ молитвѣ попрежнему былъ ревностенъ.

Это то время и было временемъ особенно напряженной брани подвижника съ бѣсами. Бѣсы во множествѣ представали тогда предъ его духовными очами съ гнѣвомъ и яростью; они готовы были его сжечь, убить; наводили на него разныя страхованія. Озлобленность ихъ и дерзость доходили до того, что даже явно было и обыкновеннымъ людямъ это состязаніе ихъ съ подвижникомъ. Домъ сродника его, дьякона Яловецкаго, приходилъ нерѣдко въ сотрясеніе отъ невидимой причины; на всѣхъ нападалъ страхъ. Когда же, безпокоясь за сродника, входили на чердакъ, то въ это время видали о. Адріана въ особенно напряженномъ молитвенномъ состояніи, иногда распростершимся крестообразно, иногда воодушевленно

читавшимъ: «Господь просвѣщеніе мое»... и «Обышедше обыдоша мя». Подвижникъ впослѣдствіи не разъ говаривалъ о бѣсовскихъ искушеніяхъ, когда къ нему обращались боримые демонами. И изъ этихъ воспоминаній видно, какъ жестока была его брань съ бѣсами. Когда одинъ жаловался ему, что не даютъ покоя помыслы отчаянія и неминуемости вѣчной погибели, о. Адріанъ говорилъ слѣдующее: «не робѣй, мой другъ. Это—вражія мечта изъ зависти христіанскому доброму твоему началу въ благочестивой жизни! Ты думай о себѣ такъ и понимай себя такъ, какъ если бы ты сейчасъ родился и знать никого и ничего не хочешь, кромѣ своего Создателя; все забудь, будто не жилъ и не дѣлалъ ничего ни хорошаго, ни худого, а только сейчасъ начинаешь жить. И въ самой дѣтской покорности отдайся душой и тѣломъ въ распоряженіе Господа! Такъ, въ простотѣ сердца молись Ему съ любовію, именемъ Іисусовымъ поражая врага. И будешь ты покоенъ во всю свою жизнь! Въ славу Божію и общую пользу не должно утаить, что подобнаго рода мечты много времени и меня безпокоили, когда только начиналъ я молиться. Вдругъ снимался потолокъ моей келліи, разрушались стѣны, разверзалась предо мною земля, представлялась мнѣ огненная бездна: въ ней будто уже посажены грѣшники: кто по шею, кто по поясъ, кто по уши, кто весь погруженъ. А мнѣ оставалось мѣстечка только на той половичкѣ, гдѣ стоялъ и молился. Да и съ той меня хотѣли стащить въ огненную бездну. При такихъ страшныхъ бѣсовскихъ, томительныхъ мечтаніяхъ дѣтская покорность Господу Создателю своему, при усердной молитвѣ Іисусовой, чтеніе соотвѣтствующихъ этому положенію псалмовъ—спасали меня, отъ чего мечты разлетались, и привидѣнія исчезали... Такимъ образомъ, что бы ни случилось съ тобою, какое-либо привидѣніе, страхованіе, мечта, что бы ни показывали тебѣ демоны наяву, или во снѣ—не робѣй, ничему не довѣряй, отдайся съ живою покорностію Божію попеченію о тебѣ,

твори усердно и чисто молитву Іисусову. А если въ такихъ обстоятельствахъ не молиться усердно, смиренно и чисто и не ограждать ума именемъ Іисусовымъ, то можно и съ ума сойти. Смиренномудріе съ усердною молитвою Господу и Царицѣ Небесной—великая защита отъ всѣхъ сѣтей вражіихъ». Жаловавшемуся на томленіе въ келейномъ уединеніи старецъ говорилъ: «что дѣлать, брате?! Припоминай страдальцевъ, заключенныхъ въ темницахъ и оковахъ, и всѣхъ многоразлично бѣдствующихъ. При этомъ себя считай преступникомъ. Такъ и будешь все охотно терпѣть въ уединеніи. Для кого же написано: *проидохомъ сквозь огонь и воду, и извелъ ны еси въ покой?* Нужно пройти чрезъ огонь всякаго рода искушеній, скорбей, томленій душевныхъ, чтобы войти въ покой Божій. Здѣсь прибавлено: и воду. Стало быть—и поплакать здѣсь человѣку неизбѣжно, чтобы радоваться вѣчно. О, брате! Если бы ты зналъ: какими страхованіями, бѣдами, сѣтями бѣсовскими, невыносимыми страшилищами наполненъ воздухъ!? Такъ что, если бы человѣкъ прозрѣлъ въ это, то едва бы могъ остаться въ живыхъ. Но все это отъ насъ сокрыто благимъ Промысломъ Господа, по Его милости. Днемъ намъ свѣтитъ солнышко, ночью луна и звѣздочки,—какая утѣха. Таковыя-то искушенія и сѣти, скрытыя сатанинскимъ ухищреніемъ въ воздухѣ, непремѣнно должны коснуться всякаго. И тогда человѣку бываетъ томительно, тяжело. И въ такой скорби онъ повергается предъ Господомъ, ища Его милости и покровительства, какъ дитя у маменьки! И ему бываетъ легко. Поэтому-то и заповѣдано: *бдите и молитеся, да не внидете въ напасть.* Итакъ, брате, терпя потерпи для Господа, благодаря Его за всѣ милости къ намъ, коихъ для кроткихъ и покорныхъ Ему сердецъ у Него бездна многая. Вѣдь не избѣжать же намъ адскихъ томленій отъ бѣсовъ, если не рѣшимся потомиться здѣсь ради Господа и добродѣтели—гдѣ кому опредѣлено, а тебѣ въ уединеніи съ Добротолюбіемъ». Когда о. Адріанъ жилъ у сродника діакона,

страхованія бѣсовскія на него были самыя разнообразныя. Бѣсы нападали на него съ шумомъ, свистомъ, вихрями; быстро бросались на него полчища демоновъ въ видѣ кровожадныхъ звѣрей, гадовъ ядовитыхъ, змѣй, въ видѣ полковъ воиновъ на огненныхъ колесницахъ; бросали въ него множество камней. Порою же, какъ самъ говорилъ, все у него утаскивали. «Вотъ и молиться-то мнѣ не даютъ, говаривалъ онъ тогда своимъ, — все разбираютъ, все разрушаютъ, все поднимаютъ и тащатъ изъ-подъ меня: ни сѣсть, ни лечь, ни встать не даютъ». Порою же закрывали отъ него слова книги, которую хотѣлъ онъ читать; или наводили непреодолимый сонъ при его намѣреніи почитать. «Полтора года, говорилъ о. Адріанъ одному близкому ему по духу брату, попущеніемъ Божіимъ, я ждалъ себѣ отъ діавола смерти съ часу на часъ. Во все это время онъ приставлялъ къ шеѣ моей остро-отточенный топоръ, злобно угрожая срубить мнѣ голову, если я не отстану отъ молитвы и чтенія. Однако, укрѣпляемый Господомъ, я, забывъ о всѣхъ удобствахъ для тѣла, живя зимой въ холодной келліи, находилъ единственное утѣшеніе и укрѣпленіе въ молитвѣ Іисусовой, съ поклонами, имѣя другомъ своимъ въ скорби Добротолюбіе». Еще разсказывалъ старецъ: «порадовался діаволъ моей опрометчивости. Разъ я, торопясь, вышелъ по нуждѣ какой-то, не перекрестясь. Всею силой бѣсовской своей ярости онъ устремился на меня. Мнѣ казалось, что и земля задрожала подъ моими ногами. Но покровъ Царицы Небесной и предстательство преподобно-мученика Адріана чудотворца спасли меня». Разсказывая объ этомъ, о. Адріанъ совѣтовалъ: всегда, когда выходитъ кто изъ дома, помолиться усерднѣе. Когда же о. Адріанъ возвратился въ обитель и предался безмолвію, врагъ нерѣдко принималъ видъ и голосъ близкихъ ему людей и просился въ келлію, желая отвлечь подвижника отъ молитвенной самособранности, но—безуспѣшно. Старецъ по-

бѣдилъ всѣ козни вражіи: научился распознавать всѣ ихъ ухищренія и бороться съ ними молитвою и постомъ.

Выдержавъ столь суровую брань съ діаволомъ и побѣдивъ врага, о. Адріанъ утвердился въ подвигѣ молитвеннаго бдѣнія и поста уже на всю жизнь.

Поступивъ въ обитель, онъ всегда вставалъ съ восходомъ солнца и ранѣе его. Всегда совершая утреннее молитвенное правило, онъ не спалъ и днемъ, и другимъ не совѣтовалъ этого дѣлать. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ круглыя сутки ежечасно звонилъ въ часовой колоколъ, порою влѣзая на колокольню, порою за веревку. Этимъ упражненіемъ онъ научился бдѣнію: сонъ его былъ кратокъ и легокъ. Часто онъ спалъ, то стоя, то сидя на стульчикѣ. Когда разъ прочиталъ, что препод. Серафимъ спалъ на локоткахъ, онъ сокрушенно воскликнулъ: «о, если бы и намъ выучиться такъ спать. Тѣ, кто попали въ рай, немного спали». Онъ спалъ только тогда и столько, когда и сколько того требовали или изнуренная плоть, или умъ, истомленный напряженіемъ молитвеннымъ и размышленіями о прочтенномъ.

Проводя время въ молитвѣ домашней и церковной, о. Адріанъ много времени посвящалъ чтенію слова Божія и отеческихъ писаній. Постоянно читая слово Божіе (въ частности ежедневно прочитывая всю Псалтирь), онъ особенно любилъ читать и выучивать наизусть Новый Завѣтъ. Писанія аскетическія, особенно Добротолюбіе, были его постоянными собесѣдниками; ими онъ научался жизни духовной, ими проѣряль и свое жизненное теченіе. Четьи-Минеи, Прологи—были его ежедневнымъ чтеніемъ. Особенно была по сердцу подвижника Лѣствица св. Іоанна. Это была книга, руководствуясь которою онъ совершалъ свой подвигъ и въ чтеніи которой онъ находилъ отраду въ страданіяхъ, неизбѣжныхъ на этомъ пути самоотреченія. Онъ всемѣрно стремился подражать жизни тѣхъ, кто такъ поучительно очерченъ въ этой книгѣ. «Воспоминаніе объ этихъ страдальцахъ блаженныхъ,

говаривалъ самъ о. Адріанъ, часто замѣняло мнѣ книги. Достаточно было мнѣ прочитать назидательную статейку о приснопамятныхъ страдальцахъ изъ Лѣствичника, чтобъ заскорбѣть и заболѣть моей окаянной и скаредной душонкѣ и въ слезахъ, въ крайнемъ сознаніи своихъ немощей, повергнуться предъ Создателемъ моимъ, а иногда, при воспоминаніи о нихъ, отъ великой скорби сердечной и слезы изъ глазъ не лились».

Опорою его такой возвышенной жизни духовной былъ постъ. Постъ возлюбилъ о. Адріанъ съ самаго начала иноческихъ подвиговъ и былъ ему вѣренъ до смерти. По возвращеніи въ обитель отъ сродниковъ о. Адріанъ досталъ себѣ стеклянную банку; въ этой банкѣ онъ смѣшивалъ въ водѣ ржаные сухари, немного овсяной муки, солодъ; все это недѣлями хранилось въ ней, и—что замѣчательно, не портилось. Этимъ растворомъ понемногу и питался подвижникъ, постепенно подбавляя туда новой пищи. Самъ онъ такъ говорилъ объ этой баночкѣ: «какую пріятную на вкусъ и довольную для питанія моего тѣла пищу доставляла мнѣ эта баночка,—она все мнѣ замѣняла по вкусу и довольству во всѣхъ потребностяхъ моего тѣла!» Вообще онъ питался только черными сухарями и водою, а горячихъ похлебокъ и печенія всегда избѣгалъ. Для пріема пищи у него были свои вѣсики: ими онъ мѣрилъ пищу и въ отпускѣ ея себѣ былъ крайне скупъ. Порою питался водою съ овсяной крупой, а то и травами. Когда о. Адріанъ вступилъ въ подвигъ старческаго служенія людямъ, онъ сталъ вкушать немного и бѣлаго хлѣба и пилъ чай. Но во всемъ этомъ соблюдалъ большую умѣренность. Чай же былъ пріятенъ ему не столько самъ по себѣ, а какъ такое занятіе при времяпровожденіи посѣтителей обители и его почитателей, за которымъ онъ съ пользою для ихъ душъ велъ спасительныя бесѣды. При этомъ часто самъ почти и стакана не выпивалъ: незамѣтно за разговорами скрывалъ свое воздержаніе. Когда же кто приносилъ ему что-либо изъ

гостинцевъ, онъ или отсылалъ на братію, или раздавалъ бѣднякамъ. Но, чтобы не огорчать почитавшихъ, для вида отвѣдывалъ изъ принесеннаго. Временами онъ постился подолгу; одинъ разъ выдержалъ и сорокадневный постъ безъ всякой пищи.

Будучи строгимъ постникомъ, о. Адріанъ былъ и нестяжателенъ. Денегъ онъ у себя не держалъ, а все получаемое отъ богомольцевъ или раздавалъ бѣднымъ, или отдавалъ настоятелю. Высоко ставя милостыню для спасенія мірянъ, относительно монаховъ онъ высказывался, что они въ жертву вмѣсто милостыни должны отдавать себя Богу совершенно. Въ келліи онъ ничего лишняго не держалъ, а порою и въ самонужнѣйшемъ себя стѣснялъ, выбрасывая вещи свои за окошце, которыя по распоряженію настоятеля ему однакоже немедленно возвращали. Свой взглядъ на монашеское келейное нестяжаніе о. Адріанъ выражалъ въ такихъ словахъ: «что такое монахъ? Монаху, какъ солдату во время сраженія, не нужно давать ничего лишняго въ келлію. Этого еще много, когда скажутъ: поставь ведро съ ковшомъ въ углу, пей, по пророку, воду, да измыетъ утробу твою. Да поклоны клади, да на мантію гляди, чтобы она съ креста-то не спускала, и научала бы ежечасно умирать, а упованіе и жизнь то въ Богѣ обрѣтать».

Будучи самъ нестяжательнымъ, о. Адріанъ и роднымъ своимъ не давалъ ничего изъ того, чѣмъ ему служили почитатели, отдавая все въ обитель и бѣднымъ. Родные на это обижались; просили за нихъ о. Адріана и знакомые ему дворяне. Но инокъ былъ вѣренъ своимъ обѣтамъ. И въ разъясненіе своего образа дѣйствій такъ говорилъ: «отъ мертвеца и нитки не посмѣютъ пожелать, а монахъ для міра мертвецъ! Притомъ я не врагъ моимъ роднымъ, чтобы чрезъ монастырскія вещи вносить огонь въ ихъ домъ: ихнія-то вещи пожжетъ монастырское. Когда сестра со слезами просила чего-либо у него, о. Адріанъ, сострадательно указывая на безрукавую курточку, сказалъ: «что ты выпросишь

у мертвеца? У меня ничего нѣтъ, кромѣ вотъ этой одежды». Такъ дай на память хоть ее. Онъ отдалъ, но прибавилъ: «дать-то я, пожалуй, и дамъ тебѣ, да она принесетъ тебѣ огонь, хотя не въ домъ, а въ снопы на полѣ». И что же? На другой день у этой женщины сгорѣлъ овинъ съ снопами! Въ келліи о. Адріана былъ только одинъ его крашенинный подрясникъ и мантія, да книги, и онъ никогда не закрывалъ своей келліи, когда выходилъ изъ нея.

Съ молодости соблюдшій себя въ цѣломудріи, онъ до послѣднихъ силъ боролся съ плотью и нерѣдко пѣшкомъ хаживалъ въ Пошехонье для молитвы у чтимаго имъ образа Спасителя. Въ одну изъ такихъ отлучекъ онъ отморозилъ себѣ ноги и долгое время пробылъ для излѣченія у своихъ знакомыхъ. На ногахъ у него вскорѣ, какъ ихъ оттерли, появились волдыри, началась сильная ломота, опухоли; потомъ открылись раны. Около шести недѣль пробылъ для лѣченія о. Адріанъ въ Пошехоньѣ у соборнаго дьякона. Все время болѣзни онъ былъ въ самомъ радостномъ состояніи духа; его рѣчи были поучительны тѣмъ, кто за нимъ ухаживалъ, но еще болѣе поучалъ онъ безропотнымъ и радостнымъ перенесеніемъ недуга.

Послѣ этой болѣзни старецъ уже открыто вступилъ на путь служенія спасенію своихъ ближнихъ. И это служеніе продолжалось до дня его смерти.

Самая наружность о. Адріана была благодатно привлекательна и ясно свидѣтельствовала о высокомъ устроеніи его души. Голосъ его былъ чистый, пріятный, рѣчь выразительная и правильная; въ тонахъ мягкихъ, она лилась плавно и свободно. Въ рѣчи его слышалась неподдѣльная любовь и участіе къ собесѣднику. Обращеніе его было привѣтливое, кроткое, смиренное. Лицо его носило отпечатокъ глубокихъ думъ и постоянной самособранности. Во всѣхъ его словахъ проявлялся свѣтлый умъ, бодрая душа. Всѣ тѣлодвиженія его были просты, скромны и естественны; видно было, что

такъ называемыя правила внѣшняго поведенія иноковъ были усвоены имъ въ совершенствѣ и являлись естественнымъ уже проявленіемъ его очищеннаго страданіями и духовною бранью духа. Глубоко изучившій всѣ изгибы души, во всей тягости перенесшій брань съ своею духовною, свойственною каждому человѣку, раздвоенностью и путемъ суроваго подвига достигшій благодатнаго успокоенія въ торжествѣ духа надъ плотью, о. Адріанъ естественно глубоко сразу же проникалъ въ духовное устроеніе души собесѣдника. Имѣя хорошую память, будучи основательно обогащенъ познаніями въ Священномъ Писаніи и святоотеческой письменности, онъ обладалъ богатою сокровищницею назиданія. Когда нѣкоторые люди, удивляясь его образованности и зная, что онъ ни гдѣ не учился, не могли не высказать ему своего удивленія по этому поводу, о. Адріанъ смиренно говаривалъ лишь: «полюбите Бога, такъ и все будете знать: Онъ одинъ есть источникъ всякаго познанія и премудрости!» Шли къ нему люди всякаго званія и состоянія, потому-что есть живыя души и въ богатыхъ чертогахъ, и въ бѣдныхъ хижинахъ, которыя жаждутъ духовнаго руководства и скорбно воздыхаютъ о столь желанномъ, по повидимому столь далекомъ, «горнемъ отечествѣ». Старецъ ласково всѣхъ принималъ: одинъ сердечный любящій привѣтъ былъ у него и богатому, и знатному, и послѣднему бѣдняку. И нерѣдко бывало, что старецъ далеко за обитель провожалъ бѣдняка-богомольца и, бесѣдуя съ нимъ на пути, несъ самъ его убогую сумочку. Наставленія старца были такъ же разнообразны, какъ разнообразны были его почитатели и сколь различны были ихъ душевныя недуги и разныя нужды. Упомянемъ о нѣкоторыхъ его совѣтахъ и наставленіяхъ.

Пламенновѣрующій, ревнитель чистоты православной вѣры, о. Адріанъ всѣхъ наставлялъ въ истинахъ вѣры, и когда преподавалъ совѣты касательно нравственности, и когда разрѣшалъ вопросы чисто богословскіе. Нерѣдко къ нему обра-

щались съ мучительными запросами люди сомнѣвавшіеся или вообще въ истинахъ вѣры, или по какому-либо частному вопросу. Нерѣдко ему высказывали свое сомнѣніе о томъ, будетъ ли вѣчная жизнь? На это старецъ, давая разъясненіе, особенно останавливался на томъ, что ради царствія небеснаго святые претерпѣли столько мученій, чего не могло бы быть, если бы не было будущаго воздаянія, и прибавлялъ: «для чего столько вѣковъ читается символъ вѣры въ св. Церкви апостольской, и въ немъ гремитъ она: *чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка?* О, это истина святая и непреодолимая вратами адовыми. Хотя въ нынѣшнее время и нашлись такіе, которые стали бы доказывать, что все это басня, что этого не будетъ, что этимъ обманываютъ простой народъ,—но это сдѣлать никакъ невозможно: невѣрующій осужденъ, а Церковь Божію и врата адова не одолѣютъ. Вѣдь сколько мы по гордости и безпечности и невѣрію отъ Бога-то ни бѣгаемъ, а ужъ не уйдемъ; найдетъ! Онъ давно намъ сказалъ: страшно впасть въ руки Бога живаго». Такія рѣчи, говоримыя съ пламенною убѣжденностью, свидѣтельствуемыя суровою жизнію говорившаго, жизнію такою, ради вѣчной жизни принятою, могуче вліяли на сердца. Отчаявавшихся въ спасеніи старецъ утѣшалъ и укрѣплялъ разсказами о дивныхъ проявленіяхъ Божіяго милосердія къ грѣшникамъ. Когда смущенные своими грѣхами болѣзновали предъ нимъ своею душой и выражали боязнь вѣчнаго осужденія, старецъ говаривалъ: «понесеніе стыда—уменьшеніе наказанія за грѣхи. Да, не принявши горькаго, не узнаешь и сладкаго. Но не малодушествуй: въ Прологахъ, Четьихъ-Минеяхъ примѣровъ много. Припоминай себѣ, что нѣтъ грѣха, побѣждающаго Божіе человѣколюбіе. Прошу принять мое доброжелательство тебѣ: трудись и молись. Алфавитъ (св. Димитрія Ростовскаго) подкрѣпитъ». И многіе маловѣрные и робкіе чрезъ бесѣды старца не только укрѣплялись въ вѣрѣ и упованіи, но и начинали вести и проводили потомъ

до своей кончины жизнь строго-благочестивую. Когда къ о. Адріану приходили люди желавшіе исповѣдаться, но не рѣшавшіеся открыть грѣхи, старецъ, по присущему ему дару прозрѣнія, самъ, говоря какъ бы примѣрно о другомъ, пришедшему открывалъ всю его жизнь, такъ что тотъ уже не видѣлъ ни смысла, ни даже возможности скрываться; являлась у него и рѣшимость открыться. И такой успокоивался, принеся чистое покаяніе, и уходилъ радостный и мирный отъ благодатнаго мужа. Часто къ нему обращались люди образованные. Имъ старецъ особенно усердно совѣтовалъ читать слово Божіе, Прологи, Четіи-Минеи и приговаривалъ, что книги эти «хотя не краснорѣчивы по-свѣтски, но многорѣчивы для устроенія нашего благополучія и временнаго, и вѣчнаго». Въ бесѣдахъ съ образованными лицами, особенно часто старецъ, когда жаловались на неудовлетворенность духовную при обиліи всѣхъ развлеченій, на томленіе и тоску, останавливался въ бесѣдахъ на причинахъ такого явленія и объяснялъ такую неудовлетворенность тѣмъ, что у людей образованныхъ запросы духа, его влеченіе къ Богу, къ міру духовному,—все это заглушается служеніемъ одной плоти въ ущербъ духу. Его слово проникало въ сердца слушателей, и тѣ, кто, внимая ему, прибѣгалъ къ исповѣди и покаянію, къ молитвѣ и чтенію духовныхъ книгъ, скоро убѣждались опытно въ справедливости словъ старца и потомъ уже на всю жизнь становились его учениками. И, часто вмѣсто суетной скорби, у такихъ людей просыпалась другая, тихая и добрая, скорбь о своемъ недостоинствѣ, о потерѣ чистоты духа, грусть и стремленіе къ небу. «Батюшка, писалъ ему одинъ его почитатель, вы такую отрадную поселили въ мнѣ грусть, что я, ѣхавши домой, до самой часовни плакалъ, и до сего времени грусть отрадная души моей не оставляетъ». Враги нашего монашества подъ вліяніемъ его рѣчей мѣняли свои убѣжденія и становились въ ряды искреннихъ почитателей монашества. Когда же о. Адріанъ встрѣчалъ среди

образованныхъ людей лицъ вѣрующихъ-благочестивыхъ, радости у него не было конца, и онъ съ особеннымъ чувствомъ умиленія не разъ потомъ говаривалъ: «о, я знаю многихъ образованныхъ. Что это за превосходнѣйшія существа на землѣ. При встрѣчѣ съ такими я много любовался ихъ благоустроенными умами, и сердце не нарадуется въ бесѣдѣ съ таковыми». Бывало, что къ о. Адріану приходили за совѣтомъ и юноши, окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Ихъ отецъ Адріанъ принималъ съ особенною любовію и въ бесѣдахъ располагалъ къ опытному примѣненію того, чему они научились въ школѣ. При этомъ онъ обращалъ вниманіе молодыхъ людей на необходимость и пользу знакомства ихъ съ аскетическими писаніями. «Наука богословія, говаривалъ онъ, уясняется исповѣдничествомъ или иночествомъ». «Теперь ты, братъ, говорилъ онъ окончившему курсъ,—съ запасомъ, и тебѣ довольно надавали матеріаловъ для строенія себѣ домика. Нужно теперь не медля приниматься за стройку, а то, пожалуй, матеріалы погніютъ, да и самъ то по безпечности сдѣлаешься неспособенъ, и тогда останешься безъ домика (добродѣтелей), и безъ пристанища себѣ для вѣчности». При выборѣ мѣстъ онъ совѣтовалъ принимать то назначеніе, какое дастъ начальство—«куда позовутъ, а самимъ то безъ опытности духовной ничего бы не пріискивать безъ воли Божіей. При покорности Богу чудно могла бы направить ихъ умы драгоцѣннѣйшая въ совѣтѣ святыхъ книга Добротолюбіе». «На одинъ умъ, братъ, надѣяться нельзя: вслѣдъ за познаніями, пріобрѣтенными тобою, по милости Божіей, въ заведеніи, нужно вести и тѣло, которое необходимо, соотвѣтственно познаніямъ, утруждать, покоривъ его уму, а умъ – Богу». Касательно же пастырской проповѣднической дѣятельности онъ говаривалъ: «при твоей учености и способности сочинять проповѣди для другихъ самому тебѣ недостаетъ живаго ума христіанскаго. Постарайся же, если хочешь быть благополученъ, пріобрѣсти его чрезъ усердное

чтеніе Библіи, Четій-Миней и книгъ отеческихъ, при живой сердечной покорности Богу. А для этого хорошо было бы пріучать себя къ умѣренному посту, частой хотя понемногу молитвѣ съ земными поклонами, чистотѣ души и тѣла, къ исправленію нрава въ отношеніи другихъ. При такомъ устроеніи поведенія ты былъ бы дивно счастливъ. Тогда захотѣлъ бы съ любовію подѣлиться пріобрѣтеннымъ и съ другими и послужить спасенію многихъ во всякомъ званіи, какое тебѣ Господь укажетъ. Его милостей для сердецъ кроткихъ и покорныхъ Ему бездна многая». Давая обращавшимся къ нему священникамъ, діаконамъ и инокамъ каждому по его личному устроенію совѣты, о. Адріанъ по вопросу объ обезпеченіи духовенства выражался такъ: «священникъ, если будетъ учителенъ и усерденъ въ дѣлѣ душевнаго спасенія своей паствы, не будетъ имѣть у себя нужды ни въ чемъ. Усердные прихожане, его же примѣромъ и словомъ наученные уважать добродѣтель, будутъ на рукахъ его носить, и при самомъ безсиліи въ старости онъ чудно будетъ ими успокоенъ. Такъ промыслительно устроено Господомъ для христіанскихъ сердецъ».

Прихожанамъ же, когда заходила рѣчь о пастыряхъ, старецъ говорилъ: «любите, уважайте, берегите вы своихъ священниковъ. Доставляйте имъ все нужное къ содержанію. Покупайте имъ книги, чтобы они, не развлекаясь нуждами тѣлесными, читали и разсказывали бы вамъ изъ книжекъ, вами имъ купленныхъ, и, взамѣнъ вашего обезпеченія ихъ тѣлесныхъ нуждъ, обезпечивали бы васъ въ дѣлѣ спасенія душевнаго, по вашимъ недосугамъ, и своими молитвами и поученіями. Если же что они сами дѣлаютъ несправедливо, на это не глядите, а слушайте, что они говорятъ, и это исполняйте на дѣлѣ».

Родителямъ старецъ особенно настойчиво совѣтовалъ воспитывать дѣтей въ страхѣ Божьемъ, водить чаще въ храмъ и научать чтенію слова Божія. «Для кого же, говаривалъ

старецъ, писаны священныя книги? Онѣ дарованы Духомъ Святымъ собственно для насъ, чтобы чрезъ нихъ пріобрѣтали мы благополучіе. О, страшно отвѣтите предъ Господомъ вы, родители, не прилагающіе по своей безпечности попеченія о просвѣщеніи дѣтей вашихъ въ духѣ христіанскаго благочестія. Если бы захотѣли да порадѣли, то это во всякомъ званіи и состояніи было бы возможно. Что за родители христіанскіе, кто предоставляетъ дѣтямъ все потребное для тѣла, о душѣ же ихъ нисколько не радятъ?. И раждать и питать умѣютъ и язычники и скоты. У насъ же воспитаніе должно быть въ нѣдрахъ православной Церкви, подъ руководствомъ Библіи». Крестнымъ же родителямъ говаривалъ: «если поручились за дѣтей при св. крещеніи, то крѣпко держитесь вашего поручительства; если вы крестные, то и сами будьте на крестѣ, и дѣтямъ указывайте на него. Васъ Господь поставилъ для распространенія царства свѣта и истины Его, быть помощниками пастырей Церкви, и въ томъ вы поручились предъ Церковію. Такъ смотрите, чтобы по вашему нерадѣнію не лишиться вамъ такой милости Божьей и не попасть бы вмѣстѣ съ крестниками въ тьму кромѣшнюю». «Если, говорилъ еще старецъ, вы не станете сами читать и дѣтей не станете обучать чтенію книгъ, указанныхъ Церковію, то не будете благоумны и способны на дѣла вашего призванія».

Въ храмѣ всѣмъ онъ совѣтовалъ стоять внимательно къ чтенію и пѣнію, не развлекаться, не разговаривать, оказывая уваженіе и ко всему церковному; антидоръ и просфоры вкушать совѣтовалъ благоговѣйно и съ молитвою. Изъ храма выходить тихо и идти одиноко, а послѣ службы отдаваться назидательному чтенію. Въ отношеніяхъ съ тѣми, съ кѣмъ приходится жить вмѣстѣ или вблизи старецъ совѣтовалъ жить мирно и кротко. Своихъ убѣжденій и строгостей относительно жизни другимъ не навязывать. Съ людьми другихъ взглядовъ не спорить. А если и говорить что на пользу, то

только въ особо благопріятныя минуты расположенія ближнихъ къ такой бесѣдѣ. На обиды не отвѣчать мщеніемъ; отъ людей невѣрующихъ и нечестивыхъ онъ совѣтовалъ удаляться и никакъ не вторить имъ, хотя чрезъ это пострадали бы матеріально сами, исполняя всякое дѣло благоговѣйно и тѣмъ служа Богу и ближнимъ; въ отношеніи пищи и одежды нужно соблюдать строгую умѣренность; осуждалъ онъ и всякое лакомство.

Давая разные совѣты, старецъ часто останавливался вниманіемъ на книгахъ, которыя, по его убѣжденію, необходимы для желающихъ идти путемъ спасенія. «О, Библія, Четіи-Минеи и Прологи—драгоцѣннѣйшіе спутники нашей временной жизни къ вѣчному благополучію», говаривалъ онъ часто. «Добротолюбіе—прямая дорога въ рай». «Преподобный Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Лѣствичникъ, Исаакъ Сиринъ—да будутъ вамъ совѣтниками. Исполнители ихъ совѣтовъ наслаждаются благополучіемъ». А когда видѣлся недостатокъ этихъ книгъ, старецъ совѣтовалъ пріобрѣтать Алфавитъ Духовный св. Димитрія. «Полюби Алфавитъ, говорилъ онъ, онъ лукавство и лѣность посрамитъ и въ все вразумитъ!». Нѣкоторымъ онъ совѣтовалъ: «если хочешь скоро научиться любить Бога, усерднѣе съ молитвою читай Добротолюбіе и Макарія Египетскаго». Алфавитъ же онъ часто покупалъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ и раздавалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ. Онъ также высоко ставилъ житіе и писанія старца Паисія Величковскаго и письма затворника Задонскаго Георгія. Что же касается обыкновенныхъ книгъ, то даже и по содержанію духовныя онъ совѣтовалъ читать съ большимъ разборомъ и опаскою, ища указаній отъ своихъ духовныхъ отцовъ и руководителей. Отличаясь самъ глубокимъ смиреніемъ, смиряясь даже предъ дѣтьми, о. Адріанъ весьма вдумчиво относился къ каждому посѣтителю, но вступалъ въ бесѣду и давалъ наставленія, особенно же открывалъ душевное состояніе того, кто съ нимъ бесѣдовалъ, осмотрительно, тогда

только, когда видѣлъ душевное влеченіе къ этому въ самомъ собесѣдникѣ и его подготовленность къ воспріятію старческаго слова. Многіе почитатели просили у него карточки и дозволенія снять его, но старецъ не дозволилъ, говоря: и не съ живаго снимете. И, дѣйствительно, карточка была снята съ него по смерти, съ которой и былъ потомъ написанъ портретъ. Убѣждая слушателей поститься, старецъ совѣтовалъ молиться особенно усердно; при этомъ указывалъ, что самое лучшее время мірянамъ для молитвы—это часы свободные отъ хозяйственныхъ занятій.

Упрашивая чаще ходить въ храмъ, о. Адріанъ совѣтовалъ возможно чаще и сердечнѣе творить милостыню, которая можетъ возмѣстить недостатокъ подвиговъ благочестія. Осуждая щегольство, пьянство, плотскіе грѣхи, корыстолюбіе, злобу, нерадѣніе о своемъ спасеніи, старецъ сродникамъ страждущихъ такими пороками давалъ совѣтъ творить о нихъ шестинедѣльное заздравное литургійное поминовеніе, подавать за нихъ милостыню и служить молебны предъ иконами Божіей Матери, особенно «Всѣхъ скорбящихъ Радости», также нѣкоторымъ святымъ. Страдающимъ запоемъ давалъ нѣкоторые и практическо-гигіеническіе совѣты. Особенно настоятельно всѣмъ совѣтовалъ старецъ укрѣплять себя умѣреннымъ постомъ. Посту, его пользѣ, возможности и умѣстности и для мірянъ было посвящено имъ много рѣчей. Избравшихъ дѣвственную жизнь онъ болѣе всего располагалъ къ соблюденію постояннаго поста; совѣтовалъ имъ также избѣгать всякихъ горячихъ блюдъ и похлебокъ. Желавшимъ имѣть чистый умъ и свѣжую голову при молитвенныхъ подвигахъ, о. Адріанъ совѣтовалъ пить нехолодную сырую воду, о которой говаривалъ притомъ такъ: «водою при частыхъ земныхъ поклонахъ я пользовался въ многоразличныхъ недугахъ моихъ и, о, какую тогда имѣлъ я легкость въ природѣ моей, здоровье, веселье, чистоту мыслей». Старымъ, неспособнымъ къ трудамъ онъ совѣтовалъ покаянную молитву мытареву. Людямъ

семейнымъ онъ шелъ навстрѣчу въ ихъ радостяхъ и горестяхъ, а склонныхъ къ дѣвственной жизни укрѣплялъ и поддерживалъ своими совѣтами и молитвами. Стеченіе всякаго народу къ о. Адріану было громадное, но онъ всѣмъ находилъ слово въ утѣшеніе, на всѣхъ у него хватало любви и вниманія. А чтобы его посѣтители не скучали, порою онъ давалъ имъ и занятія: кому чистить дорожки, кому еще въ чемъ-либо потрудиться для обители. Инымъ давалъ послушаніе списывать житіе или молитвы преподобно-мученику Адріану, которые потомъ раздавалъ другимъ посѣтителямъ. Особенно трогательно бывало видѣть, когда старецъ, окруженный дѣтьми, бесѣдовалъ съ ними объ истинахъ вѣры и обучалъ ихъ молитвамъ.

Старецъ имѣлъ особенное состраданіе къ больнымъ разными недугами: и просто тѣлесными болѣзнями, и болѣзнями-грѣховными навыками, какъ запой, плотскіе грѣхи и т. д. Совѣтуя прибѣгать къ молитвенной помощи, онъ совѣтовалъ поѣздки къ святынямъ, по монастырямъ, литургійное поминовеніе, также давалъ и разные практическіе совѣты; болѣе же всего совѣтовалъ вести воздержную, постническую жизнь; также часто совѣтовалъ приносить чистое сердечное исповѣданіе грѣховъ и приступать къ таинству св. Причащенія, и читать Минеи и Пологи, останавливаясь вниманіемъ на соотвѣтствующихъ примѣрахъ. Нерѣдко самъ молился съ больными у мощей преподобно-мученика Адріана, возлагалъ на больныхъ его вериги; молился съ больными предъ чудотворною иконой Успенія Божіей Матери; и многіе недужные, по молитвамъ сего старца, получали благодатное исцѣленіе отъ самыхъ застарѣлыхъ и тяжелыхъ недуговъ. Совѣтовалъ онъ также младенцевъ чаще носить къ св. Причащенію, говоря, что чрезъ это они будутъ потомъ и здоровѣе, и умнѣе, и счастливѣе. Будучи самъ постоянно въ памяти о смерти, о. Адріанъ всегда самъ пламенно молился объ упокоеніи усопшихъ, и просившимъ совѣта объ усопшихъ родныхъ

настоятельно совѣтовалъ совершать поминовеніе усопшихъ по чину православной Церкви и творить въ память ихъ милостыню.

Будучи самъ всецѣло преданнымъ иночеству и его завѣтамъ, о. Адріанъ, естественно, былъ убѣжденнымъ проповѣдникомъ монашества, и для склонныхъ къ иноческой жизни слово его имѣло могучее, рѣшающее вліяніе. Многія дѣвицы, богатыя и красивыя, подъ вліяніемъ его рѣчей, тутъ же снимали съ своей головы модныя гребенки, ломали ихъ, вынимали серьги, кольца и браслеты, отдавали все это бѣднымъ; а сами въ трудахъ иноческаго житія смиренно проводили свою жизнь, уневѣстившись Христу. Изъ послѣдовательницъ о. Адріана по времени составилась цѣлая женская община въ Бѣжецкѣ. Наставленія его монашествующимъ—незамѣнимое руководство для иноковъ во всѣ времена. Старецъ говорилъ инокамъ и инокинямъ слѣдующее: нельзя успокоиваться въ мысли на томъ, что «живу я въ монастырѣ, облеченъ въ мантію, хожу каждый день въ церковь, исполняю монастырскія послушанія—такъ съ меня и довольно: я уже спасенъ... О, нѣтъ и нѣтъ. Этого недостаточно. Сколько есть силъ, необходимо подъ руководствомъ слова Божія и отеческихъ писаній пріучать себя къ совершенному преобразованію нрава, умному просвѣщенію и совершенной любви, съ глубочайшимъ смиреніемъ и сердечною простотою изъявлять во всемъ, всегда и вездѣ покорность Богу, а для Него съ цѣлію духовнаго преобразованія—игумену и всей братіи монастыря». Усиленно заповѣдывалъ старецъ жившимъ въ монастыряхъ часто и усердно молиться Богу въ храмѣ и въ келліи своей; при исполненіи монастырскихъ послушаній совѣтовалъ творить молитву Іисусову чисто и усердно, въ келліи же чаще творить молитву съ поклонами и читать аскетическія писанія: творенія св. Ефрема Сирина, Лѣствичника, Макарія Великаго, все Добротолюбіе, особенно писанія о. Паисія Величковскаго, Духовный Алфавитъ и др. Эти книги, по мысли старца, для инока и инокини должны быть зеркаломъ для познанія ими своего духовнаго устроенія, особенно, когда нѣтъ старца-окормителя. «Безъ руководства, говорилъ онъ, иноки, что листья отъ деревьевъ». Нѣкоторымъ прежде вступленія въ монастырь совѣтовалъ временно пожить вблизи обители и присмотрѣться къ порядкамъ жизни въ ней, но и это сдѣлать подъ руководствомъ «опытной духовной нянюшки (старца)». Когда же старца не оказывалось, руководиться Добротолюбіемъ съ молитвою. «Не научившись плавать на ровномъ мѣстѣ, въ быстрину не пускайся», говаривалъ онъ, разумѣя подъ быстриною монашескую жизнь. Иныхъ же прямо направлялъ въ «рай»—какъ называлъ нерѣдко монастырь. Заповѣдуя хранить тѣлесную чистоту и цѣломудріе, онъ говаривалъ, что крайне нужно беречься душевныхъ язвъ, которыя бываютъ подчасъ хуже грѣховъ плотскихъ. «Согрѣй прежде тѣло трудами,—училъ старецъ,—молясь часто и усердно съ земными поклонами, до усталости, такъ и душа согрѣется. Вспомнимъ: спасеніе пріобрѣтается нуждою и труженничествомъ—нужно принуждать себя во всемъ и пріучать ко всему, что одобряетъ совѣсть и указано въ книгахъ опытами святыхъ,—и тогда будетъ и тепло, и весело на душѣ».

Широко и далеко въ пространственномъ смыслѣ и глубоко въ отношеніи сердечнаго проникновенія въ души слушателей разносилось слово старца о. Адріана. Его совѣты и наставленія, письма, а послѣ смерти, и портреты его по многимъ городамъ и селамъ благоговѣйно хранились въ рамкахъ и подъ стекломъ, и въ трудныя минуты эти наставленія, а порою и одинъ видъ старца, приносили и утѣшеніе, и вразумленіе, и вселяли бодрость въ несеніи жизненнаго креста. При жизни старца многіе не только простые люди, но и изъ дворянъ и помѣщиковъ оставляли свои родовыя завѣтныя гнѣзда и поселялись вблизи старца: то въ слободѣ, то въ монастырской гостинницѣ, и жили въ подвигахъ поста,

молитвы и чтенія слова Божія и аскетическихъ писаній, подъ опытнымъ руководствомъ старца, восходя въ дѣланіи духовномъ на высокія степени благодатнаго устроенія. Изъ такихъ лицъ особенно выдѣлялась своимъ благочестіемъ и строгимъ постничествомъ Свитинская помѣщица Матрона Ивановна Гулина: она служила старцу и бѣднымъ отъ имѣній своихъ и скончалась кончиною праведныхъ. А дворянская вдова Л., при строгой жизни, служила старцу, ведя его обширную переписку: писала по его указанію письма его духовнымъ дѣтямъ и разсылала ихъ по назначенію. Многіе и другіе послужили по указанію старца бѣднымъ отъ имѣній своихъ, ибо старецъ съ трогательнымъ участіемъ относился къ бѣднымъ, больнымъ и всѣмъ нуждавшимся въ помощи. Не имѣя самъ средствъ, онъ служилъ всѣмъ несчастнымъ молитвою, разумными совѣтами и располагалъ къ помощи имъ людей состоятельныхъ.

Особенно широкому распространенію славы старца и чрезъ его извѣстность увеличенію его благотворнаго вліянія на людей самыхъ разнообразныхъ состояній по внѣшнему быту и внутреннему устроенію содѣйствовало его странничество по сбору для обители. О. настоятель обители игуменъ Рафаилъ, уважавшій старца и всячески ему содѣйствовавшій, попросилъ о. Адріана потрудиться для блага небогатой обители и сходить по сбору. О. Адріанъ, всегда служившій обители, чѣмъ могъ, искренне почитавшій о. настоятеля, отвѣтилъ на это предложеніе полною готовностью. Это тяжелое послушаніе подвижнику было особенно по сердцу. Оно давало ему возможность побыть въ уединеніи, потрудиться въ постѣ и самоограниченіи, послужить обители и благотворителямъ. Немало времени провелъ о. Адріанъ въ этомъ подвигѣ. Много собралъ онъ лептъ на благо обители, но эти матеріальныя пріобрѣтенія были лишь слабою тѣнью того, что этимъ странствованіемъ пріобрѣлъ подвижникъ для небесъ и для своей души. Это странствованіе было временемъ новыхъ подвиговъ

и еще болѣе широкаго служенія людямъ. Это время было для него временемъ молитвы и поста. Онъ молился въ пути: въ лѣсу, въ поляхъ, а въ зимнее время близъ дорогъ онъ выкапывалъ своими руками ямы въ снѣгу и до пота молился въ этихъ снѣжныхъ пещеркахъ. На лошадь въ пути не садился, а шелъ или нѣсколько впереди или сзади, въ молитвенномъ самоуглубленіи. Въ холодной одеждѣ и обуви, о. Адріанъ, когда пріѣзжали въ деревню, и спутники его скорѣе забирались на теплую печь, спѣшилъ на дворъ. Тамъ, гдѣ-либо въ закоулкѣ, незамѣтно онъ становился на молитву и поклоны; тамъ онъ такъ усердно молился, что, несмотря часто на крѣпкій морозъ, приходилъ поздно въ домъ весь въ поту. Во все время нахожденія въ домѣ онъ входилъ съ глубокимъ участіемъ въ нужды хозяевъ и служилъ имъ молитвою за нихъ и совѣтами. Несмотря на пребываніе въ домахъ мірянъ, онъ хранилъ свой суровый постъ неопустительно и питался хлѣбомъ съ водою или чаемъ. Притомъ за столомъ онъ такъ увлекалъ бесѣдою слушателей, что тѣ и не замѣчали, что старецъ умудрялся просидѣть и ничего почти не вкусить. Пріѣзжая въ село или городъ, онъ искалъ домъ не только бѣдный, но и пользовавшійся самою дурною извѣстностью въ томъ мѣстѣ. Проводя въ такихъ домахъ то нѣсколько дней, то нѣсколько недѣль—въ городахъ, онъ незамѣтно такъ вліялъ на хозяевъ, что тѣ скоро исправлялись и становились примѣрными по своей жизни, что естественно вызывало немало удивленія въ ихъ сосѣдяхъ. Много добра, много сѣмянъ слова Божія заронилъ этотъ мудрый странникъ во время своего хожденія по сбору. Много семействъ облагодѣтельствовано имъ нравственно въ это время. Неудивительно, что и переписка старца разрослась послѣ этого, и число его почитателей стало еще болѣе. Его послѣ этого стали почитать не только отдѣльныя лица, но, можно сказать, и цѣлые города. Особенно полюбилъ старца и чтилъ г. Бѣжецкъ, гдѣ и богадѣльня приведена была въ

цвѣтущее состояніе вслѣдствіе вліянія на горожанъ о. Адріана. Не мало пользы принесло это путешествіе и самому о. Адріану въ смыслѣ опытности его въ служеніи ближнимъ. Въ это путешествіе онъ еще ближе и глубже изучилъ жизнь, горе и паденія людскія. Въ частности, это же дало ему и опытъ касательно странничества, какъ подвига и хожденія на богомолья. Впослѣдствіи вопросовъ о странничествѣ о. Адріанъ касался не разъ, и его совѣты полны глубокаго опыта. Вотъ нѣкоторые совѣты его о странничествѣ. Въ странничествѣ о. Адріанъ каждому, кто вступалъ на такой путь богоугожденія, совѣтовалъ во всемъ поступать съ такою же осторожностью, съ какой несетъ человѣкъ зажженную свѣчу и боится, какъ бы ея не загасилъ вѣтеръ. Чтобы страннику не угасить дарованной ему Господомъ искры — ему крайне необходимо быть осторожнымъ въ отношеніи пищи и питія, сна, встрѣчъ съ людьми на пути и въ домахъ. Странствовать лучше вдвоемъ съ единомысленнымъ спутникомъ, но не въ толпѣ. Дѣвушкамъ пускаться въ далекіе пути однѣмъ безъ надежнаго спутничества кого-либо изъ знаемыхъ старшихъ не совѣтовалъ о. Адріанъ никогда. Странникъ, если не страдалецъ, такъ онъ и не странникъ. Странническая жизнь, безпріютная, проходимая разумно, въ полной покорности Богу, въ живомъ храненіи Его заповѣдей, подъ руководствомъ Библіи и Добротолюбія, вѣрный и дѣйствительный способъ къ духовному самообразованію. Странствовать при такомъ устроеніи ума необходимо непремѣнно съ паспортомъ. Тупоумное, безъ духовныхъ цѣлей, перехожденіе съ мѣстъ на другія онъ не одобрялъ и признавалъ безсмысленными. «Странствуй безъ денегъ, говорилъ о. Адріанъ одному молодому человѣку, который хотѣлъ странствовать, а иначе ты и не странникъ, даже самыя необходимыя для жизни принадлежности имѣя, учись не имѣть, пока не пріучишься къ неимѣнію». Спутниками странника должны быть Новый Завѣтъ и Псалтирь. Молитва въ пути—источникъ

облегченія и утѣшенія. Странствовать съ паспортомъ, а жизнь вести по Добротолюбію—хорошо будетъ».

Когда же въ одно время предстояла неизбѣжная почти возможность о. Адріану сдѣлаться настоятелемъ обители, то этотъ ревнитель иноческихъ добродѣтелей принялъ на два года на себя подвигъ юродства. Онъ въ такомъ стеченіи обстоятельствъ провидѣлъ хитрость врага, желавшаго путемъ настоятельства отвлечь подвижника отъ молитвеннаго подвига и отъ подвига всецѣлаго служенія ближнимъ, почему и рѣшился на такой чрезвычайный путь жизни. Продолжая подвигъ молитвы и строжайшаго поста, въ эти годы о. Адріанъ болѣе всего находился въ лѣсу и тамъ молился, питался же то дягилемъ, то верхушками молодыхъ деревьевъ. Ходилъ въ рубищѣ и казался малоумнымъ. Но и въ это время, хотя прикровенно, но не переставалъ служить ближнимъ: вбѣгалъ въ дома, гдѣ были больные, и утѣшалъ, мирилъ ссорившихся, принимая порою и самъ побои. Выпросился разъ въ карету къ больной барынѣ, а когда та больная впустила его, онъ ее тутъ же исцѣлилъ отъ недуга. Обличая ложь, разъ проѣхался на необъѣзженной лошади и, когда она споткнулась, а онъ чуть не упалъ, слѣзая говорилъ: «опытно узналъ, что ложь—конь во спасеніе, и на рѣзвомъ никуда не уйдешь!» Потомъ онъ оставилъ этотъ подвигъ и сталъ снова открыто служить людямъ, когда миновала опасность настоятельства.

«Старецъ отецъ Адріанъ имѣлъ много изъ людей разнаго званія и состоянія вѣрныхъ и преданныхъ ему сердецъ, которыя, имѣя въ немъ друга и благоразумнаго наставника, подъ его руководствомъ благоуспѣшно совершали свое теченіе на пути духовнаго совершенствованія, впослѣдствіи и сами удостоивались за послушаніе ему многоразличныхъ духовныхъ дарованій отъ Господа. Иные пріучены имъ къ строгому посту, всякому подвижничеству по Добротолюбію, другіе обладали особеннымъ даромъ слезъ, умиленія и не-

престанныхъ въ уединеніи молитвъ, инымъ даровалось особенное мужество, опытное разсужденіе, готовность среди міра на всѣ опасности для добродѣтели, совершенное безпристрастіе къ себѣ, ко всему временному и чистота въ жизни.

Вообще боголюбивое семейство, воспитываемое богомудрымъ старцемъ, отличалось особенною любовію и скромностію среди людей, чистотою нравовъ, при всѣхъ случаяхъ опасныхъ и скорбныхъ глубочайшею кротостію; смиреніемъ и покорностію во всемъ Богу, неутомимостію въ трудахъ всякаго рода, усердіемъ къ молитвамъ, любовію къ чтенію Священнаго Писанія и Отеческихъ книгъ.

По кончинѣ старца извѣстная рѣдкою опытностію въ жизни духовной Матрона Ивановна Гулина разсказывала: много, много трудовъ, скорбей и нуждъ перенесено тѣми, которые хотѣли учиться у батюшки отца Адріана духовной жизни, много пролито потовъ, перенесено голода, жажды и всякихъ лишеній, много проведено ночей безсонныхъ и всякаго рода огорченій,—чтобы только усовершиться въ любви Божіей и быть вѣрными до конца добродѣтельной жизни, указываемой намъ старцемъ, и самого то его (старца) въ чемъ-либо не оскорбить. Послушаніе наше старцу было подъ руководствомъ Добротолюбія,—что въ книгѣ Игнатія и Каллиста и главахъ Симеона, новаго Богослова. Подъ руководствомъ старца устроялась наша жизнь, не только внѣшняя, но и мысленная: помыслы наши, желанія и намѣренія, — всѣ старцу были извѣстны, каждый шагъ нашъ отъ него не укрывался. Все, относящееся къ благоустройству жизни тѣлесной и ея потребностей, предпринималось съ вѣдома и благословенія старца. По ея разсказамъ, подъ руководствомъ старца являемо было безчисленное множество дивныхъ опытовъ послушанія и строгой жизни, и всѣ они ясно свидѣтельствовали, что батюшка отецъ Адріанъ былъ великій подвижникъ, мудрый старецъ и усердный молитвенникъ ко Господу.

Нѣкоторыя изъ сестеръ Бѣжецкой Благовѣщенской общины

о строгостяхъ жизни подъ руководствомъ отца Адріана разсказывали: «удивительна, говорили онѣ, и необыкновенна была строгость науки батюшки отца Адріана: всѣхъ приближавшихся къ себѣ для того, чтобы отъ него, близъ него и около него учиться духовно жить, старецъ принималъ съ любовію, предлагая зеркаломъ жизни таковымъ—Добротолюбіе. Часто старецъ, для испытанія вѣры, ищущимъ чрезъ него спасенія запрещалъ просить у кого-либо что-нибудь самопотребнѣйшее для жизни, до тѣхъ поръ пока Господь не вразумитъ кому-либо подать, — и такимъ образомъ нѣсколько времени таковые должны пребывать безъ пищи и приличной одежды (для зимы особенно) на нѣсколько времени, въ ожиданіи, за св. молитвы старца, милости Божіей, чрезъ какихъ-либо благочестивыхъ людей. Хлѣбъ почти у всѣхъ, перенимавшихъ у старца науку подвижничества, употреблялся съ вѣсу, и потому всякій въ своей квартирѣ имѣлъ своего рукодѣлья вѣсики; пищу тогда благословлялъ употреблять и брать только ту, которая оказалась почему-либо въ мірѣ негодною къ употребленію, и за ту платить, моляся за даровавшаго ее многочисленными поклонами. Посылалъ, когда уже оберутъ овощи съ огородовъ, все оставшееся подбирать и выкапывать картофель, уже мерзлый, и это употреблять для стола себѣ, опять за труды хозяина этого огорода полагая по назначенію старца многочисленные поклоны; картофель, такимъ образомъ въ морозъ собранный и отъ того уже повредившійся, за св. молитвы старца, былъ свѣжъ, будто взятый изъ земли въ свое время.

Поразительно было искусство старца, разсказывалъ нѣкто изъ Московскихъ гражданъ, учившійся у него духовной жизни, пріучать людей къ любви и смиренію христіанскому. Никакой характеръ, никакая быстрота ума, никакая гордость и самонравіе человѣческое не могли устаивать противъ мудрыхъ распоряженій старца,—все благоуспѣшно направлялось имъ къ желанному концу смиренія и любви христіанской.

Старецъ обладалъ необыкновеннымъ искусствомъ и мудростію облегчать и смягчать жестокости и трудности указываемаго имъ пути подвижничества и строгости жизни духовной дѣлать любезными и пріятными въ глазахъ предавшихся его руководству; иго Христово, при его вниманіи и руководствѣ, казалось для нихъ благимъ, и бремя Его—легкимъ.

Для наученія смиренію нѣкоторымъ изъ дворянскихъ особъ, пришедшихъ къ старцу учиться духовной жизни, старецъ поручалъ послушанія, приличныя только людямъ простаго званія: посылалъ жать, поручалъ должность прислуги и многое другое, принадлежащее низшему классу людей; соотвѣтственно этому заставлялъ иныхъ носить и одежду смиренную.

Чрезъ труды послушанія и многоразличныя порученія отъ старца, будто превосходившія иногда предѣлы жизни обыкновенной, мудро испытываема и укрѣпляема была вѣра многихъ, искавшихъ совершенства ея. Вѣра испытывается въ опасностяхъ, сказалъ нѣкто изъ святыхъ (Исаакъ Сиринъ): ни бурныя темныя ночи, ни страшные бури и морозы, ни слабость здоровья, ни страхъ дикихъ звѣрей, ни огорченія, ни преслѣдованія отъ людей легкомысленныхъ и умниковъ мірскихъ,—ничто опасное, по мнѣнію людей невозрожденныхъ для добродѣтели, не могли ослаблять мужества, охлаждать раченія и препятствовать рѣшимости и готовности, подъ руководствомъ опытнаго вождя смѣло идти навстрѣчу всѣмъ опасностямъ жизни временной,—для благополучія въ вѣчной.

За св. молитвы старца, бурная темная ночь, исполнявшимъ, для испытанія вѣры, какое-либо порученіе отъ него, казалась пріятнымъ свѣтлымъ днемъ; ненастныя погоды и морозы не обременяли и не охлаждали раченія его послушниковъ; слабые тѣломъ оказывали непобѣдимое мужество и неутомимость во всякомъ дѣланіи, указываемомъ старцемъ для оживленія и укрѣпленія ихъ души; многія и въ женскомъ тѣлѣ являли дивные опыты самоотверженія, крѣпости

и мужества въ опасностяхъ жизни временной, въ нуждахъ ея и въ неусыпномъ раченіи на пути добродѣтели: для нѣкоторыхъ, воспитываемыхъ въ добродѣтели подъ руководствомъ старца, строги были посты, продолжительны молитвы, многочисленны поклоны и неусыпны бдѣнія, скудость потребныхъ,—и все, за его св. молитвы, выносилось благодушно, рачительно и съ великими побѣдами немощей естества человѣческаго. Преданныхъ и вѣрныхъ старцу сердецъ, на пути, при встрѣчѣ волковъ и другихъ звѣрей, страхъ не побѣждалъ, и они смотрѣли на звѣрей, какъ на кроткихъ овецъ, призывая на помощь молитвы старца, оставались совершенно и всегда мужественны и невредимы въ таковыхъ опасностяхъ: это случалось со многими, ему преданными, особенно при переходѣ въ ночное время болота, лежащаго между Мологою и Югскою обителію. Совѣтъ старческій изъ слова Божія: не противьтеся злу, неизгладимо носимъ былъ въ сердцѣ ему покорныхъ, и они, при всѣхъ непріятностяхъ, огорченіяхъ отъ людей безстрашныхъ и легкомысленныхъ, являли всегда примѣрную кротость, перенося все съ мужествомъ и долготерпѣніемъ: ни безпріютность, ни гоненія отъ родныхъ, ни скудость въ потребныхъ не останавливали въ доблестномъ теченіи на пути добродѣтели подъ руководствомъ старца рѣшившихся переносить всѣ трудности онаго, къ достиженію совершенства добродѣтели.

Служа нравственною опорою для такого множества духовныхъ чадъ, о. Адріанъ, послѣ молитвы, находилъ себѣ нравственную поддержку въ близкомъ духовномъ общеніи съ другими подвижниками благочестія, о которыхъ міръ не зналъ, но имена коихъ были уже вписаны на небѣ въ сонмѣ праведническомъ. Таковыхъ людей можно было видѣть и встрѣчать при Югской обители и при Адріановѣ монастырѣ, куда приходили они съ цѣлію свиданія съ старцемъ. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ пламенною ревностію къ молитвамъ нѣкто изъ сосѣдственныхъ селеній Югской пустыни, люби-

тель пустынной молитвы въ лѣсахъ Захарія. Онъ устроенъ, въ полномъ смыслѣ, какъ дитя Евангельское: что ему дадутъ, на что ему укажутъ и въ чемъ примутъ участіе къ его успокоенію, тѣмъ только и пользовался; никому ничего и никогда не предлагалъ о своихъ нуждахъ; главный трудъ его составлялъ быть день и ночь въ молитвахъ гдѣ-либо въ уединеніи; пламенная душа его проявлялась и въ поступкахъ его: онъ мало садился, и рѣдко видѣли его отдыхающимъ, а, все покачивая головою, имѣлъ глаза всегда почти обращенные къ небу; былъ онъ тѣломъ сухъ, глаза голубые очень выразительны и свѣтлы. Бывало, когда придетъ въ Югскую пустынь, старецъ иногда говоривалъ ему: Захарушко! Захарушко! гляди ты на птичекъ, любуйся, какъ онѣ живутъ и перенимай у нихъ: онѣ, когда клюютъ, то на всѣ стороны глядятъ, какъ бы на ловца не попасть: питаться то и ты по ихнему учись: кровомъ для нихъ небо, а пріютомъ часто вѣточки въ лѣсу;—вотъ такъ-то и намъ бы хорошо.

Съ старцемъ имѣлъ духовное общеніе извѣстный своею страдальческою жизнію въ Бѣжецкѣ (Твер. губ.) Гавріилъ Ивановичъ Рыженковъ, предсказавшій и блаженную кончину старца его преданнымъ. Труды, подвиги и неусыпность въ жизни о Господѣ этого страдальца выше всякой похвалы. Проводя цѣлыя ночи въ трудахъ и молитвахъ, онъ, между прочими подвигами, имѣлъ обычай ночевать при гробахъ, на кладбищѣ; провалившаяся и пустая могила служила ему пріятнѣйшимъ пріютомъ для успокоенія его молитвенной души. Жители города Бѣжецка съ благоговѣніемъ смотрѣли на изумительные труды его облагодатствованной души. При своемъ домѣ пріютомъ для него служилъ большею частію чердакъ, гдѣ онъ день и ночь молился; отъ труда молитвеннаго, особенно когда сильно ударялъ себя въ грудь, потрясался потолокъ, что слышно было присутствовавшимъ на эту пору въ домѣ. Своими пламенными и теплыми молитвами этотъ подвижникъ служилъ и спасенію многихъ, прибѣгавшихъ къ

нему съ вѣрою, для облегченія болѣзней душевныхъ и тѣлесныхъ. Многіе изъ посѣщавшихъ этого подвижника и изъ жителей города Бѣжецка были свидѣтелями чрезвычайныхъ его дарованій благодатныхъ, особенно дара прозорливости на многіе случаи ихъ жизни.

Старецъ отецъ Адріанъ съ похвалою отзывался и о многихъ другихъ рабахъ Божіихъ, проходившихъ многотрудный и страдальческій путь въ этомъ тяжеломъ родѣ подвижничества.

Путь юродивыхъ старецъ считалъ самымъ труднымъ: много таковымъ приходится до совершеннѣйшаго успокоенія переносить трудовъ, скорбей душевныхъ и тѣлесныхъ и всякаго рода лишеній и огорченій отъ людей и отъ бѣсовъ. Одному молодому человѣку, просившему благословенія у старца на путь юродства, старецъ сказалъ: «сказалъ ты, что хочешь сойти съ ума; но скажи: съ какого ты ума-то сойдешь! Наживи прежде ума, да тогда и сходи съ своего ума на Божій умъ: вѣдь и безъ того мы сошли съ Божьяго-то ума на мірской и свой непокорный умъ! Странничество и юродство не у всѣхъ, избравшихъ оныя, говорилъ старецъ, бываютъ справедливы: много изъ таковыхъ есть волковъ въ овчей одеждѣ; подъ кафтанами странническими и подъ личиною юродства не всегда скрывается умъ христіанскій; сказано: мнози лжепророцы изыдоша въ міръ и, испытывайте духи. Часто врагъ приражается и къ чистымъ по жизни, но гордымъ по уму,—каковаго искушенія сохрани насъ Господи! Библія, Добротолюбіе, Четіи-Минеи и Прологи раскрываютъ глаза христіанамъ».

Старецъ имѣлъ друзей, доблестно проходившихъ путь добродѣтели и въ трудахъ жизни пустынной, по примѣру древнихъ пустынножителей, чтимыхъ св. Церковію. Объ одномъ изъ таковыхъ въ назиданіе своихъ близкихъ, во славу Божію, съ пріятностью разсказывалъ старецъ: знаю одного дивнаго мужа нашего времени, который съ 7 лѣтъ избранъ на

чудный подвигъ пустынный. Священникъ, у котораго воспитывался этотъ дивный отрокъ, усмотрѣвъ въ немъ призваніе Божіе къ духовной жизни, потому-что онъ съ этихъ лѣтъ постоянно пребывалъ въ постѣ и молитвѣ, давалъ ему полную свободу и средства къ просвѣщенію его боголюбивой души. Съ этою цѣлію онъ устроилъ для него комнату на чердакѣ дома (свѣтлицу), гдѣ, при чтеніи книгъ, въ постѣ и молитвахъ неисходно пробывъ до 13 лѣтъ, онъ скрылся отъ священника и доселѣ проводитъ жизнь чудную, скитаясь въ лѣсахъ, пустыняхъ и пропастяхъ земли Русской, не имѣя себѣ постояннаго крова и жилища. Одежду иногда носилъ сплетенную изъ кореньевъ своими руками. Пищу доставляетъ ему земля своими произрастеніями. Къ селеніямъ не приближался. До сихъ поръ хранимый чуднымъ Богомъ, онъ благополучно покрывается Имъ отъ взора любопытныхъ людей. Объ имени этого чуднаго раба Божія старецъ не напомнилъ, чей священникъ покровительствовалъ ему для подвижничества пустыннаго и гдѣ онъ скрывается, не сказалъ.

Еще о двухъ родныхъ братьяхъ, провождавшихъ въ его время жизнь пустынную, старецъ разсказывалъ: «оба они, взаимно подкрѣпляемые въ трудахъ подвижничества, чудно совершали свое теченіе до глубокой старости. Съ юности пріучивъ себя къ посту, они и въ старости питались только хлѣбомъ съ водою и сухарями, кои, сидя вмѣстѣ, при чтеніи Евангелія, на бережку одного ручейка, въ платочкѣ размачивали. Отъ поста и молитвы, несмотря на преклонныя лѣта, оба они были необыкновенно бодры, веселы, легки и быстры скорошествіемъ; однажды старшій вздумалъ испытать младшаго въ послушаніи, послалъ его въ одно селеніе верстъ на 15 взадъ и впередъ за часъ до заката солнца, съ приказаніемъ,—чтобъ онъ возвратился, пока солнышко не сѣло. Младшій, скорошественный молитвенникъ, возвратился по назначенію старшаго, благополучно совершивъ свое путешествіе до заката солнца, а ему было около ста лѣтъ,—такъ постъ

и молитва облегчаютъ человѣка! Старецъ только и сказалъ объ этихъ двухъ чудныхъ, особящихся птицахъ, не указавъ ни на мѣсто ихъ жительства, не напомнивъ объ именахъ ихъ и другихъ обстоятельствахъ ихъ жизни. Сказано было это, когда была рѣчь о постѣ, молитвѣ и послушаніи».

Общеніе съ подобными труженики о Господѣ для о. Адріана было особенно утѣшительно и полезно въ виду тѣхъ большихъ скорбей, какія ему приходилось переносить во время своего подвига служенія людямъ, особенно въ послѣднее время его жизни. Тяжелый для изнуреннаго постомъ подвижника самъ по себѣ, подвигъ старческаго руководствованія обращавшихся къ нему людей былъ отягченъ еще рядомъ скорбей изъ-за злобы діавола и людей.

Старецъ трудился, но и врагъ не дремалъ, творя ему много обидъ и возмущая противъ него монастырскую братію. Игумены о. Рафаилъ, Павелъ и настоятель іеромонахъ Ириней уважали старца и содѣйствовали ему въ его служеніи предоставленіемъ нужныхъ удобствъ. И ненавистники изъ братіи, кромѣ своего злословія, особенно ничѣмъ вредить подвижнику не могли. Но когда настоятелемъ сталъ игуменъ Сергій, долго таившаяся злоба прорвалась наружу съ ожесточеннымъ напряженіемъ. Новый настоятель не могъ понять старческаго служенія о. Адріана и съ самаго начала своего настоятельства сталъ относиться къ подвижнику недовѣрчиво. Недоброжелатели Адріановы и воспользовались этимъ обстоятельствомъ. Всячески стали они чернить праведника: обвиняли его и въ корыстолюбіи; клеветали на его чистую дѣвственную жизнь; ему приписывали такія дѣянія, какія нетерпимы и въ самомъ обыкновенномъ мірянинѣ. Наконецъ, достигли того, что настоятель запретилъ ему принимать и народъ. Старецъ терпѣливо несъ это испытаніе. Но не вынесли того жаждавшіе старческаго слова и такъ налегли на настоятеля, что тотъ противъ своей воли, однако, разрѣшилъ о. Адріану снова принимать народъ. Самъ праведникъ, видя

большое смущеніе среди братіи изъ-за себя, усматривая въ этомъ смятеніи козни врага, смиренно рѣшилъ уйти изъ обители ради водворенія въ ней спокойствія и тишины. «Кто я такой, говаривалъ онъ въ эту пору, что изъ-за меня убогаго смущается настоятель и братія св. обители»? И пламенно молился за враговъ. Югскій настоятель, встрѣтившись съ Сергіемъ въ Ярославлѣ, выпросилъ у него къ себѣ въ обитель о. Адріана. Близорукій и неразвитой Сергій съ радостью согласился: онъ былъ радъ избавиться отъ безпокойнаго, по его мнѣнію человѣка, самъ того не понимая, неразумный, что, избавляясь отъ о. Адріана, онъ служилъ врагу и лишалъ обитель великаго сокровища благодати Божіей. Узнавъ о волѣ настоятелей, о. Адріанъ смиренно оставилъ столь дорогую обитель. Въ ней онъ провелъ тридцать лѣтъ своей иноческой, страдальческой жизни; здѣсь онъ принялъ постригъ; здѣсь у гробницы своего ангела преподобно-мученика Адріана онъ находилъ утѣшеніе и подкрѣпленіе въ тяжелыя минуты борьбы. Эту-то обитель по злобѣ людской и пришлось ему оставить. Смиренно вышелъ изъ родной обители изгнанникъ и вошелъ въ новую обитель 14 февраля 1851 г., во время благовѣста къ литургіи.

Въ Югской Дороѳеевой пустыни о. Адріанъ былъ принятъ въ число больничныхъ иноковъ и помѣщенъ на гостинницѣ, гдѣ былъ отведенъ ему номерокъ. О. настоятель Варѳоломей далъ свободный доступъ къ старцу богомольцамъ, и о. Адріанъ снова сталъ, какъ и прежде, служить ближнимъ. Онъ принималъ то у себя, то самъ посѣщалъ богомольцевъ въ ихъ номерахъ. Велъ попрежнему обширную переписку и читалъ получаемыя письма по ночамъ, среди молитвы: днемъ на это не было нисколько времени. Два съ половиною года прожилъ здѣсь о. Адріанъ, служа ближнимъ. Онъ съ радостью встрѣчалъ жаждавшихъ очиститься отъ грѣховъ въ покаяніи, скорбѣлъ глубоко о нераскаянныхъ и всѣхъ умолялъ жить благочестиво. Самъ время проводилъ попрежнему

въ подвигахъ бдѣнія и поста. Молитва его была столь постоянна и напряженна, что волосы отъ поста сбивались въ одну какъ бы шапку, рубашки отъ пота истлѣвали въ нѣсколько дней, какъ свидѣтельствовали двѣ благочестивыя старицы, что служили ему приготовленіемъ бѣлья; вкушалъ также только хлѣбъ то съ водою, то съ водою и уксусомъ и чаемъ. Но и здѣсь врагъ не оставилъ его въ покоѣ. И здѣсь скоро нашлись среди братіи ненавистники подвижника и злословили его всячески: называли его сумасшедшимъ, его преданныхъ учениковъ малоумными, называли его ханжею, хвастуномъ, обманщикомъ, лакомкою, безполезнымъ для обители человѣкомъ, которому только ходить да чай пить съ богомольцами. Но это шипѣніе злобы шло втихомолку. Только одно время, когда о. Варѳоломей былъ вызываемъ въ Соловецкіе настоятели и ѣздилъ въ Петербургъ отказываться, а настоятелемъ былъ гонитель старца Адріановскій настоятель Сергій, злоба эта прорвалась наружу, и снова начались было притѣсненія старца, но это было недолгое время: когда возвратился о. Варѳоломей, старцу снова дали покой и свободу въ пріемѣ богомольцевъ. Самъ же старецъ, зная и видя вражду противъ себя, смиренно переносилъ все: при всей правотѣ путей своихъ, никого не осудилъ, ни на кого не пороптался, никого ни въ чемъ не обвинялъ; и только говорилъ соболѣзновавшимъ ему, чтобы усерднѣе молились за него Богу, и часто повторялъ: «конецъ моей жизни все скажетъ». И усиленно отдавался молитвѣ въ храмѣ и въ келліи. «Только и можно жить, говаривалъ при этомъ старецъ, весело избавиться отъ унынія и мрака душевнаго, избѣжать многоразличныхъ искушеній и бѣдъ человѣку, какъ при усердной и частой молитвѣ. Воины, когда идутъ на войну, для ободренія себя пѣсенки поютъ, и играетъ музыка для нихъ. И воинамъ Христовымъ, для оживленія и мужества пхъ, непремѣнно нужна молитва, для духовнаго веселія и Псалтирь необходима. Чтобы натянуть ослабѣвшіе отъ сухости канаты,

для поддержанія мачтъ, ихъ увлаживаютъ водою. Увлажь и ты разслабѣвшую отъ зноя и страстей сухую твою душу молитвой со слезой. И умъ твой укрѣпится для храненія тебя отъ бури мысленныхъ и страстныхъ вѣтровъ!»

Молитвою и постомъ о. Адріанъ очистилъ и истончилъ свою плоть, укрѣпилъ свой духъ, терпѣніемъ вольныхъ и невольныхъ скорбей побѣдилъ всѣ грѣховные навыки и предрасположенія, а старческимъ руководствомъ множества людей позналъ всѣ изгибы души человѣческой, всѣ паденія немощнаго люда и полюбилъ это бѣдное страждущее человѣчество любовію вѣчною и былъ онъ въ плоти ангелъ,—небесный человѣкъ, земной ангелъ,—своею молитвою за людей пламенѣвшій къ Престолу Искупителя. Но когда духъ его былъ бодръ, внутреннее его благодатное устроеніе отражалось и на лицѣ его, которое въ послѣдніе годы порою такъ свѣтилось, что близъ стоявшіе не могли и выносить этого просвѣтлѣнія; плоть старца уже изнемогала и просила покоя до общаго воскресенія.

Старецъ чувствовалъ конецъ своего земного теченія и въ послѣдній годъ жизни часто, то явно, то прикровенно говорилъ о своей кончинѣ. «Не теряйте времени, говорилъ онъ, спрашивайте меня обо всемъ, торопитесь, я уйду отъ васъ. Меня переведутъ въ другую обитель, гдѣ келлія въ темной пещерѣ (т.-е. могила). Если не найдете себѣ истиннаго друга-руководителя духовнаго, изберите себѣ другомъ Добротолюбіе и крѣпче его держитесь. Я душевно радъ былъ послужить всѣмъ во славу Божію, но слабъ сталъ: сегодня я живъ, а завтра меня можетъ ужъ не быть, такъ и держитесь крѣпче Добротолюбія». 4 іюля 1854 г. онъ принялъ въ послѣдній разъ почту, а съ 13 іюля устроилъ себя въ неусыпномъ молитвенномъ подвигѣ до самой смерти, не вкушая пищи. Въ это время преданность старца на волю Божію была полнѣйшая, и свѣтлая надежда на милость Спасителя, на скорое свиданіе съ горними обитателями небесныхъ чер-

тоговъ не оставляла подвижника. А съ пятаго числа іюля онъ по возможности сталъ погружаться и въ полное безмолвіе. До 13 числа почти ежедневно ходилъ въ церковь, водимый уже подъ руки. 23 числа онъ, изнемогшій уже совсѣмъ, вышелъ, однако, въ братскую трапезу и тамъ у всѣхъ испросилъ себѣ прощеніе; обезсиленнаго его уже подъ руки отвели въ келлію. Во время его предсмертнаго истощенія нелена вражьяго потемнѣнія стала спадать съ духовныхъ очей нерасположенныхъ къ о. Адріану братій; они ясно стали видѣть святость того, кого такъ жестоко и злобно преслѣдовали. Глубокое покаяніе охватывало всѣхъ, а трогательное смиреніе о. Адріана и испрошеніе прощенія у братіи, совсѣмъ очистило сердца недоброжелателей. Духовникъ обители послѣ исповѣди старца со слезами говорилъ: «что это мы дѣлали? Какъ мы много ошибались насчетъ батюшки о. Адріана? О, мы были въ великомъ искушеніи относительно великаго человѣка, необыкновеннаго подвижника... То-то наша гордость и безпечность! Хотя бы немного намъ уподобиться ему въ душѣ!» И эти слова были выраженіемъ общаго сожалѣнія, голосомъ всѣхъ братій... Такъ сбылось слово подвижника, что конецъ его жизни все скажетъ!

Незадолго до кончины, старецъ, неоднократно напутствованный таинствами исповѣди и св. Причастія, 25 іюля былъ особорованъ. 1 августа былъ прочтенъ ему канонъ на исходъ души, и во время шестой пѣсни канона онъ сподобился явленія Пресвятой Богородицы со Святыми. Во время предсмертнаго изнеможенія и молитвеннаго бдѣнія о. Адріанъ удостоился видѣнія и Спасителя. Но объ этихъ явленіяхъ старецъ не рѣшился повѣдать, хотя его и очень упрашивали, но говорилъ только, что онъ несказанно этимъ утѣшился, и лицо его сіяло при этомъ свѣтомъ неземнымъ. Свѣтъ небесной славы, унаслѣдованной духомъ подвижника, просіявалъ уже въ бренной плоти, служа предвѣстникомъ

той славы, въ какой будутъ тѣла праведниковъ послѣ всеобщаго воскресенія.

Скончался праведникъ 7 августа 1853 г., въ пятницу, въ первомъ часу дня. За полчаса до кончины лицо его просіяло, глаза стали проникновенны и чисты; онъ устремилъ взоръ на св. иконы и горѣ, точно Кого-то созерцалъ, видимо было, что умно онъ бесѣдовалъ съ Зримымъ. Потомъ опять его взоръ перешелъ на образъ, онъ тихо шепталъ молитву. Послѣ молитвы легъ на свой убогій одръ, сложилъ самъ руки на груди, какъ складываются у умершаго, и сталъ дышать рѣже и рѣже. Дыханіе начало быстро стихать. Лицо еще болѣе просіяло, и сномъ тихимъ и блаженнымъ закончилась временная жизнь праведника, и началось его блаженное бытіе въ одной изъ тѣхъ Обителей въ Домѣ Отца Небеснаго, которыя приготовилъ для насъ Спаситель.

Удары колокола возвѣстили о смерти старца, и слезы пламенныхъ почитателей старца слились у его гроба со слезами покаянными его недруговъ, и всѣ, поклонившись гробу, отходили умиротворенные; тихая радостная увѣренность о блаженной долѣ почившаго умѣряла скорбь разлуки. Отошелъ непримиреннымъ, хотя и посрамленнымъ только діаволъ, чтобы съ новою силою наброситься на другихъ рабовъ Божіихъ, у гроба же старца было мѣсто только молитвѣ и слезамъ. Множество народа перебывало въ тѣсной келліи старца. Въ келліи гробъ стоялъ до третьяго дня; хотѣли было выносъ въ храмъ сдѣлать на второй день, но вдругъ поднялся сильный ливень и гроза, которые и помѣшали перенесенію останковъ подвижника. Замѣчательно при этомъ, что когда о. настоятель, увидя ливень, сказалъ: видно старцу не угодно, чтобы его теперь переносили, оставимъ до завтра, въ это время гроза и ливень вдругъ прекратились. Только въ воскресенье гробъ былъ перенесенъ въ церковь преподобнаго Дороѳея, а въ соборъ перенесеніе было совершено въ понедѣльникъ къ литургіи. Какъ во время перенесенія въ

соборъ, такъ и во время поздней литургіи, многимъ слышалось неземное пѣніе: Святый Боже.

Торжественно останки праведника были преданы землѣ, 10 августа съ лѣвой стороны, противъ алтаря соборной церкви; и съ самаго дня погребенія могилка о. Адріана стала чтимою у православнаго люда.

Поистинѣ о. Адріанъ скончався вмалѣ, исполни лѣта многа: угодна бо бѣ Господеви душа его *).

Малоярославецкій игуменъ о. Антоній (Оптинскій).

(Память 7 августа).

Въ г. Мологѣ, Ярославской губерніи, на городскомъ кладбищѣ, близъ алтаря церкви во имя Всѣхъ Святыхъ стоитъ скромный, осѣненный крестомъ, мраморный памятникъ, на которомъ съ одной стороны такая надпись: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло Московскаго купца Ивана Григорьевича Путилова. Житія его было 57 лѣтъ; скончался 1809 года, января 26-го дня», а съ другой стороны начертаны имена лицъ, воздвигнувшихъ этотъ памятникъ: «Путилова дѣти: Моисей, игуменъ Оптиной пустыни, Исаія, игуменъ Саровской пустыни, Антоній, игуменъ Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря».

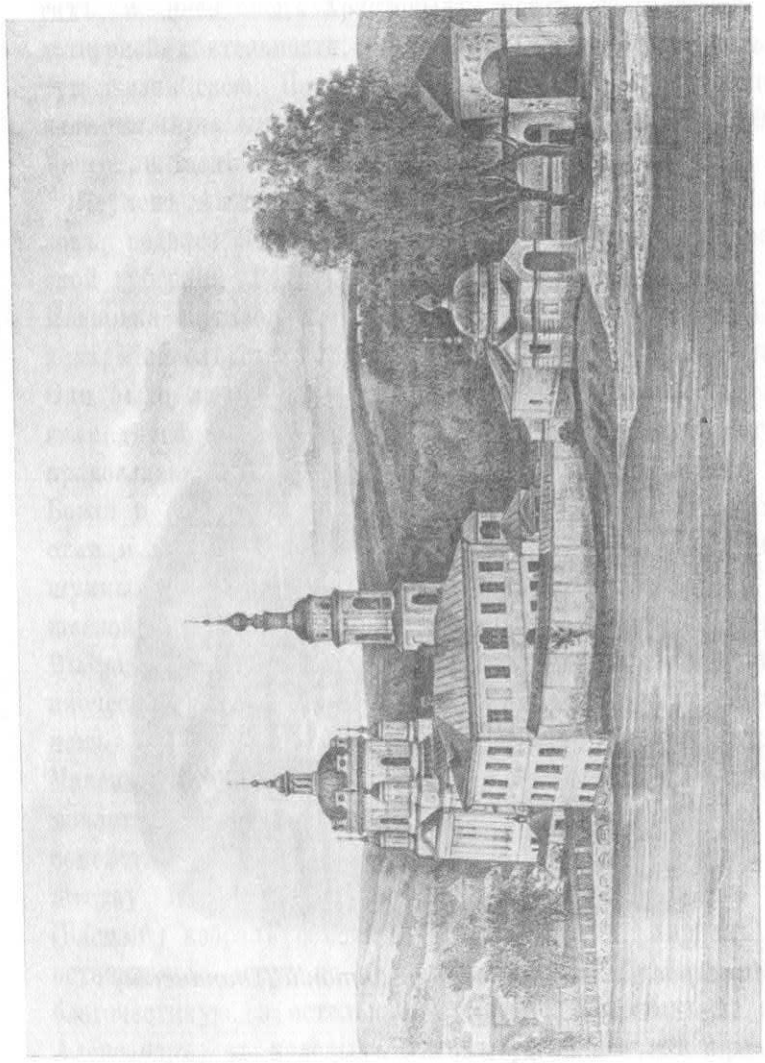
Прочтешь эту надпись и невольно остановишься на ней мыслью. Какое рѣдкое, замѣчательное семейство! Три сына, каждый въ ранней молодости оставилъ міръ для того, чтобы служить Богу и жизнью строго-подвижническою приготовить себя къ вѣчности. Всѣ трое неуклонно прошли этимъ путемъ; всѣ трое преуспѣли въ добродѣтеляхъ настолько, что

*) См. „Сказанія о жизни и подвигахъ старца Адріана, іеромонаха Юговской Дороѳеевой общежительной пустыни“ М. 1885 г. Эту прекрасную книгу, поистинѣ, должны почтить вниманіемъ не только иноки, но и міряне, у которыхъ душа жаждетъ себѣ пищи духовной.

каждый изъ нихъ, въ свою очередь, за благочестивую жизнь былъ избранъ въ наставники и руководители другихъ многихъ, и, пася овецъ Христовыхъ, послѣ долголѣтней, плодотворной дѣятельности, святою кончиною запечатлѣлъ святую жизнь свою. Память каждаго изъ этихъ трехъ братьевъ, какъ *память праведнаго—съ похвалами* (Притч. 10, 7). Много ли нынѣ такихъ семействъ?

Игуменъ Антоній, въ мірѣ Александръ Ивановичъ Путиловъ, родился 9 марта 1795 года въ г. Романовѣ Ярославской губерніи. Родители его, Иванъ Григорьевичъ и Анна Ивановна Путиловы, были коренные жители города Серпухова, а впослѣдствіи приписались къ Московскому купечеству. Они были люди благочестивые и богобоязненные; воспитывали дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ и въ духѣ строгаго православія, и съ раннихъ лѣтъ пріучили ихъ любить храмъ Божій и божественную службу. Молодой Александръ въ дѣтствѣ и юности былъ весьма тихъ и скроменъ, не увлекался шумными играми своихъ сверстниковъ. Призваніе къ монашеской жизни почувствовалъ онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ родствѣ Александра были уже лица, посвятившія себя иноческой жизни. Такъ прадѣдъ его Іоиль былъ іеродіакономъ Серпуховскаго монастыря; а двоюродная сестра его Максимилла была монахинею въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ и отличалась строгостію жизни. Вообще во всемъ семействѣ Путиловыхъ замѣтно было расположеніе къ монашеству. Изъ четырехъ братьевъ Александра одинъ только (Василій) избралъ семейную жизнь; другой (Кириллъ), хотя оставался въ міру, но проводилъ жизнь безбрачную и весьма благочестивую, а остальные, Тимоѳей и Іона, такъ же какъ и Александръ, въ молодыхъ лѣтахъ удалились изъ міра. Старшая сестра ихъ Анисья желала также поступить въ монастырь, но противъ воли своей должна была выйти замужъ, и чрезъ три года умерла въ цвѣтущихъ лѣтахъ; а мужъ ея, какъ бы исполняя желаніе жены, принялъ монашество.

Малоярославецкій игуменъ о. Антоній (Оптинскій)



Малоярославецкій Свято-Николаевскій монастырь.
Литографія 1895 г.

Александру было десять лѣтъ, когда старшіе братья его, Тимоѳей и Іона, оставили мірскую жизнь и поступили въ Сировскую пустынь. Примѣръ ихъ подѣйствовалъ на младшаго брата, съ которымъ они имѣли и переписку; по временамъ они присылали ему и назидательныя книги.

Имѣя въ дѣтскомъ возрастѣ высокія чувствованія, Александръ съ дѣтства подвергался особеннымъ тяжкимъ испытаніямъ, по которымъ можно было видѣть, что Господь готовитъ его къ чему-то особенному. Десять разъ жизнь его подвергалась великой опасности: однажды едва не утонулъ, другой разъ упалъ съ высокаго мѣста, такъ что голова его была проломлена, но каждый разъ онъ избавлялся отъ смерти. Кромѣ того онъ такъ часто и тяжко былъ боленъ, иной столѣтній старикъ столько болѣзней не видалъ, сколько испытылъ уже онъ—пятнадцатилѣтній. Въ этихъ болѣзняхъ онъ какъ бы обучался терпѣнію и тѣмъ многотруднымъ недугамъ, коими была исполнена вся его жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти тѣлесныя страданія уже въ дѣтствѣ какъ бы способствовали къ тому, чтобы обнаружилось его стремленіе къ духовной жизни, которое онъ и высказывалъ въ письмахъ братьямъ.

Но переписка эта попала въ руки родителей, и тринадцатилѣтній пустыннолюбецъ по сему случаю *пострадалъ очень чувствительно,* какъ самъ выразился впослѣдствіи, и долженъ былъ отложить свое намѣреніе, повинуясь волѣ отца, который и старшихъ сыновей не вдругъ и не безъ труда отпустилъ въ монастырь.

Въ 1809 году скончался родитель ихъ. Отдавши послѣдній долгъ отцу, Александръ съ старшимъ братомъ Кирилломъ, (которому онъ былъ порученъ умирающимъ родителемъ, и который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крестнымъ отцемъ его), отправился изъ Мологи въ Москву и опредѣлился въ должность комиссіонера къ откупщику Карпышеву, у котораго прежде служили и старшіе его братья. Въ свободное отъ

занятій время Александръ и здѣсь любилъ посѣщать церкви и монастыри, такъ что, прожившіи въ Москвѣ только 3 года, онъ лучше многихъ старожиловъ узналъ Московскую святыню, и даже въ старости помнилъ, гдѣ тамъ какой храмъ или чудотворная икона и т. п. Въ 1812 г., въ годину народнаго бѣдствія, и ему пришлось подвергнуться испытанію. Когда французы приближались къ Москвѣ, хозяинъ Александра, выѣхавъ изъ Москвы впередъ, оставилъ его съ братомъ Кириллomъ беречь домъ. Прибравши въ домѣ все цѣнное, при помощи добрыхъ людей, (которые потомъ первые же и указали французамъ, гдѣ что спрятано), и они думали было укрыться отъ приближающагося непріятеля; но было уже поздно. При выѣздѣ изъ Москвы,—это было 2 сентября въ три часа пополудни,—къ Александру подскакалъ полякъ и, приставивъ дуло пистолета ко лбу, сказалъ: пенензы! Александръ отдалъ кошелекъ съ золотомъ за спасеніе жизни. Потомъ непріятельскіе солдаты отняли у него часы, сняли съ него платье и полунагого погнали за собою. Александръ находился 10 дней въ плѣну у французовъ и много пострадалъ. Непріятели заставляли русскихъ плѣнныхъ переносить съ мѣста на мѣсто тяжелыя ноши, которыя состояли изъ награбленныхъ ими по домамъ и лавкамъ вещей. Русскіе замѣняли для нихъ вьючныхъ животныхъ. Эта скучная работа досталась и на долю Александра. «Накладутъ бывало много, говаривалъ онъ послѣ, и бьютъ, приговаривая: неси. *И на моемъ хрептѣ,* прибавлялъ онъ, *дѣлаша грѣшницы.* У русскихъ въ плѣну хлѣба не было; они питались тухлой коренной рыбой; ѣли ее, зажимая носъ, иначе не было возможности проглотить. Въ Москвѣ было имъ такъ тяжко, что они думали, что и въ аду легче. Въ эти дни не было въ Москвѣ колокольнаго звона, и это на Александра, привыкшаго къ ежедневному во всѣхъ церквахъ богослуженію, наводило особенную тоску, такъ что когда кто-либо, французъ или русскій, случайно ударялъ въ колоколъ, то

даже этотъ печальный звукъ проливалъ утѣшеніе въ его душу. Бѣжать изъ Москвы плѣнникамъ не приходило въ голову: французы распускали слухи, что Петербургъ и прочіе города находятся въ ихъ рукахъ. Наконецъ, узнавъ отъ кого-то, что это слухи лживые, и что недалеко отъ Москвы стоятъ русскія войска, Александръ рѣшился бѣжать. 12 сентября, въ полночь, при проливномъ дождѣ, ему съ помощію одного крестьянина Ѳомы удалось уйти отъ своихъ мучителей. Спрятавшись подъ какимъ-то мостикомъ, онъ избавился отъ преслѣдованія непріятелей и отъ дальнѣйшихъ истязаній; однако ночь долженъ былъ провести въ полѣ, ограбленный, босой и полунагой; и сильно пострадалъ бы отъ осенней стужи и сырости, если бы не встрѣтилъ партію скрывавшихся подобно ему соотечественниковъ. Между ними онъ нашелъ даже и родственниковъ своихъ, которые съ радостію приняли къ себѣ юнаго страдальца и въ эту ночь укрыли его отъ суровой погоды. Потомъ они шли ночью лѣсами, болотами, оврагами, днемъ же укрывались въ лѣсахъ, чтобъ не встрѣтиться съ непріятелемъ и, наконецъ, вышли на Рязанскую дорогу.

Успѣвъ, хотя и не безъ труда, бѣжать изъ Москвы, Александръ явился къ роднымъ своимъ въ Ростовъ, въ лаптяхъ, и лишившись всего, что нажилъ своими трудами въ Москвѣ. Время длилось; непріятель былъ изгнанъ изъ Россіи. Не получая долго извѣстій о старшемъ братѣ Тимоѳеѣ, онъ, пождавъ нѣсколько, наконецъ рѣшился, поступить къ г. Приклонскому на должность подобную той, которую занималъ въ Москвѣ. Но мысль его постоянно стремилась къ духовной жизни; съ большимъ усердіемъ посѣщалъ онъ храмы и монастыри. Особенно любилъ ходить въ Ростовѣ въ Яковлевскій монастырь, гдѣ помогалъ гробовому старцу о. Амфилохію подымать тяжелую въ нѣсколько пудовъ крышку отъ раки святителя Димитрія Ростовскаго, вылитой изъ перваго

Сибирскаго серебра, и пожертвованной Императрицею Елисаве́тою Петровною.

Отъ шумныхъ свѣтскихъ удовольствій Александръ удалялся и держалъ себя осторожно. Несмотря на замѣчанія родныхъ, одѣвался не только скромно, но и весьма просто. Объѣзжая села и деревни, какъ повѣренный откупщика, онъ, куда ни пріѣдетъ, развѣдывалъ о благочестивыхъ старушкахъ и богомолкахъ, собиралъ ихъ и бесѣдовалъ съ ними о духовныхъ предметахъ. Къ концу 1815 года созрѣла въ Александрѣ рѣшимость покинуть міръ, и обстоятельства уже благопріятствовали этому. Сперва онъ устроилъ судьбу старшаго своего брата Василія, избравъ для него благонравную и благочестивую невѣсту. Когда совершилось бракосочетаніе брата, и родные стали уговаривать Александра, что пора бы и ему пристроиться, онъ отвѣчалъ, что и самъ находитъ нужнымъ избрать другой родъ жизни, но прежде желаетъ съѣздить въ Москву, гдѣ въ то время жила престарѣлая ихъ родительница. Купивъ себѣ лошадь, онъ подъ предлогомъ, что обучаетъ ее, по вечерамъ объѣзжалъ всѣ Ростовскіе монастыри и, останавливаясь у вратъ, усердно молился Господу, Матери Божіей и Святымъ угодникамъ, о благоуспѣшеніи его намѣренію. Наконецъ, добывъ себѣ паспортъ и нашедши вѣрнаго человѣка въ спутники, Александръ 4 января 1816 года отправился въ Москву; остановился тамъ въ отдаленной части города (на Таганкѣ), чтобы никто изъ родныхъ его не видалъ, и только по вечерамъ опять объѣзжалъ храмы и монастыри и у входа ихъ изливалъ предъ Господомъ усердныя молитвы. Изъ Москвы, никѣмъ не замѣченный, отправился въ Калугу и, отслуживъ тамъ благодарственный Богу молебенъ о благополучномъ избавленіи отъ узъ міра, направилъ путь въ Рославльскіе лѣса, гдѣ уже 5-й годъ подвизался старшій его братъ. Простившись съ своимъ спутникомъ въ ближайшемъ къ мѣсту жительства пустынниковъ селѣ, Александръ одинъ въѣхалъ въ густой лѣсъ. Не зная

лѣсныхъ дорогъ, онъ, помолившись Богу, пустилъ возжи, и—сама лошадь подвезла его къ пустынной келліи его брата. Спутнику же его, Іосифу Антонову, пришлось не мало пострадать за участіе, принятое имъ въ бѣгствѣ Александра. Когда онъ возвратился въ Ростовъ и явился безъ письма къ роднымъ юнаго бѣглеца, то никто ему не повѣрилъ, когда онъ сталъ разсказывать, гдѣ оставилъ Александра. Возникло подозрѣніе, не убилъ ли онъ его. Бѣднаго Іосифа посадили въ острогъ, и онъ тамъ просидѣлъ полгода, пока пришло письмо отъ Тимоѳея, который подтверждалъ, что дѣйствительно Александръ у него находится.

Повидавшись съ братомъ, Александръ рѣшился остаться у него до весны. 15 января 1816 года облекли его въ послушническое платье: двадцатилѣтнему Александру, который такъ давно и такъ усердно стремился къ монашеской жизни, короткій крашенинный подрясникъ, весь въ пятнахъ и заплатахъ, казался, какъ онъ послѣ самъ выражался, драгоцѣннѣе царской порфиры. Весною братья засѣяли огородъ, осенью убрали, потомъ вмѣстѣ поѣхали въ Кіевъ для богомолья. На возвратномъ пути они посѣтили Софроніеву, Глинскую и Площанскую пустыни, гдѣ видѣлись и бесѣдовали со многими старцами высокой духовной жизни. Дорогою Александръ приглядывался ко всѣмъ этимъ монастырямъ, но сердце его ни къ одному не прилегло. Возвратясь изъ Кіева въ прежнее безмолвное мѣсто, онъ еще остался погостить, и затѣмъ не захотѣлъ и удаляться.

Съ ревностію Александръ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ посвятилъ себя трудамъ пустынножительства. Одаренный большою крѣпостію тѣлесною и сохранивъ ее съ дѣтства, несмотря на перенесенные имъ недуги, онъ съ этого времени, не щадя себя, несъ всякіе подвиги. Вставая въ полночь, онъ съ братомъ ежедневно вычитывалъ вдвоемъ всю церковную службу по богослужебнымъ книгамъ, безъ малѣйшаго опущенія. Еще въ дѣтствѣ Александръ, постоянно и

усердно посѣщая храмъ Божій, хорошо зналъ порядокъ церковной службы и имѣлъ особенную наклонность и способность къ изученію церковнаго устава. Теперь же, ежедневною въ продолженіе многихъ лѣтъ практикою, онъ такъ въ этомъ усовершенствовался и сдѣлался такимъ отличнымъ уставщикомъ, что въ этомъ отношеніи нелегко было найти ему равнаго. Затѣмъ трудился въ перепискѣ Отеческихъ книгъ уставомъ. Замѣчательно еще, что по особенному благоговѣнію къ Отеческимъ книгамъ Александръ, подобно старшему брату, всегда читалъ и писалъ ихъ *стоя*—и это послѣ продолжительнаго стоянія на молитвѣ. Около 18 часовъ въ сутки онъ часто проводилъ на ногахъ, и въ нѣсколько лѣтъ такъ утрудилъ ноги, что въ нихъ впослѣдствіи развилась мучительная болѣзнь, которая не оставляла его до смерти. Сверхъ этихъ келейныхъ занятій Александръ, какъ младшій членъ отшельнической семьи, съ горячимъ произволеніемъ и великою ревностію проходилъ другія болѣе тяжкія послушанія. На него была возложена обязанность будильщика, такъ что онъ долженъ былъ вставать раньше всѣхъ, чтобы полунощное келейное молитвословіе начинать неопустительно въ свое время. На его же обязанности лежало рубить дрова въ окружавшемъ ихъ лѣсу и переносить ихъ въ келліи; на его же попеченіи былъ и огородъ, на которомъ по неблагопріятной почвѣ ничего не родилось, кромѣ рѣпы. И тутъ приходилось ему большею частію трудиться, послѣ утомительнаго молитвеннаго правила, и въ ожиданіи поздняго и скуднаго обѣда, который имъ же и приготовлялся. При такихъ трудахъ, кромѣ общаго молитвословія, замѣнявшаго церковную службу, не оставлялось каждымъ въ особенности и келейное съ поклонами молитвенное правило, и все это совершалось съ великимъ усердіемъ, какъ сказано, при самой скудной постной пищѣ, не укрѣплявшей тѣло, а едва утолявшей голодъ. Рыбу они дозволяли себѣ вкушать только въ великіе праздники, и даже съ масломъ предлагалась трапеза изрѣдка; но

при такой многотрудной жизни и сухой хлѣбъ былъ имъ сладокъ и вкусенъ, и по выраженію о. Антонія, вкушали они его съ великою благодарностію къ Господу, какъ даръ Божій, и съ такою бережностію, *какъ антидорецъ*; а все, что посылалось имъ сверхъ сухого хлѣба, они принимали какъ великую милость Господню, и относили съ искреннею вѣрою къ особенному промышленію Божію. Однажды крестьянинъ, проѣзжавшій лѣсъ, оставилъ пустынникамъ мѣшокъ съ горохомъ. Пустынники приняли это малое приношеніе съ такою благодарностію къ Господу, какъ бы отъ Его руки.

Въ великіе праздничные дни всѣ старцы собирались въ келлію къ о. Аѳанасію на общее келейное богослуженіе. По окончаніи богослуженія вмѣстѣ обѣдали; иногда подкрѣпляли изможденныя многолѣтними подвигами силы свои чаемъ, или, за неимѣніемъ его, какою-нибудь другою травкою; а молодому Александру, какъ новоначальному, въ первое время и въ этомъ былъ отказъ. Впослѣдствіи ему дозволялось иногда послѣ угощенія старцевъ допивать жидкій спитой чай, почти что одну горячую воду, и по благословенію старца, онъ пивалъ это, по собственнымъ его словамъ, съ бо́льшимъ вкусомъ, чѣмъ другіе пьютъ лянсинъ. Послѣ сего старцы расходились до слѣдующаго праздника. На Пасху же и на Рождество, а также и въ другіе нарочитые праздники приходилъ къ нимъ изъ ближайшаго села Луги старецъ священникъ и пріобщалъ ихъ запасными св. Дарами.

Ни изъ звѣрей, ни изъ людей никто не возмущалъ душевнаго спокойствія Рославльскихъ безмолвниковъ.

Избравъ старшаго своего брата себѣ старцемъ и руководителемъ въ духовной жизни, Александръ предался ему въ совершенное послушаніе, съ полною вѣрою и съ тѣмъ же горячимъ произволеніемъ, которое являлъ и въ другихъ своихъ подвигахъ; и это то послушаніе въ свою очередь облегчало и услаждало многотрудную его жизнь.

Но удаляясь съ самаго начала своей монашеской жизни отъ

излишняго сообращенія съ людьми, онъ не удалялся отъ любви къ ближнему. «Живя въ Рославльскихъ лѣсахъ, бывало встрѣтишь человѣка, разсказывалъ впослѣдствіи о себѣ о. Антоній, какъ ангелу Божію ему обрадуешься; а нынѣ какъ ни хорошо мнѣ, а того ужъ нѣтъ. Уже нѣтъ!» прибавитъ старецъ и вздохнетъ.

Такая высокая жизнь не могла ему обойтись безъ труда, понужденія, борьбы и искушеній. Старецъ его, о. Моисей, обходился съ нимъ весьма строго.

Трудность тѣснаго и прискорбнаго пути монашескаго вознаграждалась и услаждалась для Александра и благодатными духовными утѣшеніями. Однажды въ темную осеннюю ночь о. Моисей будитъ юнаго подвижника: «встань-ко братъ; надо посмотрѣть, нѣтъ ли рыбки въ перетахъ?» А рѣка была не близка. Съ словомъ: «благословите, батюшка!» смиренный послушникъ встаетъ и отправляется въ глухой дремучій лѣсъ. Осенняя дождливая полночь, шумъ деревьевъ, крикъ совъ,—все это сначала наводило на него страхъ и смущало его, но послушаніе превозмогло; ободрившись, онъ понудилъ себя идти впередъ, уповая, что молитвами старца будетъ огражденъ отъ всего непріязненнаго. Съ молитвою на устахъ, онъ пошелъ почти ощупью или по памяти, дошелъ до назначеннаго мѣста; въ неретахъ, конечно, ничего не нашелъ, и пошелъ обратно въ келлію. Но уже, вмѣсто страха, онъ чувствовалъ въ сердцѣ великую отраду,—и вдругъ стало предъ нимъ свѣтлѣть все болѣе и болѣе; темная ночь обратилась какъ бы въ ясный день, потомъ чрезъ нѣсколько времени опять потемнѣло; но сердце Александра исполнилось такой неизъяснимой радости, какую рѣдко и рѣдкій человѣкъ испытываетъ на землѣ. Въ духовномъ восторгѣ возвратился онъ къ старцу и повѣдалъ ему о видѣнномъ, и всю ночь не могъ заснуть: ему казалось, что онъ въ раю,—такъ радовалась его душа! Въ другой разъ, на св. Пасху, когда пропѣли свѣтлую утреню и часы, послали его одного

прогуляться въ лѣсу,—и онъ, въ лѣсномъ безмолвіи, въ этотъ знаменательный день ощущалъ такое сладостное утѣшеніе и духовный восторгъ, что какъ будто пребывалъ не на землѣ, а на небѣ. Вообще, понуждая себя къ совершенному послушанію и отсѣченію своей воли, Александръ чувствовалъ въ душѣ неизъяснимую отраду и спокойствіе; но не вдругъ и не безъ труда достигъ этого блаженнаго безпечалія и душевнаго покоя. Въ первый годъ иночества нападала на него тяжкая тоска, и онъ многократно мысленно соглашался возвратиться вспять. «Но удерживало меня отъ сего, говорилъ онъ впослѣдствіи, Христово слово: *никтоже возложь руку свою на рало, и зряй вспять, управленъ будетъ въ царствіе небесное.* Ибо крайне не хотѣлось погибнуть, а потому и рѣшился лучше страдать съ людьми Божіими, нежели жить въ селеніихъ грѣшничихъ и утѣшаться всѣми видами удовольствій мірскихъ». Однажды тоска до такой степени усилилась, и пустынножительство показалось ему столько труднымъ и неудобоносимымъ, что, взявъ котомку, задумалъ было бѣжать; но, отойдя недалеко, воротился и снова принялся за предлежавшій ему подвигъ.

Въ 1819 г. на рукахъ его скончался великій подвижникъ о. Ѳеофанъ, монахъ Оптиной пустыни, который посѣщалъ ихъ по временамъ ради душевной пользы. Онъ однажды пробылъ цѣлую Четыредесятницу безъ пищи, и притомъ въ большихъ подвигахъ.

О. Антоній говорилъ, что этотъ старецъ при жизни имѣлъ столь сіяющее благодатію лице, что недоставало духу смотрѣть ему прямо въ глаза, а развѣ украдкою когда взглянешь со стороны.

Выдержавъ четырехлѣтній искусъ, Александръ былъ облеченъ въ ангельскій образъ, 1820 года 2 февраля, на праздникъ Срѣтенія Господня, и нареченъ Антоніемъ. Постриженіе совершено келейно-іеросхимонахомъ Аѳанасіемъ; воспріемнымъ отъ св. Евангелія отцемъ былъ старшій братъ о. Моисей.

Послѣ пятилѣтняго пребыванія своего въ Рославльскихъ лѣсахъ, Александру суждено было переселиться въ то мѣсто, гдѣ по волѣ Божіей протекла большая часть его иноческой жизни, въ Козельскую Введенскую Оптину пустынь, Калужской епархіи вмѣстѣ съ о. Моисеемъ.

3-го іюня 1821 года, о. Моисей съ о. Антоніемъ и съ двумя преданными имъ монахами Иларіемъ и Савватіемъ, оставили Рославльскіе лѣса и отправились, провожаемые благословеніями старцевъ Аѳанасія и Досиѳея, въ Оптину пустынь, въ новый скитъ, устроявшійся тогда преосв. Филаретомъ—впослѣдствіи митр. Кіевскимъ.

24 августа 1823 г. о. Антоній былъ посвященъ во іеродіакона; а въ 1825 г., по назначеніи о. Моисея настоятелемъ Оптиной пустыни, былъ опредѣленъ начальникомъ скита; во іеромонаха же былъ посвященъ въ 1827 г. Сдѣлавшись скитоначальникомъ, онъ ревностно помогалъ о. Моисею. Начальствованіе въ скиту о. Антонія продолжалось четырнадцать лѣтъ, и эти годы были для Оптинскаго скита временемъ устроенія и прочнаго основанія, какъ во внѣшнемъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, и началомъ его процвѣтанія. Привлекаемые славою мудраго и кроткаго Оптинскаго настоятеля, въ новоустроенный безмолвный скитъ, съ разныхъ сторонъ стекались мудрые въ духовной жизни и крѣпкіе въ подвигахъ старцы. Въ 1829 году прибылъ изъ Александро-Свирскаго монастыря извѣстный старецъ о. Леонидъ съ 5 учениками; а въ 1834 г. о. Моисеемъ приглашенъ былъ изъ Площанской пустыни тамошній духовникъ о. Макарій. При содѣйствіи этихъ старцевъ братья—настоятели монастыря и скита, какъ опытные духовные мужи, старались ввести въ Оптиной пустыни древній старческій путь монашества и тѣмъ упрочили внутреннюю основу иноческаго духа какъ въ скиту, такъ и въ монастырѣ Оптиной пустыни. О. Антоній съ своей стороны не только участвовалъ въ попеченіи старцевъ о духовномъ окормленіи

братства, дружелюбно содѣйствуя имъ въ этомъ, но и собою подавалъ братству примѣръ глубочайшаго повиновенія и преданности къ старцу. Кажется, во всемъ братствѣ не было такого смиреннаго послушника, какъ скитоначальникъ, который ни малѣйшаго распоряженія не дѣлалъ безъ благословенія старца своего о. Моисея.

Кромѣ старцевъ о. Леонида съ его учениками, и о. Макарія, много другихъ замѣчательныхъ духовныхъ лицъ поступило въ это время въ Оптинскій скитъ: 70-лѣтній іеросхимонахъ Іоаннъ, игуменъ Варлаамъ, іеромонахъ Іовъ; монахи—Макарій и Геннадій, престарѣлый монахъ Иларіонъ, скончавшійся почти ста лѣтъ отъ роду. Среди ихъ смиренный скитоначальникъ, благопривѣтливый и почтительный ко всѣмъ, сіялъ ревностью въ трудахъ по Богѣ и искреннею любовію къ Господу и къ ближнимъ.

При такомъ высокомъ духовномъ настроеніи скитоначальника съ братіею, удивительный и внѣшній порядокъ господствовалъ во всемъ скиту: въ богослуженіи, во внѣшнемъ поведеніи братіи и проч., и этимъ скитъ много обязанъ неусыпной заботливости о. Антонія.

При духовномъ процвѣтаніи, новоустроенному скиту и его первоначальнымъ обитателямъ, приходилось бороться съ большими внѣшними трудностями и лишеніями, особенно въ первое время. По малочисленности братства, самъ начальникъ исполнялъ многія братскія послушанія. Почасту доводилось ему оставаться безъ келейника, такъ какъ нареченный его келейникъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поваромъ, и хлѣбопекомъ, и садовникомъ, и привратникомъ. Въ скитской церкви заведено было непрерываемое чтеніе Псалтири. О. Антоній и въ то время, когда уже былъ начальникомъ, читалъ обыкновенно по двѣ очереди и самые трудные часы: т. е. днемъ 1-й и 2-й ч., когда всѣ братья отдыхали, и ночью 11-й и 12-й, — вообще въ сутки бывалъ на ногахъ до 18 часовъ. При этомъ, по должности начальника, съ великимъ раду-

шіемъ исполнялъ долгъ гостепріимства, не тяготясь принимать всѣхъ съ искреннею привѣтливостію и любовью. Въ то время женскій полъ по разрѣшенію епархіальнаго архіерея допускался въ скитскую церковь для служенія молебновъ: и эта обязанность большею частью лежала на о. Анотоніи, который всѣхъ посѣтителей и посѣтительницъ утѣшалъ усерднымъ неспѣшнымъ служеніемъ. Бывало попросятъ его отслужить молебенъ св. Іоанну Предтечѣ; а онъ, по собственному усердію и для пользы другихъ, приложитъ и молебенъ Божіей Матери съ акаѳистомъ. Помѣщеніе начальника скита въ первые годы было при церкви, въ тѣсной передней келлійкѣ, гдѣ впослѣдствіи помѣщался пономарь. Вообще жизнь въ скиту въ то время была весьма строгая; при великихъ трудахъ пища была самая скудная.

Служа для всѣхъ примѣромъ трудолюбія и неся великіе внѣшніе подвиги, о. Антоній не забывалъ и того, что тѣлесные труды по ученію св. отцевъ суть собственно только орудія добродѣтелей, и наиболѣе преуспѣвалъ въ молитвѣ и смиреніи.

Къ добровольнымъ трудамъ и подвигамъ монашескимъ о. Антонія вскорѣ присоединился и невольный крестъ тяжкой болѣзни. Отъ непомѣрныхъ подвиговъ развились въ немъ разные тяжкіе недуги, отъ которыхъ онъ и страдалъ до самой кончины. Отъ продолжительнаго стоянія на молитвѣ сперва заболѣли ноги; потомъ, получивъ въ ногахъ облегченіе, онъ сталъ чувствовать головокруженіе; затѣмъ подступила къ глазамъ темная вода, такъ что на нѣкоторое время лишался зрѣнія. Когда и отъ сего получилъ исцѣленіе, возобновилась болѣзнь въ ногахъ, потомъ открылась водяная и т. д. Въ 1833 году многоразличные недуги такъ усилились, что о. Антоній, оставя заботы объ управленіи скитомъ, отправился на время въ ближній городъ Бѣлевъ, чтобы тамъ полѣчиться у знакомаго врача Б. Но впереди ожидалъ о. Антонія тягчайшій недугъ. Въ 1836 г. въ день святыя

Пасхи (29 марта), въ самую полночь, поспѣшая по лѣсной тропинкѣ изъ скита въ монастырь къ утренней службѣ, онъ крѣпко ушибъ себѣ правую ногу объ дубовый пенекъ; но, несмотря на весьма чувствительную боль, понудилъ себя выстоять всю пасхальную утреню. Отъ ушиба на ногѣ открылась рожа. Не понявъ болѣзни, усердные лѣкаря растравили ее разными примочками, отчего сдѣлалось сильное воспаленіе, которое потомъ обратилось въ скорбутъ, и никакія средства не помогали. Болѣе полугода больной не могъ выходить изъ келліи; потомъ хотя и получилъ нѣкоторое облегченіе, но болѣзнь осталась неизлѣчимою, и около 30 лѣтъ причиняла самыя сильныя страданія, которыя о. Антоній переносилъ съ изумительнымъ благодушіемъ.

Едва о. Антоній получилъ нѣкоторое облегченіе отъ тяжкаго своего недуга, онъ продолжалъ попрежнему трудиться въ званіи скитоначальника. Но впереди ожидало его еще тягчайшее испытаніе. Не изнемогъ о. Антоній отъ неимовѣрныхъ трудовъ, лишеній и подвиговъ; съ благодушіемъ и благодарностію несъ крестъ болѣзни. И вотъ Господь, единъ испытуяй сердца и утробы и полезное всѣмъ подаваяй, возложилъ на него новый крестъ, подъ бременемъ котораго едва не изнемогъ и столь мужественный подвижникъ. Крестъ этотъ былъ – игуменскій санъ.

30 ноября 1839 года преосвященный Николай, епископъ Калужскій, неожиданно потребовалъ о. Антонія въ Калугу, и 3-го декабря поставилъ его игуменомъ въ Малоярославецкій Черноостровскій монастырь, съ начала текущаго столѣтія получавшій настоятелей отъ Оптиной пустыни. Тяжело было старцу-пустыннику оставить скитъ и перейти въ городскую обитель. И порою онъ очень унывалъ. И вотъ однажды онъ видитъ во снѣ сонмъ свв. отцевъ. Изъ нихъ отдѣлился одинъ—св. Митрофанъ—и сказалъ ему: «Ты былъ въ раю и знаешь его, а теперь трудись, не лѣнись и молись»! и благословилъ его. Это видѣніе глубоко успокоило о. Антонія.

Предшественникъ о. Антонія, архимандритъ Макарій, оказалъ великія незабвенныя заслуги Малоярославецкому монастырю возстановленіемъ и обновленіемъ онаго. Теперь, за внѣшнимъ устройствомъ обители, оставалось водворить и утвердить ея внутреннее устройство по духу вѣры и благочестія, по правиламъ опытныхъ подвижниковъ, по образу лучшихъ обителей русскихъ. И объ этомъ-то духовномъ подвигѣ въ святой обители ревновалъ преимущественно во время своего управленія о. игуменъ Антоній и, пока былъ въ силахъ, подавалъ и самъ братіямъ примѣръ трудолюбія и неопустительнаго исполненія всѣхъ монастырскихъ обязанностей.

Въ первые годы его игуменства, кромѣ обычныхъ настоятельскихъ заботъ, на долю о. Антонія выпала забота и о приведеніи къ окончанію по внутренней отдѣлкѣ монастырскаго храма (Николаевскаго), заложеннаго еще при его предмѣстникѣ. Освященіе храма совершилось въ 1843 году, въ день памятной Бородинской битвы, 26 августа; но самому о. Антонію не пришлось участвовать въ этомъ торжествѣ, потому что предъ самымъ освященіемъ тяжко заболѣлъ. Въ 1843 году, приведя къ концу дѣло достройки и освященія храма, утѣшившійся свиданіемъ съ проѣзжавшимъ тогда м. Кіевскимъ Филаретомъ, о. Антоній въ первый разъ попытался получить свободу отъ игуменской должности. О. Моисей далъ свое согласіе на желаніе о. Антонія и благословилъ его дѣйствовать согласно внутреннему его влеченію. Послѣ сего о. Антоній обратился къ преосвященному Николаю съ прошеніемъ объ увольненіи его на покой въ Оптину пустынь, но получилъ отказъ.

Горько было о. Антонію получить такой отвѣтъ, и онъ отправился въ Калугу, чтобы уже лично просить архипастыря объ увольненіи; но и тутъ не получилъ желаемаго. Владыкою былъ принятъ преблагосклонно. Но насчетъ увольненія отъ должности Преосвященный рѣшительно сказалъ,

что если бы о. Антоній и два года пролежалъ безъ всякаго дѣйствія, то и тогда не былъ бы уволенъ, и чтобы не только не изыскивалъ средства къ освобожденію себя отъ должности, но чтобы и не мыслилъ о томъ. Выслушавъ такую резолюцію, о. Антоній едва могъ удержаться отъ слезъ. «Если постигнетъ меня смерть, сказалъ онъ Преосвященному, то святительское сердце ваше будетъ одержимо печалію о томъ, что, имѣвши волю и возможность уволить меня отъ должности, не оказали сей милости».—«Пусть этотъ грѣхъ останется на моей душѣ», отвѣчалъ архіерей. Послѣ такого отказа владыка, по выраженію о. Антонія, утѣшалъ его какъ младенца, вмѣстѣ съ нимъ катался по Калугѣ болѣе часу, и показывалъ дома и заведенія, и по возвращеніи въ домъ продержалъ его у себя до полуночи; наконецъ, зная, что величайшее для него утѣшеніе видѣться съ своимъ старцемъ, предлагалъ ему проѣхать въ Оптину. Но огорченный о. Антоній и отъ этого отказался, и изъ Калуги возвратился прямо въ свою обитель.

Въ 1844 году о. Антоній возобновилъ прошеніе свое архипастырю объ увольненіи отъ должности. Но на слезное прошеніе отвѣтъ архипастыря былъ опять отрицательный.

Около семи лѣтъ послѣ этого тянулось еще настоятельство о. Антонія. Въ теченіе этого времени онъ не переставалъ съ сердечною скорбію ощущать великое неудобство — управлять обителью въ болѣзненномъ положеніи, но съ этой поры скорбѣніе его уже не доходило до тяжкаго унынія; онъ уже не изнемогалъ такъ подъ своимъ крестомъ, и несъ его съ большимъ благодушіемъ, и большое утѣшеніе находилъ въ молитвѣ предъ образомъ Спасителя, который былъ ему данъ въ благословеніе о. Моисеемъ.

Впрочемъ должно замѣтить, что не только въ эти послѣдніе годы, но и прежде, когда о. Антоній сильно унывалъ духомъ, это мало обнаруживалось въ его внѣшней дѣятельности и обращеніи съ другими. Посѣтителямъ обители онъ

всегда оказывалъ радушное гостепріимство; даже во время тяжкихъ душевныхъ страданій бесѣда его была оживленная; онъ всегда былъ готовъ входить съ участіемъ въ положеніе всѣхъ, обращавшихся къ нему съ душевными своими нуждами, и подавалъ имъ лично и письменно совѣты, исполненные духовной силы. О томъ, какъ скорбѣла его душа, онъ открывалъ немногимъ; а вообще передъ всѣми былъ привѣтливымъ хозяиномъ и усерднымъ исполнителемъ настоятельскихъ своихъ обязанностей. Весьма заботливо слѣдилъ онъ за порядкомъ церковной службы, съ большимъ усердіемъ, даже въ болѣзненномъ положеніи, совершалъ въ нарочитые дни самъ торжественное Богослуженіе.

Во время настоятельства о. игумена Антонія ежедневно, кромѣ другихъ службъ, неопустительно бывали двѣ литургіи: ранняя и поздняя. Поминовеніе благодѣтелей совершалось съ особенною точностію и усердіемъ. Въ храмовой праздникъ св. Николая 9 мая бдѣніе продолжалось 6 часовъ, на которомъ о. Антоній всегда читывалъ икосы Святителю передъ Евангеліемъ. Предъ литургіею молебенъ съ водоосвященіемъ служилъ самъ, совершалъ соборнѣ св. литургію и молебенъ Святителю; послѣ службы принималъ въ своей келліи гостей и братію, и всѣхъ самъ угощалъ, а потомъ того же дня къ вечеру, на почтовыхъ поспѣвалъ въ Калугу, для поздравленія преосв. Николая со днемъ его ангела. Въ 1848 г., когда холера посѣтила и Малоярославецъ, о. Антоній, по желанію гражданъ, совершалъ со всѣмъ градскимъ духовенствомъ нѣсколько разъ крестный ходъ вокругъ всего города, при чемъ служилось въ разныхъ мѣстахъ множество молебновъ и литій, а также и панихида по воинамъ падшимъ здѣсь въ 1812 году, такъ что каждый разъ крестный ходъ продолжался около 7 часовъ. Такіе то труды переносилъ о. Антоній съ больными своими ногами.

Также и хозяйствомъ монастырскимъ о. игуменъ Антоній занимался съ усердіемъ; много заботился о внѣшнемъ и

внутреннемъ благоустройствѣ обители, какъ посредствомъ избранныхъ имъ опытныхъ духовниковъ, такъ и личными увѣщаніями, и всѣми возможными средствами старался утвердить въ братствѣ добрую нравственность и благочиніе. Положивъ прочное начало внутреннему устроенію обители, о. Антоній окончилъ и начатое его предшественникомъ внѣшнее ея устроеніе, для чего требовалось не мало трудовъ и издержекъ весьма значительныхъ при скудныхъ монастырскихъ средствахъ.

Въ 1849 году, въ Малоярославцѣ была въ февралѣ мѣсяцѣ сильная буря: съ монастырской колокольни снесло шпиль, который упалъ на церковь, проломилъ тяжестію своею желѣзную крышу и стропила, раздробилъ каменные своды, и желѣзный крестъ саженъ за 50 занесло въ садъ. Буря эта причинила обители убытка на 5000 р. Но о. Антоній не очень былъ озабоченъ этимъ, а только благодарилъ Бога, что никто изъ людей не пострадалъ во время бури. Одинъ мірской человѣкъ, слушая разсказъ объ этомъ о. Антонія, былъ пораженъ совершеннымъ его равнодушіемъ къ денежному убытку и искреннею радостію его о сохраненіи жизни всѣхъ находившихся въ обители, и невольно остановился мыслію на такомъ мірскомъ разсчетѣ, что вотъ о. игуменъ цѣнитъ жизнь послѣдняго монастырскаго работника дороже 5000 р. Когда онъ объяснилъ свой помыслъ, о. Антоній замѣтилъ ему, что душа человѣческая Богу дороже всего вещественнаго міра.

Хотя такимъ образомъ о. Антоній во всемъ съ твердымъ упованіемъ возлагался на Промыслъ Божій, однако срочное и спѣшное окончаніе отдѣлки монастырскихъ храмовъ не могло не озабочивать и не отягощать его. Самъ онъ былъ плохой сборщикъ: не только не любилъ выпрашивать что у другихъ, но даже отказывался иногда и отъ того, что ему предлагали; или если видѣлъ, что кто-нибудь по усердію своему жертвовалъ не по своимъ средствамъ, убѣждалъ его

часть пожертвованія принять обратно. Однако, по волѣ Преосвященнаго о. Антоній долженъ былъ отправиться въ столицу для сбора пожертвованій,—и съ помощію Божіею къ 1849 году довершилъ, какъ сказано, начатое предшественникомъ внѣшнее устройство Малоярославецкаго монастыря.

По случаю освященія устроеннаго о. Антоніемъ Преображенскаго придѣльнаго храма, въ 1840 году было въ обители большое торжество, въ присутствіи архипастыря. Памятно многимъ, какъ во время праздничной трапезы о. игуменъ Антоній рядомъ съ собою посадилъ извѣстнаго малоярославецкаго юродиваго Емелю, и потомъ говорилъ самъ, что «два дурака рядомъ сидѣли».

Всѣ труды о. игумена Антонія, который, изнемогая подъ внутреннимъ крестомъ, такъ тщательно заботился объ исполненіи настоятельскихъ обязанностей, всѣ подвиги и скорби хорошо понималъ и цѣнилъ архипастырь, удерживавшій его на начальствѣ. Еще въ 1845 году, по его представленію, о. Антоній удостоился получить золотой наперсный крестъ.

Во все время пребыванія о. игумена Антонія въ Малоярославцѣ, великою ему опорою было искреннее братское и вмѣстѣ отеческое участіе о. игумена Моисея.

По временамъ о. Антоній ѣздилъ и въ Москву, какъ сказано, для сбора пожертвованій на окончаніе монастырскихъ построекъ, и по другимъ монастырскимъ дѣламъ. Здѣсь онъ въ 1850 и 1851 годахъ имѣлъ свиданіе съ родными братьями, Василіемъ ростовскимъ жителемъ, и о. Исаіею, Саровскимъ игуменомъ, изъ которыхъ съ первымъ не видался 21 годъ, а со вторымъ 33 года. Въ Москвѣ о. Антоній всегда удостоивался архипастырскаго благословенія и вниманія Московскаго первосвятителя. Старецъ-митрополитъ понялъ духовное устроеніе смиреннаго подвижника-страдальца, полюбилъ его, часто приглашалъ его къ сослуженію съ собою и оказывалъ ему другіе знаки отеческой милости; богомудрыми своими бесѣдами утѣшалъ и подкрѣплялъ къ прохожденію

его служенія, и, наконецъ, сострадательно войдя въ его положеніе, ходатайствовалъ у Калужскаго архипастыря объ увольненіи о. Антонія отъ должности. Вслѣдствіе этого ходатайства преосвященный Николай въ 1851 году согласился внять долголѣтнему прошенію страждущаго настоятеля; но неожиданная кончина Преосвященнаго опять остановила это дѣло, и уже слѣдующій Калужскій архипастырь, во уваженіе къ ходатайству Московскаго владыки и къ болѣзненному положенію о. Антонія, уволилъ его отъ настоятельской должности, дозволивъ ему жить на покоѣ въ Оптиной пустыни.

Въ строгомъ подвигѣ о. Антоній сталъ проводить житіе свое на покоѣ. Въ короткое время отъ непомѣрнаго понужденія и продолжительнаго стоянія до крайности усилилась болѣзнь въ ногахъ, и онѣ до колѣнъ были покрыты ранами. Однажды, во время всенощнаго бдѣнія, изъ обѣихъ ногъ столько вытекло матеріи, что новые кожаные сапоги насквозь промокли, какъ будто о. Антоній по колѣно стоялъ въ водѣ. Послѣ этого раны закрылись, а болѣзненное состояніе отъ этого усилилось, потому что худосочіе, для котораго раны служили естественною фонтанелью, бросилось внутрь. Спустя нѣсколько времени, по закрытіи ранъ, келейникъ приходитъ однажды въ келлію и видитъ о. Антонія лежащаго безъ памяти на полу въ крови: съ нимъ случился вслѣдствіе закрывшихся ранъ сильный обморокъ, и падая онъ разбилъ себѣ обѣ больныя ноги. По времени раны опять открылись, и возобновились другого рода страданія. Болѣзнь эта продолжалась до самой кончины старца, около 30 лѣтъ. Ежедневно, днемъ и ночью, старецъ испытывалъ въ ногахъ невыразимую боль, какъ будто кто ихъ въ одно и то же время и ножами рѣзалъ, и жегъ огнемъ, и дралъ жесткою щеткою, и вмѣстѣ съ тѣмъ кололъ иглами. Больныя ноги были тверды, какъ дерево, и скорѣе походили на прямыя круглыя бревна шириною въ діаметрѣ до 5 вершковъ, темно-краснаго цвѣта, постоянно рдѣлись; изъ ранъ, глубиною

до самой кости, сочилась всегда кровяная сукровица, видѣлись иногда въ ранахъ черви длиною съ полвершка.

Медицинскихъ средствъ много предлагалось больному и врачами, и другими посѣтителями. Иногда отъ предлагаемыхъ пособій старецъ чувствовалъ временное облегченіе и небольшую отраду, напримѣръ, могъ прикасаться къ больнымъ ногамъ при перевязкѣ ихъ; обыкновенно же и легкое прикосновеніе было невыносимо отъ чрезмѣрнаго въ нихъ раздраженія. Вообще же всѣ медицинскія средства оказывались мало дѣйствительными, а нѣкоторыя, вмѣсто пользы, причиняли вредъ. Но о. Антоній никому не противорѣчилъ и не отказывался отъ лѣченія, хотя понималъ, что болѣзнь его неисцѣльная. И переносилъ ее какъ наказаніе посланное ему для душевной пользы, ради очищеніи отъ грѣховъ. Однажды посѣтилъ его И. В. Кирѣевскій и въ бесѣдѣ съ нимъ выразился такъ: «Вотъ, батюшка, на васъ сбывается слово Писанія, что многи скорби праведнымъ: какой тяжкій крестъ возложилъ на васъ Господь!»—«То-то и есть, возразилъ старецъ, что праведнымъ скорби, а у меня-то все раны, какъ и св. пророкъ Давидъ говоритъ: *многи раны грѣшному*». За великое смиреніе его Господь помогалъ ему съ мужественнымъ терпѣніемъ и дивнымъ благодушіемъ переносить эти ужасныя страданія. Когда же они слишкомъ усиливались, то онъ любилъ воспоминать праведнаго Іова, и во утѣшеніе и подкрѣпленіе себѣ и другимъ говаривалъ, что всѣ его страданія не стоютъ и одного вздоха сего многострадальнаго ветхозавѣтнаго мученика. Своего же терпѣнія о. Антоній какъ будто не видалъ. Многіе, видя всегда свѣтлое лицо его, и слыша его оживленную бесѣду, не понимали, какого страдальца видятъ предъ собою; нѣкоторые же, видя наружную его полноту, полагали, что онъ совершенно здоровъ, но притворяется. Не только ради духовной бесѣды, но и для простаго пріема посѣтителей до послѣдней крайности понуждалъ онъ себя, даже во время тяжкихъ страданій выходилъ навстрѣчу гостямъ, принималъ ихъ съ радушнымъ веселымъ лицомъ, сидѣлъ и бесѣдовалъ съ ними, благодушно выслушивалъ даже то, что ни имъ, ни ему не было нужно, провожалъ и отпускалъ всѣхъ привѣтливо съ искренними благожеланіями.

Еще болѣе старецъ понуждалъ себя, любви ради Божіей, къ молитвеннымъ трудамъ. Несмотря на непрерывныя тѣлесныя страданія, онъ любилъ неопустительно и въ праздничные дни, и въ будни ходить къ церковнымъ службамъ, и всегда старался поспѣвать къ началу. Послѣ продолжительнаго праздничнаго богослуженія о. архимандритъ иногда назначалъ его еще читать поученія во время братской трапезы, а потомъ о. Антоній оставался кушать за вторымъ столомъ вмѣстѣ съ братьями служащими въ поварнѣ и въ трапезной. Отъ чрезмѣрнаго понужденія въ больныхъ ногахъ иной разъ дѣлалось воспаленіе, и старецъ послѣ того въ продолженіе мѣсяца или болѣе не могъ выходить изъ своей келліи, и тогда уже крайняя немощь заставляла его церковную службу замѣнять келейнымъ молитвословіемъ. Ночью, когда церковный колоколъ сзывалъ братій къ полунощному утреннему богослуженію, проходящіе мимо оконъ о. Антонія замѣчали всегда въ его келліи усиленное освѣщеніе; если не могъ быть въ храмѣ, старецъ имѣлъ обыкновеніе, какъ бы боленъ ни былъ, въ одно время съ братствомъ наединѣ у себя совершать молитвенныя правила. «На молитву, говаривалъ онъ, должно вставать поспѣшно, какъ на пожаръ». Всѣ, которые видѣли о. игумена Антонія совершающимъ Богослуженіе, помнили необыкновенное выраженіе лица его, особенно во время божественной литургіи, когда онъ выходилъ съ потиромъ; это было лицо человѣка преисполненнаго благодати. Случалось, что отъ одного взгляда на него въ это время у нѣкоторыхъ происходилъ въ душѣ нравственный переворотъ. Были основательныя причины утверждать, что о. Антоній имѣлъ великое дерзновеніе въ молитвѣ къ

Богу, и сподоблялся духовныхъ видѣній и другихъ благодатныхъ посѣщеній. Онъ имѣлъ такое пламенное усердіе и благоговѣйную любовь къ Матери Божіей, что особенно въ послѣдніе годы своей жизни, когда начиналъ разсказывать что-либо изъ житія Ея, при одномъ имени преблагословенной Дѣвы Маріи голосъ его измѣнялся отъ обильныхъ слезъ, и онъ не могъ окончить разсказа.

Послѣ молитвы, келейной и церковной, все свободное время свое о. Антоній посвящалъ преимущественно чтенію, которое было любимымъ занятіемъ его во всю его жизнь. Кромѣ рукописнаго сборника, составленнаго имъ съ о. Моисеемъ въ Рославльскихъ лѣсахъ, послѣ о. Антонія поступило въ монастырскую библіотеку до 60 рукописей изъ святоотеческихъ писаній, житій святыхъ, нѣсколько замѣчательныхъ сборниковъ разныхъ рѣдкихъ молитвъ и службъ, тщательно имъ собранныхъ и переписанныхъ полууставомъ, которыхъ въ печати у насъ нельзя найти. — Всѣхъ акаѳистовъ, рукописныхъ и печатныхъ у о. Антонія было до *сорока*, и каждый изъ нихъ онъ читалъ по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, т. е. въ память того святаго, или въ день праздника, которому былъ акаѳистъ. Акаѳистовъ же, почему—либо сомнительныхъ, о. Антоній не читалъ. Только однажды, когда жилъ еще въ скиту, онъ откуда-то получилъ уніатскій акаѳистникъ, и не зная этого, по великому своему усердію къ святымъ, сталъ читать содержавшіеся въ немъ акаѳисты; но при чтеніи оныхъ чувствовалъ, что молитвы эти какъ-то въ сердцѣ не ложились, и что въ нихъ не было ничего располагающаго къ умиленію, а напротивъ было даже что-то отталкивающее. Узнавъ вскорѣ, что это не православные акаѳисты, пересталъ ихъ читать, и послѣ въ отношеніи къ акаѳистамъ держался большей строгости и разборчивости. Имѣя отъ Господа даръ необыкновенной памяти, старецъ внимательнымъ и постояннымъ чтеніемъ обогатилъ и развилъ природный свой умъ, такъ что удивлялъ своихъ

собесѣдниковъ обширностію и разнообразіемъ своихъ познаній, и находчивостію, съ которою часто неожиданно, но всегда кстати, умѣлъ въ разговорѣ привести читанное имъ когда-то въ какой-либо книгѣ.

Но любознательность о. Антонія всегда направлялась къ духовной пользѣ. Онъ любилъ читать, но еще болѣе любилъ исполнять читанное. Любознательность его была растворена и переработана духомъ подвижничества, такъ что рѣчи просвѣщеннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смиреннаго старца, никогда нимало не отзывались обыкновенною праздною, книжною *ученостью*. Всѣ его слова направлялись къ духовной пользѣ, были исполнены дѣятельнаго разума.

Какъ великій любитель безмолвія, о. Антоній желалъ всегда проводить подобную уединенную жизнь въ молитвенныхъ трудахъ, чтеніи и богомысліи; и говаривалъ, что когда остается одинъ въ келліи, тогда бываетъ у него праздникъ на душѣ. По глубокому своему смиренію онъ всегда хотѣлъ уклоняться отъ учительства, тѣмъ болѣе что въ Оптиной пустыни уже былъ великій старецъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, іеромонахъ о. Макарій, который, по назначенію блаженнаго старца о. Льва, духовно руководствовалъ всѣхъ прибѣгавшихъ къ нему. Твердое желаніе о. Антонія было — считаться и быть не болѣе, какъ человѣкомъ частнымъ, сверхштатнымъ, живущимъ въ обители на покоѣ. Но духовныя дарованія его, и даже самое смиреніе, съ которымъ онъ отъ всѣхъ уклонялся, привлекали къ нему всѣхъ,—и скоро келліи его стали наполняться множествомъ посѣтителей, желавшихъ принять отъ него благословеніе и духовное назиданіе. Слѣдуя слову Самого Спасителя: *грядущаго ко Мнѣ не ижденѹ вонъ*, и по любви къ ближнимъ, старецъ не могъ не принимать духовнаго участія въ лицахъ посѣщавшихъ его; но и при этомъ, съ глубокою мудростію, умѣлъ не выходить изъ принятаго имъ смиреннаго положенія. На исповѣдь принимать онъ вовсе отказы-

вался, и всѣхъ отсылалъ къ монастырскимъ духовникамъ; только въ самыхъ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ могли его преклонить, чтобы онъ отступилъ отъ этого правила. Даже подъ постоянное прямое духовное руководство онъ принималъ весьма немногихъ, преимущественно тѣхъ, кто относился къ нему въ Малоярославцѣ, или въ бытность его еще въ скиту начальникомъ. Другихъ же всѣхъ онъ умѣлъ воспользовать духовно, не принимая на себя значенія и отвѣтственности духовнаго наставника и руководителя. Главною и даже какъ бы единственною заботою его было—оказать всѣмъ привѣтливость и радушное гостепріимство, и даже почтеніе. Не съ осторожностію и въ мѣру оказывалъ о. Антоній всѣмъ почтеніе; напротивъ, если можно такъ выразиться, онъ очень смѣло смирялся предъ всѣми, не боялся, что этимъ унизится; не стыдился юношѣ и даже ребенку оказывать такую честь, какой люди иного воспитанія не окажутъ и старшимъ... Въ этомъ о. Антоній былъ неподражаемъ.

Смиряясь предъ всѣми, о. Антоній дѣлалъ это отъ искренности сердца: всѣмъ чувствовалось, что внутреннее его смиреніе и доброжелательство ко всѣмъ дѣйствительно было таково и не исчерпывалось наружнымъ изъявленіемъ онаго. Сердце его всегда принимало самое теплое участіе въ скорбяхъ ближняго, а потому онъ особенно любилъ утѣшать приходящихъ къ нему. Онъ не отчаявался ни въ чьемъ исправленіи, и умѣлъ воздвигать людей нерадивыхъ и малодушныхъ; и какъ бы кто ни упадалъ духомъ, всегда успѣвалъ бесѣдами своими вдохнуть благонадежіе. Въ совѣтахъ же и наставленіяхъ своихъ былъ крайне остороженъ и указывалъ на слова св. Исаака Сирина, что надо съ людьми обходиться, какъ съ больными, и успокоивать ихъ наиболѣе, а не обличать; ибо это больше ихъ разстроиваетъ, нежели приноситъ имъ пользы. «Больному, говорилъ старецъ, надо говорить: не хочется ли тебѣ какой похлебки,

или чего другого? а не слѣдуетъ говорить такъ: я тебѣ дамъ такую микстуру, что глаза выпучишь». Незамѣтно и нечувствительно привлекалъ о. Антоній всѣхъ къ сознанію душевныхъ своихъ немощей. Такъ однажды нѣкто покаялся передъ нимъ въ нѣкоторыхъ согрѣшеніяхъ, а о другихъ умолчалъ. О. Антоній не сталъ обличать неполноту покаянія, но напротивъ сказалъ каявшемуся, что онъ своимъ покаяніемъ порадовалъ Ангеловъ на небеси, и этими словами возбудилъ въ этомъ человѣкѣ великое сокрушеніе и усердіе къ совершенному очищенію совѣсти. Никогда онъ не старался насильно убѣдить кого-нибудь; назиданія свои предлагалъ не въ видѣ заповѣди, а болѣе намекомъ, или въ видѣ дружелюбнаго совѣта; а если кто сдѣлаетъ возраженіе, то старецъ сейчасъ и замолчитъ. На вопросы посѣтителей своихъ почти никогда не отвѣчалъ прямо, и даже избѣгалъ такихъ вопросовъ, черезъ которые бы открыто возлагалось на него значеніе и отвѣтственность наставника; а между тѣмъ искусно направлялъ общую бесѣду, такъ что въ теченіе ея, говоря въ третьемъ лицѣ, или разсказывая какъ будто про себя, онъ какъ бы мимоходомъ и обличалъ, и наставлялъ своихъ собесѣдниковъ. Часто случалось, что только по выходѣ отъ старца, посѣтитель опомнясь понималъ, что какое-нибудь, какъ будто къ слову сказанное, замѣчаніе прямо относилось къ нему, къ сокровеннымъ его недоумѣніямъ и недостаткамъ, разрѣшало вопросы, которыхъ старецъ не далъ выговорить; и иному даже открывалъ и то, чего тотъ самъ въ себѣ прежде не замѣчалъ. Если кто не кстати высказывалъ, что понимаетъ мысль и намѣреніе старца, то онъ тотчасъ заминалъ бесѣду, и велъ уже разговоръ о предметахъ житейскихъ; вообще весьма боялся обнаружить духовныя свои дарованія, и очень съ немногими любилъ бесѣдовать о предметахъ чисто духовныхъ. Впрочемъ съ великою опытностію и мудростію умѣлъ различать, кому какъ говорить.

Общее правило о. Антонія, равно какъ и всѣхъ духов-

ныхъ старцевъ, было такое, чтобы безъ вопроса никому не предлагать своихъ совѣтовъ, считая это не только безполезнымъ, но и вреднымъ празднословіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ о. Антоній зорко слѣдилъ за вопрошавшими: если кто предлагалъ вопросы не по душевной потребности, а изъ пытливости или подобныхъ побужденій, въ такомъ случаѣ ничего не отвѣчалъ.

О. Антоній обладалъ даромъ какого-то естественнаго краснорѣчія, даже и въ шутливой формѣ оно содержало высокое назиданіе, и отличалось особенною мѣткостію и своеобразною выразительностію. Познакомившись съ кѣмъ-нибудь, старецъ иногда какъ бы присматривался къ нему; сначала говорилъ мало и только молился о немъ. Но зато, когда наконецъ начиналъ говорить, его слово имѣло такую неотразимую силу, что иногда въ теченіе одной бесѣды человѣкъ духовно перерождался. Люди съ желѣзнымъ непреклоннымъ характеромъ чувствовали, что упорство ихъ сокрушалось, сердце ихъ наполнялось какими-то новыми чувствами; и между тѣмъ какъ прежде во всю свою жизнь никому ни въ чемъ не уступали, отъ словъ о. Антонія возгаралось въ нихъ желаніе ни въ чемъ не слѣдовать своей волѣ и своему разуму, но всю волю свою предать святому старцу. Многіе испытывали надъ собою духовную силу о. Антонія; сначала были привлекаемы его любовію и снисходительностію, а потомъ незамѣтно переходили къ тому, что и всю жизнь свою отдавали въ его руки.

Отеческую снисходительность къ человѣческимъ немощамъ о. Антоній умѣлъ, гдѣ слѣдуетъ, соразмѣрять благоразумною строгостію.

Наконецъ, отъ тѣхъ, кто находился подъ его полнымъ руководствомъ, требовалъ и въ отношеніи къ себѣ точнаго послушанія. Однажды сказавши, не любилъ измѣнять и даже повторять своего слова. Для преданныхъ его духовныхъ дѣтей не было строже наказанія, какъ если старецъ скажетъ: «какъ хотите».

Отъ духовныхъ своихъ дѣтей и знакомыхъ о. Антоній получалъ много писемъ и, несмотря на болѣзненное свое состояніе, по возможности понуждался отвѣчать всѣмъ большею частію собственноручно. Послѣ его кончины собрано много его писемъ,—болѣе, нежели сколько ожидали и тѣ, которые близко его знали. Изъ нихъ выбраны письма, содержащія общее назиданіе, и изданы въ особой книгѣ. Они отличаются тѣми же достоинствами, какъ и устныя его бесѣды, тѣмъ же естественнымъ краснорѣчіемъ и сладкорѣчіемъ, тою же назидательностію и своеобразною выразительностію и силою. Слогъ ихъ совершенно особенный, свойственный одному о. Антонію. Въ нихъ ясно отпечатлѣлись всѣ высокія душевныя свойства любвеобильнаго старца.

Въ заключеніе разскажемъ объ одной достойной ученицѣ о. игумена Антонія, которая Промысломъ Божіимъ была послана какъ бы въ утѣшеніе старцу за всѣ его труды о спасеніи ближнихъ, и примѣромъ своимъ показала, какъ сильно было вліяніе о. Антонія на духовныхъ его дѣтей, и какіе плоды приносило его руководство, если принималось съ вѣрою.—Дѣвица изъ высшаго свѣтскаго круга, Екатерина Александровна П., еще съ молодыхъ лѣтъ почувствовала въ себѣ призваніе отъ Господа къ духовной жизни, но, не находя поддержки своему настроенію, какъ бы поневолѣ принимала участіе въ жизни и обычаяхъ того общества, среди котораго выросла, и провела не мало лѣтъ въ Петербургѣ въ обычной свѣтской разсѣянности и *въ шумѣ празднующихъ*, какъ о ней впослѣдствіи выразился о. Антоній. Познакомившись со старцемъ, она съ горячею вѣрою предалась духовному его руководству, подъ вліяніемъ котораго добрыя ея природныя качества получили надлежащее направленіе. Божіе призваніе къ благочестивой жизни сильнѣе заговорило и превозмогло надъ кратковременнымъ увлеченіемъ мірскою суетою, и вскорѣ въ ней созрѣла рѣшимость удалиться отъ свѣта и приблизиться къ Богу уединеніемъ и воздержаніемъ,

строгимъ храненіемъ цѣломудрія и молитвою. Родственныя связи не дозволяли Екатеринѣ Александровнѣ совершенно оставить міръ; но она и среди мірской суеты проводила благочестивую жизнь и находила себѣ духовное утѣшеніе въ посѣщеніяхъ Оптиной пустыни, гдѣ проживала на гостинницѣ. Вкратцѣ можно объ ней сказать: каковъ былъ старецъ, такова была и ученица. Усердіе къ молитвѣ и къ церковной службѣ имѣла примѣрное. Прежде, когда жила въ Петербургѣ, она ранѣе 10 часовъ не вставала, теперь же она въ часъ пополуночи всегда уже была одѣтою, и какъ ударятъ въ колоколъ къ утренѣ, она спѣшила въ церковь, чтобы прежде начала поспѣть на молитву. И вообще благовѣстъ, призывающій къ какой бы то ни было церковной службѣ, заставалъ ее всегда готовою идти въ храмъ или уже на пути. Духовное же ея расположеніе къ старцу росло, какъ она сама выражалась, не по днямъ, а по часамъ, и наконецъ достигла она такого блаженнаго состоянія, что сдѣлалась истою послушницею о. игумена Антонія: помнила только церковь Божію и старца. Внимая единственно себѣ и душевному своему спасенію, заботилась объ одномъ, чтобы исполнить всѣ его заповѣди и ни въ чемъ ихъ не нарушить; остальное все какъ будто для нея не существовало.

Обучая ее послушанію, о. Антоній иногда отсѣкалъ нѣкоторыя и повидимому благія желанія ея. Такъ, величайшимъ утѣшеніемъ для Е. А. было видѣть старца и бесѣдовать съ нимъ; а о. Антоній въ одно время, въ бытность ея въ Оптиной, благословилъ ей приходить къ нему только однажды въ недѣлю; въ другіе же дни ей было дозволено принимать благословеніе въ церкви, и только. Это было самое тяжкое и чувствительное испытаніе для Екатерины Александровны. Иногда она не могла удержать себя и искала случая приходить къ старцу и въ другіе дни: но сама сознавалась, что тогда лишалась спокойствія, и на нее нападала мучительная тоскливость и скука. Когда же въ точности исполняла заповѣдь старца, тогда ощущала въ душѣ своей усладительную тишину и спокойствіе. Такова сила послушанія!

Чрезъ четыре года духовнаго отношенія къ о. игумену Антонію, она скончалась 30 лѣтъ, и блаженная, необыкновенная ея кончина показала всѣмъ, въ какое короткое время и въ какое высокое преуспѣяніе человѣкъ приходитъ Евангельскимъ путемъ послушанія своему духовному отцу.

Съ весны и все лѣто Е. А. какъ свѣчка горѣла и каждый день таяла. Любимый разговоръ ея былъ всегда о переходѣ въ вѣчность. Ежедневно готовилась къ смерти своей, какъ невѣста къ брачному вѣнцу, съ свѣтлымъ лицемъ и радостнымъ сердцемъ. 27 іюля была особорована и послѣ того чрезъ каждые два дня пріобщалась св. Христовыхъ Таинъ, или даже чрезъ день, а послѣднюю недѣлю ежедневно. Со дня особорованія ея, ежедневно ее подъ руки водили къ старцу, потомъ на стулѣ носили, а потомъ уже онъ ежедневно ходилъ къ ней на гостинницу по два и по три раза въ день. — Послѣ облеченія Е. А. въ ангельскій образъ, поздравляя съ онымъ, старецъ спрашивалъ ее при посѣщеніяхъ: како, сестро, имя твое во ангельскомъ чинѣ? Она отвѣчала: многогрѣшная монахиня Евфросинія.—Вторично ее спроситъ, что же означаетъ новое имя твое? И она отвѣтитъ: «веселіе и радость». Дай тебѣ, Господи вѣчное веселіе и радость со святыми въ небесномъ царствіи, скажетъ старецъ. И она съ радостнымъ лицемъ благодарила его всегда: «Ахъ, какъ я вамъ много благодарна за святое имя сіе»! Со дня особорованія она была какъ бы переродившеюся; ко всѣмъ дышало сердце ея любовью, всѣхъ жалѣла, у всѣхъ прощенія испрашивала и лично, и заочно, со всѣми сдѣлалась дружна, и до самой кончины своей находилась въ молитвенномъ настроеніи души, ни на минуту не выпуская изъ рукъ четокъ. Въ послѣднюю недѣлю ея жизни однажды о. Антоній спросилъ ее: какъ она молится? Она отвѣтила: «вотъ

такъ:—Господи' помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй! Пресвятая Богородице, Царица небесная, Матушка моя, возьми меня къ Себѣ! Святый Архангелъ Михаилъ, св. Архангелъ Гавріилъ, св. Архангелъ Рафаилъ, возьмите душу мою! Святителю Николае, великій угодникъ Божій, сохрани душу мою»!—Подобнымъ сему образомъ и другихъ многихъ святыхъ призывала она въ молитвѣ своей на помощь при исходѣ души. Прежде кончины все свое раздавала, говоря: какъ я въ міръ сей родилась, ничего не имѣя, такъ и отъ міра отходя желаю, чтобы ничего не было у меня. А раздавши все, съ радостію говорила: вотъ и я теперь ничего у себя не имѣю, кромѣ единой надежды на спасеніе Божіе!.. Она искренно желала все свое оставить старцу, но онъ, чтобы не опечалить ея, согласился на немногое, и то употребилъ на поминовеніе ея души.—За двѣ недѣли до кончины былъ уже у нея и гробъ приготовленъ; отходный канонъ разъ восемь или десять былъ читанъ надъ нею, и окончаніе онаго дочитывала она сама, и говорила: «Возлюбленные отцы мои, и братія и сестры, и всѣ знаеміи! помяните мою любовь и дружбу, и молите Христа всѣхъ Бога милостиву быти ко мнѣ въ часъ кончины моей и по кончинѣ». Между тѣмъ она ежедневно исповѣдывалась и у всѣхъ мысленно просила прощенія; скончалась она на праздникъ Усѣкновенія главы честнаго, славнаго пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, послѣ бдѣнія въ самую полночь въ первомъ часу.—За полчаса до кончины попросила засвѣтить свѣчи у всѣхъ образовъ въ гостинной келліи своей, и начала радоваться, говоря: «какъ теперь весело на моей душѣ, будто праздникъ какой!» Потомъ вскорѣ почувствовала внутреннія спазмы, которыя и прекратили ея дыханіе.—Три дня во гробѣ была похожа не на умершую, а на спящую дѣву, нисколько не измѣнившуюся въ лицѣ, только что не говорящую; и когда старецъ, прочитавши надъ нею разрѣшительную молитву, сталъ ее влагать ей въ руки, то замѣтилъ ихъ мягкими, а не окостенѣлыми.

Таковы были труды о. игумена Антонія о духовномъ окормленіи и спасеніи ближнихъ; и таковы плоды этихъ трудовъ въ тѣхъ, кто неуклонно слѣдовалъ его наставленіямъ!

Назидательно и трогательно было видѣть, какъ маститый старецъ съ глубокимъ дѣтскимъ благоговѣніемъ и искреннею любовію относился къ старшему брату о. архимандриту Моисею, какъ къ своему духовному отцу и начальнику, и смирялся предъ нимъ, какъ послѣдній послушникъ. Приходя къ нему, никогда безъ приглашенія не входилъ во внутреннія келліи, а, стоя въ передней, дожидался, пока о. архимандритъ его замѣтитъ и позоветъ; также, вошедши не садился, а перемогался на больныхъ ногахъ, пока не велятъ ему сѣсть. При другихъ, въ присутствіи о. архимандрита, хранилъ глубокое молчаніе,—развѣ только вкратцѣ и въ полголоса сдѣлаетъ кому привѣтствіе; когда нужно было, почтительно объяснялъ, что слѣдовало, и всѣ слова о. архимандрита принималъ безпрекословно, какъ волю Божію. И все это дѣлалъ онъ не по принужденію, а отъ сердца и съ искреннею любовію. О. архимандритъ же съ своей стороны искренно уважалъ своего брата и часто имѣлъ съ нимъ, особенно въ послѣдніе годы, духовный совѣтъ; и даже, говоря съ другими, смирялъ себя передъ о. Антоніемъ, выражаясь такъ: «онъ настоящій монахъ, а я не монахъ!» Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мужъ духовный и мудрый, не забывалъ словъ св. Іоанна Лѣствичника, что и самому себѣ и подвижнику вредитъ тотъ душевный приставникъ, который никогда не предоставляетъ ему случаевъ получить вѣнцы, каковые, по его усмотрѣнію, онъ терпѣніемъ заслуживать можетъ; т. е. онъ не мѣшалъ о. Антонію смиряться и обращался съ нимъ, какъ съ послушникомъ. Многіе этого не постигали, но о. архимандритъ зналъ, чего жаждала душа о. Антонія.

Въ отношеніи къ братству о. Антоній не только воздавалъ всѣмъ должную честь, но, по своему обыкновенію,

почиталъ всѣхъ паче мѣры, всѣмъ оказывалъ привѣтливость и искреннюю любовь. Всѣмъ была извѣстна всецѣлая его преданность о. архимандриту Моисею, и совершенное единодушіе ихъ, и несмотря на это, если кто-либо имѣлъ скорбь или неудовольствіе на настоятеля, всѣ не обинуясь ходили къ о. Антонію искать у него утѣшенія и просить его помощи и содѣйствія. О. Антоній, по глубокому своему смиренію, считая себя, какъ сказано, чужимъ и посторонним человѣкомъ въ обители, никогда не входилъ въ монастырскія дѣла, не дерзалъ настоятелю, безъ вопрошенія его, предложить какой-либо совѣтъ или ходатайствовать о комъ нибудь; но какъ себя самого, такъ и все безъ разсужденія предоставлялъ его распоряженію. Поэтому, если кто-нибудь изъ братій приходилъ съ какою-либо жалобою или просьбою, о. Антоній старался только оказать ему привѣтъ, успокоить его и склонить къ миру; но желаній его не передавалъ настоятелю. Однако, съ другой стороны, если кто въ довѣренной бесѣдѣ открывалъ тайные свои помыслы, немощи и намѣренія, то и объ этомъ о. Антоній умалчивалъ, не передавалъ и не предостерегалъ настоятеля, разсудивъ, что это, по собственному его выраженію, *діавольская должность*,— а предоставлялъ все суду Божію. Такимъ образомъ, братія были всегда довольны о. Антоніемъ и, видя искреннее его къ себѣ участіе, уходили отъ него утѣшенные и успокоенные; и между тѣмъ никогда ничего непріятнаго чрезъ него не выходило. Уклоненіемъ своимъ отъ вмѣшательства въ дѣла обительскія, такъ же какъ и обращеніемъ съ братіями и лицами посторонними, о. Антоній подавалъ высокій примѣръ смиренія, которое привлекало къ нему сердца всѣхъ. «Вотъ, говаривалъ старецъ, меня очень многіе любятъ,—а за что, я и самъ не знаю, и очень тому удивляюсь. Считаютъ меня за святаго, тогда какъ этотъ святой совсѣмъ протухъ и грѣшнѣе всѣхъ».—А иной разъ выражался такъ: «у меня нѣтъ недоброжелателей, я всѣхъ люблю, и всѣ меня любятъ».

Дѣйствительно, не было человѣка въ обители, который при одномъ видѣ о. Антонія не ощущалъ бы особеннаго утѣшенія; всѣ отъ мала до велика воздавали ему должную дань почтенія и любви. Почившій въ 1860 г., старецъ іеросхимонахъ о. Макарій имѣлъ съ нимъ духовное содружество, и назидательно было видѣть, какъ они другъ передъ другомъ смирялись, *другъ друга больше честію творяще*.

Въ обращеніи съ келейными братіями и приближенными, о. Антоній отличался тѣми же свойствами, какія являлъ во всей своей жизни. Даже и въ простомъ распоряженіи выражался такъ: «кажется надо бы сдѣлать то и то»; и когда его однажды спросили, зачѣмъ онъ не говоритъ просто: сдѣлай то,—онъ возражалъ, что таково его обыкновеніе, и что перемѣнить себя не можетъ.

Поселившись на покой, о. Антоній рѣшился ни отъ кого не принимать денегъ въ свою пользу, и рѣдко отступалъ отъ этого правила, т. е. принималъ только книги или приношеніе для покупки книгъ. Не отказывался также, если ему приносили свѣчи и масло для лампадки, такъ какъ онъ по безпрерывной болѣзни своей часто не могъ выходить во св. храмъ къ Божіей службѣ, и прочитывалъ ее въ свой келліи, и для сего засвѣчалъ свѣчи передъ святыми иконами. Иногда, когда желалъ помочь кому-либо въ крайней нуждѣ, просилъ на это денегъ у приближенныхъ лицъ. За исключеніемъ же этихъ случаевъ, деньги, присылаемыя по почтѣ, отдавалъ настоятелю. Если, во время тяжкой болѣзни, на свои безотлагательныя потребности отъ преданныхъ ему людей и соглашался что-нибудь принять, то при этомъ часто убѣждалъ ихъ принять обратно половину или хоть часть жертвуемой суммы; также всѣхъ, кто желалъ подарить старцу что-либо потребное для келліи, онъ всегда уговаривалъ умѣрять свои приношенія, и получаемое раздавалъ опять другимъ. Такъ изъ меньшей братіи въ обители почти не было именинника, который бы не приходилъ принять благословеніе о. игумена

Антонія, и при этомъ всѣ что-либо получали, (а многимъ и самъ посылалъ) платочекъ, книжечку или другое что нибудь, и по нѣсколько чаю и сахару, такъ что случалось, что старецъ, раздавши все, самъ оставался безъ чая. Именины же каждаго помнилъ очень точно, и если встрѣтится съ именинникомъ, будь то мальчикъ или новоначальный, непремѣнно сдѣлаетъ ему привѣтствіе и поздравитъ его. Такъ до послѣднихъ мелочей онъ былъ внимателенъ къ другимъ, и всѣмъ: малымъ и великимъ, оказывалъ искреннюю любовь.

Двѣнадцать лѣтъ продолжалось пребываніе о. игумена Антонія на покоѣ, и достопамятное было то время, когда Оптина пустынь украшалась тремя старцами: о. архимандритомъ Моисеемъ, о. игуменомъ Антоніемъ и старцемъ о. Макаріемъ. Изъ нихъ о. игумену Антонію пришлось пережить другихъ. Въ 1860 г. скончался старецъ о. Макарій; а въ 1862 г. свершилъ свое теченіе о. архимандритъ Моисей.

Кончина о. архимандрита Моисея глубоко отозвалась въ сердцѣ и въ жизни о. игумена Антонія. Тутъ во всей полнотѣ обнаружилось для всѣхъ, какую сильную и нѣжную любовь онъ питалъ къ старшему брату, при строжайшемъ наружномъ послушаніи. Скорбь его была невыразима. Въ продолженіе цѣлаго года, онъ, сколько возможно было, уклонялся отъ людей, и уединеніе свое посвящалъ непрестанному молитвенному воспоминанію о братѣ; въ продолженіе же первыхъ сорока дней онъ совершенно уединился, почти никого не принималъ и постоянно читалъ псалтирь по новопреставленномъ. Если же кто-либо въ бесѣдѣ съ о. игуменомъ упоминалъ объ усопшемъ, то одно имя его вызывало обильныя слезы, такъ что разговоръ долженъ былъ прекращаться.

Нѣкоторымъ лицамъ о. игуменъ открылъ, что духовное общеніе его съ братомъ и по кончинѣ его не прерывалось. Онъ постоянно ощущалъ около себя его присутствіе и близость; души ихъ таинственно бесѣдовали между собою, и почти не проходило дня, чтобы почившій во снѣ не являлся о. Антонію. Нѣкоторыя изъ сновидѣній были весьма замѣчательны. О. архимандритъ и съ того свѣта духовно утѣшалъ и подкрѣплялъ брата, и подавалъ ему свое рѣшеніе въ нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ случаяхъ, касавшихся какъ его самого, такъ и другихъ.

Въ 1863 году о. игуменъ Антоній, во исполненіе давнишняго своего желанія поклониться новоявленному святителю Тихону Задонскому, предпринялъ путешествіе къ многоцѣлебнымъ его святымъ мощамъ, былъ и въ Воронежѣ у святыхъ мощей святителя Митрофана, а на пути посѣтилъ нѣкоторыя иноческія обители, а также нѣсколько преданныхъ ему семействъ. Вездѣ старца принимали съ невыразимою радостію и восторгомъ, всѣ старались успокоить его, утружденнаго и лѣтами, и болѣзнію, и путемъ. Вездѣ отъ избытка усердія воздавались ему великія почести, которыя онъ принималъ съ глубокимъ смиреніемъ.

Совершивъ, не безъ труда, эту послѣднюю свою поѣздку и возвратясь въ обитель, о. игуменъ все болѣе и болѣе сталъ уединяться и готовиться къ исходу, говоря всѣмъ, что жизнь его длится еще только ради молитвъ молящихся.

Между тѣмъ съ самой кончины о. архимандрита, старца не оставляла мысль о принятіи великой схимы; но, по глубокому своему смиренію, онъ считалъ еще нужнымъ испытать свою готовность къ принятію оной. Испытывалъ себя годъ, другой, и только въ концѣ третьяго года вполнѣ созрѣла въ немъ эта мысль, и 9 марта 1865 года, когда старцу исполнилось ровно 70 лѣтъ, онъ привелъ ее въ исполненіе, съ благословенія епархіальнаго архіерея. По болѣзни старца постриженіе совершено келейно настоятелемъ обители о. игуменомъ Исаакіемъ.

Новопостриженный схимонахъ-игуменъ прекратилъ пріемъ мірскихъ лицъ, а братію монастырскую сталъ принимать изрѣдка и на короткое время, и весь предался молитвеннымъ подвигамъ и богомыслію. Благолѣпенъ былъ видъ старца,

успокоившагося въ безмолвномъ уединеніи отъ бесѣдъ, которыми давно тяготился. Отъ всегдашняго пребыванія въ молитвѣ и преизобилія духовнаго утѣшенія, самое лицо его просвѣтлѣло и сіяло высокою радостію. Еще съ начала 1865 г. пересталъ выписывать книги и отказывался отъ предлагаемыхъ, говоря, что ему теперь уже ничего не нужно. Одному изъ духовныхъ своихъ дѣтей поручилъ написать крупными буквами: «Не теряй времени!» и записку сію прикрѣпилъ надъ многоболѣзненнымъ одромъ своимъ для всегдашняго напоминанія какъ другимъ, желавшимъ еще воспользоваться его наставленіями, такъ и самому себѣ. И дѣйствительно онъ не терялъ времени. «Вѣдь я теперь новоначальный, говаривалъ онъ; сталъ труды прилагать къ трудамъ, и подвизаться какъ бы молодой и здоровый человѣкъ».

Отъ непомѣрныхъ подвиговъ болѣзненность его и тѣлесныя страданія все болѣе и болѣе усиливались. Несмотря на это, онъ продолжалъ до послѣдней возможности ходить въ церковь. Часто служащій ему братъ, видя, что старецъ при крайнемъ изнеможеніи собирался къ обѣднѣ или ко всенощной, старался удерживать его; но онъ смиренно отвѣчалъ: «ну, ужъ прости Бога ради»! и все—таки отправлялся въ храмъ Божій, опираясь на палку, съ трудомъ переступая съ ноги на ногу и стеня отъ боли.

24 іюня, въ скитскій праздникъ Рождества Предтечи, о. игуменъ понудилъ себя утѣшить скитянъ присутствіемъ своимъ въ ихъ храмѣ, гдѣ слушалъ литургію. Но это посѣщеніе старцемъ любимаго имъ скита было уже послѣднее, онъ все болѣе и болѣе сталъ изнемогать;—и 7 іюля, наканунѣ празднества Казанской иконѣ Божіей Матери, открылась во всей силѣ предсмертная болѣзнь его, которая состояла изъ припадковъ тифозной горячки, происшедшей отъ закрытія застарѣлыхъ цынготныхъ язвъ на ногахъ и значительнаго разстройства органовъ пищеваренія, и продолжалась ровно мѣсяцъ.

Когда старецъ совершенно ослабѣвалъ, онъ на время прекращалъ пріемъ посѣтителей или молча благословлялъ ихъ. Въ послѣдніе дни благословлялъ всѣхъ образками (коихъ раздано болѣе 1000), приговаривая: «примите отъ умирающаго на вѣчную память». Нѣкоторымъ, просившимъ его помолиться о нихъ и по исходѣ, онъ отвѣчалъ просто и утвердительно: «хорошо» или: «помолюсь». А однажды посѣтившему его скитскому старцу, на просьбу его о томъ же, онъ смиренно отвѣчалъ: «помолитесь вы, чтобы получить мнѣ дерзновеніе предъ Господомъ». Но сказалъ это такъ спокойно и благонадежно, что нельзя было сомнѣваться, что уже имѣетъ просимое.

Наступило наконецъ неизбѣжное при разлученіи души съ тѣломъ томленіе, которое отчасти зависѣло отъ непрестанной молвы, въ которой по любви къ ближнимъ находился умирающій старецъ, всегдашній любитель безмолвія и молитвеннаго пребыванія, отчасти же происходило отъ усиливавшихся тѣлесныхъ страданій. Но и въ самыя тяжкія минуты онъ сохранялъ полное самообладаніе; и не было въ немъ замѣтно ни малѣйшаго слѣда нетерпѣнія или чего подобнаго. По желанію окружавшихъ онъ не отвергалъ врачебныхъ пособій, но прямо высказывалъ, что не надѣется получить отъ нихъ пользу. Духовное же врачевство умирающій принималъ съ великою радостію. Особороваться старецъ разсудилъ, когда тѣлесныя силы еще не совсѣмъ оставили его, 21 іюля (за 17 дней до кончины). Пріобщался же Св. Таинъ въ послѣднее время ежедневно. Кромѣ ежедневнаго пріобщенія умирающій искалъ себѣ отрады въ непрестанной молитвѣ.

Въ послѣдніе дни старецъ уже не говорилъ ничего и никого почти не принималъ. Ежедневно читался канонъ на исходъ души. 6 августа, по окончаніи литургіи и трапезы, братія собрались въ келліяхъ умирающаго, пропѣли тропарь и кондакъ св. Преображенію Господню, потомъ настоятель

обители прочелъ канонъ на исходъ души; послѣ чего всѣ присутствовавшіе принимали послѣднее благословеніе и прощеніе отходящаго старца, который до послѣдней минуты всѣхъ утѣшалъ: кого кроткимъ словомъ, кого пожатіемъ руки, кого привѣтливымъ взоромъ, и каждому давалъ понять, что узнаетъ его.

Наступило 7-е августа—суббота, послѣдній день жизни многострадальнаго о. игумена Антонія, который болѣе и болѣе сосредоточивался въ ожиданіи послѣдней минуты. Наступилъ вечеръ, началось уже воскресное бдѣніе; вдругъ умирающій потребовалъ, чтобы къ нему пригласили настоятеля, и когда тотъ пришелъ, то объявивъ, что умираетъ, просилъ его благословенія: какъ истый послушникъ, онъ и въ послѣдній путь не хотѣлъ отправиться безъ благословенія настоятельскаго. Исполняя безпрекословно волю умирающаго старца, и чтобы успокоить его, о. игуменъ Исаакій благословилъ его и простился съ нимъ уже навѣки. Чрезъ нѣсколько часовъ старецъ тихо и мирно дважды вздохнулъ, и съ третьимъ едва замѣтнымъ воздыханіемъ мирно предалъ чистую свою душу въ руки Божіи.

Священникъ Евѳимій.

(Память 8 августа).

Священникъ с. Черторигъ (Глуховск. у.), о. Евѳимій Лучницкій былъ строителемъ каменнаго храма въ своемъ приходѣ и много жертвовалъ изъ своей собственности на построеніе храма. Былъ неутомимо ревностенъ къ Богослуженію: не менѣе трехъ разъ въ недѣлю совершалъ онъ литургію. Вмѣстѣ съ тѣмъ щедро раздавалъ милостыню. Онъ молилъ Бога, чтобы удостоилъ пострадать въ земной жизни, и молитва его была услышана. За нѣсколько лѣтъ до смерти почувствовалъ онъ въ ногахъ слабость; скоро слабость достигла

Оптинскіе старцы схимигуменъ Антоній, схиархимандритъ Моисей, іеросхимонахъ Макарій

Схимонахъ о. Амфилохій Реконскій

до того, что онъ слегъ въ постель и не могъ вставать; далѣе—открылись на тѣлѣ раны и въ нихъ закишѣли черви. Боль была мучительная, но о. Евѳимій терпѣлъ и благодарилъ Господа. Онъ скончался на 42 году священствованія и на 72 году отъ рожденія *).

Схимонахъ о. Амфилохій Реконскій.

(Память 9 августа).

Андрей Ивановичъ Шапошниковъ, финнъ по происхожденію, родился въ Лифляндіи въ г. Ригѣ. Отецъ его, принадлежа, какъ и все ихъ семейство, къ лютеранскому вѣроисповѣданію, служилъ пасторомъ при лютеранской киркѣ и усердно готовилъ и сына своего къ той же службѣ. Но молодой человѣкъ, достигнувъ совершеннолѣтія, не захотѣлъ идти по этой дорогѣ. Его любознательный и пытливый умъ сталъ чаще и чаще углубляться въ вопросы, касающіеся его вѣры. На многіе изъ этихъ вопросовъ онъ не находилъ отвѣта. Въ душѣ его явился какой-то разладъ, какое-то недовольство всѣмъ,—и въ особенности самимъ собою, и онъ съ лихорадочною горячностію сталъ искать исхода изъ своего мучительнаго состоянія. И вотъ этотъ то исходъ, вслѣдствіе неисповѣдимыхъ путей Господнихъ, былъ наконецъ найденъ. Познакомившись, а впослѣдствіи и сблизившись съ нѣкоторыми православными священниками, иноками и отшельниками, молодой человѣкъ скоро убѣдился въ истинѣ и святости нашего вѣроученія, скоро проникся глубокимъ благоговѣніемъ къ нашимъ святымъ иконамъ, мощамъ и таинствамъ. Долгія бесѣды съ законоучителями породили въ немъ страстное желаніе присоединиться къ православію и, достаточно подготовивъ себя къ этому великому таинству постомъ и молитвою,

*) Изъ Истор. Статист. опис. Черниг. епар.

а также основательнымъ изученіемъ нашихъ догматовъ, онъ былъ муропомазанъ и нареченъ Андреемъ; отчество же его Ивановичъ и фамилія Шапошниковъ заимствованы имъ отъ воспріемника, бывшаго во время присоединенія его къ православію. Оставленныя имъ прежнія лютеранское имя и фамилія остались неизвѣстны. Съ этой минуты миръ и тишина сошли въ его взволнованную душу, и благодать Божія осѣнила его безпокойное до этого времени, мятущееся сердце. Жизнь его потекла тихо и однообразно, вначалѣ подъ родительскимъ кровомъ, а потомъ на разныхъ поприщахъ житейской дѣятельности, какъ-то: военной, торговой, земледѣльческой. Часто случалось ему быть въ деревняхъ у крестьянъ работникомъ, а также странствовалъ по монастырямъ и пустынямъ.

Во время одного странствованія онъ на озерѣ Ильменѣ отморозилъ себѣ ногу, которая до самой его смерти причиняла ему жестокія страданія. Однажды Андрей Ивановичъ пришелъ въ г. Тихвинъ съ цѣлію помолиться Господу Богу и чудотворной иконѣ Тихвинской Божіей Матери. Здѣсь, по особому устроенію Божію, встрѣтился онъ съ блаженнымъ Борисомъ, котораго всѣ глубоко уважали за его набожность, безкорыстіе и незлобивость; а когда онъ умеръ, то тѣло его, какъ угодившаго Господу праведника, было предано землѣ въ стѣнахъ Большого Тихвинскаго монастыря. Этотъ то Борисъ и уговорилъ Андрея поселиться на Рекони.

Найдя себѣ спутника въ одномъ изъ крестьянъ сосѣдней деревни, Андрей скоро пустился въ дорогу и благополучно достигъ мѣста своего назначенія. Тутъ, подъ сѣнію вѣковыхъ деревьевъ, въ глуши дремучаго лѣса, онъ увидѣлъ маленькій деревянный храмъ Живоначальной Троицы, одинъ только сохранившійся отъ прежняго древняго монастыря. При храмѣ въ видѣ сторожа жилъ пономарь Михаилъ Захаровъ со своей семьей. Постояннаго священника при храмѣ не было. Служба совершалась или монахами, пріѣзжавшими

въ большіе праздники изъ Тихвина, или священниками близъ лежащихъ погостовъ, къ которымъ храмъ этотъ былъ часто приписываемъ.

Андрей выпросилъ у пономаря позволеніе жить въ его домѣ, при церкви, но, боясь быть ему въ тягость, особенно при его многочисленномъ семействѣ, сталъ помогать своему хозяину въ его домашнихъ работахъ, питаясь самъ подаяніемъ сосѣднихъ крестьянъ; а ночи проводилъ обыкновенно подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь въ полѣ или въ лѣсу, постоянно стоя на молитвѣ.

Въ Реконскую пустынь Андрей пришелъ въ 1813 году уже семидесятилѣтнимъ старцемъ, но еще бодрымъ и крѣпкимъ. Пришелъ онъ въ одной рубашкѣ со старческимъ посохомъ въ рукѣ, съ небольшой котомкой за плечами, въ которой заключалось все его имущество. Письменнаго какого-нибудь вида или удостовѣренія о своей личности онъ при себѣ не имѣлъ и никому не хотѣлъ объяснить, откуда пришелъ и кто онъ такой, опасаясь, чтобы его не отослали къ роднымъ, которые, какъ ревностные лютеране, сильно тѣснили его за принятіе имъ православія.

Скоро его хозяинъ—пономарь, а съ нимъ и все его семейство, стали притѣснять Андрея и упрекать его въ бѣдности, старости и убожествѣ; затѣмъ они начали дѣлать ему непріятности, выгнали его изъ дома и не позволили даже остаться вблизи церкви и жить въ шалашикѣ. Безропотно и смиренно Андрей взялъ свой посохъ и сумку и отправился въ путь, не зная, въ которую сторону направить свои шаги и гдѣ преклонить свою сѣдую голову. Но заозерскіе крестьяне, не желая разстаться съ такимъ благочестивымъ старцемъ, остановили его на дорогѣ и предложили ему поселиться въ лѣсу, поодаль отъ церкви, на сопкѣ, называемой Крестовой.

Андрей охотно принялъ такое радушное приглашеніе крестьянъ, осмотрѣлъ съ ними мѣсто, которое ему понравилось

и, водрузивъ на немъ деревянный крестъ, остался тутъ жить; а крестьяне помогали ему устроить для жилья землянку, а для моленья часовню, въ которой и помѣщена была сопутствовавшая его и охранявшая его икона Знаменія Божіей Матери.

Съ уходомъ благочестиваго Андрея изъ дома Реконскаго пономаря, Божіе благословеніе, казалось, отошло отъ этого человѣка: онъ скоро скончался, семейство же его разошлось въ разныя стороны, и Троицкій храмъ, привлекавшій всѣ чувства и мысли отшельника, сдѣлался наконецъ для него доступнымъ. Пользуясь добротою и расположеніемъ къ нему приставленныхъ къ храму сторожей, онъ часто посѣщалъ его и попрежнему усердно въ немъ молился. За такую праведную жизнь Новгородскій епископъ Амвросій, по ходатайству священника и мѣстныхъ жителей, дозволилъ Андрею въ 1816 году жить при храмѣ Св. Троицы, а затѣмъ поручилъ ему при этомъ храмѣ должность пономаря.

Изъ Рекони Андрей ходилъ нерѣдко въ Тихвинъ на поклоненіе чудотворной иконѣ Царицы Небесной. Во время этихъ поѣздокъ онъ сошелся съ нѣкоторыми старцами Большого Тихвинскаго монастыря. Одинъ изъ нихъ, іеромонахъ Мартиніанъ, сдѣлавшись его искреннимъ другомъ, посовѣтовалъ ему принять монашество. При его содѣйствіи, Андрей былъ постриженъ 26 августа 1822 года. Имя Андрея было ему перемѣнено на Адріана. Затѣмъ, черезъ десять лѣтъ, въ 1832 году инокъ Адріанъ облеченъ былъ въ схиму съ переименованіемъ въ Амфилохія. Какъ монашество, такъ и схима долго оставались никому не извѣстными, кромѣ самыхъ близкихъ для него лицъ. Дома и выходя куда-нибудь онъ попрежнему надѣвалъ свое мірское рубище и являлся въ монашескомъ одѣяніи только вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ уважительныхъ причинъ. Пятьдесятъ лѣтъ прожилъ Андрей въ Реконской пустыни, и все это долгое время провелъ онъ въ бичеваніи своей плоти, въ иноческихъ, тяжелыхъ трудахъ, въ непрерывномъ постѣ и молитвѣ и въ вѣчной борьбѣ съ врагами, искавшими его погибели. Въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ (онъ умеръ 125 лѣтъ) онъ часто бродилъ по топкимъ болотамъ съ больною ногою, покрытою страшными ранами и, чтобы сдѣлать путь свой болѣе утомительнымъ, обременялъ себя разными тяжестями: на голову надѣвалъ тяжелый желѣзный обручъ въ воспоминаніе терноваго вѣнца Спасителя. На шеѣ онъ носилъ большой камень въ наказаніе за свои грѣхи, а на плечахъ—вериги и опоясывался ими въ память узъ Христовыхъ, а на обнаженное тѣло надѣвалъ проволочную рубашку, которая раздирала ему кожу. Цѣлые дни и ночи онъ проводилъ въ непрерывной молитвѣ, почти никогда не предаваясь сну и не зная никакого отдыха и покоя. Питался онъ крайне скудно и долгое время могъ быть совершенно безъ пищи. Часто видѣли, что онъ ѣлъ гнилыя корки хлѣба или овсянное толокно, смѣшанное съ пескомъ или золою. Древесная кора, мохъ, разныя травы и коренья по временамъ также служили ему пищею. Во время молитвы, стоя по нѣскольку часовъ на молитвѣ на колѣняхъ, онъ подкладывалъ себѣ подъ колѣни крупный песокъ, что вызывало острую боль во всѣхъ его членахъ. Не разъ воры нападали на его убогое жилище и похищали у него небольшія суммы денегъ, пожертвованныя благодѣтелями на какое-либо богоугодное дѣло. Одинъ разъ злодѣй даже сжегъ его мазанку со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, и только святая икона Знаменія Божіей Матери дивнымъ образомъ сохранилась въ огнѣ невредимой. Отецъ Амфилохій также страшно страдалъ отъ нападенія хищныхъ звѣрей, отъ ужаленія змѣй и разныхъ гадовъ и отъ укушенія безчисленнаго множества мошекъ и насѣкомыхъ, которыя мріадами кишѣли въ окружающемъ его болотѣ. Но старецъ, въ какихъ бы ни былъ искушеніяхъ и соблазнахъ, всегда обращался съ пламенной молитвой къ Подателю всякой силы и крѣпости, и Господь не оставлялъ его безъ Своей помощи.

Заботясь постоянно и ревнуя о благолѣпіи храма Св. Троицы, отецъ Амфилохій сильно захотѣлъ возстановить обитель въ прежнемъ видѣ, какъ самостоятельный монастырь, и, подкрѣпляемый дивнымъ видѣніемъ, котораго онъ удостоился, горячо принялся за исполненіе своей завѣтной мечты. Видѣніе, по его словамъ, было слѣдующее: предъ нимъ предсталъ преподобный Александръ Свирскій и приказалъ ему ходатайствовать о возстановленіи обители и о возвращеніи ей отчужденной отъ нея въ постороннія руки земли. Старецъ Андрей тотчасъ же рѣшился всѣми силами хлопотать объ этомъ.

Тихвинскій уѣздный судъ въ 1822 году рѣшилъ отвести пустыни такое количество земли, какое опредѣлено закономъ сельскимъ приходскимъ церквамъ, а остальное ея количество велѣлъ обратить въ казенное вѣдомство. Андрей вошелъ со всеподданнѣйшею жалобой на судъ къ императору Александру Павловичу. Хотя ему было отказано, и онъ даже просидѣлъ по этому дѣлу шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, но рвеніе его не охладѣло, и онъ всѣ слѣдующіе пятнадцать лѣтъ неутомимо добивался признанія церковныхъ правъ. Въ 1837 году онъ въ другой разъ подалъ жалобу императору Николаю Павловичу, за что подвергся вторичному заключенію и еще болѣе тяжелымъ непріятностямъ. Но оберъ-прокуроръ св. Синода Протасовъ, узнавъ о благочестивой жизни старца, принялъ въ немъ живѣйшее участіе. Вслѣдствіе этого старцу дарована была свобода и дозволено безпрепятственно жить въ Реконской пустыни. Долго еще послѣ того отецъ Амфилохій судился о монастырскихъ земляхъ и переносилъ свое дѣло въ высшія инстанціи. Наконецъ, за разногласіе въ Правительствующемъ Сенатѣ, оно поступило въ общее собраніе, а затѣмъ въ Государственный Совѣтъ, и въ 1860 году высочайшимъ повелѣніемъ монастырю была возвращена наличными деньгами не только стоимость отчужденныхъ земель, но даже вышло повелѣніе о возведеніи самой пустыни въ самостоятельную обитель съ наименованіемъ ея заштатнымъ общежительнымъ монастыремъ.

Велика была радость благочестиваго Адріана, когда Господь благословилъ его, даровавъ полный успѣхъ его многолѣтнимъ трудамъ и неустаннымъ заботамъ. Іеромонахъ Даніилъ, занѣдывавшій въ Петербургѣ Валаамскою часовней, былъ назначенъ строителемъ новаго храма, и митрополитъ Григорій благословилъ его образомъ Св. Живоначальныя Троицы.

Даніилъ, прибывъ въ пустынь съ тремя Валаамскими иноками, привезъ съ собою икону преподобныхъ Сергія и Германа, благословеніе Валаамскаго настоятеля игумена Дамаскина. Изъ Тихвина также прислана была икона Тихвинской Божіей Матери.

Итакъ, Свято-Троицкая Реконская пустынь возстановлена и разукрашена по именному высочайшему повелѣнію единственно по ходатайству смиреннаго инока отца Амфилохія.

Скоро въ новую обитель стали стекаться массы народа, желавшіе увидѣть святого старца и получить отъ него благословеніе. Для свышестолѣтняго старца эти посѣщенія были крайне утомительны. И хотя онъ рѣдко отпускалъ кого нибудь безъ наставленія и духовной бесѣды, но силы его стали замѣтно ему измѣнять, и онъ вынужденъ былъ удалиться за три версты отъ монастыря въ пустыню, гдѣ ему была построена землянка, въ которой онъ могъ снова предаться уединенію и молитвѣ.

Незадолго до своей праведной кончины, послѣдовавшей въ 1865 году, онъ отошелъ еще на двѣнадцать верстъ отъ монастыря въ болото и поселился тамъ въ двухъ маленькихъ келейкахъ съ приставленными къ нему служками. Здѣсь, готовясь предстать предъ Праведнымъ Судіею, онъ погрузился весь въ молитву и со слезами на глазахъ денно и нощно призывалъ всесвятое имя Сына Божія и Его Пречистой Матери. Въ продолженіе сорока дней онъ еженедѣльно исповѣдывался и пріобщался св. Таинъ, не вкушая болѣе земной

пищи, кромѣ нѣсколькихъ капель воды, освѣжавшихъ его. Наконецъ, 9 августа 1865 года онъ мирно и безболѣзненно уснулъ вѣчнымъ сномъ.

Гробъ съ останками почившаго старца былъ съ большою торжественностію перенесенъ въ скитъ съ болота. Настоятель со всѣми іеромонахами соборомъ послѣ божественной литургіи совершилъ надъ старцемъ обрядъ погребенія. Съ крестнымъ ходомъ, съ хоругвями и крестомъ, гробъ при колокольномъ звонѣ былъ отнесенъ въ могилу, приготовленную рядомъ съ алтаремъ древней церкви Св. Троицы, гдѣ онъ всю жизнь такъ пламенно молился. Здѣсь старецъ былъ преданъ землѣ, и въ продолженіе 40 дней отправлялось по немъ церковное поминовеніе. И нынѣ за литургіей всегда поминается имя о. Амфилохія, какъ незабвеннаго возстановителя обители. Въ день же его Ангела 23 ноября совершается заупокойная служба. Надъ его могилой вскорѣ послѣ его смерти была устроена просторная часовня, въ которой посѣтители служатъ по немъ панихиды *).

Священникъ Лука.

(Память 9 августа).

Священникъ с. Рожновки (Борзенскаго уѣзда) о. Лука Некрашевичъ священствовалъ болѣе 40 лѣтъ. Главными чертами его служенія были—рѣдкая нестяжательность, которой онъ никогда не измѣнялъ, кроткая любовь ко всѣмъ, глубокая преданность волѣ Божіей, по которой онъ былъ покоенъ душею и тогда, какъ болѣе пяти лѣтъ страдалъ болью въ головѣ. Слухъ и зрѣніе ослабли у него оттого, что для напутствія больныхъ св. Дарами ходилъ онъ всегда съ открытой головой, благоговѣя предъ Страшными Тайнами. Такое

*) Свято-Троицкая Реконская пустынь.

благоговѣніе его отпечатлѣвалось и на всемъ служеніи его Богу. Прямодушіе его навлекало, однако, на него непріязнь нѣкоторыхъ, но строгая жизнь, заботливость о пользѣ прихожанъ, святое исполненіе пастырскаго долга внушали уваженіе къ нему между духовными и свѣтскими *).

Раба Божія Марія.

(Память 9 августа).

Марія была крестницею одной богатой знатной госпожи, взявшей ее съ малыхъ лѣтъ изъ подъ родного крова въ барскій свой домъ, для воспитанія наравнѣ съ своими дочерьми. И ничѣмъ не отличала она крестницы своей, бѣдной дѣвочки, отъ родныхъ своихъ дѣтей. Въ шутку же тѣ называли Марію «монахинею-постницею». И точно,—ничто мірское не занимало Марію, всѣ помыслы свѣтскіе чужды были ея дѣвственному сердцу, въ которомъ царствовала лишь одна любовь ко Господу, лишь одно желаніе служить и благоугождать Ему до конца жизни. Старшая дочь ея благодѣтельницы, вышедши замужъ, поселилась въ Кіевѣ; тамъ посѣщала ее нерѣдко мать со всѣмъ своимъ семействомъ и съ Маріею. Однажды, выслушавъ литургію въ одной изъ пещерныхъ церквей Печерской лавры, пожелала воспитательница ея принять съ дѣтьми своими благословеніе славившагося въ то время святою подвижническою жизнію старца, духовника тогдашняго митрополита Кіевскаго Филарета, іеросхимонаха Парѳенія. Благословляя ее и ея семейство, блаженный старецъ особое вниманіе обратилъ на Марію. «Нашего рода, нашего, матушка, она рода», сказалъ онъ крестной ея матери, и покровительственно прикрылъ ея голову концомъ своей схимы. «Не принуждайте ее, матушка,

*) Изъ Ист.-Статист. опис. Черниг. еп.

замужъ идти, повторилъ онъ потомъ,—впрочемъ, да будетъ и въ этомъ воля Божія. Помни Бога, дочь моя, помни и люби Его всегда, во всякомъ званіи, во всякомъ своемъ положеніи; съ терпѣніемъ покоряйся св. Его волѣ, хотя бы повидимому и противна была она желаніямъ твоего сердца. Терпѣніемъ скорбей и болѣзней среди самаго міра спасетъ тебя милостью Своею Господь».—«Я не хочу быть въ міру, мой отецъ», осмѣлилась замѣтить на это Марія. «На то будетъ воля Божія,—отвѣчалъ ей старецъ,—береги только одно, чтобы сердце то твое было немірское, чтобы не любило оно суеты». Памятны остались на всю жизнь юной Маріи эти слова; они внушили ей сильную привязанность и благоговѣніе къ сказавшему ихъ старцу, и память о нихъ, какъ увидимъ, много способствовала ей въ безропотномъ несеніи земнаго своего креста. Воротившись изъ Кіева въ свое помѣстье, благодѣтельница Маріи вскорѣ позабыла просьбу печерскаго іеросхимника не принуждать крестницу свою къ замужеству. Какъ нарочно приглянулась она въ это время одному изъ молодыхъ сосѣдей ея по имѣнію, человѣку, родители котораго были люди богатые, и въ виду котораго было очень завидное наслѣдство. Прельстившись блескомъ состоянія, воспитательница Маріи начала поощрять исканія молодого человѣка; даже, для содѣйствія себѣ въ успѣхѣ этого дѣла, выписала и родителей Марій, и общими съ ними увѣщаніями, просьбами и угрозами, принудила не желавшую брака, не хотѣвшую даже слышать о бракѣ дѣвушку, дать ему слово. Съ горькими слезами исполнила это Марія, съ не менѣе горькими слезами шла она подъ вѣнецъ, видя во всемъ съ нею такъ неожиданно совершающемся руку Промысла Божія, и вспоминая при этомъ не разъ слова прозорливаго старца Парѳенія. Всѣ приготовленія къ замужеству, богатое приданое, и наряды дѣлаемые ей щедрою благодѣтельницею,—все это было чуждо ея сердцу; самый будущій спутникъ ея жизни мало обращалъ на себя ея вниманіе, послѣ всякаго своего съ

нимъ свиданія, спѣшила она въ свою комнату, гдѣ на колѣняхъ, въ слезной молитвѣ, просила себѣ помощи свыше, въ трудномъ для ея внутренняго расположенія наступающемъ образѣ жизни. Мужъ ея былъ человѣкъ въ сущности добрый, но простой и грубый. Ожидая богатаго послѣ родителей своихъ наслѣдства, онъ всячески старался имъ угождать. По несчастію для Маріи, родители его, люди богатые, но скупые и тщеславные, не совсѣмъ были довольны женитьбою сына на дѣвушкѣ бѣдной и притомъ незнатнаго происхожденія. Вскорѣ окончательно не взлюбили они молодую свою невѣстку; въ особенности мать, женщина властолюбивая и жестокая, сильно возненавидѣла добродѣтельную Марію. «Монашенка ты, нѣженка,—твердила она ей безпрестанно,—только и знаешь что Богу молиться», и всячески издѣвалась надъ ея благочестіемъ. Сперва мужъ защищалъ отчасти Марію отъ ея нападокъ, но потомъ, боясь и въ свою очередь попасть въ немилость къ родительницѣ, вмѣстѣ съ нею началъ надъ нею смѣяться и оскорблять ее. Бѣдная женщина все переносила съ терпѣніемъ, старалась даже въ собственныхъ глазахъ оправдывать мужа и свекровь, такъ что даже послѣдняя должна сознаться, что всѣ самыя злѣйшія ея оскорбленія, кромѣ кроткой покорности, ничего въ ней не производили. Въ свободные часы, служило ей утѣшеніемъ вышиваніе воздуховъ и другихъ церковныхъ вещей, и это ей запретили подъ предлогомъ большихъ затратъ на матеріалы; но втайнѣ продолжала она и это благочестивое свое занятіе, и даже собственноручно вышила схиму для іеросхимонаха Парѳенія, которую и передала она ему чрезъ свою крестную мать, посѣтившую опять Кіевъ. «Отдашь ты Богу отвѣтъ, раба Божія, что оторвала отъ плодоноснаго стебелька Божій цвѣточекъ», такими словами встрѣтилъ ее подвижникъ, въ сильныхъ выраженіяхъ выговаривая ей неразумное ея попеченіе объ участи крестницы». Маріи же велѣлъ передать отъ его имени совѣтъ: терпѣть все скорбное безъ ропота, съ

благодарностью къ Богу. И точно, много скорбей приходилось кроткой и молчаливой Маріи переносить отъ немилосердной своей свекрови: однажды въ зимнее время, по ея приказанію, по цѣлымъ иногда суткамъ не топили занимаемый ею покой, и только сильная болѣзнь молодой женщины, грозившая опасностью самой ея жизни, положила конецъ этому тяжелому испытанію ея терпѣнія. Болѣзнь эта разстроила окончательно и безъ того слабое здоровье Маріи: съ тѣхъ поръ никогда не была она совершенно здорова. Въ то же время еще одинъ случай, образумилъ отчасти ея свекровь, показавъ ей все благочестіе безотвѣтной ея невѣстки. Привидѣлся свекрови во снѣ образъ Успенія Божіей Матери, при чемъ, какой то незнакомый ей инокъ сказалъ ей, что лишь вполнѣ достойная и богоугодная душа можетъ его обрѣсти. Не обративъ сперва вниманія на это сновидѣніе, вскорѣ она его позабыла. Но вотъ немного времени спустя, Марія посланная ею въ огородъ присматривать за работами, находитъ тамъ среди грядъ круглый кусокъ желѣза, на которомъ написанъ былъ образъ Успенія Божіей Матери. Обрадованная дорогою находкой, благочестивая женщина спѣшитъ подѣлиться радостью своею со своими домашними. Свекровь узнала въ найденной ею иконѣ видѣнную ею во снѣ, вспомнила и сказанныя ей при этомъ слова, и съ тѣхъ поръ стала гораздо ласковѣе и милостивѣе обращаться съ своею невѣсткой. Вскорости даже согласилась она отправиться вмѣстѣ съ нею въ Кіевъ, куда жаждала душа Маріи. Прибывъ наконецъ въ святой городъ, неоднократно бывала она у старца Парѳенія, увѣщанія котораго возымѣли сильное вліяніе на своенравную женщину, ибо признала она въ старцѣ видѣннаго ею во снѣ инока. На прощаніе предсказывалъ подвижникъ неожиданное улучшеніе семейной жизни Маріи и прибавилъ: скоро настанетъ для тебя, дочь моя, еще лучшая жизнь. «Молитесь за меня, отецъ мой,—просила его Марія,—и обѣщайте мнѣ принять меня въ число

вашихъ ученицъ».—«Ты будешь тамъ моею предтечею», отвѣтилъ ей на это Парѳеній, и послѣдствія показали, какъ вѣрно сбылись его слова. Воротившись изъ Кіева домой, Марія узнала, что мужъ ея совершенно неожиданно выбранъ на очень хорошую должность, и что ей предстоитъ вскорѣ жить вмѣстѣ съ нимъ, отдѣльно отъ его родителей. Обрадованная поспѣшила она къ нему переѣхать, и уже на свободѣ, безъ всякихъ препятствій, предалась обычнымъ своимъ благочестивымъ занятіямъ. Не имѣя дѣтей, слабая здоровьемъ, она большую часть своего времени проводила въ молитвѣ. Молитва была насущною потребностью; любимое ея чтеніе, послѣ святаго Евангелія, составляли письма затворника Задонскаго Георгія. Время это было ей дано какъ бы для отдыха, для приготовленія къ переходу въ вѣчность, ибо уже недалеко было отъ нея это время. Собравшись однажды въ новую поѣздку въ Кіевъ, заѣхала она по пути къ своимъ родителямъ и въ ихъ домѣ, и безъ того очень слабая въ силахъ тѣлесныхъ, слегла уже окончательно: видно было по всему, что жизненный ея свѣтильникъ догоралъ. Истинная христіанка въ продолженіе всей своей недолгой жизни, явила она въ это время особенное умилительно-благочестивое настроеніе своей души. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ готовилась она къ переходу въ вѣчность, жаждала этого перехода, какъ бы награды за свое прошедшее. Напутствованная нѣсколько разъ святыми таинствами, она пожелала, чтобы самые посмертные ея останки были украшены святынею, чтобы поясъ ея платья составляла лента отъ мощей св. великомученицы Варвары, а на голову возложено было покрывало, которымъ, по ея просьбѣ, былъ отертъ чудотворный образъ Успенія Божіей Матери въ лаврѣ Печерской. Самый елей, употребляемый при погребеніи послѣ чтенія разрѣшительной молитвы, былъ ею заблаговременно собранъ отъ лампадъ св. мощей Божіихъ угодниковъ. Безбоязненно готовилась она предстать предъ лице праведнаго

Судіи и Мздовоздаятеля Господа. Просила она также положить вмѣстѣ съ нею во гробъ малое ея келейное Евангеліе. «На что это, другъ мой», рѣшился замѣтить ей на это простодушный ея супругъ. «Чтобы не скучно мнѣ было пребывать въ одинокомъ моемъ домѣ,—съ улыбкою отвѣтила ему Марія,—съ Господомъ и святымъ Его словомъ, отрадна мнѣ будетъ и самая темная могила». Но вотъ наступила и радостная для нея, давно ожидаемая ею минута, минута ея кончины. Старикъ отецъ, мужъ и сестра окружали смертное ея ложе; тихо и покойно было лицо умирающей, радостная улыбка озаряла страдальческія ея прекрасныя черты. По ея просьбѣ, сестра начала ей вслухъ читать акаѳистъ сладчайшему Господу Іисусу Христу. Прочитавъ его почти до конца, замѣтила она небольшія предсмертныя судороги въ ея тѣлѣ. Но лицо умирающей было такъ же покойно и свѣтло, какъ и прежде. «Іисусе Сыне Божій, помилуй мя», проговорила она въ послѣдній разъ тихимъ голосомъ, и съ именемъ Господа на устахъ мирно перешла въ вѣчность. «Раба Божія Марія скончалась», сказала однажды старцу Парѳенію дочь крестной ея матери, жившая въ Кіевѣ.—«Да, да, я это знаю,—отвѣчалъ ей на это подвижникъ; великъ былъ ея подвигъ земной. Она вмалѣ совершила лѣта многа, превзошла добродѣтелью многихъ, и теперь ждетъ и меня къ себѣ, ибо я назвалъ ее своею предтечею въ тотъ міръ». Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого времени, скончался и самъ приснопамятный старецъ-подвижникъ *).

Схимонахи Иларій и Матѳей—Соловецкіе.

(Память 9 августа).

«Не можемъ не указать и на эти двѣ свѣтлыя звѣзды иноческаго подвижничества», писалъ Соловецкій инокъ о. Нико-

*) „Душеполезное Чтеніе“ 1868 г.

лай. Первый изъ этихъ подвижниковъ происходилъ изъ духовнаго званія, и послѣ многихъ послушаній провелъ не малое время въ пустынѣ; но потомъ счелъ для себя полезнымъ жить безмолвно въ монастырѣ. Онъ имѣлъ правиломъ не вкушать пищи въ продолженіе трехъ дней недѣли; хранилъ совершеннѣйшее безмолвіе, скрывая свои подвиги отъ всѣхъ и зная одну церковь, которая была отъ его келліи въ трехъ шагахъ. Второй, по постриженіи въ схиму, жилъ много лѣтъ въ Голгоѳо-Распятскомъ скиту, неусыпно упражняясь въ молитвѣ и трудѣ, имѣлъ даръ слезъ, и въ ночное время его рыданіе слышалось въ сосѣднихъ келліяхъ; церковнаго богослуженія никогда не оставлялъ, и при сильныхъ вѣтрахъ, иногда по глубокому снѣгу ползкомъ пробирался къ храму. Умирая въ монастырской больницѣ, онъ увидѣлъ при одрѣ своемъ Ангеловъ. «Вотъ стоятъ два Ангела», сказалъ онъ бывшему тутъ духовнику, и на вопросъ «что они дѣлаютъ?» отвѣчалъ: «о чемъ то разговариваютъ между собою». Оба подвижника скончались въ глубокой старости *).

Матѳей и Харитонъ, схимонахи Троице-Сергіевой лавры и іеромонахъ Тихонъ.

(Память 9 августа).

Схимонахи о.о. Харитонъ и Матѳей подвизались въ Геѳсиманскомъ скиту. Различная была ихъ прежняя жизнь, различенъ былъ и подвигъ спасенія. О. Харитонъ пришелъ къ монашеству отъ жизни довольной, обычно-мірской, исполненной многихъ соблазновъ, а жизнь о. Матѳея была проста, какъ и самъ онъ былъ простъ душой и незлобивъ сердцемъ. Посему, что давалась о. Харитону съ большимъ трудомъ, то безъ всякихъ усилій принималъ о. Матѳей. Много скор-

*) „Соловецкій Патерикъ“.

бей потерпѣлъ о. Харитонъ отъ нападеній вражіихъ. Непрестанны были его боренія съ самодовольствомъ, тщеславіемъ и унынiемъ. Но духи лукавства не переставали озлоблять его, то они выкрадывали память молитвенную, въ чтеніи закрывали слова, въ стояніи разслабляли силы, то устрашали и смущали пустыми привидѣніями. «Въ этомъ подвигѣ, писалъ намѣстникъ Сергіевой лавры о. Антоній къ м. Филарету, нужно терпѣніе, смиреніе и благодушная вѣра въ Господа спасающаго. Но работа эта тяжела: не скоро выкинется нравственная пыль, а покуда по грязи этой близко и свободно подходятъ демоны. Да, видно, задолго до уединенія, уединенію надо учиться». Такъ шелъ подвигъ о. Харитона. Отецъ же Матѳей безъ особенной борьбы восходилъ отъ силы въ силу, отъ мѣры въ мѣру чистоты и святости. Вотъ какъ описываетъ бесѣду съ этимъ подвижникомъ о. намѣстникъ Лавры архим. Антоній въ письмѣ къ м. Филарету: «въ воскресенье, вечеромъ, бывши въ скиту, я взялъ съ собой о. Иларіона, и въ 7 часовъ пошли къ о. Матѳею. Тихонько подошли мы къ его келліи и услышали, что онъ поетъ. Постучали, сотворили молитву; по обычаю сотворилъ и онъ и, узнавъ насъ, принялъ съ радостію. Мы сказали, что слышали, что онъ пѣлъ, и онъ простодушно отвѣтилъ: такъ что-то весело на сердцѣ стало, я и попѣлъ. Я попросилъ повторить то, что онъ пѣлъ. Послѣ нѣкотораго отказа, онъ согласился, сѣлъ и сталъ пѣть. И видимо душа его восходила къ поемому имъ. Сначала онъ сталъ прославлять Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, и заключилъ прошеніемъ прощенія всѣхъ грѣховъ и освященія благодатію. Потомъ обращался къ Божіей Матери, къ Предтечѣ и и все съ особыми прошеніями о предстательствѣ за всѣхъ вѣрующихъ. Далѣе—къ небеснымъ Силамъ, праотцамъ, патріархамъ, пророкамъ, апостоламъ, святителямъ, учителямъ церковнымъ, мученикамъ, исповѣдникамъ, преподобнымъ и праведникамъ. Въ каждомъ ликѣ поименно именовалъ свя-

тыхъ многихъ, и заключалъ къ каждому лику прошеніемъ о предстательствѣ предъ Господомъ о грѣхахъ нашихъ. Послѣ всего пѣлъ кондакъ великаго канона «душе моя, душе моя»... и потомъ стихиры Кресту, которыя поются въ скиту послѣ правила. И нельзя было не примѣтить благодатной радости въ душѣ его, проявляющейся на лицѣ.

Просилъ я его говорить съ нами откровенно: какъ онъ проводитъ время, нѣтъ ли какихъ нападеній вражіихъ?»—«Время, говоритъ, при помощи Божіей, безъ молитвы, кажется, не проходитъ, кромѣ сна и малаго развѣ другого времени. Да у меня и умъ и помыслы и не знаютъ, куда лучше предстать, какъ не предъ Господа и Его святыхъ: тутъ мое счастіе и веселіе. Врагъ разными подходитъ дѣйствіями: и внѣшними, и внутренними; но Господь его для меня не страшнымъ дѣлаетъ. Простите меня, вотъ даже не терпитъ, когда и запою, его и это отгоняетъ отъ меня. А болѣе всего призываю спасительное имя Господа нашего Іисуса Христа и ограждаюсь крестнымъ знаменіемъ. Повѣрите-ли, иногда чувственно ощущаю, такъ какъ я не вижу ничего, какъ онъ, окаянный, отбѣгаетъ, гонимый силою Божіей. А это не только утѣшаетъ меня въ моемъ безмолвіи, но и укрѣпляетъ въ упованіи на Господа. Иногда, простите, ну, точно солдатъ вооруженный, торжествую надъ пораженнымъ бѣсомъ. Всего себя я предалъ Господу и ощущаю и вѣрую, что Онъ, по милости Своей, хранитъ меня бѣднаго, слѣпого и немощнаго грѣшника. Батюшка! душѣ, соединенной вѣрою съ Господомъ, бѣсы не страшны, а только болѣе даютъ заботы и осторожности въ храненіи себя предъ Господомъ».

Относительно пѣнія я спросилъ: училъ-ли кто его или читалъ онъ гдѣ о подобномъ упражненіи?—Нѣтъ, батюшка,—сказалъ онъ, такъ, кажется, сами мысли, какъ будто потерянную дорогу отыскавъ, радовались, воспоминая мнѣ отъ лика ликъ и имена. Вотъ я однихъ преподобныхъ поименно болѣе 500 вспоминаю; иногда я цѣлую ночь со всѣми ими

обращаюсь, размышляя, какъ Силы небесныя и святые славословятъ и служатъ Господу, и какъ Господь радуется и освящаетъ ихъ Своею благодатію, и какъ они просятъ о насъ, милости намъ у Него, и Онъ, любя ихъ, послушаетъ; и насъ милуетъ и тайными и явными судьбами Своими. Иногда поплачу, иногда радуюсь, а глядь—время и прошло, а иногда и много пройдетъ.

О. Иларіонъ спросилъ: «ты любилъ прежде чай кушать, не хочешь ли и нынѣ?»—«Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я ѣмъ сухарики съ водой, и они мнѣ чудно сладки и здоровы, а иногда прошу капустки или щецъ, какъ требуется внутренностію, и я очень всѣмъ доволенъ! Чайку я не сталъ пить не потому, что въ немъ есть грѣхъ, но разъ раздумался я, какъ жили Симеонъ Столпникъ, св. Марія Египетская, Сергій преподобный, и всѣ-то они чайку не пили. Помолясь имъ, и я сталъ отставать, и нынѣ не пью его. А если вы разрѣшите, пожалуй, напьюсь. Я сказалъ, чтобы онъ слѣдовалъ своему внутреннему побужденію, а не нашимъ немощнымъ напоминаніямъ.

Сердечная молитва Іисусова не переставала дѣйствовать въ немъ даже и во снѣ. 28 апрѣля 1852 года скончался о. Матѳей. Послѣ его смерти нашли въ коробочкѣ 3 гроша, которыхъ онъ не успѣлъ истратить. Такъ былъ нестяжателенъ о. Матѳей.

Графъ же М. В. Толстой о нихъ сообщалъ еще слѣдующее.

Матѳей и Харитонъ — схимонахи Троице-Сергіевой лавры. Оба они сдѣлались болѣе извѣстными по смерти. Я засталъ ихъ еще при жизни; первый изъ нихъ, іеромонахъ Михаилъ, бывшій прежде духовникомъ Лаврской братіи, отличался глубокимъ смиреніемъ и строгимъ постничествомъ. Избѣгая почтенія отъ людей, онъ притворялся иногда юродивымъ, за что и былъ смѣненъ изъ духовниковъ. Иногда онъ какъ будто предсказывалъ, и предсказанія его нерѣдко сбывались.

Такъ и мнѣ, еще мальчику, онъ сказалъ однажды, что у меня будетъ жена Елизавета Петровна. Я вообразилъ тогда, что это предсказаніе относится къ одной хорошенькой барышнѣ, которая мнѣ очень нравилась, хотя и была на нѣсколько лѣтъ старше меня; но это предсказаніе сбылось гораздо позднѣе, а именно въ 1850 году, когда я женился на княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Волконской.

Другой подвижникъ Харлампій, простой монахъ изъ полуграмотныхъ до конца жизни находился при часовнѣ, стоящей на мѣстѣ келліи преподобнаго Сергія. Онъ былъ тамъ сначала помощникомъ отца Леонтія, а потомъ заступилъ его мѣсто, когда послѣдній, ослабѣвъ отъ старости и почти лишившись ногъ, перешелъ на жительство въ больницу. Отецъ Харлампій особенно заботился объ украшеніи ввѣренной ему часовни; богатая риза на огромной иконѣ явленія Божіей Матери преподобному Сергію и много другихъ окладовъ остались памятниками усердія отца Харлампія. Когда устроенъ былъ Геѳсиманскій скитъ, Михаилъ и Харлампій поступили туда изъ первыхъ. Тамъ они приняли схиму: Михаилъ — съ именемъ Матѳея, а Харлампій—съ именемъ Харитона. Тамъ же оба кончили жизнь почти въ одно время и погребены у подножія большого креста на скитскомъ холмѣ.

Оба они были старцы благоговѣйные и строгіе постники; но при жизни окружающіе не замѣчали въ нихъ особыхъ даровъ благодатныхъ. Послѣ кончины обоихъ старцевъ случилось слѣдующее событіе: «изъ города Александрова (Владимірской губерніи, въ 45 верстахъ отъ Лавры) пришелъ въ лаврскій скитъ мѣщанинъ и просилъ, чтобы отслужили панихиду по двумъ схимникамъ — Харитонѣ и Матѳеѣ, погребеннымъ въ скиту. На вопросъ—какъ онъ ихъ знаетъ,—онъ отвѣтилъ: «я не зналъ ихъ, но вотъ какое благодѣяніе они оказали въ моемъ семействѣ. — Съ годъ, какъ пожелала дочь моя идти въ монастырь въ Суздаль. Нѣсколько

разъ молила мать игуменью принять, но та не принимала ея безъ взноса. Дочь двѣ недѣли назадъ опять пошла къ одной монахинѣ въ келлію, много плакавши уснула и видитъ во снѣ, что два схимника молятся о ней предъ образомъ Богоматери, именно, просятъ, чтобы Матерь Божія повелѣла игуменіи принять эту дѣвицу на служеніе въ обители. Чрезъ икону Матерь Божія говоритъ, что исполняетъ прошеніе ихъ и уже повелѣла принять эту дѣвицу въ монастырь. Икона скрылась, а схимники обращаются къ дѣвицѣ и говорятъ: «завтра послѣ утрени поди къ игуменіи и будешь принята». Дѣвица во снѣ бросается къ ногамъ старцевъ и говоритъ: «батюшки, да какъ же мнѣ васъ назвать и откуда вы?» Старцы отвѣчаютъ: «мы изъ скита Геѳсиманіи схимонахи Харитонъ и Матѳей». Дѣвица просыпается и бѣжитъ на благовѣстъ къ утрени; послѣ утрени падаетъ опять къ ногамъ игуменьи. Игуменья поднимаетъ ее, говоря: «приходи, приходи, — приму и ничего не надо; видишь за тебя возстаютъ схимонахи Геѳсиманскаго скита». Такъ дѣвица осталась въ монастырѣ, а отцу поручила отправить панихиду въ видѣ благодарности по Харитонѣ и Матѳеѣ». (Монастырскія письма; изд. 2-е стр. 39—41).

Тогда всѣ помнившіе ихъ убѣдились, что блаженно почившіе старцы смиреннымъ послушаніемъ и усерднымъ исполненіемъ своихъ обязанностей угодили Богу *).

У іеросхимонаха Ѳеодота который сначала подвизался въ Оптиной пустыни, затѣмъ перешелъ въ Геѳсиманскій скитъ, и умеръ въ Оптиной же, былъ ученикъ іеромонахъ Тихонъ. Кроткій, сердечный старецъ, онъ ко всѣмъ относился съ сердечною любовію. Весьма многіе пользовались его, исполненными любви, совѣтами. Часто при исповѣди онъ плакалъ надъ грѣхами кающихся и всячески утѣшалъ послѣднихъ. Трогательна была любовь о. Тихона къ своему духовному отцу и руководителю старцу Ѳеодоту. Часто можно было

*) „Душ. Чт.“ 1890 года.

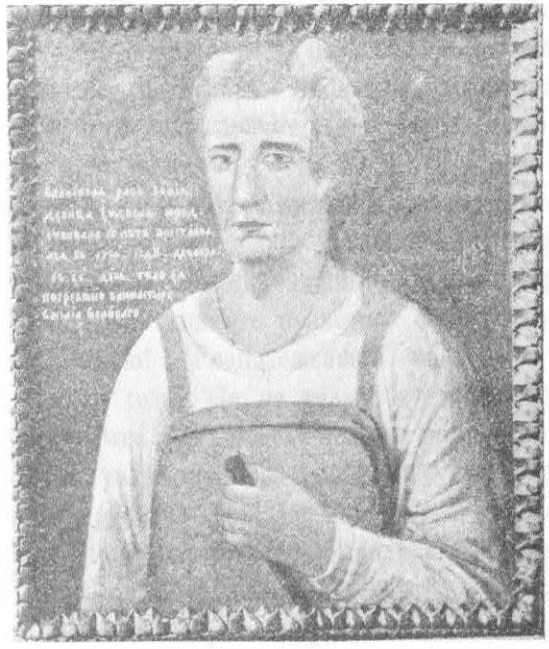
видѣть сѣдого ученика, опирающагося на свой старческій посохъ и идущаго къ такому же старцу и наставнику о. Ѳеодоту. Скончался о. Тихонъ 7 марта, 1873 года.

Блаженная Марѳа.

(Память 10 августа).

Въ Суздальской обители близъ сѣверныхъ дверей соборной церкви находится скромный надгробный памятникъ Марѳы Яковлевны Сониной, скончавшейся 10 августа 1803 года, 80 лѣтъ, послѣ 60-лѣтнихъ подвиговъ въ юродствѣ Христа-ради. Когда она была еще здорова, вездѣ ходила, сама бѣдна была, а бѣдныхъ не забывала, ноченьки цѣлыя за коклюшками просиживала, все кружева плела, хорошія, дорогія. Въ большомъ ходу тогда кружева были, особенно купчихи щеголяли. И теперь еще найдешь у суздальскихъ купчихъ, а больше у Шуйскихъ да у Юрьевскихъ, широкія-прешироκія кружева работы Марѳы Яковлевны; давно внучкамъ да правнучкамъ въ приданое на благословеніе пошли; берегутъ ихъ словно Божіе милосердіе. А сама она, что ни вырабатаетъ, все нищимъ да сиротамъ, а когда и въ храмъ Божій принесетъ, на свѣчи къ преподобной Евфросиніи; а у самой-то и копѣйки запасной никогда не бывало. Послѣ, когда была ужъ безъ ногъ, съ постели не вставала семь лѣтъ. Покойная игуменія матушка Аполлинарія посылала послушницъ поочередно служить Марѳѣ Яковлевнѣ. Въ ранахъ вся лежала. Никогда не пожалуется, не поропщетъ, за все Бога благодарила, и молодыхъ учила уму-разуму: «все терпите, говоритъ, не гнѣвите Бога ропотомъ, отъ трудовъ рукъ своихъ питайтесь и уповайте на Бога. Онъ васъ, милыя мои, не оставитъ за то, что вы, послушанія ради, грѣшную Марѳу не оставляете. Воздастъ вамъ за меня Царь Небе-

сный. Вовсе не была она монастыркой и въ монастырѣ не жила, только случалось, что гащивала она здѣсь иногда у монахинь знакомыхъ; проживала иногда дня по два, только рѣдко, и въ Покровскомъ монастырѣ у игумени. А всегда жила Марѳа Яковлевна у пріятельницы своей, у небогатой мѣщанки вдовы Евдокіи Ивановны Изюмовой; и домикъ Изюмовой былъ рядомъ съ дьяконскимъ домомъ. О прежнемъ житьѣ-бытьѣ М. Я. сама кой-что разсказывала. Была она родомъ изъ здѣшнихъ мѣщанъ; Сонины прозывались. Сироткой по десятому году осталась послѣ родителей; до двадцати лѣтъ съ братьями женатыми въ родительскомъ домѣ прожила, работала на нихъ, пуще всякой работницы безъ отдыха. Были у нея хорошіе женихи, изъ купечества, но не пожелала замужъ выйти. А въ семьѣ-то тяжко и грустно ей было жить: жены братьевъ ея промежъ себя ссорились и мужей на вражду наводили. Марѳа Яковлевна пошла странствовать по святымъ мѣстамъ, у Соловецкихъ чудотворцевъ побывала, въ Кіевъ два раза сходила. Воротилась съ богомолья и поселилась у Изюмовой въ домикѣ на весь вѣкъ, а тутъ и юродствовать начала. Въ длинной бѣлой рубашкѣ стала ходить, и всегда почти босикомъ; другой одежды никакой не носила. По улицамъ всегда отъ мѣста до мѣста бѣгомъ бѣгала; ребятишки бѣгутъ за ней, хохочутъ, дразнятъ. А она никогда на нихъ не осердится, только пальцемъ погрозитъ; а то и гостинцы имъ раздастъ, баранки, либо пряники, когда купцы ей принашивали на поклонъ. Мимо дома родительскаго когда пробѣжитъ, постучитъ бывало въ окошечко и кричитъ: «покайтесь, молитесь, живите мирно, не гнѣвите Бога»! А въ домъ рѣдко заходила, потому что не слушались ея невѣстки; все у нихъ свара стояла да брань грѣховная съ утра до вечера. И сбылось же надъ ними слово блаженной: обнищали и примерли всѣ, еще при ней, только остались могилки родителей ея и всего Сонинскаго рода на кладбищѣ у Воскресенія; и теперь еще кое-кто изъ городскихъ



Блаженная Марѳа

поминаютъ ихъ въ родительскія субботы; а чужіе-то многіе ее слушали; читывала она имъ изъ божественныхъ книгъ, и какъ же сладко читала и толковала. И добрые совѣты подавала многимъ, какъ жить, какъ отъ грѣха себя оберегать. Въ монастырѣ, въ былые года говаривала она здѣшнимъ монастырякамъ: «не занимайтесь суетою, трудитесь больше, зависти и сплетень удаляйтесь. А не то—смотрите—Богъ накажетъ, все пропадетъ, и Преподобная-то сама уйдетъ отъ васъ къ Лазарю». И много, много разъ повторяла имъ такія слова. Вѣдь сбылась-же угроза Маѳы Яковлены. Весь монастырь до тла выгорѣлъ; церковное добро все почти пропало, да и у монастырскихъ-то ничего не осталось; кто только въ чемъ выскочилъ, то и уберегъ. А какъ соборъ загорѣлся, мощи благовѣрной княгини Евфросиніи подняли монахини съ гробомъ изъ раки и снесли въ ближнюю церковь приходскую друга Божія Лазаря. Слово-то праведное сбылось: ушла Преподобная къ Лазарю! (Ризположенскій монастырь выгорѣлъ 13 августа 1769 года). Да не только въ монастыряхъ, а и въ міру многіе отъ блаженной пользу получали: мѣстные всѣ ее знали и уважали, и за совѣтомъ къ ней приходили, и молитвъ ея просили себѣ на помощь, и младенцевъ къ ней болящихъ приносили, а она бывало либо водицы Боголѣпенской дастъ съ молитвою, либо антидору частичку. И какъ рукой сниметъ недугъ съ ребенка. А вотъ не любила она, какъ ужъ очень примутся почитать ее и хвалить въ глаза: сейчасъ начнетъ смѣяться, вертѣться, кидаться изъ угла въ уголъ, словно дурочка какая; тутъ ужъ и слова хорошаго отъ нея не услышишь. Разсердятся гости, бранить ее начнутъ, а ей то и нужно. Пріѣзжали къ ней изъ другихъ городовъ, изъ Костромы, изъ Ярославля и купцы, и помѣщики, а больше барыни вѣру къ ней большую имѣли. Много она имъ правды въ глаза говорила и не льстила имъ никогда. Привозили ей и присылали всякихъ припасовъ и денегъ давали; она ничего себѣ не берегла, часть отдавала

хозяйкѣ своей, а прочее все бѣднымъ раздавала. Пріѣхала къ ней разъ княгиня Т., барыня пребогатая, и денегъ привезла рублей 200, а Марѳа Яковлевна и взять не захотѣла. «Ты бы, мать моя, лучше свою бѣдноту пожалѣла: раздѣтые они у тебя, босые, голодные, хотя и рабы твои, а все же братья во Христѣ, Марѳушѣ ничего не надо. Марѳуша сыта и довольна по милости Божіей. Такъ и не взяла ничего, совсѣмъ пристыдила княгиню.

Марѳа Яковлевна въ послѣднее время каждый день ходила въ монастырь къ ранней обѣднѣ; зимой въ теплой церкви стояла въ уголкѣ, а лѣтомъ—въ соборъ не входила; становилась всегда предъ сѣверными вратами и молилась прямо на раку благовѣрной княгини. На этомъ самомъ мѣстѣ и могила ея. Вотъ и пришла она въ послѣдній разъ, въ Ильинъ день, и стояла на всегдашнемъ своемъ мѣстѣ. Выходятъ монахини изъ собора, видятъ—лежитъ Марѳа Яковлевна ничкомъ на землѣ. Подняли ее, чуть дышитъ, совсѣмъ безъ памяти. Отнесли къ игуменіи въ келлію; на другой день опамятовалась, только ногами обѣими не владѣла до самой кончины. Стала просить: «отнесите меня, Христа ради, къ Авдотьѣ Ивановнѣ». Снесли ее на рукахъ, тамъ она и пролежала семь лѣтъ недвижимо, а инокини ей служить ходили поочередно. Каждую субботу святыхъ Христовыхъ Таинъ пріобщалась: носилъ къ ней св. Дары духовникъ ея, отъ праведнаго Лазаря священникъ отецъ Іоаннъ. Было у него горе большое. Сынка его изъ здѣшней бурсы послали въ Питеръ — въ академію учиться, а малый-то и пропалъ безъ вѣсти. Ужъ какъ сокрушался отецъ Іоаннъ; приходъ бѣдный, четыре поповны-подростки; вся надежда была на сына. Марѳа Яковлевна утѣшала своего духовнаго отца: «не горюй, батюшка, терпи и Богу молись: не пропалъ твой Алеша; еще увидишь его, воротится тебѣ на радость».—Такъ и сбылось. Прошло годовъ нѣсколько, и поповичъ нашъ вернулся, послѣ замиренья (вѣроятно въ 1815 году). Что жъ

ты думаешь, гдѣ пропадалъ? Какъ доѣхалъ только до Питера, такъ и сбѣжалъ на какіе-то аглицкіе корабли; захотѣлось, вишь, парню по бѣлому свѣту погулять. Весь свѣтъ Божій, говорятъ, кругомъ объѣхалъ. И съ деньгами большими воротился; сестеръ пристроилъ, отца всѣмъ снабдилъ, и стали жить изобильно, какъ никогда прежде не живали. Только попадья старая не дождалась радости, года за два померла.

А какъ настали послѣдніе дни, Марѳа Яковлевна предчувствовала свой конецъ; со всѣми знакомыми простилась и иконы, какія у ней были, раздала близкимъ на благословеніе. Въ день кончины св. Таинъ причастилась, особоровалась и канонъ на исходъ души прослушала. А какъ читали канонъ, она всякое слово повторяла; наизусть знала канонъ, видно часто про себя читала. Сама свѣчку задула, перекрестилась три раза и такъ тихо преставилась блаженная, словно сладкимъ сномъ заснула. На шестой день схоронили, потому что все подъѣзжали на похороны изъ другихъ городовъ. Ни тлѣнія не примѣчали, ни запаха не слыхали, даромъ что жары были сильные. А какой плачъ былъ на погребеніи, особенно бѣдные воплемъ выли! Народу столько было, что монастырь весь былъ полонъ. Пока въ домѣ лежало тѣло, панихиды ни днемъ, ни ночью не умолкали. Да и понынѣ часто приходящіе и пріѣзжіе просятъ служить панихиды надъ могилою, и многіе исцѣленія по вѣрѣ своей получаютъ.

Въ 1850 году исцѣлилась послѣ молитвы на могилѣ Суздальской подвижницы сосѣдняя помѣщица Анастасія Степановна Щ—ва, много лѣтъ страдавшая мучительною нервною болѣзнію *).

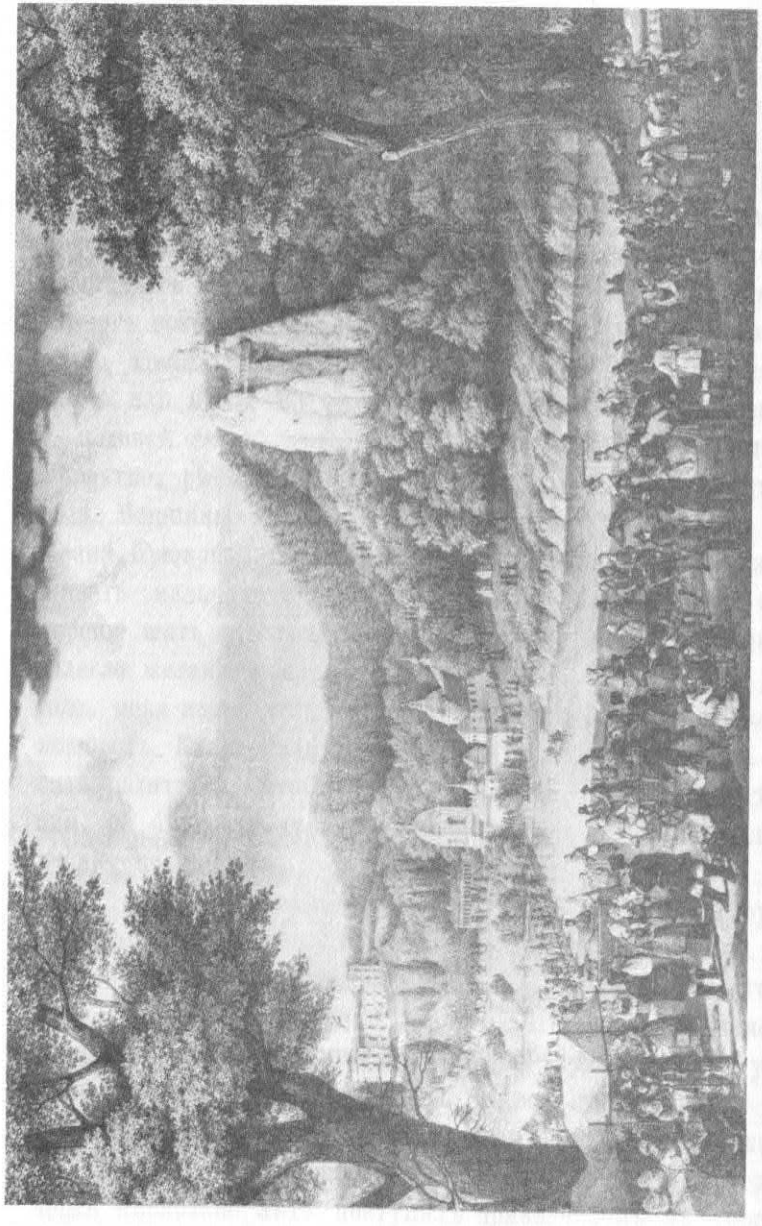
*) „Душеполезное Чтеніе“.

Іоаннъ, затворникъ Святогорскій.

(Память 11 августа).

Городъ Курскъ, родина преподобнаго Ѳеодосія Кіево-Печерскаго и преподобнаго Серафима Саровскаго, былъ родиною и приснопамятнаго затворника Іоанна. Онъ родился въ семьѣ небогатыхъ мѣщанъ Крюковыхъ 20 сентября 1795 года. Съ ранняго возраста онъ былъ набоженъ. Когда ему было семь лѣтъ, однажды въ толпѣ собравшихся на улицѣ мальчиковъ одинъ изъ нихъ, по фамиліи Мошнинъ, сталъ разсказывать о подвигѣ своего родственника, спасавшагося въ затворѣ. Вѣроятно, рѣчь шла объ о. Серафимѣ, происходившемъ изъ рода Мошниныхъ. Этотъ разсказъ запалъ глубоко въ душу Ивана Крюкова, и онъ нѣсколько разъ принимался разспрашивать мальчика и восклицалъ: «охъ, хорошо такъ жить, хорошо жить и спасаться»! И съ этой поры въ мальчикѣ залегло желаніе монашества, которое не оставляло его долѣе года, пока по жизненнымъ обстоятельствамъ это не стало возможнымъ. Когда Ивану минуло девять лѣтъ, онъ сталъ просить родителей, чтобъ они отдали его учиться грамотѣ; но они, по бѣдности думая только о заработкѣ, отдали его въ ученіе къ мастеру, готовившему печные изразцы, на 7-мь лѣтъ, и за все это время получили отъ мастера 10 рублей ассигнаціями. Хозяинъ Ивана былъ жестокій человѣкъ. Онъ не показывалъ ему, какъ работать, а билъ его за его неумѣлость. Побои доходили до того, что мальчика замертво выносили на воздухъ. Разъ хозяинъ чуть было не убилъ Ивана за испорченный изразецъ. И вся цѣна изразцу была 1 копѣйка. Семь лѣтъ терпѣлъ Иванъ эту ужасную жизнь. По окончаніи срока онъ перешелъ къ другому мастеру, а чрезъ нѣсколько лѣтъ поступилъ приказчикомъ къ торговцу скотомъ. Родители стали уговаривать Ивана жениться. Мысль эта очень печалила цѣломудреннаго юношу, но онъ не хо-

Іоаннъ, затворникъ Святогорскій



Успенская Святогорская пустынь в Харьковской губерніи. Литографія 1845 г.

тѣлъ огорчать родителей. Престарѣлая его мать не могла сама управляться съ домашнимъ хозяйствомъ, и онъ склонился на ихъ просьбы. Благосостояніе Ивана стало улучшаться. Онъ открылъ на сбереженія отъ своего жалованья фабричку изразцовыхъ лѣпныхъ печей. Дѣло пошло хорошо. Кромѣ того, онъ содержалъ два постоялые двора и гостиницу... Въ своемъ достаткѣ онъ сохранилъ ту же набожность, велъ трезвую и благочестивую жизнь, любилъ ходить въ церковь и твердо помнилъ о томъ, какъ съ дѣтства мечталъ о монастырѣ. Наконецъ, его завѣтное желаніе могло осуществиться. Его жена умерла, дѣтей не было, вскорѣ умеръ и его отецъ, и на рукахъ оставалась лишь мать. Открывалась возможность проститься съ міромъ. «Слава Тебѣ, Христе Боже, восклицалъ онъ, слава Тебѣ милосердому, что освобождаешь меня, наконецъ, отъ сей мірской суеты! Велико Твое, Господи, ко мнѣ милосердіе, что вспомнилъ меня недостойнаго и не попустилъ меня до конца погрязнуть въ заботахъ житейскихъ».

Но не безъ борьбы отпустила сына въ монастырь его мать. Сперва она рѣшительно отказалась дать свое согласіе, и только уговоры одного помѣщика, наконецъ, смягчили старуху. Точно свѣтлый день насталъ тогда для сына. У матери было много богато украшенныхъ иконъ, но сынъ попросилъ себѣ на благословеніе простой мѣдный литой крестъ. Онъ не снимая носилъ его на себѣ. Въ то же время онъ надѣлъ на себя вериги изъ простого шиннаго желѣза, вѣсомъ въ полпуда, состоявшія изъ пояса и наплечниковъ. Цѣлые полтора года Ивану пришлось провести въ хлопотахъ по окончанію подрядовъ и разсчетовъ по нимъ. Услыхавъ, что онъ собирается въ монастырь, нѣкоторые изъ тѣхъ, что были ему должны, уклонились отъ уплаты, и простосердечный Иванъ, простивъ имъ, просилъ Бога принять эти деньги какъ милостыню во имя Его. Наконецъ, устроивъ мать у замужней сестры, Иванъ на 39 году простился съ

міромъ. Побывавъ въ Кіевѣ на богомольѣ, онъ направился затѣмъ въ Глинскую пустынь Курской епархіи, процвѣтавшую тогда подъ руководствомъ праведнаго, строгой жизни игумена Филарета. Тамъ онъ приставленъ былъ сперва къ печнымъ работамъ. Съ самаго поступленія онъ отличался простосердечіемъ, ласковостію въ обращеніи, былъ усерденъ къ службѣ и дома постоянно молился, сопровождая молитву множествомъ земныхъ поклоновъ. При простотѣ нрава была въ немъ та глубокая, непоколебимая младенческая вѣра, которую ублажилъ Христосъ. Уже въ то время онъ однажды исцѣлилъ молитвою одного бѣсноватаго. Одно время думалъ онъ вступить на путь юродства, и долго съ плачемъ молился, чтобъ Господь вразумилъ его. Послѣ того онъ заснулъ и во снѣ видѣлъ двухъ святыхъ юношей, которые возложили на него священническую ризу и сказали: «оставь мысль о юродствѣ: это не твой путь».

Въ Глинской пустыни Іоаннъ научился грамотѣ отъ мальчика-послушника. Назначенный послѣ разныхъ послушаній экономомъ, Іоаннъ былъ постриженъ въ мантію съ именемъ Іоанникія.

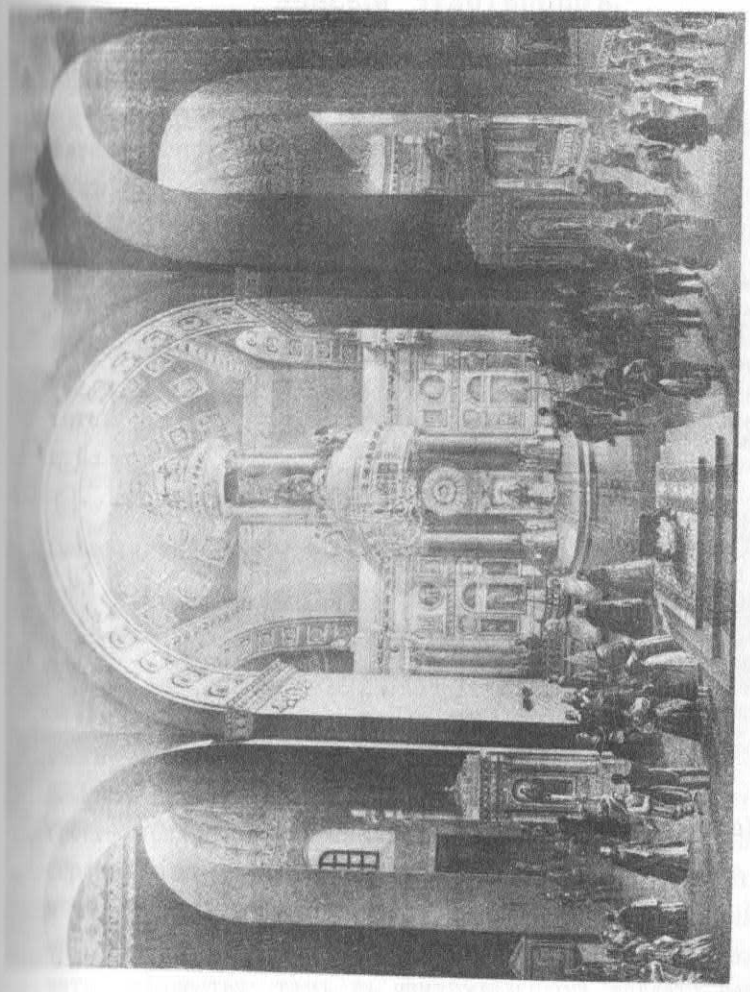
Чрезъ пять лѣтъ онъ перешелъ въ Святогорскую пустынь Харьковской епархіи. Эта древняя упраздненная пустынь, расположенная на мѣловыхъ горахъ въ восхитительной мѣстности надъ рѣкою Донцомъ, возникала тогда вновь къ жизни, и среди иноковъ, которыхъ пригласилъ настоятель возобновляемой пустыни, взятый изъ Глинской братіи, былъ и Іоанникій. Ему поручена была трудная, сложная, хлопотливая должность эконома, и такъ какъ на немъ лежало завѣдываніе множествомъ вновь возводившихся построекъ, то на его долю выпало всѣхъ больше трудовъ. Кромѣ того, онъ завѣдывалъ и гостинницею. Среди безконечныхъ хлопотъ и немалыхъ огорченій Господь утѣшилъ Іоанникія тѣмъ, что черезъ него отысканъ былъ заваленный и заброшенный древній храмъ обители. Чрезъ 12 лѣтъ, день въ день, послѣ

сновидѣнія съ юношами, Іоанникій былъ рукоположенъ во іеромонаха. Между тѣмъ душа его созрѣла и требовала большихъ подвиговъ и совершеннаго уединенія. Разработывая пещеры, въ которыхъ нѣкогда селились древніе иноки Святогорскіе, Іоанникій особенно полюбилъ одну изъ нихъ, и въ немъ возникла мысль о томъ, чтобъ затвориться въ этой пещерѣ. Настоятель, опасаясь, что это искушеніе высокоумія, сталъ испытывать его и смирять. Такъ разъ поручилъ ему вычищать выгребныя ямы, ставилъ на поклоны въ трапезѣ, одѣлъ въ заплатанную одежду, и тотъ несъ все это терпѣливо. Наконецъ, съ благословенія преосвященнаго Іоанникій вошелъ въ затворъ. Келлія была тѣсна и низка, не выше человѣческаго роста, свѣтъ проникалъ сквозь скважину. Воздухъ рѣзко сырой, холодный какъ въ погребѣ. Деревянный гробъ съ могильнымъ крестомъ у изготовья, вмѣсто постели, иналой у иконъ, обрубокъ пня, вмѣсто стула, кувшинъ воды и горнецъ для пищи, и наконецъ — самое главное— икона съ неугасимою лампадою,—вотъ все убранство келліи. Ежедневно затворникъ полагалъ 700 земныхъ поклоновъ, 1000 поясныхъ, произносилъ 5000 молитвъ Іисусовыхъ, 1000 Богородичныхъ, читалъ акаѳисты, помянники. Ежемѣсячно выходилъ онъ въ церковь, чтобъ пріобщаться. Живительная сила духа нужна была, чтобъ оставаться въ затворѣ. Сырость была пронизывающая, такъ что въ тулупѣ подвижникъ дрожалъ отъ холода; одежда служила недолго— истлѣвала. Рои насѣкомыхъ кишѣли въ келліи, уязвляя затворника. Братія глумилась надъ нимъ, одни упрекая его въ гордости, другіе предсказывая, что онъ не выдержитъ, недобромъ кончитъ. Онъ все терпѣлъ. Послѣ 18 мѣсячнаго затвора Іоанникій постриженъ въ схиму съ именемъ Іоанна. Чрезъ 5 лѣтъ затвора, отъ холода и сырости у подвижника стали дѣлаться судороги въ ногахъ, и настоятель велѣлъ устроить въ келліи печь. Еженедѣльно онъ сталъ ходить въ монастырь ко св. причастію, и послѣ литургіи благословлялъ толпившійся во-

кругъ него народъ. Иногда ночью выходилъ онъ изъ мѣловой келліи, чтобъ подышать чистымъ воздухомъ... Укоризны, нареканія и насмѣшки надъ нимъ старшей братіи не прекращались. Было замѣчено, что по мѣрѣ почитанія его народомъ, онъ старался навлечь на себя своими словами осужденіе иныхъ, только-бы избѣгнуть славы и похвалы. Отъ постояннаго полумрака и свѣчнаго освѣщенія онъ почти ослѣпъ: теперь ему вычитывали его молитвы. За то великая молитва Іисусова: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго — была постоянно на его устахъ. 17 лѣтъ подвизался старецъ въ затворѣ. Онъ тихо догоралъ въ своей келліи, какъ свѣча, горящая предъ святою иконою. Сильно тяготило его усердіе народа; но онъ не могъ отказать ему, и точно мирный ангелъ являлся предъ нимъ въ схимнической одеждѣ, кроткимъ ликомъ и потухающими очами напоминая сѣдую древность Кіевскихъ пещеръ. Бесѣда съ нимъ успокаивала и облегчала наболѣвшую душу. Въ немъ былъ даръ прозорливости,—онъ называлъ прямо по имени неизвѣстныхъ пришедшихъ къ нему лицъ, и имѣлъ даръ исцѣленія.

Послѣднее время онъ все больше лежалъ въ своемъ гробу, непрестанно молясь, и предузналъ день своей кончины: онъ скончался 72 лѣтъ 11 августа 1867 года въ монастырской больницѣ. Предъ смертью онъ взглянулъ на икону Спасителя и съ тихою молитвою предалъ Богу свою чистую душу. Гроза бушевала и шумѣла во время его кончины, и вдругъ прекратилась, когда онъ почилъ. Онъ схороненъ у алтаря больничнаго храма. Богомольцы служатъ панихиды по немъ; множество исцѣленій совершилось на его могилѣ. А сохраняемая его мѣловая келлія служитъ памятникомъ его самоотверженной жизни *).

*) „Троицкій Листокъ“ № 44.



Внутренній видъ Благовѣщенскаго собора въ г. Воронежѣ. Литографія XIX в.

Мать святителя Тихона, епископа Воронежскаго, и его старшій братъ

Святитель Тихонъ, епископъ Воронежскій, Задонскій чудотворецъ.

(Память 13 августа).

13 августа святая Церковь наша совершаетъ память святителя и чудотворца Тихона Воронежскаго-Задонскаго. Такъ какъ святитель Тихонъ, подвизавшійся въ столь недавнія времена, уже причтенъ къ лику святыхъ и желающіе могутъ прочитать его житіе во всѣхъ изданіяхъ житій святыхъ, то здѣсь мы въ память великаго Чудотворца новаго времени помѣщаемъ лишь изображеніе матери Святителя и его старшаго брата, присовокупляя, что память матери святителя Тихона блаженной Домникіи совершается 18 января, а блаженной дочери ея Пелагіи и сына чтеца Петра 8 октября.

Молчальникъ—Тихонъ Святогорскій.

(Память 13 августа).

Отецъ Тихонъ въ мірѣ Тимоѳей, родомъ изъ подъ Устюга, сынъ бѣднаго поселянина-перевозчика. Отъ самой юности желаніе благоугождать Господу и хранить непорочность пути своего предъ Нимъ занимало и чрезвычайно дѣйствовало на сердце Тимоѳея, такъ что онъ рѣшился вовсе оставить міръ и на пустынныхъ пажитяхъ Валаама укрѣпить свой духъ опытами строгаго подвижничества. Тамъ онъ принималъ начатки иночества; тамъ въ изнурительныхъ трудахъ безусловнаго послушанія истощалъ онъ свои силы физическія, между тѣмъ какъ сердце его разогрѣвалось сладкою любовію къ кроткому Іисусу и преисполнялось религіозными чувствами необходимости, еще здѣсь въ жизни, стать выше своей собственной природы, усвоить себѣ таинственно, укоренить глу-

боко и затаить отъ людей въ сердцѣ своемъ радости царствія Божія, т.-е. здѣсь уже слиться духомъ своимъ въ одинъ духъ съ Господомъ,. Его только любить, желать и искать. О. Тихонъ, среди міра и пространства жизненныхъ путей, пріучалъ себя думать, что для него въ цѣломъ мірѣ—только онъ самъ и Богъ, какъ выразился преп. Антоній Великій, или что все одно и то же, чтобъ, кромѣ Бога и своихъ слабостей, ничего не видѣть и не знать, и чтобы никакая укоризненная мысль, особенно въ разсужденіи ближнихъ, не касалась ума его. Лѣтъ до 20 отецъ Тихонъ подвизался на Валаамѣ изумительнымъ образомъ и наконецъ, чтобъ праздностью бесѣдъ не отвлекаться отъ Іисусовой молитвы, стяжанной строгими трудами послушанія, придумалъ связать свои уста молчаніемъ. Вслѣдствіе сего о. Тихонъ притворился, будто апоплексическій ударъ поразилъ языкъ его; на всѣ вопросы начальства и братіи онъ началъ отдѣлываться минами, а потомъ мало-по-малу утвердился въ подвигѣ молчанія и вышелъ изъ него побѣдителемъ.

Носились, впрочемъ, слухи, и всѣ знали, что отецъ Тихонъ притворно, а не по болѣзни, молчалъ; но никто не былъ въ силахъ развязать его языка ни убѣжденіями, ни ласковостью, ни легкой пыткой, исключая нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ и крайностей, когда самъ онъ, безъ всякой просьбы со стороны другихъ, раскрывалъ свои уста, изъ которыхъ раздавались слова утѣшенія и назиданій; но это было такъ рѣдко, такъ таинственно, что только тѣ знали, кто удостоивался его собственнаго расположенія и довѣрчивости, или справедливѣе сказать, кто былъ въ опасности и въ отчаянномъ положеніи.

Пятнадцать слишкомъ лѣтъ такъ протекло для скромнаго молчаливаго Тихона; онъ думалъ, желалъ и даже ожидалъ того, чтобъ свои подвижническія кости не индѣ уложить на мертвенный одръ, какъ только на Валаамѣ, но Господь судилъ вопреки его волѣ и чаянію. Настоятель Ва-

лаамской обители, предубѣжденный противъ подвига о. Тихона тою мыслію, что это прелесть бѣсовская, придумалъ новую пытку и средство развязать связанныя пятнадцатилѣтнимъ молчаніемъ уста его: онъ отправилъ его въ Петербургъ на подворье, чтобъ тамъ сидѣть ему при часовнѣ, думая, что столичная жизнь, знать и самыя обстоятельства жизни невольно убѣдятъ его говорить; но на повѣрку вышло совсѣмъ иначе. Послушливый Тихонъ не могъ ничѣмъ и никакъ отказаться отъ новой своей жизни: того требовало смиреніе и самые иноческіе обѣты: онъ нехотя отправился въ Петербургъ, гдѣ и пробылъ до двухъ лѣтъ съ половиною, не измѣняя, впрочемъ, ни образу жизни, ни молчаливому своему языку: онъ оставался для всѣхъ нѣмъ, кромѣ немногихъ, что само собою привлекало къ нему толпы любопытныхъ, а болѣе того внимательныхъ къ его доброй подвижнической славѣ. такъ что онъ сдѣлался наконецъ дивомъ для многихъ. Самыя даже дѣти знали, что у этого бѣднаго монаха нѣтъ языка, какъ самъ признавался мнѣ, писалъ святогорецъ, здѣсь отецъ Тихонъ. Часто, говорилъ онъ, знать, пріѣзжая въ часовню съ дѣтьми, трогала меня до глубины сердца. Маленькія дѣти, бывало, подбѣгали къ своимъ родительницамъ и, указывая имъ на меня, въ простотѣ и съ сердечнымъ чувствомъ, восклицали: «маменька! маменька! бѣдный этотъ монахъ: у него нѣтъ языка!»—Эта добрая черта нѣжнаго дѣтскаго характера невольно увлекала Тихона; онъ улыбался на милыхъ дѣтей и въ тайнѣ благословлялъ сострадательность ихъ ангельскаго сердца.

Впрочемъ, какъ ни силенъ былъ о. Тихонъ въ своихъ подвигахъ, а жизнь столичная для него казалась свинцовымъ крестомъ. Слезно и пламенно молился онъ Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, прося Ея промысла и помощи, выйти изъ столицы: искренно сознавался во всемъ томъ онъ опытному отцу Мельхиседеку, духовнику Александро-Невской лавры, требовалъ его совѣтовъ и молитвъ о себѣ, и общая всѣхъ

Утѣшительница не оставила его въ этомъ затруднительномъ положеніи. Случайно пришло какъ то въ голову отцу Тихону попроситься на поклоненіе въ Іерусалимъ: эту мысль онъ передалъ отцу Мельхиседеку, который благословилъ ее и даже самъ ходатайствовалъ за него предъ митрополитомъ Серафимомъ, прося его объ увольненіи отца Тихона за границу. Узналъ, да поздно, Валаамскій настоятель объ увольненіи своего молчальника въ Палестину, потому что о. Тихону былъ выданъ уже и законный видъ на слѣдованіе туда; преградить путь не было возможности.

Не шелъ или ѣхалъ, а летѣлъ изъ Петербурга отецъ Тихонъ до Москвы. Здѣсь онъ впервые явнымъ образомъ началъ славить Бога своими устами и говорить обо всемъ и со всѣми, кто только былъ ему знакомъ и близокъ. Въ Кіевѣ, и всюду потомъ его уста точили сладкія утѣшенія и дивныя назиданія, при простотѣ его ума и сердца, образованныя строгими и горькими опытами дивнаго подвижничества.

Отецъ Тихонъ самъ по себѣ не имѣлъ ни гроша, собираясь въ путь къ св. Землѣ; впрочемъ, это его не затрудняло, при живой вѣрѣ въ отеческій небесный Промыслъ. Знакомые туго набили ему дорожный кошелекъ, который онъ, однакожъ, при своей сострадательности, такъ истощилъ на бѣдныхъ, что на Аѳонъ явился только съ полуимперіаломъ. Здѣсь Русскій монастырь принялъ его съ любовію; согласно его желанію отдалъ ему пустынную келлію, гдѣ и поселился нашъ молчальникъ, но ненадолго, потому что келлія, нѣкоторымъ образомъ, принадлежа ему, требовала отъ него много домашнихъ хлопотъ, отъ которыхъ онъ такъ отвыкъ и которыя такъ отвлекали его отъ Богомыслія, что онъ рѣшился лучше перейти и перешелъ въ монастырь, гдѣ, посвятивши себя Богу, пребывалъ въ глубокомъ затворничествѣ. Являлся онъ посреди братства только въ субботу, для принятія св. Таинъ Христовыхъ, и никуда не выходилъ болѣе въ остатокъ седмичныхъ дней. Къ себѣ онъ не возбранялъ

входъ братіи при нуждѣ; но, дорожа его затворничествомъ, братія не иначе бывала у него, какъ только въ крайности своего положенія, для раскрытія предъ нимъ своихъ мыслей и совѣсти и для полученія назиданія отъ его старческой бесѣды. Кушать ему приносили въ келлію. Въ схимѣ, которую о. Тихонъ принялъ на себя вскорѣ, по прибытіи изъ Іерусалима, онъ нареченъ Тимоѳеемъ. 13-го августа 1848 г. мирно почилъ онъ о Господѣ, на св. горѣ въ Русикѣ, оставивъ по себѣ не замирающую память и славу въ русскомъ обществѣ. Да упокоитъ его Господь въ царствіи Своемъ! По кончинѣ о. Тимоѳея, въ его молитвенникѣ нашли лоскутокъ бумаги, на которомъ было написано: «я обѣщался никакими лѣкарствами не лѣчиться, и ни у кого ничего не брать» *).

Схимонахъ Евсевій, игуменъ Задонскій.

(Память 14 августа).

Задонскій игуменъ Евѳимій, въ схимѣ Евсевій, извѣстный своимъ благочестіемъ, настоятельствовалъ въ Задонскомъ монастырѣ съ 1735 по 1745 годъ. При немъ былъ построенъ первый Владимірскій соборъ, подъ которымъ онъ былъ погребенъ. При сломкѣ этого храма и копаніи рвовъ для нынѣшняго собора въ 1846 г. гробъ Евсевія былъ найденъ съ нетлѣннымъ его тѣломъ и перенесенъ въ усыпальницу **).

Ученики св. Тихона Задонскаго: монахъ Ѳеофанъ, монахъ Ааронъ, Никандръ Алексѣевичъ Бехтѣевъ и Косьма Игнатьевичъ Студениковъ.

(Память 14 августа).

Монахъ Ѳеофанъ, родомъ изъ поселянъ, неграмотный, но за простодушіе и трудолюбіе весьма любимый св. Тихономъ.

*) Изъ писемъ Святогорца.

**) Мѣсяцесловъ Русск. Свят.

«Ѳеофанъ утѣха моя, говорилъ Святитель, люблю его и за простосердечіе, и за то, что никогда не бываетъ онъ празденъ, а всегда—въ трудѣ». Ѳеофанъ плелъ лапти и портняжилъ, и св. Тихонъ такъ любилъ его, что рѣдко безъ него садился за столъ. Особенно дорогъ былъ Ѳеофанъ для св. Тихона въ минуты мрачнаго его расположенія: «Ѳеофанъ, скажетъ Святитель, пора, пора на родину,—мнѣ уже наскучила жизнь, радъ бы умереть, лишь бы не лишиться вѣчнаго блаженства». Ѳеофанъ прерывалъ слова Святителя и начиналъ говорить свое: «бачка», такъ называлъ онъ св. Тихона: «слушай»! И тотъ слушалъ немудраго Ѳеофана, и успокоивался. Ѳеофанъ скончался 70 лѣтъ въ 1799 г. и погребенъ въ Задонскомъ монастырѣ, но гдѣ—неизвѣстно.

Монахъ Ааронъ, какъ и Ѳеофанъ, пользовался благорасположеніемъ св. Тихона. Онъ, кромѣ благочестія своего, извѣстенъ и потому, что святитель Тихонъ, вслѣдствіе его словъ—о неоставленіи Задонскаго монастыря, разодралъ просьбу о своемъ перемѣщеніи въ Новгородскую епархію и остался въ Задонскѣ. О. Ааронъ похороненъ подлѣ прежней большой церкви съ южной стороны при входѣ.

Никандръ Алексѣевичъ Бехтѣевъ, сынъ Задонскаго помѣщика, генералъ-адъютанта, съ юности полюбилъ св. Тихона и навсегда рѣшился жить при немъ, а потому, вопреки желанію отца, оставилъ военную службу и, несмотря на разныя препятствія со стороны родныхъ, поступилъ въ Задонскій монастырь, гдѣ и подвизался подъ руководствомъ св. Тихона. Послѣ долгихъ подвиговъ благочестія (съ 1777 по 1816 г.) онъ скончался въ 1816 году и погребенъ близъ южныхъ дверей прежней большой Владимірской церкви.

Благочестивый Елецкій купецъ Косьма Игнатьевичъ Студениковъ пользовалая особенною благосклонностію свят. Тихона. Во время посѣщенія г. Ельца свят. Тихонъ останавливался въ домѣ его (онъ былъ церковнымъ старостою); чрезъ него Святитель нерѣдко пересылалъ деньги для раздачи

бѣднымъ и заключеннымъ въ тюрьмѣ. Косьма былъ друженъ съ схимонахомъ Митрофаномъ. Старцы обители Задонской отзывались о немъ, какъ «о мужѣ богомудромъ» *).

Аксайскій священникъ о. Василій Петровъ.

(Память 14 августа).

Великій чудотворецъ св. Тихонъ Воронежскій въ дни своей жизни взялъ къ себѣ всѣхъ, въ комъ не замерли запросы нашего безсмертнаго духа, и многіе подъ его облагодатствованнымъ руководствомъ вступали на путь строго подвижнической жизни и, совершивъ доблестно свое теченіе, оставляли послѣ себя уже навѣки добрую память.

Таковъ въ частности былъ и одинъ изъ священниковъ паствы Святителя—о. Василій Петровичъ Петровъ, память котораго свято чтится на Дону.

Въ 1768 году 25 октября войсковой наказный атаманъ Сидоръ Кирсановъ писалъ преосвященному Тихону, епископу Воронежскому и Елецкому: «Великій господинъ, преосвященнѣйшій Тихонъ, епископъ Воронежскій и Задонскій, милостивый архипастырь! сего октября 23 дня команды войска Донскаго, города Черкаска, разныхъ станицъ, живущіе за рѣкою *Оксаемъ* и на Роговыхъ, при заводахъ, старосты: Усть-Оксайскій — Иванъ Фалченковъ, Роговскій — Аѳанасій Горбовъ, и казаки, подданные войску Донскому, репортомъ представили, по согласію-де всѣхъ ихъ заводовъ – казаковъ, пожелали они вмѣсто отрѣшенныхъ двухъ священниковъ Александра и Сергія, къ новосооруженной при Оксайскихъ заводахъ церкви Божіей во имя Живоначальныя Троицы, города Черкаска, церкви Донской Богоматери, ктитору Василію Петрову быть другимъ попомъ, который и самъ къ тому

*) Мѣсяцесловъ. Русск. Свят.

желаніе имѣетъ, и просили меня съ войскомъ Донскимъ, какъ Усть-Оксайскихъ и Роговскихъ заводовъ, такъ и помянутый ктиторъ Петровъ — о посвященіи его къ объявленной церкви Божіей въ попа и вашему преосвященству моего съ войскомъ Донскимъ представленія: того ради, Ваше Преосвященство, я съ войскомъ Донскимъ покорно прошу, ежели вышеписанный ктиторъ Василій Петровъ, по архипастырскому Вашего Преосвященства усмотрѣнію, къ посвященію въ попа достоинъ явится, онаго на Усть-Оксайскіе и Роговскіе заводы къ церкви Божіей во имя Живоначальныя Троицы архипастырскимъ Вашего Преосвященства рукоположеніемъ посвятить и на то дать ему Вашего Преосвященства ставленную грамоту, а меня съ войскомъ Донскимъ не оставить увѣдомленіемъ. Милостивый архипастырь! Вашего Преосвященства по Духу Святому послушный сынъ и покорный слуга войсковой наказный атаманъ съ войскомъ Донскимъ Сидоръ Кирсановъ».

25 октября 1768 года въ походной преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго, конторѣ, города Черкаска, церкви Донскія Богоматери ктиторъ изъ казаковъ Василій Петровъ въ нижеписанномъ допрашиванъ и показалъ: «рожденъ онъ, Василій, въ ономъ городѣ Черкаскомъ, казака Петра Власова сынъ; отъ роду ему Василію 38 лѣтъ, грамотѣ обученъ помянутымъ отцемъ своимъ; женатъ въ ономъ же городѣ Черкаскѣ бывшаго войска Донскаго толмача Ивана Ѳеодорова на дочери его, дѣвицѣ Пелагеѣ, безпорочной; дѣтей у себя не имѣетъ; а сего октября 25 дня присланною къ Его Преосвященству отпиской войска Донскаго наказный атаманъ Сидоръ Кирсановъ съ войскомъ Донскимъ, съ прописаніемъ поданнаго къ нему того города Черкаска разныхъ станицъ живущихъ за рѣкою Оксаемъ и Роговскихъ заводовъ, Троицкой церкви, старосты Усть-Оксайскаго (тутъ Аксайскаго) стану—Фалченкова, Роговскаго—Аѳанасія Горбова съ казаками доношенія, просятъ о произведеніи его,

Василія, къ оной ихъ церкви во священника, а отъ казачьей службы отчисленія, и ежели Его Преосвященствомъ онъ—Василій къ оной Троицкой церкви во священника произведенъ будетъ, то онъ желаетъ быть при той церкви до кончины жизни своей, а къ другой церкви отходить и тѣмъ епархіальнаго своего архіерея утруждать не будетъ, и допольствоваться станетъ мірскимъ подаяніемъ, къ тому жъ и трудами своими; изъ казачьей службы выключенъ; дѣлъ и подозрѣнія въ церковномъ расколѣ за собою, такожъ болѣзни, глухоты и во удѣхъ поврежденія и прочихъ, препятствующихъ къ произведенію его во священника, винъ никакихъ не имѣетъ; крестное знаменіе на себѣ изображаетъ десныя своея руки тремя первыми персты; исповѣдію обновляется въ каждомъ году во святую четыредесятницу; отъ святыя Евхаристіи не удаляется, и содержитъ себя, по преданію св. Апостолъ и отецъ, съ православною каѳолическою восточною церковію во всемъ согласно и въ семъ допросѣ показалъ самую сущую правду, а ежели показалъ что ложно и въ томъ отъ кого обличенъ будетъ, за то подвергаетъ себя будущаго на немъ священнаго чина изверженію и мірскому публичному наказанію, въ чемъ подписуется: къ сему допросу изъ казаковъ ктиторъ Василій Власовъ руку приложилъ».

1768 года октября 25 дня въ походной преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго, конторѣ, города Черкаска, церкви Донскія Богоматери ктиторъ изъ казаковъ Василій Петровъ подписуется въ томъ, что онъ, Василій, будетъ Усть-Аксайскаго стану при Троицкой церкви священникомъ; въ домѣ своемъ и чужемъ запасныхъ святыхъ таинъ держать не будетъ, а будетъ хранить ихъ во святой церкви на престолѣ въ хорошихъ ковчегѣ и дароносицѣ во всякой цѣлости и должномъ почтеніи, также мѵро святое и церковь Божію содержать во всякой чистотѣ, паче во святомъ алтарѣ станетъ, а церковнаго имущества, яко то отъ продажи свѣчъ,

пріобрѣтая и подаянія церковнаго, на свои надобности брать и постороннихъ до того допускать не станетъ; наилучшему созиданію храма Божія усердно прилежать; къ тому сборъ содержать чрезъ опредѣленнаго съ указомъ ктитора долженъ и какъ малолѣтнихъ жениховъ ниже 16 лѣтъ, а невѣстъ—13 лѣтъ, такъ же бѣглецовъ и блудныхъ мужей и женъ, и насильно не въ указное время, а кольми паче ниже ихъ неправильныхъ и сумнительныхъ браковъ, въ противность закону и безъ указнаго. гдѣ о семъ надлежитъ, изслѣдованія, и безъ таковаго порядка, каковой въ кормчей книгѣ, въ главѣ 51 о тайнѣ супружества узаконенъ, вѣнчать и въ приходѣ своемъ раскольниковъ таить не будетъ, ихъ вѣдая, а службу Божію въ воскресные дни и въ Великій постъ преждеосвященныя литургіи исправлять, и поученія, какъ повелѣно, читать и прихожанъ бы своихъ слушать ту божественную службу, (если явятся къ тому которые за лѣностію не радивы) привлекать станетъ, а двоегласнаго чтенія, во время служенія, отправлять не будетъ, и никогда въ питейные домы входить, безчинствовать, шумѣть по улицамъ, пьяныхъ ссоръ и дракъ нигдѣ, а паче въ церкви, самъ производить не будетъ, и другимъ клирикамъ и простолюдинамъ чинить то воспрещать станетъ, и по мужичеству на обѣдахъ въ гостяхъ подчиванья истязывать и прочаго — самъ подобнаго дѣлать не будетъ же, но имѣть на себѣ крайне духовному чину подобающее благообразіе, и поступать во всемъ, въ силу святыхъ отецъ правилъ, духовнаго регламента и церковныхъ преданій и указовъ, и епархіальнаго своего архіерея наставленій непремѣнно долженъ, а ежели за сею подпискою что изъ вышеписаннаго подтвержденія, въ противность законамъ, пренебрежетъ и дерзновенно, противу долга своего неподобное чинить станетъ, то, не принимая никакихъ отговорокъ, поступлено бы было съ нимъ по законамъ, чему будетъ достоинъ, и при производствѣ о немъ Василія всего ставленичьяго дѣла денегъ и никакихъ подарковъ не давалъ, и посуловъ не чинилъ, и безъ взятія ставленной священникомъ грамоты нигдѣ и ни подъ какимъ видомъ священнодѣйствовать не будетъ, въ семъ своеручно подписуется. Къ сей подпискѣ ктиторъ Василій Власовъ руку приложилъ.

Тогда же, именно 25 октября 1768 года, войсковой наказный атаманъ, согласно просьбѣ старостъ Аксайскаго и Роговскаго, отношеніемъ на имя преосвященнаго Тихона увѣдомилъ Его Преосвященство, что ктиторъ изъ казаковъ Василій Петровъ отъ службы уволенъ, а потому и можетъ быть произведенъ во священника къ Аксайской Троицкой церкви. 26 октября духовникъ іеромонахъ Корнилій свидѣтельствуетъ, что о. Василій Петровъ въ приходской Преображенской церкви къ присягѣ приведенъ и по исповѣди найденъ достойнымъ священства. Того же 26 октября въ храмѣ Донскія Богоматери о. Василій Петровъ преосвященнымъ Тихономъ рукоположенъ во діакона, а 28 октября во іерея. За производство Василія Петрова изъ казаковъ во діакона и во іерея взято и въ книгу записано 4 руб. Тутъ же въ дѣлѣ находится собственноручная расписка о. Василія въ полученіи подлинной грамоты, присяги, инструкціи и изъ Кормчей книги выписки.

Изъ дѣлъ видно, что въ томъ же 1768 году Преображенскаго Усть-Медвѣдицкаго монастыря архимандритъ Порфирій Рахинскій «церковь во имя Живоначальныя Троицы» въ Аксайской станицѣ соборнѣ освятилъ и всей церковной утвари и ризницы опись учинилъ. При рапортѣ объ этомъ приложена и опись церковнаго имущества, весьма скуднаго по сравненію съ тѣмъ, которое имѣется въ настоящее время въ Аксайской Троицкой церкви. Освященная церковь была построена изъ дерева. 23 іюня 1770 года священникъ Василій Петровъ писалъ преосвященному Тихону: «въ Троицкой церкви въ трапезѣ намѣренъ я нижайшій своимъ коштомъ построить придѣлъ во имя святителя Христова Николая Чудотворца, и

оной всѣмъ приличествующимъ къ церковному благолѣпію убрать, точію того безъ благословенія Вашего Преосвященства учинить не смѣю. Того ради Ваше Преосвященство всепокорно прошу о построеніи въ помянутой Троицкой церкви придѣла во имя Николая Чудотворца и о построеніи и о освященіи дать мнѣ, нижайшему, благословенную грамоту, и при ней новоосвященный антиминсъ; и о томъ учинить милостивую архипастырскую резолюцію».

12 іюля 1770 года отъ Черкасскаго духовнаго правленія послано въ Воронежскую, преосвященнаго Тихона, контору увѣдомленіе (репортъ) о полученіи грамоты и антиминса для вновь устроеннаго придѣла. 13 августа 1770 года іерей Василій Петровъ писалъ преосвященному Тихону: «Вашимъ архипастырскимъ благословеніемъ и святительскими молитвами, по благополучномъ прибытіи въ домъ мой, хотя нижайшій въ приходѣ своемъ при Усть-Аксайской церкви и намѣренъ для желающихъ словеснаго ученія грамотѣ на своемъ коштѣ, съ помощію доброхотныхъ дателей, построить домъ училищный, о чемъ, въ бытность мою въ Воронежѣ, и отъ Вашего Преосвященства на докладъ мой дозволеніе имѣлъ, однакожъ, чтобы мнѣ, нижайшему, подлинно къ тому дѣлу приступъ учинить и дѣтей обучать, на то никаго письменнаго вида не имѣя, приступить не смѣю». И преосвященный Тихонъ пишетъ: «по благодати, дару и власти Всесвятаго и Живоначальнаго Духа, данной намъ отъ Самого Великаго Архіерея, Господа нашего Іисуса Христа, благословляемъ помянутому честному іерею Василію Петрову училищный домъ на пристойномъ мѣстѣ по близости къ церкви построить позволяемъ, дѣтей грамотѣ, чтенію книгъ и пѣнію церковному и заповѣдямъ Божіимъ и благочестному и добронравному житію обучать, и обученныхъ въ церкви пѣть и читать заставлять. Извѣстнаго же ради свидѣтельства, что онъ іерей Василій Петровъ къ мудрому дѣтей обученію нами благословленъ, дадеся ему та наша

благословенная грамата, рукою нашею подписанная и печатію утвержденная въ престольномъ нашемъ городѣ Воронежѣ. Лѣта мірозданія 7278, отъ Рождества по плоти Бога Слова 1770 года, мѣсяца сентября 15 дня».

5 іюня въ 1772 году, о. Василій Петровъ писалъ свят. Тихону, епископу Воронежскому и Задонскому: «четвертый годъ исходитъ, какъ я, нижайшій, Вашимъ Преосвященствомъ во іереи рукоположенъ и къ Усть-Аксайской Троицкой церкви опредѣленъ; что же касается до исправленія мірскихъ требъ и отъ нихъ получаемыхъ доходовъ, то по большей части отправляетъ, и особливо всѣ браки вѣнчаетъ за довольную плату товарищъ мой, священникъ Михаилъ *Даниловъ*, и, тѣмъ крайне обогатясь и много денегъ собравши, торговать съ барышемъ отдаетъ, и онъ іерей Даниловъ, несмотря на данныя намъ при поставленіи во священство инструкціи и выписанную изъ Кормчей, 16 гл. о бракахъ, нѣкоторыхъ и въ родствѣ повѣнчалъ, и подъ слѣдствіе духовному правленію подпалъ; я же, нижайшій, во всю ту мою по нынѣ бытность, по силѣ того повелѣнія, кромѣ одного брака, никого не вѣнчалъ, да и за отлучностію моею, въ извѣстное Вашему Преосвященству, дѣло *), въ исправленіи мірскихъ требъ собираемыхъ доходовъ отъ товарища моего, по несогласію, ничего не получалъ, да и не желаю, а только тѣмъ доволенъ бы я былъ, когда, въ бытность мою, самъ что получу за требу отъ доброхотныхъ дателей: во время жъ отлучности моей въ опредѣленное дѣло, прошу покорно Ваше Преосвященство, откуда надлежитъ, и сколько заблагоразсуждено будетъ, опредѣлить мнѣ, нижайшему, жалованье, дабы въ отлучкѣ, а жена въ домѣ съ дѣтьми могли бы себѣ имѣться въ содержаніи пищи и другихъ потребностей довольными отъ всякаго недостатка и крайней нужды. 1772 года іюля 5 дня. Къ сему прошенію подписалъ Іерей Василій Петровъ».

*) Вѣроятно, миссіонерская обязанность по обличенію раскольниковъ.

На рапортѣ рукою св. Тихона написано: «подано іюля 7 дня 1772 г. Записавъ, пріобщить къ дѣлу и послать въ правленіе духовное указъ чрезъ сего же просителя, чтобы правленіе Черкасское, сыскавъ іерея Михаила Данилова, взыскало съ него со всѣхъ, сколько онъ въ отлучкѣ или при немъ Василіи, по какому либо упрямству, ни вѣнчалъ браковъ, половинную часть, и сему іерею Василію поручило съ росписко̀ю, и, если начнетъ спорить, то запретить ему, Данилову, священнослуженіе до тѣхъ поръ, пока онъ, іерей Михаилъ Даниловъ, во всемъ онаго іерея Петрова не удовольствуетъ, и впредь дабы, въ отлучкахъ іерея Василія, онъ іерей Михаилъ Даниловъ, исправляя требы на очереди его, Петрова, кромѣ браковъ, отдавалъ двѣ части ему Петрову, а себѣ третью часть взималъ бы за труды, а съ браковъ со всѣхъ на своей и на его—Петрова очереди случающихся, завсегда половинную часть отдавалъ, не утаевая ни одной полденьги; въ томъ его Данилова обязать подпискою и оную подписку намъ прислать немедленно».

Въ этомъ смыслѣ посланъ былъ изъ духовной, Тихона епископа Воронежскаго и Елецкаго, консисторіи указъ Черкасскому духовному правленію отъ 7 іюля 1772 года. Въ ноябрѣ того же года Черкасское духовное правленіе доносило преосвященному Тихону, епископу Воронежскому и Елецкому, о томъ, что указъ консисторіи Данилову объявленъ, а исполнить его оный священникъ Даниловъ обязался подпискою; въ подпискѣ, впрочемъ, Даниловъ писалъ, что «за повѣнчаніе прежде бывшихъ браковъ, не помнитъ теперь, что взято, а для того отдать ничего не хощетъ, почему и священнослуженіе ему запрещено, а впредь по тому указу исполненіе чинить долженствуетъ, въ чемъ подписался» (слѣдуетъ подпись священника).

Затѣмъ мы не имѣемъ никакихъ оффиціальныхъ письменныхъ данныхъ о жизни о. Василія. Приходится довольствоваться уже преданіемъ, которое, благодаря благочестивой

жизни о. Василія, сохранило нѣсколько свѣдѣній о жизни и трудахъ его.

О. Василій имѣлъ свой домъ, довольно скромной архитектуры. Построенъ онъ былъ первоначально казакомъ Гвоздиковомъ и неизвѣстно какимъ путемъ перешелъ къ о. Василію. Домъ этотъ находился вблизи храма, сооруженнаго въ честь Св. Троицы. Домъ одноэтажный, каменный, построенъ изъ тесанныхъ, аршинныхъ камней, болѣе 100 лѣтъ назадъ. Въ длину домъ имѣетъ 12 арш., въ ширину 9 аршинъ и въ высоту отъ земли до крыши 3 аршина. Одна сторона дома вся въ землѣ, такъ какъ домъ стоитъ на крутомъ склонѣ горы. Толщина стѣнъ $^{3}/_{4}$ арш.; крыша на домѣ деревянная; оконъ на улицу три, изъ которыхъ два расположены вмѣстѣ, безъ простѣнка, и одно очень малое съ желѣзною рѣшеткой; ставни деревянныя. Со двора къ дому придѣланъ деревянный коридоръ лишь на половину длины дома. Комнатъ въ домѣ четыре и пятая прихожая. Изъ сѣней (прихожей) ведутъ въ другія комнаты три двери; прямо находится одна комната, а налѣво отъ этой послѣдней и сѣней расположены еще двѣ комнаты; направо отъ сѣней—одна. Извнѣ, да и внутри дома, украшеній, кромѣ благословляющей руки, нарисованной на потолкѣ залы (рисунокъ сдѣланъ самимъ священникомъ о. Василіемъ Петровымъ), нѣтъ никакихъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ дѣлъ отца Василія было созданіе теперешняго кирпичнаго храма, построеннаго немного повыше того мѣста, гдѣ былъ прежній храмъ. О построеніи этого храма передаютъ слѣдующее. Строили храмъ обыкновенно 30 рабочихъ. Какъ скоро одинъ изъ нихъ выбывалъ, его мѣсто занималъ немедленно новый рабочій. За ночь о. Василій наготовлялъ столько матеріала, что 30 рабочихъ едва успѣвали употребить въ дѣло наготовленный имъ матеріалъ. Дважды о. Василій падалъ съ купола новостроющагося храма, но одеждой своей зацѣплялся за лѣса, чѣмъ и

спасался; во второй разъ зашибъ себѣ только переносицу.

Объ о. Василіи говорятъ также, что онъ носилъ вериги и власяницу, съ женою не имѣлъ супружескаго сожитія и много занимался чтеніемъ Священнаго Писанія; оставшееся послѣ него Евангеліе все закапано воскомъ.

О. діаконъ С. М. Поповъ (внукъ о. Тимоѳея Попова, которымъ чтимая въ войскѣ Донскомъ Аксайская икона принесена изъ дома, гдѣ она явилась, въ церковь) разсказывалъ, что у его отца была принадлежавшая о. Василію Петрову книга «Толкованій (подарокъ св. Тихона) на Евангеліе»—св. Іоанна Златоуста съ надписью на ней, сдѣланной рукой св. Тихона.

Нужно думать, что о. Василій прилежалъ къ чтенію сочиненій знаменитаго своего современника, преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Задонскаго, и жилъ по начертаннымъ въ его сочиненіяхъ идеаламъ. Несомнѣнно, что онъ боролся, и притомъ весьма успѣшно, съ расколомъ. Изъ дѣлъ видно, что онъ былъ даже миссіонеромъ противъ раскольниковъ. Въ книгѣ: «Описаніе жизни и подвиговъ Преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго, собранное для любителей и почитателей сего Преосвященнаго» (1820 г.), на стр. 52 и 53 говорится: «Около 1779 г. Донской Оксайской станицы ревностный по истинному благочестію священникъ Василій для увѣщанія привезъ къ нему (т.-е. преосвященному Тихону) одного упорнѣйшаго раскольника съ нѣсколькими единомышленниками, которыхъ всѣхъ онъ вразумилъ, и когда, удовольствовавшись рѣшеніями его, хотѣли они прямо возвратиться въ домы, то онъ уговорилъ ихъ, для большаго увѣренія въ истинѣ его доказательствъ, отправиться къ Новгородскому архіепископу Гавріилу въ Санктпетербургъ, гдѣ они совершенно и обратились къ православной церкви. При возвращеніи на Донъ съ упомянутымъ священникомъ своимъ, заѣхали они воздать благодарность и преосвященному Тихону, который принялъ ихъ съ

восхищеніемъ, а бывшаго расколоначальника даже облобызалъ и при отпускѣ, всѣхъ благословивъ, одарилъ нѣсколькими тетрадями своихъ сочиненій». Про о. Василія единодушно говорятъ, что онъ былъ скоръ на помощь бѣдствующимъ, отличался тайною и сокровенною милостынею и умѣлъ утѣшать страждущихъ. Слѣдующій разсказъ, записанный изъ жизни о. Василія, характеризуетъ его вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ человѣка энергичнаго. Въ одно время къ о. Василію пришелъ мужичекъ, работникъ одного изъ жителей Аксайской станицы, и жаловался ему на то, что хозяинъ его прогналъ и слѣдуемыхъ ему денегъ не уплатилъ. О. Василій послалъ работника обратно къ хозяину и сказалъ ему, чтобы попросилъ хозяина еще разъ отдать слѣдуемое ему жалованье, и потомъ опять пришелъ къ нему (о. Василію) обратно и извѣстилъ о результатахъ просьбы. Хозяинъ и на этотъ разъ отказалъ работнику и выгналъ его. Тогда о. Василій, утѣшивъ, какъ могъ, обиженнаго, приказалъ сторожу звонить по душѣ, а когда у о. Василія спрашивали: «кто умеръ?» то онъ отвѣчалъ, что умерла правда. Этимъ, какъ говорятъ, заставилъ хозяина раздѣлаться съ своимъ работникомъ.

Когда и какъ скончалъ свое жизненное теченіе о. Василій, подробныхъ свѣдѣній не сохранилось, но народъ не забылъ этого добраго пастыря и свое почтеніе къ его памяти выражаетъ служеніемъ панихидъ надъ его могилою. Кто изъ благочестивыхъ поклонниковъ идетъ въ Троицкій храмъ отслужить молебенъ Аксайской иконѣ Божіей Матери, тотъ не минуетъ могилы о. Василія, и отслужитъ надъ нимъ панихиду. Надпись же на надгробной плитѣ, положенной на его могилѣ въ особо-устроенной надъ его могилою часовнѣ, гласитъ:

Надменный пышностью, прельщенный суетой,
Познай ничтожество, познай вѣкъ краткій свой.
Здѣсь человѣкъ лежитъ таковъ, какъ нынѣ онъ.
Исчезнутъ прелесть, честь, слава, міръ, какъ сонъ.

Здѣсь погребенъ отецъ Василій, сынъ Петровъ;
Порокамъ страшенъ былъ, и пышности суровъ,
Сначала воинъ былъ, и злость враговъ губилъ,
За храбрость, мужество себѣ честь получилъ,
А въ тысяча семьсотъ и шестьдесятъ осмомъ году
Священства санъ принялъ онъ по трудамъ.
Раскола сѣмена старался истреблять,
Святѣйшей вѣры свѣтъ догматовъ утверждать.
Въ семъ подвигѣ святомъ вся жизнь его прошла,
Свѣчой и вождемъ хромымъ, слѣпымъ была,
Въ надеждѣ будущихъ блаженныхъ райскихъ дней.
Раченіемъ, трудомъ создалъ святый храмъ сей,
За честность, знанія отъ многихъ былъ любимъ,
Отъ злобы, зависти, за истину былъ гонимъ,
Но въ тысяча семьсотъ девять десятомъ году,
Въ одинадцатый день декабря скончалъ животъ.
Всего лѣтъ шестьдесятъ онъ въ жизни только жилъ,
Но церкви, обществу премного услужилъ.
О Боже милости! За всѣ его труды,
Блаженствомъ, славой, безсмертьемъ награди.

Надъ надписью же выпукло изображены Евангеліе, крестъ и кадило.

Надъ входомъ въ часовню, поставленную надъ могилой о. Василія, написано:

Ни алчна злата страсть, ни буйна страсть честей,
Не смѣли возмутить спокойствія совѣсти твоей.
Миръ праху твоему, служитель алтаря почтенный,
Да будетъ намъ въ примѣръ твой подвигъ незабвенный.

Въ часовнѣ надъ прахомъ о. Василія Петрова находятся: двѣ иконы Богоматери, святителя Тихона, святителя Николая, епископа Мурликійскаго. Въ верху на передней стѣнѣ виситъ икона Царя Славы.

Объ обстоятельствахъ смерти о. Василія въ народѣ передается слѣдующее: о. Василій жилъ одинъ въ домѣ, а когда

умеръ, то его нашли уже обмытаго, а нѣкоторые видѣли даже въ домѣ 12 священниковъ, обмывавшихъ тѣло покойнаго.

Господь Богъ благоволилъ прославить Своего скромнаго служителя проявленіемъ чудодѣйственной своей силы. Такъ народонаселеніе многихъ, не только близкихъ къ Аксайской станицѣ, но и отдаленныхъ мѣстъ вѣритъ, что отъ земли, взятой отъ гроба о. Василія, бываютъ исцѣленія отъ болѣзней, особенно же отъ лихорадокъ.

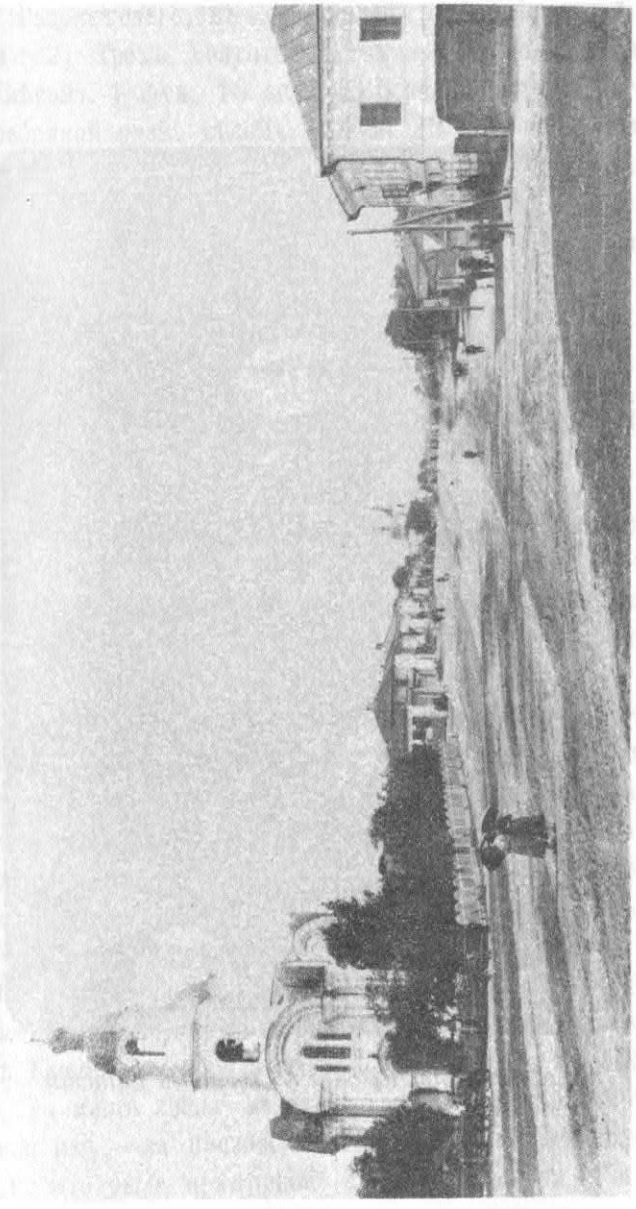
Такъ, о. діаконъ А. А. Югановъ былъ сильно боленъ, такъ что врачи потеряли надежду на его выздоровленіе. Одна знакомая ему женщина-сосѣдка, пришедшая навѣстить больного, предложила ему испробовать новое, неизвѣстное ему, врачебное средство, которымъ она запаслась и пользовалась,— это землю съ могилы Аксайскаго священника о. Василія Петрова. О. діаконъ, конечно, съ радостію согласился воспользоваться указаннымъ средствомъ. Тогда насыпали эту землю въ богоявленскую воду и, давши ей отстояться, предложили о. діакону ее выпить. Больной, выпивши воды, почувствовалъ теплоту и скоро заснулъ. На слѣдующій день онъ еще выпилъ таковой же воды и быстро сталъ поправляться. Выздоровѣвши совсѣмъ, о. діаконъ отправился въ Грушевское горное поселеніе (теперешній Александровскъ-Грушевскій). Тамъ послѣ трудовъ онъ, предъ вечеромъ, заснулъ легкимъ сномъ. Вдругъ къ нему подходитъ священникъ, суровый такой — съ греческимъ носомъ, держа въ рукахъ трость, и спрашиваетъ его: «скоро ли ты помиришься со мною? Развѣ ты забылъ о. Василія Аксайскаго?» Тогда-то о. діаконъ припомнилъ, что онъ обѣщался, если выздоровѣетъ, отправиться въ Аксай и отслужить по о. Василіи панихиду. Послѣ этого событія о. діаконъ исполнилъ свое обѣщаніе, и въ Аксайской станицѣ повѣдалъ бывшее съ нимъ многимъ лицамъ.

Въ станицѣ Кущевкѣ (Кубанской области) однажды очень

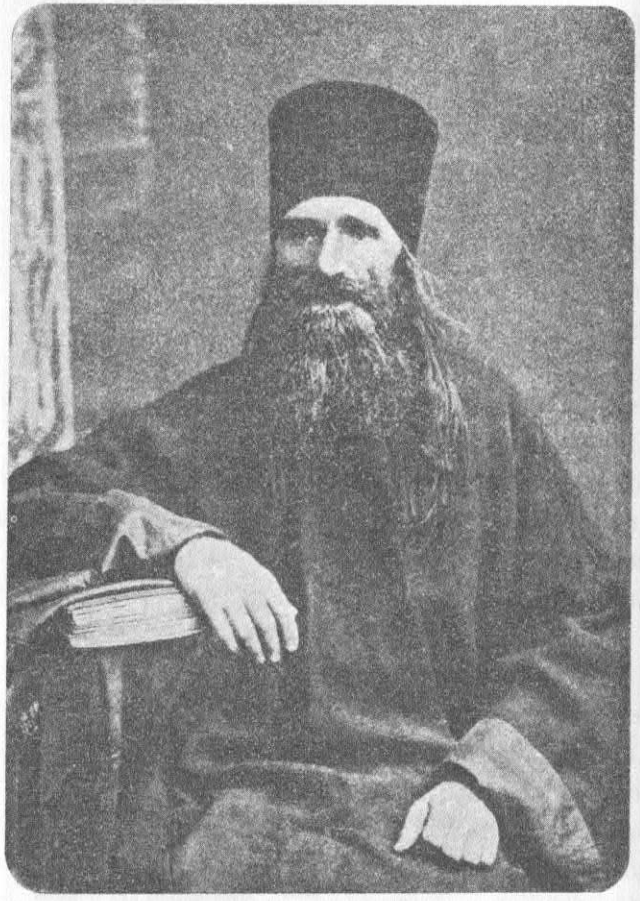
много жителей болѣло лихорадкой. Всѣ больные выздоравливали, принявши воды, въ которую была положена земля, взятая отъ могилы о. Василія Петрова. Старушка, вдова Бѣлоусова, отличавшаяся своею добродѣтельною жизнію, въ одно время, проснувшись ночью, услышала благовѣстъ и пошла въ церковь. Въ церкви дѣйствительно служилась утреня, но священникъ, отправлявшій богослуженіе, былъ ей не извѣстенъ, да и народъ, бывшій въ храмѣ, тоже былъ ей незнакомъ,—а народу было очень мало. По окончаніи богослуженія, старица эта отправилась домой и снова легла въ постель, но чрезъ нѣсколько времени была разбужена благовѣстомъ. Она подумала, что это благовѣстятъ къ обѣднѣ, но, придя въ храмъ, увидѣла, что отправляется богослуженіе, совершенно несходное съ литургіею, а болѣе похожее на утреню. Чтобы разрѣшить свое сомнѣніе, она обратилась къ бывшему тогда священнику о. Андрею Пашутину, отправлявшему богослуженіе, и узнала отъ него, что совершается утреня. Тогда Бѣлоусова сказала о. Андрею, что она часа два назадъ была уже у утрени и разсказала вообще все, съ нею случившееся. О. Андрей попросилъ старушку описать, какой священникъ служилъ утреню, и та описала ему съ точностію лицо о. Василія Петрова. Разсказъ этотъ и былъ переданъ о. Андреемъ нѣкоторымъ изъ гражданъ и между прочимъ владѣльцу дома о. Василія.

Когда ремонтировали гробницу о. Василія, то священники желали узнать, въ какомъ состояніи находится тѣло о. Василія и приказывали каменщику, починявшему гробницу, открыть гробъ и посмотрѣть, что тамъ есть. Они обѣщали кромѣ того каменщику отправить по о. Василіи снова чинъ погребенія,—но каменщикъ выходилъ каждый разъ изъ гробницы нѣмъ и глухъ, и вообще не могъ говорить, когда они у него объ этомъ спрашивали.

Отъ о. Василія Петрова въ храмѣ въ особомъ мѣстѣ сохраняются иконы: 1) Посѣщеніе Богоматерію преподобнаго



Городъ Аксай. Фотографія нач. XX в.



Старецъ іеросхимонахъ Стефанъ Вятскій

Сергія Радонежскаго, въ серебряной ризѣ, вѣсомъ 1 фун. 93 зол.; 2) Трехъ святителей, въ серебряно-вызолоченной ризѣ, вѣсомъ 1 фун. 18 зол.; 3) Божіей Матери Одигитріи, въ серебряной ризѣ, вѣсомъ 1 фун. 32 зол. и 4) «Блаженное Чрево», въ серебряно-вызолоченной ризѣ, вѣсомъ 1 фун. 9 золотн. Всѣ иконы почти одинаковой величины, а именно—около $^1/_2$ арш. высоты и вершковъ 6 ширины; стоятъ онѣ въ одномъ деревянномъ кіотѣ *).

Старецъ іеросхимонахъ Стефанъ Вятскій.

(Память 15 августа).

Родиною іеросхимонаха Стефана была деревня «Надъ рѣчной Филейкой», по простонародью «Куртѣевы», въ Вятской губерніи и уѣздѣ. Родился онъ 17-го іюля 1830 года и во святомъ крещеніи былъ названъ Симеономъ. Родители его, Петръ Степановичъ и Ирина Трофимовна Куртѣевы, были крестьяне и занимались земледѣліемъ. О своихъ родителяхъ и о родномъ братѣ, о томъ, какъ они жили, отецъ Стефанъ еще при своей жизни писалъ. «Не напрасно же говорятъ: «первое счастіе для дѣтей — разумная мать». Всегда вспоминаю я съ сердечною признательностію ея мудрое воспитаніе дѣтей своихъ, то счастливое для меня время, въ которое, подъ ея смотрѣніемъ, наслаждался я благами жизни сей. Она постоянно была предана заботѣ о спасеніи души— не своей одной, но и дѣтей своихъ: жила она всегда въ страхѣ Божіемъ, говорила часто о Богѣ и хотя не была грамотна, но много знала молитвъ наизусть и нараспѣвъ произносила ихъ,—за пряжей ли когда сидѣла, или полола въ огородѣ. Это была примѣрная женщина, добрая, боголюби-

*) Изъ брош. г. А. Крылова 1884 „Краткое жизнеописаніе священника Аксайской Троицкой церкви, В. П. Петрова“.

вая! И кто изъ близъ живущихъ не зналъ Ирину Трофимовну! Кто при нуждѣ къ ней не приходилъ за пособіемъ! Она дастъ бѣдному сосѣду и коровушку въ долгъ, пособитъ и дѣвушкѣ-сиротѣ выйти замужъ. Была она настолько жалостлива, сострадательна къ сирымъ и бѣднымъ, что всякій, кто зналъ, помянетъ ее съ пожеланіемъ сердечнымъ: «дай ей, Господи, царство небесное»!

«Объ отцѣ не знаю, что сказать, — былъ онъ человѣкъ характера неспокойнаго, тѣмъ болѣе, что одержимъ былъ слабостію винопитія, коему особенно предавался онъ въ праздничные дни, расточая на это нерѣдко послѣдніе свои достатки. Благодаря этому, настоящей хозяйкой въ домѣ, воспитательницей дѣтей была моя мать, а не отецъ. При этомъ много горя и тяжкихъ обидъ пришлось перенести ей отъ отца: она была страдалицей въ полномъ смыслѣ этого слова. «Поступившій въ гимназію, въ Вяткѣ, Симеонъ Куртѣевъ курса въ ней, однакоже, не кончилъ и вышелъ изъ 6-го класса, благодаря какому-то недоразумѣнію, происшедшему у него съ однимъ изъ учителей. Конечно, оставить гимназію за два года до окончанія курса ему было тяжело, но это еще болѣе поразило его мать... Когда онъ пришелъ къ ней и заявилъ, что уже не будетъ болѣе учиться, то она исполнилась скорби и печали; наконецъ, она рѣшилась прибѣгнуть за совѣтомъ къ мѣстному священнику села Филейки, о. Стефану, которому она и передала подробно все, случившееся съ сыномъ ея. Священникъ принялъ участіе въ ея скорби и много говорилъ ей для назиданія, говорилъ, чтобы она предалась во всемъ на волю Божію; «если онъ куда захочетъ идти, то ты не запрещай». Слова эти впослѣдствіи оказались пророческими, хотя самъ священникъ и не придавалъ имъ, быть можетъ, такого значенія. Успокоенная священникомъ, мать Симеона всецѣло предалась во всемъ волѣ Божіей; ибо и у нея, дѣйствительно, было желаніе, чтобы Симеонъ былъ слугою Господа.

По выходѣ изъ гимназіи, Симеонъ Куртѣевъ продолжалъ свое образованіе въ сельско-хозяйственномъ училищѣ, въ городѣ Казани. Руководясь желаніемъ достигнуть высшихъ степеней знанія и услышать послѣднее слово науки, Куртѣевъ оставилъ и это училище и отправился, по желанію старшаго брата, въ Петербургъ, для приготовленія къ поступленію въ Петербургскую медико-хирургическую академію. Но не къ человѣческому званію и не къ мірской наукѣ готовило его Провидѣніе. Недолго пришлось ему пробыть у брата въ Петербургѣ. Въ то время только что были отпечатаны и читались многими съ охотою «Письма Святогорца о свят. горѣ Аѳонской». Эти увлекательныя сочиненія такъ подѣйствовали на умъ и сердце впечатлительнаго юноши, что онъ ушелъ изъ Петербурга съ готовностію терпѣть голодъ, холодъ, нищету и всѣ скорби страннической жизни, безъ всякихъ средствъ, съ однимъ упованіемъ на Бога, чтобы только достигнуть пустынной иноческой обители. Но это было не такъ легко исполнить, какъ казалось, — юношѣ недоставало благословенія матери. Будущій отшельникъ вернулся поэтому на родину. Прибывъ изъ Петербурга къ среднему брату, Ивану Петровичу, который жилъ на родинѣ съ матерью, Симеонъ Петровичъ пробылъ немного времени у брата; намѣреніе покинуть міръ и его соблазны не оставляло его, а напротивъ, все болѣе и болѣе укрѣплялось въ немъ. Обдумавъ все, онъ рѣшился, наконецъ, съ благословенія своей матери, уйти на пустынный островъ Соловецкій, на Бѣломъ морѣ и тамъ посвятить себя на служеніе Богу иноческими подвигами, подъ руководствомъ опытныхъ въ духовной жизни старцевъ; тогда ему было всего около 20 лѣтъ отъ роду. Въ Соловецкую обитель онъ прибылъ съ другомъ своимъ, такимъ же молодымъ, Иваномъ Ивановичемъ Куртѣевымъ; тамъ приняли ихъ обоихъ въ качествѣ послушниковъ; Симеону Петровичу сначала дали послушаніе въ бочкарнѣ дѣлать ведра, чему онъ обучился еще въ сельско-хозяйствен-

номъ училищѣ въ Казани. Въ первый день работы онъ, какъ не привыкшій еще къ инструментамъ, до того часа, когда положено завтракать, успѣлъ сдѣлать очень мало. Когда послышался въ монастырѣ звонокъ къ завтраку, Симеонъ проситъ у брата, старшаго надъ нимъ, благословенія идти на трапезу. Но старшій сказалъ ему съ оттѣнкомъ негодованія: «какой тебѣ еще завтракъ, когда ты и одного ведра не сдѣлалъ».—Такъ и остался безъ завтрака юный послушникъ Симеонъ. Въ скоромъ времени перевели его на другое, болѣе тяжелое послушаніе, которое ему было совсѣмъ не подъ силу, почему и не могъ принять его на себя. Ему поручили переносить пятипудовые мѣшки съ мукою въ пекарню, и когда онъ отказался отъ такого послушанія, то объ немъ доложили настоятелю, что онъ вообще неспособенъ къ послушанію. Настоятель приказалъ ему уйти отъ нихъ, куда хочетъ, и онъ ушелъ, по слабости силъ, проживъ въ Соловецкой обители только восемь недѣль. Выйдя оттуда и переправившись по морю въ г. Архангельскъ, Симеонъ пошелъ странствовать по святымъ мѣстамъ Россіи, отыскивая себѣ новыхъ наставниковъ и руководителей въ духовно-подвижнической жизни. Послушникъ Симеонъ стремился къ уединенію, чтобы приблизиться къ Богу и уже зналъ, что ничто не можетъ быть сильнѣе молитвы; а въ этихъ обстоятельствахъ помощь Всемогущаго и молитва къ Нему были ему, какъ страннику, необходимы. И потому онъ любилъ странствовать всегда одинъ для того, чтобы удобнѣе было предаваться молитвѣ Іисусовой, и, по мѣрѣ упражненія въ ней, находилъ въ этой молитвѣ все большую и большую силу подкрѣпленія; эта молитва неудержимо влекла его къ себѣ, такъ какъ всегда послѣ нея онъ чувствовалъ особенную, необъяснимую радость. И былъ онъ во многихъ благоустроенныхъ монастыряхъ, отыскивая руководителя-старца, опытнаго въ духовной жизни. Наконецъ, Симеонъ дошелъ до монастыря преподобнаго Нила Сорскаго;

тамъ славился въ то время духовною мудростію и святостію жизни старецъ-іеромонахъ Нилъ, искусный въ иноческихъ подвигахъ. Симеонъ Петровичъ посѣтилъ его, прося благословенія и совѣта въ своей жизни. Старецъ, взирая прозорливыми очами на юнаго Симеона и предусмотрѣвъ благодать имѣющую на немъ почить, благословилъ его идти на свою родину, учить дѣтей и сказалъ: «ты тамъ получишь спасеніе». Симеонъ, предавшись вполнѣ волѣ Божіей, по совѣту старца Нила, снова направился къ роднымъ мѣстамъ, рѣшившись окончательно посвятить себя уединенной жизни именно тамъ и даже мысленно избралъ и мѣсто для этого. Во время странствованія Симеонъ Петровичъ нанялся однажды у крестьянина косить траву—для того, чтобы на заработанныя деньги прокормить себя дорогою. Крестьянинъ, къ которому нанимался Симеонъ, объявилъ ему: «у меня работаютъ поденщики по 50 коп. въ день; я и тебѣ дамъ эту же плату, но если будешь старательно работать, не лѣнясь, то я могу еще тебѣ прибавить». На эти условія странникъ Симеонъ охотно согласился и работалъ у крестьянина въ теченіе недѣли; хотя и не особенно сильно старался, но отъ другихъ не отставалъ; при работѣ же хранилъ молчаніе и умомъ постоянно призывалъ имя Божіе. По прошествіи недѣли пришлось дѣлать разсчетъ за работу; хозяинъ спросилъ новаго работника: «а что? сколько тебѣ за работу-то»? Работникъ Симеонъ очень удивился такому вопросу крестьянина; но со смиреніемъ и кротостію сказалъ ему: «а сколько положишь». Онъ не сомнѣвался въ честности хозяина, такъ какъ видѣлъ, что онъ разсчитывалъ прочихъ по условленной цѣнѣ и мирно, не ссорясь. И вдругъ онъ видитъ, что ему онъ отдаетъ за всѣ шесть дней только 60 коп. Жена крестьянина, видя такой поступокъ мужа, съ упрекомъ замѣтила ему: «что ты мало отдалъ страннику за работу»? Но мужикъ сказалъ женѣ: «да, видишь, — онъ дуракъ; потому ничего и не говоритъ, что мало; значитъ будетъ для него и

этихъ денегъ. И на работѣ-то было замѣтно за нимъ, что онъ ничего не говорилъ, а только молчалъ, словно безъ языка; и мнѣ думается, что онъ вовсе безтолковый; ничего не понимаетъ». Все-таки жена мужика, имѣя болѣе сострадательное сердце, сжалилась надъ странникомъ и, безъ всякой со стороны послѣдняго просьбы, насыпала ему котомку сухарей на дорогу, затѣмъ проводила его изъ дому и, прощаясь, просила его не осудить ея мужа. Видя смиренное сердце женщины, странникъ Симеонъ успокоилъ ее словами Божественнаго Писанія, и она возвратилась съ миромъ домой; самъ же онъ еще разъ возблагодарилъ Господа за хлѣбъ и за деньги заработанныя, и Господь не оставилъ его; денегъ, полученныхъ имъ, достало на всю дорогу до самаго дома, и онъ прибылъ благополучно на родину. «Взялъ примѣръ я, говорилъ Симеонъ Петровичъ, объясняя свое стремленіе къ дому, съ преподобнаго Зосимы Соловецкаго, который тоже жилъ сначала въ маленькой келліи позади своего дома; такъ и я пожелалъ жить близъ своего дома».

Въ окрестностяхъ города и рѣки Вятки мѣстность вообще холмистая, напоминающая собою застывшую вдругъ морскую зыбь, морскія волны; проѣзжая тамъ, вы только и дѣлаете, что спускаетесь съ одного холма, чтобы подняться на другой такой же или немного круче; горы встрѣчаются рѣдко. Въ 6-ти верстахъ отъ города, недалеко отъ деревни, называемой «Надъ рѣчкой Филейкой», за полемъ, по такимъ же холмамъ растетъ лѣсъ, нынѣ, впрочемъ, уже частію вырубленный; по крутому холму въ верстѣ отъ деревни, тотчасъ за полями, протекаютъ изъ горы два ключа-ручья. У этихъ то ручьевъ, въ горѣ, отшельникъ Симеонъ избралъ себѣ въ лѣсу, около маленькаго болота, удаленнаго отъ людскаго шума, мѣсто для келліи, имѣвшее въ то время чрезвычайно непріятный, унылаго характера, видъ, и почти совершенно недоступное для людей, отъ опасности увязнуть въ болотѣ. Симеонъ Петровичъ самъ выкопалъ себѣ тутъ въ горѣ пещеру; поставилъ въ ней срубъ, въ коемъ можно было только сидѣть, стоять или лежать, но не ходить, такъ какъ въ ширину и длину онъ былъ только два аршина съ четвертью; такъ же и въ вышину, — безъ дверей, съ однимъ окномъ, въ которое онъ едва пролѣзалъ, и другимъ, около трехъ съ половиною вершковъ, подъ самымъ потолкомъ.

Первоначально, по прибытіи изъ путешествія по святымъ мѣстамъ, Симеонъ Петровичъ удалялся въ свою пещеру на время, а болѣе пребывалъ въ домѣ родителей. Отецъ не обращалъ на него никакого вниманія, но мать любила Симеона и потому не препятствовала его иноческимъ стремленіямъ и даже благословляла его на служеніе Богу. Но средній братъ, Иванъ, занимавшійся тогда обработкой земли и управлявшій всѣмъ хозяйствомъ въ домѣ, видя, что младшій Симеонъ все только и дѣлаетъ, что читаетъ книги, а работаетъ очень мало, и, считая чтеніе за бездѣлье и праздность для крестьянина, не возлюбилъ его и сталъ преслѣдовать. Поступки Симеона и устройство келліи не укрылись также и отъ взоровъ по деревнѣ и окрестныхъ жителей, которые, видя его живущимъ въ лѣсу, называли «умалишеннымъ Сенькой». И вотъ, однажды, побуждаемый общей недоброй молвой и настроенный, вѣроятно, даже совѣтами сосѣдей, братъ Иванъ въ раздраженіи выгналъ Симеона изъ дому въ худенькой шапкѣ и плохой одеждѣ, говоря: «ступай, куда хочешь», и въ насмѣшку далъ ему на дорогу 17 коп., хотя у него уже было и свое порядочное состояніе. Симеонъ покорился его волѣ, смиренно взялъ деньги и удалился въ свою землянку; на 12 коп. онъ купилъ раму для окна, а на остальныя 5 коп. купилъ подсолнечнаго масла для лампады, чтобы при свѣтѣ ея читать книги. Чтобы успокоить свою душу, Симеонъ углубился въ чтеніе Евангелія, Посланій Апостольскихъ, твореній святыхъ отцовъ, которыхъ избралъ себѣ въ руководители, и совѣты ихъ записывалъ, какъ драгоцѣнныя находки для ума и сердца своего.

Вскорѣ, однакоже, братъ Иванъ, видя смиреніе и незлобіе Симеона и неизмѣнную рѣшимость его покинуть міръ для служенія Богу, пересталъ сердиться на него, рѣшивъ не обращать никакого вниманія на его поступки. Когда онъ по праздникамъ приходилъ въ церковь села Филейки въ лаптяхъ, въ худенькой одеждѣ, пропитанной отъ пещернаго воздуха затхлымъ запахомъ,—люди, знавшіе его, какъ онъ прежде, будучи гимназистомъ, ходилъ въ свѣтлыхъ «пуговичкахъ», а теперь походилъ на нищаго, кивали на него головою и говорили другъ другу: «посмотрите-ка: Сенька-то съ ума сошелъ—вѣрно, стоитъ весь оборванный и пропитанный какимъ-то гнилымъ запахомъ». Очень много приходилось терпѣть насмѣшекъ юному отшельнику. Симеонъ терпѣливо выносилъ всѣ оскорбленія, наносимыя ему словами. Затѣмъ и совсѣмъ перестали обращать на него вниманіе и оказывали ему одно только молчаливое презрѣніе. Не менѣе десяти лѣтъ испытывалъ онъ такое презрѣніе и уничиженіе отъ людей и въ теченіе этого времени никто и шапки предъ нимъ не снималъ. Но чѣмъ болѣе испытывалъ Симеонъ стѣсненія и горя, тѣмъ болѣе онъ радовался ниспосылаемымъ ему искушеніямъ и отъ сего душа его пребывала постоянно въ молитвенномъ настроеніи и богомысліи.

Симеонъ Петровичъ, горя любовію къ Богу и желая совершенно умертвить земныя влеченія свои, возложилъ на себя желѣзныя вериги, по примѣру древнихъ отцевъ. Пищу принималъ въ очень маломъ количествѣ и то въ два часа пополудни, а вечеромъ уже совсѣмъ не ѣлъ. Чаю и сахару онъ не имѣлъ, а если и пилъ когда по немощи горячую воду съ солодковымъ корнемъ, то говорилъ онъ такъ: «еще въ пустынѣ жить, да чай пить. Если будешь сладко ѣсть и пить, то не можешь жить въ уединеніи и въ пустынѣ». И потому настолько онъ былъ худощавъ, что приходилось ему класть подъ поясъ на животъ подушку, чтобы не было замѣтно для другихъ его истощаніе. Поэтому, поселившись въ пещерѣ, въ лѣсу, Симеонъ Петровичъ старался все болѣе и болѣе избѣгать сношеній съ міромъ и продолжалъ посѣщать только своихъ родителей, брата и двухъ друзей: Онисима Ѳеодоровича и Ивана Ивановича К—выхъ, но и къ нимъ приходилъ только по необходимости и то не надолго, а большую часть времени проводилъ въ своей келліи, углубляясь умомъ и сердцемъ въ молитву. Хотя келлія Симеона Петровича находилась и не болѣе версты отъ села Филейскаго, но деревья скрывали село отъ глазъ Симеона. Мѣсто же, гдѣ стояла келлія, было, какъ упомянуто, дикое и болотистое; многіе даже боялись тамъ ходить. Однажды, поздно вечеромъ, возвращаясь отъ брата въ свое убѣжище, Симеонъ почувствовалъ такой страхъ, что, казалось, волосы его поднялись дыбомъ. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и продолжая мысленно призывать Бога, онъ успокоился и мирно дошелъ до своей келліи. Однако, этотъ случай заставилъ его срубить часть деревьевъ въ лѣсу настолько, чтобы хотя было возможно видѣть крестъ на церкви села Филейскаго.

Отшельникъ Симеонъ, желая приблизиться къ Богу мыслію и во исполненіе словъ Апостольскихъ: «непрестанно молитеся» (1 Сол. 5, 17), избралъ себѣ для непрестаннаго моленія молитву Іисусову и постепенно увеличивалъ число поклоновъ и произнесенія ея. Кромѣ того, Симеонъ старался пріучать себя къ совершенному молчанію.

Въ первые годы пустынной жизни Симеонъ ходилъ изъ пещеры своей къ брату помогать сушить овинъ по вечерамъ, а днемъ и ночью находился всегда почти въ своей келліи; за это получалъ отъ брата муку и картофель, служившіе ему пищей, которую онъ самъ приготовлялъ; пекъ въ золѣ картофель, лепешки на сковородѣ, и ѣлъ ихъ съ водою. Однажды братъ Иванъ попросилъ Симеона съѣздить съ нимъ въ луга въ зимнее время на саняхъ, за сѣномъ; Симеонъ согласился и поѣхалъ; братъ правилъ лошадью, а

Симеонъ сидѣлъ въ саняхъ одинъ, взирая на небо и занимаясь Іисусовою молитвою; вдругъ ему представилось, что, будто, по воздуху, по направленію къ востоку, несутъ ангелы инока въ мантіи. Чрезвычайно обрадованный этимъ видѣніемъ, онъ всегда хранилъ его въ своемъ сердцѣ. Именно въ то время у него явилось первый разъ сильное желаніе основать мужской монастырь близъ села Филейки, о чемъ онъ и возсылалъ усердныя молитвы къ Богу, прося помощи въ этомъ дѣлѣ. И, дѣйствительно, Господь исполнилъ его желаніе. Стремясь къ наслѣдію вѣчнаго блаженства, Симеонъ любилъ во всемъ скудость и нищету; онъ уже вовсе не заботился объ одеждѣ и носилъ всегда самую плохую и дырявую. Бѣлье тоже мылъ самъ и притомъ только къ большимъ праздникамъ. Нѣкто однажды купилъ ему новый азямъ изъ чернаго сукна, хорошій картузъ и кожаные сапоги, но онъ отправился въ городъ Вятку и продалъ всю эту одежду; надѣлъ на себя старый дырявый азямъ, а вырученныя деньги отдалъ безъ остатка нищимъ и убогимъ, стоящимъ у церкви. Возвращаясь изъ города, онъ, недалеко отъ своего убѣжища, смотря на свою келлію, исполнился неизъяснимой духовной радости и пребывалъ въ такомъ радостномъ состояніи духа цѣлую недѣлю. Когда у Симеона была еще жива мать, онъ для нея приходилъ читать акаѳистъ Покрову Божіей Матери; она любила его слушать; а онъ самъ такъ привыкъ къ чтенію его, что когда не удастся ему прочитать въ иной день акаѳистъ, то чувствовалъ безпокойство, какъ будто недоставало чего-то. Въ одно время мать Симеона сдѣлалась очень больна, и видно было, что близка ея кончина. Въ послѣднія минуты жизни матери Симеонъ, по ея желанію, читалъ акаѳистъ, и она слушала. Она чувствовала себя все слабѣе и слабѣе, и, лишь только Симеонъ окончилъ чтеніе акаѳиста, она скончалась. Радуясь, что успѣлъ дочитать акаѳистъ, Симеонъ сказалъ: «Слава Тебѣ, Господи». Братъ его съ пренебреженіемъ указалъ на него домашнимъ, говоря:

«вотъ дуракъ-то! надо плакать, что мать померла, а онъ радуется».

Потерявъ мать, единственнаго человѣка въ родной семьѣ, сочувствовавшаго ему и любившаго его, и желая для облегченія своего горя покинуть на время свою родину, гдѣ все ему напоминало о матери и кончинѣ ея, и въ то же время намѣреваясь воспользоваться опытомъ и мудростію другихъ людей для духовнаго усовершенствованія себя, Симеонъ снова отправился странствовать по монастырямъ и вообще по святымъ мѣстамъ, съ цѣлію посѣтить также и святую Аѳонскую гору. Братъ далъ ему на дорогу только 50 коп., но онъ все-таки пошелъ, уповая лишь на милость Божію. Дойдя до Саровской пустыни, онъ остался тамъ и прожилъ тамъ пять мѣсяцевъ, былъ на послушаніи въ кухнѣ и ходилъ на клиросъ, для исполненія обязанности канонарха, такъ какъ обладалъ звучнымъ, пріятнымъ теноромъ. Изъ Саровской пустыни онъ направился въ Кіевъ, зашелъ по пути въ Глинскую пустынь. Наступила уже зима, а онъ былъ въ плохой лѣтней одеждѣ, которую дали ему въ Саровѣ. Братія Глинской пустыни, видя его въ холодное время въ лѣтней одеждѣ, сжалились надъ нимъ, приняли съ особеннымъ участіемъ, обогрѣли, накормили, даже почтенные иноки-старцы, сожалѣя о немъ, долго бесѣдовали съ нимъ, и много благодатныхъ назидательныхъ словъ онъ услышалъ отъ нихъ въ утѣшеніе души своей. Совѣтовали ему терпѣть ради Господа всѣ нужды и скорби и не покидать узкій и тѣсный путь, коимъ единственно можно достигнуть царства небеснаго. Слова иноковъ водворили миръ въ душѣ Симеона, и онъ продолжалъ укрѣпляться духомъ въ любви къ Богу. — «Хотя они, по своей бѣдности, мнѣ не помогали вещественно, говорилъ онъ, но слово могущее умудрить во спасеніе, для спасаемыхъ служитъ паче даянія блага (Сир. 18, 17)— сказано въ Писаніи». За это онъ всегда одобрялъ Глинскую обитель и говорилъ, что тамъ есть много свѣтиль-

никовъ (т. е. благодатныхъ иноковъ-старцевъ), но подъ спудомъ.

«Путешествовалъ я, разсказывалъ о. Стефанъ, большею частію зимою; одежда у меня была холодная; когда я, бывало, озябну, то вырою въ снѣгу глубокую яму, залѣзу въ нее, погрѣюсь и опять пойду до слѣдующей деревни. Однажды я держалъ свой путь съ двумя товарищами, и всѣ мы шли цѣлый день не ѣвши; подъ вечеръ товарищи выпросили себѣ въ деревнѣ три ломтя хлѣба, и спрашиваютъ меня: «ты хочешь ли ѣсть-то?» Я постѣснился сказать, что хочу, и отвѣтилъ: не хочу; они и не дали мнѣ хлѣба, такъ что я и пробылъ цѣлый день не ѣвши. Поэтому, не слѣдуетъ, говорилъ онъ, предлагая человѣку хлѣбъ, еще и спрашивать, хочетъ ли онъ ѣсть—особенно, если знаешь, что онъ голоденъ».

Продолжая путешествовать, Симеонъ посѣтилъ Аѳонъ. Тамъ онъ провелъ зиму въ келліи Срѣтенія Господня. Возвращаясь съ Аѳона, Симеонъ Петровичъ направился въ Таврическую губернію къ своему родственнику, со стороны старшаго брата, по фамиліи Славичъ и, оставшись тамъ, пробылъ у него цѣлый годъ, обучая дѣтей. Ему отведенъ былъ въ саду отдѣльный маленькій домикъ, въ уваженіе его любви къ уединенію. Здѣсь онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, которая любила слушать поученія и слова Симеона о Богѣ и о спасеніи души, такъ какъ онъ говорилъ очень кротко, привѣтливо и довольно краснорѣчиво. Увлеченная его словами, она почувствовала къ нему любовь настолько, что изъявила согласіе выйти за него замужъ. Также и онъ готовъ былъ жениться на ней, но, въ то же время, усердно просилъ Господа вразумить его въ семъ случаѣ, и бракъ не состоялся.

Оттуда Симеонъ Петровичъ перешелъ въ новооткрытые скиты въ Таврическихъ горахъ и тамъ, томимый, въ теченіе двухъ лѣтъ, перемежающейся черезъ два дня лихорадкой, едва не умеръ и могъ едва придти домой. Когда онъ под-

ходилъ къ городу Севастополю, въ весеннее время, у него денегъ было только три копейки; на нихъ онъ купилъ себѣ хлѣба въ городѣ и сталъ было искать пристанища для ночлега, но безъ денегъ его никто не пустилъ; пришлось бѣдному страннику идти за городъ, гдѣ подъ открытомъ небомъ онъ и ночевалъ, терпя стужу. Его путь отъ Таврическихъ скитовъ былъ очень продолжителенъ: онъ, какъ больной, подвигавшійся очень тихо, едва могъ придти въ полгода. По возвращеніи домой, онъ перемѣнилъ свое помѣщеніе и перешелъ изъ прежней келліи въ другую деревянную, выстроенную имъ уже на землѣ. Это было въ 1862 году.

Томящая, изнурительная крымская лихорадка еще въ теченіе года мучила его дома и лишила силъ и тридцатидвухъ-лѣтняго, отъ природы тощаго, отъ поста и сидѣнія исхудалаго Симеона Петровича, котораго не иначе звали всѣ ближніе крестьяне, какъ уменьшительнымъ именемъ: Сенька, и презрѣннѣе того—монахъ. Онъ не могъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба ничѣмъ инымъ, какъ только однимъ умѣньемъ—поучить кого-либо грамотѣ. И вотъ Господь послалъ ему сосѣда добраго, изъ ближайшей деревни, жившаго въ полверстѣ отъ келейки его, покойнаго Е. Н Сап—ва; по просьбѣ его Симеонъ Петровичъ и началъ учить сына его Ивана. Потомъ начали изъ ближнихъ деревень приводить къ Симеону Петровичу дѣтей, которыхъ и набиралось по зимамъ до семидесяти. Изба была поставлена въ лѣсу уже другая, подъ горой былъ прудикъ.

Но Симеонъ Петровичъ, какъ привыкшій къ одиночеству, въ лѣтнее время всегда любилъ уединяться для того, чтобы ему удобно было заниматься словомъ Божіимъ и молитвою. Живя въ своей новой пещерѣ надъ Курьею, Симеонъ Петровичъ любилъ иногда заниматься пѣніемъ; особенно онъ любилъ пѣть: «съ нами Богъ»... и проч. и пѣснь Пресвятой Богородицѣ: «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу»... Голосъ у него былъ пріятный, звонкій, а пѣлъ

онъ всегда съ благоговѣніемъ и умиленіемъ сердечнымъ, и потому пріятно было слышать его. Однажды онъ пѣлъ съ своимъ ученикомъ въ этой пещерѣ: «Достойно есть»... А въ то время, около его пещеры прогуливался священникъ села Филейскаго о. А.; онъ услышалъ пріятное пѣніе и остановился, слушая съ удивленіемъ, и умилился духомъ; однако сначала не могъ понять, кто это поетъ, даже думая, что это Ангелы поютъ, такъ показалось усладительно и пріятно пѣніе! Потомъ подошелъ поближе къ его пещерѣ и тогда узналъ, что поетъ Симеонъ Петровичъ. Зашелъ къ нему въ пещеру, благословилъ его и сказалъ ему: «я слышалъ ваше пѣніе, сначала вообразилъ, что это поютъ Ангелы, очень показалось пріятно и умилительно».

Въ первые десять лѣтъ пустынной жизни Симеонъ Петровичъ находился въ презрѣніи отъ людей; но онъ совершенно покорился волѣ Божіей. Отказавшись отъ міра, Симеонъ Петровичъ возлюбилъ пустынную жизнь. И вотъ тамъ одинъ съ Богомъ, не видя суеты мірской, занимался всегда ученіемъ Господнимъ и молитвою, очищая сердце и просвѣщая свой умъ, съ помощію Божіей благодати. Хотя онъ и отрекся отъ міра, но любилъ всѣхъ людей и помогалъ имъ, чѣмъ могъ, преимущественно своею молитвою; особенно же любилъ онъ Боговѣнчаннаго Самодержца земли Русской и всегда молился за Него весьма усердно. Въ 1866 году, на 4-е апрѣля, онъ провелъ всю ночь безъ сна въ молитвѣ, произнося непрестанно: «Господи, спаси царя». И уже послѣ узналъ, что 4 апрѣля было покушеніе на драгоцѣнную жизнь Императора Александра Николаевича; но Господь, по Своей милости, спасъ драгоцѣнную жизнь нашего Царя, для блага всей Россіи.

Въ томъ же 1866 году, 19 октября, говорилъ Симеонъ Петровичъ своему другу Ив. В. М—ву: «пойдемъ сегодня къ старостѣ церковному Я. В. Шубину», но онъ не пошелъ. Симеонъ Петровичъ ушелъ одинъ и остался ночевать у ста-

рости. Домашніе его почти всѣ ушли на праздникъ въ гости; осталась одна жена Я. В. Ш. Съ вечера Симеонъ Петровичъ усердно молился съ женою Я. В., потомъ читалъ акаѳистъ Божіей Матери и пѣли много божественнаго. Вотъ, въ полночь вдругъ все жилище ихъ освѣтило: оказалось, что напротивъ ихъ загорѣлся домъ, который вскорѣ былъ охваченъ сильнымъ пламенемъ. Сильный вѣтеръ дулъ на домъ Я. В. Ш. На пожаръ набѣжало много народу; стали выносить имѣніе Я. В. изъ дому, и всѣ были увѣрены, что домъ Я. В. сгоритъ. Но Симеонъ Петровичъ, помолившись Божіей Матери, взялъ Ея образъ, вышелъ на уголъ, откуда было пламя, постоялъ немного и ушелъ на сарай, гдѣ лежали солома и сѣно. Тамъ въ крышѣ были большія отверстія, черезъ которыя падали искры на сѣно; но онъ камешками закладывалъ эти отверстія, а умомъ и сердцемъ усердно просилъ Господа сотворить милость съ домомъ Я. В., и Господь сохранилъ домъ его за молитвы раба Своего Симеона—иначе домъ сгорѣлъ бы, такъ какъ вѣтеръ былъ настолько силенъ, что головешки бросало за пять саженъ далѣе дома Я. В., а искрами всю крышу закидало и на сѣнѣ и соломѣ было много искръ. «Слава тебѣ, Господи, за Твое великое человѣколюбіе»,—воскликнули тогда многіе.

Въ упомянутой пещерѣ надъ Курьею посѣтилъ Симеона Петровича протоіерей Вятскаго каѳедральнаго собора о. Стефанъ Кашменскій и долго бесѣдовалъ съ нимъ о Богѣ и о спасеніи души. Въ заключеніе протоіерей сказалъ ему: «Симеонъ Петровичъ, чего ты здѣсь выживешь хорошаго? лучше иди въ Георгіевскій скитъ Таврической губерніи, у меня тамъ знакомый настоятель, я пошлю съ тобой ему письмо; онъ тебя приметъ въ свой скитъ и дастъ тебѣ по силѣ твоей послушаніе». Послушался Симеонъ Петровичъ протоіерея и отправился за три тысячи верстъ. Дѣйствительно, настоятель принялъ его хорошо, радушно. Въ Крыму Симеонъ Петровичъ имѣлъ слѣдующее видѣніе: «21 мая,—разсказываетъ

о. Стефанъ, — когда бываютъ проводы чудотворнаго образа Святителя Николая Чудотворца изъ города Вятки на мѣсто его явленія, я, сожалѣя о томъ, что не удостоился быть на провожаніи образа Святителя Николая Чудотворца, началъ въ то время усердно молиться св. Николаю Чудотворцу и былъ внезапно какъ бы восхищенъ духомъ на высоту и видѣлъ тамъ св. Николая Чудотворца. И тогда я былъ въ неизреченной радости, понявши, что значитъ умосозерцательная молитва». Пожилъ тамъ недолго и возвратился опять на родину и снова сталъ обучать по зимамъ дѣтей. Но, попрежнему, уединеніе влекло его къ себѣ для бесѣды съ Богомъ въ молитвѣ и для чтенія слова Божія. Онъ еще выстроилъ себѣ, въ семи верстахъ отъ села Филейки, въ лугахъ, на своемъ покосѣ, одну келлію изъ дерна въ $2^1/_2$ арш.— квадратную, такой же высоты внутри. Проживъ въ ней одинъ годъ, по слабости здоровья не могъ въ ней болѣе оставаться, а выстроилъ тутъ же около озера келлію деревянную, такой же величины, и жилъ въ ней также годъ. Тутъ онъ жилъ въ совершенномъ удаленіи отъ людей, въ тишинѣ и безмолвіи, занимаясь по ночамъ молитвою, чтеніемъ слова Божія и письмомъ. Однажды, во время его занятія письмомъ ночью, очень поздно, вдругъ послышался человѣческій голосъ: «Симеонъ Петровичъ!» Онъ слушаетъ, но никто не стучится; потомъ во второй разъ тотъ же голосъ говоритъ: «Симеонъ Петровичъ!» Тогда онъ, думая, что это другъ его Ив. В. подошелъ къ келліи и зоветъ его выйти; самъ выходитъ изъ келліи, но не видитъ никого; въ то время былъ тоненькій снѣжокъ, и Симеонъ Петровичъ искалъ, нѣтъ ли на немъ слѣдовъ, но нигдѣ не нашелъ. Тогда онъ очень смутился духомъ, и напалъ на него страхъ; невольно возникла мысль, что это былъ голосъ бѣсовскій. Но, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ съ молитвою, Симеонъ Петровичъ, по обыкновенію своему, запѣлъ любимую пророческую пѣснь: «страха же вашего не убоимся, ниже

смутимся; яко съ нами Богъ»... и проч. до конца. И душа его пришла въ мирное и радостное состояніе о Господѣ.

Въ 1870 году Симеонъ Петровичъ путешествовалъ въ Іерусалимъ для поклоненія гробу Господню и другимъ св. мѣстамъ Палестины и оттуда вторично посѣтилъ св. Аѳонскую гору. Путь его былъ изъ г. Вятки рѣкой, на баржѣ купца М. А. Казенина, который далъ ему еще на дорогу 80 руб. Въ продолженіе пути его, онъ каждый день на баржѣ по нѣскольку разъ читалъ акаѳистъ Покрову Пресвятыя Богородицы; любилъ это чтеніе слушать и М. А. Казенинъ. Когда доплыли до Симбирска, Казенинъ остался тамъ продавать свой товаръ, а Симеонъ Петровичъ продолжалъ путешествіе, съ мальчикомъ Ильей, чрезъ городъ Калачъ на Дону, потомъ на Ростовъ, изъ Ростова на лодкѣ въ Таганрогъ по Дону, изъ Таганрога на пароходѣ чрезъ Одессу въ Іерусалимъ, а потомъ на Аѳонъ. Живя на Аѳонѣ, Симеонъ Петровичъ продолжалъ свои занятія духовной литературой, пользуясь совѣтами о. Іеронима—духовника Пантелеимонова монастыря, который любилъ Симеона Петровича за его доброту душевную и откровенность, потому и благословилъ ему жить въ уединенной келліи Святогорца о. Серафима. Но Симеонъ Петровичъ жить долго не могъ на Аѳонѣ; его влекло на родину, и о. Іеронимъ благословилъ его, говоря: «такова воля Божія, чтобы ты жилъ на своей родинѣ, гряди съ миромъ Божіимъ», и далъ ему на дорогу денегъ.

Желая сохранить путь свой ко спасенію, дабы не согрѣшать и языкомъ своимъ, Симеонъ Петровичъ пожелалъ запирать себя на нѣсколько дней въ уединенной комнатѣ, чтобы никто не приходилъ къ нему. Но для того, чтобы запереть дверь его келліи, нужно было поправить старую сломанную цѣпь, которой онъ и прежде запиралъ себя надолго. Мастеръ просилъ съ него за поправку 20 коп., но у него и такихъ денегъ не было; попросилъ у своего друга Т. И. Гуняева, принеся ему подъ закладъ одну картину. Тотъ спросилъ:

«на что тебѣ деньги?»—Онъ сказалъ: «нельзя сказать».—«А если нельзя сказать, отвѣтилъ Гуняевъ, то нѣтъ тебѣ и денегъ». Такъ и не могъ Симеонъ Петровичъ нигдѣ занять и 20 коп. Вотъ въ какомъ убожествѣ провождалъ свое житіе Симеонъ Петровичъ! Обученіемъ мальчиковъ онъ занимался только по зимамъ, а въ лѣтнее время всегда уходилъ на безмолвіе въ свою маленькую келлію или землянку.

Когда стали появляться въ нашемъ отечествѣ земскія училища, учителю Филейской школы было труда немало, чтобы училище его не оставалось пустымъ. Но Господь помогъ нашему трудолюбцу: по приговору мѣстнаго общества его избрали учителемъ въ земской школѣ. И набралось къ нему въ первую же зиму сто семьдесятъ учениковъ; собралось бы и больше, да мѣста въ школѣ недоставало, — и такъ многіе сидѣли на полу. При обученіи дѣтей Симеонъ Петровичъ обращался съ ними очень ласково; дѣти, любя своего учителя, за ласковое обращеніе, скоро понимали отъ него грамоту. Онъ училъ ихъ не по свѣтскимъ учебникамъ, а по Евангелію и Псалтири, часто самъ на доброхотныя даянія покупая для учениковъ Евангелія. Молва прошла объ усердномъ стараніи Филейскаго учителя далеко; и потому привозили къ нему дѣтей издалека. Для своихъ учениковъ Симеонъ Петровичъ самъ пекъ просфоры и раздавалъ имъ тогда, когда они пріобщались Св. Христовыхъ Таинъ.

Учениковъ у него было много, были и большіе; въ числѣ ихъ были и дѣвушки взрослыя. При частомъ обращеніи съ женскимъ поломъ и молодыми дѣвушками, у Симеона Петровича опять явилось желаніе жениться на одной дѣвушкѣ изъ ученицъ, чтобы, какъ онъ разсказывалъ, она могла быть ему помощницей въ обученіи дѣтей. Онъ спросилъ сначала ея родителей: желаютъ ли они отдать ее за него, а также—будетъ ли она согласна? Родители спросили свою дочь: пойдетъ ли она замужъ за Симеона Петровича? Она отвѣтила съ негодованіемъ: «за монаха-то?! — да я лучше пойду въ

монастырь, а за него не пойду». И дѣйствительно, она вскорѣ поступила въ монастырь, а Симеонъ Петровичъ остался свободенъ отъ женитьбы.

Рѣшился, наконецъ, Симеонъ Петровичъ печатать свои сочиненія; явилась первая книжка «О пьянствѣ», а потомъ въ скоромъ времени вышли и другія книжки, которыя печатались въ пользу церковнаго попечительства села Филейскаго. Сдѣлалось извѣстнымъ мѣстному преосвященному, какъ много учащихся въ селѣ; прочиталъ преосвященный книжку, сочиненную Симеономъ Петровичемъ. «О служеніи Богу въ праздничные дни». Благочинный объяснилъ преосвященному Аполлосу, какъ много у Симеона Петровича обучается дѣтей, и объяснилъ владыкѣ о его образѣ жизни. Тогда преосвященный пригласилъ Симеона Петровича къ себѣ и долго съ нимъ бесѣдовалъ о Богѣ и спасеніи души; потомъ, послѣ бесѣды, преосвященный сталъ располагать его принять монашество. Въ продолженіе года Симеонъ Петровичъ отказывался отъ монашества и говорилъ терпѣливому владыкѣ, что живалъ въ монастыряхъ и на Аѳонѣ и въ Россіи,—вездѣ лишь трудъ и скорбь себѣ встрѣчалъ,—что привыкъ лишь къ одному—пребывать въ богомысліи да писать. Наконецъ, склонился на убѣжденія преосвященнаго Аполлоса и согласился принять монашество. Въ Слободскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, въ 1877 году 23 февраля, на 47 году отъ роду, онъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Стефана. Черезъ день его посвятили во іеродіакона, а на третій день рукоположили во іеромонаха. Но служить о. Стефанъ долго не могъ по слабости здоровья. Черезъ семь мѣсяцевъ онъ былъ отпущенъ на покой отъ службы монастырской и началъ жить въ той же пустынькѣ, гдѣ прежде жилъ. «Это было для того дано мнѣ отъ Бога, говорилъ о. Стефанъ, чтобы я могъ заниматься сочиненіемъ новыхъ книгъ. Теперь онъ издавалъ ихъ для Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря. Келлія у него была большая деревянная; обстановка въ ней

была очень скудная: нѣсколько св. иконъ висѣло въ переднемъ углу, предъ иконами стоялъ, предъ окномъ, низенькій аналойчикъ, тутъ же рядомъ стоялъ столъ, на которомъ писалъ, одинъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, и шкафъ съ книгами, — вотъ и все его богатство! А пищей ему служилъ черный хлѣбъ, приносимый крестьянами - богомольцами, у которыхъ онъ обучалъ прежде дѣтей, также кушалъ картофель. Однажды случилось, что у о. Стефана не было хлѣба, и онъ сидѣлъ цѣлый день не ѣвши, проходитъ и другой день, но никто не несетъ отшельнику изъ деревни хлѣба, какъ было прежде; на другой день онъ думаетъ уже идти въ деревню за хлѣбомъ, но мысль другая говоритъ: «потерпи, Господь поможетъ». И, дѣйствительно, приходитъ вечеръ, стало темно, нужно подкрѣпить тѣлесныя силы, выходитъ онъ изъ келліи и видитъ, у дверей келліи лежатъ два ячменныхъ хлѣбца,—кто-то принесъ ихъ тайно; онъ взялъ хлѣбцы, оказавшіеся еще теплыми, возблагодарилъ Господа со слезами, что онъ не оставляетъ уповающихъ на Него, но посылаетъ имъ все необходимое для жизни. Подкрѣпившись пищею, отецъ Стефанъ опять занялся своимъ обычнымъ дѣломъ—сочиненіемъ книжекъ. Подобныхъ сему случаевъ, когда у о. Стефана не было хлѣба и этотъ послѣдній приносили ему нечаянно, было много, по его великой вѣрѣ.

Не безъ скорбныхъ искушеній проходила жизнь подвижника. Однажды о. Стефанъ, во время одиночества его въ лѣсу, утомившись, легъ отдохнуть и заснулъ. Видитъ во снѣ, что къ нему прилетѣло множество черныхъ птицъ и начали его клевать; проснулся о. Стефанъ отъ сильной боли, но не видѣлъ никого въ келліи. Усмотрѣвши въ своемъ тѣлѣ множество синихъ пятенъ, о. Стефанъ понялъ, что это было вражеское навожденіе.

Проживъ іеромонахомъ въ лѣсу 6 лѣтъ, о. Стефанъ, въ 1883 году, у себя въ пустынькѣ пожелалъ выстроить

церковь, хотя небольшую. Объ этомъ своемъ желаніи онъ доложилъ преосвященному Аполлосу. Преосвященный благословилъ благое намѣреніе о. Стефана и далъ ему просфору и немного денегъ. При этомъ о. Стефанъ спросилъ владыку: «можно-ли мнѣ будетъ основать у себя скитъ на землѣ, принадлежащей моему брату и сосѣдямъ, которые согласятся отдать эту землю для скита»? Владыка сказалъ: «Богъ благословитъ». Это благословеніе владыки очень обрадовало отца Стефана, трудившагося для спасенія ближнихъ. Въ томъ же году, съ помощію благодѣтелей, началъ о. Стефанъ строить церковь деревянную. Въ три мѣсяца церковь была выстроена и покрыта желѣзомъ.

Молва о богоугодной жизни о. Стефана стала распространяться все далѣе и далѣе, чему много помогали книжки, имъ составленныя, которыя быстро расходились въ народѣ и съ любовію читались многими. Всѣмъ окрестнымъ жителямъ стало извѣстно, что о. Стефанъ устраиваетъ скитъ. Нашлись и желающіе поступить къ нему жить, подъ его руководство; но старецъ не всякаго принималъ къ себѣ. Съ помощію благодати Божіей онъ различалъ, кого нужно было принять и кому отказать. Вначалѣ имъ было принято только 6 человѣкъ; всѣмъ имъ были даны отдѣльныя комнаты; любилъ онъ насельниковъ своего скита пріучать къ уединенію и молчанію; совѣтовалъ каждому заниматься въ келліи словомъ Божіимъ и выписывать изъ него, что найдутъ поучительнымъ; давалъ также наставленіе, чтобы пріучились къ непрестанной Іисусовой молитвѣ, назначая каждому, по душевному состоянію человѣка, правило молитвъ Іисусовыхъ. Братія съ любовію внимали этимъ наставленіямъ боголюбиваго старца.

Часто посѣщалъ о. Стефанъ и въ келліяхъ братію свою, давалъ имъ духовныя наставленія отдѣльно каждому наединѣ и совѣтовалъ имъ не оставлять правила молитвъ вечернихъ и утреннихъ; въ какое бы скорбное состояніе кто ни при-

шелъ, а правило молитвъ исполни, и Господь скоро успокоитъ душу.

Жилъ при отцѣ Стефанѣ одинъ человѣкъ въ отдѣльной келліи, подъ руководствомъ его, и онъ былъ очень любимъ о. Стефаномъ, который не разъ про него говорилъ: «онъ мнѣ по сердцу». Но стали къ нему приходить мысли уйти изъ пустыньки о. Стефана въ другой монастырь жить, въ такой монастырь, который ему казался настоящимъ общежитіемъ, но о. Стефанъ не совѣтовалъ ему, говоря: «тебѣ тамъ хуже будетъ». Въ продолженіе полутора года тяготили сего человѣка возмутительныя мысли, чтобы уйти въ монастырь. О. Стефанъ много его уговаривалъ, чтобы жилъ съ нимъ, но тотъ все не оставлялъ своего желанія. Наконецъ, о. Стефанъ сказалъ словами ап. Павла: «все испытывайте, но хорошаго держитесь» (1 Сол. 5, 21). Ну, и ты испытай, сходи. Но если опять придетъ у тебя желаніе возвратиться ко мнѣ, то иди: я приму съ любовію. Но если будутъ тебя отговаривать: не ходи къ о. Стефану, то ты не слушайся, а приходи, поживешь со мною хотя года четыре, и то будетъ тебѣ на пользу». Этотъ братъ ушелъ все-таки въ другой монастырь, но прожилъ тамъ немного времени, такъ какъ на него такая сильная грусть и тоска напали, что каждый день онъ плакалъ и чувствовалъ себя больнымъ отъ сильнаго плача и рыданія. Братія даже съ плачемъ сожалѣли о немъ и уговаривали его остаться въ монастырѣ, и снова не возвращаться къ о. Стефану, но онъ все-таки ушелъ отъ нихъ, проживъ 6 мѣсяцевъ въ ихъ монастырѣ, и отправился къ о. Стефану, который съ радушіемъ принялъ его и далъ ему ту же келлію. Вернувшійся прожилъ съ о. Стефаномъ, дѣйствительно, только четыре года, пользуясь его благодатными совѣтами,—и о. Стефанъ умеръ.

Многіе приходили къ о. Стефану издалека: кто получить благословеніе, кто попросить совѣта и святыхъ молитвъ за нихъ. Никого не отпускалъ онъ, всѣмъ приходящимъ давалъ

онъ спасительные совѣты и наставленія, иконки и книжки своего сочиненія, и всѣ уходили отъ него, получая душамъ своимъ великую пользу и духовное утѣшеніе. Приходящій народъ, котораго иногда бывало очень много, съ любовію и большой охотой помогалъ о. Стефану въ земляныхъ работахъ: расчищали площадки, проводили дорожки и дѣлали насыпи для прудовъ. Самъ о. Стефанъ, конечно, являлся первый на работу, копалъ землю и указывалъ, что нужно дѣлать. Работа шла успѣшно и съ благоговѣніемъ. Многіе говорили при работѣ: «слава Богу, что Господь сподобилъ мнѣ грѣшному (или грѣшной) поработать для монастыря о. Стефана». Во время отдыха всегда пѣли псалмы пророка Давида, на русскомъ языкѣ. При работѣ часто находились дѣвушки до 10 человѣкъ, приходившія за совѣтомъ къ о. Стефану: можно ли имъ посвятить себя на служеніе Богу гдѣ-нибудь въ женской обители. Всѣ дѣвицы были научены своимъ священникомъ о. Василіемъ церковному пѣнію и потому могли хорошо пѣть псалмы. При стройномъ пѣніи псалмовъ работа трудящихся совершалась легко и незамѣтно; всѣ копали и носили землю съ большимъ усердіемъ. Въ скоромъ времени мѣсто пустыньки о. Стефана такъ измѣнилось, что какъ будто стало другое: прежде трудно было проходить отъ грязи въ оврагѣ, а нынѣ тутъ, благодаря трудамъ о. Стефана, красуются пруды съ рыбою, и устроены хорошія дороги.

Отецъ Стефанъ желалъ, чтобы всѣ люди спасались, приходили въ разумъ истины, укрѣплялись словомъ Божіимъ, для чего многимъ раздавалъ свои книжки безплатно. Особенно посѣщало его много народа въ маѣ мѣсяцѣ, когда народъ идетъ на Великую рѣку за чудотворнымъ образомъ Св. Николая Чудотворца. Пустынная мѣстность о. Стефана находилась на разстояніи версты отъ села Филейки, мимо котораго проходило народу тысячъ двадцать на Великую рѣку. И почти каждый, проходя мимо Филейки, заходилъ къ о. Стефану, когда онъ выстроилъ церковь. Въ это время о.

Стефанъ раздавалъ богомольцамъ не одну тысячу книжекъ, получая отъ нихъ по двѣ, по три и болѣе копѣекъ, хотя нѣкоторымъ и безъ денегъ раздавалъ, такъ что сумма всѣхъ получаемыхъ отъ нихъ сборовъ почти всегда равнялась цѣнѣ стоимости этихъ книжекъ. Народъ, пріученный къ дешевымъ книжкамъ о. Стефана, съ каждымъ годомъ умножался, и о. Стефанъ заставлялъ раздавать свои книжки друга своего И. В., а самъ уже рѣдко и выходилъ къ народу; такъ какъ очень было тѣсно въ послѣдніе годы, а онъ былъ боленъ сердцебіеніемъ.

Когда церковь у о. Стефана была внутри украшена иконостасомъ и живописными иконами, тогда онъ перенесъ въ храмъ изъ своей келліи образъ св. Пантелеимона съ частицами мощей сего Великомученика въ иконѣ. Сталъ о. Стефанъ служить молебны предъ симъ св. образомъ; пѣли у него болѣе по одному человѣку, поочереди, изъ братіи, потому что онъ громкое пѣніе не любилъ. «Громкое пѣніе, говорилъ онъ, приводитъ человѣка въ надменіе, а тихое и внимательное пѣніе приводитъ къ умиленію и молитвѣ».

Слухъ объ этомъ образѣ разнесся далеко, и больныхъ привозили много, для совершенія молебновъ надъ ними. Трудился о. Стефанъ немало надъ больными; служилъ для нихъ молебны и мазалъ ихъ елеемъ изъ лампадки, которая была предъ образомъ св. в. Пантелеимона,—масломъ, и многіе, по вѣрѣ ихъ, избавлялись отъ своихъ недуговъ.

Одинъ живописецъ писалъ у о. Стефана въ его церкви копію съ чудотворнаго образа св. в. Пантелеимона; жизнь этотъ живописецъ проводилъ нецѣломудренную, многимъ предавался порокамъ, противнымъ заповѣдямъ Божіимъ. Въ то время пришли ему на память всѣ грѣхи его, отъ юности содѣянные, и началъ врагъ очень смущать его различными помыслами и говорилъ внутри тайно: «нѣтъ тебѣ спасенія отъ Бога: за твои грѣхи ты достоинъ вѣчнаго мученія». «Отъ такихъ мыслей, говорилъ живописецъ, я пришелъ въ

крайнее уныніе и почувствовалъ себя на краю самой глубокой пропасти отчаянія. Въ это время вдругъ, неожиданно, выходитъ изъ алтаря ко мнѣ о. Стефанъ, (я не видѣлъ, когда онъ пришелъ въ алтарь), положилъ на мое плечо руку свою и, смотря на меня ласковымъ взоромъ, сказалъ мнѣ: «а святые-то развѣ были безгрѣшны? Но они не отчаявались. Вспомни о св. Давидѣ: онъ совершилъ прелюбодѣйство и убійство, но принесъ Богу чистосердечное покаяніе, и Богъ помиловалъ его, и онъ остался во пророкахъ. Вспомни также первоверховнаго апостола Петра: онъ отвергся отъ Христа, но принесъ покаяніе и остался верховнымъ Апостоломъ. Потому не унывать и приходить въ отчаяніе, а приносить покаяніе намъ нужно въ своихъ грѣхахъ, и Господь спасетъ насъ». Отъ этихъ словъ о. Стефана, говорилъ живописецъ, съ меня какъ бы гора спала; я исполнился мира и радости Божіей и ободрился духомъ».

Недолго пришлось пожить съ о. Стефаномъ въ его пустынькѣ, пользоваться его совѣтами и духовною бесѣдою. Вскорѣ послѣ смерти преосвященнаго Аполлоса, по указу духовной Консисторіи, о. Стефанъ былъ переведенъ въ Вятскій Трифоновъ монастырь. Тутъ ему дали келлію каменную въ Трехсвятской церкви, но въ ней было сыро, и такъ какъ онъ жить въ ней не могъ, по слабости здоровья, то былъ вскорѣ переведенъ въ деревянную келлію, нарочно для него выстроенную преосвященнымъ Тихономъ въ саду.

Но, живя въ городѣ, въ монастырѣ, о. Стефанъ не оставлялъ и свою осиротѣвшую братію, посѣщалъ ихъ и укрѣплялъ словомъ Божіимъ, чтобы не унывали, но все переносили бы съ благодушіемъ. Братія хотѣли уже расходиться, но о. Стефанъ всегда ободрялъ ихъ говоря: «вотъ Богъ дастъ, скоро будетъ скитъ у меня, и вы будете въ немъ жить».— Укрѣпляемые и утѣшаемые о. Стефаномъ, братія жили все время въ пустынькѣ о. Стефана безъ него, такъ какъ посѣщая его часто они могли съ помощію Божіею переносить

всѣ скорби и бѣды отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. О. Стефанъ, хотя и жилъ въ Трифоновомъ Вятскомъ штатномъ монастырѣ, но служить въ церкви не могъ, по болѣзни сердцебіенія, а продолжалъ писать книги, которыхъ вышло за это время еще четыре. Также и самъ старецъ любилъ посѣщать свою пустыньку, гдѣ жили его братія. Любя молчаніе, старецъ не имѣлъ у себя постояннаго келейника; самое же необходимое исполняли у него приходящіе изъ младшей братіи. Часто старецъ, избѣгая разговора, указывалъ пальцемъ приходящему брату, что нужно было сдѣлать. Онъ поступалъ такъ и потому еще, чтобы не прерывать своихъ мыслей во время сочиненія. При усердномъ занятіи сочиненіями, старецъ прилагалъ труды къ трудамъ, вниманіе ко вниманію и, при непрестанномъ дѣланіи въ глубинѣ своего сердца, продолжалъ служить Богу и спасенію ближнихъ. Любовь, внѣдрившаяся въ его душу, привлекала къ нему и сюда въ монастырь всѣхъ, желающихъ назиданія. Его посѣщали здѣсь многіе и изъ окрестнаго духовенства: священники, діаконы, псаломщики, равно какъ и свѣтскія особы, имѣя къ нему довѣріе и почерпая для себя пользу изъ бесѣдъ и разговоровъ съ нимъ. Всѣхъ посѣщавшихъ принималъ онъ съ одинаковою любовію и всегда давалъ въ благословеніе книжку или иконку каждому.

Отецъ Стефанъ давно, лѣтъ 25 тому назадъ, желалъ основать около Филейки монастырь и потому просилъ Господа, чтобы Онъ помогъ ему въ этомъ дѣлѣ. Пришло, вѣрно, теперь время быть здѣсь монастырю. Пріѣхалъ изъ села Аджима его племянникъ, который занимался торговлею, но прекратилъ ее, желая посвятить себя на служеніе Богу; онъ поступилъ къ о. Стефану подъ его руководство; въ то же время взялъ на себя хлопоты объ отводѣ земли подъ монастырь, и все въ скоромъ времени было готово. Потомъ П. Ив. Куртѣевъ, упомянутый племянникъ о. Стефана, вошелъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ отъ 27-го октября 1888 года,

объ учрежденіи мужскаго общежительнаго монастыря близъ села Филейки. Согласно этому ходатайству, по собраніи и разсмотрѣніи потребныхъ свѣдѣній, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 1—10 ноября 1889 г., постановлено учредить близъ Филейки общежительный монастырь, съ богадѣльнею на 5 человѣкъ, особенно увѣчныхъ, во имя Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, по уставу св. Аѳонской горы, въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора и всего Августѣйшаго Семейства, при крушеніи Императорскаго поѣзда 17-го октября 1888 года, и испросить Высочайшее соизволеніе на укрѣпленіе за учрежденнымъ монастыремъ жертвуемыхъ крестьяниномъ Куртѣевымъ и купцомъ Рязанцевымъ недвижимыхъ имуществъ. По всеподданнѣйшему докладу г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Государь Императоръ, въ 10 день марта 1890 года, Высочайше соизволилъ на сіе укрѣпленіе.

О разрѣшеніи Св. Сѵнода учредить монастырь и о Высочайшемъ соизволеніи укрѣпить за монастыремъ жертвуемыя имущества послѣдовалъ указъ Св. Сѵнода, на имя преосвященнаго Сергія, отъ 11-го апрѣля 1890 года. Управляющимъ монастыремъ, въ званіи строителя, назначенъ о. іеромонахъ Августинъ, долгое время живущій на Аѳонѣ въ Пантелеимоновомъ монастырѣ.

Церковь, построенная отцемъ Стефаномъ, была освящена 27-го іюля 1889 года, въ честь Успенія Божіей Матери. О. Стефанъ былъ разрѣшенъ на священнодѣйствіе и уволенъ изъ Трифонова монастыря въ мѣсто стараго своего жительства,—4 декабря 1889 года. Братія прибытію о. Стефана очень обрадовалась: невозможно и выразить, какое было для нихъ духовное утѣшеніе. Но недолго Господь судилъ порадоваться братіи пребыванію съ ними старца, который со дня на день началъ ослабѣвать все болѣе и болѣе и ходилъ уже съ помощію костыля. Но все же за работой слѣдилъ еще самъ. Строились два корпуса: одинъ—для кухни и трапезы

братской, а другой—для келлій. Подъ его наблюденіемъ заготовлялся для новаго храма матеріалъ: кирпичъ, бутъ, известь и опока. По его указанію рылись канавы для фундамента другого храма (контуръ храма онъ составилъ самъ, который и былъ построенъ согласно его желанію). При постройкѣ церкви и келлій о. Стефанъ благотворилъ всѣмъ нуждающимся; онъ помогалъ сиротамъ, вдовамъ, больнымъ: кому выстроитъ домикъ, кому дастъ хлѣба, а иному и лошадку купитъ или подать заплатитъ. Всѣ отъ него уходили съ утѣшеніемъ и радостію, говоря: «спаси его, Господи», или «помоги ему, Господи, основать монастырь».

Въ 1890 году, Великимъ постомъ, о. Стефанъ очень заболѣлъ, и продолжалась его болѣзнь съ мѣсяцъ; потомъ онъ началъ-было поправляться. Въ первый день Пасхи пожелалъ отслужить съ о. Августиномъ утреню и обѣдню, но едва только могъ, и то съ большимъ трудомъ, отслужить одну утреню и ослабѣлъ такъ сильно, что, выйдя изъ храма въ церковную сторожку, упалъ на койку, при чемъ его начало тошнить и рвать, а затѣмъ съ нимъ сдѣлался удушливый кашель. Литургію отслужить уже не могъ. Съ того времени о. Стефанъ видимо сталъ слабѣть, хотя съ мая мѣсяца до половины іюня онъ могъ еще ходить и даже поправлялъ съ народомъ дороги, дѣлалъ на низкія мѣста насыпи, а горы скапывалъ.

Съ половины іюня о. Стефану приходилось очень сильно страдать отъ боли живота, сопровождавшейся сильною жаждою; болѣзнь была особенно мучительна по утрамъ. Одинъ врачъ выразился при этомъ про о. Стефана: «если бы не сила Божія помогала ему переносить такую жестокую болѣзнь, то онъ ужъ давно бы скончался»; но о. Стефанъ еще жилъ послѣ этихъ словъ три недѣли, продолжая страдать попрежнему.

Находясь въ такой сильной болѣзни, о. Стефанъ пожелалъ уѣхать въ городъ къ купцу Ѳ. Н. Рязанцеву. 20 іюня онъ отправился къ Рязанцеву на простой крестьянской телѣгѣ, на двухъ матрацахъ. Пріѣхавъ къ Рязанцеву, о. Стефанъ сказалъ ему: «я пріѣхалъ къ вамъ въ гости». Ѳ. Н. отвѣтилъ: «пожалуйте, батюшка, пожалуйте: я очень радъ». «Слава Богу, что вы еще не забыли насъ грѣшныхъ». Ѳ. Н. и жена его Д. Д. очень были рады пріѣзду о. Стефана и благодарили Господа, что Онъ сподобилъ ихъ послужить такому боголюбивому старцу, и ходили за нимъ день и ночь съ великимъ усердіемъ, съ любовію стремясь облегчить его страданія. Были тамъ приглашены для него два доктора, но лѣкарства, прописанныя ими, не помогали ему въ тяжкихъ страданіяхъ. Но Господь, всегда утѣшающій Своихъ смиренныхъ рабовъ, утѣшилъ и отца Стефана духовно-внутренно небесною радостію: извѣстилъ его, что онъ 15-го августа переселится душою въ вѣчныя обители, откуда удалены всякая болѣзнь, печаль и воздыханіе. Эту тайну о. Стефанъ передалъ за двѣ недѣли одному изъ друзей своихъ, подрядчику плотницкихъ работъ Михаилу Артемоновичу.

Кромѣ того, о. Стефанъ сказалъ о своей кончинѣ одному жителю города Кронштадта, который письменно сообщалъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «Я, грѣшный рабъ Божій Василій, родился въ г. Вяткѣ, но по волѣ Божіей, вслѣдствіе военной службы, долженъ жить въ г. Кронштадтѣ. Родные мои братья писали мнѣ, что у нихъ около Вятки есть боголюбивый батюшка іеромонахъ о. Стефанъ, который построилъ монастырь въ 6 верстахъ отъ города Вятки; я съ помощію Божіей вздумалъ побывать у него, да по пути повидаться и съ родными братьями и близкими родственниками, которыхъ я не видалъ 22 года. По пріѣздѣ къ батюшкѣ о. Стефану, 10 іюля 1890 года, я прошу доложить, что пріѣзжій изъ Кронштадта желаетъ его видѣть. Батюшка о. Стефанъ сейчасъ же меня принялъ и первый вопросъ его былъ: «какъ здоровье вашего батюшки о. Іоанна (Кронштадтскаго)?» Я сказалъ: «слава Богу». Во время бесѣды о. Стефанъ по-

просилъ меня передать книгу его сочиненія отцу Іоанну (Ильичу Сергіеву Кронштадтскому) и просить его молитвъ, но только заупокой іеромонаха Стефана. Это меня крайне удивило, потому-что предо мной былъ человѣкъ хотя и больной, но смиренное лицо его, его веселые и ласковые глаза нисколько не указывали на скорую смерть больного старца. Такъ какъ я долженъ былъ явиться на службу въ Кронштадтъ 23 того же іюля, а іеросхимонахъ Стефанъ померъ 15 августа; то, какъ видно, покойный прежде зналъ, что хотя я и при его жизни пріѣду къ Кронштадтъ, но не увижу отца Іоанна до тѣхъ поръ, пока не умретъ онъ (т.-е. іеросхимонахъ Стефанъ). И, дѣйствительно, я прибылъ въ Кронштадтъ 23 іюля, а отецъ Іоаннъ Сергіевъ былъ въ отпуску и прибылъ въ Кронштадтъ 31 августа, и когда я передавалъ книгу отцу Іоанну, тогда уже былъ 18-й день, какъ преставился іеросхимонахъ Стефанъ. Поэтому я нахожу здѣсь два случая прозорливости старца: 1-й, что покойный іеросхимонахъ Стефанъ узналъ свою смерть за 35 дней; 2-й, узналъ, что хотя я и пріѣду въ г. Кронштадтъ еще при его жизни, но не увижу отца Іоанна и не могу передать книгу, пока не преставится іеросхимонахъ о. Стефанъ».

3 числа августа о. Стефанъ благословилъ братію раздѣлить его вещи: книги, иконы и одежду, при чемъ самъ назначилъ, кому что взять, и братія тогда же исполнила это. 4 августа о. Стефанъ вернулся изъ Вятки отъ Рязанцева въ свою пустынную келлію. 5 августа, по благословенію преосвященнаго Сергія, о. Стефанъ принялъ великій ангельскій образъ, схиму, также съ именемъ Стефана, послѣ чего до самой своей смерти каждый день пріобщался Св. Христовыхъ Таинъ, и сердце его постоянно было исполнено радости духовной.

За день до смерти пріѣхалъ къ о. Стефану Уржумскій протоіерей о. Ипполитъ Мышкинъ. Онъ поздоровался съ нимъ и спросилъ его: «узнали ли вы меня, о. Стефанъ?»—«Да,

отвѣтилъ онъ,—я помню, еще у васъ когда-то обѣдалъ».—«И думаю, вы, о. Стефанъ, не боитесь смерти?» спросилъ о. Ипполитъ.—«Батюшка, отвѣтилъ о. Стефанъ,—не могу и дождаться прихода смерти, такъ хочется умереть».—«Слава Богу, что вы не боитесь смерти», сказалъ о. Ипполитъ. Затѣмъ, послушавъ біеніе пульса его, о. Ипполитъ объявилъ: «скоро почіетъ смертію праведника». Услышавъ сіи слова, о. Стефанъ перекрестился трижды и сказалъ: «слава Богу, слава Богу, слава Богу». Потомъ, по желанію о. Стефана, о. Ипполитъ оградилъ его своимъ наперснымъ крестомъ и далъ послѣдній поцѣловать ему, простился съ нимъ и, помолившись Богу, ушелъ.

Въ 1890 году, въ праздникъ Успенія Божіей Матери, лишь только, въ 8½ часовъ утра, зазвонили къ обѣднѣ, о. Стефанъ мирно отошелъ ко Господу, чего и жаждала душа его во всю жизнь. Такъ исполнилось его предсказаніе: «кончаюсь 15 августа».

Въ тотъ же день, послѣ литургіи, честное тѣло о. Стефана, по омовеніи, одѣли въ одежду схимника по уставу, и положили въ гробъ, приготовленный изъ липоваго дерева, по его желанію, еще за мѣсяцъ до смерти. Извѣстіе о смерти о. Стефана привлекло въ новую обитель множество народа; каждому хотѣлось приблизиться или прикоснуться если не къ самому тѣлу всѣми чтимаго старца, то, по крайней мѣрѣ, ко гробу его. Въ тотъ же день гробъ съ останками о. Стефана вынесенъ былъ изъ церкви и стоялъ среди церкви до 17 августа. Братія поперемѣнно обѣ ночи читали надъ тѣломъ его святое Евангеліе; церковь была открыта для всѣхъ, и многіе со слезами молились при гробѣ о. Стефана о упокоеніи души его. 17 августа отслужили божественную литургію о упокоеніи блаженныя памяти іеросхимонаха Стефана. Для погребенія прибылъ изъ Трифонова монастыря преосвященный Никонъ, епископъ Глазовскій, викарій Вятской епархіи; а еще до него собралось множество

народа, такъ что всѣхъ бывшихъ насчитываютъ не менѣе пяти тысячъ человѣкъ. Послѣ обычнаго отпѣванія, братія подняли гробъ и понесли; множество народа со святыми иконами и возженными свѣчами провожали честные останки блаженнаго старца къ мѣсту послѣдняго ихъ упокоенія. Отецъ Стефанъ былъ погребенъ близъ алтаря Успенской церкви съ сѣверной его стороны, то-есть близъ церкви имъ самимъ построенной; мѣсто это для погребенія о. Стефанъ еще при жизни самъ назначилъ для себя.

Еще при своей жизни о. Стефанъ просилъ братію, послѣ его смерти, надъ могилою его сдѣлать деревянный покровъ въ формѣ гробовой крышки и окрасить таковой черной краской; а памятникъ хорошій, хотя бы кто и пожелалъ соорудить, не ставить, что братія и исполнила потомъ въ точности. Кромѣ того, когда опускали честные останки о. Стефана въ могилу, выложенную кирпичемъ, то сдѣлали надъ нимъ кирпичный сводъ и поставили въ ноги, на конецъ свода, деревянный крестъ, окрашенный тоже черною краскою; на этомъ крестѣ находятся въ кіотѣ иконы: св. Стефана, епископа Пермскаго, и св. Симеона, Христа ради юродиваго, которыхъ имена носилъ отецъ Стефанъ при жизни. Предъ образомъ горитъ неугасимая лампада, сооруженная на средства благодѣтелей. Кромѣ того, по благословенію преосвященнаго Сергія, надъ могилою поставлена сѣнь на четырехъ столбахъ съ желѣзною крышей и съ крестомъ.

Послѣднимъ завѣщаніемъ о. Стефана была просьба его къ братіи спѣть у него на могилѣ любимую имъ пѣснь: «съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ» (до конца). Братія исполнили его желаніе: съ умиленіемъ и радостію пропѣли эту пѣснь на могилкѣ отца Стефана *).

*) Изъ его жизнеописанія (изд. Вятск.),

Настоятель Краснослободской Спасовой пустыни іеросхимонахъ Герасимъ.

(Память 17 августа).

Въ половинѣ XVII вѣка въ пяти верстахъ отъ города Краснослободска, въ большомъ лѣсу, на берегу рѣки Мокши поселился невѣдомый пустынножитель—«черный старецъ» Діонисій, а въ 1655 г. жители дворцовой Красной Слободы—нѣкто «Андрей Агапитовъ, съ товарищи всякихъ чиновъ людьми», побуждаемые славою подвиговъ проживавшаго въ пустынькѣ уединенно, въ постѣ и молитвѣ чернаго старца Діонисія», предстали предъ патріархомъ Никономъ съ челобитной, въ которой испрашивалось у патріарха благословеніе, чтобы около Діонисьевой пустыньки «лѣсъ ронить и воздвигнуть вновь церковь». «Августа въ 6-й день, въ самый праздникъ Преображенія Господня, благословенная грамота была подписана патріархомъ, а въ февралѣ слѣдующаго 1656 года, т.-е. ровно черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ утвержденія грамоты подписью патріарха, церковь была не только уже выстроена, но даже и освящена. Самая «пустынька» именовалась «Спасовой», и тогда же въ нее начала уже собираться братія.

Около этого времени, а можетъ быть нѣсколько и раньше, еще передъ построеніемъ храма, пришелъ въ пустыньку, къ старцу Діонисію, невѣдомый странникъ и пожелалъ здѣсь остаться, «ради иноческаго житія». Пришлецъ былъ еще въ цвѣтущей порѣ юношескаго возраста, но отличался крайнею молчаливостью и необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Кто онъ былъ по происхожденію, откуда пришелъ, и что заставило его покинуть міръ съ его жизнію, юноша этого не сказалъ. Несомнѣнно казалось только одно, что пришелъ онъ въ пустыню не изъ особенно, должно быть, дальней стороны, потому что иначе откуда было бы ему знать,

что подъ Красной Слободой поселился въ лѣсу старецъ Діонисій и «возграждается» новая обитель. Такимъ образомъ, у старца Діонисія оказался послушникъ, молчаливый, кроткій и усердный, охотно раздѣлявшій съ старцемъ его труды и иноческіе подвиги. Этотъ молчаливый юноша былъ не кто другой, какъ приснопамятный нынѣ іеросхимонахъ Герасимъ, похоронившій затѣмъ съ собою въ могилѣ какъ тайну своего происхожденія, такъ и свое мірское имя.

Около 1660 года молчаливый послушникъ удостоенъ былъ постриженія и сдѣлался инокомъ. Однако жизнь въ пустынной обители, несмотря на ея замкнутость, на непрестанныя молитвы и труды послушанія, не удовлетворяла молодого инока въ его благочестивой ревности къ подвижничеству; его пламенная душа, исполненная любовію къ Господу, стремилась къ инымъ, болѣе тяжкимъ подвигамъ, чѣмъ послушаніе монастырское. Одинъ только скорбный и тернистый путь пустыннаго житія съ его безмолвіемъ и подвигами казался Герасиму вѣрнымъ путемъ въ царствіе небесное. И вотъ, повинуясь призыву благодати, Герасимъ спустя четыре года послѣ своего постриженія, покинулъ обитель и удалился, ради пустыннаго безмолвія, верстъ за 80 на сѣверъ въ непроходимыя дебри вѣковыхъ лѣсовъ, которые сплошною массою тянулись тогда отъ Темникова до Арзамаса.

Въ этихъ лѣсахъ, на нѣсколько верстъ въ сторону отъ большой Арзамасской дороги, въ самой глубинѣ лѣсной трущобы, находилось мѣсто, извѣстное въ народѣ подъ именемъ «стараго городища», потому что на немъ находились ясные слѣды старинныхъ земляныхъ укрѣпленій, называвшихся городками, которыхъ на «старомъ городищѣ» насчитывалось цѣлыхъ три. Во времена татарскаго владычества на этомъ мѣстѣ было становище, или «городъ» Сараклычъ какого то Касимовскаго хана Бехана, изъ котораго онъ, вѣроятно, дѣлалъ набѣги на украинные города русскіе. Мѣсто это—довольно крутой и лѣсистый пригорокъ, омываемый съ двухъ сторонъ

рѣчками Сатисомъ и Саровкой, чрезвычайно живописно, но находилось въ запустѣніи, хотя и принадлежало со всею окружающею его мѣстностью одному изъ князей Кугушевыхъ, проживавшему въ то время гдѣ то около Кадома. Сверхъ совершеннаго запустѣнія, старое городище пользовалось еще и недоброю славой, потому что служило нерѣдко притономъ для разбойниковъ, грабившихъ проѣзжихъ на большой Арзамасской дорогѣ.

И вотъ сюда, на это, столь страшное тогда, мѣсто пришелъ изъ Спасовой пустыни инокъ Герасимъ, и конечно не безъ особаго промышленія Божія, потому что, нѣсколько лѣтъ спустя, на этомъ самомъ мѣстѣ основалась знаменитая нынѣ Сатисо-градо-Саровская пустынь.

Предназначаемое Промысломъ для существованія здѣсь знаменитой обители Сатисо-градо-Саровское урочище, какъ видно, издавна привлекало къ себѣ любителей безмолвнаго житія, плѣняя ихъ не столько, можетъ быть, красотою мѣстоположенія, сколько своею укромностью отъ людскаго гласа, вслѣдствіе чего и Герасимъ засталъ проживавшаго здѣсь нѣкоего монаха Ѳеодосія. Ѳеодосій раньше проживалъ здѣсь «съ своими монахами», но, задумавъ «отойти въ градъ Пензу въ монастырь», передъ приходомъ Герасима остался одинъ, пріютившись въ пещерѣ, выкопанной имъ въ гористомъ обрывѣ надъ рѣчкой. Приходъ Герасима, какъ видно, отсрочилъ отшествіе Ѳеодосіево, потому что, какъ свидѣтельствуетъ жизнеописатель іеросхимонахъ Іоаннъ Саровскій, отшельники нѣкоторое время жили вмѣстѣ, хотя и отдѣльно другъ отъ друга, т.-е. въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, въ пещерахъ, начатыхъ иноками Ѳеодосіемъ и Герасимомъ. Но вотъ настало время инокамъ разстаться. Ѳеодосій «отошелъ» въ Пензу, а Герасимъ остался на «старомъ городищѣ» одинъ, среди необъятнаго лѣса.

На краю Саровской горы къ востоку отъ устья рѣки Сатиса поставилъ онъ себѣ келлію, а около нея вскопалъ мо-

тыгою землю подъ огородъ, чтобы сѣять на немъ хлѣбъ и сажать необходимыя для пропитанія овощи. И былъ онъ въ непрестанномъ трудѣ и молитвѣ: то работалъ на огородѣ, то заготовлялъ дрова на зиму, то собиралъ въ лѣсу «зеліе, и тѣмъ нужду естества восполняше», говоритъ о томъ первоначальникъ Саровскій. При всемъ томъ, Герасимъ, какъ видно, мало заботился о «восполненіи нуждъ естества», довольствуясь единственно только хлѣбомъ, въ который онъ примѣшивалъ «гнилую колоду, овогда же и плевы въ муку влагаше, иногда же плевы въ муку претворяше толченіемъ, прилагая мало хлѣбной муки; сице печаше хлѣбъ и тѣмъ питашеся». Случалось, что даже и подобной пищи лишалъ себя на день или на два этотъ рабъ Христовъ.

Много ли времени прожилъ Герасимъ въ совершенномъ одиночествѣ,—неизвѣстно; но какъ не можетъ укрыться городъ стоящій на верху горы, такъ и смиренно-мудрое житіе Герасима не могло утаиться отъ людскаго взора даже и въ глубинѣ глухого лѣса, и къ Герасиму въ пустыню стали приходить люди, большею частію крестьяне, пользовавшіеся правомъ въѣзда въ лѣсъ. Узнавъ случайно о пустынножителѣ, крестьяне нерѣдко стали заходить къ нему въ келлію, а иные даже и ночевать у него; но никто изъ нихъ не заставалъ Герасима проводящимъ время въ праздности: онъ или работалъ, или молился. Случалось иногда подходить къ его келліи невзначай,—и если Герасимъ стоялъ на молитвѣ, то было слышно, какъ онъ, кладя поклоны, ударялся головой о землю; когда же Герасимъ заслышитъ присутствіе постороннаго, то сейчасъ же оставлялъ молитву и, показывая видъ, что не молился, а спалъ, не сразу, бывало, откликнется и отопретъ дверь. Этимъ рабъ Христовъ покрывалъ свои подвиги, убѣгая славы человѣческой и являясь «Отцу небесному въ тайнѣ». Когда же заставали Герасима за работой, то онъ тотчасъ оставлялъ работу, и тихій, дру-

жескій привѣтъ свѣтился въ его чистомъ, какъ бы младенческомъ взглядѣ, которымъ онъ встрѣчалъ пришедшаго.

Пригласивъ гостя въ келлію, Герасимъ предлагалъ ему угощеніе, что имѣлъ, и бесѣдовалъ съ нимъ, «поучая отъ Божественнаго Писанія словесы и симъ полезнымъ услаждаше сердце приходящаго: бѣ бо въ бесѣдѣ искусенъ и полезенъ»,—свидѣтельствуетъ жизнеописатель. За трапезой иногда случалось Герасиму предлагать посѣтителямъ свой хлѣбъ съ примѣсью гнилушекъ;—и что же?—Хлѣбъ этотъ черный, какъ уголь, и твердый, какъ камень,—«услаждашеся въ гортанѣхъ ихъ, яко медъ»,—и гости Герасима, возвратившись домой, дивились, разсказывая домашнимъ, откуда онъ беретъ такой сладкій хлѣбъ, какого они даже и дома у себя никогда не ѣдали.

Стали посѣщать Герасима также и иноки, а нѣкоторые изъ нихъ даже и пребывали съ нимъ, раздѣляя труды и молитвы,—но большей частію ненадолго, и, проживъ нѣсколько дней, «паки отходили». Въ числѣ иночествующей братіи приходилъ неоднократно къ Герасиму и знаменитый основатель Сарова іеромонахъ Исаакій, въ схимѣ—Іоаннъ; онъ былъ въ то время инокомъ въ Арзамасскомъ Введенскомъ монастырѣ, изъ котораго, по любви къ уединенной жизни, иногда на время удалялся въ окрестности «пустыннаго ради житія» и такимъ образомъ встрѣтился съ Герасимомъ.

Истинно-подвижническая жизнь Герасима, въ теченіе которой «онъ добродѣтелями отъ силы въ силу восхождаше», удостоилась отъ Бога нѣкоторыхъ «знаменій» и «откровеній», послужившихъ впослѣдствіи поводомъ къ основанію на мѣстѣ подвиговъ Герасима знаменитой нынѣ Саровской пустыни. Объ этихъ знаменіяхъ первоначальникъ Саровскій Іоаннъ вспоминалъ такія слова самого Герасима. «Мѣсто это свято», говорилъ Герасимъ, изумленный необычайностью случившагося: «въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы молился я предъ Богомъ, исполняя обычное правило,

какъ вдругъ услышалъ я въ горѣ сей (Саровской) необычайный звонъ и столь сильный, что казалось будто бы и все мѣсто это колеблется. Съ этихъ поръ я часто слышу здѣсь такой-же звонъ и думаю, что мѣсто это святое, что это не случайный звонъ, но отъ Божія Промысла, какъ предзнаменованіе, что впослѣдствіи здѣсь будетъ находиться какая-либо святыня». По другимъ источникамъ (общежительная Саровская пустынь» издан. 1885 г.), кромѣ колокольнаго звона, замѣчалось также и то, что по ночамъ, иногда, сходилъ съ неба великій свѣтъ на то мѣсто, гдѣ нынѣ стоятъ соборные храмы, и при совершенно безоблачномъ небѣ гремѣлъ громъ надъ Саровомъ. Неизвѣстно, видѣлъ-ли Герасимъ и эти два знаменія: въ его житіи не упоминается, а говорится лишь о колокольномъ звонѣ. Впослѣдствіи оказалось, что громкій колокольный звонъ, раздававшійся временами въ глухомъ лѣсу, слышалъ не одинъ Герасимъ, а также и нѣкоторые изъ жителей ближайшихъ къ лѣсу селеній, которые, впрочемъ, объясняли значеніе звона по своему — совсѣмъ иначе, чѣмъ объяснялъ его Герасимъ. Дѣло въ томъ, что по старинному русскому повѣрью,—оставшемуся отъ временъ язычества,—зарытый въ землю кладъ, когда онъ положенъ на извѣстный срокъ, — по минованіи урочныхъ годовъ будто-бы «просится наружу» и даетъ знать о себѣ огнями и разными привидѣніями или же громкимъ колокольнымъ звономъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ этотъ кладъ зарытъ. Въ силу такого повѣрья, крестьяне ближайшаго отъ лѣса села Кременокъ, Алексѣй Зимнякъ и его товарищъ Андрей, запаслись заступами и лопатами, отправились въ Саровскій лѣсъ и приступили къ Герасиму съ разспросами, надъ какимъ мѣстомъ звонятъ колокола. Герасимъ указалъ имъ къ западу отъ своей келліи на средній городокъ, и крестьяне принялись за раскопку. Они копали въ самомъ углу средняго городка подлѣ земляного вала, «идѣже нынѣ подъ тѣмъ мѣстомъ ходъ въ пещеры»,—объ-

ясняетъ Саровскій лѣтописецъ, — и вмѣсто клада откопали «два креста каменныхъ четвероконечныхъ», небольшихъ размѣровъ, «яко обычно таковые на себѣ носити». Не удовольствовавшись находкой, крестьяне начали копать глубже и нашли еще четырехконечный крестъ,—мѣдный складень, съ углубленіями въ немъ для вкладыванія частицъ святыхъ мощей. Изумленные неожиданными находками, а можетъ быть и устрашенные этимъ, крестьяне прекратили дальнѣйшія раскопки, а найденные кресты принесли къ Герасиму.

Такъ жилъ и подвизался Герасимъ на Сатисо-градо-Саровской горѣ, «яко единъ отъ Серафимъ Бога прославляя», и миновало уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился здѣсь въ уединенной келліи. Полюбивъ мѣсто своихъ подвиговъ, Герасимъ далъ обѣтъ пребывать на этомъ мѣстѣ до конца жизни своей, думая, быть можетъ, даже основать здѣсь обитель впослѣдствіи..., но Богъ судилъ иначе.

Наступилъ 1670 годъ, и для Пензенско-Тамбовской стороны настало «бунтовое Стенькино время». Волненіе, охватившее всю сторону не миновало, конечно, и ближайшихъ окрестностей Саровскаго лѣса, воры заглянули въ Герасимову пустыню, даже и поселились въ ней. Случилось это, должно быть, тогда, когда бунтовщики, разгромленные всюду царскими войсками, стали скрываться въ непроходимыхъ лѣсахъ и, соединившись въ мелкія шайки, начали промышлять грабежомъ и разбоемъ. Съ этихъ поръ для Герасима начались всякаго рода «искушенія» и всевозможныя бѣды и напасти, укрыться отъ которыхъ было невозможно даже и на иноческомъ подвигѣ. Разбойники, поселившіеся неподалеку отъ Герасима, стали часто навѣдываться къ нему и, разумѣется, не ради пользы душевной, а затѣмъ, чтобы воспользоваться его келлѣей для своихъ пьяныхъ сборищъ и для дѣлежа награбленной добычи. И вотъ, жилище инока, освященное его молитвами, сдѣлалось вертепомъ разбойниковъ, «на мѣстѣ святѣ» водворилась мерзость запустѣнія... Сверхъ

того, разбойники, завладѣвъ келліей, не оставили въ покоѣ самого Герасима «и многія пакости ему дѣяху». Къ бѣдамъ отъ разбойниковъ присоединились вскорѣ напасти и отъ Кадомской мордвы, находившейся тогда еще въ язычествѣ. Эта мордва, считавшая себя хозяевами того мѣста, на которомъ подвизался Герасимъ, стала прогонять его оттуда и, не позволяя ему здѣсь жить, «убійствомъ прещаху». Тогда онъ, Герасимъ, «видя таковую напасть, зѣло оскорбися, и не вѣдая, что сотворити, яко человѣкъ, подпаде малодушію», вѣроятно, въ виду возможности подпасть обвиненію со стороны «городскихъ начальниковъ» въ соучастіи съ разбойниками, въ пристанодержательствѣ и укрывательствѣ, а, можетъ быть, по тогдашнему смутному времени, даже и въ государственной измѣнѣ. Для чистаго душею Герасима обвиненіе, хотя бы и ложное, въ столь гнусныхъ преступленіяхъ было невыносимо и казалось страшнѣе самой смерти.

Сильно скорбѣлъ и смущался Герасимъ отъ «обышедшихъ его золъ», наконецъ, рѣшился удалиться изъ Сарова къ Красной Слободѣ въ Спасову пустынь.

Саровская гора и пустынныя келлія Герасима опустѣли.

Со скорбію покидалъ Герасимъ свою пустынную келлію на Саровской горѣ, свою лѣсную пустыню, въ которой онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ. Здѣсь каждый уголокъ напоминалъ ему или о понесенныхъ трудахъ, или объ иноческихъ подвигахъ и небесныхъ утѣшеніяхъ, нисходившихъ иногда въ его скорбную душу. А наступила уже зима, всюду лежалъ снѣгъ, и ледяной, пронизывающій вѣтеръ металъ въ лицо колючею снѣжною пылью. Трудно было одинокому путнику идти въ такую холодную пору по нескончаемымъ лѣсамъ, по мѣстамъ почти безлюднымъ, по сугробамъ, въ которыхъ утопалъ онъ на каждомъ шагу, въ ежечасной опасности упасть на дорогѣ отъ утомленія и замерзнуть, или же быть растерзаннымъ набѣжавшею на него волчьей стаей. Селенія въ то время были рѣдки, и Герасиму приходилось дѣлать

большіе переходы. Усталый и измученный приходилъ онъ на ночлегъ, но, вмѣсто отдыха, встрѣчали его здѣсь скорбные, томившіе душу, разсказы объ ужасахъ затихавшей смуты, о всеобщемъ разореніи и о погибшихъ жертвахъ народнаго замѣшательства, въ числѣ коихъ могли быть также и его родичи... Но милосердный Господь сохранилъ Своего избранника. Подъ кровомъ Божіей благости благополучно дошелъ Герасимъ до Спасовой обители, гдѣ и водворился въ совершенной безопасности какъ отъ воровскихъ людей, такъ равно и отъ другихъ напастей.

Обитель Спасова къ приходу Герасима мало измѣнилась по внѣшности, но составъ братіи за нѣсколько лѣтъ долженъ былъ значительно измѣниться, потому что въ тѣ времена иночествующая братія представляла самый неустойчивый элементъ, вслѣдствіе чего «монаси прихождаху и паки отхождаху»,—кто въ другіе монастыри, кто на пустынное безмолвіе, а иные и въ благочестивое странствованіе по святынямъ русскимъ. Однако, несмотря на перемѣны, Герасима въ обители знали и почитали какъ строгаго подвижника и добродѣтельнаго инока, а потому приходъ его былъ радостнымъ событіемъ для братіи монастырской, которая, встрѣчая Герасима, надѣялась даже, что онъ будетъ у нихъ настоятелемъ.

Но не для настоятельства возвратился рабъ Христовъ въ свою обитель: смиренная душа подвижника стремилась не ко власти надъ другими, а къ пустынному безмолвію, къ трудамъ и подвигамъ, очищающимъ душу и сердце; поэтому, перезимовавъ въ обители, съ наступленіемъ весны, Герасимъ снова удалился на безмолвіе, верстъ на 5-ть отъ обители, къ западу, на рѣку Рябку, въ глухую чащу лѣса. Здѣсь отыскалась удобная для жилья полянка, вся пестрѣвшая цвѣтами; тутъ же подъ сѣнью деревьевъ бойко выбивалъ изъ земли и свѣжій родничекъ студеной воды. На этомъ мѣстѣ Герасимъ поставилъ себѣ келлію, завелъ огородъ и

оправилъ родникъ срубомъ, а затѣмъ зажилъ попрежнему, какъ въ Саровѣ, но только уже не одинъ, а съ товарищемъ-монахомъ, который, впрочемъ, не могъ нарушать безмолвія, потому что былъ глухо-нѣмой...

Удалившись, такимъ образомъ, на безмолвіе, Герасимъ не прервалъ живого общенія съ обителью; онъ и самъ изрѣдка приходилъ въ монастырь, и не тяготился, если иногда и братія монастырская посѣщала его келлію въ пустынѣ Рябкинской. Съ любовью принималъ онъ братію и бесѣдовалъ «отъ писанія», съ живымъ участіемъ относился онъ также и къ нуждамъ монастырскимъ. Монастырское хозяйство въ то время почему-то не процвѣтало, и въ обители во всемъ ощущалась великая скудость, вслѣдствіе чего братія, приходя къ Герасиму, иногда жаловалась, между прочимъ, и на нужду монастырскую. Тогда рабъ Божій, довольствовавшійся для себя однимъ укрухомъ хлѣба, не пренебрегалъ заботами братіи объ обезпеченіи продовольствія, и не только сталъ дѣлиться съ обителью произведеніями своего огорода, но благоразумными наставленіями, а можетъ быть даже и личнымъ участіемъ въ послушаніяхъ монастырскихъ, настолько улучшилъ монастырское хозяйство, что въ обители, мало-по-малу, стало водворяться довольство и изобиліе.

Братія монастырская дорожила присутствіемъ Герасима «почитающе его, какъ отца и наставника, всячески его утѣшающе и ни въ чемъ его оскорбляюще, и никаможе, кромѣ отходныя келліи, хотяху его пустити». Да Герасимъ, кажется, и не думалъ отходить куда-либо отъ обители, потому что жизнь его въ Рябкинской келліи, въ общемъ, ничѣмъ не разнилась отъ жизни въ Саровѣ. Здѣсь онъ такъ же неустанно трудился, какъ и въ Саровѣ: работалъ на огородѣ, работалъ въ лѣсу и питался тѣмъ же самымъ, съ примѣсью гнилушекъ, хлѣбомъ, который онъ, впрочемъ, уже избѣгалъ предлагать приходящимъ, имѣя для того въ запасѣ совершенно чистый хлѣбъ. Иногда случалось, что въ большіе

праздники монастырская братія, побуждаемая любовью къ Герасиму, какъ къ своему отцу и наставнику, приносила ему пищу съ монастырской трапезы: щи, горохъ и кашу. Герасимъ, въ угоду братіи, не отказывался и отъ этой столь роскошной для него пищи, но вкушалъ ее не иначе, какъ перемѣшавъ всѣ кушанья вмѣстѣ, дабы безвкусіемъ брашенъ обуздать вожделѣніе чрева.

Преданіе монастырское присоединяетъ къ сказанному еще и то, что Герасимъ, живя на Рябкѣ, работалъ колеса, которыя онъ продавалъ, а вырученныя за нихъ деньги раздавалъ неимущимъ.

Такъ жилъ и трудился рабъ Божій «въ неистлѣніи кроткаго и молчаливаго духа, благотворяще», и преуспѣвая «въ братолюбіи, милосердіи и кротости».

Въ Рябкинской келліи Герасимъ прожилъ 12-ть лѣтъ. За это время въ обители смѣнилось три настоятеля, и когда послѣдній изъ нихъ, «черный монахъ» Ѳеодосій, оставилъ въ 1682 году настоятельство, тогда братія единодушно пожелала избрать на его мѣсто Герасима. «И пріиде къ нему отъ всей братіи монаси», повѣствуетъ жизнеописатель: «и нача со слезами прилежно молити его, дабы онъ шелъ въ монастырь и былъ у нихъ настоятелемъ». Можно думать, что просьба эта была для Герасима столько же неожиданна, какъ и тягостна, потому что Герасимъ долго и настойчиво отказывался и самъ даже умолялъ братію «оставить его въ томъ житіи», но мольбы и слезы братіи превозмогли: «побѣждаемый ихъ любовью, Герасимъ, наконецъ, согласился, хотя съ оговоркой, что, по минованіи надобности, онъ опять возвратится на свое безмолвіе, «аще Богъ изволитъ». Такимъ образомъ Герасимъ, скрываемый столько лѣтъ въ пустыни, теперь Промысломъ Божіимъ поставленъ былъ «на свѣщницѣ, да свѣтитъ».

Во время благопотребное вручилъ Богъ Герасиму жезлъ настоятельскій, потому что года черезъ два послѣ его избра-

нія обители Спасской стала угрожать серьезная опасность—лишиться всѣхъ средствъ своего существованія и вслѣдствіе того подвергнуться, быть можетъ, даже совершенному уничтоженію. Дѣло въ томъ, что нашлись люди, задумавшіе отнять у обители ея достояніе,—оброчныя статьи, пожертвованныя ей благочестивымъ крестьяниномъ Путилкою Боженовымъ. Пришлось хлопотать по судамъ и отстаивать наслѣдіе монастырское. Тяжелый трудъ для настоятеля-отшельника, никогда не вѣдавшаго въ своей жизни ни судовъ, ни судейской волокиты. Но такъ какъ «благочестіе на все бываетъ полезно», то и здѣсь, въ такомъ кляузномъ дѣлѣ подвижникъ вѣры и благочестія, какъ бы воплощавшій въ себѣ «немудрое Божіе», оказался «мудрѣе человѣковъ», и, несмотря на всѣ ухищренія и коварство ябедниковъ и даже на поддержку неправеднаго иска со стороны городскихъ начальниковъ, Герасимъ все-таки сумѣлъ отстоять права обители на землю и упрочить ее за обителью.

Сослуживъ столь незабвенную службу обители, обезпечивъ навсегда ея существованіе, блаженный старецъ удалился отъ настоятельства на обычное безмолвіе. Герасимъ былъ уже тогда въ преклонныхъ лѣтахъ и, приближаясь къ концу своего земного поприща, считалъ необходимымъ усугубить свои подвиги. Въ послѣдніе годы жизни мысль о смерти не покидала Герасима; это видно изъ того, что одно время онъ весьма смущался недоумѣніемъ, гдѣ должно ему встрѣтить смертный часъ и быть преданну землѣ тѣлу его: здѣсь ли въ Спасовой обители, которой онъ принадлежитъ, какъ ея постриженникъ и настоятель, или тамъ на берегу Сатиса въ Саровскомъ лѣсу, гдѣ полагалось начало подвигамъ пустынножителя, и гдѣ онъ, наконецъ, удостоился знаменій и откровеній... Изъ этого боренія помысловъ можно замѣтить, что Герасима тянуло больше къ Сарову, чѣмъ привязывало къ Спасовой обители;—что Саровъ съ его вѣковыми деревьями и первоначальнымъ безмолвіемъ, съ его таинственнымъ

мракомъ и еще болѣе таинственными чудесами, какъ то ближе былъ сердцу Герасима, чѣмъ Спасова обитель съ ея «молвою» и суетою, отрывавшими его часто отъ богомыслія и молитвы. Не зная, что предпринять въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ рѣшилъ, наконецъ, предать все волѣ Божіей: написавъ два жребія, Герасимъ положилъ ихъ на престолѣ, подъ пелену, и сталъ на молитву. Долго и горячо молился Герасимъ, и послѣ того рѣшился взять жребій... На жребіи значилось: «оставаться въ обители». Съ благодареніемъ принялъ Герасимъ рѣшеніе своей участи и остался въ обители навсегда. Послѣдніе годы жизни блаженнаго старца ознаменовались благодатными дарами Святаго Духа, видимымъ признакомъ того, что духовная жизнь Герасима достигла къ этому времени «въ мѣру возраста Христова». По свидѣтельству Саровскаго первоначальника Іоанна Герасимъ на склонѣ дней своихъ «сподобился отъ Бога благодати пророческаго дара и молитвою своею человѣкомъ недуги врачеваше».

Блаженная кончина старца наступила около 1700 г., лѣтъ за семь до основанія предреченной имъ Саровской пустыни. Больше ничего неизвѣстно о кончинѣ Герасима: онъ умеръ, должно быть, такъ же одиноко, какъ и жилъ... Несомнѣнно, впрочемъ, одно, что братія монастырская, провожая въ могилу честное тѣло своего отца, наставника и благодѣтеля, почтила его память многими и теплыми слезами.

Первоначально честное тѣло старца Герасима было погребено близъ соборнаго монастырскаго храма, на южной его сторонѣ, гдѣ находился придѣлъ во имя Божіей Матери Казанскія. Храмъ этотъ былъ деревянный и къ 1790 году пришелъ въ такую ветхость, что его должны были разобрать и на мѣстѣ его построить другой храмъ, уже каменный. Весной 1792 года приступили къ земляннымъ работамъ для прокладки фундамента. Во время этихъ работъ, когда стали вести канаву на южной сторонѣ храма, случайно, какъ это

обыкновенно думаютъ, на самомъ же дѣлѣ не безъ воли Божіей дорылись до чьего-то гроба; когда же, любопытствуя, открыли гробъ, то усмотрѣли въ немъ одежды схимническія и нетлѣнное тѣло. Объ этомъ открытіи дали знать настоятелю Іонѣ, который, осмотрѣвъ обрѣтенныя мощи, объяснилъ присутствовавшимъ, что на этомъ мѣстѣ была деревянная церковь и подлѣ оной похороненъ святой жизни іеросхимонахъ Герасимъ,—это его мощи. «Пусть онъ останется за стѣной», сказалъ настоятель: «и пребудетъ внѣ храма; дабы егда Господь Богъ прославитъ сего іеросхимонаха, тогда удобнѣе можно будетъ его изъ земли вырыть». Но когда каменный храмъ благоуспѣшно совершился кладкою и оставалось только приступить къ внутреннимъ работамъ, онъ упалъ и разрушился. Иноки обители и въ особенности голосъ народный въ этомъ происшествіи усматривали кару Божію и обвиняли настоятеля Іону въ неразумномъ его распоряженіи выгородить могилу раба Божія Герасима изъ стѣнъ храма. Такимъ же образомъ понялъ это происшествіе и слѣдующій за Іоною настоятель іеромонахъ Геннадій; и потому, возобновляя храмъ, повелъ его южную стѣну такимъ образомъ, что могила Герасима оказалась внутри стѣнъ храма, который стоитъ понынѣ.

Въ позднѣйшее время, именно при настоятелѣ монастыря архимандритѣ Нифонтѣ, скончавшемся въ началѣ 70-хъ годовъ XIX столѣтія, 115 лѣтъ отъ роду, могила Герасима отгорожена отъ прочаго пространства подъ церковью особыми стѣнами, устроенъ какъ-бы склепъ. Къ могилѣ сдѣланъ особый ходъ и надъ самой могилой устроено надгробіе, надъ которымъ сверху положено изображеніе Герасима въ схимническомъ одѣяніи. (Въ 1889 г. склепъ распространенъ подъ церковь).

При вышеупомянутомъ архимандритѣ Нифонтѣ случилось сдѣлать поправки какъ въ самой церкви, такъ и въ склепѣ Герасимовомъ. Во время этихъ поправокъ надгробіе съ мо-

гилы Герасима пришлось сдвинуть, и гробъ оказался на виду. Тогда архимандриту Нифонту (извѣстному своимъ благочестіемъ и чистотою жизни) пришла мысль открыть гробъ подвижника «ради его прославленія»,—что и было исполнено самимъ архимандритомъ послѣ долговременной и усердной молитвы. Когда же открыли гробъ, то опять, какъ и въ 1792 году, тѣло Герасима, несмотря на то, что прошло уже около полутораста лѣтъ послѣ его кончины, оказалось нетлѣннымъ, и схимническія одежды его неистлѣвшими. Архимандритъ Нифонтъ рѣшился списать изображеніе съ мощей Герасима въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ лежатъ во гробѣ. Изображеніе это затѣмъ было положено на надгробіе, на которомъ находится и до сихъ поръ. Преданіе о томъ хранится въ обители въ записи. Кромѣ сихъ явныхъ знаменій благодати Божіей, явленныхъ при двукратномъ обрѣтеніи нетлѣннаго тѣла блаженнаго Герасима, въ народѣ и между братіей монастырской существуетъ много разсказовъ о чудесахъ, истекающихъ отъ честнаго гроба его.

Въ настоящее время рѣдкій богомолецъ уходитъ изъ Спасскаго монастыря, не отслуживъ панихиды надъ гробомъ схимонаха Герасима; многіе уносятъ съ собою горсть песку съ его могилы, искренно вѣруя, что по молитвамъ почившаго подвижника и самый прахъ, въ которомъ покоится его многотрудное тѣло, обладаетъ цѣлебною силою *).

Схимонахиня Ардаліона, старица Усть-Медвѣдицкаго монастыря Донской епархіи.

(Память 17 августа).

Схимонахиня Ардаліона была дочь священника слободы Завязки, Хоперскаго округа, о. Андрея Игнатова, родилась въ 1816 году 30 января и при крещеніи наречена была

*) См. „Церк. Вѣд.“ 1890 г., 1119 стр.

Анною. Семи лѣтъ она лишилась своего отца, который умеръ, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей и трехъ дочерей, изъ коихъ Анна была старшая, на попеченіе престарѣлаго родителя своего Димитрія Игнатова, бывшаго также священникомъ въ той слободѣ Завязкѣ. Трудно было прокармливать, не только воспитывать осиротѣвшую семью: дѣтей надо было обучать грамотѣ, и за неимѣніемъ лишнихъ средствъ, мальчиковъ сталъ учить самъ дѣдушка, а дѣвочку Анну мать Матрена Семеновна отдала сперва учиться грамотѣ къ одной черничкѣ старой дѣвицѣ, потомъ отправила къ сестрѣ своей дворянкѣ Краснушкиной, жившей въ 20 верстахъ отъ Завязки. У тетки Аннушка прожила нѣсколько лѣтъ, и когда выучилась читать, то такъ страстно полюбила чтеніе, что не могла равнодушно видѣть ни одной книги. Когда бывала въ домѣ у своего дѣда, то, не взирая на его строгость, часто уносила изъ его домашней библіотеки книги, уходила съ ними на гумно, и тамъ, забравшись на скирду, погружалась въ чтеніе на цѣлый день, такъ что забывала и о пищѣ. По смерти о. Димитрія, прожившаго 105 лѣтъ, внучки стали дѣлить между собою его имущество, состоявшее изъ всякой хозяйственной мелочи. Анна Андреевна ни на что другое не обратила вниманія, а взяла хлѣбный мѣшокъ, наложила его до верху книгами и ушла къ себѣ. Мать, увидя это, стала упрекать ее, что набрала ни къ чему негодныхъ старыхъ книгъ, а годныхъ вещей никакихъ не принесла изъ наслѣдства дѣдовскаго; но дочь выше всякихъ сокровищъ на свѣтѣ цѣнила эти книги. Такая безпримѣрная въ дѣтскомъ возрастѣ любовь къ чтенію расположила сердце дѣвушки къ духовной сторонѣ жизни. Когда Анна Андреевна на 18 году отъ роду прибыла случайно съ богомолками въ Усть-Медвѣдицкій монастырь, то скромная обстановка монастырская и жизнь монашеская до того ей полюбились, что она рѣшительно не могла оторваться отъ святой обители и захотѣла остаться въ ней навсегда. Молодая душа, напитанная духовнымъ чтеніемъ, ощутила, что тутъ кроется исполненіе ея завѣтныхъ мыслей и чувствованій, какія наполняли ее тогда, когда она предавалась чтенію любимыхъ книгъ. Игуменствовавшая тогда мать Аѳанасія приняла Игнатову въ число сестеръ. Это было въ 1834 году. Воспоминая это время, Анна Андреевна говорила впослѣдствіи, что чувствовала тогда такую радость въ сердцѣ, такую легость въ душѣ, что «точно у нея были крылья». Избранница Божія въ первыя двѣ недѣли обоняла всюду вокругъ себя благоуханный воздухъ: и въ церкви, и въ келліи, и въ огородѣ, куда была посылаема.

Въ первые годы жизни въ монастырѣ Анна Андреевна проходила послушанія по чернымъ работамъ, то въ огородѣ, то на покосѣ въ лѣтнюю пору, и всякую тяжелую работу исполняла съ веселымъ расположеніемъ духа, радостно и льготно. Бывало, въ покосное время, въ часъ отдыха возметъ книжку и читаетъ; около нея соберется кружокъ слушательницъ, и звонкій голосъ читательницы раздается далеко по лѣсу. Игуменья Аѳанасія, узнавши, что послушница Анна Игнатова хорошо читаетъ и имѣетъ сильный голосъ, поставила ее на клиросъ. Странно было видѣть ее молодую среди сверстныхъ по лѣтамъ сестеръ-клирошанокъ, всегда чисто и изящно одѣтыхъ, стоящую въ мухояровой рясѣ изъ толстаго сукна, неуклюже сшитой, въ бокахъ разноцвѣтной, и съ клобукомъ на головѣ, который никогда не перемѣнялся. Но занятая своимъ внутреннимъ человѣкомъ она не обращала вниманія на внѣшность свою. Часто во время службы, стоя на клиросѣ, проливала тихія слезы, которыя текли неудержимымъ потокомъ, такъ что иногда вся грудь дѣлалась мокрою у плачущей. Слово Божіе, читаемое въ келліи и слышимое въ церкви, было единственнымъ источникомъ утѣшенія и наставленія для Анны Андреевны, носившей тогда имя Алевтины, данное при постриженіи въ рясофоръ. Книги были ей вездѣ неразлучными спутниками. Когда случалось

ей приходить по зову въ келлію какой-либо сестры, то она брала съ собой книгу, тамъ читала и толковала прочитанное; рѣчь ея бывала тогда такъ обильна, что келейницы оставляли свои дѣла, сходились къ ней и заслушивались по нѣскольку часовъ. Иногда читая у себя дома, вдругъ вставала и неодѣтая, съ читаемой книгой въ рукахъ, шла къ какой-нибудь монахинѣ, чтобъ подѣлиться уяснившимся понятіемъ прочитаннаго слова; но понятіе это было слишкомъ возвышенно для того, чтобы могли его воспринимать неприготовленныя къ такой бесѣдѣ и развлекаемыя келейными занятіями слушательницы. Такъ ей приходилось не разъ уходить отъ своей воспріемной матери по постриженію, казначеи Маріамы съ упрекомъ: «когда ты, Марѳа, оставишь свои блинцы». Потомъ Алевтина прекратила такія свои посѣщенія, убѣдившись изъ опыта, что то сокровище духовныхъ понятій, какое она носила въ себѣ, не передаваемо, давалось только ей одной на обладаніе.

Но и для матери Алевтины приходили такія обстоятельства, гдѣ Маріина часть неминуемо сталкивалась съ Марѳиной; и вѣрная слову Божію, дознавши опытно всю тщету послѣдней, она отдала первой рѣшительный перевѣсъ. Такого рода обстоятельства встрѣчаются нерѣдко въ жизни, и хотя повидимости являются простыми случайностями, но имѣютъ важное значеніе, такъ какъ служатъ всегда пробнымъ камнемъ для духовной дѣятельности, и часто бываютъ такими поучительными уроками, которые не забываются всю жизнь. Одновременно съ клироснымъ послушаніемъ Алевтина, называвшаяся тогда Анною, такъ какъ это было еще до постриженія ея въ рясофоръ, опредѣлена была въ золотошвейки къ одной монахинѣ, занимавшейся этою работой. Въ то время жили съ нею старая тетка, дочь о. Димитрія, и младшая сестра Павла, которую она взяла къ себѣ, чтобъ облегчить для матери воспитаніе семьи; жили онѣ всѣ въ одной келліи. Въ свободные отъ урочной работы часы она

занималась своимъ шитьемъ, и отъ продажи своего рукодѣлья содержала себя, тетку и сестру. Трудно ей обходилось такое содержаніе: цѣлыя ночи не разгибаясь она проводила за шитьемъ, хотя скоро и много работала. Потомъ старуха тетка умерла, а сестра ея молодая дѣвушка не пожелала продолжать болѣе жизнь въ монастырѣ и вышла замужъ. Облеченная тогда въ рясофоръ мать Алевтина совершенно оставила занятіе рукодѣльемъ, дни и ночи стала посвящать чтенію и молитвѣ.

Схимонахиня Пафнутія

При такомъ безпопечительномъ образѣ жизни подвижница должна была терпѣть скудость въ матеріальныхъ потребностяхъ. Но кто не заботится о завтрашнемъ днѣ, ища Царствія Божія и правды его, тому, по слову Евангельскому, прилагается все потребное. Бывшая просфорня м. Павлина, м. Митрофанія дочь полковника и м. Ипсимія, впослѣдствіи схимонахиня Пафнутія, были усердными слушательницами м. Алевтины, часто звали ее къ себѣ, съ вѣрою и любовію внимали ея духовной бесѣдѣ, и съ своей стороны служили ей отъ своихъ избытковъ, чѣмъ могли, пополняя ея недостатки. Однажды игуменіи представилась надобность перевести ее изъ собственной ея келліи въ обительскую, что въ женскихъ монастыряхъ обыкновенно обходится не безъ скорби; она сдѣлала этотъ переходъ безъ малѣйшаго сожалѣнія, и при этомъ изъ келейнаго имущества ничего съ собою не взяла, даже любимыхъ книгъ своихъ, кромѣ Евангелія и

Псалтири: «въ церкви много книгъ, говорила она, была бы охота слушать слово Божіе». Отсѣкая въ себѣ привязанность къ вещамъ, она неоднократно повторяла: «еще въ ранней молодости я стала понимать не только умомъ, но и внутреннимъ глубокимъ чувствомъ, что душа въ часъ смерти разрываетъ всѣ связи съ земнымъ міромъ, и какъ тяжело и трудно душѣ это разлученіе, если въ ней много пристрастныхъ привязанностей къ земнымъ предметамъ. Чтобъ легко было умирать, нужно прежде смерти умереть для всего, нужно уничтожить всѣ земныя пристрастія». Мать Алевтина не только сама себѣ ничего не пріобрѣтала, но и глубоко огорчалась тѣмъ, когда въ другихъ видѣла противные нравы. Состоя въ должности благочинной монастыря, по требованію этой должности она посѣщала келлію одной своей сосѣдки, и часто заставала ее за чтеніемъ Псалтири воздыхающею, какъ бы съ отягощеніемъ исполняющею свое правило. Тогда она говорила ей: «довольно тебѣ читать, отдохни». — «Нельзя, мать, та всегда отвѣчала, вѣдь я монахъ!» Случилось, что въ общей трапезѣ недостало дровъ; благочинная приходитъ къ этой самой монахинѣ и говоритъ: «у насъ въ трапезѣ дровъ недостало, Донъ еще не замерзъ, привезти изъ лѣсу нельзя; у тебя много дровъ, отдай одну свою полѣнницу въ трапезу». Та съ ужасомъ возразила: «какъ ты могла это высказать, чтобы я свои дрова, надъ которыми столько трудилась, собирая ихъ, перевозя изъ-за Дона, прибирая,—и чтобъ я отдала ихъ въ трапезу! ни за что не отдамъ».—«Ну, мать,—сказала благочинная,—не монахи же мы съ тобой, если и съ полѣнницей дровъ не можемъ разстаться». Послѣ такихъ случаевъ м. Алевтина (въ полномъ постриженіи она носила то же имя, какое и въ рясофорѣ) затворялась въ своей келліи и не выходила изъ нея по два и по три дня. Отреченіе свое отъ привязанностей всякаго рода она простирала до того, что не дорожила никакими удобствами и собственнымъ покоемъ.

У нея была одна келейница Агафья Прокопьева, весьма преданная ей и очень ловкая въ услуженіи. Когда одна болящая монахиня попросила благочинную дать ей хорошую послушницу, то она привела къ ней свою Агафью и убѣдила ту служить болящей съ такою же преданностію, съ какою она служила ей самой. Послушная Агафья выполнила это въ точности, усердно служа больной до самой ея кончины.

Мать Алевтина вотъ что говорила о себѣ: «при работѣ надъ своимъ внутреннимъ человѣкомъ такая иногда чувствовалась немощь, недостаточность всѣхъ внѣшнихъ подвиговъ, всѣхъ своихъ душевныхъ силъ, что не разъ приходила въ уныніе и нѣкоторое безнадежіе. Въ эти тяжелые часы приходилось въ церкви слышать слово апостола Павла о безсиліи закона и о вѣрѣ, и хотя я ихъ и прежде знала наизусть, но въ эти минуты они были для меня новымъ откровеніемъ. Всею немощію души своей я сознавала, что ни на себя и ни на что свое я не могу надѣяться, что ни что мнѣ не поможетъ въ моемъ спасеніи, ничто не спасетъ моей души отъ ея собственной нечистоты и несовершенства. Всѣмъ существомъ своимъ я вѣрила, что Господь, одинъ Господь и сила Его благодати можетъ меня спасти, можетъ просвѣтить, очистить и усовершить мою душу; можетъ дать силу ей внимать Его слову, разумѣвать Его и исполнить Его заповѣди. И эта сила будетъ Его сила, во мнѣ дѣйствующая, а не моя, я же и все мое навсегда остается немощнымъ, безжизненнымъ, безпомощнымъ. И хорошо, что человѣкъ самъ по себѣ такъ немощенъ; хорошо, что только Богъ одинъ силенъ, что Онъ одинъ живый, во всемъ дѣйствующій и царствующій!» При такомъ глубокомъ познаніи своей немощи и при такой живой вѣрѣ и благодать Божія осѣняла и усовершала ея подвигъ. Она передавала одной своей духовной дочери: «одинъ разъ—еще была я въ рясофорѣ—читала я покаянный канонъ ночью въ своей келліи

и молитву покаянную, въ которой были слова, коими молящійся сравнивалъ себя съ червемъ, съ прахомъ земнымъ. Читая эти слова, я вдругъ ощутила глубокое чувство смиренія, своего ничтожества; и это ощущеніе было такъ полно, такъ сильно и такъ отрадно душѣ, что слезы обильно потекли изъ глазъ; и всю ночь я провела въ колѣнопреклоненной молитвѣ, а продолжать чтеніе по книгѣ въ ту ночь я больше не могла». Духовнаго подвига матери Алевтины никто не видѣлъ, ничего особеннаго за ней не примѣчали, и мало было такихъ, которыя могли понимать ея тайную жизнь. По принятіи монашества въ 1855 году она рѣдко стала выходить изъ келліи. Иногда спрашивали ее сестры, отчего она никуда не ходитъ,—мать Алевтина отвѣчала такъ: «прежде я ходила чай распивать, а теперь чай не пью, и ходить по другимъ келліямъ не зачѣмъ». Тогда преданныя ей сестры, желая выслушать отъ нея наставленіе, или получить совѣтъ въ своихъ духовныхъ нуждахъ, стали сами приходить къ ней. Въ числѣ такихъ была одна молодая дѣвушка, очень образованная, кончившая курсъ въ Тамбовскомъ институтѣ; она выказала большую вѣру къ матери Алевтинѣ и пожелала жить подъ ея руководствомъ. Много скорбей она причиняла своей наставницѣ, такъ какъ, слушая ея наставленія, никогда не отсѣкала передъ ней своей воли. Постоянно видя ея противленіе, мать Алевтина хотѣла отстранить ее отъ себя; но та высказывала тогда такую скорбь, такія проливала слезы, что наставница не рѣшалась на это удаленіе, располагалась еще терпѣть, надѣясь на исправленіе своей ученицы. Но этого исправленія не послѣдовало, а кончилось тѣмъ, что образованная самовольница вышла изъ монастыря. Выходъ ея принесъ скорбь матери Алевтинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ для нея и облегченіемъ. Послѣ наставница такъ отзывалась объ этой непослушной ученицѣ: «живя съ ней, я чувствовала себя такъ, какъ чувствовалъ бы себя живой человѣкъ, къ которому былъ бы привязанъ

трупъ. Но все же я благодарю Бога за то испытаніе: многому терпѣнію я научилась, живя съ нею». И дѣйствительно, она сдѣлалась настолько терпѣливою, что могла уживаться съ самымъ строптивымъ характеромъ. Если кто жаловался ей на келейницу, когда она бывала въ должности благочинной, и просилъ взять изъ келліи, а другой келліи для такой не находилось, и никто изъ монахинь не соглашался принять къ себѣ своевольную сестру; то благочинная брала ее въ свою келлію и держала у себя до тѣхъ поръ, пока находилась келлія, или какая монахиня нуждалась въ келейной. Самою приверженною ученицею матери Алевтины была вышепомянутая Рипсимія, въ мірѣ именовавшаяся Параскевою, дочь казака Усть-Хоперской станицы. Когда мать Алевтина обходила келліи сестеръ съ книгою въ рукахъ и съ словомъ назиданія въ устахъ, заходила она и къ Параскевѣ. Робкая и скрытная ко всѣмъ Параскева расположилась къ ней всею душой, съ великою любовію слушала ея слова, повѣряла ей свои сердечныя тайны, и, получая духовный разумный совѣтъ, держалась его. Скоро ихъ взаимныя отношенія установились опредѣленно: Параскева стала относиться къ Алевтинѣ, какъ къ своей руководительницѣ и духовной матери. Когда въ душѣ Параскевы возникали страстные помыслы и производили тревогу, отъ которой она никакъ не могла избавиться собственными силами; тогда она приходила къ матери Алевтинѣ въ ея маленькую, убогую келлію, молча садилась у ногъ ея и тяжело вздыхала. Мать Алевтина, видя ея душевную скорбь, брала книгу и начинала читать. Тогда слово ея, полное вѣры, укрѣпляло духъ Параскевы, и она возвращалась къ себѣ съ новою силою на подвигъ борьбы съ своими помыслами. Иногда по своей робости она не могла высказывать откровенно состоянія души своей: тогда мать Алевтина сама открывала тайны ея сердца и обнаруживала помыслы, борющіе ее. «Мы оттого бываемъ такъ сильно боримы помыслами страстными, что мы любимъ грѣхъ, — говорила

она,—если же намъ кажется, что мы его ненавидимъ, и что помыслы помимо нашей воли борютъ насъ, то мы ошибаемся. Мы ненавидимъ и не желаемъ грѣха только по разсужденію, разсужденіе же никогда не сильно побѣдить въ насъ страсти и уничтожить естественное влеченіе ко грѣху: нужно, чтобы воля наша рѣшительно отсѣкла всякое плотское пожеланіе, и чтобъ устремила все свое хотѣніе къ Богу и къ исполненію Его слова, Его святыхъ заповѣдей». И эту-то волю наставница старалась вызвать въ своей ученицѣ; указывая ей на начала страстей, она свидѣтельствомъ слова Божія и слова Отцевъ требовала рѣшительнаго отсѣченія ихъ. «Живъ—умеръ, а надо исполнить», говорила себѣ покорная ученица и производила надъ собою такое усиліе, что заболѣвала: «двадцать семь горячекъ я перенесла,—говорила она,—стараясь не отпасть отъ слова матушки». И Параскева до тѣхъ поръ не смѣла показаться своей наставницѣ, пока не усвоивала ея слова дѣломъ; безъ этого считала себя недостойною услышать другое слово; перестрадаетъ душой, переболитъ тѣломъ, и опять идетъ, опять сядетъ у ногъ матушки.

Въ 1852 году мать Алевтина пожелала поклониться Кіевской святынѣ и посѣтить нѣкоторыя пустыни, въ коихъ сохраняется строгій уставъ монашескаго общежитія. Она взяла съ собой послушницу Параскеву. Все путешествіе онѣ совершили пѣшкомъ и проходили три или четыре мѣсяца, посѣтивъ многіе монастыри по пути въ Кіевъ. Въ этомъ путешествіи въ душу Параскевы запало смущеніе: ей не понравилось, что матушка иногда скоро оставляла нѣкоторые монастыри, гдѣ ей хотѣлось бы погостить подольше. Такъ изъ Коренной пустыни онѣ ушли на разсвѣтѣ дня престольнаго праздника, въ которой готовилось торжественное богослуженіе; а изъ Петропавловскаго монастыря вышли вечеромъ, наканунѣ того дня, въ который имъ падлежало обѣдать у архимандрита Ѳеофана (бывшаго прежде настоятелемъ Кременскаго монастыря на Дону). Монахиня Алевтина пренебрегала общепринятыми приличіями тамъ, гдѣ видѣла вредъ своей душѣ, и не дорожила ничѣмъ ради исполненія заповѣди Божіей какъ по отношенію къ себѣ, такъ и къ ближнему. — Напротивъ, онѣ пробыли лишнія сутки въ одной душной крестьянской избѣ, полной таракановъ, гдѣ требовала духовнаго утѣшенія разстроенная семья; вслѣдствіе чего запоздали къ празднику въ монастырь, куда спѣшили, разсчитывая отдохнуть и утѣшиться праздничнымъ богослуженіемъ. Иногда Параскеву возмущала дружеская бесѣда матушки съ какимъ-нибудь невоздержнымъ, безпутнымъ, по ея выраженію, монахомъ, въ которомъ м. Алевтина усматривала душевную простоту, всегда ее плѣнившую. И вотъ, однажды, вышли онѣ не во время изъ одной обители, въ которой Параскевѣ хотѣлось отдохнуть; не стерпѣла она, заропгала и высказала все, что накопилось на душѣ. Мать Алевтина шла молча, слушая ее. Когда онѣ взошли на высокую гору, съ которой въ обѣ стороны широко разстилался горизонтъ, и дорога развивалась на оба склона, м. Алевтина сѣла, велѣла и ей сѣсть. «Вотъ что, сказала она, такъ какъ ты потеряла ко мнѣ вѣру, дѣлаешься судьею моихъ поступковъ, то нечего тебѣ дѣлать около меня. Вотъ двѣ дороги, выбирай себѣ любую: если ты пойдешь направо, я пойду налѣво; если ты пойдешь налѣво, то я направо, и съ этой минуты наши дороги въ жизни никогда больше не сойдутся». Какъ громомъ поразили слова эти Параскеву. Тутъ только вполнѣ поняла она, насколько для нея дорого духовное общеніе съ м. Алевтиной, и что вся жизнь ея души только ею и поддерживается. Сколько потомъ пролито было слезъ на этой горѣ, сколько дано обѣщаній исправленія, вѣдаетъ только Господь да душа Параскевы, которая съ этого дня во всю жизнь болѣе не допустила до своего сердца никакого сомнѣнія. «Живъ-умеръ, а наставника судить не мое дѣло, разбирать его дѣла не моему разуму», говорила она. «Какъ будетъ Господу угодно и матушкѣ»,—

«молитвами матушки сохрани меня Господи!» —были всегдашнія ея слова. Такимъ образомъ, въ этомъ путешествіи была испытана вѣра ученицы. Это требовалось и для самой наставницы. Можно полагать, что безъ всякихъ другихъ причинъ, а съ этою цѣлію м. Алевтина допускала себѣ нѣкоторые повидимому несообразные поступки, гдѣ преданной ученицѣ слѣдовало только повиноваться безпрекословно. Но слезы раскаянія, истекавшія изъ глубины души, показали, что вѣра Параскевы утвердилась глубоко въ ея сердцѣ, а не была какая-нибудь поверхностная, при первомъ случаѣ отпадающая. Здѣсь обѣ онѣ увидѣли, что духовный союзъ ихъ навсегда неразрывенъ. Послѣдующія обстоятельства жизни доказывали это. Во время болѣзни м. Алевтины, постигшей ее въ 1853 году, Параскева неотлучно проводила около больной безсонныя ночи, не тяготясь никакимъ трудомъ, никакою жертвой.

При всей любви своей къ келейному одиночеству мать Алевтина была весьма общительна и умѣла всѣхъ расположить къ себѣ. По обязанностямъ благочинной, гдѣ она ни появлялась, вездѣ производила отрадное впечатлѣніе своимъ бодрымъ духомъ, веселымъ взглядомъ, ласковымъ обхожденіемъ; для каждой сестры находила привѣтливое слово, которое дѣйствовало всегда успокоительно, утѣшительно, а для трудящихся въ общихъ послушаніяхъ столько ободрительно, что какъ бы придавало силъ. Но при всѣхъ этихъ качествахъ, облегчающихъ для нея прохожденіе начальственной должности, въ ней зрѣла мысль о полномъ отреченіи отъ всего и совершенномъ безмолвіи; а такъ какъ въ монастырѣ это возможно только при постриженіи въ схиму, то мысль о схимѣ была давнишнею и неизмѣнною ея мыслію. Только сама собой она не рѣшалась сдѣлать первый шагъ, а, предавая себя волѣ Божіей, ждала особеннаго случая или повода, который бы могла принять за указаніе Божіе, какъ это обычно въ подобныхъ предпріятіяхъ. На что есть воли

Божія, то все устраивается легко и просто, безъ всякихъ усилій со стороны человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ устраивается премудро. Однажды, бесѣдуя съ казначеей Маріамою, мать Алевтина навела разговоръ на любимый свой предметъ: стала предлагать своей воспріемной матери принять схиму, обѣщаясь читать ей правило. «Какая мнѣ схима! сказала въ отвѣтъ м. Маріама, да у меня и охоты нѣтъ», и, не придавая особеннаго значенія этому разговору, прибавила: «вотъ ты сама постригись въ схиму».— «Благословите!» сказала благочинная, вставъ съ своего мѣста и кланяясь ей въ ноги. Нѣсколько оторопѣвшая отъ такого нечаяннаго движенія и не успѣвши ничего сообразить, м. Маріама проговорила: «Богъ благословитъ». Получивъ, такимъ образомъ, благословеніе, мать Алевтина тотчасъ же поспѣшила къ игуменіи. Игуменіи Вирсавіи она высказала свое давнишнее желаніе посхимиться и что сейчасъ ея воспріемная мать Маріама дала свое благословеніе. Игуменіи оставалось только согласиться. Въ тотъ же день было написано прошеніе о постриженіи монахини Алевтины въ великую схиму. 26 февраля 1859 года на 43 году жизни она была посхимлена съ именемъ Ардаліоны. Принявъ сугубое монашество, схимонахиня Ардаліона усугубила и свой молитвенный подвигъ. Неопустительно бывая за всѣми церковными службами, въ келліи своей она занималась непрестанною молитвою и чтеніемъ. Чтенія же своего она не разнообразила: когда начинала читать Евангеліе, то прочитывала его все до конца, по Евангелисту въ день; потомъ бралась за Псалтирь, которую также кончала всю; затѣмъ прочитывала акаѳистникъ подъ рядъ, не выбирая по отдѣльнымъ канонамъ. Послѣдній иногда читали ей келейницы. При этомъ схимницѣ было все равно: внятное ли и правильное было чтеніе, или ошибочное, малограмотное; занятая умною молитвою она одинаково спокойно выслушивала то и другое. Никогда не поправитъ нную, почти по складамъ разбирающую читальщицу,

какъ бы не вѣрно она ни произнесла слово,—но всегда остановитъ, когда та захочетъ поспѣшить и опустить какой псаломъ или трисвятое: «не лѣнись прочитать, говорила схимница, спѣшить некуда, а молиться все равно можно и при повтореніи одной и той же молитвы по нѣскольку разъ въ день». Когда, случалось, ей замѣчали другія, какъ она можетъ выносить такое чтеніе, то она объясняла: «я не заставляю ихъ читать, сами охотятся, вѣдь и имъ хочется помолиться, а мнѣ-то все равно, какъ бы ни читалось слово Божіе, оно всегда свято и дѣйственно; если и одно слово западетъ въ душу, то можетъ дать жизнь душѣ на всю вѣчность». Упражняясь въ непрестанной молитвѣ, схимница бодрствовала днемъ и ночью; чтобы не уснуть глубокимъ и продолжительнымъ сномъ, она спала въ креслѣ, держась рукою за полотенце, которое для этого было привязано къ ширмѣ. Двери ея келліи были затворены для всѣхъ приходящихъ; самая преданная ученица Рипсимія, когда чувствовала какую скорбь или искушеніе, приходила лишь къ дверямъ келліи и, помолясь у порога, уходила обратно, облегченная вѣрою, что за нее молится матушка. Такимъ образомъ, уединеніе схимницы Ардаліоны въ первое время по постриженіи было полное, и молчаніе совершенное, и она утѣшалась такимъ безмолвіемъ и не хотѣла нарушать его никогда. Но одинъ случай измѣнилъ одинокую жизнь подвижницы и направилъ ея дѣятельность къ пользѣ ближнихъ: она вступила въ духовное общеніе съ одной молодой послушницей Анной Себряковой (потомъ игуменія Арсенія), за мѣсяцъ до ея схимы постриженной въ монашество съ именемъ Арсеніи. Какъ новопостриженныя—схимопахиня Ардаліона и монахиня Арсенія оставались въ церкви вдвоемъ между службами. Сидя рядомъ на одной скамеечкѣ, послѣдняя часто обращалась къ первой съ разными вопросами о своихъ помыслахъ, о молитвенномъ дѣланіи и о другихъ духовныхъ предметахъ. Схимница давала свои отвѣты монахинѣ, но однажды она

сказала ей: «ты Арсенія такъ много спрашиваешь и такіе вопросы предлагаешь, что однимъ словомъ на нихъ отвѣтить нельзя, а въ церкви бесѣдовать неудобно: если игуменія благословитъ, то лучше тебѣ приходить въ мою келлію; хотя и никого не принимаю, но тебя приму,—не потому, что ты Арсенія, а потому, что ты истинно желаешь спастись». Съ благословенія игумени, монахиня Арсенія стала ходить въ келлію къ схимницѣ, и эти посѣщенія, вслѣдствіе разныхъ духовныхъ потребностей, сдѣлались ежедневными. Видя это, игуменія Вирсавія сказала однажды Арсеніи: «такъ какъ ты часто ходишь къ схимницѣ, то возьми ее къ себѣ въ келлію». Это очень обрадовало Арсенію. Она тотчасъ же объявила схимницѣ о благословеніи игумени жить имъ вмѣстѣ и сказала, что свою келлію и все, что имѣетъ, и себя вполнѣ отдаетъ въ ея волю, а сама будетъ жить при ней, какъ послушница. «Если я буду дурной послушницей, говорила Арсенія, вы можете выгнать меня изъ келліи». На другой день послѣ обѣдни прямо изъ церкви, въ схимническомъ одѣяніи, съ палочкой въ рукѣ, старица Ардаліона пришла на жительство въ келлію м. Арсеніи. Келейницы перенесли кое-какія вещи, что сами считали нужнымъ взять. Келлія была просторная и удобная; одну половину заняла схимница, въ другой оставалась м. Арсенія. Вскорѣ пришла къ нимъ жить прежняя келейница Агафья Прокопьева, и черезъ годъ и м. Рипсимія. Жизнь схимонахини Ардаліоны, вполнѣ обезпеченная, среди послушницъ, преданныхъ ей душею и тѣломъ, потекла мирнымъ порядкомъ. «Наша келлія не только монашеская, но и схимническая, говорила она, и если монаху нужно имѣть общеніе съ другими только по крайней нуждѣ духовной, или житейской, то схимнику и говорить даже кромѣ этой потребности не слѣдуетъ. Такъ всѣ онѣ и жили въ теченіе пяти лѣтъ. Придетъ кто-нибудь изъ сестеръ, привѣтствуютъ ее; спроситъ о дѣлѣ, не распространяются, не угощаютъ, не приглашаютъ посидѣть. Если

встрѣчалась надобность кому изъ келейницъ сходить по дѣлу въ другую келлію, то переговоритъ о дѣлѣ и сейчасъ въ свою келлію. Между собою никогда не вели рѣчи о постороннихъ предметахъ, а переговаривались только касательно собственной жизни. Всѣ жили безмолвною жизнію старицы.

Если какая-нибудь изъ сестеръ монастыря имѣла надобность объясниться со схимницей по своей духовной нуждѣ, то схимница принимала ее и бесѣдовала съ нею; только такихъ мало находилось: всѣ открывающія ей свое душевное состояніе ученицы жили вмѣстѣ съ нею. Но и съ тѣми схимница бесѣдовала не часто, а больше всѣхъ съ одной м. Арсеніей. Арсенія читала ей Евангеліе, каноны и почти каждый вечеръ отеческія книги. При чтеніи отеческихъ книгъ м. Ардаліона иногда распространялась въ своей объяснительной бесѣдѣ такъ, что слушавшая ее Арсенія говаривала ей: «мнѣ совѣстно и прискорбно слушать одной такое дорогое слово; мнѣ хотѣлось бы созвать весь міръ, чтобы всѣ слышали и чувствовали силу этого спасительнаго слова, чтобъ всѣ видѣли этотъ свѣтъ разумный». На это матушка отвѣчала: «Ну, что же будетъ? и слышали всѣ мое слово, да не приняли его къ сердцу; выслушаютъ меня, какъ пріятную музыку, а безъ исполненія не поймутъ. Только то слово усвоивается и понимается, которое исполняется, иначе оно можетъ быть поругано». Дѣйствительно, эти слова наставницы оправдывались на опытѣ. Когда она требовала что сдѣлать по своему совѣту, отречься отъ какой-нибудь пристрастной привязанности, или оставить какую неполезную привычку, то ей на это возражали другія: «лучше бы ты заставила насъ носить камни на гору, легче было бы исполнить». Матушка отвѣчала: «если дѣломъ не хотите исполнять слово, то незачѣмъ его и слушать». Потому къ такимъ бесѣдамъ она никого другихъ не допускала, развѣ только, по усиленной просьбѣ м. Арсеніи, одна лишь Рипсимія часто присутствовала.

Хотя схимонахиня Ардаліона на видъ казалась мужественною и была даже довольно полна, но здоровье имѣла слабое. Бывало, изъ церкви, отстоявши утреню и обѣдню, едва дойдетъ до келліи; дрожа всѣмъ тѣломъ, блѣдная ляжетъ на койку и долго не можетъ придти въ себя. Пищу, хотя она употребляла самую простую и постную, но постомъ себя не изнуряла много; прежде по средамъ и пятницамъ ѣла сухари съ водою, когда же замѣтила, что такое пощеніе ей не по силамъ, то стала употреблять и рыбу; впрочемъ посты соблюдала строго. При всемъ своемъ изнеможеніи—молитвы и чтенія она никогда не оставляла; если не могла ни стоять, ни сидѣть, то лежа молилась и читала Псалтирь или Евангеліе. Когда случалось м. Арсеніи заходить къ ней въ ночную пору, то всегда заставала ее или стоящею предъ аналоемъ, или лежащею на койкѣ съ четками въ рукахъ и при этомъ глубоко вздыхающею. Молитва Іисусова была постояннымъ дѣланіемъ ея ума и, такъ сказать, слилась съ ея дыханіемъ въ послѣдніе годы жизни. Мать Арсенія имѣла у себя будильникъ, который заводила на ночь, чтобъ не проспать полунощницы.—Матушка, смѣясь надъ будильникомъ, говорила: «ты все упованіе полагаешь на будильникъ; усваивай любовь къ молитвѣ, она сама будетъ тебѣ будильникомъ». Но эта неусыпная молитвенница была проникнута истинною любовію къ ближнему, ради которой всегда оставляла свои обычныя молитвенныя занятія, когда встрѣчалась нужда подать благой совѣтъ требующему, или сказать слово утѣшенія скорбящему; при этомъ она не щадила здоровья, не дорожила покоемъ. «Господь повелѣлъ любить ближняго какъ себя, учила она, значитъ, и себя то надо учиться любить, какъ слѣдуетъ. Не надо тратить напрасно своего здоровья и силъ, а тѣмъ болѣе духовныхъ силъ своихъ, ни времени, даннаго на спасеніе, ни случая, даннаго для испытанія нашей доброй воли, ни зародившагося добраго намѣренія. Все надо сберегать до-

брое въ себѣ, все уничтожать злое. Вотъ какъ научишься себя любить, тогда сумѣешь любить, какъ слѣдуетъ, и ближняго; а то себя любимъ съ сластолюбіемъ, такъ и ближняго любимъ только по страстямъ». Примѣръ этой высокосовершенной любви наставница являла въ себѣ самой. Многимъ изъ сестеръ обители не нравилось такое сближеніе схимонахини Ардаліоны съ монахиней Арсеніей: онѣ не понимали той безусловной преданности и безграничной вѣры, какую имѣли близкія ученицы къ своей наставницѣ. Глядя на одну внѣшность, всѣ осуждали схимницу за такую власть надъ Арсеніей, которая до того времени была общительна со всѣми; изъ чувства негодованія приписывали ей самые низкіе разсчеты, сочиняли про нее возмутительныя небылицы. Нѣкоторыхъ смущало то, что м. Арсенія всю родную семью схимницы взяла на свое попеченіе, воспитывала ея родныхъ сиротъ и помогала всѣмъ изъ своего имущества. Этотъ поступокъ, сдѣланный изъ благодарности преданною ученицей, былъ перетолкованъ пристрастіемъ схимонахини къ своей роднѣ. Но старица Ардаліона, не измѣняя ни къ кому чувства духовной любви своей, такъ относилась къ этой клеветѣ и ненависти: «Всю жизнь я прожила въ этомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ сестрами, несла труды послушанія, дѣлилась съ ними той духовной пищей, которую Господь посылалъ мнѣ въ Своемъ словѣ. Если онѣ меня не понимаютъ, если онѣ меня осуждаютъ, то такъ Господь имъ попустилъ, такъ надо для моего смиренія, и больше этого надо. Всю жизнь свою я имѣла одну цѣль: уничтожить свою самость, чтобъ Господь одинъ жилъ и царствовалъ для меня во всемъ мірѣ и въ душѣ моей, чтобъ Его силу во всемъ познавать, Его волѣ подклоняться, Его заповѣди творить. Вѣдь въ Немъ одномъ добро и свѣтъ, и жизнь души. Но самость моя, какъ змѣя какая, и убитая, а все поднимаетъ свою голову. Пусть же весь міръ на нее вооружится и бьетъ ее, если еще мало ей моихъ собственныхъ немощей, смиряющихъ ее ежеминутно».

Въ 1860 году здоровье схимонахини Ардаліоны такъ ослабѣло, что она требовала серьезнаго лѣченія: она чувствовала постоянное сердцебіеніе и разслабленіе всѣхъ членовъ. Докторъ, посѣтившій по просьбѣ м. Арсеніи ихъ келлію, посовѣтовалъ больной быть побольше на воздухѣ и сдѣлать какое-нибудь путешествіе. М. В. Себряковъ предложилъ свой экипажъ, пару лошадей и человѣка. По благословенію игуменіи она отправилась по святымъ мѣстамъ и, медленно переѣзжая съ одного на другое, старалась больше пользоваться воздухомъ. Въ этомъ путешествіи она посѣтила Св. Горы и другіе Харьковскіе монастыри, Воронежъ и Усмань. Вездѣ, куда ни пріѣзжала, ей оказывали самый радушный пріемъ; въ женскихъ монастыряхъ пріѣздъ ея производилъ какъ бы торжество какое. Игуменія Эмилія, строительница Николаевскаго монастыря, Харьковской губерніи, приняла ее съ восторгомъ, какъ близкой родной дала помѣщеніе въ своихъ келліяхъ и сказывала даже, что получила духовное извѣщеніе о прибытіи ея. Она объявила всѣмъ сестрамъ своей обители, чтобы всѣ почтили гостью-схимонахиню, какъ духовную старицу. Пять дней провела м. Ардаліона у игуменіи Эмиліи, которая вела съ ней задушевную бесѣду и раздѣлила свою трапезу. Многія изъ сестеръ приходили къ схимонахинѣ, открывали свое душевное состояніе и съ любовію выслушивали ея слово; другихъ стѣсняло только то, что она остановилась у игуменьи. Въ Елецкомъ женскомъ монастырѣ она останавливалась въ келліи монахини Варсанофіи и прожила съ недѣлю. Сестры этой обители, узнавая одна отъ другой о дарѣ духовнаго слова схимницы, день и ночь сходились въ келлію Варсанофіи. Провожали ее всѣмъ монастыремъ со слезами. Въ Усманьскомъ монастырѣ она утѣшала болящую и скорбящую монахиню Елисавету, бывшую казначею Хорошевскаго монастыря, сосланную въ Усмань подъ начало. Возвратясь изъ этого путешествія схимница Ардаліона поправилась нѣсколько здоровьемъ. Но въ своей оби-

тели встрѣтили ее новыя скорби. Евангельское слово: «никоторый пророкъ пріятенъ есть во отечествіи своемъ» выразилось въ поведеніи Усть-Медвѣдицкихъ сестеръ. Смутившая всю обитель была одна сестра, по простотѣ своей и младенческому разуму въ духовныхъ предметахъ не понявшая бесѣды схимонахини и перетолковавшая ее ученіемъ противнымъ церковному. Вѣрѣ близкихъ ученицъ не находилось подражательницъ, а смущеніе вѣроломной разомъ всѣ переняли, повѣривъ ложному толкованію словъ подвижницы, которыя могли быть уразумѣваемы только жизненнымъ опытомъ, а не поверхностнымъ сужденіемъ. Игуменія Вирсавія строго запретила сестрамъ обители всякое общеніе съ келліей схимницы Ардаліоны. Глубоко скорбѣла м. Арсенія о такомъ отчужденіи сестеръ. Но матушка всегда говорила ей: «ты скорбишь о томъ, что тебѣ одной все досталось, а, можетъ быть, для тебя то и мнѣ Господь послалъ благодать уразумѣть Его слово; не знаю къ чему тебя Господь готовитъ, но вижу, что тебѣ Онъ много даетъ». Сама же она радовалась поношенію, говоря, что «только имъ и можемъ спастись».

Бдительно усовершая своего внутренняго человѣка, подвижница въ послѣдніе и еще немногіе годы жизни своей пришла въ такую крайнюю простоту нрава, которая отличается младенческимъ невѣдѣніемъ всякой злобы и составляетъ черту духовнаго совершенства. Она не только не опровергала взводимыя на нее клеветы, но и нисколько не старалась оправдывать себя въ глазахъ людей, напротивъ, поступками своими какъ будто подтверждала недоброе о себѣ мнѣніе. Иногда келейницы ея прибираютъ дрова около келліи,—«что-то наши дѣвчата утомились, пойти ихъ подбодрить», скажетъ схимница, и выйдетъ на крыльцо, по домашнему одѣтая, въ бѣломъ платкѣ на головѣ, громко и весело разговариваетъ съ своими дѣвчатами; а тѣ, увидѣвъ матушку веселою и ласковою, не чувствуютъ никакой усталости. Проходящія же мимо сестры, видя схимницу смѣющеюся и неприлично одѣтою, отходятъ полные соблазна. Въ большіе праздники, когда въ тѣсной монастырской церкви собиралось много мірскаго народу, она не ходила въ церковь, а скажетъ бывало: «идите всѣ, а я буду келлію караулить», или: «вишню надо караулить, а то воробьи ее клюютъ,»—и сядетъ на крыльцѣ во время звона ко всенощной въ виду всѣхъ идущихъ въ церковь. Если при этомъ кто замѣчалъ ей, что сестры ею соблазняются, то она серьезно не понимала, чѣмъ онѣ могли соблазняться. Родитель м. Арсеніи присылалъ дочери разныя шерстяныя матеріи, платки и проч., чтобы она сама носила и дѣлилась съ другими сестрами. Вслѣдствіе этого на схимонахинѣ Ардаліонѣ, вмѣсто убогой многошвейной одежды, стали появляться то приличная ряса, то хорошая шуба. Монахини, видя такую перемѣну, говорили, что схимница развратилась, потеряла подвигъ нестяжанія. А м. Ардаліона, слыша такія пересуды, говорила: «вотъ, что значитъ полагать упованіе на внѣшній подвигъ: перемѣнилъ рясу,—и человѣкъ въ ихъ глазахъ сталъ уже не тотъ. И можетъ ли быть цѣнно то пріобрѣтеніе жизни, которое отъ перемѣны рясы можетъ уничтожиться! И самое это рубище мы носимъ, чтобъ пріобрѣсть безпристрастіе къ вещамъ; если же къ рубищу привяжемся, то это будетъ тоже страсть, да еще страсть, питающая духовную гордость». «Внѣшніе подвиги, учила она, это только орудія добродѣтелей, и, хотя безъ орудія нельзя пріобрѣсти добродѣтели, но главною цѣлію исканія должны быть самыя добродѣтели. А чтобъ пріобрѣсть ихъ, надо искоренить страсти и всю плотскую нечистоту. Нелегко это, надо трудиться до смерти, надо кровь пролить»,—и при этомъ часто приводила извѣстныя изъ слова Божія глубокаго смысла слова: даждь кровь и пріими духъ. «Тѣмъ труднѣе этотъ подвигъ душѣ, что нечистота наша велика; она объяла всего человѣка: наши страсти, плотское кровяное чувство примѣшиваются даже къ нашему человѣческому добру,

сквернятъ нашу молитву. Надо подвизаться добрымъ подвигомъ, даже до отреченія своей души».

Въ 1862 году игуменія Вирсавія подала прошеніе объ увольненіи ея отъ должности настоятельницы за старостію лѣтъ; но сестры монастыря стали просить управлявшаго тогда Донскою епархіею преосвященнаго Іоанна, чтобъ онъ не смѣнялъ ея. Владыка оставилъ Вирсавію на игуменствѣ и назначилъ ей помощницей м. Арсенію, которую и опредѣлилъ на должность казначеи. Предъ наступленіемъ Великаго поста 1863 года схимонахиня Ардаліона собрала къ себѣ своихъ келейницъ и сказала имъ: «до сихъ поръ вы жили моею жизнію, а я жила вашей; теперь мы будемъ жить отдѣльно: мать (такъ она всегда называла Арсенію, когда говорила о ней съ келейными) теперь казначея, ей надо заниматься дѣлами монастыря, къ ней будутъ приходить сестры съ разными вопросами, къ ней и вы относитесь съ дѣлами келейными;—я хочу затвориться въ своей келліи, сюда мнѣ будете подавать пищу; а когда кому будетъ духовная нужда, постучите въ мою дверь, я отворю». На прощенный день всѣ помолились въ ея келліи и распростились. Много при этомъ было пролито слезъ: келейнымъ казалось, что для нихъ затворяются двери рая. Никто не хотѣлъ нарушать глубокаго безмолвія затворницы, но духовная нужда приближенныхъ была такъ велика, что ей приходилось очень часто отворять двери своего затвора, вслѣдствіе чего келейная жизнь ея мало измѣнилась противъ прежняго. Духовныя же потребности, съ какими являлись приходившія, затворница строго разбирала: она давала отвѣты только на такіе вопросы, которые дѣйствительно касались жизни внутренней, самонаблюдательной. Иногда м. Павлина приходила со словами: «благословите говѣть»,—затворница отвѣчала: «проси на это благословенія у игуменіи». Разъ эта Павлина спросила: «Матушка! что это читаютъ въ церкви, въ антифонахъ»: «въ дому Давидовѣ

страхъ великъ?»—«Я не толкователь писанія, былъ отвѣтъ, на это есть богословы, ихъ этому учатъ въ семинаріяхъ и академіяхъ». Часто случалось, что кто-нибудь придетъ и сидитъ молча, ожидая слова отъ затворницы; а она сидитъ съ четками, опустивъ голову; просидитъ такъ довольно долго и скажетъ наконецъ: «если нѣтъ у васъ дѣла, идите». Такъ и отпуститъ, не сказавъ ничего».—«Еслибъ Господу было угодно,—объясняла она, Онъ далъ бы ходъ моему слову. Теперь оно въ поношеніи и даже въ запрещеніи, гонятъ и наказываютъ тѣхъ, кто его слушаетъ. Нѣтъ мнѣ благословенія сообщать его другимъ; а тѣмъ, кто его самъ вызываетъ, кто дѣйствительно въ немъ нуждается, я не имѣю права не передавать его». Одна сестра, готовясь къ исповѣди, высказала сокрушеніе о грѣхахъ. На это м. схимница сказала ей: «а ты только теперь, идя къ исповѣди, вспомнила о своемъ грѣховномъ состояніи? Монахъ долженъ постоянно въ сердцѣ носить чувство покаянія. Ежеминутно согрѣшаемъ умомъ и сердцемъ, и постоянно должны въ сердцѣ носить сокрушеніе о своей грѣховности. Какъ же мы почувствуемъ потребность врача, если не будемъ сознавать своей болѣзни, какъ будемъ искать Спасителя, когда не будемъ чувствовать своей погибели? Какъ возможно будетъ постоянное пребываніе въ молитвѣ, если нѣтъ въ душѣ состоянія, изъ котораго бы она постоянно взывала къ Господу, къ силѣ Его благодати всеисцѣляющей»? Кто съ искренностію открывался этой наставницѣ въ своихъ немощахъ или страстяхъ, тотъ всегда чувствовалъ благотворную силу ея слова. Оно, выражались дознавшія на себѣ эту силу, какъ войдетъ въ душу и мрачную, и разстроенную, и изнемогшую, то все въ ней освѣтитъ, приберетъ, укрѣпитъ, и съ новыми силами пойдешь по своему пути. Другія отзывались такъ: «матушкино слово, какъ сильный дождь смываетъ съ сердца всю нечистоту». Иногда это слово было строго обличительное, но тѣмъ сильнѣе врачевало, когда принималось съ вѣрою.

«Вѣра, говорила схимница, даетъ возможность поработать надъ душею ближняго». Иногда оно бывало и глубокопроницательное, обнаруживало тайны душевныя. Однажды м. Павлина зашла изъ церкви и сказала: «матушка! Вы, что-то сегодня не были въ церкви».—«А ты была? сказала схимница, небось все около своихъ кухонныхъ горшковъ ходила умомъ да чужіе грѣхи разбирала». Та смутилась, такъ какъ дѣйствительно умъ ея во время церковной службы былъ занятъ не молитвою. Посмѣясь ея смущенію, старица сказала, что «можетъ держать умъ не разсѣяннымъ въ молитвѣ сокрушенное сердце».

Во время затвора болѣзненное состояніе схимницы настолько усилилось, что она не могла ежедневно бывать въ церкви и часто большую часть дня лежала на одрѣ. Но и при затворничествѣ, и при такомъ болѣзненномъ состояніи она не отмѣняла всегдашняго своего правила служить ближнимъ до крайней возможности. Одна монахиня, вовсе не близкая по духу схимницѣ, была очень огорчена игуменьей и впала въ такое малодушіе, что заболѣла и ничѣмъ не могла утѣшиться. Тогда келейницы ея вспомнили, что слова затворницы, въ бытность ея благочинной монастыря, всегда на нее хорошо дѣйствовали: поздно вечеромъ онѣ пришли просить матушку посѣтить болящую и укрѣпить ея душу. Схимница, хотя согласилась навѣстить монахиню, но сама не могла идти по собственной слабости; тогда келейницы привезли салазки, на которыхъ возятъ дрова, посадили старицу и повезли черезъ весь монастырь. Тамъ она пробыла долго, утѣшила скорбящую, и такъ же на салазкахъ ночью обратно ее привезли въ келлію.

22 ноября 1863 года умерла игуменія Вирсавія. Послѣ первой панихиды всѣ сестры монастыря единодушно обратились къ казначеѣ м. Арсеніи съ просьбою принять на себя начальство монастыря и быть имъ матерію и игуменіей. М. Арсенія, очень огорченная смертію игуменіи Вирса-

віи, которую она съ молодыхъ лѣтъ привыкла уважать, и не желавшая никакой перемѣны въ своей монашеской жизни, просила сестеръ отложить избраніе настоятельницы до погребенія умершей игумении и до пріѣзда благочиннаго монастыря архимандрита Маркеллина. Между тѣмъ старицы-монахини одна за другой стали приходить къ м. Ардаліонѣ и просили ее убѣдить м. Арсенію принять должность игумении. Схимница не только по просьбѣ сестеръ, но и по своему собственному желанію стала уговаривать свою ученицу принять предлагаемое игуменство. Ученица, безпрекословно послушная волѣ своей наставницы, только слезами изъявляла передъ ней свою скорбь, что ей тяжело разстаться съ той безмолвной жизнію, въ которой она провела столько лѣтъ, и войти въ такую дѣятельность, къ какой не лежала ея душа. Схимница Ардаліона говорила ей: «хотя я желаю, чтобъ ты исполнила въ этомъ мою волю, но желаю, чтобы ты сама убѣдилась въ необходимости ее исполнить,—чтобъ ты съ охотой приняла на себя должность, которую предлагаютъ тебѣ сестры, и къ которой призываетъ тебя Господь; чтобъ ты съ усердіемъ пожелала послужить обители, воспитавшей тебя въ монашеской жизни». И еще такъ продолжала убѣждать наставница: «ты всегда дорожила моимъ словомъ, жалѣла, что его никто не слушаетъ, не принимаетъ,—передай же его всей обители, какъ я его передала тебѣ. И для тебя самой, для твоего спасенія такая дѣятельность необходима. Съ самаго поступленія въ монастырь ты жила уединенною жизнію, работала только надъ своимъ внутреннимъ человѣкомъ; если и проходила ты послушанія, то въ нихъ ты не вкладывала сердца своего, тебя тамъ не было, до тебя, значитъ, ничего не касалось. А тебѣ нужна такая дѣятельность, въ которой бы приняли участіе всѣ чувства твоего сердца, всѣ способности твоей души. Тогда-то откроется тебѣ воочію состояніе твоей души, ты увидишь, что въ сердцѣ твоемъ живутъ страсти, тебѣ самой невѣдо-

мыя: и самолюбіе, и гордость, и тщеславіе, и гнѣвъ, и самомнѣніе, — все обнаружится. А для человѣка, стремящагося выйти изъ страстей, важно именно то, чтобъ ихъ познать въ себѣ, чтобъ онѣ обнаружились, иначе онъ и бороться съ ними не можетъ. Настоящее твое безстрастіе есть только равнодушіе ко всему, оттого оно не даетъ тебѣ теплоты и полноты внутренней жизни, тогда какъ истинное безстрастіе есть выходъ изъ страстей, дающій свободу духу. Чистота сердца не есть его нечувствіе, но обиліе пріобрѣтеннаго добра, уничтожающее въ немъ сочувствіе къ страстямъ. Твои отношенія къ ближнимъ холодны оттого, что они не растворены ни любовію, ни смиреніемъ. Ты готова помочь ихъ нуждѣ, отдать все, что имѣешь, но въ этой помощи нѣтъ тебя самой. Когда настоятельская должность введетъ тебя въ тѣсное общеніе съ другими жизнями, съ другими душами, и раскроются предъ тобою всѣ скорби, всѣ немощи, всѣ страданія человѣка, боримаго страстями, находящагося въ слѣпотѣ невѣдѣнія, и ты не только внѣшнею помощію, но внутреннимъ чувствомъ войдешь въ сочувствіе къ ближнему, удовлетворяя его настоятельныя нужды, понеся его немощи, а иногда отстаивая чистоту души его, какъ собственную, ты будешь вызвана не только научить, но обличить, огорчить, наказать. И когда скорби ближняго тебѣ будутъ больны, какъ свои, когда сердце твое будетъ полно жалости и любви, тогда ты можешь опять уединиться, можешь уйти хоть въ затворъ, — ты понесешь туда съ собою любовь къ ближнему, и эта любовь будетъ наполнять собственную твою жизнь, а молитва твоя будетъ молитвою за весь страждущій родъ человѣческій. Убѣждая тебя принять игуменство, не на честь я призываю тебя, а на великій подвигъ борьбы и труда надъ собственною душею и надъ душами сестеръ. Для тѣхъ, кто трудится для пріобрѣтенія насущнаго куска хлѣба, весь путь этой борьбы надъ собою можетъ совершиться около какого-нибудь станка рабочаго,

но для тебя нужна болѣе обширная дѣятельность, и вотъ Господь тебя призываетъ къ ней. Если ты откажешься вступить на этотъ путь, то ты откажешься отъ даннаго тебѣ Господомъ средства къ собственному очищенію, и отъ пути, ведущаго тебя къ совершенству. Эти годы уединеннаго безмолвія, эта жизнь со мною, эти постоянныя бесѣды духовныя не были ли посланы тебѣ, какъ приготовленія къ готовившемуся тебѣ подвигу. И можешь ли ты теперь, имѣешь ли право отказываться вступить на новой подвигъ труда и борьбы»?

Убѣжденная такими доводами старицы м. Арсенія съ душею, полною готовности къ новому подвигу, приняла предложенную ей должность. 4 января 1864 года она была поставлена на игуменство архіепископомъ Іоанномъ въ городѣ Новочеркасскѣ, куда была вызвана для этого. Схимонахиня Ардаліона, чтобы облегчить для своей почти единственной ближайшей ученицы первые шаги на новомъ поприщѣ, на время оставила свое безмолвіе и вошла въ дѣла монастыря, особенно по внутреннему строю его жизни. Часто она призывала къ себѣ новую казначею м. Валерію, благочинную и другихъ сестеръ, поставленныхъ надъ разными послушаніями, бесѣдовала съ ними, указывая имъ на правильное отношеніе къ порученнымъ имъ дѣламъ и знакомя съ характеромъ новой игуменіи; даже иногда приглашала къ себѣ священниковъ и діакона монастырскихъ для такихъ бесѣдъ, относительно чего говорила, что теперь надо всѣхъ пріобрѣтать, чтобъ всѣ жили и дѣйствовали въ одномъ духѣ. Келейницъ своихъ, къ которымъ присоединились м. Павлина и м. Митрофанія, оставившія свои собственныя келліи, чтобъ жить около схимницы и новой игуменіи, старица Ардаліона учила общительности, которой онѣ были чужды. «Вы были келейницы схимницы, теперь вы келейницы игуменьи,—говорила она имъ,—вамъ надо всѣхъ привлекать своей лаской, всѣхъ приходящихъ къ матери ободрять своимъ веселымъ

видомъ, чтобъ всѣ шли къ ней съ довѣріемъ и любовію». И сама подавала примѣръ такой общительности: заставляла поить чаемъ приходящихъ сестеръ, ободряла ихъ несмѣлость. Настоятельницу же никогда не руководила въ ея дѣйствіяхъ, предоставляя ей полную свободу и личное усмотрѣніе; даже уклонялась отъ совѣтовъ, говоря ей: «не бойся ошибокъ, онѣ больше всего вразумляютъ».

Когда жизнь монастыря подъ управленіемъ новой игумении потекла обычнымъ порядкомъ, и м. Арсенія примѣнилась нѣсколько къ своему положенію, схимонахиня Ардаліона опять пожелала уединиться. Къ Великому посту 1864 года для нея убрали маленькую келейку, всю стѣну этой келейки уставили иконами, увѣсили лампадами, и въ этомъ уединенномъ уголкѣ затворница почувствовала вожделѣнный покой, опять вся сосредоточилась въ самой себѣ. Пища и все необходимое доставляемо было изъ игуменскихъ келлій. Въ качествѣ келейницы въ эту келейку къ затворницѣ перешла м. Рипсимія. Эта послушница съ такимъ почтительнымъ страхомъ относилась къ своей старицѣ, что безъ зова ея никогда не осмѣливалась входить къ ней. Потому случалось, когда игуменья зайдетъ вечеромъ и узнаетъ, что матушкѣ не былъ поданъ обѣдъ, начнетъ упрекать Рипсимію, почему не спросила; матушка же говорила на это: «я и забыла, что не обѣдала, такъ рада, что про меня хоть день одинъ забыли, дали мнѣ покой». Иногда затворница цѣлый день не отворитъ оконныхъ ставней, сидитъ или по нездоровью лежитъ въ полумракѣ, занятая умной молитвою.

Но строгій и долговременный затворъ не былъ удѣломъ м. Ардаліоны: вскорѣ она должна была опять разстаться съ нимъ. Ея духовная дочь не могла скоро привыкнуть къ самостоятельной общественной дѣятельности. Часто какой-нибудь выговоръ виновной сестрѣ или высказанное замѣчаніе повергали игуменью Арсенію въ тяжкій недугъ: съ нею дѣлались жаръ съ бредомъ и мучительная безсонница. Видя такое страдательное состояніе, одна изъ ея келейницъ м. Митрофанія пошла къ схимонахинѣ Ардаліонѣ и все ей передала подробно со слезами. Затворница, выслушавъ такую печальную повѣсть, ничего не отвѣчая, встала, помолилась на свои иконы и сказала: «ну, веди меня къ матери, пойду къ ней жить». Со слезами радости встрѣтила игуменія Арсенія свою духовную мать; она отдала ей свою спальню съ смежными комнатами, а сама помѣстилась въ своемъ кабинетѣ. Это было въ маѣ 1864 года.

Поселясь въ сосѣдствѣ съ игуменьей для ея нравственной поддержки, схимонахиня Ардаліона считала такую жизнь временнымъ переходомъ и постоянно стремилась къ уединенію. Часто задумавшись, она повторяла антифонъ: «пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущихъ суетнаго кромѣ». Прошло нѣсколько дней, она стала говорить игуменіи: «отпусти меня въ затворъ». Въ объясненіе ея и своего положенія высказывалась слѣдующимъ образомъ: «ты привыкла жить подъ началомъ, тебѣ страшно жить самостоятельною жизнію, но это для тебя необходимо. Жизнь земная — это путь къ вѣчности, зачѣмъ же дѣлать остановки на пути. Нужна была для тебя подначальная жизнь, уединеніе, и оно было въ свое время; теперь у тебя другая дѣятельность, и тебѣ надо идти дальше. Все хорошо въ свое время и на своемъ мѣстѣ, а не во время и самое хорошее вредно. Такое-то оно человѣческое добро: то, что вчера насъ спасало, сегодня губитъ. Одно добро Божіе вѣчно, неизмѣнно, всегда истинно и неложно; оно-то одно и спасетъ насъ. Не дорожи же своимъ добромъ (т. е. привязанностію къ уединенію и къ подначальной жизни), отрекайся отъ него, когда предстоитъ исполнить заповѣдь Божію о любви къ ближнему, когда ты призвана ему послужить, поработать для спасенія. Ты не можешь свободно дѣйствовать въ томъ мірѣ, гдѣ ты видишь, что меня уже нѣтъ, потому что боишься отклониться отъ меня и моей жизни; а я вижу, что, хотя

поддерживаю твой духъ, но жить тебѣ мѣшаю. А что мѣшаетъ намъ на пути, отъ того надо отрекаться, хотя это будетъ единодушный другъ или даже наставникъ. Не знаю, къ чему Господь меня призываетъ: къ затвору или къ исходу изъ земной жизни, но только я чувствую непреодолимое влеченіе къ жизни, вполнѣ отрѣшенной отъ вещественнаго». Послѣднія слова духовная мать неоднократно повторяла своей дочери. Наконецъ, она опредѣленно высказала желаніе уединиться: «мнѣ пришло желаніе жить въ монастырскомъ большомъ саду, сказала она; если ты меня отпустишь и благословишь, то я попрошу сестру твою А. М., чтобъ она выстроила мнѣ тамъ келлію. Тебя одну я буду принимать, когда встрѣтится тебѣ духовная нужда, и ты поймешь, какъ будетъ для тебя полезенъ и дорогъ отдыхъ въ моей безмолвной келліи». Находя, что жительство въ саду будетъ полезно для разстроеннаго здоровья м. Ардаліоны, игуменія Арсенія склонилась на ея непремѣнное желаніе и тотчасъ же написала письмо своей сестрѣ о постройкѣ келліи для схимницы, такъ какъ не хотѣла употреблять на этотъ предметъ монастырскихъ средствъ, всегда недостаточныхъ для самыхъ существенныхъ нуждъ монастыря. А. М. съ радостію прислала денегъ на келлію. Началась заготовка матеріаловъ, и скоро приступлено было къ самой постройкѣ. Между тѣмъ здоровье схимницы съ каждымъ днемъ ослабѣвало; съ трудомъ она могла перейти чрезъ комнату, а, если пройдетъ двѣ, три, то почувствуетъ изнеможеніе до обморока.—Такая болѣзненность была предвѣстницею другого перехода, для котораго душа подвижницы готовилась, и какъ горлица, утратившая свое пристанище, не находила болѣе себѣ пріюта въ земной юдоли. Самая рѣчь ея изливалась, какъ пѣснь на этомъ исходѣ. Вотъ какъ старица бесѣдовала къ ученицѣ игуменіи, когда та въ послѣднихъ числахъ іюля вошла къ ней и застала ее читавшею акаѳистъ страстямъ Христовымъ и проливавшую обильныя

слезы.—По окончаніи молитвеннаго чтенія лицо ея было свѣтло, весь станъ выражалъ глубокое спокойствіе, и она стала съ одушевленіемъ говорить о великихъ благодѣяніяхъ Божіихъ, явленныхъ всему міру и каждой душѣ: «душа, умершая для всего земнаго и живущая въ единомъ Богѣ, бываетъ въ такомъ состояніи, какъ преданный и вѣрный рабъ, живя въ богатомъ имѣніи своего господина, хотя не участникъ его доходовъ, но на все смотритъ, какъ на собственное, и радуется богатству и славѣ своего господина, какъ собственнымъ, радуется имъ и хвалится его достояніемъ. Такъ и душа видитъ весь міръ, какъ Божій домъ, видитъ премудрые пути Божіи, Его силу, дѣйствующую въ мірѣ, Его любовь постоянно являемую твари; видитъ самую тварь, какъ Божіе достояніе, и въ этомъ богатомъ имѣніи своего Господа она, какъ вѣрная раба, ничего не имѣющая, радуется за все, какъ за свое собственное, какъ будто она всѣмъ обладаетъ, и постоянно говоритъ: какъ великъ мой Господь, какъ Онъ славенъ?—И блаженство ея такъ велико, что она не видитъ непостоянства времени,—оно для нея пребываетъ неподвижно, у нея нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, одна настоящая минута, какъ бы она тяжела ни была по обстоятельствамъ внѣшней жизни, или по естественной немощи души или тѣла, но эта настоящая минута для нея составляетъ все блаженство, потому что она живетъ въ домѣ Божіемъ. Она не чувствуетъ времени, потому что уже вышла изъ временнаго, жизнь ея не заключается въ преходящемъ, но въ вѣчномъ. Это состояніе настолько удовлетворительно для души, настолько блаженно, что, еслибы Господу угодно было навсегда ее оставить на землѣ, въ трудахъ жизни, оставить именно въ томъ состояніи, въ какое она пришла, то она была бы на это согласна. Но по соображенію мнѣ кажется, что такая душа уже не долго останется на землѣ; земной подвигъ ея уже оконченъ, и она съ апостоломъ Павломъ должна сказать: «время моего отшествія наста».

1-го августа схимонахиня Ардаліона была въ церкви. Придя отъ вечерни, она сказала игуменіи, что чувствуетъ себя нехорошо и желала бы посидѣть на воздухѣ. Обѣ вышли въ садикъ, находящійся подлѣ игуменскаго дома и прилегающій къ бывшей келліи монахини Арсеніи; около этой келліи въ тѣни деревъ сѣли и много бесѣдовали, вспоминая прошедшую жизнь. Когда разговоръ коснулся стремленія къ единой цѣли—общенію со Христомъ,—стремленія, проходящаго чрезъ всѣ пропасти страстей своихъ, чрезъ всю внѣшность житейскихъ обстоятельствъ, матушка сказала: «соединиться съ Нимъ не подражаніемъ (не подобіемъ), какъ равный съ равнымъ, но причастіемъ, какъ тьма со свѣтомъ, какъ болѣзнь съ врачевствомъ, какъ нищій съ богатымъ... для того нужна смерть собственной самости, чтобъ жить со Христомъ въ Богѣ. Не ктому, говоритъ Апостолъ, живу азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ. Не уничтожается наша личность, но, умирая тѣломъ, воскресаетъ духовно во Христѣ. И какъ прежде она жила для себя и себя дѣлала цѣлью жизни, къ себѣ все направляла, собою все освѣщала, такъ теперь Христосъ сталъ жизнію ея души, душею ея жизни. Единственнымъ дѣломъ такой души становится молитва,—ею она живетъ и дышитъ. Какія чудеса угодно Господу являть такой душѣ и черезъ нее же міру, это Ему одному извѣстно. Сама же душа ничего больше не желаетъ, это предѣлъ ея исканій,—отселѣ ждетъ смерти, чтобъ разрѣшиться и со Христомъ быть. Въ будущей жизни совершенство. а въ этомъ несовершенномъ мірѣ и самое совершенство несовершенно. Здѣсь Христосъ какъ врачеваніе немощи, тамъ Христосъ какъ вѣнецъ совершенства». Въ этой бесѣдѣ онѣ не замѣтили, какъ сѣло солнце; наступившая прохлада ночи заставила ихъ вернуться въ келлію. Въ теченіе десяти послѣдующихъ дней схимница страдала серьезною болѣзнію: лихорадочный ознобъ смѣнялся сильнымъ жаромъ, и чувствовалась сильная головная боль. Но врача она не пожелала пригласить, говоря,

что доктора ей никогда не помогали въ ея болѣзняхъ, а теперь тѣмъ болѣе, когда въ тѣлѣ не осталось больше силъ для жизни. Постоянно стала говорить о смерти, но окружающія не принимали этого во вниманіе, видя больную всегда бодрою духомъ. Хотя она лежала въ жару, но не прерывала умной молитвы; иногда заставляла прочитать поученіе или какой акаѳистъ и выслушивала со вниманіемъ. 10 числа игуменія Арсенія, бесѣдуя съ болящей старицей, старалась навести разговоръ опять на тотъ же предметъ, о которомъ онѣ говорили въ саду. Схимонахиня такъ продолжала его: «Господь сказалъ, аще зерно пшеничное, падъ на землю, не умретъ, то едино пребываетъ, егда же умретъ, многъ плодъ сотворитъ. Эти слова Господь сказалъ о Себѣ Самомъ, и на Немъ они совершились. Господь принялъ на Себя человѣчество, и когда Онъ по человѣчеству пострадалъ, умеръ и воскресъ, то прославился, сѣдяй одесную Бога Отца, и съ тѣхъ поръ страданія Его стали приносить обильные плоды духовные. Такъ же исполняется это слово въ духовной жизни человѣка. Пока живетъ онъ самостію, въ своихъ человѣческихъ страстяхъ, то не приноситъ онъ плода добродѣтели; когда же самость его распнется на крестѣ самоотверженія, и умираетъ совершеннымъ самоотреченіемъ, и когда воскреснетъ душа во Христѣ, и сбывается на ней слово: Азъ и Отецъ пріидемъ и обитель у него сотворимъ; тогда душа не живетъ уже своею жизнію, но Господь живетъ и дѣйствуетъ въ ней и чрезъ нее, какъ чрезъ какое орудіе Своей благодати, дѣйствуетъ на міръ. Умъ, умершій своему мудрованію, становится проводникомъ таинъ Божіихъ, ему открывается видѣніе судовъ Божіихъ и Его всесвятой воли. Сердце, умертвившее въ себѣ свою самость, дѣлается жилищемъ божественнаго добра; усвоеніемъ Его всесвятыхъ заповѣдей, духъ человѣка пріобщается Духу Христову. И когда Христосъ живетъ въ душѣ, то какого добра не въ силахъ Онъ плодотворить, и какія чудеса не явитъ Онъ душѣ? А

душа, свидѣтельница этихъ чудесъ, этой силы, дѣйствующей въ ней, въ благоговѣйномъ трепетѣ будетъ благодарить Его за то, что Онъ въ великомъ и премудромъ совѣтѣ Своемъ такъ опредѣлилъ, что она получаетъ свое совершенство въ Немъ, а не въ себѣ самой. И радоваться будетъ душа своей немощи! И захочетъ ли такая душа показать себя чѣмъ то великимъ предъ людьми? Напротивъ, она хочетъ, чтобы всѣ видѣли ея немощь, ея низость, ея убожество и ничтожество. Она на дѣлѣ, въ себѣ самой проповѣдуетъ эту недостаточность человѣка. Она даже не можетъ взять на себя никакого личнаго человѣческаго добра, потому что жизнь ея въ Истинномъ Добрѣ, передъ Которымъ уничтожается ея самость. Смиреніе—это та земля, на которую зерно должно упасть, чтобы умереть,—умереть, чтобы ожить во Христѣ и оплодотвориться Духомъ. Если же оно не умретъ, то едино пребываетъ, едино въ своемъ несовершенствѣ человѣческомъ, непріобщенное Христу». Окончивъ бесѣду, схимница опять лежа на койкѣ безмолвствовала, погруженная въ умную молитву. Пищи почти не употребляла, довольствовалась однимъ питьемъ. Бесѣдуя на другой день, матушка говорила: «страсти не потому только дурны, что онѣ мучатъ душу, но больше потому, что не даютъ душѣ пріобщиться блаженства—единенія со Христомъ. Еслибы ты вполнѣ могла понять блаженство духовной свободы, ты не заключала бы себя никогда. Ты не считаешь плѣномъ чувство, въ которомъ не подозрѣваешь страсть; и я тоже не подозрѣваю ея, но знаю, что не на этомъ чувствѣ должна успокоиться и остановиться душа: ея покой—одинъ Богъ. И, если такъ, то самое добро не предѣлъ ея стремленій. И чѣмъ благовиднѣе остановка, тѣмъ она опаснѣе. Одно должна знать душа, что только въ Богѣ ея покой и предѣлъ исканій. Поэтому она должна выйти въ совершенную свободу, не только отъ страстей, но и отъ своихъ чувствъ,—въ свободу отъ всего временнаго, изъ всего, что дано только для науки, для пріобрѣтенія, и войти

въ Бога. Такая свобода есть младенчество души, невѣдѣніе зла. Въ такой свободѣ душа присуща всему человѣческому, но ничему не подчинена, живетъ жизнію всего міра, ничѣмъ не гнушается, ничего не уничтожаетъ, ничего не исключаетъ изъ общей жизни какъ зло, какъ дурное, но сама ничѣмъ не связана, ни въ чемъ не заключена, но всему прикасается, все объемлетъ, все носитъ, все вмѣщаетъ, но никогда не останавливается, ничѣмъ не объемлется. Этого мало, что она безпристрастна,—въ безпристрастіи есть тоже своего рода односторонность,—она умерла для своей жизни, она вышла въ свободу изъ себя самой, она заключила Бога въ себѣ, остановившись на какомъ-нибудь конечномъ совершенствѣ, но сама заключилась въ Богѣ вѣчномъ. И то, что въ ней живетъ, и то, что вездѣ дѣйствуетъ, и то, что все объемлетъ,—это Христосъ, Который сталъ полнотою ея сердца, жизнію ея души, руководителемъ ея ума; мало этого: Онъ сталъ сердцемъ сердца, душею души, умомъ ума. Къ такому состоянію приводитъ свобода отъ всего человѣческаго. Вотъ для чего даны всѣ заповѣди, дано все руководство закона и самая земная жизнь». Это была послѣдняя бесѣда схимонахини Ардаліоны съ игуменьей Арсеніей.

12 августа родитель игумени Арсеніи прислалъ экипажъ и лошадей, прося дочь пріѣхать въ деревню (за 80 верстъ отъ монастыря) погостить вмѣстѣ съ другими дѣтьми его, которыя всѣ собрались къ нему; недоставало только ея одной. Арсенія не хотѣла ѣхать по случаю болѣзни матушки схимницы и думала отослать экипажъ назадъ; но матушка уговорила ее не отсылать экипажъ, а условились дождаться утра: если на утро больной будетъ хуже, то игуменья не поѣдетъ. На другой день утромъ игуменія Арсенія входитъ къ схимонахинѣ Ардаліонѣ и застаетъ ее одѣтою и сидящею въ креслѣ. «Сегодня мое здоровье несравненно лучше, говоритъ матушка, я буду уже выздоравливать, и тебѣ нѣтъ

никакой причины огорчать своего отца отказомъ пріѣхать на его зовъ». Напомнила ей про любовь ея отца, отдавшаго всю жизнь свою дѣтямъ и воспитавшаго ихъ въ благочестіи,—что такого отца слѣдуетъ не только любить и почитать, но и утѣшать, и привела въ примѣръ, какую Господь Іисусъ Христосъ показалъ заботливость о Своей Пречистой Матери, когда, страдая на крестѣ, вручилъ Ее Своему любимому ученику. «А, еслибъ мнѣ и случилось умереть безъ тебя, то какая же бѣда? Если Богу будетъ угодно, увидимся на томъ свѣтѣ; а здѣсь мое дѣло около тебя все сдѣлано. Все, что открылъ мнѣ Господь, не скрыла и я отъ тебя; всѣ свои духовныя понятія я передала тебѣ отъ альфы до омеги, и съ собою ничего не унесу въ могилу». Проводить игуменью больная старица вышла въ другую комнату и, совсѣмъ прощаясь, сказала: «Богъ да благословитъ тебя, а мы съ тобою больше не увидимся». Но эти слова ни на игуменью, ни на кого изъ окружавшихъ не произвели должнаго впечатлѣнія, такъ какъ всѣ были далеки отъ мысли о смерти любимой и обожаемой матери, и тѣмъ болѣе, что матушка схимница въ послѣдніе мѣсяцы всѣмъ твердила о своей смерти; еще съ кончины игумении Вирсавіи сказала она: «теперь пора и мнѣ умирать, теперь всѣ мои скорби окончились, и на землѣ нечего мнѣ больше дѣлать». Въ эти дни игумения и всѣ сестры монастыря говѣли и готовились пріобщаться Св. Таинъ въ день Успенія Божіей Матери. Игумении уѣзжая сказала, чтобы сестры причащались безъ нея, а матушку схимницу просила подождать и говорила: «когда пріѣду, тогда мы вмѣстѣ пріобщимся Св. Таинъ». Матушка, чтобъ успокоить ее, обѣщала дождаться. Проводивши игуменью, она легла на койку, и въ тотъ день къ вечеру съ ней сдѣлался сильный жаръ, не прекращавшійся до самой кончины. Въ послѣдніе дни свои больная ни съ кѣмъ не говорила, односложно отвѣчала на вопросы келейницы; пищи совсѣмъ не употребляла. Келейницамъ благословила прича-

щаться, «а я, сказала, дождусь матери, когда пріѣдетъ, то она всѣмъ распорядится». 16-го числа м. Рипсимія и м. Викторина, бывшія при ней неотлучно, видя, что она слабѣетъ, предложили ей пріобщиться Св. Таинъ. «Да, я готовлюсь», сказала она. Ночью м. Рипсилія, сидя около умирающей, плача говорила: «какъ мы будемъ жить, когда тебя съ нами не будетъ?»—«У васъ останется мать, отвѣтила, она васъ можетъ поддержать и руководить; вотъ у нея безъ меня во всемъ мірѣ не будетъ человѣка, которому бы она могла открыть свою душу, кто укрѣпилъ бы ея духъ, направилъ бы ея дальнѣйшіе шаги».

17 числа больная ждала весь день пріѣзда игумении и часто спрашивала: «не пріѣхала-ли Арсенія». Когда къ вечеру поспѣшно вошла въ ея комнату послушница Агафья, то больная порывисто спросила: «что тамъ, Арсенія пріѣхала»? Но, когда узнала, что ея нѣтъ, и ожидать уже нельзя было по времени (былъ 8-й часъ вечера), то велѣла позвать къ себѣ священника. Отецъ Григорій Прозоровскій исповѣдалъ умирающую; потомъ свидѣтельствовалъ, что послѣ этой исповѣди почувствовалъ такую свободу и легкость на душѣ, какую рѣдко чувствовалъ при собственной исповѣди. Когда духовникъ пошелъ въ церковь за Св. Дарами, Викторина спросила: «Матушка! Вы желаете пріобщиться»?—«Да, былъ отвѣтъ, надо все кончить». Пріобщившись Св. Таинъ, она легла на изголовье одра... Священникъ сталъ читать молитву на исходъ души и кончилъ возглашеніемъ вѣчной памяти усопшей рабѣ Божіей, новопреставленной схимонахинѣ Ардаліонѣ. Лицо почившей сдѣлалось свѣтлое, въ чертахъ его отпечатлѣлся миръ душевный. Кончина совершилась 1864 года 17-го августа въ 10 часовъ вечера. На другой день тѣло почившей было предано землѣ; такъ распорядилась казначея м. Флавіана въ той мысли, что для игумении будетъ легче не присутствовать при погребеніи. 19-го числа пріѣхала въ обитель игумения. Погоревала она съ прочими близкими сестра-

ми, что погребеніе совершилось въ ея отсутствіе, и самое мѣсто могилы ей весьма не нравилось, такъ что, еслибы она сама погребала, то никакъ не выбрала бы это мѣсто. Но это то послѣднее обстоятельство, быть можетъ, и было дѣйствіемъ особаго Промысла Божія, для чего состоялось оно въ отсутствіе игумении, какъ это она увидѣла впослѣдствіи. Въ 1874 году была снята маленькая церковь Апостоловъ Петра и Павла, около которой была погребена схимница, и на мѣстѣ ея заложенъ былъ большой храмъ въ имя Казанской Божіей Матери съ придѣломъ Апостоловъ. Размѣчая съ архитекторомъ мѣсто для новаго храма, игумения Арсенія была пріятно изумлена и обрадована, что могила схимонахини Ардаліоны пришлась подъ церковію въ подвальномъ этажѣ, на одномъ изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ мраморными колоннами, которыя выписывались для новаго храма изъ Петербурга, былъ привезенъ на могилу памятникъ-плита сѣраго мрамора съ надписью, обозначающею время кончины схимонахини Ардаліоны. Памятникъ этотъ сооруженъ усердіемъ ученицъ великой старицы, именно: игуменіей Арсеніей, схимонахиней Пафнутіей (бывшей Рипсиміей) м. Митрофаніей, м. Викториной, м. Агніей и м. Флавіаной, которыя всѣ вложили въ него свои лепты.

Блаженныя памяти схимонахиня Ардаліона при жизни принимала къ себѣ многихъ изъ простаго народа, которые съ вѣрою въ ея молитвы приходили издалека, чтобы попросить у нея совѣта или получить облегченіе въ своихъ недугахъ. Такихъ приходящихъ она всегда съ любовію назидала, недужнымъ указывала на молитвы Церкви, заставляла часто отслужить молебенъ Божіей Матери, а иногда сама читала надъ ними Св. Евангеліе. По кончинѣ ея вѣра простыхъ людей была такова, что многіе болящіе, приходя въ обитель, искали ея загробной помощи и просили возлагать на нихъ ея схиму. Нѣкоторые изъ родныхъ игумении Арсеніи, принадлежащіе къ лучшимъ фамиліямъ войска Донскаго, сохранили о ней воспоминанія, исполненныя истиннаго уваженія; и родная сестра игумении А. М. Маржанова въ теченіе болѣе 20 лѣтъ, бывая въ монастырѣ, всегда служила на ея могилѣ панихиды. Сама игумения Арсенія въ тяжелыя минуты жизни приходила повѣрять этой безмолвной могилѣ свои недоумѣнія и печали: тогда, говорила она, изъ глубины ея собственнаго сердца возникала мысль, отвѣчающая на ея душевныя вопросы, и она вѣрила, что то влагала въ сердце ея загробная молитвенница...

Часто упоминаемая въ семъ жизнеописаніи послушница Рипсимія, въ мірѣ Параскева Багрова, вскорѣ по кончинѣ своей старицы была пострижена въ монашество, и потомъ въ великую схиму, въ которой наречена Пафнутіей. Для усовершенія себя въ духовной жизни схимница Пафнутія пожелала поселиться на безмолвіе въ той келліи, которая была устроена въ монастырскомъ саду и предназначалась для старицы Ардаліоны; съ благословенія игумении Арсеніи она вошла въ эту уединенную келлію. Шесть лѣтъ провела она въ подвигѣ поста и молитвы въ этомъ затворѣ, подвергаясь непрестанно искушеніямъ отъ демоновъ, которые явно нападали на подвижницу и заставляли испытывать всѣ ужасы отшельническаго единоборства съ духами злобы. Наконецъ, ослабленная тѣлесными силами отъ постояннаго и усиленнаго подвига затворница Пафнутія была переведена изъ этой келліи въ другую, устроенную внутри монастыря, гдѣ и скончалась мирно въ 1878 году, марта 30 дня, на 67 году жизни, окруженная единомысленными сестрами, съ которыми вмѣстѣ провела годы послушничества своего при старицѣ Ардаліонѣ *).

*) Составлено по запискамъ иг. Арсеніи. Соловецкаго монастыря Благочинный іеромонахъ Паисій.

Матрона Наумовна Попова, основательница перваго страннопріимнаго дома въ городѣ Задонскѣ.

(Память 17 августа).

Матрона Наумовна Попова родилась въ 1769 году. Отецъ ея былъ заштатный дьячекъ при церкви свв. мучениковъ Космы и Даміана, въ подгородной слободѣ Ламской, города Ельца, Орловской губерніи. Этотъ дьячекъ съ горемъ и нуждою пропитывалъ жену и четверыхъ дѣтей. По смерти его осиротѣвшее семейство дошло до крайней нищеты.

Вотъ какъ сама Матрона разсказывала объ этомъ. «Послѣ смерти моего отца, котораго я не помню, насъ осталось при матери четверо: два брата, изъ которыхъ одинъ былъ неподвижно больной отъ рожденія, я и старшая сестра Ирина 12 лѣтъ. Много горя мы испытали вмѣстѣ съ матушкой нашей. Заботы и хлопоты о нашемъ воспитаніи нерѣдко лишали ее сна и пищи. Безвыходная бѣдность заставила ее, вопреки материнскому чувству, отдать одного своего сына нѣкоему зажиточному мужичку въ пріемыши, оставивъ насъ троихъ при себѣ. Но и мы недолго утѣшались нѣжною любовью и попеченіями нашей доброй матери: горе и нужда подорвали ея силы,—и она сильно занемогла грудью, слегла въ постель и затѣмъ, напутствованная христіанскими таинствами, тихо и мирно перешла въ вѣчность, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе. Въ то время старшая сестра моя была уже замужемъ за однимъ бѣднымъ мѣщаниномъ елецкимъ и жила въ городѣ Ельцѣ. Оставшись семи лѣтъ, вдвоемъ съ неподвижно больнымъ братомъ 12 лѣтнимъ Карпомъ въ родительской хижинѣ, я должна была, несмотря на свой юный возрастъ, промышлять какъ о себѣ, такъ и о своемъ убогомъ братѣ: именемъ Христовымъ и посиль-

Матрона Наумовна Попова, основательница перваго страннопріимнаго дома в городѣ Задонскѣ

Старица Матрона Наумовна на смертномъ одрѣ

ными трудами добывала дневное пропитаніе. Бывало, сидишь у окна своей хижины и только увидишь женщинъ, идущихъ на рѣку Сосну мыть бѣлье, тотчасъ схватишь свой вальчишко и побѣжишь къ нимъ съ предложеніемъ услугъ помочь въ мытьѣ бѣлья. Нѣкоторыя изъ поселянокъ, болѣе сострадательныя, бывало, за мою услужливость пригласятъ къ себѣ въ домъ, накормятъ и на прощанье дадутъ еще кусокъ хлѣба, съ которымъ я возвращалась къ голодавшему моему брату. Такимъ образомъ прожила я три года. Затѣмъ послѣдовала смерть моего брата. Со смертію брата хотя я и освободилась отъ излишнихъ заботъ, но не избавилась отъ трудовъ, потому что знала, что кромѣ труда мнѣ надѣяться было не на что, и потому старалась угодить всѣмъ и каждому и готова была на всякую работу. Если какія матери желали свободно заняться полевыми или домашними работами, или доставить себѣ лишній часъ покоя и не мучиться съ крикливыми своими дѣтьми, то обыкновенно приглашали меня, и я оставалась дневною или ночною сидѣлкою при колыбеляхъ безпокойныхъ малютокъ».

По сосѣдству съ убогой хижиной умершаго причетника жилъ зажиточный, но бездѣтный крестьянинъ Абрамовъ. Ему часто приходилось слышать горькій плачъ оставленной сироты малютки и задумываться надъ ея безотраднымъ положеніемъ. Къ тому же лишеніе собственныхъ дѣтей, при достаточномъ состояніи, наводило его на мысль: взять сироту къ себѣ въ домъ, вмѣсто дочери. Со времени поступленія Матроны въ домъ сердобольнаго крестьянина, Господь благословилъ его своими дѣтьми, которыхъ дотолѣ у него не было; но вмѣстѣ съ тѣмъ начались для горькой сироты новыя испытанія. Съ того времени въ семействѣ Абрамова запрещали ей называть отцомъ и матерью своихъ благодѣтелей, потому что право произносить эти имена, пріятныя для признательнаго сердца, перешло уже къ роднымъ дѣтямъ. Чуждая къ кругу семейства своихъ воспитателей, Матрона, при только

что начавшемся развитіи силъ, должна была замѣнять здѣсь няню и работницу, чтобы только не лишиться вѣрнаго куска хлѣба и теплаго пріюта. Хозяйство же у Абрамовыхъ, нужно сказать, было немалое: на неуспѣвшую еще окрѣпнуть дѣвочку возложенъ былъ присмотръ за дѣтьми, скотомъ и птицей, топка печей, стирка бѣлья и проч. При помощи Божіей всюду и вездѣ она успѣвала одна. И кромѣ того, она не освобождалась и отъ полевыхъ работъ. Если же когда и выпадало ей свободное время среди хозяйственныхъ занятій, то и тогда трудолюбивая Матрона, избѣгая праздности, обыкновенно садилась уже для себя прясть волну, либо ткать холстъ. Поэтому ей чужды были дѣтскія игры и гулянья, отъ участія въ которыхъ, кромѣ домашней суеты, удерживала ее даже въ праздники самая бѣдность ея наряда, ограничивавшагося только лаптями да простымъ набойчатымъ платьемъ.

Природа надѣлила Матрону Наумовну весьма привлекательной наружностью; но еще болѣе украшали ее добрыя качества душевныя: цѣломудренная скромность и кротость характера, разсудительность и благодушіе во всемъ. Многіе молодые люди изъ гражданъ Елецкихъ, несмотря на ея безприданность, изъявляли желаніе вступить съ нею въ законное супружество. Но дѣвственное сердце ея чуждо было земныхъ притязаній: оно горѣло неизмѣнною любовію къ небесному Жениху Христу, и потому, предпочитая дѣвство браку, Матрона разъ навсегда отказалась отъ лестныхъ предложеній богатыхъ женіховъ. Ея нравственность поддерживалась совѣтами извѣстной строгою подвижническою жизнію затворницы Меланіи. Меланія, сердечно полюбивъ спроту, старалась, при каждомъ съ нею свиданіи, утѣшать ее и наставлять на путь, ведущій въ животъ вѣчный.

Матрона до конца жизни хранила глубокое уваженіе и преданность къ своей доброй наставницѣ, раскрывала ей свою душу и ничего не предпринимала безъ ея совѣтовъ, въ

которыхъ видѣла какъ-бы руку Божію, ведущую ее ко спасенію. Меланія, почему-то отклонивъ желаніе ея монашеской жизни, совѣтовала прежде сходить въ Задонскъ и тамъ помолиться предъ чудотворною Владимірскою иконою Богоматери и уѣднику Божію св. Тихону, увѣряя, что молитва лучше рѣшитъ вопросъ о послѣдующей судьбѣ.

По возвращеніи изъ Задонска въ домъ воспитателей, жизнь Матроны пошла обычнымъ порядкомъ: она попрежнему принялась за работы и такъ же дѣлилась мыслями со своею доброю наставницею, которая отъ души была рада благополучному ея возвращенію. Такъ протекли осень и зима. Но съ наступленіемъ 1795 г. здоровье Матроны видимо начало измѣняться: она стала жаловаться на боль головы, казалась задумчивою и, наконецъ, въ ней обнаружились признаки истерической болѣзни. Это случилось такъ: однажды отправилась Матрона Наумовна къ замужней сестрѣ своей сновать холстъ, и лишь только дошла до двора, вдругъ почувствовала необыкновенный шумъ въ головѣ: ей стало дурно, и она безъ чувствъ упала на землю. Заботливая сестра не безъ смущенія увидала валявшуюся у воротъ Матрону и, съ помощью мужа, поспѣшно внесла больную въ домъ и осторожно уложила въ постель, гдѣ въ безпамятствѣ и пробыла она цѣлыя сутки. Когда же пришла въ себя, то крайне удивилась, увидѣвъ на себѣ платье и рубашку изорванныя, и чувствовала жестокую боль во всемъ тѣлѣ. Съ тѣхъ поръ Матрону трудно было узнать: она такъ измѣнилась, что изъ прежней свѣжей и подвижной дѣвушки представлялась уже страшно исхудалою, медлительною и задумчивою. Подобные припадки съ ней время отъ времени усиливались. Послѣ сего, чувствуя слабость и неспособность къ домашнимъ работамъ и не желая быть въ тягость своимъ благотворителямъ, Матрона просила отпустить ее совсѣмъ.

Воспитатели и не старались удерживать свою питомицу, какъ болѣе ненужную; но, отпуская, положительно ей не

дали ничего, кромѣ необходимаго платья, остававшагося на ней. И несчастная дѣвушка, проработавъ у Абрамовыхъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ за одно «спасибо», съ тою же наслѣдственною бѣдностью и разстроеннымъ здоровьемъ перешла на жительство въ домъ сестры своей, тоже крайне бѣдной. Болѣзненные припадки потворялись все чаще и чаще, а потому многіе въ Ельцѣ стали считать ее совершенно обезумѣвшею, потому что видѣли ее нерѣдко бѣгавшею почти нагишемъ по улицамъ города. Но всевидящій Богъ, проникающій въ самыя глубины сердечныя, явилъ Свое милосердіе надъ недугующей чудеснымъ исцѣленіемъ ея отъ болѣзни, въ которой находилась она три года. Это совершилось такимъ образомъ.

Старшая сестра Матроны Наумовны слыла въ околодкѣ своемъ за женщину набожную и разсудительную. Имѣя въ виду чудесныя исцѣленія, во множествѣ совершавшіяся по молитвенному обращенію къ святителю Тихону Задонскому, она рѣшилась съ твердою вѣрою обратиться къ св. угоднику Божію и просить у него благодатной помощи страждущей сестрѣ, для которой уже земныя лѣкарства были безсильны. Съ этою цѣлію обѣ онѣ отправились весною въ Задонскъ. Здѣсь, помолившись со слезами предъ чудотворнымъ образомъ Пресвятой Дѣвы, онѣ потомъ просили отслужить имъ панихиду по святителѣ Тихонѣ, на мѣстѣ его погребенія, въ усыпальницѣ. По окончаніи панихиды, съ вѣрою на предстательство святителя Тихона, больная приложилась къ надгробію его и выпила масла изъ теплившейся надъ могилою лампады. И молитва вѣры, вознесенная отъ чистаго сердца, была услышана. Больная тогда же почувствовала въ себѣ большую перемѣну къ лучшему.

Пробывъ двое сутокъ въ Задонскѣ, онѣ возвратились въ Елецъ. Съ этихъ поръ Матрона чувствовала себя много лучше сравнительно съ прежнимъ: съ нею хотя повторялись припадки, но рѣже, безъ малѣйшихъ притомъ конвульсій,

и были непродолжительны. Такъ еще прошло съ годъ времени. Конечно, много потребно было со стороны страдалицы терпѣнія для несенія креста, посланнаго ей Богомъ.

Съ теченіемъ времени, по милости Божіей, Матрона Наумовна болѣе и болѣе освобождалась отъ угнетавшей ее болѣзни и, желая посвятить себя Богу, снова рѣшилась просить у Меланіи благословенія на поступленіе въ Знаменскій дѣвичій Елецкій монастырь. Но дальновидная старица, не прерывавшая своего искренняго расположенія къ бѣдной дѣвушкѣ, и на этотъ разъ, какъ бы въ духѣ пророческомъ, сказала слѣдующее: «нѣтъ тебѣ Божьяго благословенія, Матрюша, поступать въ монастырь. Ступай-ка лучше въ Задонскъ... Тамъ будешь принимать странныхъ, питать сиротъ!... Не сомнѣвайся, Матрюша,—но вѣруй... Святитель Тихонъ поможетъ тебѣ во всемъ... Правда, тебя теперь никто не знаетъ тамъ; но Богъ устроитъ такъ, что про тебя узнаютъ и въ Москвѣ, и за Москвой... Ты заживешь тамъ въ каменныхъ палатахъ. Повторяю, — не сомнѣвайся, но молись и вѣруй».

Матрона Наумовна, дѣйствительно, рѣшилась идти въ Задонскъ, чтобы снова помолиться у гроба угодника Божія святителя Тихона; ее къ тому побуждали какъ глубокое чувство благодарности за избавленіе отъ ужасной болѣзни, такъ и совѣтъ благочестивой ея наставницы и чудесный призывъ двухъ благолѣпныхъ старцевъ, незадолго предъ симъ видѣнныхъ ею во снѣ.

И вотъ, наконецъ, въ числѣ богомольцевъ пришла она въ Задонскъ, какъ нѣкая странница, о которой не знали, кто она, откуда, съ кѣмъ пришла, куда и когда пойдетъ обратно. На видъ казалось ей не больше 30 лѣтъ, но чрезмѣрная блѣдность лица и замѣтное изнуреніе силъ изобличали болѣзненное состояніе, а ветхое рубище ясно указывало на ея нищету. Однако пришелица-нищая не жаловалась на свое положеніе и не просила себѣ милостыни, а только мо-

лилась, почти неотлучно находясь то въ церкви, то въ пещерѣ, гдѣ почивали мощи угодника Божія. Припадая къ гробницѣ святителя Тихона, она со слезами на глазахъ, въ простотѣ сердца взывала къ нему вслухъ: «ты меня исцѣлилъ, угодникъ Божій, ты и не оставь меня, безпомощную сироту, въ послѣдующихъ путяхъ моей жизни. Не отъиду отъ тебя, благодѣтель мой!»...

Старцы Задонской обители, обративъ вниманіе на благочестіе и убожество неизвѣстной пришелицы, приняли въ ней нѣкоторое участіе и узнали, что отецъ ея былъ дьячкомъ въ подгородной слободѣ Ламской г. Ельца и что безпріютная сирота пришла съ нищими въ Задонскъ излить чувство глубокой благодарности угоднику Божію за избавленіе отъ ужаснаго недуга, гдѣ и осталась, ввѣривъ себя покровительству Божіей Матери и святителя Тихона. Не имѣя пристанища, она часто вынуждена была проводить подъ открытымъ небомъ не только знойные и ненастные дни, но и ночи, а когда случалось, что по причинѣ болѣзненныхъ припадковъ, все еще изрѣдка повторявшихся съ нею, находили ее безъ чувствъ на улицѣ, то полицейскіе солдаты отвозили ее въ тюрьму (такъ какъ тогда не было еще въ Задонскѣ ни больницы, ни странноприимнаго дома). Отсюда, какъ только ей возвращали свободу, она снова шла въ монастырь и пребывала тамъ въ обычной молитвѣ и слезахъ.

Господь расположилъ къ ней сердца двухъ извѣстныхъ въ обители по строгости жизни іеромонаховъ Анатолія и Иларія, христіанское участіе и слово назиданія которыхъ благотворно вліяли на всю послѣдующую жизнь будущей странноприимицы и кормительницы бѣдныхъ. Узнавъ всѣ подробности о судьбѣ бѣдной дѣвушки, не имѣвшей здѣсь ни пріюта, ни вѣрнаго куска хлѣба, и желая оказать ей помощь, они убѣдили одну сердобольную гражданку дать ей у себя пристанище. Успокоенная въ домѣ новой благодѣтельницы и обезпеченная въ ежедневномъ пропитаніи, Матрона

Наумовна и сама старалась быть, по мѣрѣ возможности, полезной ближнимъ. Всякій разъ, возвращаясь изъ монастыря, она приводила съ собою двухъ или трехъ странниковъ, успокоивала ихъ, предлагала имъ пищу, которую старцы давали ей изъ обители, а сама довольствовалась остатками отъ трапезы гостей своихъ.

Странноприимство ея сдѣлалось вскорѣ извѣстно, тѣмъ болѣе, что иногда она принимала къ себѣ болящихъ и усердно ухаживала за ними. Любовь ея къ богоугодному дѣлу поддерживалась совѣтами и матеріальною помощью старцевъ Анатолія и Иларія, въ тишинѣ и безмолвіи подвизавшихся въ благочестіи; они были первыми начинателями святого дѣла христіанской благотворительности, избравъ орудіемъ эту безпомощную дѣвушку.

Когда, такимъ образомъ, доброе дѣло начало увѣнчиваться счастливымъ успѣхомъ и принимало большіе и большіе размѣры, когда бѣдные странники, приходившіе въ Задонскъ, стали называть Матрону Наумовну своей матушкой-кормительницей, а нѣкоторые жители города и окрестностей — способствовать ей своими подаяніями, встрѣтилось ей препятствіе тамъ, «гдѣ менѣе всего можно было ожидать», — въ самомъ, пріютившемъ ее, домѣ. Хозяйка этого дома, позавидовавъ возникающей извѣстности своей проживалки, стала всячески притѣснять ее. Добродушные старцы, желая поддержать странноприимство, продолжавшееся уже болѣе трехъ лѣтъ съ половиною, рѣшились купить для Матроны Наумовны особую небольшую келлію и въ ней все необходимое.

И вотъ нищая пришелица, крѣпко уповавшая на Бога, совсѣмъ неожиданно стала имѣть свою собственность, которой радовалась словно каменнымъ палатамъ, несмотря на то, что келлія куплена за 12 рублей ассигнаціями. Хотя келлія была небольшая, и въ ней могли помѣститься только 5 или 6 человѣкъ, но какъ скоро одни выходили, Матрона Наумовна принимала другихъ.

Но немало и скорбей пришлось вытерпѣть Матронѣ Наумовнѣ со стороны свѣтскаго начальства, почему-то враждебно смотрѣвшаго на ея дѣйствія. Такъ однажды пришелъ къ ней въ келлію городничій (по фамиліи Гараче) и началъ прямо кричать: «ты что тутъ живешь? — Около монаховъ наживаешься... Безъ разговоровъ — въ тюрьму»... Это неожиданное обстоятельство убійственно подѣйствовало на здоровье рабы Божіей: она сдѣлалась какъ бы помѣшанною... Солдаты, повинуясь приказу начальника, взяли съ собою дѣвушку и повели въ острогъ. Ноги несчастной подламывались, и она въ безпамятствѣ что-то высказывала рѣзко въ свое оправданіе... Отъ этого еще больше разсердился шедшій сзади городничій и въ запальчивости приказалъ солдатамъ бить палками невинную страдалицу, приговаривая: «не блажничай!.. не блажничай!»...

Пробывъ въ острогѣ сутки, на другой день Матрона была выпущена на свободу по просьбѣ старцевъ Анатолія и Иларія. Она отправилась въ Елецъ, гдѣ, при содѣйствіи сестры своей, скоро выхлопотала себѣ безсрочное свидѣтельство, съ которымъ вернулась въ Задонскъ и явилась къ городничему. Онъ посмотрѣлъ на ея бумагу и ласково сказалъ: «вотъ теперь живи здѣсь; я знаю, чья ты и откуда, но только хорошенько живи, а то не посмотрю и на бумагу: тотчасъ выгоню вонъ изъ города»...

И много такихъ непріятностей приходилось переносить Матронѣ Наумовнѣ, но она, при содѣйствіи благодати Божіей, встрѣчала ихъ радостно и переносила великодушно.

Спустя нѣсколько времени послѣ этого обстоятельства, въ 1822 году одинъ за другимъ почили сномъ праведныхъ благочестивые старцы Анатолій и Иларій, и тысячи скорбныхъ сердецъ вознесли горячую молитву къ Богу о упокоеніи съ праведными душъ сихъ подвижниковъ, при жизни посвящавшихъ свои нескудныя средства пользѣ ближнимъ. Узнавъ о кончинѣ своихъ благотворителей и наставниковъ, Матрона

Наумовна залилась горькими слезами. Сердце ея раздиралось скорбію и о себѣ, и о подобныхъ ей, также пользовавшихся благотвореніями почившихъ о Господѣ.

Благочестивые и благовѣйные іеромонахи Анатолій и Иларій оба происходили изъ купеческой фамиліи города Ливенъ, Орловской губерніи; отличались смиреніемъ, нестяжательностью и дѣлами христіанскаго милосердія. Они духовно воспитывались подъ руководствомъ добродѣтельнаго и опытнаго въ духовной жизни старца, общаго духовника братскаго, іеромонаха Павла, бывшаго любимымъ ученикомъ схимонаха Митрофана, друга и сподвижника св. Тихона. Любовь ихъ къ ближнимъ была истинная. Каждый нуждающійся пришлецъ и бѣдный житель города Задонска обращался къ нимъ со своею нуждою и получалъ необходимое. Во избѣжаніе же суетной молвы они имѣли у себя очень близкаго и тоже съ сострадательнымъ сердцемъ нѣкоего купца, торговавшаго въ Задонскѣ всѣмъ необходимымъ. Обращавшіеся къ нимъ съ просьбами получали отъ нихъ записки къ купцу, и по этимъ запискамъ купецъ давалъ, что нужно, а старцы уплачивали. Эти-то истинные иноки обратили вниманіе и на пришелицу—нищую, которой ради Господа много лѣтъ помогали совѣтами и матеріальными своими средствами, а чрезъ нее и другимъ многимъ, нуждавшимся въ посторонней помощи. Любовь народная и доселѣ благословляетъ ихъ память.

Осиротѣвъ снова, Матрона Наумовна рѣшилась идти въ Соловецкій монастырь къ преподобнымъ Зосимѣ и Савватію и въ Кіевъ—поклониться святынямъ Кіевскимъ. Съ этою мыслію она оставила Задонскъ. Кіевъ такъ ей понравился, что она намѣревалась уже навсегда поселиться въ немъ. Но вотъ видитъ въ сонномъ видѣніи весьма благолѣпную и какъ бы знакомую уже дѣву, которая обратилась къ ней и кротко сказала: «святителю Тихону не угодно, чтобы ты оставалась здѣсь; совѣтую тебѣ идти опять въ Задонскъ и тамъ заниматься своимъ дѣломъ. Тебя тамъ ждутъ».—«Долго

я дивилась видѣнію,—разсказывала Матрона,—но на другой день оно повторилось, и на этотъ разъ, къ счастію моему, я узнала, что со мною бесѣдовала во снѣ великомученица Варвара, потому что она сама назвала себя этимъ именемъ, объяснила, что она та самая мученица, къ мощамъ которой прикладывалась я наканунѣ въ Михайловскомъ монастырѣ». Принявъ это видѣніе за указаніе Промысла Божія и возвратившись изъ Кіева въ Задонскъ въ свою хижину, она снова стала принимать къ себѣ странныхъ и убогихъ съ тою же твердою вѣрою и надеждою на Бога.

Но года черезъ два странница неожиданно перемѣнила мѣсто своего жительства: одинъ изъ зажиточныхъ задонскихъ купцовъ лишился любимаго сына и, желая въ память его способствовать, сколько возможно, дѣлу благотворенія, убѣдилъ Матрону Наумовну перейти въ его домъ, находящійся противъ монастыря на западной сторонѣ, и, отдавъ въ ея распоряженіе весь нижній этажъ для пріема богомольцевъ, перенесъ къ себѣ же на дворъ келлію ея, куда она всегда уединялась для молитвы послѣ обычныхъ своихъ трудовъ. Нѣсколько дѣвицъ, посвятившихъ себя исключительно духовной жизни, соревнуя ея подвигамъ, поступили къ ней въ послушаніе и, такимъ образомъ, пристанище убогихъ и странныхъ не оскудѣвало въ продолженіе 15 лѣтъ; дѣла христіанскаго милосердія болѣе и болѣе приводили въ извѣстность имя странноприимицы, посвятившей всю себя на служеніе Богу и ближнимъ. Она не требовала, чтобы кто послужилъ ей, но сама была готова послужить всѣмъ и каждому и собственнымъ примѣромъ учила сестеръ, собравшихся къ ней, послушанію, смиренію и кроткому обращенію съ странными и бѣдными, посѣщавшими домъ ея.

Матронѣ Наумовнѣ было показано въ сонномъ видѣніи, гдѣ она должна жить и принимать странниковъ. Это случилось такимъ образомъ. Въ одну прекрасную ночь видитъ она во снѣ святителя Тихона, который, благословляя при-

навшую къ его стопамъ смиренную странноприимицу, подалъ ей пшеничный хлѣбъ и сказалъ: «пора тебѣ, Матрона, самой быть хозяйкой»... и при этомъ, указывая на сѣверную сторону монастыря, присовокупилъ: «вотъ и мѣсто, гдѣ ты должна устроить домъ для принятія странниковъ и бѣдныхъ»... Три ночи сряду повторялось ей это видѣніе. Когда она сообщила о немъ своей хозяйкѣ, въ домѣ которой жила, то послѣдняя со слезами на глазахъ отвѣчала: «святитель Тихонъ и мнѣ являлся въ сонномъ видѣніи и приказалъ тебя отпустить и дать тебѣ хлѣба»... И онѣ потомъ разлучились.

И вотъ приходитъ Матрона Наумовна на то пустое мѣсто, указанное ей во снѣ святителемъ Тихономъ, и думаетъ, что ей дѣлать, какъ приступить къ постройкѣ безъ денегъ? Слезы орошали лицо ея, а сердце возносило молитву къ Богу. Въ эту минуту подходитъ къ ней нѣкій незнакомый человѣкъ и говоритъ: «я—каменщикъ, а вы, матушка, хотите строиться: наймите меня. Я вамъ доставлю матеріалы и рабочихъ... а вы за все заплатите мнѣ послѣ». Старица слушала съ удивленіемъ и видѣла, что по молитвамъ св. Тихона все исполнится по предсказанію его, и потому сомнѣваться не должно. Этимъ временемъ совсѣмъ неожиданно дано ей было одной благотворительной особой 200 рублей ассигн. подаянія, и съ этою суммою она, съ благословенія старцевъ св. обители, рѣшилась приняться за постройку дома для принятія странниковъ.

Непостижимы судьбы Божіи! Мѣсто для дома, давно стоявшее пустымъ, отведено безденежно; кирпичъ, желѣзо, лѣсъ, словомъ,—все нужное для постройки отпускалось въ долгъ. Помѣщики, купцы Воронежской и Орловской губерній, также и богомольцы, пріѣзжавшіе изъ другихъ мѣстъ, своими пожертвованіями немало способствовали этому богоугодному предпріятію. Въ непродолжительное время домъ былъ выстроенъ, странники и убогіе насыщены и успокоены; но все это, начавшееся такъ легко, заканчивается не безъ затруд-

неній и скорбей: за какой то еще неуплаченный долгъ благочестивую строительницу присудили къ тюремному заключенію. Раба Божія не возмутилась духомъ, а, уповая на покровительство Промысла, безпечально пошла въ заточеніе, и Господь, не забывая убогихъ Своихъ до конца, черезъ благотворителей ниспослалъ временную помощь: долгъ неожиданно уплаченъ; старица возвратилась къ многочисленной семьѣ своей и, непрестанными молитвами благословляя спасающую десницу Божію, неизмѣнно продолжала свое служеніе неимущимъ.

И не разъ добродѣтельная старица подвергалась въ жизни своей тюремному заключенію и другимъ напраснымъ оскорбленіямъ. Но всю силу любви христіанской показала незабвенная старица въ тяжелую годину повсемѣстнаго голода въ 1830 и 1834 гг., появившагося въ г. Задонскѣ и его окрестностяхъ вмѣстѣ съ холерною эпидеміею.

Нужно сказать, что этимъ временемъ богомольцы во множествѣ шли со всѣхъ концевъ Россіи въ Воронежъ по случаю бывшаго тутъ въ 1832 г. 7 августа открытія мощей святителя Христова и чудотворца Митрофана и оттуда съ радостью спѣшили и въ Задонскъ къ святителю Тихону.

Но въ особенности материнская заботливость Матроны Наумовны проявлялась къ заболѣвавшимъ холерою путникамъ. За ними она съ любовію ухаживала съ сестрами своими, ради Господа; доставляла имъ все потребное, въ нужномъ случаѣ приглашала къ себѣ изъ монастыря іеромонаха для напутствованія святыми таинствами умирающаго къ исходу въ вѣчность, на собственныя средства покупала для него гробъ, выхлопатывала мѣсто на городскомъ кладбищѣ, гдѣ, по обряду христіанскому, хоронила безпріютнаго пришельца или безроднаго бѣдняка, окончившаго жизненное свое поприще.

И съ того времени, какъ стала старица носить имя странноприимицы, ни одинъ день въ жизни ея не прошелъ не

ознаменованнымъ дѣлами христіанскаго благотворенія. Сколько она, во имя святой любви, взлелѣяла, воспитала и пристроила къ мѣсту подкидышей и сиротъ обоего пола!

Сколько, съ другой стороны, при исполненіи Христовыхъ заповѣдей необходимо имѣть твердости, самопожертвованія и испытать скорбей, это показала на себѣ Матрона Наумовна. Имѣя въ виду одно удовлетвореніе нуждамъ неимущихъ, она дѣлала заборъ муки, не соображая своихъ средствъ съ количествомъ забраннаго. Но разъ узнавъ, что цифра долга ея простирается далеко за тысячу рублей, а купецъ требуетъ уплаты денегъ, она, ставъ предъ иконою Богоматери, повергласъ ницъ и зарыдала... Денегъ нѣтъ... взять было негдѣ... и кто бы могъ повѣрить такую сумму, какъ 1,500 р., ничтоже имущей?.. «Матерь Божія,—взывала она,—помоги мнѣ!.. Святителю отче Тихоне, не покинь меня!» и съ этою пламенною молитвою на устахъ отъ крайняго изнеможенія силъ заснула на полу. Вдругъ, среди тонкаго забытья, видитъ предъ собою трехъ святителей, которые подошли къ ней и говорятъ: «такъ какъ ты дѣлала заборъ свой для прокормленія нищихъ и пришельцевъ Христа ради, то мы тебѣ поможемъ и не оставимъ, а потому напрасно ты скорбишь и сомнѣваешься,—утѣшься!» Матрона Наумовна, воспрянувъ отъ забытья, видитъ только свѣтлый лучъ, удаляющійся изъ комнаты; сердце ея долго услаждалось чуднымъ видѣніемъ благолѣпныхъ старцевъ. По изображеніямъ на иконахъ, въ лицѣ находившихся въ ея комнатѣ, она узнала святителей: Митрофана Воронежскаго, Димитрія Ростовскаго и Тихона Задонскаго. Утѣшительныя ихъ слова возстановили ей бодрость и надежду на Промыслъ Божій.

И вотъ, среди радостныхъ ея помысловъ, входитъ келейница старицы и говоритъ: «матушка, пришелъ какой-то полковой баринъ-казакъ и желаетъ васъ видѣть: позволите принять?»...—«Пригласи». Неизвѣстный, войдя въ комнату, поклонился старицѣ и сказалъ: «вы, Матрона Наумовна?»—

«Я, батюшка», отвѣчала она. «Вы принимаете странниковъ?» —«По милости Божіей принимаю»...—«Прошу же, помолитесь, матушка, за меня»... и, при этихъ словахъ, руки незнакомца сунули что-то подъ скатерть. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, Матрона Наумовна приказала келейной поднять скатерть и посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ чего? Подъ скатертью оказалась большая пачка ассигнацій, именно 1500 р. Слезы радости и благодарности снова полились изъ глазъ добродѣтельной старицы.

Добродѣтельная старица, какъ истинная христіанка, всегда упражнялась въ богомысліи и молитвѣ то въ церкви, то въ самой келліи. Она каждое утро, послѣ утреннихъ молитвъ, прочитывала по одной каѳизмѣ и къ тому прибавляла акаѳиститъ въ понедѣльникъ св. великомученицѣ Варварѣ, во вторникъ св. Митрофану Воронежскому, въ четвергъ св. Николаю Мирликійскому, въ субботу Божіей Матери, въ воскресенье сладчайшему Іисусу. Послѣдніе два акаѳиста: Богоматери и Спасителю непосредственно читала сама старица неопустительно, а прочіе въ извѣстные дни читались живущими при ней дѣвицами, посвятившими себя на служеніе Богу и ближнимъ.

Въ трудахъ тѣлесныхъ, какъ и въ подвигахъ духовныхъ, Матрона Наумовна была неутомима и являла въ средѣ своей высокій образецъ молитвы, труда, смиренія и рѣдкой искренней сострадательности къ ближнимъ.

Плодомъ благочестія Матроны было ея христіанское смиреніе.

Между тѣмъ добродѣтельная жизнь любвеобильной старицы сама собою, помимо ея вѣдома, привлекала къ ней всеобщее уваженіе. Не только жители города и окрестностей, но и многіе изъ пріѣзжихъ въ Задонскъ свѣтскаго и духовнаго званія поставляли себѣ въ обязанность посѣтить келлію старицы и насладиться ея поучительною бесѣдою. Нерѣдко даже знатныя лица, привыкшія къ лести, оставляя обычную гордость, приходили послушать старицу, всѣмъ искренно же-

лавшую единаго на потребу и всѣмъ въ глаза говорившую правду.

Такъ одинъ очень свѣтскій молодой человѣкъ удивлялся, что мать его, женщина образованная, уважала старицу и посѣщала ее, какъ только бывала въ Задонскѣ. «Удивляюсь вамъ, maman,—говорилъ онъ,—какое вы находите удовольствіе дѣлить время съ необразованной нищей?.. и изъ любопытства самъ пошелъ къ старицѣ. Но такъ тронутъ былъ ея безыскусственною, но разумною бесѣдой, что съ тѣхъ поръ остался навсегда ея знакомцемъ и благотворителемъ ея обители. Подобныхъ примѣровъ было немало. Такъ двѣ пріѣзжія изъ Петербурга молодыя великосвѣтскія дѣвицы (Копьевы) вздумали лично провѣрить народную молву о странноприимицѣ Задонской и посѣтили старицу изъ любопытства, но послѣ долгой бесѣды съ нею онѣ вынесли самое пріятное впечатлѣніе, искренно уже уважали рабу Божію и не оставляли ея своими пожертвованіями: каждогодно посылали изъ Петербурга деньги для раздачи бѣднымъ чрезъ руки старицы.

Все болѣе и болѣе люди благочестивые уважали старицу, посвятившую себя на служеніе Богу и ближнимъ. Такъ напр. въ 1836 году, въ день праздника Сошествія Св. Духа, когда было очень много пріѣзжихъ въ монастырѣ, и толпа богомольцевъ во время обѣдни тѣснилась, въ дальнемъ углу церкви, сидя на деревянной скамейкѣ, молилась больная старица,—то была она, Задонская странноприимица. По окончаніи службы, когда стали расходиться, никто изъ людей простого сословія не прошелъ, не отдавъ низкаго поклона сидѣвшей въ углу. Многіе дворяне, увидѣвъ старицу, спѣшили подойти къ ней; даже нѣкоторые изъ пріѣзжихъ, увлекаясь оказываемымъ ей вниманіемъ, слѣдовали вмѣстѣ съ прочими отдать должное уваженіе личности, прославившейся дѣлами благотворенія въ убожествѣ своемъ.

Благочестивая старица пользовалась искреннимъ уваженіемъ и отъ лицъ духовныхъ, состоявшихъ на степени высшаго

служенія. Такъ покойный архимандритъ Самуилъ, настоятель Задонской обители, и пріемники его архимандриты: Иларій и Серафимъ почитали бесѣду ея духовнымъ утѣшеніемъ. Самъ Воронежскій архіепископъ Антоній II, мужъ великихъ благодатныхъ дарованій, уважая въ этой рабѣ Божіей подвижницу Евангельской добродѣтели, не лишалъ ея святительскаго посѣщенія и архипастырскихъ наставленій. Бывало, преосвященный прикажетъ собраться въ келлію всѣмъ дѣвицамъ, жившимъ въ странноприимномъ домѣ, и, благословляя каждую, скажетъ: «трудитесь, дѣти, на пользу ближнимъ; Богъ не оставитъ васъ. Подражайте во всемъ своей доброй старицѣ и уважайте ее»... Также посѣщали старицу архипастыри Воронежскіе: Игнатій и Парфеній. Но особенное имѣла расположеніе къ Матронѣ Наумовнѣ блаженной памяти Воронежскаго дѣвичьяго монастыря игуменія Смарагда. Она, еще будучи свѣтской дѣвицей, много помогала своими средствами возникновенію странноприимнаго дома и послѣ до конца жизни своей продолжала оказывать христіански-дѣятельное участіе въ дѣлахъ благотворенія.

По чувству глубокаго уваженія къ достопочитаемой старицѣ жители г. Заденска встрѣчали съ особенною торжественностью празднество, ежегодно отправлявшееся въ Задонскѣ 9-го ноября и сдѣлавшееся нѣсколько уже лѣтъ особенно памятнымъ для нихъ. Многіе даже пріѣзжали къ этому времени въ городъ изъ окрестностей и Ельца потому только, что то былъ день ангела Матроны Наумовны. Празднество это начиналось тѣмъ, что въ монастырѣ и городскомъ Успенскомъ соборѣ совершалась литургія о здравіи ея; по окончаніи службы выносили за стѣны монастыря чудотворный образъ Владимірской Божіей Матери. Народъ благоговѣйно сопровождалъ святую икону; большая толпа выходила со двора Матроны Наумовны навстрѣчу Царицы Небесной и, соединясь съ пришедшими, вступала въ смиренное жилище рабы Божіей.

Несмотря на многочисленность присутствующихъ, тѣсноту и заботливое угощеніе нищей братіи и богомольцевъ, все было здѣсь тихо, благоговѣйно. Какъ совершалась всенощная въ самой келліи старицы, такъ совершалось и водоосвященіе и поминовеніе усопшихъ въ ея же келліи. Удрученная дряхлостью, она молилась сидя, но чувство неземное выражалось въ ея чертахъ. Казалось, отрѣшившись душой отъ всего временнаго, она предвкушала уже на землѣ сладость небесной жизни; глаза были полны слезъ, а между тѣмъ радость неизъяснимая осѣняла чело молящейся. И тогда какъ нищіе, странники, угощенные трапезою, проходя мимо ея окна, останавливались и безмолвно глубокимъ поклономъ изъявляли свою признательность, она ни на кого и ни на что не обращала вниманія, только молилась, и слезы лились изъ ея глазъ. Въ день этого празднества раздавалась, по назначенію ея, милостыня и посылалась пища заключеннымъ въ тюрьмѣ.

Матрона Наумовна, по ревностной любви къ благочестію, приняла тайное постриженіе въ день Маріи Египетской, 1 апрѣля 1844 г. и въ монашествѣ наименована Маріею. Постриженіе было совершено самимъ настоятелемъ Задонской обители, архимандритомъ Иларіемъ въ келліи старицы, по благословенію высокопреосвященнаго Антонія II, который, уважая ее, прислалъ для сего изъ Воронежа свою собственую мантію, въ которой постригался въ монашество самъ въ Кіевской лаврѣ. Лицо маститой старицы при этомъ трогательномъ событіи оросилось обильными слезами умиленія, и теплая молитва отъ сердца изливалась къ Богу.

Любвеобильная ко всѣмъ, она была чрезвычайно строга къ себѣ. Постъ, молитва и милостыня были неразлучными ея спутниками во всю жизнь ея, но съ принятіемъ иночества она еще болѣе усугубила для себя правила строгаго подвижничества. И Господь за подвиги истиннаго благочестія часто удостоивалъ рабу Свою благодатныхъ видѣній и небесныхъ

утѣшеній. Многолѣтніе опыты духовной жизни развили въ душѣ старицы прозорливость, такъ что нерѣдко слова ея, сказанныя осторожно, вовсе не въ видѣ пророчества, впослѣдствіи сбывались совершенно неожиданно, къ удивленію слышавшихъ. И потому каждое слово старицы принималось съ усердіемъ и выполнялось въ точности.

Теперь остается упомянуть о замѣчательной признательности, составлявшей важнѣйшую черту старицы, и о состраданіи ея къ чужимъ скорбямъ.

Матрона Наумовна любила выражать чувство глубокаго почитанія и къ почившимъ о Господѣ старцамъ-подвижникамъ, покоющимся въ святой обители Задонской. Такъ въ день приснопамятной кончины (13 августа) святителя Христова Тихона, схимонаха Митрофана (27 февраля), іеросхимонаха Агапита (17 сентября), затворника Георгія (25 мая) и прочихъ она всегда поставляла трапезы нищей Христовой братіи среди своего двора. Но, творя поминовеніе о всѣхъ замѣчательныхъ по жизни старцахъ обители, Матрона Наумовна почему то, вопреки своему обычаю, не поминала игумена Евсевія. И что же? Однажды старица заставила одну изъ приближенныхъ своихъ дѣвицъ читать акаѳистъ Успенію Божіей Матери. Но вдругъ, неожиданно остановивъ читавшую, приказала ей немедленно выдти въ другую комнату, что та поспѣшно и исполнила. Оставшись наединѣ, Матрона Наумовна пала на землю и, стоя на колѣняхъ, простирала руки, какъ бы прося отъ кого благословенія, и произнесла: «кто же ты, батюшка»?—«Я здѣшній игуменъ Евсевій *), я

*) Евѳимій (въ схимѣ Евсевій) настоятельствовалъ между 1725 и 1745 г.г. Заботливость сего настоятеля незабвенна для Задонской обители, ибо онъ первый началъ строить монастырь каменнымъ зданіемъ. Къ числу главныхъ построекъ его времени принадлежалъ разобранный уже въ 1846 г. лѣтній Владимірскій соборъ. Имя игумена Евсевія и по настоящее время сохранилось въ нѣкоторыхъ постройкахъ и ризницѣ. При снятіи прежней каменной лѣтней Владимірской церкви въ 1846 г. гробъ его обрѣтенъ съ нетлѣннымъ тѣломъ, который, съ разрѣшенія преосвященнаго Антонія II

ты меня не поминаешь»... «Буду, буду поминать,—сказала старица,—прости Христа ради». Это видѣніе было въ день священномученика Евсевія, епископа Самосатскаго, 22 іюня 1845 года.

Года проходили. Старица слабѣла все болѣе и болѣе, неуклонно продолжая идти путемъ дѣлъ благихъ и готовясь въ вѣчность. Предчувствуя, что уже близокъ ея конецъ, она предварительно отдала домъ свой въ пользу Задонскаго монастыря, а другое мѣсто на концѣ города, по дорогѣ въ Тюнино, съ имѣющимся на немъ строеніемъ, пріобрѣтенное на пожертвованія благотворителей, назначила въ пользу сотрудницъ, находившихся столько лѣтъ у нея въ послушаніи и, сдѣлавъ эти распоряженія за нѣсколько лѣтъ до смерти, казалось, покойно ожидала приближавшагося исхода въ вѣчность.

Наконецъ, съ самыхъ первыхъ дней Успенскаго поста старица почувствовала себя уже очень дурно, и келлія ея затворилась для посѣтителей. О выздоровленіи болящей ежедневно возсылались горячія молитвы какъ въ монастырѣ, такъ и въ городскомъ соборѣ. Предчувствуя близость своей кончины, она призвала къ себѣ всѣхъ сотрудницъ и поручила ихъ заступленію Царицы Небесной и покровительству Угодника Божія, избрала опытнѣйшую изъ нихъ въ начальницы и слезно убѣждала ее нести съ прежнимъ усердіемъ послушаніе и труды на пользу страждущихъ. Потомъ, давъ имъ послѣднее прощаніе, она устранилась отъ всѣхъ занятій и стала готовиться къ послѣднему часу. Въ эти дни, посвященные непрестанной молитвѣ, она не принимала другой пищи, кромѣ небольшой части просфоры, размоченной въ святой богоявленской водѣ. Бывъ совершенно въ памяти и сохранивъ присутствіе духа, она съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ

на репортѣ настоятеля, тогда же по необходимости перенесенъ былъ безъ всякой огласки въ Митрофановскую часовню, что нынѣ подъ алтаремъ Вознесенской церкви.

и вѣрою сподобилась два раза пріобщиться святыхъ животворящихъ Таинъ и принять елеосвященіе.

Пріѣхавшій въ Задонскъ къ совершенію памяти святителя Тихона (13-го августа) Воронежскій викарный архіерей, преосвященный Ѳеогностъ съ настоятелемъ монастыря, архимандритомъ Серафимомъ, посѣтилъ болящую. Потомъ были допущены нѣкоторые изъ давнихъ ея почитателей. Она въ это время уже находилась въ тяжкой борьбѣ со смертью, и хотя сидѣла еще на одрѣ, но было замѣтно, что смерть быстро къ ней приближалась. Глаза стали мутны, лицо покрылось безжизненною блѣдностью, дыханіе тяжко прерывалось, посинѣлыя губы только шопотомъ произносили молитвы, и изрѣдка вырывался глубокій, болѣзненный стонъ. Медленно обративъ на пришедшихъ потухающій взоръ, она быстро взглянула потомъ на святыя иконы и съ свойственнымъ ей радушіемъ молча протянула посѣтителямъ трепещущую руку. Рука эта покрылась горячими лобзаніями, а между тѣмъ все болѣе и болѣе охладѣвала... Роковой часъ былъ уже близокъ. 17-го августа 1851 г. старицы не стало.

Вопль осиротѣлыхъ прервалъ безмолвіе келліи, и въ продолженіе 4-хъ сутокъ, пока не было еще совершено погребеніе, она была снова отперта для всѣхъ: то монашествующіе, то соборные или пріѣзжіе священники непрестанно служили панихиды, по собственному усердію или по просьбѣ другихъ. Жители города и находившіеся въ то время въ Задонскѣ пріѣзжіе, услышавъ раздавшійся протяжно нѣсколько разъ звонъ большого монастырскаго колокола и въ то же время соборнаго, шли толпами въ келлію, гдѣ находилось тѣло новопреставленной, окруженное осиротѣлыми ея сотрудницами. Во всѣ эти дни моленіе не прерывалось; убогіе были щедро угощены, и отовсюду посылались милостыни на поминовеніе почившей.

Насталъ и день погребенія (21-го августа). По совершеніи заупокойной литургіи и отпѣванія самимъ настоятелемъ соборнѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, тѣло ея погребено въ общей усыпальницѣ—такъ называемой Митрофановской часовнѣ (что нынѣ подъ алтаремъ Вознесенской церкви) съ прочими почивающими здѣсь достопамятными подвижниками обители.

3 сентября 1869 года съ разрѣшенія Св. Синода тѣло Матроны Наумовны Поповой безъ всякой огласки перенесено было изъ Задонскаго монастыря въ усыпальницу Скорбященской церкви и предано землѣ (указ. Ворон. кон. отъ 11-го іюля 1869 года № 5610). Нужно сказать, что когда по перенесеніи тѣло блаженной старицы поставлено было на мѣсто, то пошелъ сильный дождь, до сего за мѣсяцъ не бывшій въ Задонскѣ *).

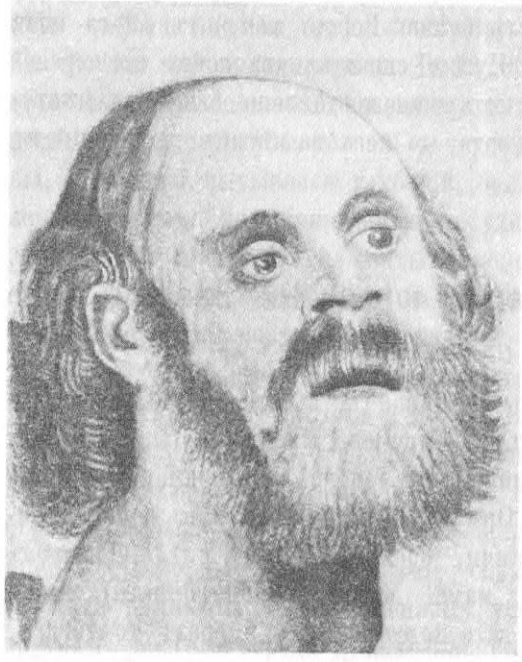
Малоярославецкій юродивый Емеліанъ.

(Память 18 августа).

Юродивый Емеліанъ Тихоновичъ, о которомъ было упомянуто въ житіи о. Антонія, игумена Малояр., былъ изъ дворовыхъ людей г. Яниковыхъ (Малояр. у., Башмаковской волости д. Степичева). Онъ съ дѣтства ходилъ въ одной длинной рубашкѣ, безъ шапки, босикомъ—зиму и лѣто. Говорилъ мало; только: «батя, мама! Мама! паники (поѣсть), мама! питики» (попить). Ходилъ по торговцамъ и бралъ то товаръ, то деньги. Полученное раздавалъ бѣднымъ или разбрасывалъ по улицѣ. Когда у кого что бралъ, у того въ тотъ день была торговля хорошая, и весь товаръ распродавался; а кому скажетъ «кака, кокурску»,—торговли не будетъ. Кому покажетъ намазанную сажею свою руку къ верху и ухнетъ, то будетъ пожаръ; а когда въ домъ принесетъ дощечку и будетъ уныло бормотать, то будетъ покойникъ. Заходилъ въ церковь и алтарь, бралъ и ставилъ свѣчи, но видимо не

*) „Странникъ“ 1879 года.

молился. Проживалъ часто на почтовой станціи и въ семействѣ Анфисы и Маріи Ивановыхъ дѣвицъ Ширинскихъ, а ночевалъ часто въ помѣщеніи полицейскихъ служителей и спалъ вмѣстѣ съ очевидцемъ Иваномъ Ивановичемъ Можайскимъ, всѣ ночи все что-то лежа шепталъ и всегда до звона уходилъ къ утрени въ соборъ или какую-либо другую церковь и въ монастырь.—Въ дѣтствѣ помѣщики Яниковы заставляли Емеліана Тихоновича настойчиво караулить гусей и другую дичь, — добивались отъ него работы и наказывали его; онъ все терпѣлъ, но не работалъ, какъ имъ хотѣлось. Одинъ разъ барыня Г. Яникова ударила его своею рукою, и тотчасъ же у нея отнялись руки и ноги, она долго лѣчилась, наконецъ, по совѣту вѣрующихъ въ молитвы Емеліана, попросила у него прощенія, и опять руки и ноги у нея стали попрежнему дѣйствовать. Онъ сказалъ Г. Яниковой: «мама, слава тебѣ Господи, мама, то-то и есть-то». Иногда онъ нѣкоторыхъ осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ. Собиралъ ружейныя пули, пробовалъ на зубы, любилъ солдатскія пуговицы такъ, что у проѣзжающаго по шоссе полковника выпросилъ съ фуражки кокарду. Во время большого



Юродивый Емеліанъ

пожара домъ Натальи Васильевны, близъ монастыря, въ которомъ пребывалъ юродивый, весь вокругъ былъ охваченъ пламенемъ, и она обошла съ молитвою пожаръ: домъ ея остался цѣлъ и невредимъ.

Дочь приходо-расходчика Боровской думы Александра Ивановна Первова объяснила, что отецъ ея говорилъ, что юродивый Емеліанъ на первый день Пасхи ежегодно ходилъ за Спасскую слободу къ тремъ могиламъ, въ которыхъ похоронены три дѣвицы, и тамъ пѣлъ и являлся тамъ огонекъ; часто ходилъ въ называемый «убогій домъ», противъ мельницы, гдѣ похоронены воины, павшіе во время нашествія Литвы, и тамъ иногда ночевалъ.—Во время большого пожара въ 1868 г., въ 4 часа дня, сперва загорѣлась Мамотинская шелковая фабрика. Юродивый Емеліанъ Тихоновичъ изъ помѣщенія полицейскихъ служителей отъ Ивана Иванова Можайскаго пошелъ прямо въ сопротиволежащую почтовую станцію, т. е. въ домъ, и понесъ какой-то образъ, затѣмъ всѣ станціонныя постройки сгорѣли, а домъ остался въ цѣлости; но юродиваго Емельяна Тихоновича никто больше нигдѣ не видѣлъ, и, гдѣ онъ находился, никому не извѣстно; послѣ пожара съ особою тщательностію искали обгорѣвшихъ человѣческихъ костей и нигдѣ не нашли, поэтому всѣ стали думать, что юродивый сгорѣлъ; а нѣкоторые передаютъ, что его послѣ пожара видѣли въ Кіево-Печерской лаврѣ, а иные въ лаврѣ преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца. У многихъ жителей г. Малоярославца имѣются фотографическія карточки юродиваго Емеліана, снятыя въ 1885 году калужскимъ фотографомъ И. Гольдбергомъ. Снимки были моментальные; такая одна карточка была подарена женщинѣ Аннѣ Ивановнѣ архимандритомъ Малоярославецкаго монастыря Гервасіемъ. — Отсюда и сдѣланъ прилагаемый снимокъ.

Раба Божія Марія—болящая.

(Память 21 августа).

Въ селѣ Стариковѣ Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи жила Марія «болящая», о которой сохраняется въ народѣ память, какъ объ истинной рабѣ Божіей и прозорливой. Въ домѣ родителей Марія вела благочестивую жизнь. 19 лѣтъ ее выдали замужъ. Чрезъ $1^1/_2$ года мужа взяли въ солдаты. Марія стала жить у своихъ родныхъ и заболѣла разслабленіемъ. Сначала даже отецъ и мать не вѣрили болѣзни. Спустя нѣкоторое время, у Маріи стало сводить на рукахъ пальцы поодиночкѣ. Палецъ покраснѣетъ, заколетъ и сведетъ. Такъ у нея свело всѣ пальцы вмѣстѣ. Прослуживъ 15 лѣтъ въ военной службѣ, мужъ возвратился на родину и взялъ Марію къ себѣ. Во время отлучки его на работы, Марія нѣсколько дней оставалась безъ присмотра и безъ куска хлѣба, потому что и роднымъ надоѣло за нею ухаживать. Это заставило Ивана,—такъ звали мужа Маріи,—построить отдѣльную хату.—На ночь онъ сталъ возвращаться съ работы, чтобы присмотрѣть за разслабленною женою,—напоить ее и накормить. Когда необходимо было, онъ носилъ Марію на рукахъ и говорилъ: «Богъ далъ, надо терпѣть». Прошло болѣе десяти лѣтъ, и добрый труженикъ, поручивъ больную жену Матери Божіей, скончался. Для Маріи настала болѣе скорбная жизнь; со смертію мужа у нея совершенно отнялись ноги и стали сильно болѣть, не давали покою ни днемъ, ни ночью; ходить и лежать она на могла, все сидѣла. Когда ее насильно положатъ, она чрезъ пять минутъ кричала отъ боли и просила поднять. — Потомъ пріучилась терпѣть, лежала на одномъ боку 2 года; а затѣмъ, могла ложиться и на другой бокъ. Прискорбность жизни увеличивалась еще и оттого, что у болящей не было при себѣ прислуги, некому было ее посадить, положить или повернуть; служили разслабленной приходящіе посторонніе люди.—Долговременная болѣзнь предочистила страдалицу для особой благодати Св. Духа — Утѣшителя скорбящихъ и болящихъ. Къ ней стали приходить и спрашивать совѣта. Болящая Марія не отказывалась сказать слово на пользу. Многіе убѣждались, что духовными очами Марія видѣла прошедшее и будущее. Кончину свою она также предузнала за 3 дня.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1893 года ее привезли въ Глинскую пустынь и напутствовали Св. Тайнами. 21 числа августа Марія переселилась въ иной міръ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, которыхъ такъ много было у нея во время шестидесятитрехлѣтней земной жизни, изъ которыхъ болѣе 40 лѣтъ она была разслабленною.

Старо-Голутвинскій схимонахъ Іоанникій.

(Память 21 августа).

Схимонахъ Іоанникій, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, родился въ селѣ Колычевѣ, Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи, 2-го февраля 1784 года, въ Срѣтеніе Господне. Родители его были крестьяне того села, Василій и Акилина. При крещеніи младенецъ названъ былъ Ипатіемъ. Еще въ дѣтствѣ потерявъ своихъ родителей, Ипатій взятъ былъ на воспитаніе дядей; а когда выросъ, вступилъ въ бракъ и имѣлъ дѣтей. По смерти жены своей онъ помышлялъ объ угожденіи Богу. Какъ-то попалъ онъ въ Харьковъ и здѣсь сдѣлался въ одномъ домѣ дворникомъ. Нанимаясь въ эту должность, Ипатій уговорился съ хозяиномъ въ томъ, чтобы въ церковь ходить ему невозбранно, когда бы ни пожелалъ; въ питейный домъ не посылать его и плату ему полагать, смотря по его трудамъ, но денегъ въ руки не давать безъ

особенной нужды. Въ свободные часы онъ обучался грамотѣ по Часослову или Псалтири.

Діаволъ, запинающій человѣка не только грѣхами, но и самыми добродѣтелями, вложилъ въ душу трудолюбца мысль о его духовномъ преуспѣяніи; потомъ началъ подущать его къ самоубійству. «Продолжая свою жизнь,—шепталъ ему исконный врагъ, прикрытый личиною добра,—ты можешь впасть въ разные пороки и умереть грѣшникомъ. Не лучше ли умереть, пока еще при тебѣ твоя праведность, теперь же»? Простецъ, зараженный самомнѣніемъ и тщеславіемъ, потерявшій страхъ смерти, непремѣнно бы наложилъ на себя руки, еслибъ не хранила его благодать Божія. Онъ избавился отъ искушенія бѣсовскаго, при изученіи псаломскаго стиха: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей.* Съ той поры созналъ свое самообольщеніе и сталъ попрежнему бояться смерти; по ревности же къ благочестію, навсегда отказался отъ скоромной пищи. По прошествіи года, ту порцію мяса, какую бы могъ онъ издержать на себя, посылалъ въ острогъ. Здѣсь же отдавалъ онъ порою и свою рубашку неимущему.

Схимонахъ Іоанникій

Въ Харьковѣ, гдѣ жилъ Ипатій Васильевъ, было много пріѣзжихъ раскольниковъ, молоканъ, татаръ и хлыстовъ. Каждый хвалилъ свою вѣру и секту; нерѣдко вдавались они въ разсужденія и споры съ православными. Ипатій Васильевъ, чуждый образованія, возымѣлъ сомнѣніе касательно православной вѣры, точно ли она истинная и православная. Чтобы рѣшить этотъ важный вопросъ, онъ положилъ себѣ въ Великую Субботу, съ вечера на Пасху простоять въ церкви неподвижно на одномъ мѣстѣ. «Если, разсуждалъ простодушно, достанетъ у меня силъ простоять такъ не только до утрени, но и до конца пасхальной обѣдни, то, значитъ, церковная вѣра истинна». Къ удивленію, онъ выдержалъ этотъ тяжкій подвигъ, простоялъ, какъ вкопанный, во все продолженіе условленнаго времени, только потомъ едва могъ сойти съ своего мѣста. Свѣча, которую онъ держалъ, вся сгорѣла и обожгла его руку. Въ непродолжительномъ времени, Васильевъ отправился въ Кіевъ съ товарищемъ Ермиломъ. Они посѣтили разныя святыя мѣста и пещеры Кіевскихъ угодниковъ, пріобщились св. Таинъ; затѣмъ направили путь свой внизъ по теченію рѣки Днѣпра, въ какомъ-то пустынномъ мѣстѣ выкопали пещеру и въ ней жили вмѣстѣ шесть мѣсяцевъ. Послѣ этого о нихъ два года не было никакой вѣсти. Наконецъ, Васильевъ, по смерти своего товарища Ермила, возвратился на родину. Увидя своего крѣпостного человѣка, отличавшагося всегда примѣрною честностью и пропадавшаго безъ вѣсти, господинъ много плакалъ отъ радости. У Васильева между тѣмъ было желаніе пойти опять въ Кіевъ. Баринъ обѣщалъ отпустить его на волю, но до этого времени посовѣтовалъ ему пожить въ Старо-Голутвиномъ монастырѣ, близъ Коломны (въ 4 хъ вер.).

Принятый въ общежительный монастырь, рабъ Божій три мѣсяца находился при какой-то постройкѣ, въ пыли и поту. Его сорочка,—имѣлъ одну только,—до того ожестѣла, что походила на кожу. Но онъ молчалъ и терпѣлъ до тѣхъ поръ,

пока рухольный (смотритель кладовой) самъ выдалъ ему монастырское бѣлье и другія вещи для келейной надобности. Онъ теперь согласился навсегда остаться въ этой пустынной обители, и, какъ благонадежный, опредѣленъ въ число монастырскаго братства, указомъ изъ консисторіи въ 1825 году, на 41 году отъ рожденія. Строитель Самуилъ, старецъ высокой жизни, представилъ его и къ монашеству, но постригалъ въ монахи, съ именемъ Іоны, строитель Назарій 13-го августа 1829 года. Блаженный Іона исправлялъ со смиреніемъ и добросовѣстностью разныя послушанія: воздѣлывалъ огородъ, разводилъ фруктовый садъ, шилъ одежду, постоянно при этихъ внѣшнихъ трудахъ держа въ памяти имя сладчайшаго Іисуса. Въ то же время онъ ходилъ неопустительно въ церковь ко всякой службѣ, не оставлялъ и келейнаго правила—чтенія псалтири съ поклонами. Денегъ вовсе не имѣлъ. Онъ изсушалъ тѣло свое сухояденіемъ: отъ сыра, яицъ и рыбы совсѣмъ отказался въ монашествѣ. Въ посты по два дня не принималъ никакой пищи, на третій вкушалъ по разу. Отдыхалъ краткимъ сномъ. Въ одинъ поздній вечеръ, Іона, сидя на стулѣ, занимался умною молитвой. Внезапно показался предъ нимъ страшный эѳіопъ съ обнаженнымъ мечемъ и сказалъ: «оставь молитву, не то я ссѣку твою голову!» Но подвижникъ тѣмъ сильнѣе воззвалъ къ Спасителю, и видѣніе исчезло.

Проживя 10 лѣтъ въ монастырѣ, Іона рѣшился быть отшельникомъ и съ благословенія своего настоятеля перешелъ въ уединенную келлію, находящуюся въ отдаленной башнѣ. Онъ разсказывалъ, что на новомъ мѣстѣ онъ видѣлъ много страхованій, которыми злые духи стараются возмутить покой инока, послѣ того какъ ничего не успѣютъ, дѣйствуя противъ него грѣховными помыслами и мечтаніями. Напр., Іона стоялъ на молитвенномъ правилѣ, а въ это время, разумѣется отъ испаренія на стеклахъ, полилась съ окна вода на полъ. Отшельникъ вздрогнулъ. Бѣсъ, замѣтя это, напустилъ при-

крачную воду, сначала до колѣнъ его, потомъ до пояса и до самой шеи. Старецъ возопилъ прилежно къ Богу, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, и привидѣніе исчезло. Въ октябрѣ 1835 года постигла его тѣлесная болѣзнь, едва не доведшая до вратъ смерти. Вскорѣ послѣ этой болѣзни онъ пожелалъ облечься въ великій ангельскій образъ, и 21-го августа 1836 года, черезъ три года своей отшельнической жизни, былъ постриженъ о. строителемъ Назаріемъ въ схиму и переименованъ Іоанникіемъ. Старецъ (отъ роду ему было тогда 53 года) допускалъ къ себѣ очень немногихъ и то нарѣдка. Съ нимъ былъ близокъ монахъ Нилъ, одинъ изъ его искреннихъ учениковъ, жившій рядомъ съ нимъ въ братскомъ корпусѣ, и велъ съ нимъ подвижническую переписку. Единственное занятіе схимника составляли молитва, чтеніе слова Божія и отеческихъ писаній. Впрочемъ, онъ не оставлялъ посѣщать и храмъ Господень, и нерѣдко приступалъ и къ тайнамъ Христовымъ. Онъ получилъ отъ Бога даръ слезъ, которыя, бывало, вдругъ потекутъ изъ очей его, на подобіе источника.

Въ концѣ 1837 года, во время келейнаго чтенія Евангелія, былъ къ нему голосъ свыше: «не можешь удержать». Въ ту пору какая-то женщина стояла за дверьми его келліи и плакала. Схимникъ, вразумленный свыше, отворилъ для нея свою келлію, бесѣдовалъ съ нею и съ того времени не возбранялъ желавшимъ приходить къ нему: скорбящихъ онъ утѣшалъ съ добротою и участіемъ; недоумѣвающимъ давалъ совѣты, отъ которыхъ имъ было легче; враждующихъ примирялъ; обиженныхъ бралъ подъ свою защиту. Многіе, тронутые его простыми словами и добрымъ примѣромъ, перемѣнили порочный образъ жизни; а нѣкоторые, понявъ суету міра, ушли въ разные монастыри. Подъ руководствомъ опытнаго наставника, монашествующіе ревновали о строгомъ подвижничествѣ. Одному монаху совѣтовалъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ прочитывать псаломъ 36-й *(Не ревнуй лукав-*

нующимъ...) и располагать свое поведеніе сообразно съ содержащимся въ немъ ученіемъ. Послушникамъ говорилъ: «вы бываете на работахъ, а для занятій собственно духовныхъ имѣете мало времени, но и тѣмъ не пользуетесь, какъ должно. Знаю, какъ вы поступаете: книгу подъ столъ, а самоваръ на столъ». Инымъ онъ помогалъ своими молитвами. Такъ, одна женщина, рождавшая мертвыхъ дѣтей, просила старца-схимника помолиться за нее. Послѣ того она, къ удивленію, родила живого младенца и на рукахъ принесла его въ обитель, чтобы схимникъ благословилъ малютку. Бѣсноватые, по молитвамъ старца, исцѣлялись чрезъ помазаніе св. елеемъ, принятое отъ его же рукъ.

Въ 1848 году свирѣпствовала въ Коломнѣ холера. Въ это время жители города во множествѣ обращались къ схимнику Іоанникію. Умудренный Богомъ, старецъ подалъ гражданамъ мысль учредить, въ умилостивленіе Бога, прогнѣваннаго нашими грѣхами, крестный ходъ изъ Голутвина монастыря въ Коломну, и днемъ всенароднаго моленія съ крестнымъ хожденіемъ избралъ четвертокъ предъ праздникомъ Пятидесятницы, или такъ называемый *семикъ,* обыкновенно проводимый народомъ въ пьянствѣ и разгулѣ. «И не въ настоящую только годину бѣдствія,—присовокупилъ благочестивый схимникъ,—но всякой годъ торжественно молитесь Богу въ этотъ день; для того испросите разрѣшеніе установить крестный ходъ на вѣчныя времена». Въ дѣлѣ по прошенію коломенскихъ гражданъ о крестномъ ходѣ допущена была медленность: но безчинныя и шумныя гульбища въ семикъ съ того же года были оставлены въ городѣ, питейные дома и трактиры въ этотъ день были закрыты, и торгъ прекращенъ. Нѣкоторые даже постились, разрѣшая себѣ одно сухоядѣніе. Крестный ходъ «въ память попущенія, по грѣхамъ нашимъ, губительной болѣзни, въ поминовеніе усопшихъ отъ нея, и въ благодареніе Богу за сохраненныхъ отъ сего бѣдствія къ продолженію жизни и рода ихъ», совершенъ былъ въ первый разъ въ 1849 году, по распоряженію въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета, и донынѣ ежегодно бываетъ въ четвертокъ, предшествующій Пятидесятницѣ,—по правиламъ начертаннымъ для сего хода самимъ митрополитомъ Филаретомъ. Приводимъ одно изъ этихъ правилъ, имѣющее общій интересъ: «Духовенство должно напомнить благовременно себѣ и прочимъ, что, дабы сіе благое начинаніе принесло благій плодъ, для сего надобно, чтобы дѣло Божіе совершаемо было съ глубокимъ и непрерывнымъ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Когда вступаешь въ крестный ходъ: помышляй, что идешь подъ предводительствомъ святыхъ, иконы которыхъ въ немъ шествуютъ, приближаясь къ Самому Господу, поколику немощи нашей возможно. Святыня земная знаменуетъ и призываетъ святыню небесную; присутствіе креста Господня и святыхъ иконъ, и кропленіе освященною водою очищаетъ воздухъ и землю отъ нашихъ грѣховныхъ нечистотъ, удаляетъ темныя силы и приближаетъ свѣтлыя. Пользуйся сею помощію для твоей вѣры и молитвы, и не дѣлай ее безполезною для тебя твоимъ нерадѣніемъ. Слыша церковное пѣніе въ крестномъ ходѣ, соединяй съ нимъ твою молитву; а если по отдаленію не слышишь, призывай въ себѣ Господа, Божію Матерь и святыхъ Его, извѣстнымъ тебѣ образомъ молитвы. Не входи въ разговоры съ сопутствующими; а начинающему разговоръ отвѣчай безмолвнымъ поклономъ или краткимъ только необходимымъ словомъ. Духовенство должно быть примѣромъ порядка и благоговѣнія, а мірскіе не должны тѣсниться между духовенствомъ и разстраивать порядокъ. Не бѣда, если отстанешь тѣломъ: не отставай отъ святыни духомъ».

За два года до кончины, старецъ Іоанникій, удрученный годами и подвигами, началъ изнемогать; въ эти послѣдніе годы употреблялъ онъ въ продолженіе недѣли не болѣе $^1/_4$ фунта хлѣба, чаще питался ржанымъ жидкимъ тѣстомъ. Не чувствуя облегченія, онъ готовился къ переходу въ блажен-

ную вѣчность и непрестанно помышлялъ о концѣ своемъ. Хотѣлось ему своими руками сдѣлать гробъ для себя; но, не имѣя силъ для этой работы, просилъ коломенскаго гражданина, именемъ Петра, преданнаго старцу, прислать ему гробъ, который и былъ привезенъ за недѣлю до его кончины. Схимникъ, напутствованный въ вѣчность таинствами св. Церкви, къ которымъ всегда онъ приступалъ со слезами, мирно почилъ 1851 г. 10 марта, на 67-мъ году отъ рожденія. Въ монашескомъ санѣ онъ служилъ Богу 22 года, въ схимѣ 15 лѣтъ. Послѣ него имѣнія никакого не осталось. Погребеніе усопшаго происходило на третій день, при многочисленномъ стеченіи жителей городскихъ и сельскихъ, скорбѣвшихъ о понесенной утратѣ. На могилѣ его, находящейся близъ алтаря соборной Богоявленской церкви, по лѣвую сторону поставленъ скромный памятникъ *).

Первоначальницы Дальне-Давыдовскаго и Кутузовскаго женскихъ монастырей—Неонилла и Агриппина и устроительница Дальне-Давыдовскаго монастыря—схим. Антонія.

(Память 21 августа).

Уединенно стоитъ Дальне-Давыдовская обитель, со всѣхъ сторонъ окруженная лѣсами, полями и лугами. Живописная окрестность, бальзамическій воздухъ, ключевая вода привлекаютъ сюда обительницъ; ни бѣдность, ни отдаленность городовъ, ни другія разныя матеріальныя лишенія,—ничто не пугаетъ воистину ищущихъ спасенія. Ихъ не отягощаютъ ни трудныя земледѣльческія работы, ни приготовленіе себѣ топлива, онѣ, какъ муравьи, трудятся безпрестанно, какъ мудрыя пчелки собираютъ медъ на пажитяхъ смиренія, трудолюбія и послушанія. Любовь ихъ къ этой мѣстности объясняется еще тѣмъ, что ничто такъ краснорѣчиво не возвѣщаетъ премудрость и величіе Бога, какъ природа, какъ эти вѣковые лѣса—свидѣтели столькихъ слезъ, страданій, трудовъ, молитвословій подвижницы Неониллы Борисовны, призванной сюда Самой Царицей Небесной, для прославленія святаго имени Ея, въ мѣстности въ то время дикой и безлюдной. Воспоминанія о многихъ чудесныхъ знаменіяхъ, бывшихъ при устроеніи обители, подкрѣпляютъ ихъ духъ, воспламеняютъ сердца къ молитвѣ и даютъ имъ силы для служенія Богу въ обители, основанной, какъ будетъ сказано ниже, на избранномъ и указанномъ Самой Царицей Небесной мѣстѣ, по предсказанію преподобнаго Серафима, съ памятью о которомъ тѣсно связанъ Дальне-Давыдовскій монастырь.

Старица Неонилла, основательница Дальне-Давыдовскаго монастыря

Преподобный Серафимъ, по сохранившимся разсказамъ, неоднократно проходилъ этой мѣстностью, когда посылаемъ былъ настоятелемъ Саровской обители Пахоміемъ по сбору

*) Февр. кн. „Душ. Чт.“, 1870 г.

въ Муромъ и другіе ближайшіе къ Сарову города и окрестности, а также когда онъ проходилъ на свою родину въ городъ Курскъ. Сохраняется еще память и о томъ, какъ онъ имѣлъ ночлегъ, или краткое отдохновеніе въ домѣ Давыдовскаго крестьянина Козьмы Григорьева Кербенева, дѣда Неониллы Борисовны, котораго Преподобный особенно любилъ за его страннолюбіе и благочестивую жизнь. Сохранилось преданіе и о томъ, что въ одно изъ своихъ путешествій, подвижникъ Саровскій шелъ вмѣстѣ съ Кербеневымъ по дорогѣ, ведущей изъ села въ Муромъ, и, дошедши до мѣста, называемаго «Кряжева сѣчь» или «Мокрое мѣсто», гдѣ нынѣ монастырь, онъ сѣлъ на дубовый пенекъ и при свидѣтеляхъ сказалъ: «на этомъ мѣстѣ будетъ женскій монастырь, мѣсто это прославится!» Слышавшіе усомнились, а нѣкоторые даже засмѣялись, изъ послѣднихъ былъ отецъ крестьянина села Давыдова Федора Григорьева Евсѣева (долго жившаго при обители).Въ другой разъ на обратномъ пути изъ Мурома о. Серафимъ шелъ не одинъ, а съ близкимъ ему духовнымъ собратомъ Антоніемъ. Они тогда были люди еще очень молодые, но проникнутые теплотою вѣры, всецѣло преданные подвигамъ иноческой жизни.

Какъ видно изъ воспоминаній о немъ, записанныхъ одною изъ его почитательницъ, въ то время онъ проживалъ въ Саровѣ и подвизался у преподобнаго Серафима въ его любимой пустынѣ. Преподобный Серафимъ и тогда уже стяжалъ духъ смиренія и провидѣлъ будущее. Шли они дремучимъ Дальне-Давыдовскимъ лѣсомъ и, дойдя до Кряжевой сѣчи, остановились. Въ это время, Божіимъ Промысломъ, проѣзжалъ крестьянскій мальчикъ, сосѣдняго села Натальина, по фамиліи Дубовъ. Онъ везъ изъ Мурома желѣзо, и у него сломалась оглобля; заѣхавши между кустарниками, онъ приискивалъ себѣ для оглобли деревцо и, замѣтивъ тамъ сидящихъ странниковъ, зашелъ за кусты и сталъ прислушиваться къ ихъ разговору. День былъ лѣтній и тихій, ничто

не мѣшало ему, и онъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на нихъ.

У преподобнаго Серафима былъ при поясѣ топорикъ, который онъ имѣлъ обыкновеніе носить. Сидѣли они на дубовыхъ пняхъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ сооружена монастырская соборная церковь въ честь иконы Божіей Матери «Утоли моя печали». Преподобный Серафимъ (въ то время еще Прохоръ), обратившись къ Антонію, сказалъ: «на этомъ самомъ мѣстѣ, отче, будетъ женскій монастырь: его основательницей будетъ дѣвица,—она будетъ людямъ на посмѣяніе, а Царицѣ Небесной на прославленіе! Здѣсь будетъ храмъ во имя Матери Божіей, въ честь Ея иконы «Утоли моя печали». Сказавъ это, отецъ Серафимъ всталъ и топорикомъ срубилъ два дубка, заострилъ одинъ изъ нихъ и, обращаясь къ спутнику, сказалъ: «а ты, отче, этотъ крестъ утверди!» О. Антоній утвердилъ поперечную часть креста. Ямку для водруженія креста тѣмъ же топорикомъ вырылъ отецъ Серафимъ; потомъ, пропѣвъ тропарь кресту: *Спаси, Господи, люди Твоя*.., водрузилъ крестъ между кустарниками и снова запѣлъ тотъ же тропарь, поклоняясь кресту. Отецъ Антоній принялъ участіе въ этой молитвѣ, и оба благочестивые путника въ третій разъ пропѣли тропарь, продолжая молиться. Объятый духовнымъ восторгомъ, о. Серафимъ сказалъ: «вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ будетъ соборный храмъ!»

Окончивъ молитву, о. Серафимъ, обратившись въ ту сторону, гдѣ стоялъ мальчикъ, совершенно не зная его, назвалъ по имени и, подозвавъ къ себѣ, сказалъ: «ты думаешь, когда это будетъ? это будетъ тогда, когда меня въ живыхъ не будетъ, а ты доживешь до того времени, когда будетъ устроена обитель, доживешь и до освященія храма въ обители!»

Предсказаніе о. Серафима исполнилось: въ 1858 году, послѣ утвержденія общины, основавшейся на этомъ мѣстѣ,

2 октября былъ освященъ первый храмъ во имя Всѣхъ Святыхъ, и на этомъ духовномъ торжествѣ привелось быть уже престарѣлому Дубову. Онъ плакалъ отъ умиленія и послѣ литургіи, обливаясь слезами, разсказывалъ первоначальницѣ общины, матери Антоніи Соколовой, и всѣмъ присутствовавшимъ о предсказаніи батюшки о. Серафима и о своемъ случайномъ присутствіи при водруженіи имъ креста. Возвратившись домой, Дубовъ вскорѣ заболѣлъ и умеръ. Разсказъ этотъ передается въ семействѣ Дубовыхъ съ особымъ благоговѣніемъ къ памяти подвижника Саровскаго. Другой крестьянинъ села Давыдова 86-лѣтній старецъ Василій Рощинъ передавалъ слышанное имъ отъ самого Козьмы Григорьева Кербенева, что и въ послѣдніе годы своей жизни преподобный Серафимъ неоднократно повторялъ, что обитель въ Давыдовѣ будетъ женская, что будутъ въ оную сперва сходиться дѣвицы изъ Владимірской губерніи, потомъ изъ мордвы, а затѣмъ будутъ стекаться въ ту обитель со всѣхъ сторонъ, что благодать тогда ключемъ польется. За два года до своей кончины преподобный Серафимъ Саровскій пришедшей къ нему странницѣ сказалъ: «зачѣмъ ты странствуешь? иди въ монастырь, тебѣ готовится новая обитель». Потомъ помолчавъ, продолжалъ: «когда я ходилъ по сбору въ Муромъ (въ 1785 г.), то на пути въ лѣсу, я видѣлъ мѣсто, избранное Божіею Матерью для монастыря, я тамъ сидѣлъ на дубовомъ пнѣ, и этотъ пень попадетъ подъ первую церковь; туда пойдешь въ монастырь и ты. Когда я былъ тамъ въ первый разъ, то удостоился, грѣшный, видѣть, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ соборный храмъ, спустилась икона Божіей Матери «Утоли моя печали». Я успѣлъ только поклониться спустившейся иконѣ и всталъ, а икона уже исчезла; я былъ тогда еще молодымъ. Мѣсто это святое; его возлюбила Царица Небесная...» Странница послушалась совѣта прозорливаго старца и поступила въ монастырь, а впослѣдствіи, когда былъ основанъ Дальне-Давыдовскій монастырь, она перешла въ него и жила тамъ до самой смерти въ 1889 году, передавая о предсказаніи преподобнаго Серафима Саровскаго. Это была старица Марѳа Артемьевна.

Вышепоименованный крестьянинъ Ѳедоръ Григорьевъ Евсѣевъ и другіе подтверждали этотъ разсказъ и разсказъ Дубова о водруженіи креста; они слышали о томъ еще въ молодости, но въ то время не придавали этому никакого значенія.

Въ 1813 году, въ селѣ Давыдовѣ, у крестьянина Бориса Ѳедорова Захарова, родилась дочь, которой дали имя Неониллы. Дѣда ея Козьмы Григорьева Кербенева не было дома, онъ за день до того пошелъ въ Саровъ къ преподобному Серафиму, который находился тогда въ пустынькѣ. Увидя Кербенева, о. Серафимъ радостно сказалъ ему: «родилась тому три дня въ Давыдовѣ дѣвочка, имя ей Нишенька; людямъ она будетъ на посмѣяніе, Царицѣ Небесной на прославленіе!» Возвратившись домой, Козьма Кербеневъ узналъ, что именно въ то самое время, на которое указывалъ преподобный Серафимъ, родилась у него внучка Неонилла. Эта Неонилла и была впослѣдствіи основательницей Дальне-Давыдовскаго общежительнаго женскаго монастыря, основаннаго ею въ 1845 году, въ честь иконы Божіей Матери «Утоли моя печали».

Съ дѣтства Неонилла была смиренна, кротка и молчалива; росла въ бѣдности и осталась послѣ смерти отца на рукахъ своей благочестивой матери Стефаниды, которую она горячо любила и слушалась. Съ ними вмѣстѣ жилъ и братъ ея Захаръ Борисовичъ, человѣкъ трезвый и трудолюбивый. Никуда кромѣ церкви Неонилла не ходила, все время она проводила дома съ матерью и братомъ, и только бывала у дѣда своего Козьмы Григорьевича Кербенева, близко знавшаго преподобнаго Серафима Саровскаго. Къ дѣду своему Неонилла имѣла полное довѣріе и всѣ свои мысли, чувства, стремленія и скорби повѣряла ему и держалась его совѣтовъ. По отношенію къ другимъ она оставалась молчаливою, а когда

встрѣчалась съ своими сверстницами, то ничего дѣльнаго не говорила и юродствовала; собирала отъ лучинъ уголь и пачкала себѣ лицо, кафтанъ носила разноклинный, а товарки надъ нею смѣялись, называя ее растрепой, дурочкой и безумной, а нѣкоторые и били ее палками. Все переносила она смиренно и сама называла себя глупой. Между тѣмъ эта дурочка, своими посильными трудами, старалась помогать въ селѣ безпомощнымъ старичкамъ и одинокимъ старушкамъ: носила имъ воду, топила печи и служила, чѣмъ могла; читать она вовсе не умѣла, но была одарена такою памятью, что всѣ праздничныя стихиры знала наизусть, пѣла ихъ безъ ошибокъ; пѣла на память и всю Псалтирь. Голосъ у нея былъ очень пріятный, пѣла охотно и съ большимъ чувствомъ. Лѣтомъ занималась полевыми работами, а зимой пряла волну и вязяла четки; замужъ выходить не желала, а когда заговаривали объ этомъ, она повторяла всѣмъ одно и то же: «мнѣ жениха не надо, у меня женихъ есть!» Бѣднымъ отдавала послѣднее, простоты была замѣчательной, за что и любима была многими. Въ церкви стояла всегда скромно, молилась усердно и со слезами. Часто и по долгу маливалась Богу по ночамъ тайно отъ всѣхъ. Однажды она видѣла сонъ, будто стоитъ на паперти своей приходской церкви, передъ ней сама собою открылась входная церковная дверь, и икона Царицы Небесной, предшествуемая ангелами, неслась по воздуху съ паперти, надъ которою устроена была колокольня, прямо въ алтарь; одновременно въ царскихъ вратахъ появилась въ сіяніи Жена, Которая и велѣла Неониллѣ взять икону и убрать ее бархатомъ, золотомъ и бисеромъ. Въ отвѣтъ Царицѣ Небесной Неонилла сказала, что она бѣдна, да и дурочка, какъ же ей это дѣло справить? Тогда Владычица велѣла сказать объ этомъ священнику и своимъ односельчанамъ. Проснувшись, она пошла къ священнику о. Іоанну, но онъ ей не повѣрилъ и не сталъ искать иконы показанной дѣвушкѣ.

На другую ночь и на третью сонъ повторился. Тогда Неонилла пошла опять къ священнику, но священникъ и тутъ не повѣрилъ и, чтобы заставить Неониллу молчать, послалъ ее на жнитво въ деревню Валтово за 12 верстъ отъ Давыдова. Тамъ ей явился во снѣ угодникъ Божій Николай Чудотворецъ съ сими словами: «Приступай къ дѣлу, тебѣ Царицею Небесною назначенному, а то будешь наказана». Послѣ того на слѣдующую ночь увидѣла она опять знаменательный сонъ. На этотъ разъ Матерь Божія уже строго сказала ей: «если ты изъ боязни не исполнишь Мое повелѣніе, то будешь наказана смертью». Проснувшись, Неонилла немедленно пошла домой въ село Давыдово и опять обратилась къ священнику, сказавъ ему о строгомъ повелѣніи Владычицы и угодника Божія Святителя Николая; сказала о томъ и матери своей благочестивой Стефанидѣ и брату своему Захару Борисову. Посовѣтовавшись между собою, они отправились къ церковному старостѣ Козьмѣ Григорьевичу Кербеневу и съ нимъ вмѣстѣ всѣ пошли въ церковный амбаръ, гдѣ хранились оставшіяся, послѣ сгорѣвшей отъ молніи деревянной церкви, три иконы: Спаса Нерукотвореннаго, Рождества Христова и старая доска, на которой виднѣлся ликъ Богоматери. Но тамъ они нашли только двѣ первыя иконы, а послѣдней не оказалось, ее отыскали уже на колокольнѣ. Какъ и кѣмъ она была туда занесена,—неизвѣстно. Неонилла съ благоговѣніемъ взяла эту икону къ себѣ, обмыла и въ тотъ же день отправилась съ нею въ село Фетинино, гдѣ поручила поновить икону живописцу, жившему въ этомъ селѣ и извѣстному своимъ благочестіемъ и трезвою жизнію. Двѣнадцать дней постилась и молилась Неонилла; по ея просьбѣ постился и молился и живописецъ. Чрезъ 12 дней на этой иконѣ сама собою появилась рука Владычицы, прижатая къ Лику. Живопись была темная, и обозначившаяся рука какъ бы служила указаніемъ, что тутъ была написана икона Божіей Матери: «Утоли моя печали».

Когда живописецъ окончилъ свою работу, Неонилла возвратилась въ Давыдово и въ первый воскресный день пошла къ обѣднѣ въ свою сельскую церковь. Она молилась тамъ со слезами, и во время херувимской пѣсни удостоилась слышать гласъ отъ явившейся предъ ея взорами Матери Божіей. Божія Матерь стояла въ царскихъ вратахъ, а угодникъ Божій Николай Чудотворецъ въ сѣверныхъ. Неонилла упала, не вынесши ослѣпившаго ее свѣта, и услышала гласъ Владычицы: «Неонилла! укрась Мой образъ «Утоли моя печали» и тогда ты будешь разумна, и я Сама тебѣ помогу». Святитель же Николай строго сказалъ ей: «Неонилла! скажи всѣмъ, чтобы здѣсь поминали усопшихъ и молились бы за нихъ». Стоявшіе близъ нея замѣтили перемѣну въ ея лицѣ; она поблѣднѣла и впала какъ бы въ забытье, однако вскорѣ оправилась, встала и начала опять со слезами молиться. По окончаніи божественной литургіи, церковный староста подошелъ къ ней и спросилъ, отчего она упала и съ кѣмъ говорила? Дѣвица разсказала о видѣніи какъ ему, такъ и брату своему Захару, и усердно просила ихъ чѣмъ-нибудь ей помочь. Захаръ съ благоговѣніемъ выслушалъ сестру и, поговоривъ съ Кербеневымъ, обѣщалъ ей свою помощь. Съ того времени Неонилла перестала юродствовать, а ея односельчане перестали звать ее дурочкой. Съ той поры многіе, по внушенію свыше, стали приносить ей деньги и холстъ, оставляя на ея окнѣ. Неонилла отъ однихъ принимала, а другимъ отказывала. Въ то же время, къ проживавшему въ Муромѣ старцу Антонію пришла одна богатая, благочестивая женщина, изъ села Карачарова съ вопросомъ: гдѣ находится село Дальне-Давыдово? онъ указалъ ей путь. Пріѣхавъ въ село, она спросила дѣвицу Неониллу Борисовну и, входя къ ней, сказала: «Неонилла! я тебѣ принесла свой жемчугъ, по повелѣнію Матери Божіей» и, отдавъ драгоцѣнности, продолжала: «принесу тебѣ и бархатъ»,—что по возвращеніи въ Муромъ и исполнила. Была заказана богатая вышитая риза въ Озябликовскомъ погостѣ, гдѣ въ то время проживали хорошія мастерицы; уплачено было и живописцу. Когда икона была совершенно украшена и стали поднимать ее для несенія въ Дальне-Давыдово, то всѣ присутствовавшіе услышали колокольный звонъ, тогда какъ на колокольнѣ никого не было. Это чудесное знаменіе послужило поводомъ къ тому, что въ Озябликовскомъ погостѣ отслужили молебенъ и съ крестнымъ ходомъ понесли святую икону до села Новоселокъ, отъ Новоселокъ до Ганина и отъ Ганина до Давыдова. Неонилла просила Давыдовскаго священника принять икону съ подобающею честію, и онъ встрѣтилъ ее съ образами за лѣсомъ графа Шереметьева въ $2^1/_2$ верстахъ отъ села Дальне-Давыдова. Когда несли св. икону чрезъ село Новоселки, то народъ стекался во множествѣ со всѣхъ сторонъ, и всѣ спѣшили поклониться святынѣ, а когда принесли икону въ сельскую Давыдовскую церковь, то семь человѣкъ больныхъ получили исцѣленіе, изъ которыхъ одна дѣвица была семь лѣтъ недвижима ногами, а, приложившись къ св. иконѣ, встала и пошла. Въ томъ же году лѣтомъ, когда отъ сильной засухи земля растрескалась, и народъ опасался голода, то по просьбѣ Неониллы икону обносили вокругъ всѣхъ полей Давыдовскихъ и служили молебны, во время которыхъ Неонилла молилась со слезами, и къ общей радости въ тотъ же день вечеромъ разразилась сильнѣйшая гроза, полилъ дождь, и всѣ поля освѣжились, хлѣбъ поправился, червь исчезъ. Послѣ этого уже со всѣхъ окрестныхъ селъ и деревень сталъ стекаться народъ въ село Давыдово, для молитвы у св. иконы Владычицы міра. Стали приходить и къ самой Неониллѣ Борисовнѣ просить ея св. молитвъ, такъ какъ съ того времени Господь одарилъ ее и прозорливостью. Стеченіе народа вызвало необходимость отдѣлиться ей отъ матери. Крестьянинъ Никаноръ Емельяновъ выстроилъ ей особый домикъ въ $^1/_4$ версты отъ церкви. Въ то же время присоединилась къ ней на жительство изъ со-

сѣдней деревни Якунихи, дочь бѣдныхъ родителей, дѣвица Агриппина Петрова, и изъ села Давыдова дѣвица Дарья Зайцева. Агриппина и Дарья занимались сборомъ подаяній въ пользу храма, преимущественно холстомъ, который староста церковный продавалъ и на вырученныя деньги покупалъ свѣчи, ладонъ, церковное вино и деревянное масло для неугасимой лампады у иконы Матери Божіей «Утоли моя печали». Неонилла время свое проводила въ непрестанной молитвѣ, а мать ея оставалась въ своей крестьянской усадьбѣ, гдѣ жила съ своимъ семействомъ. Со времени перваго чуднаго сновидѣнія, Неонилла перестала юродствовать и стала жить на пользу и утѣшеніе всѣмъ къ ней обращающимся: она казалась счастливой и довольной; на прожитіе добывали Агриппина и Дарья, которымъ она ради смиренія всецѣло подчиняла себя, но не обошлось и безъ скорбей. Священникъ о. Іоаннъ сталъ преслѣдовать Неониллу, отгонялъ народъ отъ ея домика, неоднократно жаловался становому приставу, который, вѣря священнику, взялъ ее съ братомъ Захаромъ подъ арестъ и отправилъ въ острогъ; Агриппина же Петрова и Дарья Зайцева остались дома.

Дѣвица Агриппина

Но когда людской судъ обрекъ дѣвицу и помогавшаго ей брата на заключеніе въ тюрьму, явилась на помощь Сама Божія Матерь. Въ сонномъ видѣніи явилась Она женѣ станового пристава и сказала: «зачѣмъ засадилъ твой мужъ невинную дѣвицу и брата ея въ острогъ»? Проснувшись, женщина разсказала о томъ своему мужу, и онъ пораженный сномъ жены, тотчасъ же безъ замедленія приказалъ выпустить узниковъ на свободу, и въ его собственномъ экипажѣ возвратить ихъ въ село Дальне-Давыдово, съ предписаніемъ въ волостное правленіе—ничѣмъ не оскорблять Неониллу и допускать къ ней всѣхъ приходящихъ. Это очень обрадовало крестьянъ, и разсказъ этотъ сталъ переходить изъ устъ въ уста. Одновременно явилась Пресвятая Дѣва и приходскому священнику о. Іоанну сказавъ: «за что ты гонишь Неониллу?!» Вскорѣ послѣ того онъ сильно заболѣлъ и предъ кончиною своею послалъ за Неониллою, просилъ у нея прощенія и, какъ только получилъ его, вскорѣ умеръ. Неонилла молилась три дня и три ночи у его гроба; на третьи сутки онъ явился ей во снѣ и благодарилъ ее, говоря: «твоими святыми молитвами я получилъ облегченіе; я буду въ хорошемъ мѣстѣ». Однажды на Покровъ, когда ея сожительницы всѣ пошли къ поздней обѣднѣ, Неонилла, по нездоровью своему, оставалась одна дома, но такъ какъ этотъ день былъ праздничный, то она, затворившись, стала на молитву. Во время молитвы она сподобилась такого видѣнія: вдругъ отворилась передъ нею запертая дверь, и дивный свѣтъ освѣтилъ ее; затѣмъ точно на воздухѣ вошла Матерь Божія со святыми апостолами Петромъ и Павломъ, имъ предшествовали ангелы и пѣли: «Кто Тебе не ублажитъ, Пресвятая Дѣво...».

Усердная молитвенница Неонилла тяготилась постоянною молвою; душа ея стремилась къ уединенію, и она стала часто уходить въ лѣсъ на Кряжеву сѣчь и тамъ молилась. Когда скончалась ея мать, въ это время Неонилла ходила въ Саровскую пустынь. Саровъ находится отъ Давыдова въ ста пяти верстахъ. Неонилла Борисовна тамъ приняла тайное постриженіе и наречена была Надеждою. Это было въ 1835-мъ году, черезъ два года послѣ кончины преподобнаго Серафима. Нѣкоторые съ большею вѣроятностью утверждаютъ, что постриженіе она приняла отъ старца Саровскаго Иларіо-

на, перешедшаго въ Саровъ изъ Валаама, вмѣстѣ съ игуменомъ Назаріемъ въ 1818-мъ году. Носила Неонилла всегда черное платье въ родѣ халатика, на головѣ бѣлый или черный платокъ, подъ нимъ черную шапочку, при себѣ имѣла всегда и черныя гарусныя четки. Неоднократно приходилось ей видѣть около оврага, гдѣ ключи, на землѣ какое-то небольшое пламя въ видѣ горящей свѣчи, которое видѣли многіе, а чаще всѣхъ дѣти, ходившіе въ лѣсъ за грибами и ягодами, почему это мѣсто старались обходить. Однажды Неонилла пришла къ своему дѣду Ѳеодору со словами: «пойдемъ, дѣдушка, на ключи, тамъ свѣча горитъ»! Онъ исполнилъ ея просьбу и придя самъ видѣлъ это пламя. По просьбѣ Неониллы тогда же тутъ былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго она сказала: «здѣсь на этомъ мѣстѣ будетъ монастырь въ честь иконы Божіей Матери «Утоли моя печали», но мнѣ не придется въ немъ умереть, мнѣ придется выѣхать изъ него, для основанія другой обители. Такъ повелѣваетъ мнѣ Владычица; я не свое передаю тебѣ, дѣдушка, а передаю волю Пречистой»... Свѣча продолжала горѣть, всѣ находившіеся тутъ молились съ благоговѣніемъ и страхомъ; это было послѣднее чудесное знаменіе благодати Божіей надъ праведной труженицей передъ повелѣніемъ ей свыше, какъ она говорила, въ сонномъ видѣніи оставить свой сельскій домикъ и безотлагательно поселиться на жительство близъ сказаннаго оврага, на ту самую часть его, гдѣ были ключи и являлось горящее пламя. Неонилла переселилась на Кряжеву сѣчь, для чего домикъ ея былъ перенесенъ на ключи. Съ того времени началось строгое пустынное жительство Неониллы и жившихъ съ нею сестеръ, которыхъ въ то время собралось до десяти человѣкъ; это было въ 1845 году, на 33 году ея жизни. Мысль объ основаніи обители встрѣчена была мѣстными и окрестными жителями сочувственно, и дѣло начатое труженицею мало-по-малу развивалось, и доставалось ей все потребное; собранныя ею по духу сестры съ

благоговѣніемъ и послушаніемъ относились къ своей любвеобильной наставницѣ и какъ бы рука объ руку помогали ей во всѣхъ ея благихъ начинаніяхъ. Въ первое время ихъ пребыванія жизнь ихъ была суровая, труда было очень много. Неонилла, какъ разсказываютъ сестры съ нею жившіи, твердо уповала на помощь Самой Владычицы Пресвятой Богородицы, явившейся ей на молитвѣ со словами: «Неонилла! устрой монастырь во имя Мое, обѣщаю тебѣ Свою помощь; Я Сама буду управлять этимъ дѣломъ»! Ободренная обѣщаніемъ Владычицы, она всѣ трудности переносила благодушно. Кряжева сѣчь въ то время принадлежала помѣщицѣ Суровцевой и надворной совѣтницѣ Лазаревой; первая дозволила Неониллѣ перенести изъ села свой домикъ на принадлежащій ей участокъ земли, дозволила и крестьянской дѣвицѣ, деревни Якунихи, Агриппинѣ Петровнѣ построить себѣ келлію; тутъ же выстроился и третій домикъ. Неонилла всѣ ночи проводила въ молитвѣ на колѣняхъ предъ иконой Матери Божіей «Утоли моя печали»; это была точная копія съ чудотворной иконы, писанная тѣмъ же живописцемъ, который поновлялъ первую, донынѣ находящуюся въ сельскомъ Давыдовскомъ храмѣ. Часто она уходила въ лѣсъ и тамъ молилась и плакала; и этотъ плачъ смѣнялся пѣснопѣніемъ, чтеніемъ акаѳистовъ и Псалтири.

Съ 1845 года до 1849 года Неониллѣ жилось тихо, мирно, спокойно; жила она со своими сотрудницами на Кряжевой сѣчи, а въ церковь ходили на село; питались онѣ милостынею. Имя Неониллы Борисовны было извѣстно во всей окрестности. Средствъ не только на сооруженіе обители, но и на покупку земли подъ оную не было; но отшельницы не теряли надежды ихъ получить, и эта надежда оправдалась чрезъ неожиданное появленіе странницы, пришедшей изъ Сибири въ Давыдово на поклоненіе иконѣ «Утоли моя печали». Странница эта была изъ дворянъ Иркутской губ.; жила всегда въ г. Иркутскѣ; звали ее Дарьей Артамоновной. Оста-

новилась она въ домѣ Ивана Димитріевича Кербенева, принимавшаго странниковъ. Преданіе о ней говоритъ, что она была жена Иркутскаго казначея и имѣла свой капиталъ. Мужъ ея, проигравъ въ карты часть казенныхъ денегъ, надѣялся получить ихъ изъ капитала своей жены, но такъ какъ они жили недружно, то она, узнавъ объ этомъ, отказала ему и, взявъ весь свой капиталъ, бѣжала отъ него въ Россію и по Оренбургской дорогѣ добралась до Давыдова. Помолившись въ храмѣ, она пришла и къ Неониллѣ; пробыла у нея нѣсколько дней и стала собираться въ обратный путь. Взявъ свою котомку, она отправилась по дорогѣ въ Муромъ. Цѣлый день до поздней ночи плутала она по лѣсамъ Давыдовскимъ, тогда еще дремучимъ; думая, что ушла уже очень далеко, она между тѣмъ ночью очутилась опять въ Давыдовѣ.

Прошло двѣ недѣли; Дарья Артамоновна сильно заболѣла и, чувствуя приближеніе смерти, пожелала напутствованія и принятія св. Христовыхъ Таинъ; передъ этимъ она приказала вынуть изъ своей котомки подушку, въ которой хранились приготовленное ею на смерть платье и капиталъ ей принадлежащій. Все это она передала Неониллѣ въ полное ея распоряженіе, ровно и тотъ широкій кожаный поясъ, въ которомъ она носила золотые полуимперіалы и который по ея волѣ, послѣ ея смерти и сняла съ ея окоченѣвшаго тѣла Агриппина Петровна. Еще нашла икону въ жестяномъ кіотѣ, подъ которой хранились кредитные билеты и 12 золотыхъ имперіаловъ. Эти золотые имперіалы она приказала употребить на ея похороны. Похороны были богатые, и доселѣ ихъ помнятъ въ Давыдовѣ. Погребена она близъ сельской церкви, гдѣ и нынѣ указываютъ старожилы на ея могилу, рядомъ съ могилой сестры Неониллы Борисовны, Прасковьи Борисовны Захаровой. Такимъ образомъ изъ далекой Сибири явилась въ село Давыдово личность, невидимо призванная на помощь Неониллѣ, которая, получивъ нужныя для основанія обители средства, безъ замедленія приступила къ исполненію воли Владычицы. Первымъ дѣломъ Неониллы Борисовны было найти человѣка умнаго, вѣрнаго для покупки на его имя земли для передачи ея послѣ общинѣ, которому такъ же можно было бы поручить постройки необходимыя для устройства обители. Выборъ ея палъ на Валеріана Владиміровича Аристова, жившаго въ своемъ небольшомъ имѣніи въ селѣ Кирюшинѣ съ двумя родными сестрами дѣвицами, отказавшимися, какъ и онъ самъ, отъ жизни семейной. Это было въ началѣ 1850 года; Валеріанъ Владиміровичъ пріобрѣлъ покупкою какъ всю Кряжеву сѣчь, такъ и многія близъ лежащія земли. Изъ актовъ извѣстно, что до спеціальнаго размежеванія земель села Давыдова, въ числѣ владѣльцевъ общей дачи находились коллежская регистраторша Суровцева и надворная совѣтница Лазарева. Въ 1850 году Аристовъ пріобрѣлъ ихъ участки: отъ первой 123½ десятины, и въ 1851 году отъ второй 185½ десятинъ, всего 309 десятинъ, луговъ 28 и лѣсу 202 десятины. Въ 1851 году 14 февраля прибылъ на Нижегородскую епархію преосвященный Іеремія. Аристовъ обратился къ нему за совѣтомъ и благословеніемъ и представилъ ему того же года 24 марта всѣ крѣпостные акты въ подлинникѣ, обѣщая на всѣ 309 десятинъ выдать дарственную запись на имя женской общины въ честь иконы «Утоли моя печали», которую онъ имѣетъ намѣреніе основать при селѣ Давыдовѣ, о чемъ и просилъ Его Преосвященство ходатайствовать предъ Св. Синодомъ, обязуясь принять на себя первоначальную постройку деревянной церкви, келлій и ограды, и также содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, сооруженію въ той общинѣ каменнаго храма. Преосвященнѣйшій Іеремія принялъ ходатайство Аристова благосклонно и, съ свойственною ему ревностью, далъ этому дѣлу надлежащій ходъ, 7 іюня 1851 года.

Преосвященный ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ объ открытіи женской общины и укрѣпленіи за оной жертвуемой

земли. Самъ же своимъ святительскимъ благословеніемъ разрѣшилъ Аристову приступить безотлагательно къ производству необходимыхъ построекъ. Аристовъ, заручившись архипастырскимъ сочувствіемъ къ намѣренію Неониллы, поспѣшилъ приступить къ работамъ. Но тутъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, врагъ мира и любви посѣялъ между Аристовымъ и Неониллой Борисовной недоразумѣніе относительно выбора мѣста для устройства обители. Но вскорѣ это недоразумѣніе прекратилось, благодаря имени преподобнаго Серафима Саровскаго. Было слѣдующее обстоятельство: дѣвица изъ дворянъ Матрена Васильевна Загарина, земля которой была смежна съ названнымъ «Мокрымъ мѣстомъ» или «Кряжева сѣчь», лѣтъ сорокъ жившая тутъ въ своемъ маленькомъ домикѣ (впослѣдствіи купленномъ графомъ Шереметьевымъ), была огорчена до глубины души разногласіемъ между строителемъ и основательницей общины. Она съ молодыхъ лѣтъ хорошо знала преподобнаго Серафима, бывала у него въ Саровѣ, руководилась его совѣтами, а послѣ его кончины всегда усердно его поминала и во всѣхъ своихъ затрудненіяхъ просила его помощи. Такъ поступила она и теперь. Однажды вечеромъ передъ сномъ помолившись Богу, она просила преподобнаго Серафима указать, гдѣ онъ благословитъ устроить обитель. Уснувши, она видитъ преподобнаго Серафима молящагося на колѣняхъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь построенъ соборный монастырскій храмъ, въ честь иконы Божіей Матери «Утоли моя печали». Она подошла къ нему со слезами и спросила, гдѣ онъ благословитъ соорудить обитель? Старецъ отвѣчалъ: «матушка, не безпокойся! здѣсь, здѣсь, здѣсь, повторилъ онъ трижды, на этомъ мѣстѣ благословилъ Богъ быть обители». Тотчасъ она проснулась вся въ слезахъ, и поблагодарила Бога и преподобнаго Серафима. Призвавъ къ себѣ всѣхъ живущихъ съ нею въ домѣ, она объявила имъ о бывшемъ ей сновидѣніи. Валеріанъ Владиміровичъ Аристовъ не далъ вѣры этому

сновидѣнію и не внялъ просьбамъ Загариной. Неонилла плакала и молилась. Валеріанъ Владиміровичъ уже окончательно избралъ мѣстомъ для обители урочище «Романовку» въ лѣсу, отстоящемъ отъ Кряжевой сѣчи въ двухъ верстахъ, какъ болѣе удобное и болѣе отдаленное отъ села, а главное болѣе возвышенное. Онъ уже началъ возить строительные матеріалы, выстроилъ сперва маленькую деревянную часовню, затѣмъ сталъ ставить амбаръ и погребъ. Неонилла уже болѣе не спорила, но своихъ убѣжденій не оставляла и налагала на себя и своихъ сестеръ постъ и молитву. Двѣнадцать дней продолжалась эта искренняя молитва, слезы ручьями лились изъ очей Неониллы. Она взывала къ Матери Божіей открыть Аристову Свою волю и указать мѣсто, избранное для основанія обители. И вотъ въ двѣнадцатую ночь надъ Кряжевой сѣчью спустился съ неба свѣтъ, и стало тамъ такъ свѣтло, что на селѣ можно было читать. Свѣтъ этотъ былъ видѣнъ издалека, такъ какъ ночь была темная осенняя. Въ это время поставленный Аристовымъ амбаръ разрушился, сталъ рушиться и погребъ, а погребная яма мгновенно залилась водой. Тогда Аристовъ понялъ, что это наказаніе свыше. На слѣдующій день онъ пошелъ съ сестрами на Кряжеву сѣчь; день былъ ясный, теплый, а то мѣсто, гдѣ нынѣ монастырь, было покрыто росой! Послѣ долгой общей молитвы, кругомъ стало сыро, а то мѣсто, назначенное для храма, стало совсѣмъ сухое. Тогда не только Аристовъ, но всѣ тутъ бывшія сестры изумились и опять начали молиться. Неонилла Борисовна въ молитвѣ призывала велухъ преподобнаго Серафима, просила его помощи и потомъ всѣ вмѣстѣ начали пѣть тропарь: «Утоли болѣзни многовоздыхающія души моея, утолившая всякую слезу отъ лица земли». Тутъ Неонилла обрѣла между кустами тотъ самый крестъ, который, въ присутствіи мальчика Дубова, преподобный Серафимъ водрузилъ въ 1785 году. Неонилла тогда сказала Аристову: «вотъ здѣсь, умна голова, какъ она

называла его обыкновенно, будетъ соборъ во имя Матери Божіей «Утоли моя печали».

Этотъ крестъ оставался тутъ долгіе годы и былъ прикрѣпленъ къ длинному шесту, а впослѣдствіи по распоряженію Начальства водруженъ на мѣстѣ закладки соборнаго монастырскаго храма. Такимъ образомъ сбылись въ 1862 году слова преп. Серафима, сказанныя имъ старицѣ Маріѣ Артемьевнѣ за два года до его смерти, т. е. въ 1831 году. Этого креста не снимали съ постройки до водруженія пяти металлическихъ крестовъ, а потомъ, какъ передавала старица Марѳа Артемьевна, по распоряженію первоначальницы общины, онъ былъ положенъ подъ престоломъ придѣльнаго храма, который, именно въ память этого событія, и былъ освященъ въ честь Воздвиженія Креста Господня въ 1872 году. Прошло много времени, а въ Саровской пустынѣ до сихъ поръ сохранилась память о томъ, какъ преподобный Серафимъ много заботился объ устройствѣ тамъ женскаго монастыря, и какъ склонялъ къ тому часто къ нему приходившую Неониллу Борисовну. Въ Саровѣ сохранилось преданіе, что Преподобный особенно любилъ эту мѣстность и бывалъ тамъ неоднократно. Послѣ обрѣтенія креста Валеріанъ Владиміровичъ болѣе спорить не сталъ; всѣ строительные матеріалы и развалившіяся строенія были перевезены изъ Романовки на Кряжеву сѣчь, была перевезена также и выстроенная тамъ деревянная часовня. Понятно, что послѣ всего вышеописаннаго, народъ во множествѣ сталъ стекаться къ Неониллѣ Борисовнѣ. Сестры съ нею жившія и раздѣлявшія ея труды разсказывали, что молитва ея имѣла такую силу, что все, о чемъ она просила, исполнялось. Крестьяне окрестныхъ селеній снабжали ея маленькое общежитіе всѣми нужными для жизни продуктами, приводили ей коровъ и лошадей, когда она въ нихъ нуждалась. Она уповала на милосердіе Владычицы, и по вѣрѣ ея давалось ей. Однажды нуждались сестры въ дойной коровѣ, а денегъ не имѣли, чтобы купить таковую и пришли къ Неониллѣ со своею скорбью. Она ихъ успокоила и стала вслухъ молиться: «Матерь Божія! дай намъ коровушку, молочка хочется, нечѣмъ и странниковъ кормить»!.. и что же? на другой день утромъ мужичекъ привелъ ей въ даръ коровушку съ теленкомъ. Такихъ случаевъ бывало много, о которыхъ съ благоговѣніемъ разсказывали всѣ знавшія и жившія съ ней; народъ шелъ къ ней со всѣхъ сторонъ, толпился у ея келліи и въ будни, и въ праздники; къ словамъ ея имѣли большую вѣру; по ея молитвамъ иногда бывали исцѣленія отъ болѣзней. Таковое совершилось и надъ крестьянкой села Давыдова 80 лѣтней старицей Варварой Ѳеодоровной Кербеневой, которая разсказывала о томъ со слезами умиленія.

Самъ Богъ прославлялъ вѣрную рабу Свою! Такъ однажды, въ лѣтнее время, ночною порой, пасли крестьяне своихъ лошадей; было уже далеко за полночь, какъ вдругъ надъ молельной старицы образовался огненный столбъ, восходящій къ небу. Изумленные крестьяне подошли ближе, до слуха ихъ доносилось пѣніе; они стали вслушиваться и узнали голосъ Неониллы, взывающій о помощи Владычицѣ. Ночное правило уже было окончено, сестры разошлись по келліямъ, всѣ отдыхали, одна Неонилла бодрствовала и молилась.

Неонилла Борисовна Захарова, въ инокиняхъ Надежда, была великая подвижница. Часто бывали ей страхованія отъ врага видимо къ ней приступавшаго и наносившаго ей скорби, но она мужественно переносила всѣ его козни, отражала его, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и продолжала молиться безбоязненно. Отдыхъ позволяла она себѣ самый краткій; случалось, что она засыпала иногда молясь на колѣняхъ, и когда проснется, то вскочитъ и начнетъ себя укорять лѣнивой и нерадивой, заплачетъ и опять примется за молитву. Такъ проводила труженица ночи, а днемъ искала себѣ труда другого: пойдетъ въ лѣсъ очищать сухія сучья, готовить ихъ на топливо. Своими руками вырыла она колодезь, донынѣ

существующій и никогда не изсыхающій. Монахиня Валентина, прежде Вѣра Петровна, съ малолѣтства поступившая съ своей матерью на жительство въ монастырь къ Неониллѣ Борисовнѣ, разсказывала, что за водой онѣ ходили на село, о чемъ старица сильно скорбѣла,—другого колодца вблизи не было. Однажды она подозвала къ себѣ свою Вѣриньку, которой въ то время было шесть лѣтъ, и сказала: «а, Вѣруня, у насъ воды нѣтъ, надо расчистить ключи, надо устроить колодезь, пойдемъ по оврагу, разыщемъ ихъ, ихъ тамъ много». Пошли онѣ туда, переходя отъ одного ключа къ другому, наконецъ былъ найденъ тотъ самый ключъ, надъ которымъ она съ юныхъ лѣтъ видѣла горящія свѣчи; съ молитвою и пѣніемъ стала она своимъ топорикомъ отсѣкать сплетшуюся съ древесными корнями траву, вырыла сама ямку и, къ великой общей радости, на глубинѣ аршина открылся обильный ключъ, потекла быстрая, студеная вода. Возблагодаривши Бога за великую Его милость, приступила она къ устройству колодезя. Излишняя вода стекала въ оврагъ; тогда, съ помощію спасающихся тутъ сестеръ, Неонилла Борисовна сама его очистила, вырыла его поглубже и вскорѣ онъ наполнился водой. Прудъ этотъ проточный, какъ и колодезь, существуетъ донынѣ. Вскорѣ послѣ того озаботилась наша труженица устройствомъ и другого колодезя, внутри обители, предсказавъ, что одного будетъ современемъ для обители недостаточно. Призвала землекоповъ и, указавъ имъ мѣсто, гдѣ копать, сказала: «а здѣсь вода откроется на глубинѣ сажени», что и сбылось. Начало трудовъ было положено ею, вмѣстѣ съ землекопами она стала копать землю, все время призывая на помощь Владычицу нашу Пресвятую Богородицу. Этотъ колодезь изобилуетъ водою и донынѣ снабжаетъ ею весь монастырь. Въ обоихъ колодезяхъ вода особенно легка, вкусна и холодна. Вышепомянутая монахиня Валентина была свидѣтельницей въ дѣтствѣ своемъ всѣхъ подвиговъ Неониллы; она разсказывала, что однажды пошла она съ нею

въ лѣсъ, старица легла на полянѣ вблизи ихъ убогаго жилища, а свою возлюбленную Вѣруню посадила возлѣ себя. Устремивъ глаза свои къ небу, Неонилла молилась молча, затѣмъ вдругъ быстро встала и съ воздѣтыми руками бросилась на колѣни, слезы текли изъ ея глазъ, и она громко воскликнула: «а, Вѣруня, Вѣруня! что я вижу!—Матерь Божія, Владычица Пресвятая, это Тебя я вижу! Ты Сама Владычица міра, покрываешь насъ здѣсь живущихъ Своимъ святымъ омофоромъ! Матерь Божія! Ты къ намъ грѣшнымъ пришла со святыми апостолами, мучениками и всѣми святыми!» Праведница умолкла,—видѣніе окончилось, и она упала на землю и долго такъ лежала; Вѣруня въ изумленіи смотрѣла на нее; безмолвіе длилось съ полчаса, затѣмъ Неонилла пошла въ свою келлію; входя въ нее, она обратилась къ живущей съ ней Агриппинѣ Петровнѣ, сказавъ: «ахъ, Груня, что я удостоилась видѣть! Надъ нами грѣшными Матерь Божія Сама держала Свой святый омофоръ и покрывала насъ имъ; Она Сама къ намъ приходила на воздусѣхъ со всѣми святыми апостолами, мучениками и всѣми святыми!» Тутъ она залилась слезами; «а что было послѣ, и, говорила м. Валентина, не помню, я ушла къ своей маменькѣ въ келлію, а онѣ остались». Вотъ какъ жила и чего удостоивалась основательница обители Дальне-Давыдовской; эта дурочка, за которою въ дѣтствѣ со смѣхомъ и укоризнами бѣгали ребятишки со всего села.

Дни проходили за днями—подвижница молилась, Агриппина путемъ сбора продуктовъ и денегъ за чтеніе Псалтири по усопшимъ пріобрѣтала все необходимое для пропитанія; прочія сестры молились и трудились, а Валеріанъ Владиміровичъ Аристовъ заботился о благоустройствѣ внѣшнемъ. На деньги странницы Дарьи Артамоновой производились постройки: онъ обнесъ ихъ деревяннымъ заборомъ, выстроилъ двухъэтажный деревянный корпусъ, въ которомъ устроилъ моленную, выстроилъ кирпичный сарай и гумно съ овиномъ.

Сестрами разведенъ былъ ягодный садъ; понемногу собиралась и ризница церковная. Предсказаніе, бывшее въ 1831 г. старицѣ Маріѣ Артемьевнѣ, было повторено и въ 1848 г. незабвеннымъ іеромонахомъ Парѳеніемъ Кіевскимъ, у котораго была Неонилла Борисовна вмѣстѣ съ Натальей Андреевной Загребиной, проживавшей въ сосѣдней селу Давыдову деревнѣ Новой. Она передаетъ, что іеромонахъ Парѳеній сказалъ при ней, вручая Неониллѣ Борисовнѣ икону Успенія Богородицы и благословляя ее на предстоящій великій подвигъ: «велика у васъ слава будетъ, вторая будетъ лавра». Съ вѣрой приняла эти слова Неонилла Борисовна и всегда помнила ихъ.

83-лѣтній старецъ Антоній Муромскій, кончившій свою жизнь въ г. Ардатовѣ 29 іюня 1861 года, съ 1854 года имѣлъ большую заботу объ этой обители, и много помогалъ ей совѣтами и молитвами; заботился о ней также и Филиппушка, въ монашествѣ Филаретъ, извѣстный основатель Геѳсиманскихъ пещеръ близъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры подъ Москвою; онъ любилъ и уважалъ старицу, помогалъ ей и словомъ, и дѣломъ. По словамъ его сына іеромонаха Галактіона, начальника скитской киновіи, Неонилла Борисовна бывала у него еще чаще въ то время, когда Филаретъ жилъ въ Лаврѣ подъ покровительствомъ отца намѣстника Антонія. Черезъ его посредство въ 1854 году она познакомилась въ Москвѣ съ извѣстной по своему благочестію фрейлиной баронессой Аглаидой Григорьевной Розенъ, въ тайномъ монашествѣ Алексіей. Эта опытная и вліятельная особа, глубокоуважаемая митрополитомъ Филаретомъ, просила его подвинуть дѣло объ утвержденіи Дальне-Давыдовской общины, начатое еще въ 1851 году. Въ 1857 году, стараніями баронессы Розенъ и благодаря мощному вліянію митрополита Московскаго Филарета, Дальне-Давыдовская община была Высочайше утверждена. Первый вкладъ присланный изъ Москвы пустынножительницамъ на сооруженіе храма, въ

честь иконы Божіей Матери «Утоли моя печали», былъ присланъ въ размѣрѣ 1000 руб., именно баронессой Розенъ, это было въ 1857 году, почему въ первомъ синодикѣ общины и записанъ былъ родъ баронессы Аглаиды Григорьевны Розенъ за № 2, послѣ рода Валеріана Владиміровича Аристова. До утвержденія общины отшельницы занимались исключительно тяжелыми работами и чтеніемъ неусыпаемой псалтири,— кто бы ни умеръ въ селѣ или окрестностяхъ, имя умершаго записывалось для поминовенія, не взирая на то, знаемый онъ былъ или незнаемый, даны ли были деньги или нѣтъ. Старица молилась о всѣхъ одинаково и заставляла молиться своихъ сподвижницъ; приносимыми же деньгами за поминовеніе дѣлилась съ причтомъ Давыдовской сельской церкви.

Прошло двѣнадцать лѣтъ со времени переселенія Неониллы Борисовны изъ села на Кряжеву сѣчь, наступила для общежитія новая пора. 17 февраля 1858 года Высочайше утвержденная община была открыта; первоначальницею ея назначена изъ Крестовоздвиженскаго Нижегородскаго монастыря рясофорная послушница Антонія, въ мірѣ Вѣра Ивановна Соколова, получившая всестороннее образованіе въ Смольномъ институтѣ.

Въ то время рясофорной послушницѣ Антоніи Соколовой было 28 лѣтъ, но, несмотря на свою молодость, она вела себя строго и взялась за дѣло, порученное ей начальствомъ, съ усердіемъ. Земля купленная, по порученію Неониллы Борисовны, на имя помѣщика Валеріана Владиміровича Аристова, въ 1850 и въ 1851 годахъ не была еще имъ укрѣплена за общиною; Нижегородская гражданская палата потребовала 250 рублей для укрѣпленія за общиною этой земли, безъ чего нельзя было совершать дарственную, и Антонія поспѣшила внести изъ своихъ собственныхъ денегъ нужную для уплаты крѣпостныхъ пошлинъ сумму, за что, какъ видно изъ ея формулярнаго списка, ей была объявлена, указомъ Консисторіи, архипастырская благодарность.

Въ 1860 году воля Всевышняго извела смиренную труженицу, рабу Божію блаженную Неониллу, въ инокѝняхъ Надежду, изъ дорогихъ ей лѣсовъ Давыдовскихъ, гдѣ она съ юности уединенно молилась, гдѣ столько слезъ и трудовъ ею было положено для прославленія Владычицы Пресвятой Богородицы. При прощаніи съ нею были плачъ и рыданіе. Первоначальница Антонія до трехъ разъ при всѣхъ сестрахъ кланялась ей до земли, просила не оставлять обители, обѣщала ей всевозможный покой и сама плакала, провожая ее; но Неонилла сквозь слезы смиренно отвѣчала: «простите, сестры, не моя воля, а воля Царицы Небесной, мнѣ надо основать еще другую обитель». Поводомъ къ уходу было неудовольствіе между м. Антоніею и Агриппиною, съ которою Неонилла разстаться не могла.

Мать Антонія Соколова неуклонно старалась установить требуемые начальствомъ должные порядки. Скорбенъ былъ ея жизненный путь, но зато онъ былъ основаніемъ благоденствія сестеръ ей ввѣренныхъ, онъ былъ началомъ правильной въ обители жизни, началомъ исполненія уставовъ православнаго монашества и православной нашей Церкви, такъ какъ до того времени въ общинѣ той монашеской дисциплины не существовало, молитвенныя правила какъ общее, такъ и келейное, по неграмотности основательницы, исполнялись по произволу, а потому всѣ нововведенія показались сестрамъ странными. М. Антонія высказывала старицамъ свое мнѣніе, разумно поучала ихъ, но не всѣ сочувствовали ей, не всѣ желали послѣдовать ея примѣру. Дѣла хозяйственныя были въ крайнемъ безпорядкѣ: пришлось преобразовывать все и всѣхъ, пришлось бороться съ закоснѣлыми убѣжденіями, быть первой какъ на молитвѣ, такъ и въ трудахъ. Неоднократно въ минуты откровенной бесѣды съ близкой ей особой жившей въ Москвѣ, она горько плакала при воспоминаніи о всемъ томъ, что пришлось ей перенести, живя въ Давыдовѣ, не имѣя, съ кѣмъ поговорить

и посовѣтоваться. Слезы, въ часы молитвы и уединенія, были единственной отрадой для ея любвеобильнаго сердца, для ея пламенной души. Часто по дѣламъ службы она ѣздила въ Нижній, Муромъ и Москву; этими поѣздками, по ея словамъ, она освѣжалась и тѣломъ, и духомъ, пріобрѣтала и благодѣтелей, помогавшихъ ей своими средствами для возведенія нужныхъ построекъ. Находила она ихъ преимущественно среди Муромскаго купечества, среди нѣкоторыхъ благочестивыхъ и богатыхъ крестьянъ окрестныхъ селеній, до сихъ поръ сохранившихъ о ней благодарную память, какъ о личности умной и благонамѣренной, всегда привѣтливой, всегда готовой имъ помочь и словомъ, и дѣломъ. Сестеръ въ то время было собрано, какъ говорятъ, около восьмидесяти человѣкъ. Къ больнымъ она была очень сострадательна,—ухаживала за ними, сама безплатно лѣчила народъ, обращавшійся къ ней за врачебною помощію. Ея личными заботами и трудами, наравнѣ съ сестрами, осушены болота, окружавшія обитель, устройствомъ канавъ на протяженіи 2638 сажень и расчищено 50 десятинъ луговъ. Бывало придетъ съ работы въ мокромъ до колѣнъ сарафанѣ; куда дѣвалась нѣжность воспитанія, привычка къ роскоши,—все принесла она въ жертву обители Давыдовской; надѣнетъ на себя кафтанъ мужицкій, сапоги высокіе и впереди сестеръ-труженицъ идетъ и она начальница-труженица, ободряя ихъ во время отдыха и раздѣляя скудную пищу. Многіе ее осуждали, но она, какъ благовоспитанная особа, не обращала вниманія на всѣ эти насмѣшки; она въ часы труда была труженица-крестьянка, въ часы богослуженія и пріема посѣтителей держала себя, какъ слѣдуетъ благовоспитанной особѣ и настоятельницѣ. Въ келліи любила простоту, занималась чтеніемъ духовныхъ книгъ; часто собирала къ себѣ сестеръ и читала имъ вслухъ, увлекаясь чтеніемъ отеческихъ твореній, плакала и внушала сестрамъ подражать подвижникамъ благочестія; роскоши себѣ никакой не позволяла ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ. Двѣ-

надцатый часъ ночи никогда не просыпала, сама вычитывала полунощницу и акаѳистъ Божіей Матери и въ 4 часа утра ходила звонить къ утреннему правилу и являлась первою въ храмъ. Сама читала, сама образовала хоръ и въ церкви всегда сама пѣла, строго слѣдя, чтобы всѣ сестры вставали на молитву; неимущимъ помогала въ ихъ нуждахъ,—иногда съ своихъ ногъ снимала обувь и отдавала нуждающейся сестрѣ. Однимъ словомъ, она была мать, и мать сострадательная. Когда случалось обидѣть кого словомъ, то послѣ того она горько плакала, просила прощенія и старалась, чѣмъ только могла, утѣшить оскорбленную.

Въ трапезѣ м. Антонія также установила должный порядокъ и чтеніе житія святыхъ, чего до нея не было; пищу улучшила, установила форму одежды, озаботилась устроить домовую церковь, которая была освящена 20 октября 1858 года, во имя «Всѣхъ Святыхъ». Испросила общинѣ штатнаго священника, учредила стройное пѣніе и внятное чтеніе, выучила канонаршить. Однимъ словомъ, преобразовала всѣ порядки къ лучшему, во всѣхъ частяхъ управленія общиною, устроила рукодѣльную, образную, цвѣточную; что умѣла сама, тому и научила сестеръ. Когда задумала строить храмъ, въ честь иконы Матери Божіей «Утоли моя печали», имѣя вначалѣ на ту постройку всего только 4000 рублей, она завела сперва свой кирпичный заводъ. Нерѣдко вмѣстѣ съ сестрами подносила на поемкахъ кирпичъ каменщикамъ. Послѣ закладки, которая была въ 1861 году, работы шли очень успѣшно. Муромскій купецъ Михаилъ Козьмичъ Зворыкинъ и другіе много жертвовали на устройство храма, но, съ прекращеніемъ сбора, на три года работы должны были временно остановиться. М. Антонія, воодушевленная чистою и горячею вѣрою, не падала духомъ, но твердо уповая на всемогущую и всесильную помощницу Царицу Небесную, Ее и просила помочь ей, и Матерь Божія вскорѣ ее утѣшила. По внушенію свыше къ ней пріѣхала изъ С.-Петербурга на

жительство въ общину очень ее любившая тетка, вдова надворнаго совѣтника Дарья Ивановна Таборина, которая своимъ капиталомъ помогла ей настолько, что храмъ былъ, милостію и помощію Божіею, оконченъ въ 1868 году; оштукатуренъ внутри и снаружи, и правый придѣлъ въ честь Воздвиженія Креста Господня освященъ 17 сентября 1872 года.

По хозяйственной части дѣло шло своимъ порядкомъ, но много сдѣлать она не могла, такъ какъ до 1865 года ей не выдавали сборныхъ книгъ, а съ 1865 года по 1875 годъ, когда она передала управленіе общиною своей преемницѣ, выдавалось ей по одной книгѣ въ годъ. Но несмотря на это первоначальница Антонія Соколова неусыпно трудилась и съ 1858 по 1863 произвела слѣдующія постройки: 1) сестринскій двухъэтажный корпусъ, 2) распространила деревянную ограду, 3) священническій домъ, 4) кирпичный заводъ, 5) вѣтряную мельницу и наконецъ пріобрѣла пожарный снарядъ и устроила небольшой пчельникъ. Съ 1862 г. по 1869 г. производилась постройка храма въ честь иконы «Утоли моя печали» собственными средствами. Вообще м. Антонія помогала обители, почему могла оставить ее безъ всякихъ долговъ. Епархіальное начальство, довольное ея управленіемъ, дорожило ею. Крестъ несла она тяжелый и, наконецъ, стала тяготиться множествомъ дѣлъ, которыя отвлекали ее отъ молитвы и чтенія. Въ 1868 году, въ ночь на 8 сентября, въ Саввинской Звенигородской обители, подъ Москвою, у раки преподобнаго Саввы, она была пострижена въ схиму настоятелемъ этой обители преосвященнымъ епископомъ Леонидомъ, викаріемъ Московскимъ, впослѣдствіи архіепископомъ Ярославскимъ. Имя ея осталось то же—Антонія... Сколько слезъ было ею пролито въ эту священную для нея ночь. Исповѣдывалъ ее самъ преосвященный, 8 числа онъ совершилъ торжественно литургію въ томъ же храмѣ, за которой самъ ее пріобщалъ св. Христовыхъ Таинъ. Съ тѣхъ поръ она особенно отяготилась житейскими заботами; она желала монашествовать и

умереть въ своей обители, но Господь судилъ иначе. Въ 1875 года она сдала общину своей преемницѣ Крестовоздвиженскаго монастыря монахинѣ Филаретѣ. А въ 1876 году помимо своей воли, покоряясь совѣту благочиннаго монастырей архимандрита Лаврентія, чтобы успокоить своихъ недоброжелателей, рѣшилась навсегда оставить ею пересозданную обитель. Выѣхала она изъ оной, сама не зная, куда. Посѣтила разные монастыри и въ послѣднюю Русско-Турецкую войну трудилась на перевязочныхъ пунктахъ, была сестрою милосердія. Наконецъ, пришлось ей умереть въ с. Кубанки по Смоленской желѣзной дорогѣ 28 мая 1882 г. Передъ кончиною была особорована св. елеемъ, исповѣдана и пріобщена св. Христовыхъ Таинъ, священникомъ того же села, вообще кончина ея была мирная, истинно христіанская. Погребена тамъ же близъ сельской церкви, оставя по себѣ вездѣ добрую память. Сестра, находившаяся при ней, писала потомъ въ Давыдовскую общину: «я съ роду не видала такихъ больныхъ,—лежала она какъ смиренная агница, вся была углублена въ Бога, а эта болѣзнь продолжалась 4 мѣсяца. Передъ кончиною за два дня слышно было, что она все съ кѣмъ то разговаривала,—вдругъ подозвала меня и говоритъ: «Дуня! видишь воиновъ? они меня уже записали, хотятъ меня взять черезъ два дня въ свой монастырь!» Съ тѣмъ и умолкла, и дѣйствительно эти слова сбылись,—на третій день она умерла. Жаль и больно, что не пришлось ей умереть въ своей обители, лежитъ она одиноко на чужой сторонѣ!» Миръ праху ея и вѣчная память!

Выѣхавъ изъ дорогой ей Дальне-Давыдовской обители, Неонилла помѣстилась въ селѣ Кирюшинѣ, у помѣщика Аристова, гдѣ и прожила до 1864 года, а съ 1864 года онѣ нашли себѣ убѣжище у князя Звенигородскаго; всѣ скорби и труды Неонилла переносила съ обычнымъ ей терпѣніемъ, смиреніемъ и кротостію и твердо вѣрила въ помощь Матери

Божіей, Которая сказала ей, что она въ Давыдовѣ не останется, что ей повелѣно Богомъ основать еще и другую обитель.

И вотъ слова эти сбылись, она, съ Божіею помощію, основала и другую общину въ урочищѣ подъ названіемъ «Кутуновка», которая по ходатайству предсвященнаго епископа Модеста Высочайше утверждена въ 1886 году. Агриппина Петровна, попрежнему была въ постоянныхъ хлопотахъ и разъѣздахъ. Бывъ ранѣе въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ первоначальницею Антоніею, она, по милости Божіей, сознала передъ нею свою вину, и къ общей радости Давыдовскихъ сестеръ, незадолго до своей кончины, примирилась съ Антоніею, встрѣтившись съ нею на пути: Агриппина ѣхала изъ Якунина, а Антонія изъ Нехайки. Минута была очень трогательная, обѣ остановили своихъ лошадей, вышли изъ повозокъ, со слезами поклонились другъ другу въ ноги, прося прощенія. Примиреніе произошло въ присутствіи послушницы Дальне-Давыдовскаго монастыря Пелагіи Алексѣевны, потомъ монахини Павлы и казначеи обители; вскорѣ послѣ этого Агриппина скончалась. Миролюбивая м. Антонія ѣздила въ Кутуновку поклониться праху ея и просить рабу Божію Неониллу Борисовну переѣхать къ ней въ Давыдово; но сестры Кутуновскія не отпустили ея, особенно родная ея сестра Александра Борисовна, жившая съ ней, сильно этому воспротивилась. Неонилла же Борисовна на предложеніе матери Антоніи сказала ей пророчески: «тебя ожидаетъ великая скорбь, ты и сама скоро выѣдешь оттуда, и это будетъ вскорѣ послѣ моей кончины, а въ Давыдовѣ будетъ начальницей монахиня, при которой, передъ концомъ ея управленія, община наша будетъ утверждена монастыремъ». И дѣйствительно такъ и случилось: въ 1875 году скончалась раба Божія Неонилла, а 3 іюля того же года первоначальница Антонія, вслѣдствіе своего собственнаго прошенія, оставила управленіе общиною, а въ 1876 году уѣхала изъ оной навсегда. Неонилла Борисовна въ послѣдній разъ пріѣзжала въ село Давыдово на праздникъ

иконы Божіей Матери «Утоли моя печали» и въ обитель въ январѣ 1874 года и тогда же пришедшимъ къ ней на благословеніе сестрамъ—говорила: «у васъ будетъ монастырь, всѣ вы будете монахини, духомъ живу всегда я съ вами, плачу о дорогой мнѣ обители, но возвратиться не могу; я съ вами, а вы со мной, и въ будущей жизни всѣ будемъ вмѣстѣ». Она разсказывала имъ свой сонъ: «послѣ молитвы я уснула и вижу предъ глазами моими двѣ обители, между ними протекаетъ золотая рѣчка, соединяющая ихъ, я по ней ходила взадъ и впередъ отъ одной обители къ другой». Этотъ сонъ обрадовалъ старицу до слезъ, и она объяснила его такъ: что обители эти соединяются любовію и родствомъ духовнымъ.

Скончались же обѣ подвижницы Агриппина и Неониллa при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

10 августа 1872 года Агриппина съ послушницей своей, по имени Анной, отправилась изъ Кутузова въ Н.-Новгородъ хлопотать объ отводѣ земли подъ обительское кладбище. Послушница была за кучера. Въ Нижнемъ тогда свирѣпствовала холера. Окончивъ благополучно свои дѣла, чрезъ недѣлю мать Агриппина уже возвращалась домой, какъ вдругъ по дорогѣ въ селѣ Вязовкѣ она почувствовала себя нехорошо, видимо заболѣвъ холерой. Несмотря на это, она настойчиво потребовала отъ послушницы ѣхать дальше и сумѣла увѣрить испуганную послушницу, что болѣзнь ея не коснется. Однако въ слѣдующей деревнѣ (Буграхъ) больной сдѣлалось настолько плохо, что пришлось остановиться. Больную принялъ въ свой домъ хорошо знавшій и почитавшій Кутузовскихъ подвижницъ старшина. Здѣсь больная пожелала особороваться масломъ, послѣ чего ей стало значительно легче, а чрезъ нѣсколько дней путницы тронулись въ путь. Всю дорогу Агриппина бесѣдовала съ послушницей о своей близкой кончинѣ; но, не желая ее пугать, говорила о своей смерти издалека, намеками. Было замѣтно, что мать Агриппина все слабѣла и слабѣла. Не доѣзжая до Кутузова

верстъ около пяти, послушница замѣтила, что больная вдругъ какъ-то стала очень покойна. Едва послушница обратила на это вниманіе, какъ почему-то ей пришло въ голову торжественно-печальное похоронное: «Святый Боже, Святый крѣпкій»... Аннушка невольно вздрогнула и тутъ же поняла, что мать Агриппина скончалась. Сознаніе одиночества рядомъ, хотя и съ дорогимъ, но бездыханнымъ трупомъ, да еще среди глухого дремучаго лѣса ужасомъ наполнило все ея существо. Невольный страхъ и въ то же время какой-то благоговѣйный трепетъ предъ величіемъ тайны смерти объялъ ея душу... Слезы брызнули изъ глазъ... Уста невольно зашептали молитву... А въ ушахъ настойчиво раздавались печальные звуки погребальной пѣсни... Казалось, она, эта пѣснь, неслась откуда то со стороны изъ лѣса... Казалось, что пѣли ангелы...

Когда послушница съ бездыханнымъ трупомъ почившей матери Агриппины, въ иночествѣ Аѳанасіи, прибыла въ Кутузово, было около 8 часовъ вечера. Сестры были въ трапезной и тотчасъ же вышли навстрѣчу усопшей; онѣ внесли почившую въ зданіе и окружили ее тѣсной толпой. Многимъ въ это время показалось, что мать Агриппина открыла глаза и прощальнымъ взоромъ обвела присутствующихъ. Въ тотъ-же вечеръ ее положили во гробъ и торжественно вынесли въ храмъ. Могилка матери Аѳанасіи (Агриппины) была основаніемъ Кутузовскаго кладбища. Это было 24 августа 1872 года.

Смерть Агриппины произвела сильное впечатлѣніе на ея спутницу въ жизни Неониллу. Послѣдняя стала также быстро дряхлѣть и заболѣла водянкой. Болѣзнь сильно безпокоила Неониллу, но она терпѣливо переносила ее, и, подобно праведному Іову, не произнесла ни одного слова ропота или недовольства на Господа Бога. Чѣмъ немощнѣе становилась она тѣломъ, тѣмъ, казалось, была бодрѣе духомъ. Спустя года четыре послѣ смерти Агриппины, она не могла уже схо-

дить съ мѣста и такъ проболѣла въ постели около полугода, не двигаясь съ мѣста. На ногахъ у нея открылись раны, изъ которыхъ сочилась вода. Болѣзнь протекала чрезвычайно мучительно. Постоянное ожиданіе скорой смерти, богомысліе, горячая любовь къ Богу, крѣпкая вѣра и твердая надежда на Его безконечное милосердіе сдѣлали мать Неониллу какъ бы озаренной свыше даромъ предвѣдѣнія. Во время своей болѣзни она, какъ уже было сказано, была не мало утѣшена пріѣздомъ къ ней начальницы Давыдовской общины, матери Антоніи. Предчувствуя часъ своей кончины, мать Неонилла пожелала напутствовать себя предъ отшествіемъ въ вѣчность св. таинствами Причащенія и Елеосвященія. Опечаленныя сестры собрались у постели своей умирающей начальницы. Горячо и усердно молились онѣ въ то время, когда священникъ совершалъ эти святыя таинства надъ умирающей. Потомъ мать Неонилла благословила каждую изъ сестеръ и, прощаясь съ ними, говорила: «я поручаю васъ Заступницѣ міра; не плачьте обо мнѣ; живите такъ, какъ жили при мнѣ; во всемъ помогайте другъ другу и любите другъ друга. Не покидайте Кутузовской обители и молитесь объ упокоеніи моей грѣшной души. А я, если буду имѣть дерзновеніе предъ Господомъ, буду молиться за всѣхъ васъ»...

— «Кого же ты, матушка, назначаешь послѣ себя въ управленіе?» спрашивали сестры.

— «Трехъ... сказалъ она, показывая три пальца руки. Одна будетъ управлять вами три дня, другая до шести недѣль послѣ моей смерти, а третья будетъ вашей начальницей».

Сказавъ это, мать Неонилла, въ иночествѣ Надежда, тихо отошла въ вѣчность на 60 году жизни, 27 января 1875 года, на третій день послѣ обительскаго праздника въ честь иконы «Утоли моя печали». Тиха и спокойна была ея кончина, какъ кончина праведницы, подвигомъ добрымъ подвизавшейся, теченіе скончавшей, вѣру соблюдшей и ожидающей суда Милостиваго и Всеправеднаго Судіи. Согласно ея волѣ,

прахъ ея погребли рядомъ съ прахомъ ея сподвижницы Агрипины. Какъ на землѣ, живя вмѣстѣ, онѣ руководились завѣтами общаго своего духовнаго наставника, приснопамятнаго отца Серафима, такъ и по смерти пожелали тѣломъ лежать вмѣстѣ, до всеобщаго страшнаго суда Божія *).

Оптинскій архимандритъ Исаакій.

(Память 22 августа).

Изъ краткихъ сказаній, сохранившихся о предкахъ о. архимандрита Исаакія, видно, что они происходили изъ именитаго и весьма зажиточнаго купеческаго рода города Курска и имѣли званіе почетныхъ гражданъ. Несмотря на довольно большія денежныя средства, выручаемыя отъ торговли скотомъ и откупа рыбныхъ ловлей на Черноморіи, семья Антимоновыхъ продолжала придерживаться самаго строгаго и суроваго патріархальнаго образа жизни стараго русскаго купечества. Въ концѣ прошлаго столѣтія во главѣ ея стоялъ Василій Васильевичъ Антимоновъ, скончавшійся въ глубокой старости въ 20-хъ годахъ XIX вѣка. Отличаясь ревностію къ посѣщенію храма Божія и проводя вообще христіанскую жизнь, онъ требовалъ исполненія религіозныхъ обязанностей и отъ всей своей многочисленной семьи, главнымъ распорядителемъ которой оставался до самой кончины. Отправляясь по праздникамъ въ церковь, все благочестивое семейство Антимоновыхъ шло чинно, соблюдая старшинство, и въ храмѣ Божіемъ вело себя всегда примѣрно, при чемъ особеннымъ усердіемъ отличался молодой Иванъ Ивановичъ, впослѣдствіи архимандритъ Исаакій. Старшій сынъ Василія Васильевича, Иванъ Васильевичъ, имѣлъ

*) Кутузовскій Городицкій женскій монастырь Ардатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Н.-Новг. 1907 г. Историческій очеркъ Дальне-Давыдовскаго общежительнаго женскаго монастыря, Нижегородской епархіи. Каз. Тип. Амвр. пуст. 1908 г.

отъ трехъ браковъ тринадцать человѣкъ дѣтей, изъ коихъ Иванъ Ивановичъ, родившійся въ 1810 году 31 мая, былъ пятымъ и вмѣстѣ послѣднимъ отъ перваго брака съ дѣвицею Анною Пузановой. Благочестивый дѣдъ Ивана Ивановича былъ особенно расположенъ къ своему маленькому внуку, и часто бралъ его съ собою въ храмъ Божій, куда имѣлъ обыкновеніе ходить ежедневно къ утренѣ и обѣднѣ. Отецъ Ивана Ивановича, воспитанный въ строго христіанскомъ духѣ, унаслѣдовалъ добродѣтели своего родителя. Его простота и смиреніе производили благопріятное впечатлѣніе на всѣхъ, сталкивавшихся съ нимъ въ жизни. Сохранилось извѣстіе о путешествіи его въ Кіевъ въ 1809 году къ старцу іеромонаху отцу Парѳенію, который, говорятъ, при входѣ привѣтствовалъ его словами: «блаженно чрево, родившее монаха». Вообще, по свидѣтельству очевидцевъ, семейство Антимоновыхъ пользовалось большимъ уваженіемъ въ городѣ за свою безукоризненную честность, строгость христіанской жизни, исполненіе въ точности уставовъ Церкви,—что, впрочемъ, въ тѣ времена не было рѣдкостью,—любовь къ дому Божію, выражавшуюся въ посильныхъ жертвахъ на украшеніе храма, усердіе къ служителямъ алтаря и монашеству и милосердіе къ бѣднымъ; при чемъ для раздачи милостыни у нихъ былъ назначенъ даже особый день въ недѣлѣ. Проведя такимъ образомъ дѣтство и юность въ средѣ христіански настроенной семьи, Иванъ Ивановичъ получилъ самое суровое воспитаніе, согласное съ духомъ того времени. Несмотря на весьма достаточныя средства, онъ привыкъ еще дома переносить всевозможныя лишенія, довольствуясь самой грубой пищей и стѣсняя себя во всѣхъ отношеніяхъ. Иванъ Васильевичъ—человѣкъ простой, но по своему образованный, въ воспитаніи дѣтей придерживался старыхъ обычаевъ и требовалъ отъ нихъ безпрекословнаго повиновенія и такого уваженія къ родительскому авторитету, что дѣти не осмѣливались садиться предъ нимъ безъ позволенія. Впрочемъ, онъ не прибѣгалъ

къ обычнымъ въ то время мѣрамъ строгости и никогда не поднималъ на дѣтей руки; потому и не удивительно, что они, при невольномъ страхѣ предъ властію родителя, сердечно его любили.

Иванъ Ивановичъ еще въ ранней юности отличался скромностію, любилъ уединеніе и старался уклоняться отъ товарищескихъ игръ и увеселеній. Молчаливость, не позволявшая ему сказать пустого слова, не мѣшала однако подчасъ проявляться его природной веселости въ шуткахъ, всегда, впрочемъ, остроумныхъ; такъ что отсутствіе его было особенно замѣтнымъ для общества, собиравшагося иногда въ домѣ Антимоновыхъ. Простота при ясномъ умѣ давала Ивану Ивановичу возможность быть въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ простому народу, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, когда, по достиженіи зрѣлаго возраста, началъ помогать отцу въ его торговыхъ занятіяхъ. Онъ имѣлъ на подчиненныхъ ему рабочихъ людей самое благопріятное вліяніе въ нравственномъ отношеніи, внушая имъ страхъ Божій, когда при разсчетѣ вступалъ съ ними въ бесѣду. Такъ онъ отучалъ ихъ отъ божбы. Сердечная доброта и справедливость самымъ лучшимъ образомъ уживались въ душѣ его, проявляясь во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ обстоятельствахъ его жизни. Такъ однажды, когда одинъ изъ его рабочихъ, человѣкъ строптиваго характера, за постоянныя взысканія, которымъ подвергалъ его Иванъ Ивановичъ за неисправность и дерзость, рѣшился, наконецъ, убить его, и когда злое намѣреніе его было открыто Ивану Ивановичу, онъ простилъ ему вину, и только отпустилъ, не предавая его въ руки правосудія. Высокая честность и тогда еще заслужила Ивану Ивановичу общее уваженіе. Онъ самъ впослѣдствіи вспоминалъ, что за отпускаемый товаръ никогда не получалъ ничего, кромѣ благодарности. Твердость его характера выразилась особенно въ мужественномъ перенесеніи всякихъ лишеній и подвиговъ, во имя религіозныхъ цѣлей, въ продолженіе 19 лѣтъ до поступленія въ монастырь. Сохранилось преданіе, что онъ, въ то

время ежедневно становясь на молитву, полагалъ по тысячѣ поклоновъ. Но воздержаніе свое и подвиги онъ старался тщательно скрывать отъ домашнихъ и успѣвалъ въ этомъ. Такъ въ скоромные дни онъ умѣлъ обходиться безъ мяса, не будучи замѣченнымъ. Особенная ревность къ посѣщенію храма Божія, поощряемая благочестивымъ дѣдомъ, возбудила въ немъ любовь къ церковному пѣнію, въ которомъ онъ принималъ участіе, стоя на клиросѣ; а для большаго упражненія собиралъ по праздникамъ пѣвчихъ на домъ, устраивалъ хоры и изучалъ ноты, изъ которыхъ нѣкоторыя впослѣдствіи взялъ даже съ собой въ монастырь. Твердая вѣра въ Промыслъ Божій возгрѣвалась въ немъ многими знаменательными событіями въ его жизни. Такъ однажды, когда въ праздникъ пришлось ему по необходимости перевѣсить товаръ, внезапно обрушилась перекладина, на которой были утверждены вѣсы, и Ивану Ивановичу грозила смерть; но тяжелое желѣзное коромысло, вѣсомъ въ 15 пудовъ, не задѣвъ его, упало къ его ногамъ. Съ тѣхъ поръ онъ далъ обѣтъ не работать болѣе по праздникамъ. Послушаніе волѣ родительской было у него всегда на первомъ планѣ. Онъ не жалѣлъ для этого ни трудовъ, ни силъ, ни здоровья; и Господь видимо благословлялъ труды его умноженіемъ оборотовъ. Когда, по достиженіи зрѣлаго возраста, пришлось ему завѣдывать торговыми дѣлами отца, онъ самъ отправлялся со скотомъ на ярмарки.

При нарождавшемся желаніи удалиться отъ мірскихъ соблазновъ, не скоро, впрочемъ, Иванъ Ивановичъ послѣдовалъ влеченію своего сердца. Препятствіемъ къ тому служило для молодого человѣка, во-первыхъ, то, что родителемъ его возложены были теперь на него всѣ хозяйственныя дѣла, и потому отецъ его никакъ не согласился бы отпустить его въ монастырь, хотя бы тотъ и сталъ проситься; а, во-вторыхъ, перемѣна жизни приводила его въ недоумѣніе,—какъ это сдѣлать, и послужитъ ли это ему на пользу. Такъ онъ колебался до 36-тилѣтняго своего возраста и должно быть ожидалъ какого-нибудь особеннаго указанія Промысла Божія, для окончательнаго рѣшенія своей участи. Такимъ указаніемъ онъ счелъ, во-первыхъ, неудачное свое сватовство. Неоднократно родитель Ивана Ивановича предлагалъ ему вступить въ бракъ. Находились и невѣсты, но каждый разъ сватовство его, по нѣкоторымъ причинамъ, разстраивалось. Въ послѣдній разъ онъ, уступая желанію своего родителя, еще съѣздилъ посмотрѣть послѣднюю невѣсту, но тутъ же заявилъ своему отцу, что она не пришлась ему по сердцу. Послѣ этого онъ уже окончательно рѣшился привести въ исполненіе свое завѣтное рѣшеніе идти въ монастырь.

Нужно замѣтить, что незадолго передъ тѣмъ старшій братъ его, Михаилъ Ивановичъ, уже вступилъ въ монашество въ знаменитую своими духовно опытными старцами Оптину пустынь, въ Калужской епархіи. И вотъ Иванъ Ивановичъ обратился теперь къ нему съ просьбою, дать ему совѣтъ насчетъ поступленія въ обитель. Братъ рѣшительно отказался исполнить его желаніе, считая необходимымъ, чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ каждый самъ былъ рѣшителемъ своей судьбы, дѣйствуя свободно, по призванію Божію. Съ тѣхъ поръ, какъ Михаилъ Ивановичъ устроился въ Оптиной, Иванъ Ивановичъ, посѣщая брата, имѣлъ случай лично познакомиться съ ея великими старцами. Впослѣдствіи онъ самъ разсказывалъ, какое глубокое впечатлѣніе произвела на него прозорливость старца отца Льва. Старецъ, выслушавъ все съ отеческою любовью, очень утѣшилъ его своею бесѣдою; и отпуская предсказалъ, что современемъ и онъ будетъ въ монашествѣ. Такое же расположеніе замѣчалось у него и къ другимъ Оптинскимъ старцамъ, настоятелю отцу игумену Моисею и братскому духовнику іеросхимонаху Макарію, съ которымъ Иванъ Ивановичъ былъ даже въ перепискѣ. И старцы въ свою очередь оказывали Ивану Ивановичу любовь за его довѣріе къ нимъ и простоту.

Въ 1847 году, когда родитель послалъ Ивана Ивановича по торговымъ дѣламъ на Украйну, послѣдній, исполнивъ возложенное на него порученіе, рѣшился уже безповоротно бѣжать въ пустыню, и такимъ образомъ сразу порвалъ привязанность къ роднымъ. Написавъ письмо къ родителю, съ извѣстіемъ о своемъ рѣшеніи, онъ отправился въ Оптину. Какъ громомъ поразила Ивана Васильевича роковая вѣсть о рѣшеніи Ивана Ивановича. Долго не могъ онъ прійти въ себя и, проливая слезы о любимомъ сынѣ, восклицалъ: «онъ, варваръ, убилъ меня...»

Прибывъ въ Оптину, Иванъ Ивановичъ не засталъ въ ней болѣе ни своего брата, который былъ переведенъ въ то время въ Тихонову пустынь іеромонахомъ, съ именемъ Мелетія, а затѣмъ перешелъ въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ въ санѣ архимандрита и намѣстника Лавры и почилъ о Господѣ, ни перваго своего старца отца Льва, скончавшагося 11 октября 1841 года. Обителью управлялъ игуменъ Моисей. По совѣту о. Макарія и съ позволенія отца игумена, Иванъ Ивановичъ поступилъ первоначально въ скитъ. Не трудно было Ивану Ивановичу подчинить свою волю старцу, котораго онъ зналъ, уважалъ и сердечно любилъ, еще будучи въ міру.

По поступленіи въ скитъ, молодого послушника Іоанна помѣстили сначала на пасѣкѣ и, по монастырскому обыкновенію, назначили ему послушаніе печь хлѣбы, которое онъ выполнялъ съ ревностью около года; затѣмъ нѣкоторое время былъ поваромъ. Обладая необыкновенно крѣпкимъ здоровьемъ и надѣленный отъ природы большою тѣлесною силою, (могъ въ міру поднимать до 15 пудовъ), Иванъ Ивановичъ никогда не отказывался отъ общихъ братскихъ послушаній, и вмѣстѣ съ братіями убиралъ покосъ, въ свое время рылъ картофель, рубилъ капусту и проч.

Но, оставивъ жизнь мірскую ради Бога и спасенія своей души, безъ родительскаго соизволенія и благословенія, Иванъ

Ивановичъ не могъ быть вполнѣ спокоенъ. А потому, проживъ въ скиту съ годъ, онъ по совѣту старца Макарія, и даже съ нимъ вмѣстѣ, отправился въ Курскъ, для испрошенія у своего отца прощенія въ самовольномъ поступкѣ. По молитвамъ старца и при его содѣйствіи, Господь помогъ возстановить мирныя отношенія между родителемъ и сыномъ.

Переведенный въ другую келлію, внутрь скита, онъ вмѣстѣ съ сосѣдомъ своимъ отцомъ Ю., къ которому питалъ постоянную любовь и дружбу, занимался келейно переплетомъ книгъ, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ ходить и на общія братскія послушанія. Неся съ усердіемъ внѣшніе труды, неоначальный послушникъ не забывалъ и внутренняго своего устроенія, неопустительно посѣщалъ всѣ службы Божіи, отправлявшіяся въ скиту, и дѣлалъ это съ такимъ усердіемъ, что всегда являлся первымъ и уходилъ послѣднимъ, сохраняя большею частію свойственное ему молчаніе до начала правила или церковной службы. Возгрѣвая духъ свой молитвой, молодой подвижникъ старался въ то же время сохранять миръ ко всей братіи, чѣмъ въ свою очередь заслужилъ общую любовь и уваженіе. Особенной дружбы онъ не имѣлъ ни съ кѣмъ, за исключеніемъ одного лишь вышеуказаннаго сосѣда, отца Ю., да жившаго въ то время на покоѣ въ скиту игумена Варлаама, отличавшагося высокоподвижническою жизнію, дѣлателя умной молитвы Іисусовой.

Не безъ искушеній, конечно, жилъ молодой подвижникъ въ скитскомъ безмолвіи. Самъ онъ разсказывалъ, что исконный врагъ рода человѣческаго сильно возмущалъ его душу помыслами—оставить святую обитель.

Вмѣстѣ съ усердною молитвою молодому подвижнику помогало низлагать хитрости врага непрестанное откровеніе помысловъ старцу. Такъ однажды боримый помысломъ тщеславія о своемъ пріятномъ голосѣ, онъ поспѣшилъ исповѣдать его старцу; но послѣдній смирилъ его указаніемъ на

примѣръ быка, который, обладая гораздо болѣе громкимъ басомъ, не гордится имъ.

Смиряя духъ, молодой подвижникъ непрестанно порабощалъ ему тѣло, удручая его подвигами поста. Особенно подвизался онъ Великимъ постомъ и на первой недѣлѣ въ первые два дня и въ четвертый, когда не полагается въ скиту трапеза, не вкушалъ ничего. Богатаго убранства онъ не терпѣлъ. Такъ, когда однажды родные прислали ему мѣховую шубу, онъ спряталъ ее, и она лежала у него безъ употребленія до тѣхъ поръ, пока стала уже никуда не годною. Обстановка его келліи отличалась необыкновенной простотой. Даже сколько-нибудь цѣнныхъ иконъ у него въ келліи не было. Постепенно,—съ облеченіемъ въ рясофоръ, постриженіемъ въ мантію, а затѣмъ и посвященіемъ въ священный санъ, онъ усугублялъ строгость своего поведенія. Такъ, замѣчено было, что, уже по облеченіи въ рясофоръ въ 1851 году, онъ сдѣлался строже къ себѣ и усилилъ ревность къ выполненію требовавшихся отъ него монашескихъ правилъ. Въ 1854 году 5 октября онъ принялъ постригъ въ мантію, а вмѣстѣ и новое имя Исаакій. Съ этого времени онъ оставилъ даже невинныя шутки, къ которымъ имѣлъ способность по своему природному остроумію, и которыми прежде любилъ иногда увеселять братію, и вообще замѣтно уклонялся отъ всякихъ излишнихъ бесѣдъ. Смиренный подвижникъ, думавшій лишь о спасеніи души своей, всѣми силами старался избѣгать славы міра сего, уклоняясь даже отъ принятія сана священства; и, только по убѣжденію своего духовнаго отца, старца іеросхимонаха Макарія, противъ воли со слезами согласился на посвященіе. Вслѣдствіе чего и рукоположенъ былъ сначала въ іеродіакона въ 1855 году 19 іюня, а затѣмъ и во іеромонаха 8 іюля 1858 года.

Принявъ санъ священства, отецъ Исаакій нисколько не измѣнилъ своей подвижнической жизни.

Въ 1860 году старецъ отецъ Макарій, предвидя близкую

кончину настоятеля Оптиной пустыни, престарѣлаго подвижника архимандрита Моисея, и самъ чувствуя оскудѣніе силъ тѣлесныхъ, отправился въ Москву къ Московскому митрополиту Филарету, который неоднократно приглашалъ его къ себѣ письменно. Милостиво принятый митрополитомъ, отецъ Макарій, между прочимъ, выразилъ ему свое желаніе, чтобы мѣсто настоятеля въ Оптиной пустыни, по кончинѣ архимандрита Моисея, занялъ скитскій іеромонахъ Исаакій, описавъ при этомъ его нравственный обликъ. Владыка вполнѣ одобрилъ мнѣніе отца Макарія и съ тѣхъ поръ избраніе отца Исаакія въ настоятеля было уже дѣломъ рѣшеннымъ. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до смиреннаго отца Исаакія, онъ тотчасъ отправился къ старцу, прося въ этомъ дѣлѣ его совѣта и стараясь отклонить состоявшееся назначеніе. Но отецъ Макарій отвѣтилъ ему: «ну что-жъ, что-жъ? Если воля Божія будетъ на это, и будутъ тебя избирать, то не отказывайся. Только не гордись! Иди!» Такое же расположеніе въ пользу отца Исаакія было замѣтно и въ самомъ настоятелѣ о. архимандритѣ Моисеѣ.

Въ концѣ 1860 года 7 сентября великій старецъ, о. Макарій, послѣ долгихъ трудовъ и подвиговъ, въ Бозѣ почилъ, оставивъ отца Исаакія на попеченіе своего приснаго ученика и преемника, великаго старца, іеросхимонаха Амвросія.

Два года спустя послѣ кончины старца о. Макарія, въ 1862 году, скончался и о. архимандритъ Моисей, и о. Исаакію пришлось замѣстить его въ управленіи обителью. Трудно было смиренному подвижнику, любителю безмолвія, проводившему большую часть времени въ чтеніи твореній св. отцовъ подвижниковъ, въ которыя онъ любилъ углубляться, и размышлять въ уединеніи, принять на себя бремя правленія обителію, сопряженное съ постоянными заботами и пребываніемъ въ молвѣ.

Тяжело было положеніе новаго настоятеля. Но горькія жалобы его на свою участь вызвали обширное высокодуховное

посланіе со стороны его старшаго брата, бывшаго въ то время уже намѣстникомъ Кіево-Печерской лавры, о. архимандрита Мелетія, полное мудрыхъ совѣтовъ о достойномъ управленіи обителью, послѣ такого примѣрнаго пастыря, каковымъ былъ приснопамятный о. архимандритъ Моисей. И о. Исаакій во всю свою жизнь строго соблюдалъ завѣты своего брата, особенно его совѣтъ не читать писемъ, получаемыхъ братіей, и очень благодарилъ его за сердечное къ себѣ участіе.

Чрезъ годъ по вступленіи въ должность настоятеля, о. Исаакій, по совѣту старца, отправился въ Москву по дѣламъ обители и вмѣстѣ за благословеніемъ къ приснопамятному Московскому святителю, митрополиту Филарету, который принялъ его милостиво.

Съ самаго же вступленія въ должность настоятеля, о. Исаакій поощряемъ былъ отъ высшаго начальства наградами. Именно: 16 іюня 1863 г. онъ награжденъ былъ набедренникомъ; въ 1864 году 8 сентября, вслѣдствіе опредѣленія Св. Синода, возведенъ архіепископомъ Григоріемъ въ санъ игумена, а въ 1868 году 31 марта награжденъ былъ наперснымъ, отъ Св. Синода выдаваемымъ, крестомъ.

Неоднократно новоизбранный Оптинскій настоятель о. игуменъ Исаакій говорилъ: «я принялъ обитель съ однимъ гривенникомъ». Дѣйствительно, по кончинѣ нестяжательнаго о. архимандрита Моисея, какъ разсказывали старожилы, въ денежномъ его ящикѣ нашли наличныхъ денегъ только одинъ гривенникъ, и то потому только, что онъ завалился гдѣ-то въ трещинѣ, и вѣроятно о. архимандритъ его не замѣтилъ, а иначе и этого бы не было. Полный вѣры въ Промыслъ Божій, о. архимандритъ Моисей не думалъ о пріобрѣтеніи значительнаго капитала для обители. Да и неудобно было ему это дѣлать, потому что монастырь принятъ былъ имъ съ большимъ долгомъ въ 12000 рублей, число братства при немъ быстро увеличивалось, а помѣщеній для братій не было,

не было также помѣстительныхъ храмовъ, ни даже ограды вокругъ монастыря. Потому онъ во все время почти сорокалѣтняго своего настоятельствованія занятъ былъ монастырскими постройками и пріобрѣтеніемъ для обители продовольствія и самыхъ нужныхъ хозяйственныхъ вещей. Если прибавить къ сему его всегдашнюю готовность помогать всѣмъ, обращавшимся къ нему за помощію, бѣднымъ, то понятно будетъ, почему покойный не могъ нажить денегъ. Впрочемъ, къ концу его жизни, изъ жертвованныхъ на вѣчное поминовеніе денегъ образовался въ монастырѣ неприкосновенный капиталъ въ 60000 рублей, съ котораго обитель могла пользоваться только процентами; да долгу монастырскаго покойный уплатилъ 3000 рублей, а долгъ въ 9000 рублей былъ вскорѣ, по кончинѣ о. архимандрита, весь уплаченъ помѣщикомъ Малоярославецкаго уѣзда г. Облеуховымъ, питавшимъ сыновнее расположеніе къ о. игумену Антонію. Такъ затруднительное финансовое положеніе о. Исаакія, при вступленіи его въ должность настоятеля, разрѣшилось само собою Промысломъ Божіимъ, и не дало времени новому строителю почувствовать всю тягость матеріальнаго недостатка. Впрочемъ, первые дни начальства были тяжелымъ испытаніемъ для о. Исаакія и послужили къ утвержденію его вѣры въ Промыслъ Божій о святой обители. Приходилось ему нерѣдко плакать о невозможности содержать братію, какъ вдругъ извѣстіе объ уплатѣ долговъ ея, и еще о завѣщаніи одного благочестиваго жертвователя въ ея пользу 15000 рублей, разсѣяли его сомнѣнія. Онъ возблагодарилъ Господа, воскликнувъ: «Господи, я, неблагодарный, не имѣя на Тебя надежды, сталъ было сѣтовать; а вотъ уже и помощь Тобою послана». Съ тѣхъ поръ о. Исаакій уже не переставалъ возлагать упованіе свое на Господа и нуждъ матеріальныхъ болѣе не встрѣчалъ; ибо доходы монастырскіе видимо стали увеличиваться и уже не прекращались почти во все время его управленія обителію. Причиною тому

былъ великій старецъ Оптиной пустыни, о. Амвросій, къ которому во множествѣ стекались посѣтители со всѣхъ концовъ Россіи и несли въ обитель посильныя жертвы. И еще другой старецъ, тогдашній скитоначальникъ о. Иларіонъ, имѣвшій много духовныхъ дѣтей, изъ коихъ нѣкоторыя были весьма состоятельны, также не мало помогалъ настоятелю въ матеріальномъ отношеніи.

Прежде всего о. игуменъ Исаакій занялся достройкой, неоконченнаго при о. Моисеѣ, храма во имя «Всѣхъ Святыхъ», что на новомъ кладбищѣ. Затѣмъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ въ Казанскомъ соборѣ вновь устроилъ, а въ Введенскомъ изъ стараго перестроилъ—иконостасы, и вмѣсто каменныхъ подѣлалъ деревянные полы. Впослѣдствіи онъ значительно расширилъ Казанскій соборъ со стороны паперти, устроивъ во вновь придѣланной части его хоры и помѣщеніе для ризницы, а внизу подвалъ. Вся стѣнная живопись въ обоихъ храмахъ, какъ и въ верхнихъ ярусахъ обоихъ иконостасовъ, была произведена вновь. Остались неприкосновенными въ обоихъ храмахъ только иконы нижнихъ ярусовъ, которыя и не требовали поновленія, и притомъ почти всѣ, еще при о. архимандритѣ Моисеѣ, были украшены сребро-позлащенными ризами. Все это внутреннее украшеніе храмовъ стоило до сорока тысячъ рублей.

Въ 1874 году, по завѣщанію скитоначальника о. Иларіона, скончавшагося въ 1873 году, о. игуменъ Исаакій приступилъ къ постройкѣ новой больницы и на пожертвованныя отчасти самимъ о. Иларіономъ, отчасти его почитателями деньги выстроилъ, внѣ монастырскихъ стѣнъ, большое зданіе для больницы, съ церковью во имя св. Иларіона Великаго. Впослѣдствіи она расписана была внутри своими монастырскими живописцами, подъ руководствомъ художника изъ скитской братіи о. іеромонаха Даніила. При больницѣ имѣется аптека, снабженная всѣми необходимыми медицинскими средствами, для общаго безплатнаго пользованія братіи

и посѣтителей обители, находящаяся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ врачей изъ числа братства.

Въ томъ же году, по совѣту старца о. Амвросія, о. игуменъ Исаакій обратилъ вниманіе на книжную лавку.

Давно ощущалось всѣмъ Оптинскимъ братствомъ, что помѣщеніе монастырской рухлядной (гдѣ хранится матеріалъ для монашеской одежды и обуви) имѣло большія неудобства. Она помѣщалась въ большомъ корпусѣ, противъ братской трапезы. Большую половину нижняго этажа въ этомъ корпусѣ занимала церковь во имя праведной Анны и препод. Маріи Египетской, а остальная меньшая часть и весь верхній этажъ заняты были вещами, двумя монахами, завѣдывавшими рухлядной, и нанятыми мірскими мастеровыми-портными и сапожниками, можно прибавить къ сему, съ обычными ихъ немощами. И вотъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ пришла старцу Амвросію мысль, вслѣдствіе его великаго усердія къ своимъ двумъ ангеламъ, монашескому и мірскому, т.-е. святителю Амвросію Медіоланскому и благовѣрному князю Александру Невскому, устроить въ монастырѣ, въ честь этихъ святыхъ, особые придѣлы. Удобнѣе для сего мѣста не представлялось, кромѣ рухляднаго корпуса. И вотъ старецъ и настоятель, по обоюдному согласію, рѣшились, — первый перестроить рухлядный корпусъ на церковь, а послѣдній, на счетъ монастырскихъ суммъ, устроить новое болѣе удобное помѣщеніе для рухлядной, тѣмъ болѣе, что прежнее помѣщеніе было уже и тѣсно. Вскорѣ затѣмъ слова ихъ перешли въ дѣло.

Отцемъ Исаакіемъ затѣмъ докончена была постройка водопровода и воздвигнуты зданія: новой гостинницы, хлѣбной, настоятельской кухни, братской, прачечной; передѣланы: булочная, братскій корпусъ противъ Казанскаго собора, настоятельскіе покои, скотный дворъ и старыя гостинницы по обѣимъ сторонамъ св. воротъ. При немъ же въ скиту, впрочемъ, на скитскія средства, устроенъ былъ придѣлъ во имя

преп. Макарія Египетскаго, въ память почившаго старца о. Макарія, а впослѣдствіи въ монастырѣ, при дѣятельномъ участіи монаха Оптиной пустыни, Иринарха Субботина, пріобрѣтенъ большой колоколъ въ 750 пуд. Сверхъ всего исчисленнаго, о. игуменъ Исаакій, по благословенію преосвященнаго Григорія II, на пожертвованныя въ обитель деньги озаботился обезпечить ее строевымъ лѣсомъ и топливомъ, въ которыхъ Оптина пустынь очень нуждалась. Была въ обители такая скудость и нужда, что каждый братъ самъ для себя пріобрѣталъ дрова на цѣлый годъ, собирая ихъ въ прилегающемъ къ монастырю помѣщичьемъ лѣсу. Съ этою цѣлью куплены были имъ лѣсные участки: сначала въ 200 десятинъ участокъ, извѣстный теперь подъ именемъ ближней дачи, а затѣмъ въ 500 десятинъ, называемый новою дачею, за весьма сходную цѣну. Съ тѣхъ поръ братіямъ монастырскимъ уже не приходится болѣе заботиться объ отопленіи. Чтобы увеличить припасы, необходимые для содержанія рогатаго скота и лошадей, о. Исаакій разработалъ болотистую почву по рѣкѣ Жиздрѣ, пожертвованную обители еще прежде отъ казны и носящую названіе рыбной ловли, гдѣ вслѣдствіе этой разработки образовались богатые луга; прикупилъ къ сему и еще 50 десятинъ. Имъ же пріобрѣтены луговые участки на Болховской мельницѣ, пожертвованные въ монастырь одною благодѣтельницею.

Большую нужду терпѣла обитель въ восковыхъ свѣчахъ для церковнаго употребленія. Тогда же онъ пришелъ къ мысли о необходимости устроить въ монастырѣ собственный свѣчной заводъ, гдѣ можно было бы приготовлять свѣчи, согласно съ требованіемъ церковныхъ правилъ, то-есть изъ чистаго воска. Заводъ началъ дѣйствовать съ 1865 года, получая воскъ самаго лучшаго качества изъ Курска черезъ посредство родственниковъ о. Исаакія. Дѣло пошло очень хорошо, вполнѣ удовлетворяя потребности Оптинскихъ храмовъ Божіихъ въ монастырѣ и скиту.

Къ чести о. игумена Исаакія относится и то еще, что онъ поощрялъ усердіе о. казначея Флавіана—разводить въ обители сады и огороды. Этотъ о. казначей былъ дѣятельнымъ помощникомъ о. игумена Исаакія во всѣхъ его трудахъ и заботахъ о матеріальномъ благоустроеніи и обезпеченіи обители. Это былъ неутомимый труженикъ на нивѣ Божіей, котораго о. Исаакій цѣнилъ весьма высоко, любилъ и уважалъ до самой его кончины, послѣдовавшей 30 мая 1890 г. Въ отношеніи же письмоводства главнымъ помощникомъ о. Исаакія былъ его письмоводитель, іеромонахъ о. Макарій Струковъ (потомъ архимандритъ, настоятель Можайскаго Лужецкаго монастыря). И о. Исаакій до конца жизни своей относился къ нему съ благодарностью и сердечнымъ расположеніемъ, высоко цѣня его 25-тилѣтніе труды для обители и его спокойствія. Такимъ образомъ, дѣятельность о. Исаакія на пользу св. обители съ внѣшней стороны почти не отличалась отъ дѣятельности предмѣстника его, о. архимандрита Моисея. Разница только въ томъ, что при о. Исаакіи обитель внѣшно устроилась, когда у нея уже были достаточныя средства; а о. Моисей во все время своего настоятельствованія, по его собственному выраженію, былъ «богатъ» только «нищетою».

Но, если о. Исаакій обращалъ такое большое вниманіе на внѣшнее благоустройство монастыря, то тѣмъ большее попеченіе имѣлъ онъ о внутреннемъ благоустроеніи насельниковъ его, которое послѣ о. архимандрита Моисея было въ цвѣтущемъ состояніи, при чемъ духовныя силы преимущественно сосредоточены были въ скиту, откуда, какъ свѣтлое солнце, сіяло самое старчество, столь прославившее Оптину пустынь за послѣднее время. Здѣсь, во главѣ духовныхъ подвижниковъ, стоялъ великій ученикъ блаженнаго старца Макарія, старецъ о. Амвросій. Поэтому неудивительно, что о. Исаакій, знавшій старца еще въ скиту и по его настоянію принявшій бремя начальства, началъ съ самаго вступленія своего въ

должность настоятеля относиться къ нему съ великимъ уваженіемъ, сыновнею любовію, преданностію и послушаніемъ. Отецъ Амвросій вполнѣ замѣнилъ, такимъ образомъ, для о. Исаакія его духовнаго отца и руководителя, покойнаго старца Макарія. Узнавъ собственнымъ опытомъ пользу старчества, о. Исаакій какъ личнымъ примѣромъ, такъ и словомъ и понужденіемъ, старался поддержать благое насажденіе своего предшественника; и труды его въ этомъ отношеніи были не безплодны. Миръ и согласіе, царствовавшіе въ обители, свидѣтельствовали о благотворномъ вліяніи, которое имѣло старчество среди ея сыновъ, насаждая въ нихъ добродѣтели любви и послушанія.

Впрочемъ, возлагая на старца духовное окормленіе братіи, о. Исаакій и самъ не оставлялъ руководствовать ихъ къ добродѣтельной жизни, и съ этою цѣлью, при каждомъ удобномъ случаѣ, обращался къ нимъ съ приличными наставленіями. Наставленія эти были просты, тѣмъ не менѣе назидательны и дѣйственны, потому что были плодомъ его жизненнаго опыта и происходили отъ любящаго сердца и искренняго желанія добра духовнымъ своимъ чадамъ. «Ну, вотъ братъ, я тебя предупреждаю, а тамъ смотри самъ, чтобы мнѣ за тебя не отвѣчать предъ Богомъ», нерѣдко говаривалъ онъ, глубоко сознавая тяжкую отвѣтственность настоятеля предъ судомъ Божіимъ за каждаго брата, оставленнаго имъ безъ вразумленія. Поэтому, если въ комъ-либо замѣчалось ослабленіе усердія къ иноческимъ подвигамъ, о. Исаакій призывалъ его къ себѣ, напоминалъ ему обязанность инока и цѣль, съ которой каждый оставляетъ мірскую жизнь, а равно обѣты, данные имъ при постриженіи, и возбуждалъ въ немъ усердіе къ дальнѣйшему прохожденію принятаго на себя подвига.

Особенное вниманіе обращалъ о. игуменъ Исаакій на неопустительное посѣщеніе братіями храма Божія. Еще живя въ скиту, онъ уподоблялъ Іудѣ-предателю тѣхъ, кои безъ нужды выходили изъ храма, не дождавшись окончанія службы.

Возгрѣвая же ревность братіи къ общественной молитвѣ, о. Исаакій говорилъ: «за это васъ Царица Небесная не оставитъ и пошлетъ Свою милость», при чемъ собственнымъ исправнымъ посѣщеніемъ церковныхъ службъ самъ первый подавалъ всѣмъ добрый примѣръ.

За неопустительнымъ соблюденіемъ церковнаго устава, а равно за благоговѣйнымъ отправленіемъ службъ церковныхъ, неспѣшнымъ чтеніемъ и чиннымъ стояніемъ братій въ храмѣ о. Исаакій наблюдалъ и самъ непосредственно, и чрезъ уставщика и благочиннаго.

Затѣмъ о. игуменъ преимущественно слѣдилъ за исполненіемъ братіями монастырскихъ послушаній. Считая праздность матерью пороковъ, онъ ревностныхъ поощрялъ, а лѣнивымъ угрожалъ праведнымъ судомъ Божіимъ. «Богъ накажетъ за лѣность», говорилъ онъ, возбуждая ихъ усердіе. Если кто-либо изъявлялъ свое неудовольствіе на тяжесть или неудобство порученнаго ему послушанія и роптalъ на монастырскія порядки, о. Исаакій обыкновенно отвѣчалъ: «братъ! возьми мои ключи и начальствуй, а я пойду исполнять твое послушаніе», и такимъ образомъ усовѣщевалъ и вразумлялъ непокорнаго. Вообще о. Исаакій требовалъ отъ братіи безпрекословнаго повиновенія волѣ начальства, считая послушаніе высшею добродѣтелью инока.

Стяжавъ долгимъ навыкомъ благодатное смиреніе и считая это необходимымъ для спасенія, о. Исаакій не благоволилъ къ тѣмъ изъ братій, въ комъ замѣчалъ гордость или тщеславіе, — выказать свои таланты предъ нимъ или предъ братіей.

Особенно преслѣдовалъ о. Исаакій дерзость и упрямство, при чемъ если братъ, послѣ старческихъ внушеній и наложеннаго на него наказанія, не исправлялся, то онъ высылалъ его изъ обители. Однажды жившій въ Оптиной рясофорный монахъ, отличавшійся необузданнымъ характеромъ, явившись къ настоятелю, наговорилъ ему дерзостей и въ

горячности хотѣлъ даже нанести ему ударъ по лицу; но смиренный о. игуменъ спокойно сказалъ раздраженному монаху: «начинай». Пораженный такимъ его смиреніемъ монахъ повернулся и быстро вышелъ. Или еще одинъ послушникъ изъ ученаго люда, по словамъ его, слушавшій нѣкогда лекціи въ университетѣ, вышедшій изъ Оптиной пустыни и долго скитавшійся по разнымъ мѣстамъ, опять явился къ о. игумену Исаакію, тоже наговорилъ ему много дерзостей и, наконецъ, сказалъ: «вотъ ты игуменъ, а неуменъ». Спокойно выслушавъ рѣчи безразсуднаго, о. Исаакій, усмѣхнувшись, отвѣтилъ: «а ты вотъ и уменъ, да не игуменъ», и—отпустилъ мирно.

Заботясь о нравственномъ преуспѣяніи братства, о. игуменъ Исаакій не любилъ отпускать кого-либо изъ стѣнъ обители, даже на богомолье, особенно на долгій срокъ.

Обращая, такимъ образомъ, главное вниманіе на внутреннюю жизнь инока, о. Исаакій требовалъ исполненія и наружнаго благочинія.

Питая искреннюю любовь ко всей братіи, о. Исаакій никому не дѣлалъ особаго угощенія у себя въ келліи; приглашалъ только изрѣдка, по особымъ случаямъ, старшую братію на легонькую закуску. Впрочемъ, всегда снисходилъ къ немощнымъ и престарѣлымъ, для которыхъ содержалъ даже особенную кухню, общую съ больными, строго запрещая приготовлять что-либо у себя въ келліи.

Но излишняго винопитія терпѣть не могъ въ обители. Когда предъ великими праздниками келейники просили у него благословенія купить вина, для подкрѣпленія престарѣлыхъ, немощныхъ и трудящихся на тяжелыхъ послушаніяхъ братій, онъ въ волненіи хватался за голову, восклицая: «охъ, ужъ это мнѣ вино, вино»! Не любя свободнаго обращенія братіи съ мірянами, а равно празднословныхъ бесѣдъ, о. игуменъ строго воспрещалъ, особенно молодымъ послушникамъ, ходить безъ нужды на гостинницу, принимать по келліямъ мір-

скихъ посѣтителей, а также дѣлать гдѣ бы то ни было сборища послѣ вечернихъ правилъ и гулять по вечерамъ. Для лучшаго наблюденія за поведеніемъ братіи, о. Исаакій посѣщалъ иногда келліи, преслѣдуя при этомъ всякое излишество. Такъ разъ войдя къ одному монаху и увидавъ постланный у его кровати половикъ изъ сѣраго сукна, онъ сказалъ: «это излишество,—достаточно постлать рѣдно».

Простота обращенія о. Исаакія съ братіями была поразительна. Внѣ начальственныхъ отношеній онъ считалъ всѣхъ какъ бы равными себѣ; не стѣснялся сажать своихъ монаховъ рядомъ съ собою пить чай или бесѣдовать. Если во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ на монастырскія дачи встрѣчалъ тамъ кого-либо изъ иноковъ, пріѣхавшихъ туда же по дѣлу, иногда съ ними шутилъ: «что, развѣ со мною конфузно»,—бывало скажетъ онъ монаху, если тотъ изъ почтенія къ настоятелю хотѣлъ удалиться въ отдѣльное помѣщеніе. Отличаясь же въ отношеніи къ братіи простотой и смиреніемъ, о. Исаакій нерѣдко выказывалъ нѣжную отеческую заботливость. «Не нужно ли тебѣ чего-либо? Можетъ быть чайку или сахару?»—бывало такъ спрашивалъ онъ у старыхъ и нуждавшихся монаховъ. Впрочемъ, особенной любви къ кому-либо старался не выказывать, дабы не возбудить зависти въ другихъ, а отличаемаго брата не привести въ гордость. Оцѣнивая столь мудрое и любвеобильное отношеніе къ себѣ старца-настоятеля, братія, въ свою очередь, питала къ нему нелицемѣрную любовь и уваженіе, какъ къ строгому начальнику и любвеобильному отцу, всегда заботившемуся обо всѣхъ ихъ нуждахъ, называя его въ домашнихъ бесѣдахъ не иначе какъ «дѣдушкой». Вѣря въ благодатную силу молитвъ своего дѣдушки, нѣкоторые иноки случавшійся благополучный исходъ изъ тѣсныхъ обстоятельствъ приписывали ей. Такъ, одинъ монахъ, будучи въ опасности погибнуть при переправѣ чрезъ рѣку осенью, когда ледъ былъ еще не крѣпокъ, призвавъ на помощь молитвы своего дѣдушки, изба-

вился отъ опасности. Многіе признавали силу и дѣйственность его слова, по которому иноки, входя къ нему часто очень разстроенными, выходили вполнѣ покойными, забывъ всѣ свои скорби. «Какія у насъ скорби?»—говорилъ при этомъ о. Исаакій: «у насъ не скорби, а скорбишки. Вотъ въ міру такъ скорби: жена, дѣти, обо всемъ забота; а у насъ что? Полно Бога гнѣвить; надо только благодарить Его; живемъ на всемъ готовомъ».

При пріемѣ въ монастырь желавшаго поступить въ число братства, о. Исаакій руководствовался обычаемъ, установившимся еще при о. архимандритѣ Моисеѣ, по которому они принимались по благословенію старца и съ согласія настоятеля. Послушниковъ изъ другихъ монастырей, по совѣту старца и собственному убѣжденію, о. Исаакій принималъ только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, зная, что поступающіе изъ чужихъ обителей или не могутъ свыкнуться съ Оптинскими порядками, или, что еще хуже, станутъ возмущать миръ братіи, который для настоятеля былъ дороже всего. Престарѣлыхъ и немощныхъ, но состоятельныхъ людей принималъ съ денежнымъ вкладомъ, будучи убѣжденъ, что монахъ самъ долженъ питать себя или трудами рукъ, или взносомъ въ обитель приличнаго обезпеченія; къ неимущимъ же, въ комъ замѣчалъ горячее усердіе и ревность къ иночеству, оказывалъ снисхожденіе. Относясь съ искреннимъ расположеніемъ къ каждому сыну обители, какъ своему чаду духовному, о. Исаакій не дѣлалъ рѣзкихъ сословныхъ различій, хотя и снисходилъ по возможности къ немощамъ брата, и старался съ каждымъ поступать сообразно его духовному строенію и даже мірскимъ привычкамъ. Впрочемъ, при случаѣ онъ не стѣснялся дѣлать всѣмъ замѣчанія и выговоры иногда довольно въ рѣзкой формѣ.

При постригѣ въ монашество или посвященіи въ священный санъ, о. Исаакій опять руководствовался совѣтами стар-

ца, безъ котораго не приступалъ никогда ни къ какому важному дѣлу по обители.

Къ присылаемымъ въ Оптину пустынь подъ начало на исправленіе, о. Исаакій относился съ отеческимъ попеченіемъ и заботливостью, стараясь по возможности облегчить ихъ тяжелое положеніе. Строго наблюдая за ихъ поведеніемъ, онъ, въ случаѣ ихъ неисправности, приглашалъ къ себѣ, усовѣщевалъ и старался возбудить въ нихъ раскаяніе въ непристойныхъ поступкахъ. Только въ крайнихъ случаяхъ, если видѣлъ въ подначальномъ ропотъ или неудовольствіе, онъ старался чрезъ начальство удалить его изъ обители, при чемъ обращалъ вниманіе его на неудобство держать человѣка противъ воли въ непривычной для него обстановкѣ, и даже на опасность въ этомъ отношеніи для его духовнаго устроенія. Впрочемъ, онъ никогда не руководствовался при этомъ личными разсчетами, а имѣлъ въ виду лишь пользу братіи и подначальнаго. Обыкновенно же по истеченіи срока епитиміи, о. Исаакій отпускалъ его съ одобрительною аттестаціей.

Проживавшихъ въ Оптиной на покоѣ, а равно пріѣзжавшихъ въ пустынь на время погостить, для ознакомленія съ монашествомъ, главнымъ образомъ студентовъ духовной академіи, онъ старался всячески обласкать, дѣлая имъ возможное снисхожденіе и относясь къ нимъ съ должнымъ уваженіемъ, требуя лишь подчиненія самымъ необходимымъ монастырскимъ правиламъ.

Изъ лицъ высшаго іерархическаго сана проживалъ въ Оптиной на покоѣ нѣкоторое время преосвященный Петръ, епископъ (впослѣдствіи настоятель Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ), оставившій здѣсь самыя отрадныя воспоминанія и пожертвовавшій въ пользу Оптиной пустыни свои сочиненія. О. Исаакій всегда удивлялся смиренію преосвященнаго, въ особенности когда послѣдній предъ служеніемъ приходилъ къ нему за благословеніемъ. Затѣмъ долгое время жилъ въ

Оптиной пустыни о. архимандритъ Ювеналій Половцевъ, впослѣдствіи архіепископомъ Виленскій, связанный съ о. Исаакіемъ узами тѣсной дружбы. Онъ помогалъ о. игумену въ нѣкоторыхъ дѣлахъ своими совѣтами, а келейно упражнялся въ книжныхъ трудахъ. Такъ, онъ перевелъ съ ново-греческаго на русское нарѣчіе книгу пр. Петра Дамаскина (въ славянск. Добротолюбіи), и составилъ описаніе жизни Оптинскаго настоятеля, о. архимандрита Моисея.

Имѣя главное попеченіе о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ монастыря, во все время своего настоятельствованія, о. Исаакій предоставлялъ заботу о жизни скитскихъ иноковъ скитоначальнику и старцу.

Такимъ образомъ, въ продолженіе своего долгаго, почти 32-лѣтняго управленія обителью, о. Исаакій всячески старался поддерживать всѣ добрыя, завѣщанныя оптинскими старцами, преданія, заботясь о духовномъ преуспѣяніи ввѣренной его попеченію братіи.

Оптина пустынь, прославленная болѣе чѣмъ 60-лѣтнимъ безпрерывнымъ старчествомъ, привлекала въ нѣдры свои толпы богомольцевъ разныхъ состояній, возрастовъ и самаго разнообразнаго общественнаго положенія, со всѣхъ концовъ Россіи. Посѣщая пустынь, они съ чувствомъ умиленія наслаждались продолжительнымъ, чиннымъ и своеобразно-пустынным богослуженіемъ, благочиннымъ предстояніемъ братіи въ храмѣ Божіемъ и трудами ихъ на монастырскихъ послушаніяхъ, при скудной монастырской пищѣ, и выносили самое благопріятное впечатлѣніе о духовномъ настроеніи оптинскаго братства, которое подкрѣплялось еще болѣе высоконравственнымъ характеромъ ея настоятеля и старца. И если старецъ Амвросій съ христіанскою любовію относился ко всѣмъ посѣтителямъ, утѣшалъ скорбящихъ, наставлялъ сомнѣвавшихся въ вѣрѣ, разрѣшалъ житейскія недоумѣнія и вообще старался благотворить всякому нуждающемуся; то настоятель о. Исаакій съ своей стороны заботился о томъ,

чтобы доставлять старцу всевозможныя удобства для его многотруднаго и многополезнаго служенія людямъ. Съ этою цѣлію, для лучшаго помѣщенія посѣтителей, онъ выстроилъ новую гостинницу, передѣлалъ старыя, снабдивъ ихъ возможными удобствами, и содержалъ особую кухню для пріѣзжавшихъ болѣе почетныхъ гостей. Дабы успокоить монахинь, находившихся подъ духовнымъ руководствомъ старца и во множествѣ посѣщавшихъ обитель изъ разныхъ монастырей, о. Исаакій прибавилъ лишній корпусъ къ бывшимъ прежде и благословлялъ имъ жить по нѣскольку дней безвозмездно. Для странниковъ, убогихъ и неимущихъ о. Исаакій построилъ особое зданіе странноприимной, гдѣ по его распоряженію кормили ихъ каждую субботу человѣкъ по 300, раздавая при этомъ милостыню всѣмъ вообще отъ 10 до 15 рублей. Кромѣ того каждый день, послѣ братской трапезы, предлагалась безвозмездно другая трапеза посѣтителямъ. Бѣдныхъ же жителей Козельска о. Исаакій ежегодно снабжалъ лѣсомъ для устройства домовъ; такъ что большая часть ихъ, построенная возлѣ рѣки, воздвигнута съ помощію о. Исаакія. Онъ же благословлялъ имъ собирать сучья для топлива въ монастырскомъ лѣсу. Облагодѣтельствованные жители города относились къ нему и къ обители съ благодарностію, любовію и уваженіемъ.

Заботясь, такимъ образомъ, объ удовлетвореніи вещественныхъ нуждъ посѣтителей Оптиной пустыни, о. Исаакій не оставлялъ безъ вниманія и духовныхъ ихъ потребностей. Онъ всегда радушно принималъ всѣхъ, желавшихъ посѣтить его, при чемъ всего чаще бесѣдовалъ о духовныхъ предметахъ, но избѣгалъ близкаго общенія съ женщинами. Серьезный, но вмѣстѣ открытый и кроткій видъ его иногда сразу привлекалъ къ нему сердца ихъ и возбуждалъ въ нихъ чувство невольнаго уваженія къ нему, несмотря даже на самый холодный его пріемъ.

Многочисленные благодѣтели обители, привлеченные еще

любвеобильнымъ и мягкимъ обращеніемъ о. архимандрита Моисея, продолжали свои сердечныя отношенія къ Оптиной и послѣ его кончины, посѣщая ея новаго настоятеля, который своимъ простосердечіемъ и искренностію сумѣлъ внушить имъ къ себѣ, вмѣстѣ съ уваженіемъ, самое теплое участіе и расположеніе. Никакихъ личныхъ видовъ въ своихъ отношеніяхъ съ знатными благодѣтелями обители о. Исаакій никогда не преслѣдовалъ. И здѣсь именно сказалось то благотворное вліяніе его строго-монашескаго воззрѣнія на жизнь, по которому на общественную дѣятельность слѣдуетъ выступать лишь послѣ долгаго искуса и внутренней работы надъ своимъ духовнымъ устроеніемъ въ борьбѣ съ ветхимъ человѣкомъ.

Въ 1887 году Оптина пустынь удостоилась посѣщенія Великаго Князя Константина Константиновича. Встрѣченный всею братіей въ святыхъ воротахъ обители, Великій Князь прослѣдовалъ въ настоятельскіе покои, предложенные Его Высочеству о. настоятелемъ. Былъ вечеръ—канунъ праздника. Высокому гостю, по монастырскому обычаю, поданъ былъ ужинъ, къ которому приглашался и настоятель. Но послѣдній, по своей простотѣ, отказался отъ этой высокой чести, сказавъ, что онъ завтра служащій, а въ такихъ случаяхъ не имѣетъ обыкновенія ужинать. Такъ былъ всегда вѣренъ себѣ старецъ-игуменъ.

Духовная мудрость старца Амвросія привлекала въ Оптину пустынь не мало людей, которые, не желая жить болѣе въ міру, и чувствуя вмѣстѣ съ тѣмъ настоятельную потребность въ непосредственномъ руководствѣ старца къ преуспѣянію въ жизни духовной, рѣшались помѣститься возлѣ обители, чтобы вполнѣ подчинить ему свою волю. Однимъ изъ таковыхъ былъ извѣстный славянофилъ, Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ, писатель, во время тяжкой болѣзни постриженный келейно старцемъ Амвросіемъ въ монашество и скончавшійся въ Троицко-Сергіевой лаврѣ. Онъ жилъ внѣ

монастырской ограды, на гостинномъ дворѣ. Проживали тутъ же и семейные люди, иные временно, а иные и совсѣмъ оставались, внося въ обитель за помѣщеніе установленную плату. Настоятель относился къ нимъ съ большимъ почтеніемъ и предупредительностію, не стѣсняя ни въ чемъ необходимомъ, и изрѣдка навѣщая ихъ, въ особенности въ великіе праздники—Рождества Христова и Пасхи.

Къ мѣстнымъ епархіальнымъ архипастырямъ о. Исаакій отличался примѣрною покорностію и сыновнею преданностію. Особенное благоговѣніе онъ питалъ къ архіепископу Григорію II, каждое слово котораго считалъ выраженіемъ воли Божіей.

Къ настоятелямъ прочихъ монастырей Калужской епархіи, которые большею частію были или его постриженники, или прежніе сотрудники, о. Исаакій относился всегда съ неизмѣнною любовію, не отказывая имъ въ мудрыхъ совѣтахъ, почерпнутыхъ имъ изъ многолѣтняго опыта. Особенное благорасположеніе питалъ онъ къ настоятелю Тихоновой пустыни, отцу Моисею, котораго принималъ всегда въ собственныхъ покояхъ. Нечего и говорить о томъ расположеніи и уваженіи, которыми онъ взаимно отъ нихъ пользовался.

При возникшей у старца Амвросія мысли объ устройствѣ Шамординской женской общины, о. Исаакій на первыхъ порахъ отнесся было къ этому намѣренію старца не совсѣмъ благопріятно, опасаясь близости общины къ Оптиной пустыни, основываясь при семъ на мнѣніи нѣкоторыхъ близкихъ къ нему людей. Но успокоенный преосвященнымъ Владиміромъ, который самъ ѣздилъ осматривать мѣсто, предназначавшееся для обители, и не нашелъ его слишкомъ близкимъ, онъ совершенно перемѣнилъ свой взглядъ. Назначенный же благочиннымъ Шамординской общины и утѣшенный довѣріемъ владыки, при ея открытіи, когда послѣдній поручилъ ему наблюденіе за установленіемъ въ ней монастырскаго порядка, онъ началъ относиться къ ней съ теплымъ чувствомъ распо-

ложенія, всячески помогая старцу въ его благомъ начинаніи и принимая живое участіе во всѣхъ важныхъ дѣлахъ общины. Для успокоенія пріѣзжавшихъ къ старцу Шамординскихъ сестеръ о. Исаакій уступилъ въ ихъ пользу корпусъ, который занимала прежде мать Амвросія Ключарева. И послѣ, когда уже по смерти старца, Шамординская настоятельница просила его оставить за ними это помѣщеніе, онъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился на ея просьбу.

Снисходительнымъ къ Шамордину и попечительнымъ оставался о. Исаакій до самой своей кончины. И только переселеніе туда старца Амвросія охладило на время его теплое чувство къ общинѣ. Огорченный отбытіемъ изъ пустыни своего духовнаго отца, мудраго совѣтника и молитвенника, а равно и начавшимся ощущаться матеріальнымъ недостаткомъ въ обители, когда многочисленные ея посѣтители обратились въ Шамордино къ старцу, о. Исаакій, по обычной своей прямотѣ, не въ силахъ былъ скрыть своего огорченія на о. Амвросія, невольно перенесъ долю его и на общину, виновницу старцева отъѣзда. Впрочемъ, кончина о. Амвросія вновь сблизила его съ дѣтищемъ старца. Такъ, когда преосвященный Виталій, подъ вліяніемъ доносовъ и разныхъ неосновательныхъ толковъ противъ батюшки о. Амвросія, рѣшился воспрепятствовать всякому общенію Шамординской общины съ Оптиной, о. Исаакій, несмотря на неудовольствіе владыки, первый подалъ голосъ въ защиту сестеръ, объяснивъ преосвященному, что онѣ не могутъ обходиться безъ старческаго руководства, особенно если обитель ихъ основана на началахъ старчества, а потому просилъ разрѣшенія посылать къ нимъ духовника изъ Оптиной. Во вниманіе къ его ходатайству и по другимъ соображеніямъ владыка впослѣдствіи отмѣнилъ свое распоряженіе. Но еще и до этого о. Исаакій не стѣснялся посылать въ общину монаховъ, понимающихъ хозяйство, для окончанія нѣкоторыхъ начатыхъ дѣлъ, о чемъ просили его сестры, и завѣщалъ покойный старецъ. «Дальше

Сибири меня не ушлютъ», замѣтилъ онъ, отправляя ихъ въ общину: «поѣзжайте, если надо; нельзя же ихъ такъ оставить». Такое глубокое уваженіе питалъ онъ къ почившему старцу и ко всѣмъ его предпріятіямъ. При воспоминаніи о немъ о. Исаакій выражался такъ: «великій былъ старецъ, я его уважаю; при жизни мы не цѣнили его, какъ слѣдуетъ». Затѣмъ онъ не переставалъ уже относиться къ Шамординской общинѣ съ сердечнымъ расположеніемъ, хотя и не имѣлъ къ ней офиціальнаго отношенія, отказавшись отъ должности благочиннаго по преклонности лѣтъ.

Внѣшнее подвижничество о. Исаакія, по переходѣ изъ скита въ монастырь оставалось такимъ же примѣрнымъ, какъ и тамъ, и выражалось почти въ тѣхъ же проявленіяхъ. Такъ и здѣсь о. Исаакій неопустительно посѣщалъ храмъ Божій до самой своей предсмертной болѣзни, и приходилъ всегда къ началу службы, а къ утрени выходилъ изъ келліи иногда до звона, при чемъ будильщикъ постоянно находилъ его въ бодрственномъ состояніи. Впослѣдствіи открылось, что о. Исаакій вставалъ въ 12 часовъ ночи, исполнялъ положенное въ скиту келейное правило, и затѣмъ уже шелъ къ утрени. Къ ранней обѣднѣ онъ ходилъ постоянно, при чемъ не любилъ, чтобы служба начиналась безъ него. Обыкновенно онъ поминалъ, во время проскомидіи, всѣхъ своихъ родственниковъ и благодѣтелей обители. Во время поздней обѣдни и послѣ полуденнаго краткаго отдыха принималъ посѣтителей или ходилъ по работамъ; а при первомъ ударѣ колокола къ вечернѣ спѣшилъ опять въ храмъ Божій. Когда по воскреснымъ, великимъ праздникамъ и торжественнымъ днямъ о. Исаакій совершалъ Божественную службу, сослужившіе съ нимъ замѣчали, что во время главныхъ моментовъ богослуженія онъ исполнялся чувствомъ особеннаго благоговѣнія, при чемъ голосъ его отъ умиленія прерывался. Вообще, во время церковныхъ службъ, о. Исаакій, несмотря даже на свой преклонный возрастъ, не имѣлъ обыкновенія

садиться въ неположенное уставомъ время. И только за годъ до кончины, при истощеніи тѣлесныхъ силъ сталъ присаживаться во время причастнаго стиха и при разоблаченіи, когда служилъ. Относясь самъ съ примѣрнымъ благоговѣніемъ къ божественной службѣ, онъ не любилъ, чтобы и другіе совершали ее поспѣшно и невнимательно. Великимъ постомъ, несмотря на старость и слабость свою, канонъ св. Андрея Критскаго на первой седмицѣ, первыя евангелія на часахъ Страстной и утренній канонъ о. Исаакій читалъ всегда самъ, при чемъ съ умиленіемъ твердымъ голосомъ пѣлъ свѣтиленъ: «Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный». Несмотря на глубокую старость, голосъ его былъ настолько твердъ и силенъ, что каждое слово, произносимое имъ при чтеніи, напримѣръ, молитвы въ день святой Пятидесятницы, внятно раздавалось по всему храму, и чтеніе его было глубоко прочувствовано.

Келейная обстановка о. Исаакія была самая простая.

Въ одеждѣ о. Исаакій не отличался отъ прочей братіи. Простой поношенный подрясникъ, въ которомъ онъ обыкновенно всегда одѣтъ былъ дома, мухояровая ряса и такая же мантія, въ которой ходилъ для служенія службъ церковныхъ, были обычнымъ его одѣяніемъ. Въ бѣльѣ также соблюдалъ самую строгую простоту, при чемъ иногда самъ чинилъ себѣ носки. Между тѣмъ ноги его всегда покрыты были значительными мозолями, на которыя онъ, впрочемъ, не обращалъ большого вниманія.

Въ пищѣ о. Исаакій былъ очень воздержень, не допуская себѣ послабленія. Онъ всегда ходилъ вмѣстѣ съ братіями въ общую трапезу, говоря иногда въ шутку своимъ келейникамъ: «а то можетъ быть скажутъ: у настоятеля своя кухня». Въ случаѣ же, когда онъ почему-либо не имѣлъ возможности пойти въ трапезу, ему оттуда приносили пищу. Посты о. Исаакій соблюдалъ очень строго.

Сохраняя обычную свою молчаливость, о. Исаакій не нарушалъ ея даже и при многолюдныхъ собраніяхъ. Такъ, однажды въ присутствіи архіерея, на обѣдѣ въ Шамординѣ, когда онъ по своему обыкновенію молчалъ, владыка предложилъ ему принять участіе въ бесѣдѣ. Но о. Исаакій сказалъ, что онъ принимаетъ участіе въ бесѣдѣ тѣмъ, что слушаетъ другихъ, ибо надо же кому-нибудь исполнять и эту обязанность.

Въ продолженіе 16 лѣтъ своего пребыванія въ скиту, о. Исаакій настолько привыкъ подчинять волю свою старческому руководству, и стяжалъ при этомъ такое смиреніе, что во время своего долгаго управленія монастыремъ не могъ уже обходиться безъ старца. Каждую субботу, наканунѣ служенія, онъ по обычаю отправлялся для исповѣди въ скитъ, и здѣсь, сидя въ пріемной старца о. Амвросія, вмѣстѣ съ другими посѣтителями, смиренно дожидался очереди, которая иногда доходила до него не скоро. Не измѣнилъ онъ своему обыкновенію и послѣ кончины уважаемаго старца, продолжая, несмотря на ослабленіе своихъ тѣлесныхъ силъ, аккуратно посѣщать его преемника, о. Іосифа, хотя онъ былъ изъ числа постриженниковъ о. Исаакія. Только незадолго до кончины, когда уже силы совсѣмъ стали оставлять его, онъ сталъ приглашать новаго старца къ себѣ. Каждое важное монастырское дѣло о. Исаакій рѣшалъ не иначе какъ съ совѣтомъ старца, отсѣкая при этомъ собственную волю. Продолжалъ онъ дѣлать это и тогда, когда старцемъ сдѣлался человѣкъ несравненно моложе его, и притомъ имъ же постриженный. Такимъ глубокимъ смиреніемъ о. Исаакій подавалъ примѣръ братіи. Какимъ путемъ о. Исаакій достигъ благодатнаго смиренія, видно изъ его отвѣта иноку, вопрошавшему его, какъ побѣдить гордость. «Какъ побѣдить—отвѣтилъ подвижникъ,—для этого необходима борьба и самопонужденіе къ смиренію. Это не вдругъ приходитъ, а современемъ. Это то же, что пролить кровь. Проси Бога. Постепенно будешь осваиваться со смиреніемъ, а послѣ оно и въ навыкъ обратится».

Если кто-либо оставлялъ обитель по неудовольствію на настоятеля, и даже разсорившись съ нимъ, о. Исаакій, при возвращеніи такого, никогда не напоминалъ ему прежняго его поведенія; но обыкновенно смиривъ, для душевной его пользы, принималъ опять въ монастырь и относился иногда къ нему даже лучше прежняго.

Никогда онъ не собиралъ лишнихъ вещей. Если кто усердствовалъ ему что-либо изъ бѣлья, онъ тотчасъ раздавалъ все нуждающимся изъ братій, оставляя себѣ лишь самую ничтожную долю. Нестяжательность о. Исаакія особенно выказалась послѣ блаженной его кончины: отъ него ничего не осталось, тогда какъ онъ въ свое время былъ человѣкъ богатый и имѣлъ свои порядочныя средства.

Кромѣ общаго благотворенія нищимъ отъ обители, о. Исаакій и самъ отъ себя раздавалъ щедрую милостыню, стараясь всячески утаить свое доброе дѣло.

Вѣра о. Исаакія въ Промыслъ Божій укрѣплялась неоднократно посѣщеніемъ его, во время настоятельства, милостію и помощію Божіею. Кромѣ вышеупомянутаго случая, касательно неожиданной уплаты монастырскаго долга, о. Исаакій разсказывалъ о себѣ слѣдующее. Поѣхалъ онъ однажды на монастырскую мельницу, подъ г. Болховымъ. Время было зимнее. Переночевавъ въ г. Бѣлевѣ, онъ по обыкновенію сѣлъ въ возокъ, и лошади тронулись далѣе. Неизвѣстно отчего, только вдругъ онѣ быстро понеслись и начали бить. Кучеръ успѣлъ соскочить съ облучка, и только, смотря вслѣдъ бѣшено удалявшейся тройкѣ, видѣлъ, какъ возокъ съ сидѣвшимъ въ немъ настоятелемъ подпрыгивалъ по дорогѣ. Чувствовалъ о. Исаакій постигшую его бѣду, но не имѣлъ возможности освободиться изъ закрытаго со всѣхъ сторонъ возка, и потому мысленно обратился съ усердною молитвою о помилованіи къ св. Николаю Чудотворцу. Вдругъ лошади моментально остановились. О. Исаакій вылѣзъ изъ возка, подошелъ къ нимъ и началъ ихъ поглаживать. Оказалось, что

тройка остановилась на самомъ краю глубочайшаго оврага. Еще бы одна минута, и уже негдѣ было бы искать настоятеля съ возкомъ и лошадьми. Подошелъ и кучеръ, бѣжавшій вслѣдъ за возкомъ. «Батюшка!—воскликнулъ онъ,—вы цѣлы?»—«Какъ видишь»,—отвѣчалъ о. Исаакій.—«А я думалъ,—продолжалъ тотъ,—что и косточекъ вашихъ не соберешь». Такъ по молитвамъ святителя Христова Николая, о. Исаакій остался живъ, и въ то же самое время не чувствовалъ даже боли отъ толчковъ въ возку; а уже послѣ, чрезъ нѣкоторое время, сталъ ощущать боль въ тѣлѣ и нѣсколько похворалъ. Съ того времени о. Исаакій особенно благоговѣлъ къ скорому заступнику въ бѣдахъ, св. Николаю Чудотворцу.

Вполнѣ отрекшись отъ міра и всѣхъ его прелестей, о. Исаакій относился къ наградамъ и повышеніямъ совершенно равнодушно, и даже иногда уклонялся отъ нихъ. Такъ, когда въ началѣ семидесятыхъ годовъ ему предложили санъ архимандрита, онъ по своему смиренію отказался отъ него, и потому, вмѣсто архимандритства, былъ награжденъ палицей 9 іюня 1872 года.

Въ 1885 году о. Исаакій былъ представленъ и возведенъ въ санъ архимандрита уже безъ предварительнаго его согласія. Въ свое время онъ получалъ и ордена: св. Анны 3-й и 2-й степени и св. Владиміра 4-й и 3-й степени. Послѣдняя награда (орденъ св. Владиміра 3-й ст.) пожалована была ему за нѣсколько мѣсяцевъ до его блаженной кончины, и возложена на него самимъ преосвященнымъ Александромъ, при посѣщеніи о. Исаакіемъ своего вновь прибывшаго на епархію архипастыря въ Калугѣ. Такъ вниманіе начальства къ непрестаннымъ и примѣрнымъ трудамъ его, по управленію обителью, вознаграждало настоятеля-подвижника, помимо собственной его воли; и честь, отъ которой онъ бѣгалъ всю жизнь, какъ бы нарочно его преслѣдовала.

31 мая 1890 года скончался неутомимый сотрудникъ о. архимандрита Исаакія, казначей обители іеромонахъ Фла-

віанъ, помогавшій ему въ управленіи монастыремъ почти все время его настоятельства; и съ тѣхъ поръ престарѣлому настоятелю пришлось испытать много разныхъ скорбей. Думая видѣть достойнаго преемника почившему о. казначею и дѣятельнаго себѣ помощника, въ лицѣ своего письмоводителя, іеромонаха о. Макарія, о. Исаакій желалъ поручить ему казначейскую должность, но братство избрало другого, чему не могъ противорѣчить и старецъ Амвросій. Это было первымъ поводомъ къ огорченію для престарѣлаго начальника. Затѣмъ сильно подѣйствовалъ на него отъѣздъ старца Амвросія въ Шамординскую общину. Къ этимъ скорбямъ о. архимандрита Исаакія присоединялись и еще слѣдующія: по удаленіи старца изъ Оптиной, доходы ея тотчасъ же стали сокращаться; такъ что настоятель по необходимости сталъ входить въ долги, которыхъ къ концу его жизни накопилось уже тысячъ до десяти. Въ разговорахъ съ нѣкоторыми о. Исаакій высказывался такъ: «двадцать девять лѣтъ провелъ я настоятелемъ при старцѣ и скорбей не видалъ: теперь же должно быть угодно Господу посѣтить меня грѣшнаго скорбями». Вѣроятнѣе всего, вслѣдствіе такихъ огорченій, съ о. архимандритомъ Исаакіемъ послѣдовалъ первый ударъ (параличъ), впрочемъ легкій, такъ что больной вскорѣ оправился. Но здоровье его съ тѣхъ поръ начало понемногу надламываться, а потому онъ пожелалъ келейно принять постриженіе въ схиму, которое и совершилъ надъ нимъ братскій духовникъ, скитоначальникъ о. Анатолій.

Вскорѣ затѣмъ на о. архимандрита Исаакія послѣдовали тайные доносы, что будто бы онъ, по преклонности лѣтъ, неспособенъ управлять монастыремъ. Введенный этими доносами въ заблужденіе, преосвященный Виталій распорядился, чтобы составленъ былъ соборъ изъ семи старшихъ іеромонаховъ, который раздѣлялъ бы съ о. Исаакіемъ бремя правленія. Огорченный такимъ недовѣріемъ владыки, о. архимандритъ хотѣлъ было совсѣмъ оставить начальство, и

Оптинскій архимандритъ Исаакій

Оптинскій архимандритъ Исаакій во время недуга

только усиленныя просьбы братіи удержали его отъ этого намѣренія. Впрочемъ, соборъ этотъ въ скоромъ времени былъ уничтоженъ. Слѣдствіе же, произведенное благочиннымъ монастырей, настоятелемъ Тихоновой пустыни, архимандритомъ Моисеемъ, вызванное доносами о полной неспособности Оптинскаго настоятеля къ управленію обителью, показало единодушное признаніе всего братства, что настоятель ихъ, о. архимандритъ Исаакій всегда былъ и есть примѣрнаго поведенія и къ управленію монастыремъ способенъ. Почему преосвященный Виталій снова сталъ оказывать свое благоволеніе къ о. архимандриту Исаакію.

Искушаемый столь тяжкими скорбями, твердый подвижникъ, благодушнымъ терпѣніемъ ихъ, приготовлялся въ послѣдніе годы къ переселенію въ вѣчность; и лишь за годъ до кончины, вполнѣ успокоенный, въ мирѣ доживалъ дни своего земного странствованія.

Въ іюнѣ 1894 года началась у него предсмертная болѣзнь—дизентерія.

Утѣшеніе его составляли молитва и св. иконы, которыя по временамъ приносили къ нему изъ Козельска и изъ своей обители. Онъ былъ покоенъ духомъ, впрочемъ, готовился къ исходу изъ сей жизни не безъ страха, который былъ постояннымъ спутникомъ его жизни. «Страшно умирать. Какъ явлюсь предъ лицемъ Божіимъ и на страшный судъ Его; а сего не минуешь»,—говаривалъ онъ всегда. За мѣсяцъ до кончины онъ передалъ управленіе монастыремъ о. казначею.

Вѣроятно душно было больному лежать въ кельѣ, и потому онъ пожелалъ быть на воздухѣ. Его помѣстили во дворѣ настоятельскаго корпуса, подъ тѣнью большого дерева на постели. Сюда стекались для прощанія съ нимъ какъ братія, такъ и посторонніе посѣтители. Послѣднее его наставленіе ко всѣмъ вообще братіямъ, изъ которыхъ многіе спрашивали его, — какъ батюшка жить послѣ васъ? — было слѣдующее: «живите по совѣсти и просите помощи у Ца-

рицы Небесной, и все будетъ хорошо». Многіе изъ прощавшихся съ нимъ плакали.

20 августа съ о. архимандритомъ Исаакіемъ послѣдовалъ еще ударъ, и съ этихъ поръ онъ уже не могъ говорить. Наконецъ, 22 августа къ вечеру дыханіе его сдѣлалось рѣже, а въ 8 часовъ вечера онъ мирно почилъ о Господѣ, въ глубокой старости, 85 лѣтъ отъ роду.

Преосвященный Поликарпъ, епископъ Орловскій и Сѣвскій.

(Память 22 августа).

Преосвященный Поликарпъ, епископъ Орловскій, родился 14 августа 1798 года, въ пригородѣ Каменецъ-Подольска—Русскихъ Фольваркахъ, и 16 числа крещенъ съ именемъ Ѳеодосія.

Отецъ хотѣлъ было назвать его Кирилломъ, въ честь святителя Кирилла, патріарха Александрійскаго, коего память 9 іюня; но мать этого не желала, потому только, что такое имя носилъ сосѣдъ ихъ, человѣкъ крайне нетрезвый,—и потому новорожденный, по общему рѣшенію отца и матери, названъ былъ Ѳеодосіемъ,—въ честь преподобнаго Ѳеодосія, игумена Печерскаго.

Родители преосвященнаго Поликарпа были священникъ г. Каменецъ-Подольска Покровской русско-фольварковской церкви Іоаннъ Радкевичъ и его супруга Елена Иванова.

Отецъ преосвященнаго былъ сынъ уніатскаго священника Іоанна Радкевича, впослѣдствіи присоединившагося къ православію.

Въ Каменцѣ, въ Русскихъ Фольваркахъ, на церковной усадьбѣ, близъ упраздненной ветхой, деревянной церкви, стоялъ небольшой деревянный, подъ соломенною кровлею,

домикъ, принадлежавшій священнику Іоанну Радкевичу. Здѣсь-то и родился въ 1798 году, провелъ дѣтство и получилъ первоначальное воспитаніе сынъ Радкевича Ѳеодосій, впослѣдствіи епископъ Орловскій Поликарпъ.

Родители преосвященнаго Поликарпа, по словамъ старожиловъ, были очень бѣдны, но богаты нравственными, добрыми качествами: были весьма набожны, любвеобильны и сострадательны къ бѣднымъ и несчастнымъ. Въ этомъ же направленіи они старались воспитать и дѣтей своихъ,—двухъ сыновей и дочь. Старшій изъ сыновей былъ Ѳеодосій, второй—Іаковъ; дочь звали Агапіей. Впослѣдствіи она была въ замужествѣ за священникомъ села Мукши, Каменецкаго уѣзда, Іустиномъ Люцедарскимъ—впослѣдствіи архимандритъ Ксенофонтъ.

Старшій сынъ священника Іоанна Радкевича, Ѳеодосій, еще съ малыхъ лѣтъ проявлялъ особенную любовь къ Богу и ревность служить Ему. Когда отецъ его отправлялся въ церковь къ службѣ Божіей, то и Ѳеодосій ходилъ съ нимъ туда же съ большою охотою. Тамъ становился онъ въ алтарѣ и исправлялъ пономарскую должность. Когда выучился довольно бѣгло читать, то становился съ причетникомъ на клиросѣ, гдѣ читалъ и пѣлъ. Онъ нѣсколько разъ былъ въ опасности потерять жизнь, но Господь чуднымъ образомъ сохранялъ ее.

Однажды, въ зимнее время, родители Ѳеодосія отлучились изъ дома, оставивъ его и меньшаго брата его Іакова дома съ прислугою. По неосмотрительности послѣдней, печи истоплены и закрыты были не во время, когда еще дрова хорошо не перегорѣли,—отчего случилось то, что родители, по возвращеніи своемъ, нашли и прислугу, и дѣтей своихъ въ безчувственномъ положеніи отъ угара. Мать кинулась къ грудному младенцу, сыну своему Іакову; отецъ занялся поданіемъ помощи прислугѣ; а про Ѳеодосія въ хлопотахъ совсѣмъ забыли и вспомнили о немъ тогда, когда Іакова и

прислугу привели въ чувство. Но, къ ужасу своему, они нашли его безъ всякихъ признаковъ жизни. Всѣ усилія родителей возвратить сыну своему Ѳеодосію жизнь оказались тщетными. Тогда благочестивая мать Ѳеодосія, видя, что всѣ земныя средства, испытанныя ими надъ сыномъ, нисколько не помогаютъ, рѣшилась прибѣгнуть къ помощи небесной: въ этомъ намѣреніи, взявъ бездыханнаго своего ребенка, отнесла его въ церковь; тамъ положила его предъ иконою святителя и чудотворца Николая, которая почитается за чудотворную, и, павъ ницъ предъ нею, съ воплемъ крѣпкимъ и слезами молилась угоднику Божію о возвращеніи умершему своему сыну жизни,—молилась такъ, какъ только можетъ молиться любящая мать,—молилась всю ночь, пока духъ жизни не возвратился въ бездыханное тѣло отрока. Съ великою радостію и слезами благодарности къ Богу и угоднику Его св. Николаю она съ своимъ сыномъ возвратилась домой.

Другой случай. Родители преосвященнаго Поликарпа, какъ мы уже замѣтили, были бѣдны, и потому мать его сама исправляла по дому черныя работы. Однажды отправилась она на рѣку мыть бѣлье. Сынъ ея Ѳеодосій, мальчикъ около 4-хъ лѣтъ, очень привязанный къ матери, побѣжалъ вслѣдъ за нею. Надъ рѣкою, къ которой пошла мать его для мытья бѣлья, возвышался высокій утесъ. Съ этого-то утеса онъ увидѣлъ свою родимую внизу; побѣжалъ по прямому направленію къ ней, и—съ высоты утеса оборвался... Мать оцѣпенѣла отъ ужаса, и, какъ впослѣдствіи разсказывала, только могла воскликнуть: «святителю отче Николае, помилуй меня»! И—угодникъ Божій въ другой разъ явился спасителемъ жизни малютки: Ѳеодосій, упавъ съ высоты не менѣе 7 аршинъ, не потерпѣлъ отъ паденія никакого вреда. Мать торопливо взбѣжала на гору, и съ помощью двухъ женщинъ, съ трудомъ, посредствомъ веревки, вытащила его съ уступа утеса.

Третій замѣчательный случай избавленія отъ видимой опасности былъ съ преосвященнымъ Поликарпомъ, когда онъ обучался уже въ семинаріи. Объ этомъ самъ онъ разсказывалъ мнѣ.—«Я былъ боленъ лихорадкою», говорилъ онъ: «въ домѣ родителей, во время каникулъ. Наступилъ праздникъ Усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя. По благочестивому обычаю нашихъ родителей, всѣ мы должны были въ этотъ день поститься до вечера, «воздержательнаго ради житія св. Іоанна Предтечи, и сверноубійственнаго кровопролитія его отъ руки Ирода», какъ говорится въ церковномъ уставѣ. Чтобы не развлекаться дома и не соблазняться приготовляемыми къ столу снѣдями, я отправился въ рощу за орѣхами. Собирая ихъ, я увидѣлъ одну вѣтвь столь обремененную этими плодами, что она приклонилась до земли. Обрадовавшись столь счастливой находкѣ, я кинулся обрывать ихъ. Но едва только взялся за вѣтвь, какъ змѣя, скрывавшаяся подъ этою вѣтвію, обвилась около руки моей и готова была вонзить свое смертельное жало въ тѣло мое. Напугавшись до чрезвычайности, я быстро отрясъ руку, около которой обвилась змѣя, и отскочилъ отъ самаго мѣста, гдѣ встрѣтилъ такую счастливую находку и вмѣстѣ смертоносную бѣду,—и нимало не потерпѣлъ вреда отъ змѣи. Послѣ того я уже не оставался въ рощѣ, а возвратился домой съ большимъ грузомъ орѣховъ. Прійдя домой сильно проголодавшимся, я отрѣзалъ ломоть ржаного хлѣба, и усыпавъ его толчеными, набранными мною, орѣхами, утолилъ голодъ. Что же?.. Лихорадка моя, которою я страдалъ, прошла, и съ той поры ко мнѣ не возвращалась. Такимъ образомъ, я, милостію Божіею, по молитвамъ Бо́льшаго изъ рожденныхъ женами, Крестителя Господня, избавленъ отъ двухъ золъ: отъ укушенія ядовитымъ гадомъ и несносной болѣзни—лихорадки». Разсказавъ этотъ случай съ собою, преосвященный добавилъ въ назиданіе: «такъ-то и въ жизни нашей духовной: въ постѣ и самоотверженіи заключается здравіе для тѣла и спасеніе

душѣ; напротивъ подъ орѣхами мірскихъ удовольствій гнѣздится смертоносный змій, который губитъ людей, предающихся имъ,—губитъ и по душѣ, и по тѣлу навѣки. Поэтому, надобно намъ тщиться возлюбить первое и всячески избѣгать вторыхъ».

Наконецъ, послѣдній, извѣстный случай, гдѣ Господь чуднымъ образомъ сохранилъ жизнь преосвященнаго Поликарпа отъ очевидной смерти, былъ тогда, когда онъ находился въ санѣ архимандрита одной ввѣренной ему обители.

Въ одномъ изъ храмовъ этой обители возобновляли живопись. Желая посмотрѣть на производимыя работы, онъ, по уходѣ рабочихъ, взобрался на самые верхніе подмостки, подъ самый куполъ храма. Вдругъ подмостки обрушились, и онъ—палъ внизъ. Но Промыслъ Божій бдѣлъ надъ будущимъ свѣтильникомъ Орловской паствы: при паденіи, о. архимандритъ зацѣпился платьемъ за лѣса подмостокъ, и былъ снятъ рабочими уже тогда, когда они возвратились въ храмъ къ своему дѣлу, и при всемъ томъ о. Поликарпъ не потерпѣлъ никакого вреда отъ паденія съ такой высоты.

Преосвященный Поликарпъ въ дѣтствѣ былъ тѣлосложенія слабаго и болѣзненнаго. Тихій отъ природы и застѣнчивый, онъ любилъ уединеніе, бѣгалъ дѣтскихъ игръ, не имѣлъ свойственной сему возрасту рѣзвости, а тѣмъ менѣе шалостей. Онъ былъ дитя самое кроткое и незлобивое; и потому бойкіе и рѣзвые сверстники и товарищи его по школѣ часто обращались съ нимъ грубо. Онъ не воздавалъ имъ зломъ за зло, не жаловался на обижавшихъ его никому, а обыкновенно удалялся отъ нихъ молча или со слезами.

Отецъ преосвященнаго Поликарпа перешелъ изъ Каменецъ-Подольска отъ церкви Русско-Фольварковской въ село Великую Мукшу, гдѣ онъ прослужилъ приходскимъ священникомъ около 20 лѣтъ. Затѣмъ (въ 1822 году) поступилъ за штатъ, предоставивъ свое мѣсто въ с. Мукшахъ зятю своему, священнику о. Іустину: у него-то онъ и оставался на пропитаніи

на штатомъ до самой смерти, въ 1826 году. Мать же преосвященнаго Поликарпа умерла въ 1832 году, а затѣмъ скончалась дочь ихъ Агапія. Всѣ они погребены на кладбищѣ Мукшинской церкви.

Въ с. Мукшахъ преосвященный Поликарпъ получилъ первоначальное образованіе.

Въ верстахъ 4-хъ отъ с. Мукши есть село Тарасовка. Около 1800 года въ Тарасовкѣ былъ приходскимъ священникомъ Іоаннъ Казацкій, обучавшій дѣтей грамотѣ. По примѣру другихъ, и священникъ Мукшинскій Іоаннъ Радкевичъ отдалъ для обученія двухъ сыновей своихъ, Ѳеодосія и Іакова. Какъ дѣти бѣднаго священника, они всякій день должны были ходить пѣшкомъ, четыре версты, изъ Мукши въ Тарасовку, босикомъ, въ однихъ рубашкахъ. Свитки изъ простого крестьянскаго сукна и сапоги они надѣвали только во время холода или ненастной погоды. Зимой только во время большой стужи и вьюги они отправлялись въ саняхъ. Въ ихъ котомкѣ были книжечки да мамалыга (извѣстное малороссійское и молдаванское кушанье, приготовляемое изъ муки кукурузной), которою они питались; это было единственное ихъ кушанье. Крестьянскіе мальчики, пасшіе скотъ на полихъ между Мукшею и Тарасовкою, нерѣдко для потѣхи останавливали бѣдныхъ поповичей на пути въ школу, отнимали у нихъ мамалыгу и, такимъ образомъ, заставляли ихъ голодать по цѣлымъ днямъ. Лишившись, такимъ образомъ, дневного пропитанія, они никогда не возвращались домой за полученіемъ другой порціи мамалыги, а продолжали путь въ школу, полные скорби. Младшій братъ Іаковъ не совсѣмъ былъ терпѣливъ, но Ѳеодосій удивлялъ всѣхъ своимъ необыкновеннымъ терпѣніемъ и кротостію.

17 сентября 1808 года Ѳеодосій Радкевичъ поступилъ въ Подольское духовное училище, которое было тогда соединено съ семинаріею. Изъ отмѣтокъ наставниковъ въ вѣдомостяхъ

обучавшихся въ семинаріи видно, что Ѳеодосій Радкевичъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ ея.

Въ 1819 году Ѳеодосій Радкевичъ, какъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ Подольской семинаріи, посланъ въ Кіевскую духовную академію. Здѣсь, по склонности своей къ монашеской жизни, онъ, вскорѣ по вступленіи въ академію, смѣнилъ мірское одѣяніе на иноческое, и во все время пребыванія своего тамъ ходилъ въ послушнической одеждѣ—въ черномъ суконномъ подрясникѣ съ кожанымъ поясомъ. Самый же постригъ въ монашество онъ принялъ 23 февраля 1824 года, чрезъ годъ по окончаніи академіи, въ должности наставника въ Волынской духовной семинаріи.

Въ 1823 году Ѳеодосій Радкевичъ окончилъ курсъ ученія въ Кіевской духовной академіи со степенью старшаго кандидата и съ правомъ полученія степени магистра, безъ новаго испытанія, каковую степень онъ и получилъ въ 1827 году. Изъ академіи онъ посланъ былъ въ Волынскую семинарію на должность профессора философіи и еврейскаго языка и вмѣстѣ инспектора той же семинаріи. Такъ (съ 1 мая по 20 ноября 1824 г.), за отсутствіемъ ректора онъ исправлялъ ректорскую должность. Комиссіею духовныхъ училищъ онъ опредѣленъ былъ въ Оренбургскую семинарію на каѳедру церковной исторіи и еврейскаго языка. Здѣсь онъ рукоположенъ былъ въ іеродіакона (18 января 1825 года), а чрезъ 10 мѣсяцевъ (25 ноября 1825 года) во іеромонаха.

Преосвященный Амвросій, бывшій въ то время епископъ Оренбургскій, обратилъ вниманіе на наставническіе его труды, наградивъ его набедренникомъ (7 января 1827 года), и затѣмъ (3 апрѣля 1829 года) опредѣлилъ его членомъ Оренбургской духовной консисторіи.

Тогда же (15 іюля 1829 года), онъ, по распоряженію комиссіи духовныхъ училищъ, переведенъ былъ изъ Уфы въ Могилевскую духовную семинарію ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ съ порученіемъ ему настоятельства надъ

Могилево-Братскимъ второклассными и приписнымъ къ нему заштатнымъ Буйницкимъ Святодуховскимъ монастырями.

Проѣздомъ изъ Уфы въ Могилевъ, новый ректоръ Могилевской духовной семинаріи въ Казани счелъ обязанностію принять благословеніе Казанскаго владыки, архіепископа Филарета, впослѣдствіи митрополита Кіевскаго.

Прибывъ въ Могилевъ и вступивъ въ отправленіе ввѣренныхъ ему должностей, ректоръ Могилевской семинаріи Поликарпъ нашелъ Могилево-Братскій и Буйницкій Святодуховъ монастыри въ самомъ разстроенномъ положеніи. Для возстановленія ихъ требовалось много заботъ и трудовъ настоятеля, и особенно много средствъ матеріальныхъ; но послѣднихъ у настоятеля совсѣмъ не было. Призвавъ Господа на помощь и возложивъ на Него надежду, онъ съ ревностію принялся за исправленіе какъ внѣшняго состоянія, такъ особенно внутренняго благочинія упомянутыхъ обителей. И Господь благословлялъ его попеченіе о нихъ: нашлись благотворители, которые и стали охотно дѣлать значительныя пожертвованія. Изъ числа такихъ благотворителей особенную помощь подала ему извѣстная своею благотворительностію графиня А. А. Орлова. Она лично знала Могилевскаго ректора Поликарпа, и за его высокое благочестіе питала къ нему особенное уваженіе, и потому, когда онъ обратился къ ней съ просьбою о пособіи ввѣреннымъ ему обителямъ, она охотно оказала ему помощь въ значительныхъ размѣрахъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Могилевъ, ректоръ Поликарпъ, по указу Св. Синода (30 августа 1829 года), произведенъ во архимандрита и сдѣланъ членомъ Могилевской духовной консисторіи. Затѣмъ онъ назначенъ благочиннымъ Могилевскаго каѳедральнаго собора и ближайшихъ къ Могилеву монастырей и цензоромъ проповѣдей. Труды его по образованію духовнаго юношества и по исправленію другихъ, возложенныхъ на него, должностей въ Могилевѣ не остались безъ вниманія начальства. Въ 1834 году онъ всемилостивѣйше сопричи-

сленъ къ ордену св. Анны 2-й степени, а 12 мая того же года объявлено ему Высочайшее благоволеніе за труды его для заключенныхъ въ тюрьмахъ.

Въ Могилевѣ, въ этихъ должностяхъ, онъ пробылъ около 7 лѣтъ, а затѣмъ перемѣщенъ на ту же должность въ Смоленскую духовную семинарію, гдѣ ему порученъ былъ и завѣдываніе Смоленскій Спасо-Аврааміевъ второклассный монастырь. Впослѣдствіи отъ наставнической должности при Смоленской семинаріи онъ по прошенію былъ уволенъ, потому что нашелъ ее для себя обременительною, и остался при одной ректорской должности.

Строгая иноческая жизнь о. архимандрита особенно привлекала къ нему многихъ изъ смолянъ. На него смотрѣли, какъ на великаго подвижника. Исправляя должность ректора, онъ не оставлялъ ежедневнаго богослуженія. Семинарія находится при Аврааміевой обители, а это наиболѣе способствовало жаждущей душѣ его молиться; онъ ночи проводилъ въ молитвѣ, въ особенности предъ воскреснымъ и праздничнымъ днемъ. Онъ никогда не ложился на постель, а нѣсколько дремалъ въ креслѣ,—вотъ его отдыхъ! Въ бесѣдахъ своихъ онъ былъ назидателенъ, и про все, что касалось до святыхъ угодниковъ Божіихъ, и въ особенности до Божіей Матери, онъ восторженно говорилъ; любилъ говорить про мучениковъ и нерѣдко восклицалъ: «какъ хорошо быть мученикомъ». Одежда на немъ была самая простая, какъ у простого инока. Строго онъ соблюдалъ посты,—особенно св. Четыредесятницу, и, изнемогая отъ поста, вмѣсто чая, употреблялъ малину.

О семинаріи онъ заботился, какъ отецъ. Если кто, бывало, пожелаетъ сдѣлать угодное ректору Поликарпу, то это пожертвованіе для бѣдныхъ учениковъ семинаріи или духовныхъ училищъ. Нѣкоторые даже брали нѣсколько учениковъ воспитывать на свой коштъ, доставляя имъ пищу и одежду, и все это дѣлали изъ уваженія къ о. ректору. Случалось

также, что его приглашали на какое-нибудь служеніе, а потомъ думали, чѣмъ бы лучше отблагодарить его за это? Денегъ онъ не терпѣлъ, подарковъ вообще не любилъ,—и кончалось тѣмъ, что, бывало, купятъ съ возъ сапоговъ для бѣдныхъ учениковъ и пошлютъ къ о. ректору, и ректоръ въ восторгѣ отъ этого, и благодаритъ благотворителей, какъ бы за великій даръ, собственно ему поднесенный.

Любилъ также украшать храмъ своей обители, которая была до пріѣзда ректора Поликарпа въ весьма бѣдномъ положеніи. Къ тому же, съ 1812 года тяготѣлъ надъ обителью еще значительный долгъ. Ректоръ и это успѣлъ облегчить: онъ обратился съ просьбою къ графинѣ Орловой, которая и уплатила весь долгъ. Многіе изъ уваженія къ ректору щедро надѣляли обитель, такъ что ее нельзя было и узнать, противъ прежняго ея состоянія.

Въ свободное отъ семинарскихъ занятій время ректоръ любилъ уединяться въ монастырскомъ саду. Тамъ, нерѣдко, ученики заставали его на колѣнопреклонной молитвѣ, и притомъ почти всегда на одномъ мѣстѣ,—именно тамъ, гдѣ, по преданію, по взятіи Смоленска поляками, были сокрыты мощи преподобнаго Авраамія.

Горячо любилъ ректоръ Поликарпъ жизнь иноческую,—и потому, если замѣчалъ кого изъ юныхъ воспитанниковъ семинаріи склоннымъ къ подобной жизни, всячески старался разогрѣть сердце его и открыть ему эту жизнь и привлечь его къ ней, за что и потерпѣлъ много отъ родителей, которымъ жаль было отдать дѣтей своихъ на служеніе Господу.

Подъ его мудрымъ руководствомъ воспиталось и вообще много лицъ, которыя отличались впослѣдствіи высокою подвижническою жизнію и примѣрнымъ христіанскимъ благочестіемъ. Упомянемъ о бывшей игуменіи Серафимѣ,—строгой подвижницѣ. Она, когда была еще въ мірѣ, искала у отца архимандрита наставленія, какъ ей спасти свою душу, и по его наставленіямъ оставила родителей и родныхъ и славу

міра сего, и тайно отъ нихъ укрылась въ Флоровскомъ Кіевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Другая сподвижница ея, екклезіарха Анатолія тоже руководилась мудрыми наставленіями Смоленскаго ректора относительно сокровенной жизни.

Изъ послужного списка преосвященнаго Поликарпа видно, что онъ, находясь въ Смоленскѣ, оставилъ по себѣ тамъ память, какъ о благопопечительнѣйшемъ начальникѣ тамошнихъ духовно-учебныхъ заведеній, потому что его стараніемъ и заботами пріобрѣтенъ и благоустроенъ домъ для вторыхъ Смоленскихъ духовныхъ училищъ съ бурсою, за что, какъ и за усердіе, предусмотрительность и сбереженіе экономіи въ семъ дѣлѣ, преподано ему благословеніе Св. Синода (1842 года 2-го іюля).

Послѣ сего прекращается дѣятельность о. архимандрита Поликарпа на поприщѣ образованія дѣтей духовнаго званія. Изъ Смоленской семинаріи вызванъ онъ въ С.-Петербургъ, указомъ Св. Синода (24 января, 1843 г.), на чреду священнослуженія и проповѣдыванія слова Божія.

Отсюда по желанію его, указомъ Св. Синода о. Поликарпъ отъ 2-го января 1843 года, былъ опредѣленъ настоятелемъ россійско-посольской церкви въ королевствѣ Греческомъ.

Проѣздомъ къ мѣсту своего служенія, о. архимандритъ Поликарпъ посѣтилъ свою родину. Въ это время зять его, поступившій на мѣсто родителя о. Поликарпа, былъ уже вдовъ. О. архимандритъ убѣждалъ его принять иночество и отправиться съ нимъ въ Аѳины. И когда зять его о. Іустинъ Люцедарскій колебался,—о. архимандритъ Поликарпъ, говорятъ, преклонилъ колѣна предъ иконою Матери Божіей и со слезами просилъ Царицу Небесную расположить и наставить о. Іустина на путь истиннаго христіанскаго подвижничества. Молитва его была услышана. О. Іустинъ, къ великой радости его, согласился на поступленіе въ монашество и на путешествіе въ Грецію. Въ бытность покойнаго владыки въ Аѳинахъ при посольствѣ настоятелемъ, русской церкви тогда

еще не было, а служили въ воскресные и праздничные дни въ греческой Преображенской церкви, въ коей было два престола; въ будни же каждый день поутру служилъ онъ утреню въ своемъ домѣ, а вечеромъ—вечерню. Между тѣмъ, каждый день занимался переводомъ толкованія Псалтири съ греческаго языка на русскій; а также перевелъ изъясненіе бесѣдъ св. Григорія Богослова и Пѣснь Пѣсней; эти труды потомъ имъ были переданы въ Оптину пустынь.

Пользуясь пребываніемъ въ греческой миссіи, о. Поликарпъ, съ согласія посланника, посѣтилъ Іерусалимъ и другія мѣста. Былъ и въ Палестинѣ, былъ въ Сиріи, былъ въ Аравіи, былъ во всѣхъ древнихъ пустынныхъ обителяхъ,—въ первобытномъ разсадникѣ жизни отшельнической; былъ и въ горахъ аѳонскихъ. Былъ, наконецъ, и на островахъ Архипелага и Средиземнаго моря,—былъ вездѣ, гдѣ только была какая-либо замѣчательная святыня.

О. Поликарпъ въ должности настоятеля россійско-посольской церкви въ королевствѣ Греческомъ пробылъ семь лѣтъ (1843—1850), и затѣмъ, согласно прошенію, указомъ Св. Синода (отъ 8 марта 1850 г.) уволенъ отъ этой должности, и былъ опредѣленъ настоятелемъ Нѣжинскаго второкласснаго монастыря. За труды же свои при россійско-посольской церкви въ Греціи Высочайше сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 3-й степени (21 января 1848 г.).

На пути изъ Аѳинъ онъ снова посѣтилъ свою родину и пробылъ здѣсь около 20 дней. Такъ въ свое время описывали пребываніе его, въ это время, на родинѣ:

«Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, о. архимандритъ Поликарпъ вмѣстѣ съ нѣсколькими священниками служилъ божественную литургію и панихиду о упокоеніи своихъ родителей и сестры; потомъ предложилъ трапезу всѣмъ участвовавшимъ въ молитвѣ. Угощеніе происходило въ домѣ священника (его родственника). Въ это время о. архимандритъ собственными руками подносилъ чай и кушанье не только

священно-служителямъ, но и старикамъ-крестьянамъ, знавшимъ его въ дѣтствѣ. Эти крестьяне съ благоговѣніемъ смотрѣли на него и при этомъ вспоминали обстоятельства изъ его отроческой жизни.

«Во все время пребыванія своего въ с. Мукшѣ, о. архимандритъ ходилъ всегда въ власяномъ послушническомъ одѣяніи; въ полночь вставалъ на молитву и долго молился, преклонивши колѣна предъ иконою Божіей Матери. Пищу принималъ только однажды въ сутки—во время обѣда, и то въ маломъ количествѣ; любимымъ кушаньемъ его, во время пребыванія его въ Мукшѣ, была мамалыга, въ скоромные дни съ коровьимъ молокомъ, въ постные—съ конопляным. Грустнымъ его тогда никто не видалъ,—на лицѣ его всегда отражалась или радость, или, по крайней мѣрѣ, совершенное спокойствіе. Послѣ обѣда онъ обыкновенно прогуливался по полямъ и по берегу Днѣстра, или одинъ, или съ кѣмъ-либо изъ сосѣднихъ священниковъ, которые часто его навѣщали».

О. архимандритъ Поликарпъ любилъ дѣтей: во время его пребыванія въ Мукшѣ крестьянскія дѣти каждый воскресный и праздничный день бывали въ церкви на богослуженіи; ихъ привлекала туда, между прочимъ, и надежда получить отъ архимандрита деньги, которыя онъ раздавалъ въ извѣстномъ количествѣ, послѣ всякой литургіи, кромѣ нищихъ, и дѣтямъ. Раздача подаяній обыкновенно происходила на церковномъ погостѣ; и здѣсь-то онъ велъ съ удовольствіемъ бесѣду съ дѣтьми, заставлялъ каждаго мальчика сотворить крестное знаменіе и сказать молитву Господню, убѣждая ихъ каждое воскресенье ходить въ церковь, не произносить никогда бранныхъ словъ, любить взаимно другъ друга. Во время прогулокъ, увидѣвъ на улицѣ дѣтей, онъ обыкновенно подзывалъ ихъ къ себѣ, ласкалъ ихъ, наставлялъ, и, если находилъ въ своемъ кошелькѣ мелкія монеты, одѣлялъ ихъ.

Нѣжинскій монастырь, какъ находящійся среди города, при-

шелся ему не по духу. Онъ искалъ уединенія и потому просилъ Св. Синодъ уволить его отъ настоятельства надъ этимъ монастыремъ, и дозволить ему помѣститься на жительство въ Таврической губерніи, въ Бахчисарскомъ Успенскомъ скиту, называемомъ также русскимъ Аѳономъ.—Св. Синодъ дозволилъ ему это.

Впрочемъ, когда архіепископъ Херсонскій Иннокентій, знавшій лично о. архимандрита Поликарпа, сталъ убѣждать его принять настоятельство надъ Бахчисарскимъ Успенскимъ скитомъ и подчиненными ему киновіями, то архимандритъ Поликарпъ не отказался исполнить волю чтимаго имъ архипастыря.

Находясь въ Успенскомъ скиту, онъ, на ряду съ братіею, послѣ ночныхъ молитвенныхъ подвиговъ и дневнаго богослуженія работалъ въ огородѣ: копалъ гряды и садилъ овощи, и въ саду, который въ его время только что разводился.

Спустя нѣсколько времени былъ порученъ ему въ то же время въ управленіе и Балаклавскій Георгіевскій первоклассный монастырь, по случаю отъѣзда въ Іерусалимъ настоятеля монастыря, митрополита Агаѳангела. Управлялъ же о. Поликарпъ этимъ монастыремъ недолго — отъ 2 октября 1852 года по 1 января 1853 года.

Въ дни осады Севастополя о. Поликарпъ явился тамъ достойнымъ соработникомъ преосв. Иннокентія.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Св. Синоду 14 апрѣля 1853 года, Всемилостивѣйше повелѣно быть священно-архимандриту Поликарпу викаріемъ Херсонской епархіи съ наименованіемъ его, по рукоположеніи, епископомъ Одесскимъ, предписано рукоположить его въ Одессѣ архіепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентію съ ближайшими епископами. Это рукоположеніе было совершено ими 5 іюля 1853 г.

Въ санѣ Херсонскаго викарія онъ попрежнему велъ аскетическую жизнь, какъ и прежде: такъ же много постился, пребывалъ въ молитвѣ постоянно; весьма часто совершалъ

божественную литургію,—не менѣе трехъ-четырехъ разъ въ недѣлю, а чтобы не обременять священниковъ служеніемъ съ собою и не отвлекать ихъ отъ священническихъ и семейныхъ ихъ обязанностей, онъ совершалъ литургію въ будни съ двумя только священниками, а иногда даже съ однимъ, и также съ однимъ діакономъ. Въ это время у него было довольно свободнаго времени. Въ свободное отъ занятій по епархіи время онъ занимался чтеніемъ отцевъ Церкви и переводовъ ихъ писаній съ греческаго языка на русскій. Въ отсутствіе же преосвященнаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго, когда онъ находился въ С.-Петербургѣ для присутствованія въ Св. Синодѣ,—преосвященный Поликарпъ, какъ викарій его, занимался, по порученію его, епархіальными дѣлами, и въ это время онъ долженъ былъ уже жить въ Одессѣ, и у него для занятія частными дѣлами оставалось немного времени; за всѣмъ тѣмъ онъ не прерывалъ ихъ и тогда.

Между тѣмъ, русскому правительству представилась необходимость устроить въ Іерусалимѣ миссію во главѣ съ епископомъ и изъ лицъ, отличающихся благочестіемъ, самоотверженіемъ и ревностію.

Выборъ Св. Сунода остановился на преосвященномъ Поликарпѣ, и, съ Высочайшаго соизволенія, въ 1857 году преосвященный Поликарпъ назначенъ былъ начальникомъ означенной миссіи и былъ вызванъ въ С.-Петербургъ. Онъ уже избралъ и семь человѣкъ изъ братіи Оптиной пустыни себѣ въ сотрудники,

Но потомъ дѣло назначенія преосвященнаго Поликарпа въ миссію однако не состоялось. На мѣсто его былъ назначенъ архимандритъ Кириллъ, съ наименованіемъ его, по рукоположеніи во епископа, епископомъ Мелитопольскимъ; а преосвященному дозволено было возвратиться къ прежнему мѣсту своего служенія, въ Херсонъ (30 сентября 1857 г.).

Пять лѣтъ преосвященный Поликарпъ былъ викаріемъ

Херсонскаго владыки. Когда же преосвященный Рязанскій архіепископъ Гавріилъ оставилъ свою каѳедру, а на его мѣсто назначенъ преосвященный Смарагдъ, архіепископъ Орловскій; то на открывшуюся епископскую Орловскую вакансію Высочайшимъ указомъ, 24 іюля 1858 года, и былъ опредѣленъ епископъ Поликарпъ.

Преосвященный Поликарпъ тихо и спокойно началъ дѣло своего служенія: тотъ же порядокъ и дисциплина остались какъ при богослуженіи, такъ и въ администраціи, какіе были и при его предшественникѣ; тѣ же лица, какія были сотрудниками преосвящ. Смарагду въ управленіи епархіею, остались и при преосвящ. Поликарпѣ. Но впослѣдствіи, всмотрѣвшись внимательно въ дѣло и узнавъ качества и способности своихъ помощниковъ, онъ нашелъ необходимымъ многое измѣнить, и нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ замѣнить другими. Къ чести его надобно отнести то, что у него не было такъ называемыхъ любимцевъ и наперсниковъ; правда, нѣкоторымъ лицамъ оказывалъ онъ преимущество предъ другими, но въ вѣру не вдавался ни къ кому.

Обративъ особое вниманіе на расколъ и принявъ всевозможныя мѣры воздѣйствія, преосвященный Поликарпъ и при обозрѣніи епархіи всегда лично всячески старался располагать старообрядцевъ къ православной Церкви.

Въ праздничные же и воскресные дни, когда онъ совершалъ божественную литургію, всегда говорилъ поученія; даже и въ простые дни, приходя въ церковь, почти всегда приносилъ книгу духовнаго содержанія и заставлялъ кого-нибудь (преимущественно ставленниковъ, готовившихся къ священству) читать изъ нея какую-нибудь статью или поученіе въ назиданіе присутствующихъ въ церкви. Владыка никогда не приготовлялъ своихъ поученій, а говорилъ то, что ему Богъ на сердце полагалъ, и строгаго порядка, какъ и одной темы, въ поученіяхъ своихъ не держался. Его старческій — аскетическій видъ, его смиренная, но вмѣстѣ

важная, осанка, его благоговѣйно-молитвенное настроеніе, его простая, сердечная, дышащая любовію и проникнутая благодатнымъ помазаніемъ бесѣда производила сильное впечатлѣніе на слушателей.

Но если гдѣ, то при обозрѣніи епархіи преосвященный въ точномъ смыслѣ совершалъ дѣло благовѣстника. Ни одного села не проѣзжалъ, чтобы не предложить поученія народу.

Дома съ посѣтителями, или когда бывалъ самъ преосвященный у кого-либо, старался обыденнымъ разговорамъ давать направленіе назидательное; если же въ томъ не успѣвалъ, то обыкновенно молчалъ. Когда бывала рѣчь объ ученыхъ предметахъ, онъ не принималъ въ ней участія. Но если рѣчь касалась религіозныхъ предметовъ и христіанскаго благочестія,—онъ съ любовію бесѣдовалъ; съ удовольствіемъ выслушивалъ сужденія другихъ и самъ благосклонно отвѣчалъ на ихъ вопросы. Любимымъ предметомъ бесѣдъ его были святые угодники Божіи: ихъ мудрыя изреченія къ назиданію другихъ, ихъ чудеса и пророчества. При такихъ бесѣдахъ онъ воодушевлялся; лицо его блѣдное покрывалось румянцемъ, глаза свѣтились отъ восторга. Бесѣдуя всегда съ достодолжнымъ благоговѣніемъ о лицахъ святыхъ и предметахъ священныхъ, преосвященный требовалъ такого же благоговѣнія въ разговорахъ и отъ другихъ. Такъ, однажды въ присутствіи преосвященнаго, при значительномъ собраніи, за обѣдомъ нѣкто изъ старшихъ духовныхъ лицъ, говоря о Промыслѣ Божіемъ, употребилъ шуточное слово. Преосвященный, грозно взглянувъ на него, сказалъ: «замолчите о. Л!.. можно ли говорить кощунно о Промыслѣ Божіемъ?» Въ другой разъ онъ, посѣтивъ одного купца, по случаю праздника, на обѣдѣ, когда разговоръ сдѣлался общимъ и оживленнымъ, счелъ неприличнымъ долѣе оставаться за столомъ и вышелъ, предоставивъ полную свободу разглагольствовать другимъ...

Преосвященный какъ самъ не любилъ тратить времени напрасно, такъ и другихъ побуждалъ къ тому же. Онъ имѣлъ порядочную библіотеку, состоявшую изъ книгъ духовнаго содержанія, и на свои скудныя средства выписывалъ всѣ духовные журналы. Въ свободное отъ епархіальныхъ дѣлъ время онъ занимался чтеніемъ и охотно ссужалъ своими книгами другихъ. Въ пріемной его комнатѣ всегда лежало нѣсколько экземпляровъ книгъ или журналовъ духовнаго содержанія, чтобы просители, являясь къ нему по своимъ надобностямъ, въ ожиданіи пріема, не оставались праздными, но могли это время посвятить чтенію. Случалось и то, что когда кто-либо являлся къ нему по своимъ надобностямъ, преосвященный, поговоривъ съ нимъ о дѣлѣ его, сажалъ его противъ себя, и, давъ ему книгу въ руки, заставлялъ его читать ее вслухъ. При этомъ пріискивалъ такую статью въ книгѣ, которая прямо шла къ нравственному состоянію читателя. Такимъ образомъ, онъ, вмѣсто собственнаго устнаго наставленія или обличенія, мудро подавалъ ему случай почерпнуть его изъ книги, какъ бы поставляя его предъ зеркало, въ коемъ читающій могъ усмотрѣть нравственныя пятна своей личности. Подобное дѣлалъ онъ иногда съ посѣтителями другого рода, которые являлись къ нему безъ особенной надобности, а просто сдѣлать визитъ. Преосвященный, бывъ не въ состояніи выпроводить безобидно такихъ праздныхъ посѣтителей, хвалилъ какую-нибудь статью въ книгѣ и просилъ ихъ прочитать ее вслухъ, какъ бы для себя; и праздный посѣтитель, волею или неволею, долженъ былъ читать и назидаться.

Святитель Поликарпъ былъ кротокъ, любвеобиленъ и привѣтливъ къ каждому. Но когда надобно было выказать ревность по Богѣ, наблюсти справедливость, обличить порокъ, защитить слабаго отъ притѣсненія сильнаго и т. п.,—преосвященный бывалъ мужественно строгъ. Тогда онъ, несмотря на свойственныя ему смиреніе и кротость, дѣйство-

валъ со всею энергіею, безъ всякаго лицепріятія, и дѣломъ, и словомъ,

Напримѣръ, одно лицо обратилось къ преосвященному съ письмомъ, которымъ просило вывести изъ его имѣнія діакона; на діакона взводили тяжкія обвиненія и притомъ хотѣлось, чтобы это было сдѣлано по простому лишь обвиненію. Преосвященный отказалъ этому лицу и потребовалъ отъ него слѣдственнымъ порядкомъ доказательствъ къ подтвержденію обвиненій діакона. Когда же это лицо отказалось дать таковыя доказательства, обидѣвшись тѣмъ, что ему не повѣрили на слово, а по слѣдствію означенный діаконъ совершенно былъ оправданъ,—преосвященный принялъ всецѣло сторону діакона.

Отношенія преосвященнаго къ своимъ подчиненнымъ были всегда отеческія, и обращеніе—милостивое; но если онъ замѣчалъ за кѣмъ-либо, въ административномъ порядкѣ, несправедливость или своекорыстіе, то, несмотря на видимую близость къ нему, онъ обличалъ таковыхъ уже сурово, а нѣкоторые изъ таковыхъ даже поплатились своими должностями или мѣстами.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ кротость преосвященнаго была извѣстна всѣмъ. Особенно онъ являлся съ словомъ утѣшенія къ находящимся въ скорбяхъ; съ словомъ примиренія къ враждующимъ между собою; съ словомъ ободренія къ болящимъ, и съ благословеніемъ напутственнымъ отходящимъ въ жизнь вѣчную.

Такъ разъ, получивъ свѣдѣніе объ одномъ лицѣ, державшемся вольномыслія въ отношеніи религіи, что онъ близокъ къ смерти, преосвященный послалъ сказать ему, что онъ желаетъ посѣтить его во время болѣзни, и, получивъ отказъ въ пріемѣ, отправился однако къ больному, и своимъ пастырскимъ посѣщеніемъ и благодатнымъ увѣщаніемъ сдѣлалъ то, что больной согласился принять духовника и съ христіанскимъ напутствіемъ отошелъ въ вѣчность.

Онъ ежедневно и при всякомъ богослуженіи бывалъ въ храмѣ Божіемъ. Даже когда бывалъ въ дорогѣ для обозрѣнія епархіи, то въ каретѣ, противъ мѣста, гдѣ сидѣлъ, вѣшалъ панагію съ изображеніемъ Костромской иконы Божіей Матери и предъ нею въ пути совершалъ свои молитвы.

Одинъ изъ Орловскихъ подгородныхъ помѣщиковъ просилъ преосвященнаго къ себѣ въ деревню, съ тѣмъ, чтобы онъ наутріе отслужилъ у него въ приходскомъ храмѣ литургію. Радушный хозяинъ предложилъ ему, по прибытіи въ домъ его, трапезу. Преосвященный, отъ усталости съ дороги и продолжительности стола, за столомъ задремалъ. Замѣтивъ это, хозяинъ предложилъ преосвященному, не ожидая конца обѣда, выдти и отдохнуть. Преосвященный согласился, но, вмѣсто отдыха старческихъ силъ на новые труды, такъ какъ ему нужно было служить съ вечера всенощную, а на другой день литургію, приказалъ прочитать для себя девятый часъ, а затѣмъ чрезъ какихъ-нибудь полчаса началось всенощное бдѣніе, которое продолжалось болѣе двухъ часовъ. «Таковъ нашъ владыка,—сказалъ одинъ изъ бывшихъ тутъ,—онъ за обѣдомъ спитъ, а на молитвѣ бодрствуетъ; а мы наоборотъ, бодры и веселы за столомъ, а молитвѣ спимъ».

Преосвященный безотложно служилъ литургію во всѣ воскресные и праздничные дни, и не было примѣра, чтобы онъ въ такіе дни когда-либо не служилъ. Кромѣ того, онъ часто служилъ и въ простые дни, въ святую Четыредесятницу всегда самъ служилъ преждеосвященныя литургіи, а въ недѣлю св. Пасхи онъ служилъ ежедневно въ городскихъ церквахъ, или въ тюремномъ замкѣ, гдѣ и посѣщалъ узниковъ, христосовался съ ними и одѣлялъ деньгами, также въ церквахъ богоугоднаго и учебныхъ заведеній.

Божественную литургію совершалъ онъ со всякимъ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ, съ кроткимъ духомъ и невозмутимымъ спокойствіемъ. Никто никогда не замѣчалъ, чтобы онъ во время священнодѣйствія литургіи, и вообще

въ храмѣ Божіемъ, проявилъ гнѣвъ, нетерпѣливость дѣломъ или словомъ, или какимъ-нибудь движеніемъ, даже тогда, когда повидимому бывали къ тому поводы.

Однажды, по случаю храмового праздника, онъ долженъ былъ служить въ одной изъ приходскихъ церквей г. Орла литургію. Онъ уже вошелъ въ храмъ; но свита его и имѣвшіе участвовать съ нимъ въ служеніи, не зная этого, спокойно оставались въ алтарѣ. Когда же узнали о прибытіи преосвященнаго, то всѣ торопливо бросились, чтобы занять каждому свое мѣсто: отчего произошла суматоха. Но преосвященный, стоя при входѣ церковномъ въ ожиданіи обычной встрѣчи, оставался въ невозмутимомъ спокойствіи, только, обратясь къ одному изъ предстоящихъ священнослужителей, вполголоса сказалъ съ кротостію: «видно, я прибылъ рано?»

При богослуженіи, преимущественно въ церкви архіерейскаго дома, онъ требовалъ, чтобы все исполнялось въ точности по уставу церковному, безъ малѣйшаго опущенія. Не терпѣлъ онъ, когда нѣкоторые при чтеніи Апостола или Евангелія дѣлали конецъ съ выкрикомъ. Пѣніе при немъ бывало больше простое, нежели партесное; концертовъ при его служеніи почти не пѣвали; вмѣсто нихъ или причастна, бывали проповѣди. За голосистыми діаконами онъ не гонялся, почему безъ сожалѣнія отпустилъ онъ діакона съ довольно сильнымъ голосомъ къ Воронежскому владыкѣ въ протодіаконы, хотя самъ имѣлъ необходимость въ такомъ. Желая замѣнить у себя протодіакона, онъ предлагалъ семинарскому начальству пріискать въ протодіаконы студента съ хорошимъ теноромъ и съ добрымъ поведеніемъ. Когда же ему замѣтили, что принято вездѣ, чтобы при каѳедрахъ архіерейскихъ протодіаконы были басистые,—онъ отвѣчалъ: «къ чему это? Развѣ это необходимо? Послушайте, что говоритъ намъ въ руководство для сего книга Дѣяній апостольскихъ о діаконахъ (6, 3). Вѣдь о голосѣ здѣсь и помину нѣтъ. Зачѣмъ

же гоняться намъ за ревунами? Лучше пусть будутъ такіе, кои духомъ поютъ Богу!»

Преосвященный вообще любилъ въ церкви порядокъ во всемъ, чинъ и благолѣпіе; внѣ храма онъ соблюдалъ простоту и умѣренность, а въ храмѣ—чистоту и богатство. Почему и радовался, если пріобрѣталъ что-либо для своего храма.

Особенно онъ любилъ хорошія иконы Господа, Пречистой Его Матери и угодниковъ Божіихъ. Весь кабинетъ его украшенъ былъ иконами, и онъ до самой кончины своей не переставалъ пріобрѣтать ихъ. Когда бывалъ въ чьемъ-нибудь домѣ, то всегда подходилъ къ иконамъ, благоговѣйно осматривалъ ихъ; не терпѣлъ онъ, когда усматривалъ, что иконы были написаны несогласно съ духомъ православной Церкви.

Такъ въ церкви одного учебнаго заведенія онъ увидѣлъ прекрасную, въ художественномъ отношеніи, икону, представлявшую праведную Елисавету, съ предстоящими предъ ней, въ отроческомъ возрастѣ, Господомъ Іисусомъ и Предтечею Его. Тотчасъ обратился къ настоятелю той церкви съ замѣчаніемъ, что сказанная икона не должна быть въ православномъ храмѣ, потому что изображеніе ея не соотвѣтствуетъ преданію Церкви, которое свидѣтельствуетъ, что когда Иродъ, желая погубить Христа, избивалъ младенцевъ Виѳлеемскихъ, праведная Елисавета, мать Предтечи, спасая сына отъ меча Иродова, бѣжала съ нимъ въ пустыню, гдѣ и скончалась; а св. Іоаннъ Предтеча оставался одинъ въ пустынѣ подъ особеннымъ охраненіемъ Промысла Божія, и бѣ въ пустыняхъ до дне явленія своего ко Израилю (Лук. 1, 80), какъ говоритъ св. Евангеліе. Слѣдовательно, Спаситель не могъ вмѣстѣ быть въ дѣтскомъ возрастѣ ни съ праведною Елисаветою, ни съ Предтечею Господнимъ.

Кромѣ церковной молитвы, преосвященный Поликарпъ всегда пребывалъ въ молитвѣ умной. Послѣ занятія епархіальными дѣлами, далеко уже пополудни, а иногда и

позже, онъ удалялся во внутренніе свои покои, гдѣ послѣ непрерывныхъ дневныхъ трудовъ, не покою и сну предавался, но бодрствовалъ и молился. Сначала совершалъ онъ обычное свое иноческое правило, и затѣмъ, по чину и обычаю подвижниковъ св. горы Аѳонской, читалъ св. Евангеліе и житіе дневнаго святаго, послѣ того ложился спать. Подъ воскресные же и праздничные дни и вообще когда готовился служить, онъ совсѣмъ не ложился, а, сидя въ креслѣ, нѣсколько дремалъ. Сонъ его былъ самый тонкій. Между утренею и обѣднею не только самъ не спалъ никогда, но и другимъ совѣтовалъ не дѣлать сего, особенно готовящимся къ совершенію литургіи, «изъ опасенія», какъ онъ говорилъ: «сатанина мечтанія во снѣ». Въ 3 часа пополуночи онъ уже вставалъ отъ сна, и—опять становился на молитву, и молился до самаго начала богослуженія. Въ это время онъ будилъ и келейника, и давалъ благословеніе на благовѣстъ къ утрени, а самъ одѣвался и шелъ къ ней, являясь въ церковь почти всегда прежде всѣхъ.

Отслушавъ утреню и обѣдню, онъ, возвратясь въ свои покои, опять читалъ Евангеліе и духовнаго содержанія книги до прихода секретаря съ дѣлами. Книги обыкновенно читалъ для него вслухъ келейникъ; иногда же чтеніе ихъ поручалъ постороннему, являвшемуся къ нему по своимъ дѣламъ; при чтеніи нерѣдко останавливалъ читавшаго, дѣлалъ ему вопросы относительно содержанія прочитаннаго, объяснялъ темныя мѣста и дѣлалъ нравоученіе. Если благопріятствовала погода, онъ уходилъ въ садъ, гдѣ копалъ гряды, сажалъ деревья, отрѣзывалъ сухія вѣтви; а иногда уходилъ въ чащу деревъ и здѣсь въ уединеніи молился.

У преосвященнаго Поликарпа ноги покрыты были ранами, какъ полагаютъ, отъ продолжительныхъ стояній на молитвѣ, и, несмотря на то, онъ выстаивалъ самыя продолжительныя молитвы, и особенно во св. великую Четыредесятницу, когда у него богослуженіе продолжалось почти безпрерывно цѣлый день.

Относительно внутренняго устройства и украшенія храмовъ онъ требовалъ, отъ кого слѣдовало, чтобы они строго держались благочестиваго древняго обычая православной нашей Церкви; и чтобы при украшеніи храмовъ излишней роскоши не было, а чтобы соблюдались приличіе и простота. «Ужели мы удивимъ Господа Бога золотомъ и жемчугомъ, громадными колоколами и дорогими паникадилами?» такъ говорилъ онъ съ каѳедры въ приходскихъ церквахъ, и весьма часто при другихъ случаяхъ: «Милости хощу, говоритъ Господь, о не жертвы: не осуждаю, что вы отъ избытковъ своихъ стяжаній украшаете церкви Божіи, но говорю, что Господу пріятнѣе будетъ, если вы сіи издержки будете употреблять на дѣло милосердія: на вспоможеніе вдовамъ и сиротамъ, на заведеніе училищъ и вспомоществованіе бѣдному духовенству,—заштатному и сиротствующему, которые сами, или отцы, были нѣкогда молитвенниками за васъ?» Вслѣдствіе такого разумнаго взгляда на вещи, онъ, когда поступали къ нему прошенія о дозволеніи устроить что-либо въ храмѣ, относящееся къ предметамъ роскоши,—неохотно соглашался, а иногда и отказывалъ въ просимомъ; рисунки иконостасовъ возвращалъ съ замѣчаніями дѣлать иконостасы въ простѣйшемъ и самомъ дешевомъ видѣ; колокольни совѣтовалъ дѣлать меньшей высоты, колокола покупать не столь значительнаго вѣса, какъ желалось просителямъ, и даже устраивать храмы разрѣшалъ только тогда, когда узнавалъ дѣйствительную нужду въ нихъ.

Но вниманіе его преимущественно устремлено было на духовенство ввѣренной ему епархіи: на воспитаніе его дѣтей обоего пола, на приготовленіе его къ служенію св. Церкви, какъ и на самое служеніе, на его нравственность, и наконецъ на улучшеніе внѣшняго его быта.

Преосвященный Поликарпъ, обращая строгое вниманіе на воспитаніе духовнаго юношества, желалъ, чтобы это воспитаніе было преимущественно религіозно-нравственное. Нерѣдко

посѣщалъ семинарію и духовныя училища, выслушивалъ преподаваніе наставниковъ и уроки учениковъ, слѣдилъ за нравственнымъ состояніемъ ихъ, предлагалъ свои совѣты и замѣчанія, входилъ въ ихъ нужды и, сколько отъ него зависѣло, старался удовлетворить эти нужды; очень часто дѣлалъ пожертвованія изъ своихъ скудныхъ средствъ. Памятникомъ такой его дѣятельности служитъ благотворительное братство при Орловской семинаріи. Онъ всегда присутствовалъ на экзаменахъ не только воспитанниковъ семинаріи, но и духовныхъ училищъ; для курсовыхъ же испытаній, если даже бывалъ въ отлучкѣ для обозрѣнія епархіи, всегда нарочно пріѣзжалъ въ Орелъ.—Но не одни духовныя дѣти и юноши были предметомъ его думъ и заботъ.

Два орловскихъ архипастыря заботились объ учрежденіи женскаго училища въ Орловской епархіи: епископъ Евлампій и архіепископъ Смарагдъ. Но, за перемѣщеніемъ того и другого изъ Орловской епархіи на другія каѳедры, дѣло устройства пріюта для дѣвицъ духовнаго званія досталось преемнику ихъ каѳедры, преосвященному Поликарпу; и онъ это дѣло, какъ близкое доброму и любвеобильному его сердцу, принялъ съ особеннымъ расположеніемъ, и во все время управленія Орловскою епархіею въ устройствѣ этого училища дѣйствовалъ съ горячимъ усердіемъ и любовію, а незадолго до своей кончины имѣлъ утѣшеніе видѣть это дѣло не только оконченнымъ, но и упроченнымъ.

Самъ владыка питалъ особенную любовь къ пріюту дѣвицъ духовнаго званія какъ по расположенности своей къ благотворенію, такъ и потому, что это заведеніе устроено, при помощи Божіей, его особеннымъ попеченіемъ.

Надобно было видѣть, какъ онъ утѣшался пріютомъ, когда посѣщалъ его, что случалось очень часто. Нигдѣ онъ не проводилъ время съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ пріютѣ: эти минуты бывали для него временемъ отдыха отъ епархіальныхъ дѣлъ. При своихъ посѣщеніяхъ онъ внимательно

входилъ во всѣ части какъ управленія пріютомъ, такъ и воспитанія дѣтей; въ учебное время посѣщалъ классы, выслушивалъ уроки, любилъ слушать пѣніе, давалъ приличныя наставленія какъ воспитанницамъ, такъ и наставникамъ; обозрѣвалъ ихъ жилыя комнаты, кладовыя, гардеробную, буфетъ и другія, присутствовалъ при столѣ; всегда бывалъ на ихъ экзаменахъ; и ни одно его посѣщеніе не проходило безъ того, чтобы онъ не привозилъ дѣтямъ гостинцевъ или денегъ на покрытіе нуждъ пріюта; такъ, одинъ разъ, при посѣщеніи пріюта, узнавъ, что воспитанницы, при отправленіи своемъ въ домы родныхъ или знакомыхъ на каникулярное время, должны казенное платье свое оставлять въ пріютѣ и имѣть на этотъ случай собственное платье, онъ пожертвовалъ значительную сумму на устройство дорожныхъ платьевъ на 45 воспитанницъ. Въ другой разъ, увидѣвъ, что койки воспитанницъ покрыты одѣялами хоть и довольно приличными, но не столь красивыми, какъ праздничныя, какія ему пришлось видѣть прежде, онъ приказалъ на свой счетъ на 50 коекъ купить тканьевыя одѣяла; и выдать на этотъ предметъ часть денегъ, съ тѣмъ, чтобы на будущее время постели воспитанницъ покрывались въ будни его одѣялами. Относительно избранія и рукоположенія лицъ на священно и церковно-служительскія мѣста, преосвященный, по высокому своему благочестію, не могъ строго не держаться того правила, которое св. апостолъ Павелъ преподалъ всѣмъ святителямъ: «руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ» (1 Тим. 5, 22).

Усмотрѣвъ, что окончившіе семинарское образованіе и потомъ вскорости рукоположенные во священники, нерѣдко впадаютъ въ служебныя ошибки, а иногда нравственныя, преосвященный положилъ себѣ за правило не рукополагать во священники окончившихъ курсъ ученія въ семинаріи прежде двадцатипяти-лѣтняго возраста, какового правила онъ строго держался до самой своей кончины. По рукоположеніи онъ не

прежде отпускалъ ихъ къ своимъ мѣстамъ, какъ по совершенномъ обученіи правильному и благоговѣйному отправленію литургіи и прочихъ церковныхъ службъ, а также подъ надзоромъ приходскаго священника исправленію мірскихъ требъ.

Когда надобно было отпустить молодыхъ священниковъ къ паствѣ, преосвященный давалъ имъ трогательное пастырское наставленіе, дабы они вѣрны были своему призванію. Преосвященный распоряженіями своими не только поддерживалъ благочинническія библіотеки, учрежденныя въ Орловской епархіи до него, но и старался пополнять и умножать ихъ.

Преосвященный вошелъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ съ представленіемъ о разрѣшеніи издавать Орловскія епархіальныя вѣдомости, на что и послѣдовало благословеніе Св. Синода.

Обращеніе преосвященнаго Поликарпа съ служителями Церкви Христовой было самое любвеобильное, кроткое, милостивое. Не было примѣра, чтобы онъ, во все время управленія своего Орловскою епархіею, преступилъ предѣлы кротости, потерялъ терпѣніе, предался гнѣву, хотя и бывали поводы къ тому. Когда являлись къ нему съ своими нуждами священно и церковно-служители, ихъ жены—вдовы и дѣти, то онъ принималъ ихъ безъ всякой величавости, выслушивалъ ихъ терпѣливо, покойно, милостиво. Впрочемъ, такое снисходительное обращеніе съ подчиненными преосвященнаго не давало имъ повода терять къ нему уваженіе, не допускало вольности или фамильярности съ нимъ; напротивъ, возбуждало къ нему любовь, уваженіе и страхъ. Старшимъ изъ духовныхъ лицъ въ присутствіи своемъ давалъ стулъ; входилъ съ ними въ длинныя бесѣды по дѣламъ служебнымъ, и нерѣдко самъ требовалъ отъ нихъ совѣтовъ по нѣкоторымъ вопросамъ пастырскаго своего служенія.

Даже и тѣхъ, кои подвергались по проступкамъ суду или вели себя несоотвѣтственно своему званію, онъ принималъ безъ гнѣва и укоризны; и хотя и дѣлалъ такимъ выговоръ и обличеніе, но растворялъ ихъ кротостію и милосердіемъ, щадилъ виновныхъ, сострадалъ имъ, помня немощь человѣческой природы.

Къ живущимъ неблагочинно лицамъ духовнаго званія онъ посылалъ отъ себя довѣренныхъ лицъ для увѣщанія ихъ, а иногда и самъ лично являлся къ нимъ въ домы нечаянно, если они жили въ Орлѣ, чтобы лично удостовѣриться въ степени неисправности такихъ и дать почувствовать имъ, что онъ постоянно наблюдаетъ за ними и ищетъ ихъ исправленія.

Къ тѣмъ изъ священно и церковнослужителей, которые были вѣрны своему призванію и вели себя преимущественно предъ другими хорошо, преосвященный особенно былъ внимателенъ. О всемъ духовенствѣ орловскомъ надобно сказать, что преосвященный нашелъ его внѣшній бытъ далеко не въ утѣшительномъ положеніи и посильно всячески старался его улучшить.

Одна бѣдная вдова дьячиха явилась къ преосвященному съ просьбою о зачисленіи за дочерью ея церковнослужительскаго мѣста съ тѣмъ, чтобы данъ былъ дочери ея женихъ способный занять это мѣсто для пропитанія ея съ остальными ея дѣтьми. Просьбы вдовы этой удовлетворить было нельзя, по какимъ-то причинамъ; поэтому, преосвященный долженъ былъ утѣшить ее однимъ обѣщаніемъ, что онъ устроитъ ея дочь, когда будетъ возможность. Вдова, естественно, осталась недовольна такимъ обѣщаніемъ и высказала преосвященному, что она не только пришла въ Орелъ понапрасну, но и издержала все то, что трудами рукъ своихъ пріобрѣтала въ цѣлую зиму. Владыка пожелалъ знать, на что она израсходовала столько денегъ? Вдова объяснила, что она только за написаніе прошенія къ нему заплатила канцелярскому служителю консисторіи 2 рубля сер., который и обѣщалъ ей, что онъ напишетъ такое прошеніе, что она непремѣнно получитъ мѣсто для пристроенія дочери своей.

Нельзя изобразить, какъ это огорчило добраго владыку!

Онъ тотчасъ же заплатилъ ей всѣ издержки ея, которыя она употребила на хлопоты по сказанному дѣлу, и положилъ во что бы ни стало прекратить мздоимныя злоупотребленія со стороны консисторской канцеляріи,—чрезъ изысканіе средствъ къ восполненію ея бѣдности, и вмѣстѣ съ тѣмъ освободить духовенство своей епархіи отъ поборовъ и денежныхъ вымогательствъ канцеляріи, когда оно являлось въ консисторію по дѣламъ своимъ, что отчасти и успѣлъ сдѣлать.

Довѣряя духовенству, онъ предоставилъ ему нѣкоторую самостоятельность: избраніе себѣ благочинныхъ, а послѣднимъ—помощниковъ себѣ и смотрителей надъ сельскими училищами; учредилъ благочинническіе съѣзды въ каждомъ уѣздномъ городѣ, предметомъ коихъ должны быть разрѣшенія недоумѣній, встрѣчающихся по должности благочиннической и въ практикѣ пастырской, приходскихъ священниковъ, исправленіе поведенія священно и церковнослужителей невѣрныхъ своему званію способомъ увѣщанія, разбирательство между причтами споровъ и пререканій по завладенію имуществомъ, доходами, или по личной обидѣ, и примиреніе тяжущихся между собою, и т. д.

Преосвященный Поликарпъ, по прибытіи на Орловскую епархію, тотчасъ обратилъ вниманіе на устройство каѳедральнаго Петропавловскаго собора, который, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, съ 1797 года строился безуспѣшно, и только при немъ приведенъ къ тому, что въ этомъ соборѣ открыто было богослуженіе; а также и на возобновленіе приписаннаго къ помянутому собору Борисоглѣбскаго теплаго собора, который послѣ пожара хотя и былъ возобновленъ, но на скорую руку.

Затѣмъ онъ приступилъ къ улучшенію быта соборянъ.

Послѣдствіемъ ходатайства преосвященнаго Поликарпа предъ Св. Синодомъ о прибавкѣ Орловскому соборному причту жалованья было то, что обратили вниманіе и вообще на обезпеченіе всѣхъ каѳедральныхъ соборовъ приличнымъ жалованьемъ, преосвященный кромѣ того пріобрѣлъ два каменныхъ дома, съ каменными же флигелями и необходимыми къ нимъ пристройками и службами для причта.

Преосвященный Поликарпъ росту былъ средняго, лицемъ бѣлъ, съ легкимъ румянцемъ; только во время литургіи—въ важнѣйшія ея минуты и при другихъ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ избытка внутренняго чувства лицо его покрывалось яркимъ румянцемъ. Отъ постоянно воздержной жизни онъ былъ худъ. Волосы на головѣ и бородѣ имѣлъ сѣдые; бороду—окладистую, длинную; глаза—голубые; взоръ—тихій, кроткій, благостный, благоговѣйный; походку—тихую, смиренную; рѣчь его была очень тиха, такъ что иногда надобно было напрягать слухъ, чтобы понять, о чемъ онъ говоритъ. Никогда не случалось видѣть, чтобы онъ былъ мраченъ, скученъ, гнѣвенъ или недоволенъ чѣмъ, напротивъ, имѣя внутренній благодатный миръ въ душѣ своей и спокойствіе совѣсти, онъ имѣлъ лицо свѣтлое, веселое. Вообще надобно сказать, что онъ по внѣшности былъ старецъ благолѣпный и благоговѣйный, невольно располагавшій всякаго уважать себя.

Онъ въ полномъ смыслѣ былъ аскетъ, съ тѣмъ только отличіемъ, что онъ носилъ архіерейскій санъ, исполнялъ пастырскія обязанности и жилъ среди общества; онъ всегда, вездѣ и во всемъ проявлялъ глубокое смиреніе,—въ положеніи тѣла, во взорѣ, въ походкѣ, въ словахъ, дѣйствіяхъ и во всей внѣшней обстановкѣ. Случалось, что онъ, въ обращеніи съ другими незнатными или подчиненными ему, какъ бы забывалъ о своемъ санѣ и доходилъ до фамильярности, или въ присутствіи лица почетнаго онъ относился съ такимъ же привѣтомъ и ласкою къ человѣку безъ значенія въ обществѣ, какъ и къ первому, чѣмъ иногда и блазнились нѣкоторые. Въ келліи своей онъ часто служилъ самъ себѣ и исправлялъ тѣ обязанности, кои должны были исполнить его келейные. Нерѣдко принималъ участіе съ дру-

гими въ трудахъ тѣлесныхъ, а чаще это дѣлалъ одинъ,—работая въ саду, копая гряды въ огородѣ, рубя дрова, зимою очищая снѣгъ, и т. под.

Случалось, что нѣкоторые изъ просителей забывались: относились къ нему неуважительно, говорили съ нимъ грубо и даже дерзко, предъявляли свои претензіи на его распоряженія съ укоризною, требовали удовлетворенія своимъ прошеніямъ, большею частью нерезоннымъ, настойчиво; и такимъ образомъ, казалось, должны бы вывести его изъ терпѣнія или, по крайней мѣрѣ, смутить его; но онъ съ удивительнымъ великодушіемъ, смиреніемъ и кротостію все это переносилъ, и только въ крайнемъ случаѣ, со вздохомъ, удалялся отъ такихъ въ свои покои.

Однажды ему нужно было отправиться къ одному изъ подгородныхъ помѣщиковъ. Подана была карета; въ нее сѣли: владыка, архимандритъ, его родственникъ, и одинъ изъ протоіереевъ. Послушникъ сталъ затворять дверцы кареты. «Ты же гдѣ сядешь?» спросилъ его преосвященный.—Съ кучеромъ, на козлахъ. «Иди, садись въ карету!» Когда тотъ совѣстился принять такую почесть, чтобы сидѣть вмѣстѣ съ архіереемъ въ каретѣ, и докладывалъ, что для него покойно будетъ сидѣть и съ кучеромъ,—«садись съ нами», сказалъ опять преосвященный, «вѣдь здѣсь есть мѣсто свободное, этимъ насъ ты не стѣсняешь, карета четырехмѣстная, а на козлахъ пыльно, или дождь можетъ пойти и замочитъ». Послушникъ влѣзъ въ карету; и дорогою владыка, кушая апельсины, подчивалъ ими своихъ спутниковъ, а въ числѣ ихъ и послушника.

Въ другой разъ по случаю какого-то великаго праздника собралось къ преосвященному почетное духовенство для поздравленія съ праздникомъ. Преосвященный, благословивъ всѣхъ, обратился къ одному изъ бывшихъ тутъ, и, поклонясь ему чуть не до земли, при всѣхъ сказалъ: «простите меня Господа ради, что я васъ оскорбилъ!» По какому слу-

чаю владыка испрашивалъ себѣ прощенія у сказаннаго лица, осталось для всѣхъ тайною, исключая того, къ которому онъ обратился съ поклономъ.

Преосвященный Поликарпъ жилъ такъ, что не имѣлъ привязанности ни къ чему земному. Не имѣлъ онъ пристрастія къ скоропреходящему богатству, деньгамъ, вещамъ и т. под. Бывало, пришлютъ къ нему откуда-нибудь деньги или кто пришлетъ ему что-либо въ даръ,—онъ равнодушно приметъ ихъ, но не выкажетъ ни радости, ни удовольствія, исключая только тѣхъ случаевъ, когда эти деньги или вещи пожертвованы съ цѣлію благотворительною для духовно-учебныхъ заведеній или на вновь созидаемый имъ храмъ; тогда онъ принималъ дары съ радостію и хвалился ими предъ другими, чтобы прославить благотворителей. Утратитъ ли что? онъ этимъ нимало не смущался. Онъ самъ разсказывалъ о себѣ слѣдующее: «Вздумалось мнѣ однажды имѣть у себя въ запасѣ, на всякій случай, рублей сто, а ихъ украли; тогда я осудилъ себя въ маловѣріи и недостаткѣ упованія на Промыслъ Божій, пекущійся о всѣхъ и о всемъ, и наипаче за то, что подалъ поводъ ко грѣху татьбы ближнему моему, и съ тѣхъ поръ положилъ въ душѣ своей, чтобы впередъ не держать денегъ, а тотчасъ, когда онѣ случатся, дѣлать имъ надлежащее употребленіе».

Во внѣшнемъ образѣ жизни не было у него строгаго порядка и точнаго распредѣленія времени. Для просителей и вообще для посѣтителей двери келліи его всегда были открыты; дѣлами епархіальными онъ занимался, когда ему предлагалъ секретарь, и не оставлялъ занятій, пока не окончитъ ихъ; на прошеніяхъ просителей, если никакого сомнѣнія не представлялось, онъ тогда же, при подачѣ ихъ, давалъ резолюціи.

Въ келліяхъ своихъ онъ желалъ только простоты, удобства и чистоты; о роскоши же и убранствѣ ихъ онъ не заботился.

Не заботился преосвященный и о пышности одеждъ своихъ. Если же онъ въ праздники и торжества и являлся на богослуженіе въ довольно цѣнныхъ одеждахъ, кои онъ имѣлъ отъ усердія преданныхъ ему, то онъ тяготился такими одѣждами, и съ большимъ удовольствіемъ облекался въ простую монашескую одежду. Въ зимнее время хотя и носилъ иногда песцовую шубу, но преимущественно любилъ надѣвать, сверхъ лѣтней рясы, теплую рясу на ватѣ, покрытую шерстяною матеріею, и въ такой незатѣйливой одеждѣ являлся въ соборъ на богослуженіе. Какъ-то, по желанію его, сшить былъ, для домашняго употребленія, подрясникъ изъ простой бумажной (серпянки) матеріи. Преосвященный очень былъ доволенъ имъ. «Какъ хорошо мнѣ въ немъ,—говорилъ онъ,—и легко, и прохладно!»

Послѣ такого настроенія, преосвященному уже нетрудно было исполнять заповѣдь Христову о милосердіи къ ближнимъ и благотвореніи имъ; и онъ точно съ любовію, нескудно и постоянно отверзалъ руку свою на благотвореніе.

Каждый день у дверей его келліи толпилась нищая братія,—и не отходила отъ нихъ безъ подаянія. Въ своемъ архіерейскомъ домѣ онъ содержалъ на собственномъ иждивеніи одного безногаго и двухъ лишенныхъ умственныхъ способностей, и въ Орловскомъ дѣвичьемъ Введенскомъ монастырѣ—одну бѣдную старицу, обратившуюся изъ лютеранскаго исповѣданія и затѣмъ поступившую въ монастырь по указанію ей въ сонномъ видѣніи, какъ сама объясняла, святителя и чудотворца Николая. Весьма часто владыка дѣлалъ пожертвованія немаловажныя въ Орловскую духовную семинарію, духовныя училища—на бурсаковъ, въ пріютъ дѣвицамъ духовнаго званія, на строившійся въ архіерейскомъ домѣ храмъ, въ тюремный замокъ, на пособіе чиновникамъ Орловской духовной консисторіи, въ пользу духовнаго попечительства, въ разныя общества и братства, какъ, напримѣръ, въ Кіево-Софійское и Подольское братства, коихъ онъ былъ постояннымъ членомъ. Что же онъ втайнѣ творилъ для меньшей Христовой братіи,—одинъ Богъ вѣсть.

Когда же у него совсѣмъ не было денегъ,—а между тѣмъ кто-нибудь изъ бѣдныхъ обращался къ нему за милостынею; то онъ, обыкновенно, давалъ что-нибудь изъ вещей своихъ, и давалъ такъ, чтобы никто изъ живущихъ съ нимъ не видалъ этого. Однажды къ окну келліи его подошелъ нищій за милостынею. У преосвященнаго не было денегъ нисколько, а отпустить его безъ подаянія было не въ его правилахъ. Вотъ онъ посмотрѣлъ туда и сюда, и видитъ, что въ его спальнѣ стоятъ двое сапоговъ (самъ онъ въ это время, по болѣзни ногъ, былъ въ башмакахъ). Онъ тотчасъ же взялъ пару сапоговъ и отдалъ ихъ нищему. Что жъ послѣ оказалось? Изъ двухъ паръ сапоговъ, только одна пара была преосвященнаго, а другая принадлежала родственнику его, въ то время жившему съ нимъ. Преосвященный, торопясь, чтобы сдѣлать милостыню безъ свидѣтелей, подалъ нищему одинъ сапогъ свой, а другой своего родственника.

Если же самъ не имѣлъ средствъ помочь просившему у него помощи, то обращался къ благотворительности извѣстныхъ ему особъ, которыя, по глубокому уваженію къ нему и довѣрію, принимали участіе въ нуждахъ бѣдныхъ, доставляя пособіе бѣднымъ или непосредственно, по указанію преосвященнаго, или вручая милостыню свою ему для раздачи бѣднымъ по личному его усмотрѣнію.

За то этотъ нищелюбецъ крайне огорчался, если узнавалъ о корыстолюбіи и скупости чьей-нибудь, особенно изъ лицъ духовнаго званія. Вскорѣ по пріѣздѣ на Орловскую епархію, преосвященный захотѣлъ обозрѣть Орловскія градскія церкви. Прибывъ въ одну изъ нихъ, онъ былъ пораженъ красотою ея иконостаса, который, предъ пріѣздомъ его въ Орелъ, только что былъ поставленъ. Онъ полюбопытствовалъ у священника приходскаго: во сколько цѣною обошелся этотъ иконостасъ? Священникъ объяснилъ, что за иконостасъ ма-

стеру очень недорого заплачено, такъ что онъ остался въ убыткѣ. «Какъ въ убыткѣ?»—воскликнулъ владыка: «и вы рабочаго человѣка довели до убытка—и еще въ храмѣ Божіемъ? Развѣ угодна Господу Богу та жертва, которая приносится Ему съ обидою для ближняго? Вы знаете, какой грѣхъ удерживать мзду, или что то же—заработанную плату у наемника?—это одинъ изъ грѣховъ, вопіющихъ на небо во уши Господа Саваоѳа объ отмщеніи, какъ говоритъ св. апостолъ Іаковъ». И потому, вотъ что сдѣлайте: объявите прихожанамъ моимъ именемъ, чтобы они непремѣнно удовлетворили подрядчика за иконостасъ, насколько онъ потерпѣлъ убытку.

Онъ нисколько не заботился о столѣ;—все предлагаемое ѣлъ во славу Божію; что подадутъ къ столу,—тѣмъ и довольствовался; хорошо ли приготовлено было кушанье или худо, онъ не обращалъ вниманія, такъ что необходимѣйшая потребность нашей жизни—пища у него занимала послѣднее мѣсто.

Когда, по прибытіи его въ Орелъ, на другой день, явился къ нему поваръ за приказаніемъ: какой ему угодно будетъ велѣть приготовить обѣдъ; то преосвященный былъ въ большомъ затрудненіи относительно этого, потому что онъ едва-ли когда входилъ въ подобное распоряженіе. «Какое прежде готовилось кушанье?» спросилъ онъ у повара. Тотъ отвѣчалъ: покупалась рыба соленая и свѣжая, и такъ далѣе. «Рыба?—спросилъ преосвященный,—я слышалъ, что здѣсь въ Орлѣ дорога рыба, да притомъ она для меня не совсѣмъ здорова, поэтому ты приготовляй къ столу для меня картофель,—подавай 5 картофелинъ средней величины».—«А еще что изволите приказать приготовить къ столу?» обратился поваръ съ новымъ вопросомъ къ преосвященному. «Что же еще надобно?—спросилъ владыка,—развѣ нельзя быть сыту и этимъ? Еще подавай хлѣба и соли, вотъ и все!»

Поваръ остался недоволенъ и былъ вынужденъ обращаться къ родственнику преосвященнаго за распоряженіемъ относительно стола.

Обѣдалъ преосвященный въ 3 часа пополудни, рѣдко ранѣе этого, именно, когда приметъ и выслушаетъ всѣхъ посѣтителей. Онъ строго соблюдалъ уставъ церковный въ отношеніи пищи. Среду, пятокъ и другіе постные дни онъ проводилъ въ строгомъ воздержаніи; особенно въ св. Четыредесятницу онъ такъ постился, что однажды заболѣлъ отъ долгаго пребыванія безъ пищи, вслѣдствіе чего и надобно было прибѣгнуть къ врачу, который, вмѣсто лѣкарства, давая ему питательный и возстановляющій силы бульонъ, возвратилъ ему здоровье. Когда онъ постился, особенно на первой и Страстной недѣляхъ Великаго поста, то подъ предлогомъ врачеванія, употреблялъ сокъ рѣдьки, и тѣмъ какъ бы наказывалъ себя за нѣкоторое послабленіе себѣ въ пищѣ и питіи въ другіе дни. Между тѣмъ, при такомъ воздержаніи онъ почти безпрерывно находился на молитвѣ, такъ какъ во весь Великій постъ служба въ его Крестовой церкви отличалась особенною продолжительностію,—почти весь день. И за всѣмъ тѣмъ, онъ въ эти дни не оставлялъ келейнаго своего правила и занятія епархіальными дѣлами.

Но, бывая у кого-либо въ гостяхъ, онъ ѣлъ все предлагаемое, не нарушая, впрочемъ, въ этомъ случаѣ правилъ св. Церкви и воздержанія. Употреблялъ нѣсколько и виноградnаго вина. Но случилось, что однажды при немъ разсказали, что бывшій до него преосвященный Никодимъ тоже мужъ великаго воздержанія, употреблялъ вино не иначе, какъ растворяя его водою, слѣдуя правилу, высказанному имъ, въ присутствіи многихъ, за столомъ: «кто пьетъ вино съ водою, тотъ портитъ вино, а кто пьетъ цѣльное вино, тотъ портитъ себя!» Съ тѣхъ поръ преосвященный Поликарпъ сталъ вкушать вино, какое бы оно ни было, съ водою.

Строгій блюститель законоположеній церковныхъ, онъ въ

постѣ мудро дѣлалъ послабленіе, когда требовало того дѣло любви.

Преосвященный Поликарпъ, имѣя чистое духовное око, часто проникалъ въ самые тайники сердца человѣческаго и видѣлъ, что тамъ—въ глубинѣ его скрывалось. Это иногда испытывали надъ собою тѣ, кои бывали у него. Такъ случалось, что онъ вдругъ, какъ бы безъ особеннаго побужденія начиналъ разсказывать примѣръ изъ жизни какого-нибудь угодника Божія, или хвалить добродѣтель, осуждать порокъ, и именно тѣ самые, какіе въ душѣ присутствовавшаго при немъ были господствующими; и слушавшій его бесѣды, будучи обличаемъ своею совѣстію, сознавалъ, что тайная сердца его явлена суть предъ прозорливымъ владыкою, и что слова его именно къ нему относятся.

Когда преосвященный былъ еще ректоромъ Смоленской семинаріи,— одна дѣвица одержима была бѣснованіемъ. Мать ея, имѣя особенную вѣру въ дѣйственность молитвъ преосвященнаго Поликарпа, привела ее къ нему въ келлію и слезно просила, чтобы онъ помолился о больной ея дочери Господу Богу, и испросилъ ей исцѣленіе. О. Поликарпъ, какъ ни былъ смиренъ, при видѣ страждущей отъ насильства діавола дочери, и скорбящей о ней матери, не отказался удовлетворить ея просьбѣ. Онъ тогда же простеръ молитву свою къ Богу о страждущей, и молитва вѣры спасла болящую, такъ что она совершенно избавилась отъ припадковъ бѣснованія.

Во время поѣздки преосвященнаго по епархіи для обозрѣнія ея, случилось ему быть въ домѣ одного мценскаго помѣщика М. Крестьяне того помѣщика, узнавъ, что у него находится владыка, во множествѣ собрались къ нему, чтобы попросить владыку помолиться Господу Богу о ниспосланіи на нивы ихъ дождя, такъ какъ отъ продолжительной засухи онѣ погибли. Когда доложили объ этомъ владыкѣ,— онъ тотчасъ приказалъ приготовить все необходимое для служенія

молебствія по случаю бездождія. Подъ открытомъ небомъ приготовили столъ, принесли иконы, и владыка благословилъ игумену съ нимъ бывшему служить, а самъ сталъ на ряду съ молящимися. И что же? Когда еще продолжалось молебствіе,—нашли на небо тучи, и обильный дождь пролился на поля земледѣльцевъ. Всѣ тутъ бывшіе удивились такой милости Божіей, столь скоро, по молитвѣ святого владыки, ниспосланной съ умиленіемъ воздавали славу Господу, и вмѣстѣ благодарили и прославляли и теплаго молитвенника, своего архипастыря Поликарпа.

Того же помѣщика сынъ, лѣтъ 15 отъ роду, отправился въ рощу верхомъ. Тамъ лошадь чего то испугалась и сбросила съ себя сѣдока. Паденіе его было такъ сильно, что его привезли безъ признаковъ жизни; однакожъ, дома оказали ему нѣкоторое пособіе, и онъ сталъ дышать, но все оставался въ безсознательномъ состояніи. Между тѣмъ послали въ г. Мценскъ за медикомъ, а мать убившагося отъ паденія съ лошади, имѣя великую вѣру къ преосвященному Поликарпу, отправилась въ Орелъ, за 40 верстъ, повѣдать ему о своемъ несчастіи и просить его молитвъ за болящаго сына. Въ то время, какъ она явилась къ владыкѣ, онъ былъ на пути въ каѳедральный соборъ для совершенія литургіи, но принялъ скорбную мать, и, сколько позволяло время, преподалъ ей пастырское наставленіе и утѣшеніе, и, давая ей напутственное благословеніе, сказалъ: «отправляйтесь съ Богомъ обратно домой; вы тамъ нужны для больного, а я отправлюсь на службу Божію въ соборъ, гдѣ и буду молиться за больного вашего сына, и уповаю, что, по вѣрѣ вашей, Господь дастъ, что будетъ здоровъ».

Когда мать вернулась съ медиками, къ удивленію всѣхъ, въ это самое время, больной открылъ глаза и разсказалъ всѣмъ тутъ бывшимъ свой сонъ, что онъ, находясь въ безсознательномъ состояніи, какъ будто находился въ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ преосвященный съ такими то лицами слу-

жилъ литургію (и въ самомъ дѣлѣ тѣ лица, которыя онъ поименовалъ, участвовали съ преосвященнымъ въ служеніи), который, благословивъ его, далъ ему просфору. Разсказавъ свой сонъ, больной опять впалъ въ спячку, а на другой день всталъ совершенно здоровымъ.

Дочь одной помѣщицы, дѣвица 9 лѣтъ, одержима была пляскою св. Витта. Помѣщица привезла свою дочь въ Орелъ, чтобы посовѣтоваться насчетъ ея здоровья съ врачами и полѣчить ее. Но такъ какъ она питала особенное благоговѣніе къ преосвященному Поликарпу, то, прежде нежели обратилась къ врачамъ за пособіемъ для дочери, сочла долгомъ побывать у преосвященнаго, взявъ съ собою и больную дочь, чтобы испросить у него молитвъ и благословенія. Преосвященный, по обычаю своему сказавъ имъ нѣсколько словъ въ назиданіе, возложилъ святительскую свою десницу на главу больной и сказалъ: «не безпокойтесь, и возложите упованіе свое на Господа Бога; болѣзнь пройдетъ». Затѣмъ помѣщица съ дочерью отправилась къ извѣстному по своему искусству врачу. Врачъ, внимательно освидѣтельствовавъ больную, съ неудовольствіемъ сказалъ: «откуда это вы взяли, что ваша дочь больна? Она такъ здорова, какъ нельзя лучше, и нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ той болѣзни у вашей дочери, о коей вы говорите». Мать больной старалась увѣрить врача, что дочь ея доселѣ, какъ и всѣмъ это извѣстно, была больна, и зачѣмъ бы она пріѣхала съ нею нарочно изъ деревни за 40 верстъ, и потомъ стала бы безпокоить его напрасно?». Но врачъ продолжалъ повторять, что у дочери ея нѣтъ никакой болѣзни, а тѣмъ болѣе той, какую она ей приписываетъ. И, въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ помѣщица съ своею дочерью побывала у преосвященнаго Поликарпа,—болѣзнь не возвращалась къ ней.

Преосвященный Поликарпъ, епископъ Орловскій и Сѣвскій, уснулъ сномъ праведника 22 августа 1867 года, въ 2 часа пополуночи.

Утвердительно можно сказать, что преосвященный Поликарпъ предвидѣлъ скорое переселеніе свое въ вѣчность. Это высказывалъ онъ въ бесѣдѣ съ другими, и со скорбію повторялъ: «надобно поскорѣе кончить храмъ, начатый мною въ архіерейскомъ домѣ; ибо опасаюсь, что смерть не допуститъ меня выполнить это». Поэтому, онъ всѣ усилія употреблялъ, чтобы строеніе означеннаго храма дѣятельно продолжалось, и всѣ средства, кои откуда-либо присылались къ нему, онъ обращалъ на построеніе его. За годъ предъ кончиною своею онъ хотѣлъ удалиться на покой, чтобы провесть остатокъ дней своихъ единственно въ попеченіи о душѣ своей; для этого избралъ себѣ скитъ при Брянской Бѣлобережской пустыни, который по своему уединенію, безмолвію и красотѣ весьма нравился преосвященному, хотя родственникъ его, о. архимандритъ Ксенофонтъ, настоятель Спасо-Чолнскаго Трубчевскаго монастыря, склонялъ его, чтобы онъ, если желаетъ оставить каѳедру, поступилъ въ этотъ послѣдній монастырь, обѣщая доставить ему всякій покой и удобство. Также замѣчательно то, что преосвященный въ послѣднее время предъ своею кончиною собственными руками въ саду ископалъ могилу. Когда его однажды спросили, для чего ископалъ ее, онъ, не давая на вопросъ прямого отвѣта, сказалъ, что я сдѣлалъ это для того, чтобы лишняя влага отъ корней деревъ стекала въ этотъ ровъ. Между тѣмъ въ свободныя отъ епархіальныхъ дѣлъ минуты приходилъ сюда къ выкопанной имъ могилѣ, и здѣсь, при созерцаніи сего скуднаго вмѣстилища по смерти человѣка, размышлялъ о суетѣ жизни человѣческой, и бренности самого человѣка, и поучался великой наукѣ, какъ христіанину подобаетъ умирать. Наконецъ, предъ самою кончиною вызвалъ къ себѣ упомянутаго своего родственника, на рукахъ коего и скончался, послѣ тяжелой болѣзни.

Стеченіе народа для отданія послѣдняго долга любимому архипастырю столь было велико, что все пространство отъ

самаго архіерейскаго дома до каѳедральнаго собора занято было сплошною массою. Какъ ни огроменъ соборъ, но онъ не могъ вмѣстить желавшихъ быть при погребеніи владыки. Погода была въ это время пасмурная, и даже лилъ довольно сильный дождь, но къ концу литургіи небо прояснилось, и сдѣлалось тепло. Помня великія заслуги почившаго святители, многія особы приняли на себя всѣ издержки, необходимыя при погребеніи его. Кто устроилъ богатый гробъ для него, кто купилъ богатый покровъ на тѣло его, кто принялъ на себя расходы для стола, кто—снабженіе бѣдной братіи милостынею и тому подобное, а иные, которыхъ Богъ не надѣлилъ богатствомъ вещественнымъ, принесли на гробъ почившаго, вмѣсто многоцѣннаго мура, свои слезы. Всѣ же вообще усердно молились о немъ Господу Богу, да упокоитъ Онъ духъ его, идѣже вси праведніи упокоеваются!

Останки епископа Поликарпа погребены въ Успенской церкви архіерейскаго дома, за правымъ клиросомъ, въ каменномъ склепѣ. Надъ могилою усердіемъ чтителей его положена чугунная доска съ изображеніемъ креста Господня и соотвѣтственною надписью: «Здѣсь погребено тѣло епископа Поликарпа».

Сбоку же на правой сторонѣ стоитъ и келейная икона покойнаго—икона Матери Божіей Споручницы грѣшныхъ *).

Настоятель Нѣжинской Греческой церкви о. Иліодоръ.

(Память 23 августа).

Вотъ человѣкъ, который не обучался ни въ какомъ училищѣ, не выдавался ни дарованіями, ни особыми внѣшними заслугами, но успѣлъ оставить по себѣ въ своемъ краю

*) По очерку, помѣщенному въ „Странникѣ“ 1869 г.

самую свѣтлую память. Въ немъ было въ высокой степени то, чего недостаетъ у большей части изъ насъ—глубокая, преискренняя вѣра въ Бога, рѣдкая любовь къ молитвѣ, даръ увлекать къ ней и другихъ, кроткая простота и христіанское вниманіе ко всѣмъ.

Сынъ бѣднѣйшаго нѣжинскаго діакона, учившійся только у отца да въ церкви, онъ на 16 году жизни опредѣленъ былъ дьячкомъ въ село. Проживъ тамъ съ добрымъ успѣхомъ семь лѣтъ, онъ былъ переведенъ въ 1823 г. въ Нѣжинъ, женился, а въ 1831 г., около 30 лѣтъ отъ рожденія, рукоположенъ былъ въ діакона въ Нѣжинскій дѣвичій монастырь. Какъ онъ радовался и прославлялъ Бога, что сподобился достигнуть священнаго сана! Въ слѣдующемъ году жена его умерла отъ холеры, оставивъ ему цѣлую семью бѣдныхъ сиротъ. Горе не ослабило его благочестиваго настроенія: онъ перенесъ его безропотно, попрежнему служилъ благоговѣйно и велъ строгую христіанскую жизнь. Нѣжинскіе греки полюбили его служеніе и позаботились перевести его въ свой приходъ, хотя онъ ни слова не зналъ по-гречески и могъ служить при греческихъ архимандритахъ только по-славянски. Здѣсь онъ еще болѣе пріобрѣлъ себѣ любовь и уваженіе отъ всѣхъ, кто видѣлъ его хоть разъ на богослуженіи. Благообразный, скромный, сладкогласный, онъ въ церкви былъ весь благоговѣніе: такъ истово и сердечно крестился и преклонялся, словно видѣлъ предъ собою не храмъ, не иконы, а Самого Господа храма, такъ отчетливо и выразительно произносилъ каждое святое слово, такъ проникался умиленіемъ, что невольно согрѣвалъ сердца предстоящихъ и располагалъ ихъ къ покаянной молитвѣ. Почти 20 лѣтъ пробылъ онъ здѣсь діакономъ и до того пріобрѣлъ себѣ благодать у Бога и людей, что въ 1854 г., когда умерли настоятели греческой церкви, всѣ прихожане ея единодушно просили Св. Сунодъ, чтобы настоятелемъ ихъ прихода былъ опредѣленъ отецъ діаконъ Топольскій, съ постриженіемъ въ

монашество и рукоположеніемъ въ іеромонаха. Св. Сунодъ уважилъ ихъ просьбу, и 28 августа 1854 г. діаконъ Илія Топольскій сталъ іеромонахомъ Иліодоромъ и настоятелемъ нѣжинскаго греческаго прихода.

На этомъ мѣстѣ душа его, преданная Господу, раскрылась во всей полнотѣ, и онъ явился однимъ изъ подвижниковъ новаго времени на святой Руси. Довольно сказать, что со дня своего рукоположенія въ іеромонаха онъ *тридцать лѣтъ служилъ почти ежедневно,* и какъ служилъ! Всѣ годы, какъ одинъ день, онъ съ неизмѣнною ревностію спѣшилъ въ церковь, по первому удару колокола, и готовъ былъ, по примѣру Давида, *жить въ дому Господни вся дни живота* своего. Бывало, явится онъ въ церковь на вечерню,—нѣтъ дьячка, онъ надѣнетъ епитрихиль, возгласитъ «*Благословенъ Богъ нашъ*» и, нимало не смущаясь, идетъ на клиросъ и самъ читаетъ 9-й часъ, пока соберется причтъ. Тоже случалось и на утрени. А иногда и въ началѣ обѣдни, съ обычнымъ терпѣніемъ и любовію, въ полномъ облаченіи, онъ читалъ часы, пока не замѣнялъ его кто-нибудь изъ подошедшихъ причетниковъ или изъ постороннихъ лицъ. Проскомидію онъ совершалъ почти всегда около часа, пока прочитаетъ всѣ поминальныя книжечки и записки, въ коихъ отмѣчены были всѣ его духовныя чада, всѣ его ближніе и знакомые, всѣ прибѣгавшіе къ его молитвѣ. Съ неизмѣннымъ благоговѣніемъ служилъ онъ молебны, исполнялъ всякія просьбы, и неудивительно, что въ церковь его приходили постепенно чуть не всѣ жители города и окрестностей, и всѣ уходили съ духовною радостію и упованіемъ на милость Божію.

Молитвенное дѣло свое онъ велъ не только въ церкви, не только съ требами по домамъ прихожанъ, но и у себя дома. Особенно умиленно молился онъ надъ больными дѣтьми, страдавшими въ дѣтской немочи и конвульсіяхъ. Какъ часто случалось видѣть въ его келліяхъ десятки женщинъ съ стра-

ждущими младенцами на рукахъ! Сначала только и слышны плачъ да пискъ больныхъ малютокъ, да вздохи и стенанія несчастныхъ матерей. Но начнетъ молиться старецъ Божій, вычитывая одинъ за другимъ молебны Спасителю, Богоматери и разнымъ святымъ, начнетъ читать заклинательныя молитвы св. Василія Великаго и помазывать больныхъ дѣтей св. елеемъ, — и смотришь, они мало-по-малу успокаиваются, лица матерей свѣтлѣютъ, и многія—многія отходили домой, унося совершенно здоровыхъ младенцевъ. Народная вѣра въ благодатную силу молитвъ отца Иліодора доходила до того, что матери полагали больныхъ младенцевъ у ногъ его, во время великаго входа на литургіи, чтобы онъ переступилъ черезъ нихъ со св. Чашею,—и дѣти становились здоровыми. Скоро къ нему стали носить дѣтей за 30 и 40 верстъ отъ Нѣжина, а наконецъ—даже евреи! Лѣтомъ 1884 года одна пріѣзжая еврейка обратилась къ нему, чтобы онъ «*вычиталъ*» ея младенца отъ дѣтской немочи, но при этомъ требовала, чтобы онъ не употреблялъ ни крестнаго знаменія, ни помазанія св. елеемъ. Смутился о. Иліодоръ и не зналъ, что дѣлать. По чувству любви къ ближнему, хотѣлъ онъ помолиться надъ болящимъ, но боялся нарушить правила св. Церкви и, скрѣпя сердце, отказалъ еврейкѣ. Та подала прошеніе преосвященному, жалуясь на о. Иліодора, что онъ отказывается помочь ей въ горѣ, вслѣдъ затѣмъ подала и другое прошеніе, чтобы владыка заставилъ о. Иліодора помолиться надъ ея дѣтищемъ. И согласно благословенію архипастыря, о. Иліодоръ молился надъ болящимъ, возлагая, по древнему обычаю, на него руки, вмѣсто крестнаго знаменія. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ помогла эта молитва: еврейка скоро уѣхала изъ Нѣжина.

Не для однихъ дѣтей, но и для многихъ взрослыхъ, по сказанію ихъ, молитвы о. Иліодора были цѣлебнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ лекарства врачей. Онъ не отказывался приходить во всѣ дома, гдѣ были страждущіе, и всегда прино-

силъ съ собою миръ и утѣшеніе. Ноги его во всякую пору готовы были идти, куда бы ни позвали его, нерѣдко за другихъ священниковъ, по ихъ болѣзни или отсутствію. Нѣжинскіе жители всѣхъ сословій, богатые и бѣдные, простецы и образованные, православные и иновѣрные, особенно больные душею и тѣломъ, обращались къ нему за совѣтомъ и молитвою; и шли къ нему съ глубочайшею увѣренностью, что онъ ихъ не отринетъ, выслушаетъ, помолится за нихъ, напутствуетъ добрымъ словомъ и благословеніемъ, и сдѣлаетъ все это во всякое время дня и ночи. И эта преискренняя готовность его служить всѣмъ, чѣмъ можетъ, и для всѣхъ, кто бы ни пришелъ, длилась неизмѣнно цѣлые десятки лѣтъ!.. И то еще удивительно, какъ онъ сумѣлъ соединить строгіе обѣты монашества съ трудными обязанностями приходскаго пастыря и съ тяжкими заботами главы семейства (при немъ жили вдовствующія дочери и ихъ дѣти).

Такія высокія качества духовной жизни его послужили основаніемъ къ тому, что онъ былъ избранъ духовникомъ въ обоихъ монастыряхъ Нѣжинскихъ—мужскомъ и дѣвичьемъ (обѣ эти должности онъ исполнялъ до смерти своей); кромѣ того онъ былъ духовникомъ большей части духовенства и многихъ свѣтскихъ лицъ изъ другихъ приходовъ.

Конечно, въ долгой жизни его встрѣчались и такіе люди, которые возмущали покой его души и за его любовь платили ему неблагодарностью и зломъ; но онъ всѣмъ прощалъ, все терпѣлъ, все покрывалъ. Этимъ миромъ вѣрующей души своей, христіанскимъ воздержаніемъ и трезвою жизнію онъ такъ умѣлъ сохранить себя, что и въ послѣдніе годы лицо его дышало свѣжестію и румянцемъ.

Такъ жилъ и служилъ о. Иліодоръ не только въ лучшіе годы жизни, но и въ послѣдніе лѣта старости, когда для человѣка, пережившаго *множае* осмидесяти лѣтъ, наступаетъ *трудъ и болѣзнь*. Въ эти годы, вслѣдствіе прежнихъ неустанныхъ трудовъ, онъ часто занемогалъ; но какъ ни убѣждали его

родные и знакомые не ходить въ церковь, онъ ихъ не слушался и только при совершенной немощи уступалъ имъ. И когда болѣзнь удерживала его въ домѣ, онъ всѣми силами заботился объ исполненіи *всего церковнаго правила* въ своей келліи. А чуть только оправлялся, снова спѣшилъ въ церковь, служилъ, молился, не взирая на удушливый кашель и крайнее ослабленіе, которые не дозволяли ему какъ должно произносить слова молитвъ. За двѣ недѣли до смерти онъ еще служилъ, еле передвигая ноги, и только по настоянію врачей рѣшился отдохнуть нѣсколько дней. Съ приближеніемъ праздника Успенія, онъ, лежа въ постели, только о томъ и думалъ, какъ-бы ему самому отслужить въ этотъ день; но наканунѣ праздника ему стало хуже, а ночью, вслѣдствіе отека легкихъ и ослабленія голосовыхъ оболочекъ, полилась кровь горломъ. Почуявъ близость смерти, онъ самъ пригласилъ къ себѣ архимандрита монастыря, священниковъ и діаконовъ для совершенія таинства елеосвященія. Онъ лежалъ при этомъ въ постели, еле переводя духъ; но какъ только подносили ему св. Евангеліе, какъ только очередной іерей приступалъ къ помазанію его св. елеемъ, онъ сразу оживлялся и съ невыразимою любовію приникалъ засохшими устами къ словамъ Христовымъ. По совершеніи таинства, онъ, съ глазами, полными слезъ, съ необычайною кротостію и смиреніемъ, попрощался съ священнослужителями, съ присутствующими, у всѣхъ просилъ молитвъ, благословенія и прощенія. И черезъ 4 дня (23 августа 1884 г.) онъ скончался, 83-хъ лѣтъ отъ роду, прослуживъ Церкви въ священномъ санѣ 52 года *).

*) „Черн. Еп. Изв.“, 1884, №№ 21 и 22.

Схимонахъ Лаврентій Глинскій.

(Память 24 августа).

Старецъ схи-архимандритъ Иліодоръ въ отцѣ Лаврентіи указалъ ученикамъ своимъ преемника по старчеству. Болѣе ревностнаго дѣлателя заповѣдей Божіихъ на тѣсномъ иноческомъ пути, кажется, не было. Поэтому о. Иліодоръ говорилъ про Лаврентія, что онъ духомъ болѣе всѣхъ подходитъ къ монашеству. Отецъ Лаврентій не мудрый внѣшнею мудростію, но умудренный опытомъ жизни и мудростію сходящею свыше, былъ истиннымъ нелестнымъ руководителемъ спасающихся. Святитель Тихонъ Задонскій бабкѣ о. Лаврентія сказалъ: «за благочестіе твое въ твоемъ родѣ будутъ монахи». Въ юности Лаврентій былъ смирнымъ мальчикомъ, любилъ уединеніе, сверстники его нерѣдко обижали. Въ возрастѣ мужества онъ былъ у своего помѣщика садовникомъ, мяса не ѣлъ, а полагавшуюся на его долю часть отдавалъ своему женатому брату. На 38 году своей жизни онъ былъ отпущенъ бариномъ своимъ въ монастырь и въ 1846 году поступилъ въ Глинскую пустынь, гдѣ 25 лѣтъ несъ послушаніе садовника; въ 1874 году о. Лаврентій принялъ схиму. По спискамъ всегда аттестовался настоятелями: усерднымъ, трудолюбивымъ, къ монашеской жизни внимательнымъ. Любя уединеніе, подвижникъ 32 года жилъ въ малой и низкой комнатѣ, внизу уединенной монастырской башни у пруда (саженки). Въ келліи онъ всегда занятъ былъ или молитвою, или чтеніемъ Свящ. Писанія и святоотеческихъ книгъ. На послушаніе не выходилъ, пока не прочитаетъ акаѳистовъ Спасителю, Божіей Матери и Николаю Чудотворцу. Идя въ храмъ на послушаніе или куда-либо, и возвращаясь въ келлію, онъ всегда читалъ молитвы или псалмы. Послушаніе исполнялъ тоже съ молитвою и упованіемъ на Бога. Замѣчено, что деревья, посаженныя Лаврентіемъ съ молитвою, менѣе другихъ подвергаются порчѣ и болѣе плодовиты.

Безропотный, безотвѣтный, благодушный, о. Лаврентій отличался примѣрною нестяжательностью и безмолвіемъ. Никто не замѣчалъ его въ пустословіи. Только къ духовнымъ бесѣдамъ онъ былъ внимателенъ и въ своихъ словахъ назидателенъ. Желая себя и другихъ побудить къ ревности о спасеніи, онъ нерѣдко говорилъ: «жизнь наша коротка, и время скоротечно, а за гробомъ ждетъ насъ мука безконечная». По строгости воздержанія о. Лаврентій служилъ примѣромъ для братіи. Онъ дорожилъ каждою крошкою хлѣба и другимъ внушалъ, что пренебрегать даромъ Божіимъ—грѣхъ. Если ему случалось кушать что-либо выходящее изъ повседневнаго приготовленія пищи, то онъ считалъ это великою роскошью и обыкновенно простосердечно говорилъ: «такой обѣдъ у Царя да у насъ»!

Въ братской трапезѣ подвижникъ старался казаться кушающимъ, но его крайнее воздержаніе не могло укрыться отъ сидѣвшихъ съ нимъ рядомъ или противъ его. Однажды инокъ N. видя, что старецъ весьма мало кушаетъ, подумалъ: «вотъ какой постникъ нашъ Лаврентій, — поистинѣ святой мужъ».—«Какой тебѣ святой, откуда ты взялъ его»? отвѣтилъ Лаврентій на мысли своего сподвижника.

По принятіи схимы о. Лаврентій спрашивалъ своего старца-руководителя схи-архимандрита Иліодора: «можно ли ему еженедѣльно причащаться»? Одобривъ такое желаніе, о. Иліодоръ сказалъ: можно, и если на недѣлѣ будетъ праздникъ, то и два-три раза, но говѣть—благоговѣть и воздерживаться. Рыбы и масла нельзя вкушать ту недѣлю, въ которой хочешь причащаться.—Попробуй, а если будешь ослабѣвать, скажи;—можно установить такъ: одну недѣлю поговѣешь, другую—во вторникъ и четвергъ бери изъ кухни рыбное, но молочнаго не вкушай. Въ понедѣльникъ, среду и пятницу безъ масла.

Послѣ этого старческаго благословенія о. Лаврентій,—ревнующій о достойнѣйшемъ принятіи Святѣйшихъ Тѣла и Крови Христовыхъ, вдался въ усиленные подвиги поста и молитвы: о пищѣ и снѣ почти забылъ и дошелъ до болѣзненнаго состоянія. Это не укрылось отъ сподвижниковъ. Одинъ изъ нихъ отецъ Д. пошелъ къ старцу Иліодору и подробно разсказалъ ему про Лаврентія. Старецъ поблагодарилъ Д. и, какъ опытомъ прошедшій узкій путь и знакомый со всѣми препинаніями врага, захотѣлъ испытать схимонаха Лаврентія, боясь, чтобы онъ не впалъ въ прелесть. Зная, что обольщенные своею праведностію не слушаются другихъ, онъ того же отца Д. проситъ идти къ Лаврентію и, несмотря на позднее время, пригласить его пить чай. Монахъ Д. объяснилъ схимнику повелѣніе старца. «Какъ же такъ?—спросилъ его Лаврентій,—я никогда не позволялъ себѣ послѣ правила чего-либо вкушать»!—«За послушаніе, отче, исполни повелѣнное», сказалъ строгому постнику монахъ Д.—Подвижникъ, привыкшій въ точности исполнять всѣ старческія повелѣнія, и на этотъ разъ не отказался отъ послушанія. На другой день о. Иліодоръ самъ посѣтилъ схимника и сказалъ ему примѣрно такъ: «опасно вдаваться въ чрезмѣрные подвиги, хотя бы и схимнику. Мѣру трудовъ духовныхъ должно сообразовать съ тѣлесными силами. Неумѣренные подвиги дѣлаютъ тѣло неспособнымъ не только къ несенію послушанія, но и къ дальнѣйшему подвигу, а благоразумные подвиги трудящагося не лишаютъ его награды отъ Бога и возможности продолжать тѣсный путь». — Съ тѣхъ поръ о. Лаврентій былъ болѣе осторожнымъ и безъ благословенія своего старца не предпринималъ никакихъ подвиговъ.

Помимо добродѣтели, одинъ наружный благолѣпный видъ благоговѣйнаго инока располагалъ невольно уважать его. Росту о. Лаврентій былъ средняго, блѣднолицый съ легкимъ румянцемъ, тѣломъ очень худой. Волосы на головѣ и длинной окладистой бородѣ были сѣдые, взоръ кроткій, походка

смиренная, рѣчь тихая. Никогда не случалось видѣть подвижника печальнымъ, гнѣвнымъ или недовольнымъ,—внутренній благодатный миръ спокойной совѣсти невольно отражался въ сіяющемъ святою простотою и благолѣпіемъ лицѣ его.

Истинно и нелицепріятно любя ближнихъ, о. Лаврентій всѣмъ желалъ спастися и потому не опускалъ случая замѣчать младшимъ братіямъ нарушеніе какого-либо монастырскаго правила. Строгій исполнитель иноческихъ обѣтовъ, онъ опытно зналъ, что малое упущеніе ведетъ къ большему и наконецъ совершенно охлаждаетъ въ дѣлѣ Богоугожденія.

Не только братія Глинской пустыни, но и посторонніе немало пользовались совѣтами, а главное доброю жизнію старца. Въ совѣтахъ о. Лаврентія иногда высказывалось прозрѣніе будущаго. Такъ одинъ его односельчанинъ, идя въ Кіевъ на поклоненіе свв. угодникамъ, зашелъ въ Глинскую пустынь посѣтить о. Лаврентія, который, вмѣсто путешествія, совѣтовалъ приготовиться къ скорой смерти. Тотъ не послушалъ и, возвратясь домой изъ Кіева, разсказалъ роднымъ своимъ предсказаніе схимника о смерти. Въ скоромъ времени оно исполнилось. Тогда родные весьма пожалѣли, что не обратили вниманія на слова благочестиваго земляка и не позаботились о должномъ напутствіи умершаго. — Несмотря ни на болѣзни, ни на старость, ни на искушенія, о. Лаврентій бодро выстаивалъ до конца всѣ продолжительныя монастырскія церковныя службы. Обыкновенно онъ стоялъ по срединѣ хоръ храма, шага на два отъ перилъ.—Глаза его были закрыты, голова склонена впередъ. Старецъ-молитвенникъ въ храмѣ никогда не садился и не опирался, какъ свѣча горѣлъ предъ Богомъ молитвенникъ духомъ и этимъ немало озлоблялъ врага спасенія. Однажды, стоя въ храмѣ, о. Лаврентій почувствовалъ сильный ударъ въ ноги, потомъ въ бока, въ спину и, наконецъ, въ голову. Видя козни злого духа, старецъ просилъ братію поддержать его.

При каждомъ ударѣ ему приходилъ помыслъ—идти въ келію или въ больницу, получить помощь и отдохнуть, но другой — внутренній голосъ говорилъ ему: «не лучше-ли на молитвѣ остаться? — лучше умереть въ храмѣ, нежели на койкѣ, а то пойдешь и дорогою кончишься, къ чему будетъ твоя хода»!.. Прошло четверть часа борьбы. Подвижникъ рѣшилъ умереть, а не оставлять храма, и Господь сторицею наградилъ его небеснымъ утѣшеніемъ за побѣду. Болѣзнь прошла, сердце Лаврентія исполнилось неизреченнаго веселія. «Такого отраднаго чувства я никогда не имѣлъ, — говорилъ онъ, и если бы служба совершалось 20 часовъ, я бы согласился стоять, лишь бы меня не покидала та небесная радость».—Въ скоромъ времени о. Лаврентій удостоился особаго видѣнія. Въ видѣ прекрасныхъ голубей прилетѣли къ нему ангелы и сказали: «чрезъ годъ мы прилетимъ за тобой». Усиленными молитвами и частымъ причащеніемъ о. Лаврентій весь годъ готовился къ переходу въ вѣчность. Желая проститься съ своей племянницей, онъ предъ кончиною писалъ ей: «хотя по ученію Церкви не должно вѣрить снамъ, но есть сны, которые служатъ къ нашей душевной пользѣ. Я видѣлъ недавно умершаго брата; онъ звалъ меня съ собою. Пріѣзжай же, время мое близъ есть». Несмотря на крайнее оскудѣніе физическихъ силъ, подвижникъ и въ послѣдніе дни жизни не хотѣлъ оставить подвиговъ благочестія. Настало 24-е число августа 1881 года, — тотъ самый день, когда годъ тому назадъ старцу было явленіе ангеловъ: онъ просилъ вести себя въ монастырскую больницу, въ тотъ же день особоровался, причастился и вечеромъ тихо предалъ духъ свой Богу.

По смерти о. Лаврентій являлся братіямъ: предупреждалъ несчастія или подкрѣплялъ слабыхъ въ подвигѣ и говорилъ, что получилъ повелѣніе охранять обитель. Однажды онъ явился во снѣ старшему Заруцкаго монастырскаго подворья и сказалъ: «развѣ можно такъ быть безпечными? врагъ хочетъ васъ всѣхъ поднять на воздухъ: сейчасъ свѣчка догоритъ, и вы всѣ погорите». Старшій проснулся, вышелъ въ сѣни и въ сарайчикѣ, гдѣ складывались яблоки, увидѣлъ огонь. Войдя туда, онъ убѣдился въ справедливости словъ явившагося старца: на столѣ, безъ подсвѣчника, догорала свѣчка, оставленная однимъ изъ послушниковъ, совершавшимъ тутъ свое келейное правило. Свѣчка была потушена, и опасность миновала *).

Монахъ Веніаминъ Валаамскій.

(Память 25 августа).

Монахъ Веніаминъ происходилъ изъ с.-петербургскихъ купцовъ; поступилъ на Валаамъ и опредѣленъ въ послушники въ 1824 г. и съ 1827 г. сдѣлался боленъ: у него распухла нога, и въ ней открылись раны, и въ ранахъ ролились черви. Боль была нестерпимая; страшно было даже смотрѣть на его ногу. Пятнадцать лѣтъ безвыходно пробылъ о. Веніаминъ въ келліи, не имѣя возможности сойти съ мѣста. Келейно былъ постриженъ въ монашество. Ежедневно самъ вычитывалъ всѣ церковныя слубы. Разъ посѣтили его знакомые изъ Петербурга и выражали глубокое соболѣзнованіе къ его горестному положенію. «Повѣрьте братія»,—отвѣчалъ страдалецъ,—«что въ лучшіе дни моей жизни въ мірѣ душа моя не ощущала такой радости и покоя, какіе вкушаетъ она теперь въ великой болѣзни тѣла». 25 августа 1842 года тихою кончиною прекратились страданія: болящій уснулъ сномъ смерти, и радостенъ былъ мертвенный ликъ его **).

*) Изъ монастырскихъ записокъ.

**) Валаамскіе подвижники.

Подвижникъ Алатырскаго Свято-Троицкаго монастыря схимонахъ Вассіанъ, почивающій въ усыпальницѣ монастыря.

(Память 26 августа).

Въ г. Алатырѣ, Симбирской губерніи, въ XVII столѣтіи, въ Свято-Троицкомъ монастырѣ, *подвигомъ добрымъ подвизался* въ иноческой жизни схимонахъ Вассіанъ. О его происхожденіи, какъ и о самой его жизни, свѣдѣній не сохранилось, но несомнѣнно то, что святостью своей жизни онъ угодилъ Богу, и Господь прославилъ его нетлѣніемъ и чудотвореніями.

О схимонахѣ Вассіанѣ изъ книги «Памятникъ» извѣстно слѣдующее: въ 1748 году, 26 августа, въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, въ бытность настоятелемъ Алатырскаго Свято-Троицкаго монастыря строителя Меркурія Абрамова, при очищеніи мѣста для постройки въ этомъ монастырѣ нынѣ существующаго соборнаго Троицкаго храма, найденъ былъ гробъ съ мощами схимонаха Вассіана. Вынутыя изъ земли мощи стояли въ теченіе недѣли на открытомъ мѣстѣ. До освидѣтельствованія мощи перенесены были въ теплую деревянную бывшую тогда церковь во имя преподобныхъ отцовъ Зосимы и Савватія, гдѣ оставались открытыми всю зиму. При освидѣтельствованіи какъ самое тѣло, такъ и одежда и гробъ оказались неповрежденными.

Съ тѣхъ поръ и по настоящее время мѣсто погребенія схимонаха Вассіана привлекаетъ къ себѣ много народа. Страждущіе духомъ и тѣломъ служатъ надъ могилою панихиды. По установившемуся сыздавна порядку, ежегодно, 26 августа, въ память о. Вассіана, на могилѣ его служатся общественныя и монастырскія панихиды, а равно и 10 ок-

тября—въ день ангела о. Вассіана. Наканунѣ же сихъ дней въ соборномъ храмѣ совершается всенощная.

Въ 1905 году, съ благословенія преосвященнѣйшаго Гурія, епископа Симбирскаго, настоятелемъ Троицкаго монастыря архимандритомъ Гавріиломъ съ братіею и съ помощью усердныхъ благотворителей при усыпальницѣ схимонаха Вассіана сооруженъ алтарь и самое помѣщеніе усыпальницы, подъ Казанскимъ придѣльнымъ храмомъ собора, распространено и, такимъ образомъ, образовалась обширная церковь, которая и освящена тѣмъ же Преосвященнымъ 5 декабря того же 1905 года. Благодаря этому, могилка схимонаха Вассіана находится теперь въ семъ храмѣ за правымъ клиросомъ. Здѣсь же, на гробницѣ о. Вассіана, лежатъ желѣзныя вериги съ такимъ же крестомъ. Вериги эти, по преданію, носилъ схимонахъ Вассіанъ. Во избѣжаніе славы человѣческой, предъ кончиною своею, о. Вассіанъ вериги эти бросилъ въ колодезь, неподалеку здѣсь

Схимонахъ Вассіанъ

находящійся. Впослѣдствіи, при чисткѣ колодца, на днѣ его нашли эти вериги. Предъ гробницею теплится неугасимая лампада.

Достовѣрныхъ свѣдѣній о времени кончины схимонаха Вассіана въ Свято-Троицкомъ монастырѣ также нѣтъ, потому что монастырскій архивъ, въ которомъ могли бы быть сохранены эти свѣдѣнія, уничтоженъ пожаромъ. Былъ ли Вассіанъ тѣмъ самымъ настоятелемъ и строителемъ Свято-Троицкаго монастыря въ концѣ XVII в., который значится въ монастырскомъ спискѣ настоятелей, или былъ простымъ монахомъ въ монастырѣ, уже начала XVIII вѣка, преданіе умалчиваетъ. Знаютъ только алатырцы, что въ Троицкомъ монастырѣ жилъ схимонахъ Вассіанъ, велъ строгую подвижническую жизнь и пользовался великимъ уваженіемъ среди горожанъ. Во время освидѣтельствованія нетлѣннаго тѣла были нѣкоторые изъ очевидцевъ его жизни, которые хорошо помнили схимонаха Вассіана и чтили его за святаго подвижника. Они-то и признали найденныя мощи за мощи Вассіана.

Въ маѣ 1749 года мощи схимонаха Вассіана были вторично освидѣтельствованы, при чемъ оказалась та же полнѣйшая сохранность тѣла, одежды и гроба, что и при первомъ освидѣтельствованіи. Можно было даже ясно прочесть вышитыя на схимѣ слова Священнаго Писанія. Надъ гробомъ схимонаха Вассіана въ то время постоянно служились панихиды. Во множествѣ стекался народъ на поклоненіе мощамъ, при чемъ больные отламывали отъ гроба щепочки, нѣкоторые изъ нихъ, какъ ходили слухи, тутъ же получали исцѣленіе. Однако, указомъ Святѣйшаго Синода предписано было епископу Нижегородскому и Алатырскому Веніамину предать нетлѣнное тѣло схимонаха Вассіана землѣ. Это было вызвано тѣмъ, что чудесныя исцѣленія отъ мощей не записывались своевременно вмѣстѣ съ именами лицъ, получившихъ исцѣленіе, и что при вторичномъ освидѣтельствованіи

мощей никто изъ жителей не подтвердилъ тогда достовѣрности этихъ исцѣленій.

Вслѣдствіе такого опущенія, было признано необходимымъ записывать въ особую книгу о совершающихся чудесахъ при гробѣ блаженнаго схимонаха Вассіана, по его предстательству предъ Богомъ. Слухъ объ этихъ чудесахъ, какъ проявленіи силы Божіей при найденныхъ мощахъ угодника, подъ спудомъ почивающаго, сталъ быстро распространяться среди вѣрующихъ далеко за предѣлами Симбирской губерніи, при чемъ многими изъ благочестивыхъ поклонниковъ и почитателей схимонаха Вассіана было заявлено искреннее желаніе, за неимѣніемъ свѣдѣній о его святой жизни, имѣть, по крайней мѣрѣ, точныя свѣдѣнія о чудотвореніяхъ, совершившихся при могилѣ его.

Въ виду сего Симбирскимъ епархіальнымъ начальствомъ. (Указъ Консисторіи отъ 25 октября 1904 года, за № 12291), поручено было благочинному 1 округа, Алатырскаго уѣзда, протоіерею Богородицерождественскаго, гор. Алатыря, собора Николаю Діомидову провѣрить совершившіяся при гробѣ схимонаха Вассіана, записанныя въ особую книгу, чудотворенія, чрезъ опросъ, подъ присягою, и при депутатахъ съ духовной и гражданской стороны (чиновникѣ полиціи) какъ самихъ исцѣлившихся, такъ равно и свидѣтелей сихъ исцѣленій. Порученіе это, въ формѣ слѣдственнаго производства, о. протоіереемъ Діомидовымъ исполнено и представлено на благоусмотрѣніе епархіальнаго начальства почти чрезъ годъ (8 октября 1905 года).

Обстоятельность, въ большинствѣ случаевъ, свидѣтельскихъ показаній подтверждаетъ, что не безъ достаточныхъ основаній образовалась твердая вѣра въ святость блаженнаго схимонаха Вассіана и въ силу его молитвеннаго предстательства предъ Богомъ,—какъ у жителей гор. Алатыря, такъ и окрестныхъ селеній на далекое пространство, можно сказать, даже на всю Симбирскую губернію. Вѣра эта раз-

носится странствующими богомольцами по всей Россіи до далекой Сибири, которые, направляясь къ преподобному Серафиму Саровскому, считаютъ долгомъ посѣтить и Свято-Троицкій монастырь, въ гор. Алатырѣ, для поклоненія блаженному схимонаху Вассіану, почивающему подъ спудомъ въ нетлѣнномъ тѣлеси, какъ объ этомъ повѣствуетъ мѣстное преданіе.

Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ записей о чудесахъ схим. Вассіана:

Мѣщанинъ гор. Алатыря, Симбирской губ. Петръ Евдокимовъ Малыгинъ, 59 лѣтъ, иначе прозывавшійся Злобинскій, бывшій крестьянинъ села Злобина, передаетъ слѣдующее: достигнувъ совершеннолѣтія и будучи около 23 лѣтъ, онъ женился. На первомъ году супружества однажды, въ гостяхъ на именинахъ у родныхъ, отъ утомленія у него закружилась голова; началась рвота, и онъ принужденъ былъ уйти домой. Молодая жена, хватившись мужа своего и получивши отвѣтъ, что онъ ушелъ домой по нездоровью, тутъ же, слѣдомъ, пошла за нимъ. Войдя въ домъ, она видитъ мужа своего распростертымъ на полу и бьющимся объ него, а изо рта его шла пѣна. Не зная, что съ нимъ случилось и чѣмъ ему помочь, она пришла въ ужасъ. Съ тѣхъ поръ открылись съ мужемъ ея припадки и, время отъ времени, все чаще и чаще умножались; въ припадкахъ этихъ онъ получалъ сильные ушибы, такъ что стали открываться на головѣ, рукахъ и ногахъ большія раны. Тѣло его отекло и предалось заживо гніенію, что продолжалось тридцать лѣтъ. Изъ оныхъ 30 лѣтъ онъ былъ одержимъ около 15 лѣтъ бѣсомъ, котораго называлъ «Алексѣй Патрикѣевичъ». Не разъ былъ схватываемъ припадкомъ бѣшенства и на улицѣ: напримѣръ, когда шелъ мимо церкви, то иногда думалъ о чемъ-нибудь божественномъ; но вдругъ является предъ нимъ товарищъ его «Алексѣй Патрикѣевичъ», начиная надъ нимъ командовать или играть въ дудки, заставляя плясать его, и онъ, закрывая глаза, прыгалъ и падалъ безъ чувствъ на землю или въ грязь. Избившись и измучившись, лежалъ много времени безъ сознанія. Часто былъ полиціей связываемъ, но никакія веревки не могли удержать его. Сила его была невообразима: онъ рвалъ веревки, какъ паутину, даже иногда восемь человѣкъ не въ силахъ были держать и вязать его. Въ продолженіе этихъ пятнадцати лѣтъ онъ не пріобщался св. Христовыхъ Таинъ и не ходилъ въ церковь, кромѣ дня Свѣтлаго Христова Воскресенія, и то только на первый день. Тогда онъ при началѣ ночи св. Пасхи слышалъ слова отъ Алексѣя Патрикѣевича: «вотъ теперь, другъ Петя, иди въ церковь: я ничего не могу подѣлать съ тобою, я самъ теперь скованъ». И онъ каждый годъ въ первый день св. Пасхи бывалъ у богослуженія, а послѣдніе дни всего года даже трудно было ему слышать что-либо про божественное. Вотъ въ такомъ то плачевномъ и жалкомъ видѣ текла его молодая жизнь. Благодаря своему прежнему капиталу, онъ долго лѣчился въ больницѣ гор. Алатыря, не разъ ѣздилъ въ г. Казань, лежалъ въ клиникѣ, пролѣчивая большія деньги. Но, къ сожалѣнію, боль его не только не утихала, а все болѣе и болѣе усиливалась,— такъ что впослѣдствіи даже знаменитые врачи совсѣмъ отказывались его лѣчить, видя, что носъ у него проваливается, глаза еле держатся во лбу, даже одинъ глазъ совсѣмъ выкатывался, и со стороны докторовъ на помощь къ выздоровленію не было никакой надежды. Но вотъ, въ продолженіе тридцатилѣтней болѣзни, въ 1896 году, услыхавъ, что есть знаменитый докторъ въ гор. Самарѣ, онъ немедленно собирается туда. Наканунѣ отъѣзда сходилъ къ врачу гор. Алатыря забинтоваться. Врачъ, перевязавъ его раны, выкатившійся глазъ забинтовалъ совсѣмъ, а другой заложилъ картонной бумагой, прорѣзавъ въ ней небольшое отверстіе для свѣта. Въ это то время Господь являетъ больному Свою милость, посылая цѣлителя угодника Своего на помощь

страждущему, схимонаха Вассіана. Идя домой, больной за стѣною женскаго монастыря вдругъ услыхалъ зовъ: «Петръ Злобинскій!» какъ обыкновенно его прозывали. Всматриваясь въ маленькое отверстіе своимъ больнымъ глазомъ, Злобинскій увидалъ неизвѣстнаго человѣка, стоящаго возлѣ него, ростомъ небольшого, сѣдоватаго, въ длинной монашеской одеждѣ, который спросилъ: «что ты такъ забинтованъ и давно ли?» и, получивъ отъ больного полный отвѣтъ о его продолжительной болѣзни, явившійся монахъ обратился къ больному со словами: «если хочешь быть здоровымъ, то исполни, что велю. Знаешь ли, что есть въ Троицкомъ мужскомъ монастырѣ пещера, гдѣ покоится тѣло схимонаха Вассіана; тамъ служатъ о немъ панихиды, и по молитвамъ его страждущіе духомъ и тѣломъ по вѣрѣ своей получаютъ отъ Бога исцѣленія. Вотъ и ты сходи, отслужи три панихиды о схимонахѣ Вассіанѣ и затѣмъ благодарный молебенъ Спасителю и Божіей Матери,—тогда будешь совершенно здоровъ». Больной далъ обѣщаніе исполнить это, но, желая знать, съ кѣмъ говоритъ, хотѣлъ было спросить: кто ты и откуда?—какъ вдругъ явившійся монахъ сталъ невидимъ, и Злобинскій, ворочаясь кругомъ, искалъ его, но вокругъ уже не было никого. Придя домой, онъ разсказалъ видѣніе своей женѣ и сказалъ, что далъ уже обѣщаніе отслужить три панихиды и молебенъ благодарный, послѣ чего, какъ сказано, будетъ здоровъ. Жена, слыша такой разсказъ, отъ радости и восторга плача, благодарила Бога, что Господь являетъ Свою милость страждущему, и поняли они, что явившійся монахъ—тотъ самый схимонахъ Вассіанъ, который покоится въ пещерѣ. Отрадно было женѣ Злобинскаго слышать слова отъ мужа, что пойдетъ служить панихиды о схимонахѣ Вассіанѣ. Въ 1896 году, августа 2 дня, пришли они въ пещеру схимонаха Вассіана, гдѣ и была отслужена первая панихида. Во время панихиды больной прыгалъ и, ломаясь, вскричалъ: «что гонишь меня?» Затѣмъ больной

успокоился и тутъ же себя почувствовалъ облегченнымъ; взялъ масла изъ лампады схимонаха Вассіана, помазалъ имъ раны свои, а по окончаніи третьей панихиды, 4 августа того же года, возложилъ на себя вериги усопшаго, приложился къ гробницѣ и со слезами просилъ у Бога исцѣленія.

Вдругъ ноги его опухшія тутъ же опали, калоши, въ которыхъ пришелъ, стали велики, а придя домой и развязавъ лицо, онъ увидалъ, что раны его всѣ затянулись, такъ что струпья остались на перевязкахъ. Глаза его, выкатившіеся за три дня до этого, какъ будто бы никогда не болѣли, а также раны на рукахъ и ногахъ всѣ пропали. По исцѣленіи своемъ бывшій больной отслужилъ благодарный молебенъ Спасителю и Божіей Матери и съ того времени далъ обѣщаніе служить ежегодно въ день исцѣленія панихиду о схимонахѣ Вассіанѣ, что и исполняется имъ до настоящихъ дней. Какъ самъ, такъ и жена его и всѣ жители города Алатыря, знающіе Злобинскаго, и донынѣ радуются и удивляются его чудному исцѣленію. Благодаря Богу и угоднику Его, схимонаху Вассіану, съ тѣхъ поръ началъ онъ здраво заниматься торговлею, ходить въ церковь и пріобщаться св. Христовыхъ Таинъ. О болѣзни можетъ свидѣтельствовать и изувѣченное лицо его.

Крестьянинъ дер. Мачкасъ, Мурзицкой волости, Курмышскаго уѣзда, Симб. губ., Иванъ Петровъ Салюковъ, 39 лѣтъ, проживающій въ г. Алатырѣ въ собственномъ домѣ, состоящій на службѣ кондукторомъ Московско-Казанской желѣзной дороги, заявляетъ слѣдующее:

Съ 1900 года открылся у Салюкова на лѣвой ногѣ подъ голеней большой лишай, всегда мокрый, съ сильной чесоткой и болью. А въ концѣ того же года у него открылось воспаленіе мочевого органа. Неоднократно обращался онъ за помощью къ врачамъ въ больничный покой какъ въ гор. Алатырѣ, такъ и на ст. Свіяжскъ, но, къ сожалѣнію, ни откуда не получилъ облегченія. Во время этой болѣзни, а

именно въ 1902 г., въ маѣ мѣсяцѣ, ему случайно попалась книга: «Описаніе Свято-Троицкаго Алатырскаго монастыря». Прочитавъ въ той книгѣ про бывшее открытіе мощей схимонаха Вассіана, онъ возымѣлъ горячую вѣру въ помощь Божію и далъ обѣщаніе отслужить панихиду о схимонахѣ Вассіанѣ. Вскорѣ онъ нашелъ время исполнить свое обѣщаніе. Придя со своимъ сыномъ въ пещеру схимонаха Вассіана, онъ отслужилъ панихиду, послѣ чего, поклонившись гробу схимонаха Вассіана, надѣвъ вериги, слезно просилъ ходатайства объ исцѣленіи своемъ. И тутъ же почувствовалъ совершенное облегченіе отъ обѣихъ вышеупомянутыхъ болѣзней. Многіе, бывшіе у гроба, обратили вниманіе на исцѣленнаго, потому что онъ отъ радости сильно плакалъ и разсказывалъ про свое исцѣленіе. И всѣ тутъ же возблагодарили Бога, подавшаго исцѣленіе за молитвы и ходатайство предъ Богомъ схимонаха Вассіана.

Крестьянка гор. Ардатова, Симб. губ., проживающая въ гор. Алатырѣ, Варвара Андреева Палачева заявила: «въ 1901 году, когда она жила въ гор. Казани, у 10-лѣтней дочери ея Маріи образовалась на большомъ пальцѣ лѣвой руки небольшая шишечка, которая постепенно увеличивалась, такъ что ее стало больно. Затѣмъ открылась на этомъ мѣстѣ рана, изъ которой шла матерія. Мать, не зная, что съ дочерью случилось, обратилась въ гор. Казани къ профессору Стефановскому, который, хотя и далъ лѣкарство, но сказалъ, что болѣзнь очень серьезная, необходимо сдѣлать операцію, и болѣзнь призналъ костоѣдомъ. Дочь ея Марія испугалась, поэтому операція была матерью отложена. Боль же ея ежедневно увеличивалась; мать, не жалѣя своихъ средствъ, много пролѣчивала денегъ, но дочь облегченія никакого не получала. Въ 1902 году пришлось имъ изъ Казани переѣхать въ гор. Алатырь, откуда тоже, не переставая, выписывали изъ Казани лѣкарства. Но видя, что боль все болѣе усиливается, мать уговорила больную дочь свою

опять ѣхать въ Казань. Явились къ профессору, и профессоръ объявилъ имъ, что нужно прижечь рану ляписомъ и сдѣлать операцію. Дочь начала плакать и просить мать свою не рѣшаться сдѣлать операцію, а лучше ѣхать обратно въ Алатырь. Пріѣхавши въ гор. Алатырь, въ продолженіе долгаго времени лѣчили болѣзнь по рецепту профессора Стефановскаго. Затѣмъ мать ея вздумала еще обратиться въ гор. Алатырѣ къ врачу Ивану Ѳедоровичу Болдыреву, который и былъ приглашенъ на домъ. Осмотрѣвъ больную, врачъ сказалъ, что эта болѣзнь очень продолжительная и серьезная и обязательно требуетъ операціи. Послѣ отъѣзда врача мать пришла въ великую скорбь и предала болѣзнь дочери на волю Божію. Слыша, что многіе получаютъ исцѣленія по молитвамъ схимонаха Вассіана, и возымѣвъ горячую вѣру въ помощь угодника Божія, мать дала обѣщаніе отслужить по немъ панихиду на могилѣ его. На слѣдующій день, послѣ осмотра доктора, 1903 года 15 іюля, придя въ пещеру схимонаха Вассіана, дочь ея Марія съ бабушкой своей Пелагеей Петровой Татариновой попросили отслужить панихиду по схимонахѣ Вассіанѣ. Развязавъ больную руку, Марія посыпала рану пальца песочкомъ, взятымъ отъ могилки, затѣмъ помазала рану масломъ изъ лампады его и, подойдя къ изображенію схимонаха Вассіана, находящемуся въ пещерѣ у могилы его, приложила больной палецъ къ рукамъ схимонаха Вассіана, держащимъ святый крестъ, и просила съ вѣрою и со слезами исцѣленія. И что же! Въ ототъ же вечеръ боль у нея утихла, и матерія не стала течь изъ раны пальца; на ночь рану вторично помазали масломъ. На утро какъ мать, такъ и бабушка пришли въ великую радость и удивленіе, видя, что рана совсѣмъ зажила, и отъ радости плакали. Получивъ исцѣленіе, мать и дочь вторично пришли въ пещеру схимонаха Вассіана и отслужили по немъ панихиду, возблагодаривъ Бога и угодника Его схимонаха Вассіана.

Мѣщанинъ гор. Симбирска, проживающій послушникомъ въ Алатырскомъ Свято-Троицкомъ мужскомъ монастырѣ, Василій Петровъ Кржевицкій, 22 лѣтъ отъ роду, заявилъ: въ 1901 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, онъ сильно простудился. Отъ простуды образовалось пять большихъ ранъ на лѣвой ногѣ, изъ которыхъ текла матерія, и распространялся тяжелый запахъ, при чемъ была сильная стрѣльба и ломота. Чѣмъ дальше шло время, боль все болѣе усиливалась, такъ что стало ему не въ силахъ ни ходить, ни стоять. Братія монастыря, видя у него больную ногу, совѣтовали обратиться за помощію въ больницу. Но онъ въ концѣ декабря 1901 года, однажды будучи у всенощнаго бдѣнія и не въ силахъ будучи достоять до конца, вышелъ изъ церкви, со слезами и съ вѣрою пришелъ въ пещеру схимонаха Вассіана, взялъ масла изъ лампады его и просилъ ходатайства старца предъ Богомъ объ исцѣленіи своемъ. Придя въ келлію, помазалъ больную ногу масломъ и снова пошелъ въ церковь. И вотъ, въ концѣ всенощной, онъ чувствуетъ, что боль у него совсѣмъ прекратилась. По окончаніи богослуженія, придя въ келлію, онъ развязалъ ногу и увидѣлъ, что опухоль вся опала, и стало ему легко. Вторично онъ помазалъ ногу масломъ и поутру увидалъ, что раны всѣ затянуло. Отслуживъ панихиду по схимонахѣ Вассіанѣ, онъ благодарилъ Бога и богоугоднаго старца, схимонаха Вассіана. Въ настоящее время Кржевицкій не чувствуетъ никакой боли.

Мѣщанинъ гор. Алатыря, Симбирской губ., Александръ Макаровичъ Спиридоновъ, имѣя отъ роду 19 лѣтъ, передаетъ слѣдующее:

Въ 1901 году, въ первыхъ числахъ ноября, работая съ отцомъ въ лѣсу, онъ сильно простудился. Отъ простуды открылся у него сильный кашель, отчего харкалъ кровью и въ изнеможеніи, при упадкѣ силъ, лежалъ неподвижно въ постели до мая мѣсяца 1902 года. Въ продолженіе болѣзни родители его, не жалѣя средствъ, обращались за помощью

къ докторамъ и часто приглашали фельдшера на домъ, пользуя всевозможными лѣкарствами, но никакого улучшенія въ болѣзни не было, да и не могло быть, такъ какъ врачи признали болѣзнь его чахоткой. Въ концѣ концовъ врачи объявили, что надежды на выздоровленіе никакой нѣтъ. Но нѣкоторые добрые люди совѣтовали обратиться въ Казань или къ врачу Петру Евдокимовичу Сосоеву, проживающему на станціи Шихраны Московско-Казанской желѣзной дороги, который пользуетъ травами. Мать его, слыша отъ докторовъ алатырскихъ, что надежды на выздоровленіе уже нѣтъ, въ сильной скорби, не зная, что дѣлать, обратилась слезно къ Богу, прося объ исцѣленіи сына своего. И вотъ наканунѣ дня, въ который собирались ѣхать къ врачу Сосоеву, на станцію Шихраны, больной послѣ краткаго дремáнія, проснувшись, сказалъ матери, что онъ сейчасъ будто бы былъ въ пещерѣ Троицкаго монастыря, гдѣ ему показалось хорошо. Мать, услыхавъ это, дала обѣщаніе отслужить панихиду о схимонахѣ Вассіанѣ, но уже послѣ пріѣзда отъ врача. Въ послѣднихъ числахъ мая 1902 года мать и сынъ, ѣхавши къ врачу на станцію Шихраны, повстрѣчались съ кондукторомъ Салюковымъ, который, видя страждущаго мальчика, подойдя къ матери его, спросилъ: «навѣрное, въ гор. Казань везете сына своего?» Мать отвѣтила, что они ѣдутъ на станцію Шихраны за совѣтомъ къ врачу, и разсказала о болѣзни сына своего. На это кондукторъ отвѣтилъ: «я тоже хворалъ долгое время ногой, около 2-хъ лѣтъ лѣчился всевозможными лѣкарствами, но никакой пользы не получалъ. Но случайно мнѣ попалась книга: «Описаніе о схимонахѣ Вассіанѣ», я и прибѣгнулъ къ его ходатайству предъ Богомъ, и по его молитвамъ, не выходя изъ пещеры схимонаха Вассіана, я получилъ исцѣленіе». Въ разговорѣ незамѣтно доѣхали до ст. Шихраны. Мать съ сыномъ пошли къ доктору Сосоеву, который, хотя и далъ имъ лѣкарства, но сказалъ, что надежды на выздоровленіе нѣтъ. Опечаленные,

они этимъ же днемъ вернулись домой въ гор. Алатырь. Тогда только родители его поняли Божіе указаніе, какъ въ видѣнномъ снѣ, такъ и въ разговорѣ съ кондукторомъ, что нужно просить ходатайства и молитвъ предъ Богомъ схимонаха Вассіана. По пріѣздѣ отъ врача Сосоева, утромъ, мать привезла больного въ пещеру, гдѣ служили предъ гробомъ схимонаха Вассіана панихиду; взявъ масла и песочку отъ могилки, больной сталъ пользоваться этимъ и вскорѣ началъ ходить и поправляться здоровьемъ. Мать его отслужила панихиду по схимонахѣ Вассіанѣ, и сынъ ея сталъ совершенно здоровъ. Родители его, докторъ и всѣ знающіе были въ большомъ удивленіи, такъ какъ видѣли его почти на смертномъ одрѣ, даже запахъ былъ отъ него невыносимый; но теперь, послѣ молитвъ у гроба схимонаха, всѣ видятъ его въ совершенномъ здравіи, работающимъ съ родителями на полѣ. Въ 1902 году исцѣленнный началъ заниматься слесарной работой, а 1903 года, въ мартѣ мѣсяцѣ, при строгомъ освидѣтельствованіи доктора, былъ принятъ въ алатырскія мастерскія Московско-Казанской желѣзной дороги, въ слесаря.

Крестьянка села Большихъ Монадышъ, Ардатовскаго уѣзда, Атяшевской волости, Симб. губ., проживающая въ городѣ Алатырѣ, Параскева Ивановна Саченкова, 48 лѣтъ, замужняя, передаетъ слѣдующее:

1902 года, въ день праздника Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, придя утромъ отъ ранней обѣдни изъ Троицкаго монастыря, стала готовить по хозяйству и, когда проводила всѣхъ своихъ домашнихъ къ поздней литургіи, оставшись дома одна, пожелала встать на молитву. Во время молитвы ей показался въ окно ослѣпительный свѣтъ, подобно молніи, хотя на дворѣ была прекрасная погода. Отъ такого видѣнія она безъ чувствъ упала на полъ; когда же пришла въ сознаніе, то не могла говорить, и всѣ члены ея не владѣли. Увидавъ себя лежащею въ сѣняхъ, она въ испугѣ вскрикнула

и обмерла. На крикъ ея вышли ихъ квартиранты—Татьяна Ивановна съ мужемъ своимъ Александромъ Григорьевичемъ Плѣшковымъ—и, увидавъ ее лежащею въ сѣняхъ, перенесли въ ея помѣщеніе. Тотчасъ Александръ Григорьевичъ пошелъ за ея мужемъ въ церковь, и когда пришли обратно въ домъ съ ея мужемъ и сыномъ, то пришли въ великій ужасъ, не зная, что съ ней. Предполагая, что настали послѣдніе часы жизни ея, такъ какъ она была вся холодная, мужъ ея счелъ своею обязанностью пріобщить больную Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Но пришедшій священникъ не нашелъ никакой возможности ее пріобщить, такъ какъ съ ней открылась сильная рвота, почему пріобщеніе Св. Таинъ отложено было до утра. Ночью, когда всѣ домашніе успокоились, больная, погрузившись въ легкую дремоту, увидала входящаго къ ней монаха съ деревяннымъ крестомъ въ рукахъ. Принявъ входящаго монаха за извѣстнаго ей монаха Троицкаго монастыря Прокопія, больная спросила его: «зачѣмъ пришелъ?«—Но монахъ отвѣтилъ: «я не Прокопій, но схимонахъ Вассіанъ«. Затѣмъ, когда схимонахъ Вассіанъ подошелъ къ ея постели, кто-то, обратясь къ нему, сказалъ: «Нужно дать ей просфоры». Но схимонахъ Вассіанъ отвѣчалъ: «пусть прежде пріобщится Св. Таинъ, а потомъ вкуситъ просфоры съ св. водою», и въ то же время будто подалъ ей пузырекъ съ св. водою. Когда схимонахъ Вассіанъ и неизвѣстный стали отходить отъ нея, больная вдругъ могла встать съ постели своими силами, въ здравомъ разсудкѣ, а затѣмъ уже наяву пошла провожать ихъ по комнатѣ. Мужъ, увидавъ жену, идущую по комнатѣ, и думая, что она въ безпамятствѣ, разбудилъ сына своего, чтобы остановить и положить ее въ постель. Но она имъ объяснила, что она въ полной памяти и идетъ провожать гостей, а потомъ разсказала о своемъ видѣніи. Всѣ домашніе возблагодарили Бога и угодника Его схимонаха Вассіана, а такъ какъ еще продолжалась ночь, то всѣ снова предались

отдыху. Утромъ, когда пришелъ священникъ, она исповѣдалась и пріобщилась Св. Христовыхъ Таинъ; по уходѣ же священника, попросила ѣсть, и ей была подана просфора съ св. водою. По принятіи предложеннаго, она стала себя чувствовать совершенно здоровою и опять начала заниматься по хозяйству.

Изъ села Алова отъ священника Михаило-Архангельской церкви Матѳея Зернова было заявлено:

Прихожанка моя, деревни Аловой крестьянка Агриппина Филиппова Козлова, словесно заявила мнѣ, что она, по случаю болѣзни дочери своей Елены, у которой была скорчена нога тринадцать лѣтъ, движимая вѣрой въ силу молитвъ схимонаха Вассіана, въ 1903 году, ноября 6-го дня, пришла съ больною дочерью въ Троицкій монастырь и, войдя въ пещеру, мѣсто упокоенія блаженнаго о. Вассіана, попросила отпѣть молебенъ Царицѣ Небесной и панихиду за упокой души блаженнаго о. Вассіана, прося его усердно помолиться Пресвятой Богородицѣ объ исцѣленіи ея дочери. Молитва праведнаго и усердная молитва матери за болящую были услышаны Матерью Бога Вышняго: дочь Агриппины Козловой тутъ же въ пещерѣ почувствовала облегченіе больной ноги, а чрезъ три дня болѣзнь совсѣмъ миновала. Болѣвшей ногою, которой она ступать не могла, при возвращеніи домой, она уже могла ходить, а чрезъ три дня совершенно почувствовала себя здоровою.

1904 года, марта 7 дня, мѣщанинъ гор. Алатыря Михаилъ Васильевъ Кикинъ, 65 лѣтъ, заявилъ, что онъ страдалъ нервной болѣзнію 10 лѣтъ. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ ѣздилъ въ гор. Казань и Москву за совѣтомъ къ разнымъ докторамъ и профессорамъ, но они признали болѣзнь неизлѣчимой. Такъ какъ профессора лѣчить отказались, то за помощью больше не къ кому было обратиться. Въ 1902 г., въ началѣ августа, больной пришелъ въ Троицкій монастырь и отслужилъ въ усыпальницѣ схимонаха Вассіана по о. Вассіанѣ панихиду, и такъ повторялъ нѣсколько разъ. Въ теченіе августа мѣсяца стало ему легче; также началъ пользоваться маслицемъ изъ лампадки, горящей предъ могилкою о. Вассіана, и въ концѣ августа болѣзнь совсѣмъ миновала, такъ что въ настоящее время больной чувствуетъ себя совершенно здоровымъ. У пятилѣтняго сына его Ивана долгое время болѣли уши, постоянно шла изъ нихъ какая-то матерія. Обращались съ оною болѣзнію къ докторамъ, но лѣкарства нисколько не помогали. Взявши маслица изъ лампадки о. Вассіана и ваты, которая на гробницѣ, стали маслицемъ мазать, а вату вкладывать въ уши. Въ скоромъ времени болѣзнь тоже совершенно прошла, а въ настоящее время не замѣтно и слѣда оной болѣзни *).

Блаженная Наталія Мелявская.

(Память 26 августа).

Родомъ Наталія была изъ Оренбургской губерніи и принадлежала къ крестьянамъ казеннаго вѣдомства. Весною 1848 года она пришла въ Серафимо-Дивѣевскую обитель на богомолье, вмѣстѣ съ другими странниками съ юга, и рѣшила остаться здѣсь, по благословенію начальницы общины, на постоянное жительство.

Жизнь Наталіи исполнена была великихъ подвиговъ юродства Христа ради, молитвенныхъ бдѣній и всякаго рода лишеній. Она ревностно посѣщала всѣ церковныя службы, отъ разговоровъ съ сестрами удалялась и въ другихъ монастырскихъ келліяхъ совсѣмъ не показывалась. Послушаніемъ ея было вначалѣ: читать по ночамъ Псалтирь и ударять въ колоколъ къ полунощницѣ. Пища ея была самая скуд-

*) Изъ брош. «Алатырск. Св.-Тр. муж. мон. и его подвижникъ схим. Вассіанъ». М. 1906 г. (изд. мон.).

ная и въ малыхъ доляхъ; по средамъ же и пятницамъ она рѣдко когда и вкушала.

Верхнее одѣяніе ея было постоянно бѣлое. Положеніе тѣла согбенное. Лицо полузакрытое и всегда съ поникшимъ взоромъ. Нижнюю одежду, по разсказамъ послушницъ, смѣняла она всего одинъ разъ въ годъ—наканунѣ Пасхи или Благовѣщенія. Для умерщвленія плоти она также никогда не умывалась, не расчесывала волосъ. Она никогда не ложилась спать, и только дремала по ночамъ, всегда сидя. Часто видѣли, какъ она борется со сномъ и, взирая на святыя иконы, старается силою Божіею побороть въ себѣ немощь плоти. Всѣ стѣны въ ея келліи были закрыты образами, съ горящими передъ ними лампадами. Обыкновенно она сидѣла согнутая въ поясницѣ и, облокотившись локтями о колѣни, не смотрѣла на людей, чтобы—и люди не могли видѣть ея лица. Въ подвигъ ея входила также тяжелая обязанность двигаться всегда бокомъ и непремѣнно по одной и той же дорогѣ или половицѣ пола и туда и назадъ. Она никогда не брала ничего въ руки, кромѣ свѣчъ, лампадъ, просфоры, бумаги и карандаша; кормили ее послушницы изъ своихъ рукъ, какъ дитя, и все дѣлали за нее; перелистывали страницы читаемыхъ ею книгъ, собирали деньги, оставляемыя блаженной посѣтителями и пр.

Большею частію она сидитъ, бывало, въ сѣнкахъ (родъ шалаша), подъ крышею, но неизмѣнно на открытомъ воздухѣ, зимою, лѣтомъ, осенью и во всякую погоду и непогоду. Здѣсь она то молится, то бесѣдуетъ съ приходящимъ народомъ, то читаетъ и пишетъ... Когда же утомленіе блаженной доходило до крайняго изнеможенія, такъ какъ подъ своимъ открытымъ навѣсомъ она терпѣла стужу, сырость, морозы, то Наташа уходила въ свою келлію, гдѣ уже затворялась и не принимала никого.

Сообщаемъ отзывъ о блаженной Наталіи со словъ недавно скончавшейся настоятельницы Серафимо-Дивѣевскаго монастыря игумени Маріи (въ мірѣ Е. А. Ушаковой), всегда съ уваженіемъ относившейся къ этой старицѣ и совѣтовавшейся съ нею въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. «По своему блаженному пути Наталія имѣетъ свои странности, ходитъ бокомъ, не позволяетъ обходить кругомъ себя и тому подобное, но всѣ эти ея странности никому не вредятъ. Въ свободное отъ молитвы время она занимается чтеніемъ духовныхъ книгъ, но болѣе всего она любитъ читать Евангеліе. Преосвященный Іеремія (Нижегородскій епископъ † 1884 г.), посѣщая нашу обитель, каждый разъ приказывалъ ей одѣться въ черное платье, чтобы быть въ числѣ сестеръ обители, но она не перемѣняла своего пути и говорила: «я отъ рожденія дурочка и недостойна носить, что монашки носятъ». Сестрами она уважаема, но всѣми ли, это—неизвѣстно, потому что она находится всегда въ церкви и нѣкоторымъ иногда дѣлаетъ замѣчанія. Странники же ее уважаютъ, по ея назидательнымъ наставленіямъ...»

Съ теченіемъ времени, приближаясь къ старости, Наталія начала оставлять нѣкоторыя прежнія свои странности и подвиги юродства, но взамѣнъ этого еще болѣе усилила свою строго-подвижническую, исполненную самоотверженія, жизнь. Такъ, напр., начала она по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцевъ подъ рядъ просиживать въ притворѣ храма или на паперти. Праздною она никогда не оставалась: подлѣ нея всегда было нѣсколько книгъ духовнаго содержанія—то были: святое Евангеліе, Библія, Добротолюбіе, житія святыхъ и разные патерики. Духовныя бесѣды ея со странниками нескончаемо продолжались изо-дня въ день. Многихъ изъ нихъ она вразумительно назидала и утверждала на пути добродѣтели и благочестія, другимъ давала разные душеполезные совѣты и наставленія въ какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствахъ; иныхъ старалась воодушевить, подкрѣпить и утѣшить въ постигшихъ болѣзняхъ и несчастіяхъ. Она въ высокой степени обладала даромъ совѣта. Рѣчь ея пря-

мая, ясная, неизсказательная глубоко западала въ сердца человѣческія. Начитанность ея въ словѣ Божіемъ и другихъ духовныхъ твореніяхъ и духовная мудрость были велики. Былъ у блаженной Наталіи и даръ прозорливости, но чаще всего она обосновывала свои назиданія и наставленія на текстахъ Священнаго Писанія, изреченіяхъ святыхъ отцевъ и примѣрахъ изъ жизни святыхъ. Въ послѣднее время главной послушницей старицы была Евдокія Евдокимовна Куделина. Отношенія старицы Наталіи къ этой послушницѣ были чрезвычайно близки, задушевны и сердечны.

Родомъ Е. Куделина изъ села Салтыкова, Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Замѣчательно, что явилась Куделина къ старицѣ Наталіи не по своему желанію, а по указанію приснопамятнаго святителя - затворника епископа Ѳеофана. Куделина приняла послушаніе, данное святителемъ-затворникомъ, и пробыла послушницею при старицѣ вплоть до самой ея кончины, самоотверженно служа ей всѣми своими силами. Она умѣла настолько угадывать всѣ малѣйшія желанія и удовлетворять всякія нужды своей старицы, что замѣнить ее совершенно было некѣмъ, хотя при блаженной всегда находилось по нѣскольку послушницъ. Вслѣдствіе этого и отношенія между старицей Наталіей и послушницей Е. Куделиной установились самыя нѣжныя и сердечныя. Старица не иначе называла свою вѣрную и всей душею преданную послушницу, какъ «мамой».

Когда и какимъ образомъ явилась мысль у старицы Наталіи основать свою, отдѣльную отъ Серафимо-Дивѣевской, обитель,—съ точностью неизвѣстно. Заботы старицы объ этомъ начали проявляться прежде всего въ томъ, что она стала обращаться къ расположеннымъ къ ней лицамъ съ просьбою о томъ, чтобы жертвовали ей иконы, церковно-богослужебныя книги и другія церковныя принадлежности. Въ 1899 году, почитателями старицы Наталіи, братьями И. Н. и П. Н. Горюновыми изъ гор. Ардатова было при-

обрѣтено по случаю 200 десятинъ земли, съ цѣлью устройства на ней женской иноческой обители, при чемъ для послѣдней самымъ подходящимъ мѣстомъ оказалась Мелявская поляна въ Ардатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи. Мелявская поляна въ окружности своей имѣетъ до двухъ верстъ и окаймлена густымъ сосновымъ лѣсомъ. Эта уединенная мѣстность очень живописна. Деньги за землю были уплачены частію самой старицей изъ собранныхъ ею сбереженій на этотъ предметъ, частію ея благотворителями; но купчая, по какимъ-то соображеніямъ, совершена была, вопреки желанію старицы, на имя одного изъ братьевъ Горюновыхъ. Это обстоятельство сильно ее тревожило. Она до тѣхъ поръ не могла успокоиться, пока не уговорила, наконецъ, значившагося по купчей крѣпости полнымъ владѣльцемъ земли И. Н. Горюнова сдѣлать дарственную съ купчей на имя любимой ея послушницы Е. Куделиной, съ предоставленіемъ ей права самостоятельной строительницы начатой ею, старицею, обители.

26 іюня 1899 года въ свѣтлый лѣтній день причтомъ села Теплова совершенъ былъ на Мелявской полянѣ молебенъ на освященіе мѣста для обители и на основаніе первыхъ построекъ.

Немало сама блаженная Наталья дѣлала разныхъ заочныхъ распоряженій и указаній по устройству и распланировкѣ построекъ въ учреждавшейся обители. Такъ, между прочимъ, она съ точностью опредѣлила: какого размѣра и изъ какого лѣса долженъ строиться корпусъ, въ которомъ предполагала она поселиться. До постройки храма старица хотя и не дожила, но въ общихъ чертахъ и о немъ дала нѣсколько указаній, именно: чтобы первоначальный храмъ былъ деревянный; главы на храмѣ должны быть по числу престоловъ и притомъ устроены такъ, чтобы каждая изъ нихъ вертикально приходилась противъ святого престола. Затѣмъ входныя двери для сестеръ обители должны быть

сдѣланы отдѣльно отъ тѣхъ, которыми будутъ входить міряне; въ послѣднемъ случаѣ предупредительно высказывалась забота старицы о томъ, чтобы избавить монастырскихъ сестеръ отъ лишнихъ мірскихъ приражений, какія легко могутъ быть при одномъ общемъ ходѣ.

Съ того времени, какъ положено было начало обители, всѣ сестры для нея избирались по усмотрѣнію и благословенію старицы. И въ этомъ случаѣ, нерѣдко съ большой очевидностію, выражался ея даръ духовной прозорливости.

Чтобы успѣшнѣе объединить и лучше устроить будущую общинную духовную жизнь своихъ сестеръ, старица Наталія преподала имъ, въ разное время, немало разнаго рода правилъ, наставленій и завѣтовъ.

И сама она нѣсколько разъ собиралась было переѣхать на Меляву, гдѣ давно съ нетерпѣніемъ жаждали встрѣтить ее родныя по духу, близкія лица; но какъ сердце ея не рвалось въ свою родную обитель, она, однако, устояла и осталась вѣрною своему иноческому долгу: безъ согласія и благословенія своей настоятельницы она не рѣшилась оставить обитель, духовно окормлявшую ее много лѣтъ. Сестеръ юной обители первоосновательница ея поручила, вмѣсто себя, духовному водительству благоговѣйнаго и добраго пастыря-священника церкви с. Теплаго о. Владиміра Тенищева. Сему учительному пастырю, всего за мѣсяцъ до кончины старицы Наталіи, пришлось бесѣдовать съ ней, въ ея келліи, по нѣкоторымъ вопросамъ новоустрояемой обители. И вотъ, отвѣчая на вопросъ, соберется ли она переѣхать на Меляву, она сказала: «утѣшь моихъ Мелявскихъ и скажи имъ, что тѣломъ я хотя и въ Дивѣевѣ, но духомъ—постоянно у нихъ на Мелявѣ...» Не безъ благодатной помощи преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца, созидалась обитель на Мелявѣ: къ его молитвенному предстательству всегда при жизни своей на землѣ прибѣгала приснопамятная основательница Мелявской общины блаженная старица Наталія.

Но, вотъ, незамѣтно насталъ и послѣдній день жизни блаженной—9 февраля 1900 года. Въ наружномъ видѣ старицы особыхъ рѣзкихъ перемѣнъ не замѣчалось, кромѣ общей слабости. Но къ вечеру того дня она сдѣлалась замѣтно тревожною.

— «Мама, какъ мнѣ трудно»!.. — не разъ говорила она, обращаясь къ своей любимой послушницѣ Е. Куделиной.

А, спустя нѣкоторое время, вдругъ неожиданно и взволнованно заговорила о своемъ монастырѣ:

— «Мама, собирайся, поѣдемъ завтра на Меляву»!

— «Ахъ, матушка, сколько разъ ты уже собираешься, а потомъ все раздумываешь и оставляешь»,—съ нѣкоторымъ недовѣріемъ отвѣчала послушница, нисколько не подозрѣвая настоящаго смысла этихъ загадочныхъ словъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ, мама, пора уже, завтра поѣдемъ»!— продолжала настаивать старица.

Затѣмъ она велѣла младшей послушницѣ читать акаѳистъ Воскресенію Христову. Послѣ чтенія акаѳиста, вполнѣ успокоенная молитвою, старица Наталія объявила всѣмъ своимъ послушницамъ, чтобы больше не тревожили ее никакими разговорами, и благословила ихъ на ночной отдыхъ; сама же приготовилась, по обыкновенію, проводить ночь сидя. И вотъ около полуночи, въ таинственныя минуты ночной тишины и безмолвія, вѣрная раба Христова Наталія тихо и мирно отошла ко Господу своему...

Ко дню погребенія блаженной Наталіи—11 февраля — въ обитель стеклось великое множество народа изъ окрестныхъ селеній. Духовникъ усопшей старицы, старшій священникъ Серафимо-Дивѣевскаго монастыря о. Іоаннъ Гусевъ проводилъ ее въ могилу своимъ задушевнымъ напутственнымъ словомъ, въ которомъ живо и правдиво обрисовалъ духовный обликъ блаженной Наталіи: «нива ея души, — одушевленно говорилъ пастырь-ораторъ, — была засѣяна чистыми, отборными сѣменами пшеницы. И нивы душъ ей ближнихъ,

къ ней обращавшихся, она воздѣлывала съ терпѣніемъ, трудолюбіемъ, и опытною рукою засѣвала, и были плоды: ова тридесятъ, ова шестьдесятъ и ова сто. Сама для себя она была великая постница, непрестанная и горячая молитвенница, поучавшаяся день и ночь въ законѣ Господнемъ, нелѣностно, мудро поучавшая, руководившая и другихъ,—какъ жить для славы Божіей и для достиженія вѣчнаго спасенія. Изъ любви къ Богу, она пренебрегала всѣмъ земнымъ,—утѣшеній и радостей земныхъ она не знала. Впрочемъ, радостію трепетало ея боголюбивое сердце, вызывалась счастливая, блаженная улыбка отъ явленій природы, которыя возвѣщали величіе и славу Творца, мудрость и благость Божію. Любила она восходящее солнце, радовалась на сіяніе и мерцаніе звѣздъ, утѣшалась малой птичкой, смѣло и довѣрчиво подлетавшей къ ней, любовалась цвѣтами, зеленью и плодами деревьевъ и кустовъ, растущихъ въ ея тихомъ, укромномъ уголкѣ, близъ ея келліи»...

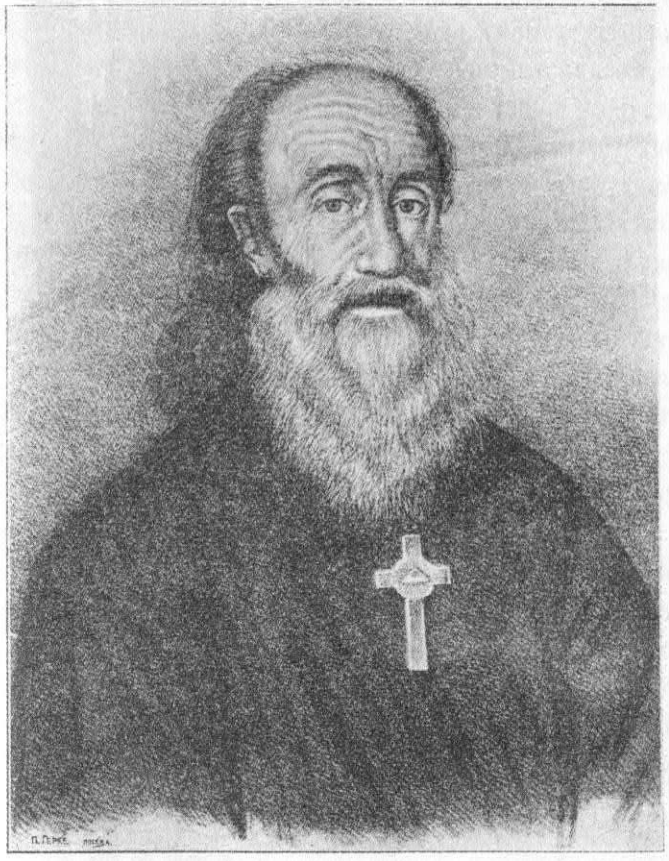
Тѣло старицы Наталіи, при тѣснившихся толпахъ народа, погребено было на самомъ почетномъ мѣстѣ—противъ алтарной стѣны Троицкаго соборнаго храма обители рядомъ съ могилою мѣстно-чтимой старицы Пелагіи *).

Филаретъ (въ схимѣ Ѳеодоръ), іеромонахъ Московскаго ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря.

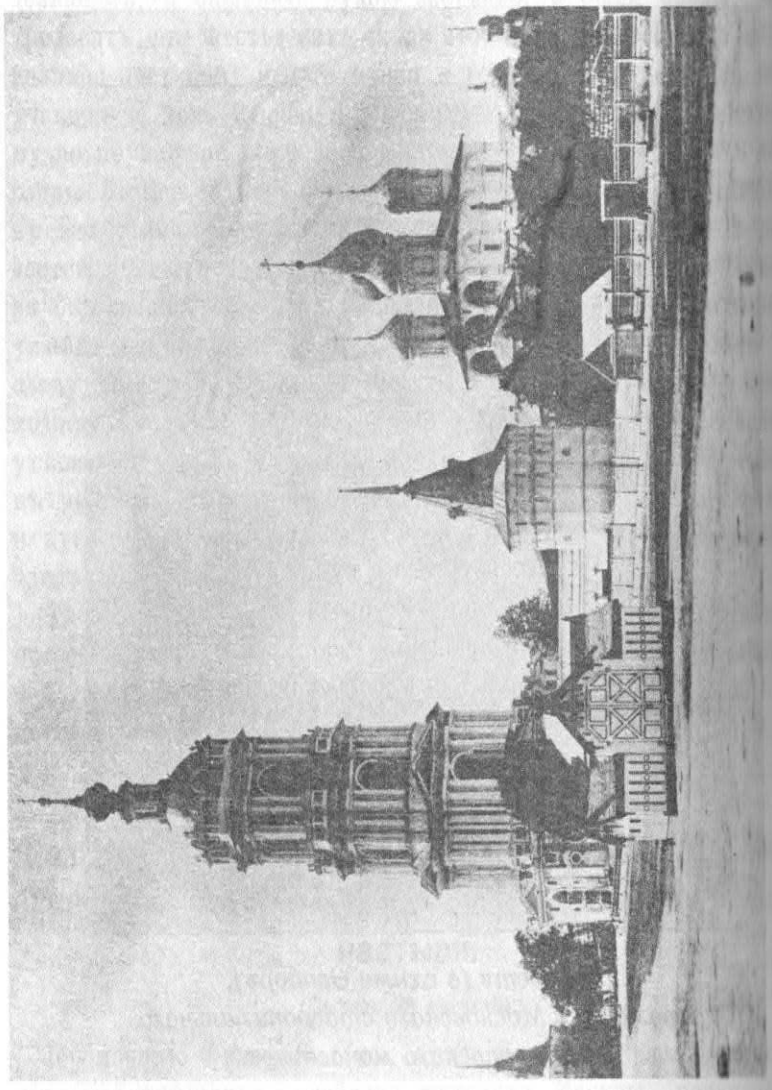
(Память 28 августа).

Іеромонахъ Филаретъ (въ схимѣ Ѳеодоръ), былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ, особенно жителямъ Москвы, подвижниковъ благочестія. Онъ родился 9-го мая 1758 года. Отецъ его — купецъ Николай Пуляшкинъ, житель г. Вязьмы Смо-

*) См. „Церк. Вѣд.“ 1904 г. 1805—1809 стр.



Филаретъ (в схиме Ѳеодоръ), іеромонахъ Московскаго ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря



ленской губерніи,—торговалъ, такъ-называемымъ, краснымъ товаромъ и владѣлъ достаточнымъ состояніемъ. Родительница Филарета Матрона Никитична, по смерти своего мужа, и послѣ пожара, истребившаго почти все ея имущество, переѣхала съ семействомъ для жительства въ Петербургъ, къ родному брату, богатому торговцу иностранными винами, а въ 1786 году поступила въ Московскій Новодѣвичій монастырь, и здѣсь постриглась въ монахини, съ именемъ Митрополіи. Погребена въ Ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ, настоятелемъ коего былъ (съ 1806 по 1818 г.) старшій сынъ ея, братъ Филарета, архимандритъ Аполлинарій, въ мірѣ Архипъ.

Въ домѣ родительскомъ Ѳеодоръ (мірское имя Филарета) обучился грамотѣ, чистописанію и, разумѣется, закону Божію. Съ той поры чтеніе духовныхъ книгъ, находившихся въ домѣ отца, составляло его любимое занятіе. По смерти родителя, онъ взятъ былъ вмѣстѣ съ матерью въ домъ своего дяди—богатаго Петербургскаго купца (Никитина), и опредѣленъ въ лавку (равно какъ и братъ его). Юный Ѳеодоръ скоро почувствовалъ отвращеніе отъ мірской суеты. Когда прочіе спѣшили на торгъ, онъ устремлялся въ Александро-Невскій монастырь, къ церковной службѣ, и послѣ обѣдни проводилъ время въ бесѣдѣ съ старцемъ-монахомъ, за что много разъ терпѣлъ побои отъ приказчиковъ. Тринадцатилѣтній мальчикъ умолилъ свою мать отпустить его для постояннаго жительства въ Александро-Невскій монастырь, къ знакомому старцу. Ревность Ѳеодора въ служеніи Господу была столь велика, что онъ черезъ полгода, по совѣту старца, перешелъ изъ монастыря въ Саровскую пустынь (въ Тамбовской епархіи). Здѣсь ему поручаемы были разныя послушанія: три года онъ былъ звонаремъ; потомъ трудился въ хлѣбной, квасоварнѣ, три года въ просфорнѣ и наконецъ проходилъ пономарскую должность.

Изъ Саровской пустыни Ѳеодоръ поступилъ въ Московскій Симоновъ монастырь, вѣроятно, по желанію подвизаться вмѣ-

стѣ съ роднымъ братомъ, который былъ тогда послушникомъ этой обители *). Оба они пострижены здѣсь въ монашество. Старшій (однимъ годомъ) братъ Архиппъ принялъ монашество съ именемъ Аполлинарія въ 1785 году 13-го апрѣля и вскорѣ, 8 іюня, былъ посвященъ во іеродіакона, а 11-го числа во іеромонаха. Младшій Ѳеодоръ принялъ постриженіе и новое имя Филарета въ 1786 году 4-го апрѣля на 25 году своей жизни; потомъ преосвященнымъ Григоріемъ, епископомъ Грузинскимъ, рукоположенъ въ Симоновѣ во іеродіакона, 8 мая 1787 года. Во время пребыванія въ Симоновѣ, онъ своими нравственными совѣтами имѣлъ большое вліяніе на родную мать, находившуюся въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Разсказываютъ, что онъ нѣсколько разъ приходилъ къ ней въ этотъ монастырь, когда она была еще послушницей, и убѣждалъ ее постричься; но та, по своему смиренію, сначала отклоняла его совѣты, почитая себя неспособною выполнить строгія иноческія правила. Когда же наконецъ она постриглась, Филаретъ однажды, пришедши къ ней, засталъ ее плачущею, и на вопросъ: «о чемъ она плачетъ»? услышалъ, что не можетъ въ точности исполнять всѣхъ своихъ обязанностей. Тогда Филаретъ ее утѣшилъ и обѣщался молиться за нее, чтобы Господь даровалъ ей Свою благодатную силу вынесть всѣ трудности и искушенія.

Въ 1788 году Симоновъ монастырь былъ обращенъ въ госпиталь, а Филаретъ, по волѣ митрополита Гавріила, вызванъ въ Петербургъ, какъ монахъ строгой жизни и помѣщенъ въ число братства Александро-Невскаго монастыря. 21 мая 1789 года рукоположенъ митрополитомъ во іеромонаха.

*) Онъ первоначально трудился въ Троицкой Сергіевской пустыни (въ 15 верстахъ отъ Петербурга), вмѣстѣ съ сыномъ дяди. Этотъ двоюродный братъ Филарета, въ монашествѣ Симеонъ, въ схимѣ Алексій, стяжалъ себѣ извѣстность подвижнической жизнію. Схимника Алексія посѣтилъ предъ отправленіемъ въ Таганрогъ (1 сент. 1825 г.) Государь Императоръ Александръ Павловичъ и долго съ нимъ бесѣдовалъ.

Въ февралѣ 1791 года Филаретъ переведенъ на Новгородское въ Москвѣ подворье для священнослуженія и управленія. Но эта должность, сопряженная со многими житейскими заботами, не совсѣмъ отвѣчала его настроенію; кромѣ того была тягостна для него по причинѣ слабаго здоровья. Въ 1794 году, 7-го іюля, онъ уволенъ, по его прошенію, отъ управленія подворьемъ и въ сентябрѣ того же года опредѣленъ въ Новоспасскій монастырь «на больницу», т. е. исправлялъ чередное священнослуженіе въ Николаевской больничной церкви. Въ отсутствіе настоятеля принималъ участіе въ управленіи монастыремъ въ качествѣ одного изъ членовъ учрежденнаго при монастырѣ духовнаго собора. Сверхъ того, онъ былъ полнымъ закупщикомъ всей годовой для братіи провизіи и устроителемъ общей трапезы. Въ 1798 году, о. Филаретъ, какъ опытный въ духовной жизни, архимандритомъ Іакинфомъ и всѣмъ братствомъ избранъ въ должность духовника братскаго. Но въ слѣдующемъ году по случаю болѣзни и крайняго изнеможенія и слабости, отъ всѣхъ должностей уволенъ и оставленъ на больничномъ содержаніи.

Съ этого времени о. Филаретъ исключительно подвизался въ молитвѣ, въ чтеніи книгъ священныхъ и писаній св. отцевъ. Рѣдко переступалъ онъ за ворота монастырской ограды; только въ тихіе лѣтніе вечера, когда умолкало движеніе народа, выходилъ онъ съ другомъ своимъ іеромонахомъ Александромъ. (Въ 1811 году былъ сдѣланъ архимандритомъ въ Арзамасѣ) и еще о. Михаиломъ, близкимъ къ нему по духу, на уединенную прогулку вокругъ монастырскихъ стѣнъ. Кромѣ этихъ лицъ, Филаретъ имѣлъ по временамъ духовное общеніе съ схимонахомъ Аѳанасіемъ, по фамиліи Захаровымъ, постриженникомъ старца Паисія, когда тотъ изъ Флорищевой пустыни (Владимірской епархіи) пріѣзжалъ въ Москву.

Проводя нѣсколько лѣтъ въ строгомъ безмолвіи, Филаретъ остальную часть жизни своей, приблизительно съ 1809 или 1810 года, посвятилъ открытому служенію ближнимъ, пред-

лагая назидательные совѣты и утѣшеніе всѣмъ того требовавшимъ, безъ различія лицъ и состояній. Но дѣятельность его на этомъ поприщѣ на нѣкоторое время была прервана, по причинѣ несчастныхъ событій 1812 года. Передъ нашествіемъ французовъ на Москву (они вошли въ столицу 2-го сентября, оставили ее 11-го октября), старецъ уѣзжалъ съ семействомъ Н. И. Курманалѣевой въ ея помѣстье, находящееся въ Вологодской губерніи. Здѣсь, на закатѣ солнца, онъ любилъ прогуливаться съ племянникомъ помѣщицы, нѣжно любимымъ ею, Г. С. Карновичемъ, тогда еще мальчикомъ. Зная, что въ имѣніи ихъ, ближайшемъ къ Москвѣ, есть каменная гора, Филаретъ сказалъ однажды Карновичу: «не забудь, когда выростешь большой, поставить изъ твоей горы камушекъ на моей могилкѣ, только простой». Воля смиреннаго старца была по его смерти исполнена во всей точности. На пути въ Вологодскую губернію, и потомъ на обратномъ въ Москву Филаретъ посѣтилъ Ростовскій Яковлевскій монастырь, гдѣ незадолго предъ тѣмъ была похоронена его мать и гдѣ настоятельствовалъ братъ архимандритъ Аполлинарій. Вѣроятно въ это время онъ положилъ начало своего дружества съ іеромонахомъ Яковлевскаго монастыря Амфилохіемъ, который 40 лѣтъ предстоялъ ракѣ святителя Димитрія и скончался въ 1824 году. По возвращеніи въ Москву, Филаретъ продолжалъ почти до самой кончины наставлять и помогать ближнимъ. Нерѣдко случалось, что отъ множества посѣтителей, старецъ не имѣлъ времени ни для трапезы, ни для краткаго отдыха, несмотря на мучительную болѣзнь (грыжа), отъ которой страдалъ постоянно. Прозорливость старца была поразительная. Онъ отвѣчалъ прямо на мысль: иногда случалось, что кто-нибудь говорилъ ему совсѣмъ противное тому, что зналъ или чувствовалъ, а старецъ, какъ бы не слушая разсказа, отвѣчалъ прямо на внутреннее настроеніе этого человѣка, и онъ приходилъ въ страхъ и исповѣдывалъ истину. Исповѣди, какъ таинства, онъ не

совершалъ, но ему многіе открывали свои грѣхи съ тѣмъ, чтобы получить отъ него назиданіе и умиротвореніе совѣсти. Подобно другимъ новѣйшимъ подвижникамъ благочестія Филаретъ давалъ письменные отвѣты спрашиваемымъ его заочно (писалъ крупными буквами).

Крестьянка графини Орловой-Чесменской въ слезахъ разсказывала о. Филарету, что сынъ ея, приказчикъ московскаго торговца (на Калужскомъ рынкѣ), посланный своимъ хозяиномъ для собиранія долговъ, уже нѣсколько недѣль пропалъ безъ вѣсти. «Сядь, другъ», говоритъ ей кротко и милостиво добродушный старецъ: «полно плакать: твой сынъ не пропалъ; онъ находится въ хорошемъ мѣстѣ и скоро придетъ». Дѣйствительно, онъ вскорѣ возвратился; вмѣсто того, чтобы производить сборъ денегъ, онъ пытался поступить въ какой-нибудь изъ дальнихъ монастырей, но безъ паспорта нигдѣ не былъ принимаемъ и принужденъ возвратиться. Черезъ нѣсколько времени, этотъ молодой приказчикъ, по внушенію матери, пришелъ къ старцу—испросить благословеніе на поступленіе въ монастырь. Мудрый старецъ сказалъ ему: «въ монастырь не долго благословить, но трудно жить въ монастырѣ, ты не вынесешь. Погоди, дитя мое, погоди!» Племянница генерала Л....на, Екатерина, пріѣхала къ о. Филарету вмѣстѣ съ своимъ женихомъ. Старецъ, благословляя невѣсту, сказалъ тихо, «что ее ждетъ женихъ лучшій». Предостереженіе не напрасное! Черезъ три дня она сильно простудилась и умерла. Схимонахъ Зосима († 1833), тотъ самый, который въ 1826 году основалъ близъ Москвы (въ 60 верстахъ) Троице-Одигитріевскую пустынную обитель для сестеръ ученицъ его (20), послѣдовавшихъ за нимъ изъ дальняго края Сибирскаго, шесть лѣтъ прожилъ на новомъ пустынномъ мѣстѣ, руководя посвященныхъ Богу дѣвъ къ вѣчному спасенію, потомъ онъ объявилъ имъ непремѣнное желаніе свое отправиться въ Соловецкій монастырь, умоляя ихъ не препятствовать ему и обѣщая черезъ годъ возвратиться.

Воля его была для нихъ свята, но глаза ихъ не осушались отъ слезъ. Самъ старецъ не могъ удержать слезъ своихъ, но рѣшился и поѣхалъ первоначально въ Москву. На семъ пути душа его испытала бореніе двухъ чувствъ: любовь склоняла его къ состраданію о сестрахъ и убѣждала не оставлять горькихъ сиротъ, ему преданныхъ; смиреніе внушало, что онъ недостоинъ ихъ уваженія, любви и послушанія, и влекло его въ страну отдаленную, гдѣ бы онъ могъ навсегда скрыться въ безвѣстности. Тогда пришла ему благая мысль попросить совѣта и молитвъ у человѣка духовнаго и принять слова его, какъ изъ устъ Божіихъ. Смиренный Зосима обратился за рѣшеніемъ своего недоумѣнія въ Новоспасскій монастырь къ старцу Филарету, коего духовную мудрость и многолѣтнюю опытность житія иноческаго зналъ и уважалъ. Но, идя къ этому великому старцу, онъ зашелъ въ Иверскую часовню Богоматери и усердно молился предъ Ея святою иконой, прося открыть ему волю Божію чрезъ старца Филарета. Войдя въ его келлію, Зосима смиренно поклонился ему въ ноги и разсказалъ все истинно и чистосердечно. Тотъ, не размышляя долго, рѣшительно и съ твердостью сказалъ: «Бога ради не оставляй врученныя тебѣ души,—возвратись». Не медля въ Москвѣ, пустынникъ съ любовію и радостію возвратился къ сестрамъ, коихъ нашелъ еще не переставшими плакать.

Оптинскій іеросхимонахъ Макарій († 1860), на обратномъ пути изъ Петербурга въ Площанскую пустынь, гдѣ онъ первоначально подвизался, имѣлъ утѣшеніе быть (въ октябрѣ 1832 года) у о. Филарета. Духовная бесѣда и глубокій разумъ Новоспасскаго старца, проникнутые силою и свѣтомъ благодати и его любовь навсегда запечатлѣлись въ сердечной памяти о. Макарія, который, отчасти по его совѣту, перешелъ изъ Площанской въ Оптину пустынь. Въ келліи сего блаженнаго подвижника былъ живописный портретъ Филарета.

Благочестіе старца Филарета было весьма назидательно.

По причинѣ множества посѣтителей и особенно по своей болѣзни, онъ не могъ бывать въ храмѣ за всякой службой, но раннюю литургію (въ больничной церкви) слушалъ неопустительно всякій день; самъ съ нѣкотораго времени (лѣтъ за 16 до смерти), не совершалъ литургіи; но причащался Св. Таинъ черезъ каждыя шесть недѣль, послѣ внимательнаго приготовленія и исповѣди. Благоговѣйный старецъ, несмотря на немощи, никогда не садился не только въ храмѣ не въ обычное время, но и въ келліи, когда совершалъ монашеское правило. Его стараніемъ устроены серебряныя ризы на мѣстныя иконы: 1) Успенія Божіей Матери въ Преображенскомъ соборѣ (пудъ слишкомъ въ этой ризѣ), 2) Спасителя (въ 14 ф. 58 зол.), 3) Владимірской Божіей Матери (въ 15 ф.) въ Покровской церкви, 4) Успенія Божіей Матери (въ 10 ф. 14 зол.) и 5) святителя Николая (9ф. 61 з.) въ Николаевской больничной церкви. На всѣхъ этихъ ризахъ послѣ смерти его вырѣзана внизу надпись: «о упокоеніи схи-іеромонаха Ѳеодора». Трудолюбіе старца было примѣрное. Кромѣ молитвы, преимущественно келейной, онъ любилъ раннимъ утромъ и позднимъ вечеромъ, заниматься чтеніемъ книгъ отеческихъ, которое сдѣлалось для него еще болѣе потребнымъ съ той поры, какъ онъ сталъ ревновать о спасеніи ближнихъ. Начитанность о. Филарета была замѣчательная. Иногда проводилъ цѣлыя ночи въ бдѣніи и богомысліи. Разъ это было кѣмъ-то замѣчено и простосердечно высказано ему. Онъ отвѣчалъ: «я не спалъ, ты за меня соснулъ». Воздержаніе старца въ пищѣ было постоянное: онъ кушалъ только одинъ разъ въ сутки, обыкновенно кашицу на простомъ бульонѣ или, вмѣсто обѣда, пилъ чашку чая съ коркой бѣлаго хлѣба. Въ иные дни (преимущественно въ четвергъ) питался одной просфорой, принесенной изъ храма. Въ понедѣльникъ (въ честь безплотныхъ Силъ), въ среду и пятокъ каждой недѣли онъ непремѣнно говѣлъ, исключая праздниковъ, которые случались въ эти дни; особенно строго

проводилъ Великій постъ. На первой недѣлѣ поста и на Страстной седмицѣ, слабый, худощавый старецъ вовсе не принималъ никакой пищи, развѣ только иногда по-вечеру испивалъ немного теплой воды.

О. Филаретъ, любя природу, имѣлъ обычай лѣтніе вечера проводить въ прогулкѣ по уединеннымъ мѣстамъ съ больничнымъ іеромонахомъ Михаиломъ († 1824) и съ намѣстникомъ монастыря Евѳиміемъ († 1836), къ которому питалъ особенную пріязнь. По смерти ихъ, старецъ грустилъ, какъ бы оставленный самому себѣ. За три или четыре года до своей смерти, онъ восходилъ по вечерамъ на нижній ярусъ колокольни и, ходя кругомъ ея по террасѣ, съ услажденіемъ смотрѣлъ на Кремль и другіе священные памятники вѣры и благочестія нашихъ предковъ. На закатѣ дней своихъ, старецъ нерѣдко переносился благочестивою мыслію въ дальній Аѳонъ — тихое пристанище иноковъ, и сильно желалъ провести въ этомъ жребіи Царицы Небесной уже наступающій конецъ жизни своей.

Прозорливый Филаретъ предвидѣлъ приближеніе своей кончины. Предсмертная, геморроидальная болѣзнь старца открылась вслѣдствіе того, что онъ, бывъ задержанъ посѣтителемъ, пересидѣлъ. Нѣсколько дней послѣ того, старецъ былъ еще довольно спокоенъ, хотя и чувствовалъ болѣзнь, а ночь на 15 число августа (день Успенія Божіей Матери) всю провелъ въ страданіи. 16-го числа онъ значительно ослабѣлъ, потому что внутренняя болѣзнь не прекращалась, развѣ только облегчалась минутами. «Пора и костямъ на покой», говорилъ благодушный страдалецъ на одрѣ болѣзни: «что опредѣлено Богомъ, того не избѣжишь». Въ этотъ день онъ имѣлъ утѣшеніе принять лично благословеніе митрополита Филарета. Старецъ, извѣщенный о прибытіи архипастыря, заплакалъ отъ радости. 17 числа онъ исповѣдался и пріобщился Св. Таинъ. Намѣстнику монастыря, своему духовному отцу іеромонаху Филарету, а потомъ и настоятелю архимандриту Аполлосу объявилъ о себѣ, что лѣтъ 16 назадъ (1826 г.), онъ келейно постриженъ въ схиму іеромонахомъ Аѳонской горы Иннокентіемъ, бывшимъ въ Москвѣ, и тогда же переименованъ Ѳеодоромъ. Все, что имѣлъ старецъ, онъ словесно завѣщалъ въ пользу монастыря или лицъ, ему послужившихъ, и нищихъ. Вечеромъ 27-го числа у одра его былъ прочитанъ каноне на разлученіе души отъ тѣла. О. Филаретъ съ молитвою на устахъ мирно и тихо скончался 28 августа, въ осьмомъ часу пополудни.

Въ день погребенія, 31 числа, заупокойную литургію и потомъ отпѣваніе тѣла по чину монашескому, совершилъ въ Преображенскомъ соборѣ самъ митрополитъ Филаретъ съ сослужащими. Владыка митрополитъ не могъ удержаться отъ слезъ. Тогда и многіе изъ окружавшихъ гробъ пролили слезы. Прощаніе митрополита съ многоболѣзненнымъ соименнымъ ему старцемъ глубоко тронуло всѣхъ. Во время погребенія было такое большое стеченіе народа въ Новоспасскомъ монастырѣ, какого, говорили, не запомнятъ и не бывало 6 августа, въ день праздника монастырскаго.

Почтенная могила его видна у входа въ усыпальницу (которая находится подъ алтаремъ Знаменской церкви), на правой сторонѣ. На могильномъ камнѣ поставленъ мраморный крестъ, а на боковой лѣвой сторонѣ камня вырѣзана надпись, съ указаніемъ времени рожденія и кончины о. Филарета и продолжительности его жизни. «Житія его было 83 года, три мѣсяца и 19 дней».

Схимонахиня Макарія Гамалѣевская.

(Память 28 августа).

Схимонахиня Макарія, въ мірѣ дѣвица Марина Семеновна Звѣринская, происходила изъ зажиточнаго мѣщанскаго семейства деревни Погари Стародубскаго уѣзда, Черниговской губ.

Въ Гамалѣевскій монастырь поступила тридцати лѣтъ, въ монашествѣ носила имя Маргариты, долго исполняла должность письмоводительницы и во многомъ помогала своей настоятельницѣ.

Духовникомъ и старцемъ-руководителемъ у матушки Маргариты былъ Глинской пустыни іеромонахъ Амфилохій (въ схимѣ Анатолій), человѣкъ высокой подвижнической жизни. Маргарита имѣла къ нему особенную вѣру и его наставленій слушалась. Благодаря природному уму, усердію и споспѣшествующей благодати Божіей, она скоро возросла въ мѣру духовнаго мужества, такъ, что многіе къ ней прибѣгали за совѣтами. Но врагу спасенія не могло нравиться преуспѣяніе монахини, и вотъ онъ воздвигъ на нее клевету, будто она хочетъ быть настоятельницей. Какъ только узнала объ этомъ игуменія, сейчасъ же отстранила Маргариту отъ должности и стала ее притѣснять. Дошло до того, что сказать хорошее про Маргариту или сходить къ ней, значило навлечь на себя большія непріятности. Болѣе смѣлыя изъ сестеръ, дорожившія добрымъ совѣтомъ матушки Маргариты, стали ходить къ ней ночью.

Съ устраненіемъ отъ должности письмоводительницы, матушка еще болѣе усилила свои подвиги поста, молитвы и уединенія. Помимо общаго поста, она еще налагала на себя особое воздержаніе—не кушала вовсе молочнаго, кромѣ пасхальной и троицкой недѣли.

Въ храмѣ Маргарита становилась гдѣ-либо въ уголкѣ, чтобы ея никто не видѣлъ. Ей всегда хотѣлось быть одной съ Богомъ. Отъ суеты и хлопотъ, часто совершенно лишнихъ и вредныхъ спасенію, она старалась устраниться, и, принявъ схиму, хотѣла совершенно затвориться и быть въ любимомъ ею уединеніи. Схиму она приняла съ именемъ Макаріи въ 1865 году по предложенію благочиннаго монастырей архимандрита Палладія, который зналъ ея духовное преуспѣяніе. Съ другой стороны благочинный этимъ думалъ

прекратить на нее гоненіе, пбо схимницѣ считается не свойственно управлять монастыремъ. Съ тою же цѣлію отецъ Палладій прислъ матушку-игуменію при постригѣ въ схиму принять ее отъ св. Евангелія. Прошелъ годъ, и на схимницу возобновилось гоненіе, но она все свое упованіе возложила на Бога, цѣлыя ночи проводила въ молитвѣ и чтеніи Псалтири. Отъ постояннаго Богомыслія просвѣтилась духомъ, получила отъ Бога даръ узнавать будущее. Однажды къ монахинѣ Филаретѣ пріѣхалъ братъ съ молодою женою и пошелъ къ матушкѣ Макаріи. Старица, между прочимъ, сказала молодой: «моя милая, люби мужа своего, старайся во всемъ ему угождать, чтобы ни въ чемъ не согрѣшить ему и Богу. Это будетъ продолжаться только одинъ годъ, а тамъ Господня воля». Чрезъ 11 мѣсяцевъ невѣстка монахини Филареты скончалась, и на ней исполнилась воля Божія по предсказанію Макаріи.

Въ началѣ августа 1875 года, сверхъ всякаго чаянія, настоятельница предложила матушкѣ Макаріи ѣхать вмѣстѣ въ Кіевъ на поклоненіе святынямъ. Матушка упала игумени въ ноги и сказала: «простите меня, можетъ въ этомъ году умру».—«Простите и меня Бога ради», отвѣтила игуменія, сердце которой, по Божіей благодати, смягчилось, и въ этотъ разъ она дѣйствительно простила смиренную схимницу. Послѣ прощенія Макарія сказала: «я больная, вамъ буду въ тягость, пустите лучше меня въ Глинскую пустынь». Въ послѣдней она желала умереть и два года о томъ молила Бога. Получивъ желаемое благословеніе, схимница обошла всѣхъ сестеръ обители, у всѣхъ просила прощенія и нѣкоторымъ говорила: «въ послѣдній разъ».

Въ то время въ Гамалѣевскомъ монастырѣ была добрая женщина В. И—на М. Матушка Макарія позвала ее и тоже стала прощаться. В. И—на сказала: «я намѣревалась идти къ матушкѣ игумени».—«Съ нею повидаетесь послѣ,—отвѣтила схимница, а вамъ со мною надо проститься, Богъ

знаетъ,—я съ вами вижусь послѣдній разъ». Прощаясь, подвижница гадательно предсказала В. И—нѣ вдовство, взяла небольшую икону Почаевской Божіей Матери и, благословляя ею, сказала: «придется ее поновить и посвятить». Въ скоромъ времени В. И—на овдовѣла, а въ 1877 году, уже послѣ кончины матушки Макаріи, былъ пожаръ, на которомъ матушкина икона обгорѣла, но лики Спасителя и Богородицы сохранились невредимыми. Пришлось икону поновить и посвятить, какъ говорила прозорливица.

Приготовляясь ѣхать въ Глинскую пустынь, матушка Макарія уложила въ особый ящикъ свѣчи, схиму, мантію, заперла его и просила немедленно прислать, если его потребуетъ: «тутъ все мое погребальное»,—говорила она.

Когда выѣхала изъ Гамалѣевскаго монастыря, то перекрестилась и сказала: «выѣзжаю въ послѣдній разъ». Вмѣстѣ съ нею поѣхала въ Глинскую пустынь рясофорная монахиня Епифанія, которая замѣтила надъ дугою ихъ лошади какихъ-то малыхъ птичекъ, числомъ 12—15, образовавшихъ собою кругъ и все время до Глухова (30 верстъ) летѣвшихъ въ томъ же положеніи кругомъ. Она сказала объ этомъ старицѣ, и та на это отвѣтила: «онѣ насъ провожаютъ». Тряская дорога причиняла матушкѣ сильную боль въ боку,—приходилось не разъ останавливаться. При остановкахъ птички тутъ же у повозки садились на дорогу, а тронется повозка, и онѣ опять полетятъ вѣнцомъ надъ дугою лошади. Только послѣ ночлега въ Глуховѣ Епифаніи птичекъ уже не видѣла.

Въ Глинской пустыни до праздника Успенія Божіей Матери Макарія отговѣла, а 19 августа заболѣла и три дни подъ рядъ пріобщалась Св. Таинъ. Между тѣмъ болѣзнь усилилась; дыханіе становилось труднѣе и рѣже. 24 числа, въ воскресенье старица собралась ѣхать обратно въ свою обитель, уже поданы были лошади, но пришла знакомая барыня и стала уговаривать остаться по случаю болѣзни. Она

сказала матушкѣ: «вы всегда молили Бога умереть въ Глинской, а теперь хотите уѣхать. Вы такъ слабы, что нельзя вамъ въ дорогу». Другіе подтвердили то же, и матушка осталась. На другой день больная особоровалась, а 28 августа въ 11 часовъ вечера тихо перешла въ иной лучшій міръ, во время чтенія Епифаніей акаѳиста Божіей Матери, когда, по случаю бдѣнія на праздникъ Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, стали звонить на 9-ю пѣснь канона. Въ храмѣ пѣли пѣснь Богородицѣ «величитъ душа моя Господа», которую покойная особенно любила. И вотъ душа ея отошла въ горнія селенія именно при пѣніи этой пѣсни, чтобы пѣть ее съ ликами ангеловъ не здѣсь, въ юдоли плача, а въ свѣтлыхъ чертогахъ царства небеснаго.

Схимница Макарія скончалась на 68 году своей жизни, въ обители подвизалась 38 лѣтъ.

Игуменія Филарета Уфимская.

(Память 28 августа).

Первоначальница Уфимскаго Благовѣщенскаго монастыря, игуменія Филарета была родомъ изъ села Бѣтьковъ Мензелинскаго уѣзда, нынѣ Уфимской, а тогда Оренбургской губерніи. Въ мірѣ она была Стефанида Стефановна Бычкова, купеческая дочь. Она родилась въ 1807 году. Ея родители Стефанъ Иларіоновичъ и Агафія Федоровна Бычковы были люди состоятельные и благочестивые, и ихъ всѣ уважали. Отецъ Стефаниды былъ человѣкъ добрый, но милостыню любилъ подавать съ разсудительностію, а мать ея была необыкновенной доброты и всѣмъ помогала, кому и чѣмъ только могла. Родителей Стефаниды всѣ уважали, и семейная жизнь у нихъ текла строго, по-православному, старинному русскому укладу. Въ семействѣ было у нихъ всѣхъ дѣтей шестеро:

три сына и три дочки. Вся семья особенно любила Божій храмъ, въ которомъ Стефанъ Иларіоновичъ былъ ктиторомъ, а его сынъ Аѳанасій старостой. Этотъ Аѳанасій окончилъ жизнь еще молодымъ и былъ въ тайномъ постригѣ. Вся семья усердно посѣщала храмъ, а дома любила слушать слово Божіе. Мать Стефаниды, сама безграмотная, люби особенно чтеніе Свящ. Писанія, заставляла читать дѣтей и любила внимательно слушать это чтеніе. Она съ самыхъ первыхъ дней жизни дѣтокъ носила въ храмъ къ причастію, а когда тѣ подростали, учила страху Божію, молитвѣ, благоговѣйному и внимательному поведенію въ храмѣ во время богослуженія; а когда дѣти изъ церкви приходили домой, то всегда спрашивала о томъ, что въ тотъ день читалось въ храмѣ въ Евангеліи и Апостолѣ. Въ то же время она пріучала дѣтей и къ труду.

Средняя дочь—Стефанида особенно выдавалась своимъ благочестіемъ и добрыми задатками, которыя и были развиты правильнымъ воспитаніемъ и обученіемъ. Школъ въ то время по мѣстечкамъ не было, а потому Стефанида, когда ей исполнилось десять лѣтъ, была отдана для обученія грамотѣ и закону Божію одной благочестивой и образованной женщинѣ. Эта наставница приложила всѣ старанія къ воспитанію дѣвочки. Она учила ее грамотѣ: чтенію, письму, ариѳметикѣ и священной и церковной исторіи; каждое утро заставляла прочитывать молитвы и житіе дневнаго святаго, а потомъ изъ житія ее спрашивала. Учила разному рукодѣлію, хозяйству. Дѣвушка была смышлена, но и бойка, за что ей нерѣдко и доставалось чувствительно.

Обученіе кончилось, и дѣвушка возвратилась подъ родной кровъ. Вскорѣ ей пошелъ четырнадцатый годъ, и ее родители стали собираться выдать въ замужество. Религіозно настроенная дѣвушка, между тѣмъ, въ тайникахъ сердца уже имѣла святое намѣреніе посвятить себя жизни иноческой. Глубоко встревоженная сборами родителей и не смѣя что-либо имъ возразить, она съ горячими слезами и молитвами обратилась къ св. ангелу-хранителю и Царицѣ Небесной.

Молитва юной дѣвы не осталась безъ отвѣта. Божій милостивый небесный отвѣтъ на эту чистую горячую молитву, какъ и всегда въ обычной жизни человѣка, былъ данъ въ обстоятельствахъ самой же ея жизни. Пламенна была эта молитва; скоро она и услышана была. Въ это время обстоятельства семейной жизни родителей Стефаниды приняли такой оборотъ, что имъ стало уже не до свадьбы. У младшаго брата Стефаниды Іоанна вдругъ сильно заболѣла нога, которую и свело. И никакія старанія мѣстныхъ врачебныхъ силъ не помогли: больной тяжело страдалъ; ему сострадали и всѣ члены семьи. Два года длилась эта болѣзнь. Но вотъ принесли изъ Седміезерной пустыни чудотворную икону Божіей Матери Смоленскую. Тогда былъ май мѣсяцъ, Ѳомина недѣля; въ селѣ на полѣ остановились съ образомъ и отслужили молебенъ; съ благоговѣніемъ множество народа прикладывалось къ святынѣ; подошла и семья Бычковыхъ; принесли и больного Іоанна. Со слезами и пламенною молитвою къ Божіей Матери палъ юный страдалецъ предъ ликомъ Пречистой, а когда надъ нимъ пронесли святую икону, онъ вдругъ почувствовалъ себя здоровымъ; нога его расправилась и перестала болѣть. Онъ вскочилъ и хотѣлъ идти, но, потрясенные этимъ, счастливые родители снова усадили его въ телѣжку и увезли домой, а на другой день взяли образъ къ себѣ, отслужили молебенъ и, въ пламенной молитвѣ возблагодаривъ Заступницу міра, учредили для иноковъ и бѣдняковъ обильную трапезу и раздали богатую милостыню. Желая еще болѣе отблагодарить Матерь Божію, по совѣту иноковъ-спутниковъ иконы, отпустили въ числѣ провожавшихъ до обители и Стефаниду.

Такъ устроилась жизнь и никто уже болѣе изъ семейныхъ не приступалъ къ скорѣйшей свадьбѣ Стефаниды. Жизнь ея такъ потекла далѣе, что скоро привела ее и въ обитель,

чего юная дѣва такъ горячо желала и о чемъ непрестанно молилась, когда провожала святыню въ ея обитель.

Проводивъ св. икону до мѣста, Стефанида съ подружками осталась въ г. Казани на мѣсяцъ, въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ трудилась на кухнѣ и въ другихъ послушаніяхъ. Пріятна и хороша показалась дѣвушкамъ жизнь въ обители, и онѣ остались бы еще пожить, но билеты ихъ были срокомъ на мѣсяцъ, и дѣвушкамъ, скрѣпя сердце, пришлось возвратиться на родину.

Тихая, молчаливая и самособранная вернулась Стефанида въ отчій домъ; и дума о томъ, какъ бы поселиться въ обители, ея уже не покидала. По нѣкоторомъ времени она выпросилась съ братомъ Іоанномъ на богомолье въ Кіевъ. Родители не безъ колебаній, но охотно благословили юныхъ путниковъ. Тѣ пошли и по пути надумали завернуть въ Саровскую пустынь, къ старцу Серафиму. Тогда преподобный Серафимъ уже былъ широко извѣстенъ, и къ нему стремились какъ всѣ скорбящіе и недугующіе, такъ и тѣ, въ чистой душѣ которыхъ горѣлъ пламень жизни подвижнической. Изъ родительскаго дома, напутствованные благословеніями родныхъ и снабженные всѣмъ нужнымъ на дорогу, братъ и сестра съ подругою направились въ Саровъ, куда и пришли въ началѣ іюля, а изъ дома вышли на другой день храмового праздника Владимірской иконы Божіей Матери.

Великій Старецъ ласково принялъ путниковъ. Онъ благословилъ ихъ и при этомъ сказалъ, чтобы Іоаннъ оставался навсегда въ Саровѣ, а сестра шла бы въ Кіевъ, безъ него, съ своими спутницами. На это дѣвушка возразила Старцу, что отецъ въ монахи Іоанна не отпуститъ потому, что Іоаннъ очень способенъ къ торговлѣ и его очень любитъ отецъ, да и самъ онъ не думаетъ въ монахи, а хочетъ только помолиться въ Кіевѣ и поблагодарить Матерь Божію за исцѣленіе. Старецъ на это сказалъ: вашъ отецъ человѣкъ добродушный: отпуститъ его, а ты—въ Уфу, тамъ будетъ монастырь, и ты спасешься. Молодая дѣвушка, все вниманіе которой было сосредоточено тогда на братѣ, не придала особеннаго значенія послѣднимъ пророческимъ словамъ Старца... А какъ они по времени исполнились!

Іоанну крайне не хотѣлось оставаться въ Саровѣ, и онъ немного спустя снова побѣжалъ къ Старцу. Преп. Серафимъ отпустилъ его съ миромъ, велѣлъ только слушаться во всемъ сестры и на завтра послѣ ранней обѣдни снова придти къ нему. Іоаннъ же, по своей молодости и опрометчивости, не послушался Старца. Онъ сказалъ сестрѣ, что о. Серафимъ благословилъ ихъ скорѣе уходить изъ монастыря. Сестра повѣрила брату, и на разсвѣтѣ молодые путники братъ и сестра съ подругою покинули Саровъ, но ненадолго: скоро Господь наказалъ юнаго лгуна. Не отошли они нѣсколькихъ верстъ, какъ Іоаннъ почувствовалъ ознобъ и жаръ. На пути какъ разъ была саровская мельница, гдѣ жилъ бодрый и добрый старикъ-монахъ о. Іаковъ, который ласково принялъ путниковъ и напоилъ ихъ чайкомъ. Больной физически поправился, но не исправился нравственно. Прошли они еще верстъ шесть. Около села Ломова Іоаннъ снова заболѣлъ и сильно: у него оказалась горячка. Въ селѣ тогда былъ добрый и странноприимный священникъ. Онъ принялъ больного и дѣвушекъ. Больнаго священникъ напутствовалъ... Тотъ лежитъ въ бреду, а дѣвушки сидятъ и плачутъ. Вдругъ больной началъ говорить: «радъ бы я подойти къ Тебѣ, Царица Небесная, да не могу—болото». Сестра стала спрашивать его, о чемъ онъ говорилъ? Тогда больной, придя въ себя, сказалъ, что видѣлъ себя въ Саровскомъ храмѣ у «Живоноснаго Источника», что Матерь Божія будто бы протянула ему руку и звала къ Себѣ, а ему мѣшало болото. И тутъ же сознался, какъ онъ обманулъ сестру и ослушался Старца: болото лжи мѣшало ему подойти къ источнику святой жизни, находившемуся подъ покровомъ «Жи-

воноснаго Источника!» Исполнившись желанія загладить свою вину, Іоаннъ сказалъ сестрѣ, что онъ желалъ бы возвратиться въ Саровъ и испросить у о. Серафима прощеніе. Сестра передала все это священнику, и тотъ немедленно же запрягъ свою лошадь и, уложивъ больного, отправилъ ихъ въ Саровъ. Когда они были около мельницы, больной сталъ какъ бы умирать. Его едва внесли въ келлію, положили подъ образа, вложили въ руку свѣчку и стали ждать смерти. Сестра вышла на минутку на крыльцо. И видитъ, что идетъ старушка, ея знакомая, что ходила съ ними провожать ранѣе икону. Она послѣ того ходила въ Зеленогорскій монастырь и еще куда-то верстъ за сто. А теперь собралась въ Саровъ, чтобы испросить у о. Серафима благословеніе на богомолье въ Кіевъ. Ее-то и послалъ къ нашимъ путникамъ Старецъ. «Иди, говорилъ онъ ей, на мельницу скорѣе. Тамъ тебя дожидаютъ Оренбургскіе братъ и сестра. Братъ очень боленъ, но не къ смерти: онъ человѣкъ доброй души, будетъ служить Богу, а сестра будетъ въ Уфѣ игуменьей. Ты приведи ихъ ко мнѣ, а я васъ пошлю въ Дивѣевъ учиться монастырской жизни; поживъ немного тамъ, вы пойдете по желанію помолиться въ Кіевъ». Радостно и бодряще отозвались эти рѣчи старушки на юной дѣвушкѣ и больномъ братѣ. Тотъ пооправился, и они снова прибыли въ Саровъ. Больной тамъ еще долго пролежалъ, а потомъ по выздоровленіи поступилъ и въ монахи, а впослѣдствіи скончался іеродіакономъ Уфимскаго Успенскаго монастыря. Дѣвушки же прожили въ Дивѣевѣ съ мѣсяцъ, гдѣ у матери Ксеніи трудились надъ устройствомъ погреба, и часто-часто онѣ хаживали къ о. Серафиму и пользовались его наставленіями. (Брату Стефаниды въ монашествѣ имя было Осипистъ). По истеченіи мѣсяца ихъ пребыванія въ Дивѣевѣ о. Серафимъ благословилъ дѣвушекъ съ старушкою идти въ Кіевъ и двѣ дѣвушки пошли туда въ обществѣ и подъ наблюденіемъ опытной и благочестивой той старушки. Въ Воронежѣ дѣвушкамъ по случаю сильныхъ холодовъ привелось прожить въ одной церковной оградѣ у черничекъ съ другими дѣвушками два мѣсяца. Въ Кіевъ онѣ пришли уже въ началѣ 1826 года, на второй недѣлѣ поста; и провели тамъ весь постъ, Святую и прожили до Николина дня. Жили онѣ въ гостинницѣ, которая въ то время была только обгорожена деревянной стѣной, а каменнаго корпуса не было еще. Вездѣ онѣ помолились, поклонились всѣмъ угодникамъ Божіимъ кіевскимъ. Съ грустью, наконецъ, покинули онѣ священный городъ. Тогда чрезъ Днѣпръ мостъ былъ деревянный и въ полноводье перевозили на лодкахъ. На лодкѣ перевезли и Стефаниду съ ея спутницами, за что взяли съ нихъ десять копѣекъ, и осталось у нихъ на всю дальнѣйшую дорогу только три копѣйки. Идучи обратно, онѣ зашли въ Глинскую пустынь, гдѣ тогда свѣтилъ своею праведною жизнію обновитель обители игуменъ Филаретъ.

Игуменъ Филаретъ, мужъ высокаго духовнаго устроенія, былъ въ самыхъ близкихъ по духу отношеніяхъ съ великимъ Саровскимъ свѣтильникомъ вѣры и милосердія преподобнымъ Серафимомъ. Онъ удостоился зрѣть и душу Серафимову, по смерти возносимую на небеса ангелами. Этотъ то великій и прозорливый мужъ съ особенною любовію принялъ юную путешественницу Стефаниду и сдѣлался ей до конца своей жизни опытнымъ ея руководителемъ и наставникомъ. Старецъ Филаретъ при первомъ же свиданіи съ нею предрекъ ей, что ей предстоитъ трудиться въ Уфѣ, и что нужно многому учиться въ жизни иноческой. Обласканныя иноками дѣвушки почувствовали себя въ Глинской пустыни какъ бы въ раю и проводили здѣсь время въ молитвѣ и поученіи доброй иноческой жизни. (Преданіе говоритъ, что въ этотъ же разъ о. Филаретъ тайно Стефаниду постригъ въ иночество). Бесѣды мудраго старца, стройная жизнь обновленной обители,— все это могуче повліяло на молодую воспріимчивую душу. Великія Евангельскія слова: «Пріидите ко Мнѣ вси тружда-

ющіеся. Иго Мое благо» и другія, гдѣ говорится о необходимости самоотверженія въ послѣдованіи Господу, невольно стали чаще и чаще приходить на сердце. И изъ Глинской пустыни, напутствованная благословеніемъ о. Филарета, Стефанида возвратилась домой съ твердымъ намѣреніемъ навсегда посвятить себя жизни иноческой.

Возвратившись домой, Стефанида стала проводить время преимущественно за чтеніемъ душеполезныхъ книгъ. Такъ какъ братъ ея Аѳанасій былъ церковнымъ старостою, а при церкви была значительная библіотека, то книги она доставала съ удобствомъ и многому научилась изъ этого чтенія. Недалеко отъ церкви родными Стефаниды была устроена вмѣстительная келлія, въ которой и обитало до десяти дѣвушекъ-черничекъ. Имъ во всемъ помогали родители Стефаниды. Къ нимъ на житье, для приготовленія къ иноческой жизни, и стала проситься у родителей Стефанида. Родители послѣ большихъ колебаній согласились; охотно приняли ее келейницы, но очень боялись: вынесетъ ли она эту жизнь и, желая ее отклонить отъ такой жизни въ виду ея младости и нѣжнаго воспитанія, жалѣя ее и родителей, дѣвушки старались трудными послушаніями отъ этой жизни отохотить ее, чтобы она сама сознала ея тяжесть и ушла снова къ родителямъ. Но эта наивная и добрая по цѣли хитрость не удалась имъ. Ничто уже не могло отвратить Стефаниду отъ того пути, на который она вступила!

Исполнилась дѣтская греза, исполнились ея горячія мольбы къ Пресвятой Дѣвѣ: доля брачная ее миновала, иноческая жизнь стала увлекать ее въ свое теченіе! И изъ простой, самой незначительной общинки скоро образовалась цѣлая иноческая обитель, во главѣ которой и была поставлена Стефанида, а самая эта обитель устроилась въ г. Уфѣ, какъ и предвѣщалъ великій старецъ Серафимъ. Вышло же это слѣдующимъ образомъ.

Тихо текла жизнь келейницъ; ходили онѣ въ Божій храмъ,

гдѣ и молились усердно; молились дома, трудились, въ потѣ лица снискивая пропитаніе. Дочь богатыхъ родителей среди нихъ раздѣляла всѣ труды и въ скромномъ одѣяніи возила чрезъ все село воду,—та, которой стоило слово сказать, и къ ея услугамъ были бы многія слуги. Въ 1827 г. преосвященный Амвросій, объѣзжая епархію, заѣхалъ и въ с. Бѣтьки. Узнавъ о черничкахъ и ихъ примѣрной жизни, владыка навѣстилъ ихъ домикъ и подробно ознакомился со строемъ ихъ жизни. Слыша отъ поселянъ также прекрасные отзывы, преосвященный разрѣшилъ открытіе здѣсь общины, а когда изъ общины поѣхали къ нему съ просьбою назначить имъ начальницу, владыка со всѣми тремя прибывшими, а прибыли старшая сестра Варвара, ея помощница и Стефанида, взятая Варварою, побесѣдовалъ въ отдѣльности и назначилъ имъ начальницею Стефаниду. Въ 1832 г. преосвященный Михаилъ рѣшилъ перевести общину въ самый городъ Уфу. Въ Уфу община переселилась въ составѣ 12 сестеръ во главѣ съ Стефанидою, при которой находились, между прочими, и ея младшая родная сестра Евдокія и еще дѣвочка Александра Зиновьева, пришедшая къ Стефанидѣ семи лѣтъ (скончавшаяся въ обители въ 1906 г., которая и явилась впослѣдствіи сказательницею правдивою о первыхъ временахъ обители).

Когда было рѣшено Бѣтьковскую общину перевести въ Уфу, то для нея былъ купленъ обширный домъ Пахомовыхъ близъ Сергіевской церкви, въ которомъ и поселились сестры. Онѣ проводили время въ трудахъ: сами обрабатывали землю, садили овощи, пекли просфоры, занимались рукодѣліемъ. По благословенію преосвященнаго Аркадія, Стефанида посылала въ Арзамасъ двухъ своихъ черничекъ, которыя въ мѣстной общинѣ (состоявшей уже тогда изъ 600 человѣкъ) обучились всякому рукодѣлію: убирать иконы фольгою и цвѣтами, вышивать золотомъ и серебромъ, шитью, кройкѣ, вязанью и т. п. Одною изъ посланныхъ была сестра Стефаниды

Евдокія, а другая Васса—священническая дочь. Пріобрѣтенными знаніями по возвращеніи черницы подѣлились со своими сестрами, и скоро Уфимская община весьма прославилась подобнымъ искусствомъ своихъ сестеръ. Когда стали обсуждать вопросъ о мѣстѣ для обители, то предлагали одно подлѣ духовной семинаріи и другое около Успенской церкви. Но то и другое мѣсто не подходило для обители по мнѣнію Стефаниды, что она съ простотою и выразила преосвященному. Близость семинаріи и обители она нашла неудобною въ нравственно-практическомъ отношеніи, а второе мѣсто было оставлено, какъ находящееся въ центрѣ города и далеко отъ воды. Стали искать еще мѣста. Преосвященный и свѣтское начальство очень близко къ сердцу приняли вопросъ о мѣстѣ для обители. Искали поближе къ окраинѣ, но свободнаго мѣста не было. Остановились на мысли занять подъ обитель мѣсто на краю города, гдѣ были ветхіе обывательскіе дома, которые и предположено было снести. Сначала обитатели лачужекъ не соглашались на это, хотя имъ и предлагали плату. Но Стефанида сумѣла ихъ уговорить. Успѣхъ ея увѣщаній былъ настолько великъ, что жители уступили свои домики на сносъ значительно дешевле, чѣмъ сколько предлагало начальство. Только нѣкоторыя старушки выразили желаніе, чтобы ихъ домиковъ не сносили до ихъ смерти, а включили бы въ черту обители и дозволили бы имъ въ своихъ домикахъ и вѣкъ скончать. Мать Стефанида съ любовію на это согласилась, и это же потомъ оказалось въ духовную пользу и утѣшеніе обители. Преосвященный Аркадій вошелъ съ ходатайствомъ въ Св. Синодъ объ открытіи обители, а когда Св. Синодъ потребовалъ обезпеченія для обители, то Стефанидою и были представлены тѣ 3480 р., кои были собраны для покупки земли, и община осталась безъ всякихъ средствъ. Тогда Стефанида отправилась въ Глинскую пустынь къ о. Филарету, который и принялъ самое большое и дѣятельное участіе въ ея положеніи. О. Филаретъ

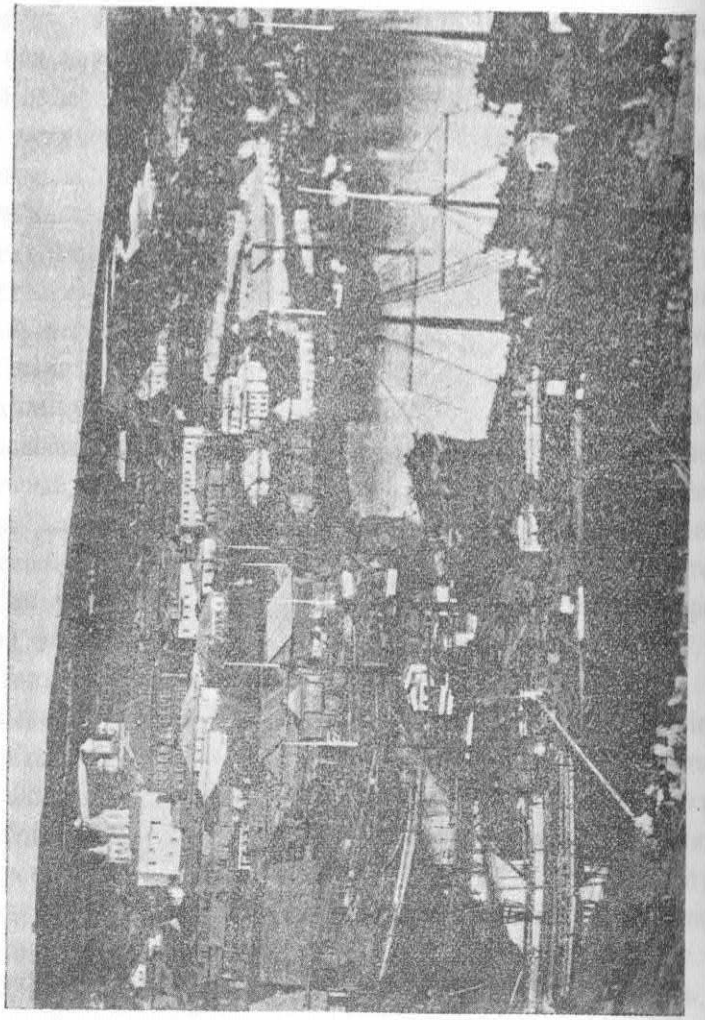
далъ Стефанидѣ множество рекомендацій къ своимъ знакомымъ въ Петербургѣ и Москвѣ, также направилъ ее къ іерархамъ, и въ частности къ м. Филарету Московскому. Стефанида съѣздила туда и собрала значительную сумму. Между тѣмъ открытіе обители тормозилось со стороны оберъ-прокурора. Сколько ни безпокоилась, ни просила прокурора Стефанида, тотъ все медлилъ. Въ горѣ Стефанида отправилась къ одному изъ своихъ благодѣтелей Ал.-Невскому архимандриту Палладію. Тотъ, желая ее утѣшить и не имѣя силъ что-либо сдѣлать, пригласилъ помолиться у мощей св. бл. кн. Александра Невскаго и отслужилъ молебенъ; прощаясь же прибавилъ: «святой нашъ былъ военный, онъ же скоро поэтому устроитъ и все самъ выпроситъ у Господа нужное». Не успѣло настать утро, какъ прокуроръ уже послалъ за Стефанидою и, когда она пришла, сообщилъ, что ночью ему являлся св. Александръ и грозно спрашивалъ: «почему онъ не хочетъ открыть въ Уфѣ монастырь?». И прокуроръ тотчасъ же обѣщалъ все уладить, и, дѣйствительно, скоро было дано разрѣшеніе на открытіе обители. Стефанидѣ была дана и сборная книга. Монастырь разрѣшили открыть, а названіе ему дать какъ-то пропустили. Когда же спросила объ этомъ сама Стефанида, то предоставили ей самой избрать названіе обители по совѣту съ о. Филаретомъ Глинскимъ. Съ радостью отправилась обратно изъ сѣверной столицы Стефанида и на пути завернула къ о. Филарету. Тотъ ее принялъ съ любовію, далъ ей для обители составленный имъ уставъ, а по вопросу о названіи обители указалъ поступить такъ: когда получите официальное разрѣшеніе объ открытіи обители, то назовите обитель отъ того богородичнаго праздника, какой будетъ первымъ послѣ полученія бумаги. Указъ былъ полученъ въ мартѣ, незадолго до Благовѣщенія, почему монастырь и былъ названъ Благовѣщенскимъ. 15 марта было назначено открытіе обители, и преосвященный велѣлъ приготовить къ этому вре-

мени и икону Благовѣщенія, но сколько ни искали, таковой найти, а тѣмъ болѣе сготовить новую не могли, и не знали, что дѣлать. Объ этомъ узнала одна изъ тѣхъ ветхихъ старушекъ, которыя жили въ монастырѣ въ своихъ домикахъ. У нея какъ разъ была семейная святыня столѣтняя икона Благовѣщенія,—эту то свою святыню старушка и принесла въ даръ юной обители. Съ радостью приняли сестры святую икону, и эта икона теперь богато украшенная, стала дорогою навсегда для обители! Иконѣ болѣе полутораста лѣтъ, предъ нею по субботамъ теперь читается богородичный акаѳистъ. Обитель была открыта, а въ 1838 г. и Стефанида была пострижена въ монашество съ нареченіемъ Филаретою, въ память о. Филарета Глинскаго. Къ этому времени у монахинь уже былъ свой хоръ, который и исполнилъ при постриженіи игуменьи своей «объятія Отча» особымъ напѣвомъ, который хранится въ обители и нынѣ. 28 августа того же года мать Филарета была возведена и въ санъ игуменіи. Постригъ м. Филареты былъ въ Сергіевской церкви, которая послѣ устройства новой монастырской церкви была перенесена на монастырское кладбище.

Такъ открылась обитель, и мать Филарета вложила всѣ силы, всю душу на устроеніе обители и установленіе ея порядковъ. Въ всемъ она слѣдовала наставленіямъ старца о. Филарета и весь строй обители поставила согласно уставу старца, сама въ всемъ и всѣмъ подавая высокій примѣръ жизни подвижнической. Заботясь о внутреннемъ благоустройствѣ обители, она понесла немало трудовъ и по внѣшнему благоустройству обители.

Сначала стали строить большую каменную церковь, но подрядчикъ оказался нечестнымъ: стѣны вывелъ тонкія, хотя игуменія на это обращала вниманіе преосвященнаго и другихъ участниковъ постройки, но на ея слова не обратили вниманія,—и не успѣли церковь освятить, какъ она уже рухнула. Поэтому игуменіею была поскорѣе выстроена до времени

Игуменія Филарета Уфимская



Уфимскій Благовѣщенскій монастырь

маленькая каменная церковь надъ воротами обители въ честь св. благовѣрн. князя Александра Невскаго—въ память бывшаго ранѣе его заступничества за юную обитель. Въ 1852 г. эта церковь и ограда и три корпуса—всѣ каменные—были закончены, при чемъ при постройкахъ всѣ сестры въ главѣ съ игуменіею сами трудились въ работахъ, самыхъ трудныхъ и черныхъ. Въ 1853 г. игуменія Филарета была награждена наперснымъ крестомъ. Въ казначеи была избрана м. Поликсенія (изъ Уфимскихъ дворянокъ), трудолюбивая, кроткая и смиренная, а благочинною была избрана мать Серафима—строгая подвижница, ходившая и зимой и лѣтомъ въ тонкой самой грубой одеждѣ и обуви. Послѣдняя скончалась 102-хъ лѣтъ, проживъ въ обители 77 лѣтъ.

Обитель при такихъ начальницахъ и помощницахъ ея быстро устроилась и внутренно настолько окрѣпла, что изъ нея уже стали брать инокинь для устроенія другихъ обителей. Такъ, сестра игум. Филареты Евдокія, въ монашествѣ Іоанникія, была назначена въ Троицкъ; послѣ нея, оставившей память старицы строгой жизни и ангельской доброты, были посланы на игуменство туда двѣ сестры. Въ Бирскъ, Царевококшайскъ—въ женскія обители игумени были взяты изъ Уфимскаго монастыря, и еще въ другія нѣкоторыя обители. Игуменія же Филарета продолжала трудиться и заботилась какъ о матеріальной благоустроенности обители, такъ особенно о внутренней жизни сестеръ. Она исходатайствовала 150 десятинъ лѣсной и сѣнокосной земли, водяную мельницу, еще 48 десятинъ земли. Посылала сестеръ въ Екатеринбургъ учиться выдѣлкѣ свѣчъ и устроила потомъ свѣчной заводъ. Особенное же вниманіе она обращала на религіозно-нравственное развитіе сестеръ и часто сама читала не только помянники у жертвенника, но и житіе за трапезою, читывала и объясняла Евангеліе, и при всякомъ удобномъ случаѣ наставляла

и вразумляла сестеръ, которыя, нерѣдко, слушая ея задушевную рѣчь, плакали отъ умиленія.

Всѣ ее любили и уважали. Великое дѣло совершила она: основала и благоустроила женскую обитель, первую въ Уфимскомъ краю, и эта обитель стала свѣточемъ въ томъ краю. Отъ нея заимствовали уставъ и обычаи многія и другія обители болѣе далекихъ въ Сибири мѣстъ.

Но никакое доброе дѣло не обходится безъ страданій для тѣхъ, кто его совершилъ. Всякому дѣлу или предшествуетъ, или сопутствуетъ, или послѣдуетъ искушеніе. За добро сильно мститъ врагъ рода человѣческаго и наноситъ жестокія скорби. Въ частности, когда не можетъ увлечь труженика въ порочную жизнь, воздвигаетъ на него бурю человѣческой злобы и клеветы... Такую бурю злобы и клеветы навелъ врагъ и на игуменію Филарету: ей настала пора испить чашу гоненій, и она мужественно ее испила, очистившись, какъ золото въ огнѣ, въ эту годину невыносимыхъ страданій!

Въ 1858 г. въ епархію прибылъ преосвященный Антоній 2-й. Что было причиною, но только онъ явился жестокимъ гонителемъ м. Филареты. Поводомъ, изъ-за котораго началось гоненіе, послужило слѣдующее. Антоній взялъ изъ Арзамаса въ Уфимскій монастырь болящую Грушеньку, которую онъ зналъ и чтилъ за сдѣланное ему предсказаніе епископства. Что его побудило сдѣлать это—неизвѣстно, но только эту рабу Божію онъ уважалъ. Прозорливая и высокой жизни эта страдалица была съ честью принята въ обители и помѣщена подлѣ монастыря; множество народа ее посѣщало и пользовалось ея совѣтами. Игуменія съ любовію ходила за ней. Эту-то рабу Божію и сдѣлалъ врагъ орудіемъ напраснаго гоненія на м. Филарету! Слава, что тли, вредно повліяла на нравственное состояніе убогой: она стала раздражительною, сребролюбивою и завела свою кружку, а затѣмъ стала проситься и жить въ самомъ монастырѣ.

Игуменія кротко ее вразумила и въ удовлетвореніи просьбы отказала. Та вспылила и нажаловалась преосвященному. Въ скоромъ времени преосвященнаго перевели, а Грушеньку отвезли обратно въ Арзамасъ, и обстоятельство размолвки съ м. Филаретою потомъ ею было горько оплакано. Но вернуть было поздно: гнѣвъ епископскій отяжелѣлъ на невинной игуменіи и съ этого начался страданія. Скоро были назначены слѣдствія пристрастныя и жестокія: игуменія послѣ многихъ оскорбленій была отрѣшена, помѣщена въ убогой келліи; избрана новая настоятельница; многія сестры были наказаны за приверженность къ м. Филаретѣ: въ обители надолго водворились плачъ и скорби. Тяжело было матери Филаретѣ, но она не жаловалась, хотя и имѣла полную возможность оправдаться, когда у нея къ тому же были сильные заступники. Она смиренно несла крестъ гоненія, давая мѣсто гнѣву, и находила утѣшеніе въ молитвѣ предъ Распятіемъ, которое и было единственнымъ убранствомъ ея убогой келліи. И Господь не оставилъ ея безъ утѣшенія: однажды ей былъ гласъ отъ креста: «Посмотри на Меня: Я былъ пригвожденъ къ кресту и безъ одежды, а ты и свободна, и одѣта». И этотъ гласъ ее очень утѣшилъ. За гласомъ свыше скоро послѣдовало и утѣшеніе въ самой жизни ея. Чрезъ 4 мѣсяца ее вызвали въ Нижегородскій монастырь, а вскорѣ въ С.-Петербургъ, и дѣло ея было разслѣдовано по Высочайшему повелѣнію: игуменія оказалась невинною. Ее назначили игуменіей въ Полтавскій Ладинскій монастырь. При этомъ Государь и Императрица м. Филарету всячески искренне успокоили и обласкали, а Императрица подарила ей образъ Владимірской Божіей Матери. Въ Уфимскій же монастырь ея не возвратили, ибо еще не улеглось противъ нея раздраженіе враговъ: ее пожалѣли. Ладинскою обителію она управляла десять лѣтъ, и много полезнаго принесло обители управленіе м. Филареты. Между прочимъ она возобновила ветхіе каменные: храмъ, колокольню, стѣны. По ея

ходатайству съ Высочайшаго разрѣшенія было отпущено обители и земли. За труды она удостоилась и наградъ. Но—ее и здѣсь ждала высшая всѣхъ наградъ—страданіе невинное за правое дѣло! Ея труды и заботы объ обители задѣли интересы многихъ, и враги стали замышлять противъ нея недоброе. Во главѣ злыхъ людей сталъ архимандритъ Паисій Густынскій. Игуменью обвинили въ злоупотребленіяхъ и отдали подъ судъ, совсѣмъ засудили было и отняли отъ нея даже прибывшихъ съ нею вѣрныхъ двухъ инокинь. Но въ это время были введены гражданскіе суды, дѣло перешло туда, и невинность игумени открылась во всемъ блескѣ! Ее оправдали и все ей возвратили. А главнаго врага постигъ и судъ Божій: его разбило параличемъ, и пять лѣтъ онъ страдалъ, питаясь изъ чужихъ рукъ, и созналъ свою вину и оплакалъ! Но послѣ этого оставаться въ Ладинской обители м. Филаретѣ было уже тяжело. Это хорошо понималъ ея покровитель м. Кіевскій Арсеній, который и пригласилъ ее на временный покой въ одну изъ кіевскихъ обителей, гдѣ она и жила до его смерти.

Такъ, устроивши обитель свою, блаженная старица испила всю жестокую чашу клеветы и гоненій и, если Господь попустилъ ей ее испить, то по великой Своей любви къ вѣрнымъ Своимъ рабамъ. Этими страданіями Филарета очистилась отъ всѣхъ слабостей и немощей, отъ которыхъ никто земной не свободенъ, вполнѣ созрѣла, чтобы опять послужить своей родной обители уже въ видѣ старицы-руководительницы въ жизни духовной, а по смерти стать ея молитвенницею и ходатаицею предъ Престоломъ Божіимъ! И Господь опять привелъ ее въ родную обитель. Враги ея уже сошли въ могилы, а сестры съ любовію ее ждали; игумения Евпраксія съ радостью приняла старицу и покоила ее до смерти. Но не на покой, а на молитвенныя труды и борьбу съ духами злобы шла старица.

И долго еще она свѣтила въ родной обители всѣмъ сестрамъ свѣтомъ своей праведной жизни, своими добрыми и глубоко жизненными совѣтами и молитвами! Съ любовію она утѣшалась истинно любящимъ отношеніемъ къ себѣ игумения Евпраксіи, которой въ высокую заслугу ставила то, что она все не только не уничтожила послѣ нея, а напротивъ поддержала и улучшила: святой старицѣ чуждо было чувство зависти и злопожелательства! Она радовалась всему. Одно только нашла она упущеніе: не читали на правилѣ, какъ ею было установлено: «иже крестомъ ограждаеми», но и это, какъ только она обратила вниманіе игумени, было возстановлено.

Такъ достигла старица глубокой старости, и врагъ уже былъ безсиленъ ей вредить. Изъ-за этого тропаря однако онъ явился ей, предъ ея умными очами, самъ и злобно говорилъ, что выгонитъ ее опять вонъ за то, что «опять начинаетъ на него лаять сама и щенятъ своихъ заставляетъ». Но на его угрозы старица смиренно отвѣтила, что «если Господу будетъ угодно, то и опять уйдетъ», осѣнила себя крестомъ, и врагъ исчезъ. Смиреніе ея навсегда побѣдило врага! А старица ничего уже такъ не любила повторять, какъ слова: «благо мнѣ, яко смирилъ мя Господь».

Незадолго до смерти она удостоилась видѣть во снѣ Матерь Божію въ прекрасномъ саду, обѣщавшую ей не оставить ея никогда. А за самое короткое до кончины ея время она видѣла во снѣ предъ тѣмъ умершаго монастырскаго священника о. Дмитрія, который подавалъ ей письмо съ золотою надписью. Старица предвидѣла свою кончину, и когда, разъ, бывшій предъ кончиною ея, князь Кугушевъ выражалъ желаніе скоро опять ее навѣстить, она сказала ему: «нѣтъ, уже вы лучше навѣстите меня второго марта». 2 марта тотъ пріѣхалъ, а она уже скончалась. Предъ смертью старица была исповѣдана, пріобщена св. Христовыхъ Таинъ, особорована, обошла всѣ келліи, со всѣми мирно сама простилась, и свято почила на 83 году жизни, 2 марта 1890 года.

Ея могилка благоговѣйно посѣщается многими и донынѣ.

Такъ блаженно скончала свое многоскорбное жизненное теченіе раба Божія, ученица великихъ старцевъ Серафима преподобнаго, новаго чудотворца, и блаженной памяти игумена Глинскаго Филарета! *).

Игуменія Параскева, первоначальница Параскево-Вознесенскаго монастыря.

(Память 28 августа).

Покойная игуменія Параскева по происхожденію своему дочь священника села Константиновки (Баруковка тожъ), Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи. Мірское имя ей было Пелагія Степановна Смирнова. Въ семьѣ своего родителя она прожила недолго. Въ 1837 г. на 13 году своей жизни она поступила въ Керенскій (Пенз. губ.) монастырь. Здѣсь юная послушница, проходя разныя свойственныя ея возрасту послушанія, постепенно готовилась къ болѣе трудной жизни взрослыхъ послушницъ. Въ 1855 г. П. Ст. Смирнова была пострижена въ рясофоръ. Впослѣдствіи въ Керенскомъ женскомъ монастырѣ ей пришлось нѣкоторое время исправлять должность казначеи. Въ Керенскомъ монастырѣ проходя разные виды монастырскаго послушанія, она полюбила иноческую жизнь и предалась ей всѣми силами своей юной души. За свою доброту, кротость и высокоблагочестивую жизнь она пользовалась всеобщею любовью въ монастырѣ. 8 лѣтъ она несла обязанности казначеи монастыря и находилась въ близкихъ отношеніяхъ къ настоятельницѣ и, такимъ образомъ, по премудрымъ планамъ Божіимъ, подготовлялась къ самостоятельному управленію монастыремъ. Въ этомъ монастырѣ покойная находилась до сентября мѣсяца 1865 г. Въ 1865 г. 4-го сентября по ходатайству М. М. Киселевой, попечительницы и жертвователь-

*) Составлено по монастырскимъ записками.

ницы и жертвователь-ницы только что открывшейся въ то время Параскево-Вознесенской женской обители, П. Ст. Смирнова была опредѣлена настоятельницею въ эту обитель. Въ этой обители покойная пробыла съ 4-го сентября 1865 г. по день своей смерти—11-е марта 1895 г.,—сначала на должности настоятельницы Параскево-Вознесенской женской общины, а потомъ въ санѣ игуменіи Параскево-Вознесенскаго женскаго общежительнаго монастыря.

Мѣстность, въ которой теперь находится монастырь, во время крѣпостного права принадлежала помѣщикамъ Струйскимъ. Здѣсь, по преданію, была обрѣтена икона св. мученицы Параскевы. — Обрѣтшій ее уволенный по болѣзни отъ службы солдатъ получилъ исцѣленіе. Православный народъ сталъ массами ходить къ этому мѣсту на поклоненіе, что очень не нравилось помѣщикамъ, потому что приходившіе мяли покосы, молодые побѣги лѣса, словомъ,—наносили владѣльцамъ земли такой или иной матеріальный ущербъ. Владѣльцы этой земли вздумали было даже уничтожить родникъ и взять отсюда икону.

Игуменія Параскева

По преданію икона была перенесена въ приходскую сельскую церковь, но оттуда опять переходила на родникъ. Икона дѣйствительно была унесена, но засыпать родникъ не удалось. Съ теченіемъ времени эта земля перешла въ руки другого помѣщика, а отъ него—въ руки крестьянъ-мордвовъ. Эти крестьяне рѣшили часть своей земли пожертвовать подъ женскій монастырь. Съ изъявленіемъ такого своего желанія крестьяне обратились къ

М. М. Киселевой, при содѣйствіи и помощи которой и было исходатайствовано Высочайшее разрѣшеніе на открытіе общины, въ которую настоятельницей и была назначена П. Ст. Смирнова. Часть земли была пожертвована и М. М. Киселевой. Крестьяне—жертводатели назначеніемъ П. Ст. Смирновой были очень недовольны по той причинѣ, что, жертвуя подъ общину землю, они думали помѣстить сюда начальницами своихъ родственницъ—дѣвицъ, которыя хотя и не были въ монастырѣ, но жили по-монашески, одѣвались въ черное платье, не употребляли мяса и пр. Несбывшіяся надежды заставили этихъ жертводателей охладѣть къ дѣлу устроенія общины, и многія ихъ обѣщанія о помощи остались только обѣщаніями.

Прибывъ къ мѣсту своего назначенія въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1865 г., П. Ст. Смирнова нашла только двѣ келейки, построенныя подъ горой около лѣса, и недалеко отсюда часовню и родникъ, въ которомъ, по преданію, былъ обрѣтенъ чудотворный образъ св. мученицы Параскевы. За келейками подымалась довольно высокая гора, когда-то покрытая строевымъ лѣсомъ, а въ то время усѣянная только оставшимися отъ него пнями.

Надобно было немало труда, энергіи и вѣры въ возможность достиженія лучшаго.

Вмѣстѣ съ инокиней Пелагеей прибыла въ ново-открытую обитель, въ качествѣ ея помощницы, другая рясофорная инокиня того же монастыря, Анисія Михаиловна Карякина, изъ купеческаго званія. Высокое, по своему значенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣримо трудное дѣло предстояло этимъ первымъ труженицамъ по устроенію новой обители. Много трудностей и невзгодъ пришлось имъ преодолѣть, много скорбей и лишеній выпало на ихъ долю на первыхъ порахъ ихъ подвижнически-трудовой жизни въ новой обители. Только усердная молитва Отцу небесному, только надежда на материнскую помощь Царицы небесной—«Всѣхъ скорбящихъ Радости», да упованіе на молитвенное ходатайство Покровительницы новоустрояемой обители, св. мученицы Параскевы, были твердою опорою въ тяжелой жизни этихъ подвижницъ, рѣшившихъ отдать всѣ свои силы, даже свою жизнь на благо новой обители. Насколько тяжело было положеніе первыхъ строительницъ обители, видно изъ того, что, прибывши къ мѣсту своего назначенія, онѣ не нашли для себя даже пристанища, не было жилого помѣщенія на мѣстѣ предполагаемой обители, онѣ нашли тамъ единственную постройку—часовню на мѣстѣ обрѣтенія иконы, у источника; даже самое мѣсто, гдѣ предполагалось построить обитель, покрыто было кустарникомъ и остатками лѣса, нѣкогда покрывавшаго всю эту мѣстность. Не имѣя матеріальныхъ средствъ на постройку, живя въ глухой, пустынной мѣстности, эти первыя строительницы—инокини явили высокопоучительный примѣръ подвижничества, терпѣливаго перенесенія жизненныхъ лишеній, скудости и разныхъ невзгодъ. Окрестное населеніе отнеслось къ этимъ первымъ насельницамъ на первыхъ порахъ недовѣрчиво, выжидательно, не зная или не понимая истинныхъ плановъ ихъ и намѣреній. Но въ скоромъ времени высоко-благочестивая, истинно-подвижническая жизнь, христіанская кротость и смиреніе инокинь стали ослаблять это недовѣріе, многіе стали ближе присматриваться къ ихъ жизни и, ознакомившись, стали проявлять глубокое уваженіе и почтительность. Среди окрестнаго населенія вскорѣ стали распространяться разсказы о подвигахъ и благочестивой жи-

Учредительница Параскево-Вознесенской обители М.М.Киселева

зни инокинь, и многія дѣвицы и женщины изъ окрестныхъ селъ стали усердно посѣщать инокинь съ цѣлью поучиться бесѣдами съ ними; явилось немало и такихъ дѣвицъ, кои пожелали жить вмѣстѣ съ ними, раздѣлить ихъ тяжелую жизнь, научиться христіанскому терпѣнію. Благодаря доброму, отзывчивому отношенію окрестнаго населенія, жизнь инокинь вскорѣ улучшилась и въ матеріальномъ отношеніи. Нашлись добрые люди, которые охотно поспѣшили на помощь и пожелали улучшить тяжелую ихъ жизнь; усердіемъ этихъ добрыхъ людей (крестьянъ изъ села Мордовской пишли) въ томъ же 1865 году построены были недалеко отъ часовни двѣ небольшія (по 7 арш.) деревянныя келліи, крытыя соломой. Въ одной изъ этихъ келлій поселилась начальница общины съ помощницей, а въ другой, отдѣленной отъ первой небольшими сѣнцами—30 новопоступившихъ изъ окреснаго населенія сестеръ. Такъ какъ эти постройки были крайне тѣсны и не могли въ своихъ стѣнахъ вмѣстить первыхъ насельницъ обители, то многія изъ молодыхъ сестеръ, особенно изъ ближайшихъ селеній, проводя скудную жизнь въ обители, на ночлегъ уходили въ ближайшее селеніе Пайгарму. Какъ проходила жизнь этихъ пустынножительницъ. Сколько тревогъ, волненій и лишеній выпало на ихъ долю, объ этомъ и говорить не слѣдуетъ; достаточно представить себѣ, какъ эти слабыя, беззащитныя женщины, поселившіяся въ глухой, пустынной мѣстности, гдѣ по общему убѣжденію бродили цѣлыя шайки людей подозрительныхъ и злыхъ, должны были снискивать себѣ скудное пропитаніе, никѣмъ и ничѣмъ не защищенныя ни отъ злыхъ людей, ни даже отъ хищныхъ звѣрей; чего, чего ни пришлось передумать, перечувствовать этимъ беззащитнымъ женщинамъ! Нельзя не благоговѣть, не преклоняться предъ энергіею этихъ кроткихъ и благочестивыхъ женщинъ. Видно, что живая, сердечная вѣра и твердая надежда на Бога всецѣло владѣли ихъ душами и руководили ихъ жизнью, и потому онѣ не знали

препятствій, не видѣли враговъ, помня слова Свящ. Писанія: «Господь—защититель живота моего, кого устрашуся? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое» (Пс. 26, 1—3). И надежда на Бога, одушевлявшая и укрѣплявшая первыхъ строительницъ новой обители, не была тщетною. Видимо Господь помогалъ подвижницамъ, и св. покровительница сего мѣста, мученица Параскева, очевидно, не оставляла ихъ своимъ молитвеннымъ предстательствомъ предъ Богомъ, являя иногда свое участіе и покровительство въ сонныхъ видѣніяхъ нѣкоторымъ изъ нихъ. Такого именно видѣнія удостоилась инокиня Анисія, помощница начальницы, въ тяжелыя минуты ея раздумья и рѣшимости даже оставить новую обитель въ виду ея неустройства и крайней скудости жизни въ ней, съ намѣреніемъ вернуться въ прежнюю свою, вполнѣ благоустроенную Керенскую обитель. Когда Анисія томилась раздумьемъ, ей во снѣ явилась св. Параскева и показала Анисіи много благоустроенныхъ на горѣ келлій (въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится зданіе съ келліями для инокинь) и между прочимъ обширную трапезную комнату, въ которой за большимъ столомъ, по обѣ его стороны, сидѣли монашествующія сестры, а на переднемъ концѣ стола сидѣла женщина необычайной красоты, въ голубомъ одѣяніи, которая, вставши съ своего мѣста, подошла къ Анисіи и сказала: «нѣтъ вамъ доли уходить отсюда, я—ваша Покровительница». При этомъ Анисія была объята чувствомъ необычайнаго восторга и умиленія, отъ которыхъ она и проснулась. Разсказанное Анисіей это видѣніе начальницѣ и сестрамъ понято было всѣми насельницами общины, какъ явный знакъ небеснаго покровительства; всѣмъ было ясно, что св. мученица Параскева не оставитъ обители и поможетъ въ трудахъ по устроенію ея. Какъ Анисія, такъ и другія сестры послѣ этого не только не думали уже объ уходѣ изъ обители съ цѣлью поселиться въ другой, болѣе

благоустроенной, но еще болѣе энергично и усердно стали работать и трудиться надъ ея благоустроеніемъ.

Главнѣйшею заботою и насущною нотребностью всѣхъ насельницъ новой обители была мысль о построеніи св. храма и введеніи постояннаго церковнаго богослуженія въ обители. Объ этомъ усерднѣе всего онѣ молились, объ этомъ онѣ болѣе всего просили и добрыхъ людей, принимавшихъ къ сердцу интересы и нужды новой обители. Господь вскорѣ услышалъ молитву инокинь, и затаенная мечта ихъ о построеніи св. храма осуществилась. Освященіе мѣста для новоустрояемаго храма совершено было 27 ноября 1865 года. Заложена была постройка деревяннаго, однопрестольнаго храма, во имя муч. Параскевы и въ честь Вознесенія Господня, отчего и монастырь получилъ наименованіе «Параскево-Вознесенскаго». Лѣсной матеріалъ для перваго храма былъ пожертвованъ почетною попечительницею общины М. М. Киселевой и безплатно перевезенъ къ мѣсту постройки окрестнымъ населеніемъ. Для образованія денежныхъ средствъ на постройку съ разрѣшенія и благословенія Епархіальнаго Архипастыря выдана была сборная книга. Чрезъ годъ постройка св. храма была окончена, и къ неописанной радости сестеръ новоустроенный храмъ былъ освященъ 11-го сентября 1866 года. При скудости матеріальныхъ средствъ первый храмъ общины не отличался ни архитектурной красотой, ни внутреннимъ убранствомъ, ни богатствомъ ризницы и утвари, но при всемъ томъ онъ доставилъ величайшую радость всей общинѣ, былъ ея радостью и счастьемъ ея насельницъ. Звонъ небольшого колокола (въ 4 пуда) разносилъ эту радость по окрестнымъ селамъ, призывая на общую молитву инокинь и поселянъ, которые, при отдаленномъ разстояніи отъ своихъ приходскихъ церквей, охотно и усердно посѣщали монастырскій храмъ. «Какъ только», передавали инокини: «услышали мы въ первый разъ голосъ матери-Церкви, призывающій вѣрныхъ чадъ своихъ, всѣ мы заплакали и пали ницъ предъ

иконою св. мученицы Параскевы, принося ей и Господу Богу благодареніе за успѣшное и скорое окончаніе храма, въ которомъ доселѣ чувствовалась настоятельная нужда. Но мы молились не одинъ: съ нашей молитвою возносилась и молитва окрестныхъ поселянъ, встрѣчавшихъ насъ прежде такъ недружелюбно. Теперь они цѣлыми толпами шли въ обитель, что, конечно, еще болѣе увеличивало нашу радость и духовное утѣшеніе». Со дня освященія св. храма, въ немъ ежедневно стали совершаться всѣ Божественныя службы, и пустынное мѣсто огласилось умилительно-благоговѣйною молитвою и стройнымъ пѣніемъ инокинь. Для совершенія богослуженія въ новоустроенномъ храмѣ Епархіальнымъ Начальствомъ тогда-же былъ назначенъ заштатный священникъ Іоаннъ Григорьевъ Юницкій. Кромѣ положенныхъ по уставу общественныхъ церковныхъ службъ, въ храмѣ ежедневно прочитывались еще, по уставу древнихъ монастырей, правила; прочитывались каноны и акаѳисты Спасителю, Божіей Матери, Ангелу-Хранителю и св. мученицѣ Параскевѣ. Кромѣ того, ежедневно совершалось молебное пѣніе Спасителю «за благотворителей и жертвователей» общины и неусыпное чтеніе псалтири. Такъ какъ ежедневное служеніе въ храмѣ для одного священника и притомъ глубокаго старца было непосильно, то нерѣдко приглашались сосѣдніе приходскіе священники.

Съ построеніемъ храма и введеніемъ постоянной церковной службы въ немъ, обитель стала быстро расширяться; число сестеръ стало быстро увеличиваться, и нѣкогда пустынное мѣсто стало покрываться монастырскими зданіями и постройками. Всѣ постройки, равно какъ и содержаніе сестеръ, производились исключительно благотвореніями добрыхъ людей и безпрестаннымъ трудомъ самихъ сестеръ. Видимо благословеніе Божіе почивало на новой обители и ея насельницахъ. Средства стали множиться, и обитель быстро стала расти и благоустрояться.

И вотъ П. Ст. Смирнова вмѣстѣ съ своей помощницей начали неустанно трудиться.

Всегда благожелательная и отзывчивая, Пелагія обладала чрезвычайнымъ тактомъ и умѣніемъ обращаться со всѣми: ее искренно любили не только сестры монастыря, но и окрестные поселяне; ее искренно уважали и чтили и всѣ посѣтители монастыря, всѣ имѣвшіе такія или иныя дѣла съ монастыремъ. Этимъ, главнымъ образомъ, и объясняются высокія симпатіи и доброе вниманіе общества къ обители. Благодаря этому вниманію общества, обитель быстро стала расти и развиваться какъ количествомъ сестеръ, такъ и монастырскими постройками. Въ 1884 г. 18 апрѣля, указомъ Святѣйшаго Синода община переименована въ общежительный женскій монастырь, а начальница ея—инокиня Пелагія возведена въ санъ игумени и пострижена въ мантію съ именемъ Параскевы, въ честь покровительницы обители св. мученицы Параскевы. Пламенѣя любовью къ Богу и ближнимъ, игумения Параскева съ особеннымъ рвеніемъ и энергіею занимались дѣлами благотворительности, мечтая о томъ, чтобы обитель могла никому ни въ чемъ никогда не отказывать.

Въ общину стали поступать и пожертвованія; когда была устроена церковь, постепенно возникли и разныя постройки; обитель, на глазахъ ея строительницы, расла и благоукрашалась все болѣе и болѣе.

Во главѣ лицъ, благодѣтельствовавшихъ обители, должна быть поставлена статская совѣтница, кавалерственная дама Марія Михайловна Киселева, матеріальными жертвами и особенно вліятельными хлопотами и успѣшными ходатайствами которой обитель получила свое основаніе. При полученіи начальственнаго разрѣшенія на устройство обители, М. М. Киселева, какъ сказано выше, пожертвовала 20 десятинъ земли, а затѣмъ, избранная почетною попечительницею новой обители, она до самой смерти не переставала заботиться о ея

благоустройствѣ, живо принимая къ сердцу нужды и интересы обители. Изъ своихъ личныхъ достатковъ на монастырскія постройки она пожертвовала 2,000 руб. наличными деньгами и своимъ вліяніемъ она привлекала немало пожертвованій на нужды обители. По смерти М. М. Киселевой, попечительницею обители была избрана ея племянница и наслѣдница А. С. Радищева, которая также съ высокимъ вниманіемъ и сердечною отзывчивостью относилась къ нуждамъ обители. Въ 1889 г. она пожертвовала въ пользу обители 30 десятинъ земли, а въ 1890 г. она пожертвовала монастырю усадьбу въ г. Пензѣ и домъ, гдѣ впослѣдствіи открыта странноприимница въ память чуднаго спасенія Царствующей Семьи 17-го октября 1888 г. Съ молитвенною благодарностью обитель вспоминаетъ имена и другихъ своихъ благодѣтелей, помогшихъ ей устроиться, и въ числѣ ихъ: жителей С.-Петербурга,—г-на Травина, пожертвовавшаго 2,000 р., Мартынова—2,000 р., Попова—400 р., москвича г. Ермакова, пожертвовавшаго 3,000 р. и др.

Теперь, чрезъ 30 лѣтъ своего существованія, обитель неузнаваема: въ ней болѣе 300 монашествующихъ, нѣсколько храмовъ, много корпусовъ для сестеръ обители, около 1000 десятинъ земли съ лѣсомъ и лугами, различныя хозяйственныя заведенія и т. п. Параскево-Вознесенскій женскій монастырь есть одинъ изъ лучшихъ благоустроенныхъ монастырей Пензенской губерніи. Игумения за благоустройство обители неоднократно получала благодарности отъ нашихъ архипастырей, награждена была саномъ игумени, потомъ наперснымъ крестомъ отъ Св. Синода и, наконецъ, таковымъ же крестомъ изъ Кабинета Его Императорскаго Величества.

Многотрудная попечительность покойной не ограничилась однимъ только внѣшнимъ устройствомъ обители. Много потрудилась покойная и по устройству внутренней жизни ввѣренныхъ ея попеченію и руководству сестеръ обители. Подавая имъ собою примѣръ точнаго исполненія обѣтовъ жизни

монашеской, она не ограничивалась однимъ только, такъ сказать, начальственнымъ отношеніемъ къ своимъ сестрамъ. Она входила въ жизнь своихъ сестеръ, какъ мать; оказывала имъ великую помощь; умѣла печальныхъ утѣшить, ослабѣвающихъ поддерживать, научить, наставить; ея бесѣды съ сестрами отличались тою задушевностью, сердечностью и искренностью, послѣ которыхъ обычно становится такъ легко, и исчезаютъ всякія сомнѣнія.

Покойная была очень отзывчива къ нуждамъ не только своихъ сестеръ, но и окрестныхъ поселянъ и, можно сказать, всѣхъ нуждающихся и неимущихъ. Такъ, въ монастырѣ была ею устроена школа съ общежитіемъ, гдѣ обучались и воспитывались дѣвицы—сироты духовнаго званія; есть церковь-школа для дѣтей окрестныхъ поселянъ, въ этой школѣ обучались мальчики и дѣвочки, а для бѣдныхъ при ней—общежитіе. Уже за одно это окрестные поселяне чтили и любили покойную. А сколько помощи было оказано окрестному населенію въ неоднократныя голодовки! Въ обители въ то время была открыта столовая и, кромѣ того, очень многимъ хлѣбъ выдавался прямо на руки.

Покойная мать игуменія, сознавая неизлѣчимость своей болѣзни, уже давно пріучила себя къ мысли, что ей скоро придется оставить сей міръ, и готовилась къ этому истинно-христіански: она за время своей болѣзни была нѣсколько разъ соборована, съ августа мѣсяца прошлаго года каждую недѣлю пріобщалась Св. Таинъ, а съ января мѣсяца 1895 года пріобщалась почти каждый день. По молитвамъ и вѣрѣ своей покойная сподобилась христіанской кончины живота своего: кончина ея была мирная и тихая, она, по словамъ лицъ, бывшихъ около ея смертнаго одра, какъ бы заснула.

11-го марта, 1895 года, скончалась настоятельница Параскево-Вознесенскаго женскаго монастыря, Инсарскаго уѣзда, игуменія Параскева на 72-мъ году жизни послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни. Въ 9 ч. утра 11 марта покойная въ послѣдній разъ пріобщилась Св. Христовыхъ Таинъ и, несмотря на крайне ослабѣвшія тѣлесныя силы, сохранила полное сознаніе до послѣднихъ минутъ жизни. Напутствовавшему ее духовнику покойная сказала: «батюшка, я въ полномъ сознаніи, но говорить мнѣ очень трудно», и при этомъ своей слабой рукой указала на грудь. Послѣ принятія Св. Таинъ покойная пожелала выслушать отходный канонъ и затѣмъ ровно въ 11 ч. тихо и мирно скончалась.

Похороны матери-игуменіи были 15-го марта. Къ этому времени вѣсть о ея смерти успѣла уже облетѣть окрестности монастыря, вслѣдствіе чего на похороны собралось немало представителей мѣстной интеллигенціи и особенно простого народа.

При погребеніи было прочитано и духовное завѣщаніе, оставленное матерью-игуменіею сестрамъ обители. Тѣло почившей было погребено противъ одного изъ алтарей каменнаго собора.

Вотъ это замѣчательное духовное завѣщаніе настоятельницы Параскево-Вознесенскаго общежительнаго монастыря игуменіи Параскевы сестрамъ обители.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Возлюбленныя мнѣ о Господѣ сестры и дщери духовныя!

Вы видите и знаете, какія скорби и болѣзни угнетаютъ меня, и день отъ дня все болѣе и болѣе. Я чувствую, что скоро оставлю эту земную и переходящую жизнь.

Нерѣдко я васъ называла: «любимицы мои». И теперь, на концѣ жизни моей говорю вамъ: «любимицы мои, примите отъ меня съ любовію, какъ отъ любящей матери, послѣднія завѣщанія и совѣты мои!

Вѣруйте въ Господа Бога, Пречистую Матерь Его и Св. угодниковъ Божіихъ. Чтите, поучайтесь жизнію и примѣрами ихъ вѣры сильной и крѣпкой, которая можетъ и горы преставлять.

Правило молитвъ церковныхъ и келейныхъ не оставляйте; чтеніе псалтири и синодиковъ не измѣняйте; молитесь ежедневно за благодѣтелей и благотворителей обители нашей.

Храните, какъ я хранила, обѣтъ нестяжательности монашеской. Заботясь о благосостояніи обители, призрѣніи безродныхъ старицъ, сиротъ и дѣтей, я для себя ничего непріобрѣла, такъ что послѣ меня не найдется даже лишней одежды.

Имѣйте послушаніе во всемъ безропотное къ настоятельницѣ, преемницѣ моей. Младшія сестры, повинуйтеся старшимъ въ кротости и смиреніи, поступайте во всемъ съ благословенія по совѣту и наставленію старшихъ и не дѣлайте ничего отъ нихъ тайно. Старшія, учите младшихъ кротости и миролюбію, да не будетъ между вами ссоръ и раздоровъ, да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ.

Будьте цѣломудренны не тѣломъ только, но и душею; будьте тверды противъ искушеній, и вы будете истинными невѣстами Небеснаго Жениха-Христа.

Завѣщаю вамъ помогать нуждающимся, принимать странныхъ, безпріютныхъ и безродныхъ старицъ, а также дѣтей и сиротъ—въ пріютъ, мною устроенный, и дѣтей поселянъ учиться въ церковь-школу. Учите ихъ словомъ и примѣромъ всѣмъ христіанскимъ добродѣтелямъ. Всѣхъ несчастныхъ и печальныхъ утѣшайте, и Господь не оставитъ васъ Своею милостію.

Вотъ, при помощи Божіей и по молитвамъ св. мученицы Параскевы, нашими общими трудами и жертвами благотворителей обитель наша въ кроткое сравнительно время благоустроилась. Въ продолженіе почти 30 лѣтъ съ помощію Божіею управляла я обителью сею, и теперь, отходя въ иную жизнь, молю Вседержителя—Господа, да почіетъ благословеніе Его надъ симъ св. мѣстомъ и надъ преемницею моею. Пусть она будетъ вамъ матерью и любящею сестрою. Помогайте ей въ дальнѣйшемъ благоустроеніи обители.

Прошу васъ непрестанно молиться о мнѣ, да проститъ мнѣ Господь мои согрѣшенія вольныя и невольныя.

По смерти моей, завѣщаніе сіе прошу прочитать предъ моимъ гробомъ въ поученіе и назиданіе всѣмъ сестрамъ обители.

Буди милость и благословеніе Божіе съ вами нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь» *).

Кіевскій юродивый странникъ Иванъ Григорьевичъ Босый.

(Память 29 августа).

Иванъ Григорьевичъ *Ковалевскій* родился въ 1807 году, въ г. Кіевѣ, гдѣ отецъ его занимался мелкой торговлей и происходилъ изъ старожилыхъ кіевскихъ мѣщанъ. Воспитывался онъ подъ призоромъ отца. Матери онъ лишился, когда ему былъ всего одинъ годъ. Дитятею онъ былъ способенъ, воспріимчивъ и веселъ, но, приходя въ возрастъ, дѣлался все угрюмѣе и скучнѣе... Храмъ Божій былъ всегда предметомъ его глубочайшей любви... Когда исполнилось 9 лѣтъ, отецъ опредѣлилъ его въ Кіевскую губернскую гимназію. Мальчикъ учился хорошо, гдѣ покончить ему не пришлось. По смерти жены, отецъ Ивана — Григорій сильно затосковалъ по ней, сталъ хирѣть и въ 1820 году скоропостижно скончался, оставивъ четырнадцатилѣтняго сына съ малолѣтнею сестрою Евдокіею. Мальчикъ изъ гимназіи вышелъ и доучиться уже не могъ. Оставшееся же послѣ смерти отца небольшое имущество было продано сиротскимъ судомъ, и вырученныя отъ продажи деньги были положены въ общественный капиталъ коммерческаго банка...

Рано лишившись родителей, Иванъ опредѣлился въ томъ же

*) См. „Пенз. Еп. Вѣд.“ 1895 г. № 17.

году въ канцелярію Кіевскаго губернскаго правленія. Цѣлыхъ два съ половиною года трудился онъ тамъ почти безвозмездно, находясь на испытаніи при столѣ уголовной части, и, несмотря на оказанное прилежаніе, хорошіе успѣхи и отличное поведеніе, все еще не былъ зачисленъ въ штатъ. Только въ 1823 году Иванъ Григорьевичъ Ковалевскій былъ, наконецъ, принятъ и зачисленъ въ штатъ *).

Съ этого времени началась для юноши жизнь полная лишеній и невзгодъ. Переписка набѣло рапортовъ и предписаній, да подшивка разныхъ бумагъ къ громадныхъ «дѣламъ», занимала всѣ дни службы. На рукахъ у него находилась сестра, которую необходимо было содержать, а ничтожнаго жалованья, выдаваемаго изъ правленія, едва хватало на квартиру и прокормленіе. Трудно пришлось юному Ивану на первыхъ порахъ жизни... Рано познакомился онъ съ горемъ.

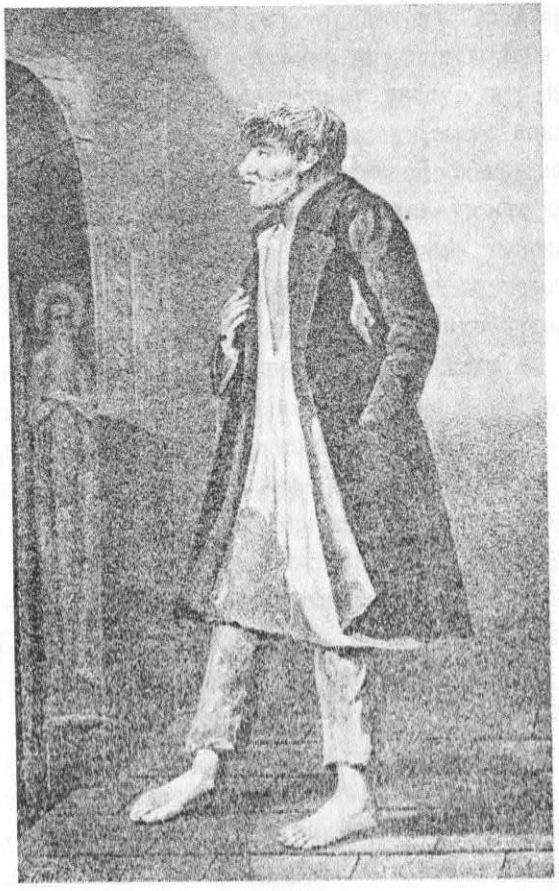
Вѣчно серьезный, строгій и замкнутый, постоянно углубленный въ думы Иванъ Григорьевичъ держался отъ всѣхъ особнякомъ и сумѣлъ удержаться отъ нехорошихъ увлеченій канцелярской молодежи. Одѣвался, какъ попало, кушалъ, что придется, а если у него оставались въ карманѣ мелкія деньги—раздавалъ нищимъ и убогимъ.

Отличій по службѣ онъ не искалъ. Однажды ему выдался случай получить маленькое повышеніе, но, будучи доволенъ своимъ положеніемъ, Иванъ Григорьевичъ отъ такой чести отказался. Товарищи узнали объ этомъ и подняли скромнаго труженика на смѣхъ.

— Сама синица дураку въ руки летѣла, да не умѣлъ дуракъ шапкою ее накрыть, — говорили ему, на что онъ имъ замѣтилъ:

— «И дуракъ ѣздитъ въ каретѣ, и умный ходитъ пѣшкомъ. Только глупые ищутъ большого мѣста, а умный и въ углу виденъ. Ѣшь — не наѣдайся, пей — не напивайся, впередъ не кидайся, въ средину не мѣшайся, да и позади

*) Арх. Кіевск. губ. правл. Д. № 7095.



Иванъ Босый

не оставайся. Объ этомъ правда Божія всѣмъ людямъ говоритъ, такъ и мнѣ она, матушка, дѣлать велитъ»...

Странный образъ его жизни вызывалъ въ сослуживцахъ его ненависть и озлобленіе. Порицаніе, насмѣшки и глумленія были ему исключительнымъ привѣтомъ со стороны товарищей. Всякій старался устроить ему какую-либо пакость. Кто подсыпалъ ему въ чернильницу песку, кто подкладывалъ ему подъ сидѣнье острыя шпильки, кто накладывалъ въ карманы его пальто клочья засаленной объѣдками пищи бумаги, а кто, просто-на-просто, пускалъ на его счетъ ѣдкія колкости и остроты и подымалъ предъ собраніемъ на смѣхъ. Вся мелочность, грязь и внутренняя нечистота канцелярскаго общежитія отражались на его невинной головѣ. Но, помня заповѣдь, Иванъ Григорьевичъ относился ко всему съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и ни на что не откликался, такъ что товарищи прозвали его «нѣмцемъ».

Въ праздничные и воскресные дни жизнь Ивана Григорьевича замѣтно измѣнялась. Губернское правленіе закрывалось, и Иванъ Григорьевичъ чуть свѣтъ спѣшилъ въ Лавру, чтобы поклониться свят. мощамъ почивающихъ въ пещерахъ угодниковъ Божіихъ. А сближеніе съ лаврскими иноками и частыя бесѣды съ опытными въ духовной жизни старцами обители умудряли и укрѣпляли его въ борьбѣ съ трудностями жизни.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Иванъ Григорьевичъ жилъ попрежнему. Являлся на службу испачканнымъ, грязнымъ, въ порванномъ платьѣ, полуголодный и худой. Входя въ правленіе и помолившись на образа, онъ немедленно садился за предназначенный ему столъ и принимался за свою работу, безъ конца шевеля губами и шепотомъ повторяя слова тайной молитвы, отчего казался со стороны какъ бы помѣшаннымъ. Сослуживцы съ презрѣніемъ отшатнулись отъ него, начальство считало его ненормальнымъ, и постепенно всѣ какъ-бы забыли о его существованіи.

Положеніе его съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе неопредѣленнымъ, натянутымъ. Окружающіе люди не понимали возвышенныхъ чувствъ его боголюбивой души, соблазнялись его наружностью, жизнью и своими враждебными дѣйствіями угнетали и оскорбляли все его беззащитное существо. И только по возвращеніи со службы домой оживлялся, съ громкимъ плачемъ на колѣняхъ передъ образомъ изливалъ онъ передъ Богомъ свои горькія думы...

Въ 1834 г. по требованію новаго строгаго начальника Иванъ Григорьевичъ Ковалевскій, на одиннадцатомъ году своей службы въ губернскомъ правленіи, вышелъ въ отставку «по болѣзни» съ чиномъ «канцеляриста». Денегъ у Ивана Григорьевича не было совсѣмъ. Ничтожный наслѣдственный капиталъ, хранившійся въ коммерческомъ банкѣ, давно былъ издержанъ на содержаніе возмужалой сестры. Но крѣпкій надеждою на Божію помощь, Иванъ Григорьевичъ не унывалъ. Онъ пристроилъ сестру по совѣту добрыхъ людей на какое-то мѣсто, а самъ пустился странствовать по святымъ мѣстамъ.

Нѣсколько лѣтъ странствовалъ Иванъ Григорьевичъ по святымъ мѣстамъ. Многія тысячи верстъ исколесилъ по Руси. Многіе десятки русскихъ монастырей обошелъ онъ пѣшкомъ.

Возвратился изъ своихъ странствованій онъ уже въ 40-хъ годахъ и водворился въ Кіево-Печерской лаврѣ. Иванъ Григорьевичъ прибылъ въ Кіевъ уже настоящимъ «рабомъ Божіимъ»—юродивымъ ради Христа.

Съ первыхъ дней своего появленія въ Лаврѣ, Иванъ Григорьевичъ сталъ проживать на братской кухнѣ, питаясь объѣдками хлѣба, лукомъ и квасомъ и за «пропитаніе» отблагодаривая приноскою дровъ, воды и другими услугами. Онъ не любилъ ходить ни къ кому, ничего не просилъ, ничего не принималъ; если же кто насильно заставлялъ его взять что-либо, — отдавалъ первому встрѣчному или ронялъ

тутъ-же, какъ бы по забывчивости. Болѣе сердобольные, провѣдавъ то мѣсто, гдѣ онъ всегда ночевалъ,—клали ему тайно хлѣбъ и сухари, а онъ только малую часть оставлялъ себѣ, прочее же раздавалъ нищимъ.

Одѣвался Иванъ Григорьевичъ такъ: на немъ была длинная красная рубаха, никогда не застегивавшаяся у ворота и покрытая сверху такой же длины чернымъ клееночнымъ полукафтаньемъ. Рубаха эта была до того изношена и грязна, что трудно было издали различить ея натуральный цвѣтъ. Разныя келейницы да усердныя богомолки, толпою ходившія лѣтомъ по стопамъ Ивана Григорьевича, всегда приставали къ нему съ просьбой «сподобить» ихъ чести вымыть на Днѣпрѣ его износившуюся рубаху, но Иванъ Григорьевичъ съ улыбкою отклонялъ предлагаемыя услуги.

— «Всякому свое и немыто—бѣло»,—говорилъ онъ въ отвѣтъ.

Зной, холодъ, дождь и непогода не заслуживали у него ни малѣйшаго вниманія, — онъ никогда не измѣнялъ своей одежды и ходилъ полунагой: лѣтомъ въ сапогахъ, зимой, наоборотъ, *босой,* за что и прозванъ былъ народомъ Иваномъ Босымъ. Ноги у него были оттого постоянно красны и казались промерзшими до мозга костей. Соболѣзновавшимъ ему онъ говаривалъ порою:

— «Ласковое слово и въ жестокій морозъ согрѣетъ, а худая рѣчь и во время жары броситъ въознобъ»...

Голову свою Иванъ Григорьевичъ ничѣмъ не покрывалъ. Въ рукахъ у него постоянно имѣлся старый канцелярскій, съ кокардою, картузъ, но онъ никогда не надѣвалъ его на голову, а неизмѣнно носилъ подъ мышкой, какъ памятку своего нѣкогда чиновнаго состоянія. Отъ этого волосы его и безъ того отъ природы жесткіе и густые, никогда не вѣдая гребня, сбились въ кучу. Когда кто-либо изъ братіи подходилъ къ нему и, вынимая изъ кармана гребень, давалъ ему расчесать волосы, Иванъ Григорьевичъ любовно отвѣчалъ тому:

— «Не надо, другъ мой, — спрячь... Для бѣднаго рода дана мать природа: вѣтеръ расчешетъ, дождикъ умоетъ»...

Однако, несмотря на внѣшнее неряшество и убогій смѣшной костюмъ, Иванъ Босый, какъ бы въ довершеніе своего юродства, носилъ на груди двое часовъ: золотые и серебряные. Гдѣ онъ раздобылъ эти часы, для чего ихъ носилъ при себѣ?—одинъ Богъ вѣсть. Говорятъ,—ихъ подарила ему одна весьма знатная особа. Когда же любопытные спрашивали его, онъ говорилъ:

— «Богатый золото носитъ, а самъ чрезъ него людей коситъ. А я — Иванъ дурачекъ — ношу чтобы дать сердцу толчекъ... Часики сердце разбудятъ, быть Богомъ богатою душу научатъ... Знай, скажутъ, душа, какъ ты зломъ хороша. Вставай, поскорѣе въ храмъ Богу молиться, не то смерть тебя глупую сейчасъ косою съ лица земли сотретъ»...

Расхаживая по монастырю, Иванъ Босый собиралъ вѣточки, щепки, мочалку, цвѣтныя стеклышки, камешки и все это дарилъ, кому вздумаетъ, съ разными притчами и поговорками, въ которыхъ было очень много умнаго и много пустяковъ. Но по отдѣленіи этой шелухи и безсмыслицы—каждый открывалъ для себя очень близкій намекъ на свое внутреннее душевное состояніе. Правда, за такое «неумѣстное» обращеніе иногда и доставалось ему отъ грубыхъ и надменныхъ людей, но никто никогда не замѣчалъ на лицѣ Ивана Григорьевича не только движенія гнѣва или страсти, но даже и признаковъ нетерпѣнія.

Ночевалъ Иванъ Григорьевичъ, гдѣ придется, но всегда на открытомъ воздухѣ, на морозѣ, снѣгу и дождѣ, пріютившись у крыльца кого-либо изъ соборныхъ лаврскихъ старцевъ. При этомъ онъ никогда не ложился на бокъ, а отдыхалъ стоя или сидя, и съ первою зарею занимающагося утра схватывался и бѣжалъ бѣгомъ въ церковь.

— «Эхъ, милые мои»!—отвѣчалъ обыкновенно Босый, когда его спрашивали о причинѣ ранняго прихода,—«плоть

грѣшная встала, со злобой на душу возстала... «Давай, говоритъ, ѣсть!»... Вотъ и пришелъ я хлѣбушко духовный добывать для нея».

Приходя въ церковь, Иванъ Григорьевичъ становился всегда впереди, у самой солеи, неподвижно вперивъ свой глубокій взоръ въ иконостасъ и алтарь. Во время же церковнаго чтенія онъ имѣлъ обыкновеніе подходить къ кучкѣ богомольцевъ и съ выраженіемъ глубокаго состраданія безмолвно всматривался инымъ въ лицо, затѣмъ поворачивался назадъ и молился за кого-то къ иконамъ. Въ табельные и высокоторжественные дни, какъ разъ передъ началомъ молебнаго пѣнія, Иванъ Босый бѣгомъ выбѣгалъ изъ церкви, подымался на Лаврскую колокольню и тамъ при каждомъ ударѣ въ большой колоколъ начиналъ отбивать земные поклоны. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не начинался трезвонъ. Но едва только звонари, получивъ сигналъ «многолѣтія», ударяли во всѣ колокола, Иванъ Григорьевичъ, какъ ужаленный схватывался со своего мѣста и, подбѣгая то къ къ одному, то къ другому звонарю, начиналъ отнимать у нихъ изъ рукъ привязанныя къ колоколамъ веревки. Получался недочетъ звуковъ, замѣтно разстраивавшій общую гармонію колокольнаго звона. За такое буйное своеволіе и непонятные выходки звонари собирались Ивана Григорьевича проучить, но, благодаря заступничеству одного инока, планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

О равнодушіи Ивана Босаго къ роскоши и о всей его нестяжательности говоритъ такой случай. Одинъ богатый купецъ привезъ ему изъ Москвы дубленый тулупъ и далъ «въ подарокъ» горсть серебра. Чтобы не обидѣть купца отказомъ, Иванъ Григорьевичъ тулупъ примѣрялъ на себя, прошелся въ немъ кругомъ Великой церкви, но когда сгустились сумерки, и наступилъ вечеръ, отправился къ зданію Лаврской канцеляріи, разложилъ полученныя деньги на мостовой въ формѣ че-

тырехконечнаго креста, а тулупъ распростеръ на землѣ, самъ же незамѣтно скрылся. Конечно недолго пролежалъ тулупъ подъ открытымъ небомъ. Тотчасъ нашлись любители даровой наживы и, натолкнувшись на эту лакомую приманку, подобрали «находку» въ болѣе приличное мѣсто.

Смѣявшимся же надъ нимъ по этому поводу юродивый говорилъ: «кто имѣетъ золото какъ раба, у того не будетъ душенька ряба. Кому-жъ золото господинъ—пропадетъ тотъ безъ Бога одинъ»...

Излюбленнымъ занятіемъ Ивана Григорьевича, въ свободное отъ молитвы время, было кормленіе хлѣбомъ привезенныхъ изъ монастырской экономіи ручныхъ журавлей, которые парочкою расхаживали по Лаврскому двору. Въ поощреніе ихъ многолѣтней при монастырѣ жизни, Иванъ Босый даже смастерилъ для нихъ маленькіе монашескіе клобучки, которые съ приличнымъ наставленіемъ навсегда возложилъ на ихъ птичьи главы, приводя этимъ богомольцевъ въ шутливое и восторженное настроеніе... Въ зимнюю же стужу, когда подымалась на дворѣ вьюга, и выпадалъ за ночь глубокій снѣгъ,—Иванъ Григорьевичъ отправлялся чуть свѣтъ на Ближнія пещеры и становился у входа ихъ на «дежурство».—«Дежурство» это заключалось не въ одной только усердной молитвѣ, но состояло еще и въ очисткѣ площади отъ сугробовъ снѣга, въ особенности же самыхъ ступенекъ пещернаго входа. Расчищалъ же онъ сидя своими босыми ногами. Когда же наступала весна, и народу въ Лаврѣ собиралось помногу, Иванъ Григорьевичъ Босый, чтобы избавиться отъ любопытства назойливыхъ почитателей,—прятался по монастырскимъ задворкамъ и сараямъ, предаваясь тайному молитвословію и только изрѣдка показывался на свѣтъ Божій, чтобы раздобыть себѣ кусокъ хлѣба или тайно прислужить кому-либо изъ старыхъ иноковъ. Особенною любовью и состраданіемъ пользовался у него нѣкто схимонахъ Лаврентій. Это былъ весьма глубокій старецъ, извѣстный въ то

время строгостью своей жизни и даромъ прозрѣнія *). Отецъ Лаврентій жилъ первоначально въ Крыму, въ одномъ изъ Черноморскихъ монастырей. Оттуда прибылъ въ Лавру, былъ опредѣленъ вратаремъ экономическихъ воротъ и сразу повелъ строгую, суровую, аскетическую жизнь. Подъ старость Лаврентій ослѣпъ, принялъ схиму и попросился въ монастырскую богадѣльню на покой, но митрополитъ Кіевскій Филаретъ, въ виду его примѣрной и назидательной для братіи жизни, оставилъ Лаврентія доживать свой вѣкъ въ той же самой келліи на экономическихъ воротахъ Лавры, въ которой прожилъ онъ болѣе 40 лѣтъ. Тяжело и неудобно было слѣпому старцу лично ухаживать за собой, и на помощь къ нему приставили молодого послушника Луку.

Когда же этотъ Лука оставилъ старца, Иванъ Григорьевичъ и явился къ нему тотчасъ по уходѣ Луки и принялся ухаживать за старцемъ; кипятилъ ему воду, носилъ изъ трапезы обѣдъ и провожалъ слѣпца за руку въ церковь. Но это продолжалось недолго: вскорѣ старецъ Лаврентій скончался, а Иванъ Босый осиротѣлъ и принялся за обычный подвигъ юродства. Днемъ онъ ходилъ по святымъ мѣстамъ Кіева, принимая отъ людей побои и оскорбленія, а ночью приходилъ на церковныя паперти и предавался молитвамъ и богомыслію.

— Неужели вамъ легко и пріятно, Иванъ Григорьевичъ, вести такую безпріютную мучительную жизнь?—съ состраданіемъ спрашивали его нѣкоторые. А Иванъ Босый имъ отвѣчалъ:

— Золото огнемъ искушается, а человѣкъ напастями... Не все то Богу любезно, что человѣку полезно... Одному мякишекъ, другому черствая корочка... Вонъ у тебя сытое тѣло,—гляди чтобы душу твою не съѣло.

*) О замѣчательномъ искушеніи его бѣсомъ подробно разсказано въ глубоко интересной книгѣ о. В. Зноско, изъ которой мы и заимствовали это жизнеописаніе.

Но сострадательные друзья не унимались и, заходя еще далѣе, предлагали ему уйти въ монастырь и постричься въ монахи. На это Иванъ Босый насмѣшливо имъ возражалъ:

— Не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ—мѣсто. Не монастырь спасаетъ человѣка, а добрыя дѣла, что творитъ онъ до конца своего вѣка. Адамъ въ раю жилъ, но согрѣшилъ, а Лотъ и въ Содомѣ спасся... Іовъ на гноищѣ отъ душевныхъ ранъ излѣчился, а Саулъ и въ роскошныхъ чертогахъ вѣчнаго вѣнца лишился... Не всѣ въ монастырѣ спасутся, не всѣ и въ міру погибнутъ...

За высокій подвигъ терпѣнія, смиренія и любви Иванъ Босый былъ награжденъ отъ Бога прозорливостью и чудотвореніемъ, проявлявшимися видимо для всѣхъ.

Вотъ нѣкоторые случаи проявленія въ юродивомъ этихъ благодатныхъ даровъ.

Входитъ однажды Иванъ Босый въ книжную лавку Лавры и блаженно улыбается.

— Чего вы усмѣхаетесь, Иванъ Григорьевичъ?—любезно спрашиваетъ у него почитатель и другъ книгопродавецъ о. Иларіонъ.

— Не скажу... Тебѣ не надобно того знать.

— Нѣтъ, ужъ вы скажите,—пристаетъ Иларіонъ.

— Не скажу... Много будешь знать, скоро состаришься...

— Да ну, скажите же, Иванъ Григорьевичъ... Ради Бога скажите...

— Ну, коли—*ради Бога*,—скажу: ходилъ я нынче по Дальнимъ пещерамъ, вижу гробовой монахъ сидитъ и молитву про себя шепчетъ... А за плечами у него такой свѣтлый Ангелъ стоитъ, такой свѣтлый,—и описать нельзя... И тоже—вмѣстѣ съ монахомъ молитву читаетъ... Вотъ отого-то у меня и на душѣ радостно, что не перевелись на Руси люди благостны...

Былъ въ то время блюстителемъ Дальнихъ пещеръ игуменъ Иннокентій. Образъ жизни его былъ поистинѣ постническій: несмотря на тѣлесныя слабости и болѣзни Иннокентій питался въ теченіе дня одною только ложкою борща и каши. Такая высокопоучительная жизнь его вызывала въ лицѣ друзей высокое, заслуженное уваженіе, а въ лицѣ враговъ—одну только злобу и ненависть. Къ сожалѣнію, послѣднихъ было болѣе, чѣмъ первыхъ, и игуменъ Иннокентій много потерпѣлъ отъ нихъ.

Этотъ то игуменъ Иннокентій сильно страдалъ головною болью. Припадки мигрени доходили до того, что онъ не въ состояніи былъ не только участвовать въ церковныхъ богослуженіяхъ, но даже прохаживаться по комнатѣ. Врачи уже не могли ему помочь. Въ одинъ изъ такихъ мучительныхъ дней, когда игуменъ въ припадкахъ болѣзненнаго состоянія стоналъ на постели и лѣзъ, что называется, «на стѣну»,—вбѣгаетъ къ нему въ келлію Иванъ Босый и садится съ ногами на диванъ. Иннокентій, увидѣвъ его, очень обрадовался и, чтобы отогрѣть дорогого гостя горячимъ чайкомъ, приказалъ келейнику ставить самоваръ. Сѣли за столъ, начинаютъ пить чай: хозяинъ изъ чашки, а Иванъ Григорьевичъ по своей привычкѣ... изъ рюмочки. Гость сидитъ себѣ да помалкиваетъ, а отецъ Иннокентій все стонетъ да охаетъ:

— Вотъ,—говоритъ,—Иванъ Григорьевичъ, горе какое. Всѣ медицинскія средства испробовалъ, съ молитвою къ Врачу Небесному прибѣгалъ,—нѣтъ облегченія... Мука такая, что упаси Богъ и врагамъ...

— Умѣлъ кататься, умѣй и саночки возить... Умѣлъ, братъ, грѣшить, умѣй теперь и каяться,—строго отвѣчалъ на это Иванъ Босый —Ну, да я, впрочемъ, и не лѣкарь, а давай голову твою посмотрю...

— Извольте, извольте, Иванъ Григорьевичъ, радостно говоритъ игуменъ Иннокентій, низко наклоняя передъ нимъ свою голову.—Жары, вотъ, не чувствую, а внутри головы страшно ломитъ.

— Гдѣ ломитъ?

— Вотъ... Здѣсь...

— Тутъ?

— Ту...

Но игуменъ—не докончилъ: Иванъ Григорьевичъ отодвинулся отъ него на полшага въ сторону, да со всего размаху какъ стукнетъ Иннокентія головой въ лобъ, у того даже искры изъ глазъ посыпались.

— Что это вы, Иванъ Григорьевичъ?!. Господь съ вами!..

— Ничего... ничего... Клинъ клиномъ вышибай...—захохоталъ въ отвѣтъ Иванъ Босый и поспѣшно скрылся за дверь.

Долго не могъ придти въ себя больной, а когда очувствовался и попробовалъ голову руками, прошелся немного по комнатѣ, боли уже не было. И понялъ тогда старецъ-игуменъ, что неспроста это Иванъ Босый такъ сильно его по головѣ лбомъ ударилъ. Ибо прошелъ день, мѣсяцъ, годъ, и болѣзнь никогда болѣе не возвращалась уже...

Слава о подвигахъ Ивана Григорьевича все росла и росла... Всякій наперерывъ спѣшилъ, чтобы взглянуть на этого дивнаго человѣка. Всякій считалъ за особенное счастье, если, появившись въ его квартирѣ, Иванъ Григорьевичъ бралъ съ собою на память какую-либо изъ домашнихъ вещей. Даже приснопамятный святитель Кіевскій Филаретъ, услыхавъ отъ людей о дивной жизни Ивана Босаго, пожелалъ ближе познакомиться съ нимъ и вскорѣ приблизилъ его къ себѣ.

Въ дни храмовыхъ праздниковъ и высокоторжественныхъ дней въ покояхъ Владыки митрополита устраивался парадный обѣдъ, на который съѣзжалось довольно значительное число военныхъ и гражданскихъ властей. По окончаніи въ Лаврѣ богослуженія гости эти собирались въ залѣ митрополичьяго дома и усаживались тамъ за столъ. При концѣ же обѣда, въ залу всегда вбѣгалъ Иванъ Григорьевичъ Босый и, подойдя къ хозяину Владыкѣ подъ благословеніе,—чинно усаживался гдѣ-либо на краю стола. Нисколько не

стѣсняясь присутствіемъ высокопоставленныхъ особъ, Иванъ Григорьевичъ преспокойно начиналъ накладывать себѣ въ тарелку все то, что стояло въ остаткахъ на столѣ, смѣшивая при этомъ воедино и кислое, и сладкое, и соленое, и горькое. Самъ святитель Филаретъ всегда радовался присутствію такого почтеннаго гостя, а знатныя и высокопоставленныя особы глядѣли на юродиваго съ большимъ уваженіемъ и даже нѣкоторымъ страхомъ. При этомъ никто даже и не подумывалъ побрезгать близкимъ сосѣдствомъ съ такою странною, смѣшною и грязною личностью, а наоборотъ — всякій спѣшилъ придвинуться къ нему поближе, наперерывъ стараясь услужить, кто чѣмъ могъ: кто предлагалъ ему вилку, кто ложку, кто кусокъ хлѣба, кто ножъ. Но Иванъ Григорьевичъ мало заботился о комфортѣ, и когда одна знатная дама, не находя на столѣ свободной чистой тарелки, предложила ему свою, Иванъ Босый учтиво замѣтилъ: «не надо, не надо, мать... Была бы корова, а подойникъ найдемъ»... И принялся доставать пальцами съ блюда ѣду, преспокойно отправляя ее въ свой ротъ и громко приговаривая: «и псы ѣдятъ крохи, падающія со стола господъ своихъ». Съ теченіемъ времени всѣ настолько привыкли къ этимъ посѣщеніямъ Ивана Босаго, что всякій считалъ это за самое обыкновенное явленіе, а наоборотъ, если онъ отсутствовалъ на обѣдѣ, то это считалось дурнымъ предзнаменованіемъ... «Участвуя» на обѣдѣ Иванъ Григорьевичъ по обыкновенію молчалъ, изрѣдка вставляя въ разговоръ свое двусмысленное замѣчаніе или отвѣчая на чей-либо вопросъ.

Наступилъ декабрь 1852 года. Зима въ томъ году была лютая, суровая, снѣжная. Владыка-митрополитъ, узнавши отъ людей, что Иванъ Григорьевичъ не имѣетъ ровно никакого пристанища и проводитъ жизнь свою почти на открытомъ воздухѣ, сжалился надъ нимъ и приказалъ отвести ему келлію подъ митрополичьими покоями. Комната была отведена. Поставили въ ней кровать, стулья, столъ, умываль-

никъ и устроили тамъ Ивана Босаго съ настоящимъ комфортомъ. Чтобы не оскорбить любвеобильнаго архипастыря своевольнымъ отказомъ, Иванъ Григорьевичъ переночевалъ въ новомъ помѣщеніи день, два, три, но, тяготясь такою, разслабляющею его закаленное невзгодами тѣло, роскошью и теплотой, задумалъ во что-бы то ни стало поскорѣе избавиться отъ этого гостепріимнаго пріюта. Для этого онъ придумалъ такое средство. Въ воскресный день раздѣлся нагимъ и ходилъ около крестовой митрополичьей церкви, чѣмъ и произвелъ большое смущеніе.

Конечно, донесли объ этомъ поступкѣ митрополиту Филарету. Владыка былъ чѣмъ-то разстроенъ и, призывая Ивана Григорьевича на допросъ, накинулся на юродиваго со строгимъ укоромъ.

— Ты что это, проказникъ, сегодня выдумалъ? Голенькимъ раздѣлся? Безстрастіе показать захотѣлъ? Лавру осрамилъ? Людей напугалъ? А?.. Я тебя, какъ человѣка Божія пригрѣлъ, а ты мою сѣдую голову на посрамленіе отдаешь. Ну, что скажешь, глупенькій мой, что?

Да что скажу?.. Идетъ бѣда, обороняйся... Пришла бѣда — смиряйся... За худую привычку и умнаго дуракомъ называютъ...

— Экъ разсудилъ: «смиряйся»... Да что мнѣ со смиренія твоего, проказникъ ты мой? Вѣдь сраму ты этимъ не смоешь? А? не смоешь?..

— Сраму-то мало, а науки было много... *И міръ проходитъ, и похоть его: а творяй волю Божію пребываетъ во вѣкъ* (1 Іоан. 2, 17)... Кошку что больше гладишь, то больше она хвостъ деретъ.

— А вотъ, чтобы она много-то не драла,—ты мнѣ комнату при покояхъ освободи, не то, миленькій мой, ты мнѣ и не такую еще каверзу выкинешь, вотъ что!..

Ивану Босому только того и надобно было. Перекрестился и пошелъ себѣ по снѣгу и морозу на дворѣ разгуливать.

Кіевскіе купцы, увидавъ Ивана Григорьевича снова безпріютнымъ, стали предлагать ему перейти къ нимъ на постоянное жительство. Но Иванъ Босый рѣшительно отклонилъ ихъ любезное предложеніе, такъ какъ зналъ, что нѣкоторые предлагали это изъ фарисейскаго тщеславія, а другіе — чтобы извѣдать его непостижимую жизнь. Вскорѣ послѣ этого онъ почувствовалъ въ себѣ упадокъ тѣлесныхъ силъ и крайнее недомоганіе, и когда одинъ изъ искреннихъ друзей и почитателей его, упомянутый выше книгопродавецъ о. Иларіонъ, замѣтилъ рѣзкую перемѣну въ его здоровьѣ, предложилъ Босому теплый уголъ,—Иванъ Григорьевичъ охотно согласился на это. Онъ давно уже видѣлъ искреннюю любовь и преданность своего неизмѣннаго друга и не могъ отказать въ его настойчивой просьбѣ, ибо «истинный другъ познается только въ несчастіи». По переходѣ на временное жительство къ о. Иларіону, эти два подвижника настолько сблизились между собой, что жили какъ настоящіе «братья о Христѣ» и во всѣхъ бесѣдахъ своихъ съ о. Иларіономъ Иванъ Григорьевичъ никогда не позволялъ себѣ выражаться многознаменательными притчами, а всегда велъ свою рѣчь понятными для каждаго словами, показывающими какъ его высокую начитанность, такъ и глубокій умъ.

Чрезъ нѣсколько недѣль Иванъ Григорьевичъ, почувствовавъ себя достаточно бодрымъ, снова сталъ скитаться по городу, изрѣдка только забѣгая къ о. Иларіону и приводя такимъ отсутствіемъ своего благодѣтеля въ невыразимую скорбь.

На уговоръ друга ослабить подвигъ онъ говорилъ: «некогда, некогда, братъ... Хочешь ѣсть на небѣ калачи—не сиди безъ дѣла на печи... Самъ знаешь:—*шесть* дней дѣлай и сотвори въ нихъ вся дѣла твоя, день же *седьмый*—Господу Богу твоему.

Другъ устраивалъ ему скромную трапезу, но блаженный мало ея касался и послѣ такихъ «обѣдовъ» обыкновенно

молился Богу, усаживался съ ногами на диванъ и начиналъ читать книгу. И чтеніе слова Божьяго глубоко ложилось въ сердцѣ блаженнаго и отражалось на его бесѣдахъ.

Разъ одинъ инокъ и говоритъ о. Иларіону при блаженномъ: «тяжело въ нуждѣ человѣку скитаться, несчастіе съ горемъ переносить».

А Иванъ Босый какъ вскочитъ, да прямо къ тому.

— Худой, безнравственный и слабосердный человѣкъ никогда не можетъ вкушать истиннаго счастья. Но человѣкъ разумный, добрый и съ крѣпкимъ сердцемъ не можетъ быть убитъ лишеніемъ и нуждою. Онъ прямо смотритъ ей въ глаза и, скрѣпя сердце и не робѣя, выступаетъ съ несчастіями въ борьбу...

— Такъ-то такъ,—говоритъ тотъ,—да гдѣ же крѣпости сердечной набраться?..

А Иванъ Григорьевичъ и подноситъ имъ раскрытое Евангеліе и показываетъ на слова.

— *Жаждай да грядетъ ко Мнѣ и да піетъ.*

Вскорѣ о. Иларіонъ, по настоянію и совѣту Ивана Босаго, принялъ схиму и, стремясь къ тишинѣ и уединенію, былъ переведенъ изъ Лавры въ лаврскую Китаевскую пустынь. Постоянно размышляя здѣсь о смерти и вѣчномъ покоѣ онъ приготовилъ для себя въ кладбищенскомъ саду могильный склепъ и обложилъ его кирпичемъ. Но, не желая и по смерти разставаться со своимъ другомъ, раздѣлилъ этотъ склепъ на двѣ ровныя части и одну изъ нихъ предназначилъ Ивану Босому, а другую — себѣ. И Иванъ Босый скончался первымъ.

Въ 1855 году Иванъ Босый съ каждымъ днемъ сталъ изнемогать и ослабѣвать физически. По всему видно было, что земная храмина его перестаетъ служить и близится къ *разрушенію*. Однако, несмотря на свою слабость и истощеніе тѣлесныхъ силъ, Иванъ Босый безпощадно томилъ свою плоть, изнуряя ее постомъ и молитвою и подвергая истяза-

ніямъ и пыткамъ. Разъ пошли они съ о. Иларіономъ на берегъ Днѣпра, усѣлись тамъ на бугоркѣ и бесѣдуютъ. Вдругъ на травѣ около нихъ показалось что-то алое, красное. Взглянулъ о. Иларіонъ внизъ и видитъ: ноги у Ивана Босаго всѣ въ язвахъ, струпьяхъ да въ крови.

— Боже мой! гдѣ это ты накололся, сердечный?

— Мало ли кузнецы гвоздей наковали...

— Ахъ, жалость моя... Пойдемъ скорѣе домой, я тебѣ тряпочкою раны перевяжу...

— Не надо... Оставь... Спаситель не такими ранами на крестѣ Свои ноженьки за насъ грѣшныхъ пронзилъ...

— Да крови-то, крови сколько!.. Гляди,—такъ и течетъ...

— И кровь пройдетъ, и мученье пройдетъ... А вотъ вѣчное мученье,—тому и конца во вѣки не будетъ...

Незадолго до своей смерти Иванъ Босый пришелъ къ своему другу и открылъ о приближеніи скорой кончины, но часа и дня своего отшествія къ Богу сообщить не захотѣлъ, а только убѣждалъ его усиленно заботиться о своей душѣ, указывая на тѣ способы и дѣла, коими особенно привлекается милость Божія. Въ эти предсмертные дни своей жизни онъ ежедневно ходилъ по пещерамъ и усердно молился Богу.

Въ концѣ мая Иванъ Босый заболѣлъ. Вскорѣ вѣсть о болѣзни Ивана Босаго разнеслась повсюду, и народъ цѣлыми толпами повалилъ къ нему въ келлію, чтобы его провѣдать. Иванъ Григорьевичъ слабѣлъ съ каждымъ часомъ и безпрерывно таялъ, какъ свѣча. Глубокія язвы и раны его тѣла не давали ему покоя и причиняли нестерпимыя мученія. Такъ продолжалось до 5 іюня. Въ этотъ день болящій Иванъ былъ соборованъ и пріобщался Св. Христовыхъ Таинъ. Почувствовавъ себя хорошо, онъ спокойно бесѣдовалъ съ приходящими къ нему людьми, а 7 іюня 1855 года, въ 7 часу вечера Иванъ Григорьевичъ Босый тихо и мирно почилъ о Господѣ... Тѣло его, отпѣтое съ подобающею честью и сопровождаемое

многочисленною толпою народа, было погребено въ саду Китаевской пустыни, въ томъ же самомъ склепѣ, который былъ воздвигнутъ для него другомъ его іеросхимонахомъ Иларіономъ, который по смерти и былъ погребенъ тутъ же *).

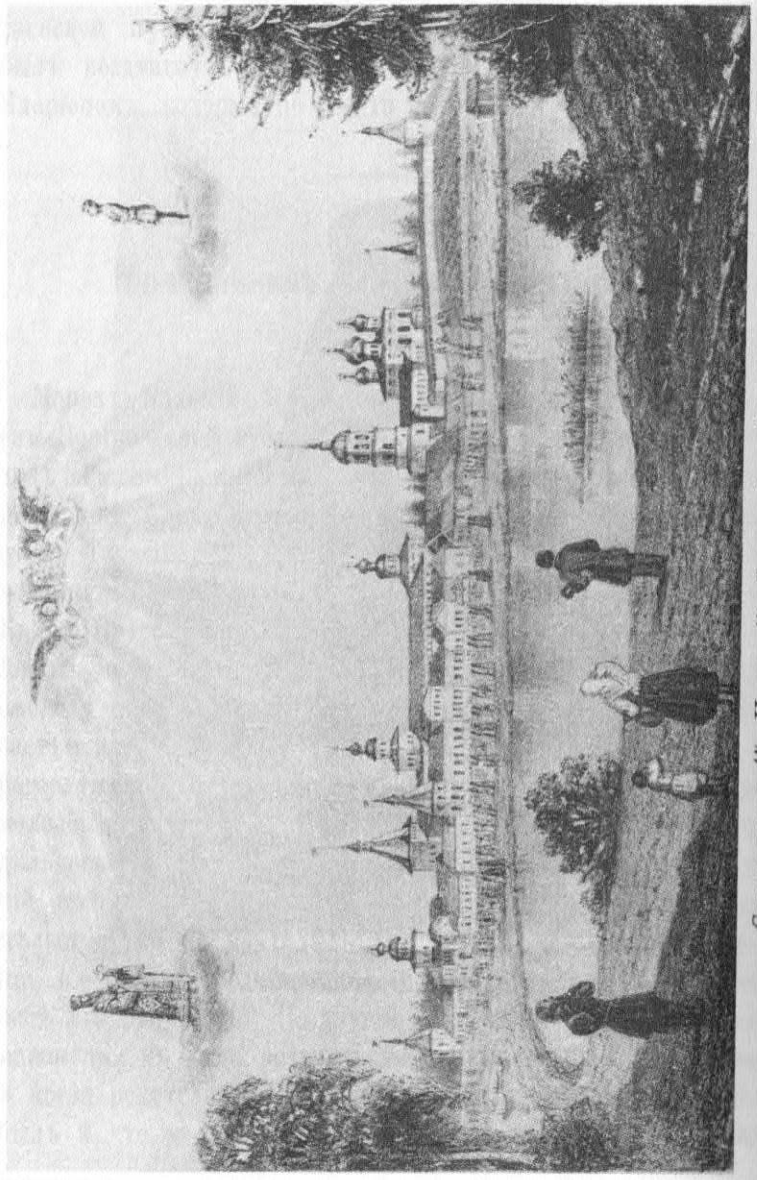
Молчальникъ Пахомій Валдайскій.

(Память 29 августа).

Монахъ Пахомій, въ мірѣ Петръ, родился въ 1809 году, (въ Новгородской губерніи, въ Боровичскомъ уѣздѣ) въ приходѣ Рютинѣ, въ деревнѣ Львовѣ, принадлежавшей тогда помѣщику Александру Ивановичу Веригину. Родители его—отецъ Тарасій, мать Домника, были крѣпостными этого помѣщика, платили ему оброкъ и занимались земледѣліемъ. Кромѣ Петра, имѣли они еще сыновей Василія, Стефана и Іоанна, и дочь, бывшую въ замужествѣ въ г. Валдаѣ. Петръ смолоду отличался тихостію и кротостію нрава, былъ очень застѣнчивъ и трудолюбивъ, любилъ бывать въ церкви при богослуженіи и удалялся гульбищъ и веселостей сельской молодежи. Помогая родителямъ своимъ въ трудахъ ихъ земледѣльческихъ, Петръ на 15 году своей жизни, въ одинъ лѣтній день пошелъ на сѣнокосъ косить траву, умедлилъ тамъ, цѣлыя сутки не приходилъ домой, чѣмъ возбудилъ недоумѣніе въ своихъ родителяхъ, не знавшихъ, чѣмъ объяснить себѣ его отсутствіе. На другой день къ вечеру пришелъ онъ, наконецъ, въ домъ родительскій задумчивый и молчаливый, и когда родители его стали спрашивать, гдѣ онъ такъ долго былъ и что дѣлалъ? онъ разсказалъ имъ нѣкоторое видѣ-

*) См. „Христа ради юродивый странникъ Иванъ Григорьевичъ, по прозванію Босой". Свящ. Влад. Зноско. Кіевъ. Тип. Кіево-Печерск. лавры, 1908 года.

Пахомій Валдайскій



Святозерскій Иверскій Богородицкій монастырь
Иверской иконы Валдайскаго уѣзда. Гравюра 1859 г.

ніе *) и притомъ сообщилъ имъ, что оно такъ его поразило, что онъ безъ чувствъ лежалъ потомъ цѣлый день и цѣлую ночь на мѣстѣ бывшаго ему видѣнія, и только къ полудню другого дня пришелъ въ себя, нѣсколько очувствовался и, чувствуя сильную слабость и трясеніе во всѣхъ своихъ членахъ, не безъ труда дошелъ съ сѣнокоса домой. Дѣйствительно, онъ сталъ неузнаваемъ послѣ этого событія: имѣлъ видъ больного человѣка: то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, по временамъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и пересталъ вовсе говорить съ своими домашними. Началъ объясняться съ ними при нуждѣ знаками, показывая руками, что ему нужно было объяснить. Сперва родители очень огорчались подобнымъ болѣзненнымъ состояніемъ своего сына, пробовали его лѣчить сельскими средствами отъ мнимой порчи, возили по знахарямъ и лѣкарямъ, но безъ всякой пользы. Петръ упорно молчалъ, и вскорѣ всѣ убѣдились, что онъ онѣмѣлъ. Такъ нѣмымъ и сталъ онъ слыть въ своемъ селѣ. Къ тому же послѣ бывшаго ему видѣнія на сѣнокосѣ совершенно здоровымъ никогда уже не былъ, постоянно былъ болѣзненнымъ. При этомъ сталъ онъ усиленно поститься и молиться: ночною порою, когда вся семья покоилась сномъ, онъ клалъ земные поклоны, плакалъ и рыдалъ, чѣмъ иногда будилъ свою мать, старавшуюся тогда успокоить своего мнимо-порченаго сына. 17-ть лѣтъ прожилъ въ подобномъ состояніи болящій Петръ въ домѣ своихъ родителей, иногда хаживалъ въ окрестные монастыри, преимущественно же въ Иверскій Валдайскій монастырь. Очень ему нравились мѣстоположеніе и чинъ богослуженія въ этой обители, и онъ три раза просился туда въ число братства, но, какъ нѣмого и болѣзненнаго, его все не принимали, что очень его огорчало. Наконецъ, въ 1842 году,

*) Находясь на сѣнокосѣ, увидѣлъ онъ, по его словамъ, внезапно сильное солнцеподобное сіяніе, осіявшее его съ высоты небесъ, въ каковомъ сіяніи предстали предъ нимъ Пресвятая Богородица и свв. апостолы Петръ и Павелъ.

по усиленной просьбѣ, былъ онъ принятъ въ число братства Иверскаго монастыря настоятелемъ архимандритомъ Иннокентіемъ и назначенъ на черное послушаніе—работать въ кухнѣ монастырской, при чемъ монастырь выплачивалъ за него оброкъ его помѣщику. Разставшись навсегда съ роднымъ поселкомъ и домомъ родителей своихъ, Петръ не обнаруживалъ особаго сожалѣнія объ этомъ; напротивъ, всѣми помыслами души своей стремился поскорѣе окончательно водвориться въ св. обители, гдѣ все его радовало и плѣняло. Самое послушаніе, которое ему назначилъ настоятель, несмотря на всю трудность его и неприглядность, принято было имъ съ радостію. Три года трудился онъ въ кухнѣ монастырской, рубилъ дрова, носилъ воду, готовилъ пищу, чистилъ и перемывалъ посуду, и трудился всегда безропотно, съ веселымъ, улыбающимся лицомъ. Не было случая, чтобы онъ чѣмъ огорчился или на кого гнѣвался, — молча исполнялъ свое послушаніе, всѣмъ старался услужить и угодить. При трудномъ своемъ послушаніи, неопустительно ходилъ въ церковь ко всѣмъ службамъ, которыя выстаивалъ всѣ до конца, стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ, поникнувъ главою къ землѣ, съ углубленнымъ въ себя взоромъ. Послѣ трехлѣтняго послушанія по кухнѣ монастырской, Петру было поручено послушаніе хлѣбеннаго, не менѣе трудное. Онъ пекъ хлѣбы и булки на всю братію, и цѣлыхъ 15 лѣтъ трудился неутомимо въ этомъ послушаніи. Здѣсь потерялъ онъ остатокъ своего здоровья,—у него открылось болѣзненное трясеніе рукъ и ногъ, которымъ потомъ и страдалъ онъ во всю свою жизнь. 18 февраля 1852 г. Петръ опредѣленъ въ число указныхъ послушниковъ Иверскаго монастыря, и привлекъ на себя вниманіе архимандрита Лаврентія, когда этотъ послѣдній былъ назначенъ настоятелемъ Иверскаго монастыря. Архимандритъ Лаврентій высоко оцѣнилъ его духовный подвигъ и позаботился дать молчальнику другое послушаніе, болѣе подходящее къ его душевному устроенію.

Онъ взялъ его изъ хлѣбни и назначилъ кружечнымъ при чудотворной иконѣ Иверскія Богоматери, что давало ему возможность большую часть времени проводить въ храмѣ Божіемъ, при чудотворной иконѣ Царицы Небесной, къ Которой обращался онъ всегда съ трогательнымъ, почти дѣтскимъ благоговѣніемъ. Но такъ какъ эта чудотворная икона почти половину года шествуетъ въ крестныхъ ходахъ по разнымъ городамъ и селамъ Новгородской и Тверской губерній, сопровождать которую приходилось въ качествѣ кружечнаго и молчальнику Петру, что видимо его тяготило и смущало, а также очень вредно вліяло на его и безъ того разстроенное здоровье, то архимандритъ Лаврентій пожалѣлъ его, и на мѣсто его назначилъ другого кружечнаго, ему же благословилъ стоять гробовымъ у раки мощей св. праведнаго Іакова, Боровичскаго чудотворца, отпирать раку его для прикладыванія къ св. мощамъ богомольцевъ, и вообще наблюдать порядокъ и чистоту при этой святынѣ. Съ великимъ благоговѣніемъ принялъ молчальникъ это святое послушаніе и несъ его неутомимо до конца своихъ дней. Въ 1865 году архимандритъ Лаврентій постригъ мнимо-нѣмого Петра въ мантію, при чемъ нарекъ ему имя Пахомій. Съ нимъ вмѣстѣ постригъ онъ въ мантію духовнаго друга его и спостника-слѣпца, который получилъ имя Филоѳея и до самой смерти о. Пахомія состоялъ съ нимъ въ самой тѣсной о Господѣ дружбѣ. Съ тѣхъ поръ монахъ Пахомій сталъ всегдашнимъ стражемъ мощей св. праведнаго Іакова, былъ именно ангеломъ-утѣшителемъ для множества приходящихъ на поклоненіе симъ св. мощамъ богомольцевъ, всѣхъ любвеобильно выслушивалъ, всѣхъ по возможности удовлетворялъ, ко всѣмъ являлъ ласку и привѣтъ, за что и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовію. Нужно было видѣть, съ какимъ терпѣніемъ и постоянствомъ выстаивалъ о. Пахомій, во дни особыхъ стеченій богомольцевъ, среди толпы ихъ, у раки мощей св. праведнаго Іакова, утѣсняемый со всѣхъ сторонъ

народомъ, и съ какою любовію съ ними обходился. «Это гости Царицы Небесной и св. Іакова», говаривалъ ему архимандритъ Лаврентій, не любившій, когда при многолюдствѣ старались останавливать усиленный приливъ толпы къ ракѣ св. мощей. О. Пахомій тоже этого не любилъ и всегда старался всѣмъ дать свободный доступъ къ св. мощамъ. Неутомимо стоялъ онъ на гробовой стражѣ у св. мощей праведника, и слишкомъ 30 лѣтъ провелъ въ этомъ святомъ послушаніи, при чемъ никогда не тяготился имъ, не пороптался, напротивъ, считалъ себя всегда особенно счастливымъ, что сподобился такой близости къ св. мощамъ угодника Божія Іакова, къ которому питалъ великую вѣру и благоговѣніе. Какъ свѣтильникъ благодатный, сіялъ онъ на своей стражѣ молитвенной у мощей Боровичскаго чудотворца: высокій ростомъ, худой тѣломъ, съ изсохшимъ обликомъ кроткаго лица, на которомъ сіяли особенно благодатнымъ выраженіемъ черные проницательные глаза, съ длинными власами и брадою, онъ напоминалъ древнихъ преподобныхъ, какъ ихъ изображаютъ на иконахъ. Келейную жизнь проводилъ онъ очень строгую и воздержную, никакой поблажки тѣлу своему не допускалъ, въ баню никогда не ходилъ, почивалъ на жесткомъ и узкомъ ложѣ, покрытомъ по голымъ доскамъ очень жидкимъ войлокомъ; пищу вкушалъ всегда въ трапезѣ монастырской, наравнѣ со всею братіею, но вкушалъ ее очень умѣренно и всего болѣе слушалъ внимательно чтеніе трапезное, при чемъ иногда такъ заслушивался, что совсѣмъ забывалъ о пищѣ, полагалъ ложку на столъ, а самъ все слушалъ. Неграмотный, имѣлъ онъ особую любовь къ слышанію всякаго чтенія божественнаго и никогда не пропускалъ случая чтеніемъ симъ напитывать во спасеніе свою душу. Отличался особою любовію и состраданіемъ къ больнымъ, умирающимъ и усопшимъ: услышитъ бывало, что кто-либо изъ братіи Иверской боленъ, спѣшитъ въ келлію его, прислуживаетъ больному, приноситъ ему пищу и питье, ставитъ самоваръ и продолжаетъ это, пока больной поправится. А если приближался больной къ смерти, то молчальникъ усугублялъ свои попеченія о немъ, услаждалъ ему своими молитвами предсмертныя минуты, самъ закрывалъ умершему глаза, омывалъ и опрятывалъ его мертвое тѣло. Всѣ такъ и знали, что если о. Пахомій зачаститъ въ келлію иного больного, то видно тому плохо, видно уже ему не встать, и такъ почти всегда бывало. Омывать и опрятывать покойниковъ было любимымъ подвигомъ молчальника: тутъ онъ привычною рукою распоряжался и все устроялъ благолѣпно, по чину иноческому. Не любилъ молчальникъ стяжанія: все, что получалъ изъ кружки монастырской, по большей части, раздавалъ то братіи, то сродникамъ своимъ, то нищимъ. Всѣ считали молчальника за нѣмого, и это видимо ему нравилось: онъ объяснялся при надобности знаками, — движеніемъ рукъ. Но знаки его мало кто вѣрно понималъ, чѣмъ молчальникъ отнюдь не оскорблялся и не смущался, а только кротко улыбнется, покачаетъ головою и отойдетъ въ сторону. Даръ слова онъ употреблялъ только при исповѣди. Духовникъ его іеромонахъ Діонисій свидѣтельствовалъ, что онъ всегда говорилъ съ нимъ при исповѣди тихо и ясно, при чемъ никакой неправильности въ произношеніи словъ у него не замѣчалось. Вообще старецъ всегда старался утаивать предъ ближними своими дары духовные, которыми видимо сталъ онъ процвѣтать за свою святую подвижническую жизнь. Іеромонахи Ѳеодосій, Лаврентій, Серафимъ, іеродіаконъ Варсонофій, слѣпецъ монахъ Филоѳей,—вотъ тѣ немногія личности, предъ которыми онъ не таился и предъ которыми иногда проявлялъ высокія благодатныя состоянія своей души. Не любилъ о. Пахомій, если кто при немъ судилъ и осуждалъ ближнихъ. Даже чай очень рѣдко и мало пилъ. Если кто изъ благодѣтелей пришлетъ ему булокъ или калачей, сейчасъ поспѣшитъ раздать ихъ братіи, себѣ ничего не оставляя. Ночью очень

мало спалъ, полагалъ многіе поклоны въ ночной тишинѣ, что замѣчали сосѣди его по келліи.—Изъ монастыря никуда не выходилъ, только разъ въ день пойдетъ съ ведромъ почерпнуть себѣ воды, а если захочетъ погулять на воздухѣ, то походитъ по двору монастырскому, послѣ чего присядетъ на лавочку у братскаго корпуса. Кромѣ болѣзненнаго трясенія въ рукахъ и ногахъ, имѣлъ онъ отъ постояннаго стоянія грыжу, отъ которой по временомъ сильно страдалъ; кромѣ того у него почти постоянно болѣли зубы. Несмотря, однако, на таковую свою болѣзненность, онъ совершенно не берегся и не лѣчился: бывало, зимою въ холодномъ подрясникѣ выстаиваетъ въ холодномъ соборѣ у мощей св. праведнаго Іакова не одинъ молебенъ, а нѣсколько, совсѣмъ застынетъ, такъ что, прійдя въ трапезу на обѣдъ, не сможетъ закоченѣвшею рукою взяться за ложку, чтобы покушать горячихъ щей, положитъ ее, и не обѣдавши пойдетъ въ свою келлію отогрѣвать на лежанкѣ свои закоченѣвшія отъ холода руки и ноги. Особенно любилъ онъ іеродіакона Варсонофія, который хаживалъ къ нему въ келлію. При встрѣчѣ съ нимъ старецъ-молчальникъ имѣлъ обычай братски цѣловать его; но когда этого не дѣлалъ, то было это признакомъ того, что Варсонофій чѣмъ-либо согрѣшилъ или въ чемъ провинился. Выдѣляясь изъ числа Иверской братіи своимъ подвижническимъ житіемъ, о. Пахомій пользовался уваженіемъ и любовію Иверскихъ настоятелей, архимандритовъ Лаврентія и Веніамина, которые сами проходили жизнь подвижническую и сочувствовали его духовному настроенію. Онъ дожилъ свой вѣкъ и скончался простымъ монатейнымъ монахомъ. Въ теченіе 20-ти лѣтъ онъ жилъ въ одной келліи въ верхнемъ этажѣ братскаго корпуса, но по распоряженію монастырскаго начальства подъ конецъ жизни своей былъ перемѣщенъ въ другую келлію, находившуюся въ нижнемъ этажѣ, низменную и сырую, которая очень вредно повліяла на его и безъ того слабое здоровье. Трудно было старцу-молчальнику жить

въ этой келліи; но онъ все терпѣлъ, рѣдко когда жаловался близкой къ нему Иверской братіи на ея неудобство, а только видимо слабѣлъ и дряхлѣлъ. Съ наступленіемъ 1886 года, о. Пахомій сталъ нѣкоторымъ изъ друзей своихъ духовныхъ прикровенно предрекать, что этотъ годъ будетъ послѣднимъ въ его жизни. Все складывалъ руки на груди, по примѣру покойниковъ, указывалъ на небо, а потомъ на землю, давая понять, что скоро душа его оставитъ сей міръ, а тѣло опущено будетъ въ землю. Въ началѣ 1886 года впервые былъ напечатанъ акаѳистъ св. праведному Іакову, Боровичскому чудотворцу, еще во дни настоятельства въ Иверскомъ монастырѣ архимандрита Веніамина. По напечатаніи этого акаѳиста положено въ Иверскомъ монастырѣ соборнѣ совершать его еженедѣльно по вторникамъ предъ ракою мощей св. праведнаго Іакова. О. Пахомій съ великимъ утѣшеніемъ отнесся къ этому молитвенному чествованію и прославленію многочтимаго имъ угодника Божія. Когда акаѳистъ читался у раки мощей св. праведнаго Іакова, старецъ-молчальникъ съ радостнымъ выраженіемъ лица всегда его выслушивалъ, показывая нерѣдко потомъ братіи рукою, какъ онъ радъ, что наконецъ и св. Іаковъ имѣетъ акаѳистъ, въ честь его составленный, какъ и прочіе великіе чудотворцы земли Русской. Въ августѣ 1886 года о. Пахомій сталъ видимо ослабѣвать въ силахъ тѣлесныхъ и очень измѣнился. Близкія къ нему лица изъ братіи Иверской желали снять съ него фотографическую карточку, но старецъ рѣшительно отъ этого отказался, замахалъ рукою и началъ плевать, что означало у него крайнюю степень неудовольствія. Впрочемъ, еще во дни настоятельства въ Иверскомъ монастырѣ о. архимандрита Веніамина, была съ него снята фотографія тайно отъ него, которая одна теперь и сохранилась у его почитателей. 16 августа, послѣ божественной литургіи, когда чудотворная икона Иверской Богоматери была вынесена изъ собора настоятелемъ обители для поставленія ея въ дорожный кіотъ,

въ которомъ имѣла она затѣмъ отправиться въ крестный ходъ, о. Пахомій на пути припалъ къ чудотворной иконѣ, прильнулъ устами къ ручкѣ Богоматери на иконѣ, и долго ее лобызалъ, какъ бы не могъ отъ нея оторваться, что нѣсколько задержало крестный ходъ и было замѣчено многими. Это было послѣднее прощаніе старца-молчальника съ благодатною святынею—чудотворною иконою Богоматери, къ которой всегда онъ особенно благоговѣлъ. 20 августа о. Пахомій такъ ослабѣлъ, что не могъ уже идти въ церковь на обычную свою гробовую службу при ракѣ мощей св. праведнаго Іакова. Онъ слегъ на свою койку и безмолвно лежалъ. Его поспѣшили напутствовать Св. Тайнами и совершили надъ нимъ таинство св. елеосвященія. Принимать пищу послѣ причащенія Св. Таинъ онъ рѣшительно отказался и только нѣсколько глотковъ воды или чаю выпивалъ въ день и такъ пребывалъ до самой своей кончины; лежалъ все на спинѣ, съ лицомъ свѣтлымъ и радостнымъ, все шепталъ что-то устами и молился Богу, обращая молитвенные свои взоры на св. иконы. О. Филоѳей, самъ подвижникъ и молитвенникъ, съ любовію сослужилъ послѣднюю службу своему другу и брату о Господѣ, ходилъ за нимъ тщательно. 28 августа вечеромъ, о. Филоѳей, идя ко всенощной на праздникъ Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, зашелъ въ келлію о. Пахомія и засталъ его стоявшимъ на колѣняхъ у изголовья своей койки, надъ которою висѣла св. икона. Придерживаясь руками за края койки, старецъ колѣнопреклоненно молился. О. Филоѳей, оставивъ его молиться, самъ пошелъ въ церковь. Выстоявъ всенощное бдѣніе, онъ опять подошелъ къ двери келліи старца, приложилъ къ ней ухо и сталъ слушать. Старецъ тихо плакалъ навзрыдъ и глубоко вздыхалъ. Филоѳей подумалъ, что это онъ молится, и не сталъ его тревожить своимъ приходомъ. 29 августа, на самый праздникъ Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, въ 5-мъ часу утра, о. Филоѳей сталъ собираться къ ранней обѣднѣ

и опять зашелъ къ старцу. Ощупывая его по слѣпотѣ своей по келліи, онъ нашелъ его стоявшимъ на колѣняхъ у изголовья койки неподвижнымъ и холоднымъ съ четками въ рукахъ. Когда собралась братія, всѣ увидѣли, что лицо почившаго было оживлено еще молитвою, и казалось, точно созерцаетъ онъ нѣкое свѣтлое небесное видѣніе, ибо пріятною улыбкою запечатлѣлись его мертвыя уста, а глаза благолѣпно были закрыты, и вообще все лицо имѣло выраженіе неземнаго покоя. Въ 6 часовъ утра большой колоколъ Иверской обители возвѣстилъ всей братіи о блаженной кончинѣ старца-молчальника, столько лѣтъ всѣхъ назидавшаго своимъ преподобнымъ подвижническимъ житіемъ. Несмотря на жаркую лѣтнюю погоду, тѣсноту келліи и многолюдную толпу, ее наполнявшую, чтобы поклониться останкамъ свято-почившаго старца, тѣло его пребывало нетлѣннымъ, не издавало ни малѣйшаго запаха и даже не измѣнилось видомъ. Чистый и свѣтлый лежалъ старецъ, наружною чистотою своего тѣла всѣмъ ясно свидѣтельствуя, что праведная душа его чистою и свѣтлою предстала предъ лице Божіе. Тѣло старца, перенесенное въ соборъ Иверской обители и тамъ отпѣтое соборомъ священно-иноковъ Иверскаго монастыря, 2 сентября, 1886 года, было предано землѣ въ могилѣ, ископанной за алтаремъ собора, рядомъ съ могилою другого именитаго подвижника Иверскаго монастыря, пустынножителя іеросхимонаха Амфилохія *).

Архимандритъ Макарій и его сподвижники.

(Память 29 августа).

Устное преданіе относитъ основаніе Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря къ XIV столѣтію, приписывая его удѣльнымъ князьямъ Оболенскимъ, отчизна которыхъ г. Обо-

*) „Душепол. Чтен.“ 1887 г.

ленскъ (нынѣ село Оболенское Тарусскаго уѣзда) находится въ 30 верстахъ отъ Малоярославца.

Пришедшій въ упадокъ монастырь былъ возобновленъ, когда игуменъ Мануилъ въ началѣ 1765 года былъ перемѣщенъ въ настоятели Тихоновой пустыни, а мѣсто его занялъ въ Николаевскомъ Черноостровскомъ монастырѣ іеромонахъ Макарій, духовникъ Крутицкаго архіерейскаго дома; онъ управлялъ сею обителью до самаго ея упраздненія въ 1775 году.

Преосвященный Евлампій, мужъ просвѣщенный и благочестивый, узнавши о единодушномъ выборѣ о. Макарія, немедленно утвердилъ этотъ выборъ, и 1-го ноября 1809 года съ нимъ перешли въ Малоярославецкій монастырь 1 іеромонахъ, 2 монаха и 4 послушника.

О. Макарій съ грустію оставилъ Оптину обитель и много скорбѣлъ о прежней тихой и безмятежной жизни, ясно сознавая всю трудность многозаботливой обязанности настоятеля, въ сравненіи съ жизнію простого инока, но, памятуя отеческое изреченіе: «послушаніе паче поста и молитвы» и свой обѣтъ, повиновался волѣ архипастыря безпрекословно. Грусть его увеличилась еще болѣе, когда онъ, войдя въ порученную ему обитель, взглянулъ на церковь, отъ времени и скудости средствъ обветшавшую, на утварь и ризницу, оставленныя безъ внимательнаго присмотра, на полуразвалившуюся колокольню, стоявшую на утесѣ у большой дороги въ Москву. Двѣ небольшія кирпичныя башни, соединенныя бревенчатымъ тыномъ, сторожили сѣверную сторону монастыря (обращенную къ Спасской слободѣ), окруженнаго съ одной стороны глубокою водяною пропастью, съ другой рвами и оврагами, изъ которыхъ сумрачно и важно высились темные вязы, осѣняя этотъ точно Черноостровской, по тогдашнему своему унылому виду, монастырь. Но о. Макарій, какъ избранникъ Божій, не упалъ духомъ: возложивъ упованіе на сказанное въ Св. Писаніи «утѣшитъ Тя нарекій

тя», онъ ревностно, но не самонадѣянно занялся устроеніемъ обители и тѣмъ оправдалъ вполнѣ надежды архипастыря, братіи и малоярославецкихъ гражданъ.

И тогда какъ оба его предшественника не успѣли или не умѣли сойтись съ мѣстнымъ благотворителемъ Т. А. Целибѣевымъ, онъ ласкою и любовію въ короткое время успѣлъ снискать полное его довѣріе съ очевидною выгодою для обители и безъ всякаго ущерба для своей настоятельской власти. При этомъ условіи дѣло возобновленія обители пошло если и не такъ скоро, но зато безостановочно и успѣшно. Т. А. Целибѣевъ, видя усердіе и хозяйственныя способности новаго настоятеля, тотчасъ же пожертвовалъ ему 2000 р.

О. Макарій, посовѣтовавшись съ другомъ своимъ Т. А. Целибѣевымъ и братіею, рѣшился приступить къ построенію новаго храма, а чтобы не остановилось въ обители богослуженіе, пристроилъ къ старому съ лѣвой стороны особую церковку въ видѣ придѣла во имя великомученицы Параскевы, нарицаемой Пятницы, послѣ чего приготовилъ планъ и фасадъ новой церкви, представилъ его въ 1811 году на утвержденіе преосвященнаго Евлампія и вмѣстѣ съ утвержденіемъ ихъ получилъ книгу на сборъ денегъ «для лучшаго въ семъ дѣлѣ успѣха».

Весна грознаго 1812 года застала мирную Малоярославецкую обитель и ея дѣятельнаго настоятеля почти врасплохъ: внутренность тѣснаго монастырскаго двора была загромождена строительными матеріалами, и небольшое братство сверхъ отправленія ежедневнаго богослуженія, слѣдуя примѣру своего неутомимаго начальника, помогало наемнымъ рабочимъ въ планировкѣ мѣстности, срытіи косогоровъ, засыпкѣ рвовъ, готовя мѣсто для закладки новаго двухъэтажнаго храма обители. Все это потребовало много времени и усилій и въ теченіе лѣта едва успѣли положить бутъ и вывести фундаментъ, какъ грозныя вѣсти, быстро слѣдуя одна за другой, начали доходить до жителей мирнаго го-

родка: Бородинское сраженіе 26 августа, занятіе Москвы и, наконецъ, 7 октября выступленіе главныхъ силъ изъ Москвы по старой Калужской дорогѣ въ Калугу, куда путь лежалъ прямо черезъ Малоярославецъ. Но не доходя до городка, Наполеонъ вдругъ съ старой Калужской дороги повернулъ на новую и 10 октября утромъ явился передъ Боровскомъ. Городъ былъ совершенно беззащитенъ. Жители, застигнутые врасплохъ, бросали дома, имущества и, спасая жизнь и честь, спѣшили укрыться кто въ окрестныхъ лѣсахъ, а кто бѣжалъ по большой дорогѣ къ Малоярославцу, отстоящему отъ Боровска въ 23 верстахъ.

Того же 10 октября въ пятомъ часу пополудни приблизились къ Малоярославцу передовые отряды французской пѣхоты, состоявшіе изъ гренадеръ 13-й девизіи генерала Дельзона, готовясь безъ выстрѣла овладѣть беззащитнымъ городомъ и приготовить въ немъ квартиру своему императору.

Но Царь царей и Господь господей судилъ иначе...

Чтобъ попасть въ Малоярославецъ, неминуемо надо было пройти деревянный мостъ на рѣкѣ Лужѣ и пуститься межъ утесистыхъ горъ. На крутой утесистой горѣ пролегала тогда изрытая, узкая дорога, трудная для въѣзда повозокъ и вовсе неудобная для артиллеріи; такая же крутая, узкая, изрытая дождемъ дорога лежала мимо стѣнъ Черноостровской обители утесистымъ, земляным отвѣснымъ валомъ, называемымъ Городищемъ. Трудный этотъ путь, огибая бѣлыя монастырскія стѣны и небольшія круглыя четырехъугольныя башни, основанныя на самомъ обрывѣ, выводилъ путниковъ на площадь къ святымъ воротамъ обители, на которыхъ изображенъ ликъ Христа Спасителя, и отъ святыхъ воротъ монастыря прямо въ городъ на соборную площадь, къ лавкамъ и присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ до 10 разъ сражающіеся схватывались мѣряться силами; гдѣ цѣлыя сутки кипѣла кровавая упорная битва; гдѣ цѣлыя сутки не переставала рѣзня, не затихали выстрѣлы и гдѣ остались одни только трупы, но не было побѣдителей и побѣжденныхъ.

По одну сторону площади красуется пятиглавый соборъ, во имя святого Георгія, а по другой—часовня (нынѣ церковь) въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы; отъ площади прямо длинная улица вытягивается къ Калужской заставѣ на дорогу въ Калугу и Медынь. Напротивъ монастыря, у самаго въѣзда въ городъ между дорогою и рѣчкою Лужею, возвышается замѣчательный, по своей величинѣ, съ площадью, утесистый курганъ, который со стороны дороги, по своему правильному отвѣсному положенію, рѣшительно недоступенъ. Отъ рѣки гребень утеса опоясанъ возвышеніемъ въ родѣ бруствера, приспособленнаго къ грудной оборонѣ; отъ поверхности же гладко отрѣзанной площади, земляной валъ понижается двумя сторонами къ рѣкѣ, но, не совпадая съ берегами, оканчивается обрубомъ у самой воды. Народъ, по преданію, называетъ это курганное возвышеніе: Городищемъ.

О. Макарій, хотя еще 6-го числа получилъ указъ изъ Калуги о приближеніи непріятеля и успѣлъ отправить цѣнныя вещи и ризницу вмѣстѣ съ другими монастырями Калужской епархіи въ Орелъ, но, не полагая, чтобы ожидаемое нашествіе послѣдовало такъ быстро и внезапно, поѣхалъ въ Калугу, явиться къ архипастырю и узнать лично, въ чемъ дѣло и куда спасаться съ братіею, въ случаѣ опасности.

Въ то самое время, какъ на обратномъ пути на одной лошадкѣ онъ приближался къ родному городу и обители, погруженный въ молитвенную думу о грядущихъ для нихъ опасностяхъ, братія его обители, предупрежденная городничимъ, зарывъ наскоро, что могли, въ землю изъ монастырскихъ вещей, собравъ свое бѣдное имущество и уложивъ его на двѣ подводы, помолившись у св. вратъ предъ ликомъ Христа Спасителя, со слезами оставили свой мирный

пріютъ. Они направились по дорогѣ въ Калугу, захвативъ съ собою домашній скотъ (коровъ) и уже въ темнотѣ, неподалеку отъ Малоярославца, они столкнулись нечаянно съ своимъ настоятелемъ и со скорбію повѣдали ему о случившемся. Съ грустію, но съ покорностію предъ неисповѣдимыми судьбами Промысла Божія о. Макарій выслушалъ печальное извѣстіе и, помолясь въ ту сторону, гдѣ осталась его опустѣвшая обитель, отправился вмѣстѣ съ братіею обратно.

Нигдѣ по улицамъ города не раздавались военные клики, ни одного грознаго орудія, ни одного знамени, призывавшаго къ защитѣ, не развивалось надъ штыками, не бросалось въ очи непріятелю, и все увѣряло Дельзона, что онъ безъ малѣйшаго сопротивленія, пройдя Боровскъ, займетъ также и Малоярославецъ. Его усатые и усталые воины были уже на пути къ мосту... Три сотни смѣлыхъ донцевъ изъ отряда генерала Иловайскаго во всю дорогу перестрѣливались съ непріятелемъ, кто бросался на мостъ, а кто вплавь по Лужѣ и вразсыпную начали подниматься и карабкаться съ своими длинными пиками, въ мохнатыхъ шапкахъ, на сухопарыхъ лошадяхъ чрезъ горы въ городъ. И вдругъ сквозь затлѣвшую солому, наваленную подъ мостомъ, изъ чернаго дыма взвилось пламя, обхватило мостъ, и твердыя сваи и спаи подгорѣли, бревенчатыя основы, соединяющія оба берега рухнули, и изумленные воины остановились съ досадою, опустивъ ружья къ ногѣ и недовѣрчиво одни изъ нихъ молча, другіе съ громкою бранью поглядывая другъ на друга, отъ нечего дѣлать становили ружья въ козлы, а казаки вскочили въ городъ, изъ котораго кто только могъ бѣжалъ, и вмѣстѣ съ ихъ появленіемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, тамъ и сямъ разостлался густымъ облакомъ по соломеннымъ крышамъ дымъ, блеснулъ огонь, и къ вечеру вся мѣстность освѣтилась пожарнымъ пламенемъ. Иноки творили молитвы и, въ сокрушеніи сердца глядя на небо, все еще медлили

оставить обитель. Трудно было разстаться съ тѣмъ, что дорого сердцу, въ чемъ одна свѣтлая надежда души, весь пріютъ и отрада жизни.

Начальникъ французскаго авангарда, не считая уничтоженіе моста за большую защиту города, а еще менѣе остановку движенія войскъ, велѣлъ наводить понтонные мосты, и понтонныя роты быстро въ двухъ мѣстахъ начали показывать свое проворство раскидывать пловучіе мосты, настилать дорогу, и французы уже готовы занять городъ.

Но случилось иначе: геройская мысль явилась у одного изъ обывателей Малоярославца—задержать побѣду наступавшихъ французовъ. Секретарь уѣзднаго суда Савва Ивановичъ Бѣляевъ, спускаясь съ крутой горы къ мельницѣ, бѣгомъ пробравшись къ мельницѣ на плотину, отдернулъ прежде одну заставку, потомъ другую, вода хлынула,—подоспѣли другіе... смѣльчакамъ понравился замыселъ Бѣляева: дружно приняlись раззорять плотину, и на 7 верстъ удерживаемая вода запрудомъ, съ свистомъ, съ шумомъ и пѣною вырвавшись изъ-за твердаго оплота, разнесла его свинцовой клокочущей своей силой, выхлынула изъ береговъ и, разлившись по лугу, наводнила мѣстность. Разорванные понтоны всплыли и поплыли врозь къ берегамъ, а нѣкоторые оторванные силою воды понеслись по теченію... Французы изумились. И въ досадѣ на неудачу повернули свои колонны и пошли ночевать къ деревнѣ Гроднѣ за 16 верстъ, другіе, расположась становищемъ, разложили огонь... Смѣлый, дальновидный виновникъ непріятельскаго отступленія, иноки и оставшіеся жители, видя удаляющихся воиновъ, крестились и спѣшили воспользоваться временемъ, что можно спасать и спасаться по Калужской дорогѣ.

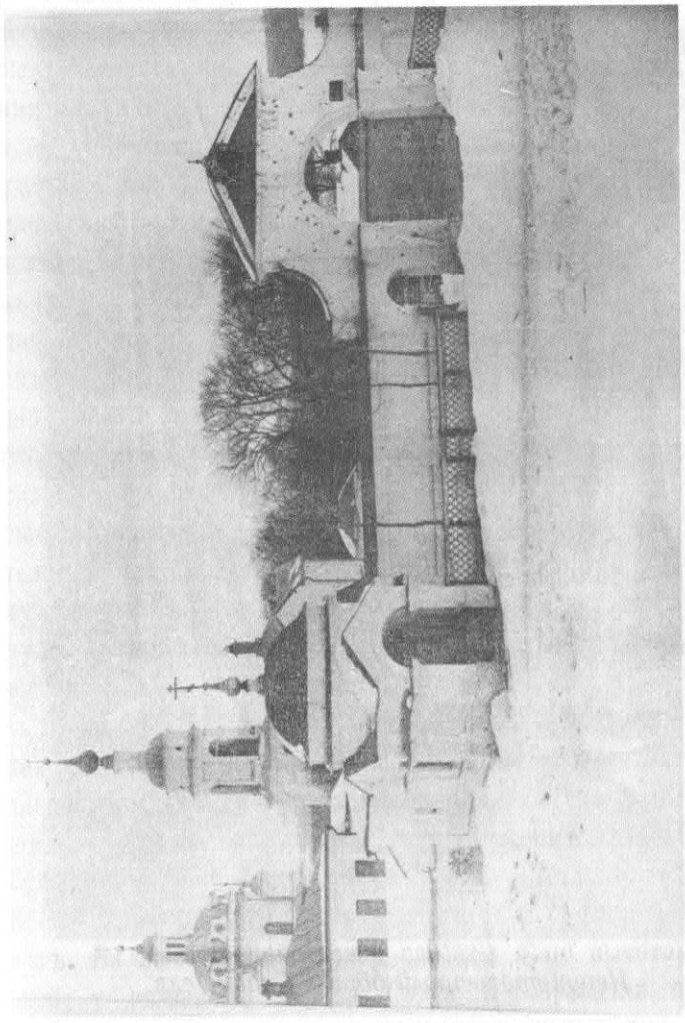
Приснопамятное Малоярославецкое сраженіе 12 октября началось съ нашей стороны въ 4 часа утра, посылкою въ городъ двухъ Егерскихъ полковъ, съ цѣлью осмотрѣть позицію занимаемую непріятелемъ и, если можно, вытѣснить

его изъ города, что и было исполнено буквально. Сраженіе продолжалось 18 часовъ сряду съ ранняго утра до поздней ночи, съ перемѣннымъ счастіемъ и равнымъ мужествомъ; съ каждой стороны было введено въ бой до 24,000 человѣкъ; потеря каждой убитыми и ранеными простиралась до 6,000 человѣкъ. Въ числѣ пропавшихъ безъ вѣсти были многіе погибшіе въ пожарѣ Малоярославца, плѣнныхъ же было очень мало, потому что съ обѣихъ сторонъ сражались съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ и не давали пощады.

Городъ, служившій мѣстомъ побоища, представлялъ картину полнаго разрушенія. Изъ 200 домовъ уцѣлѣло лишь 20. Церкви были сожжены и ограблены; на одной изъ нихъ была надпись, означавшая, что она служила конюшнею генерала Гельемино.

Никольскій монастырь также потерпѣлъ значительно: церковь ограблена, деревянное строеніе выжжено; особенно же пострадали каменныя въѣздныя ворота, на фронтонѣ которыхъ незадолго до непріятельскаго нашествія былъ изображенъ по извести ликъ Спасителя (Нерукотворенный образъ). По разсказу старца (іеромонаха Сергія) образъ этотъ написанъ на св. вратахъ незадолго до Малоярославецкаго сраженія, когда непріятель уже вступилъ въ предѣлы Россіи. «Не пишите, говорили нѣкоторые изъ горожанъ трудившемуся надъ этимъ дѣломъ живописцу (съ сыномъ); врагъ ругается надъ св. образомъ».—«Нѣтъ, отвѣчалъ вѣрующій иконописецъ, скорѣе Онъ поругается врагу», что и сбылось вскорѣ. Все вокругъ образа изъязвлено картечными и ружейными пулями, но ни одна изъ нихъ не коснулась Божественнаго Лика.

Завязался упорный бой. 19-й Егерскій полкъ, впереди котораго шелъ его полковой священникъ Васильковскій, съ Животворящимъ крестомъ въ рукахъ, вытѣснилъ непріятеля изъ средины города къ самому монастырю; обѣ стороны долго оспаривали небольшую площадь передъ его св. вратами.



Малоярославецкій Свято-Николаевскій монастырь. Святые врата. Фотографія нач. XX в.

Нерукотворенный образъ Спасителя

Генералъ Дельзонъ, видя, что войска его, тѣснимыя нашими, спускаются къ мосту, кинулся впередъ, чтобы ободрить ихъ, и въ то самое время, когда защищалъ упорно дефиле, ведущее къ рѣкѣ между монастыремъ и городищемъ, былъ смертельно пораженъ пулею въ голову; вмѣстѣ съ нимъ погибъ родной братъ его, бросившійся къ нему на помощь. Потеря вождя еще болѣе смѣшала французовъ: не удержась на горѣ, они стѣснились у монастырскихъ воротъ, ища укрыться за оградою; наши егеря ворвались туда же вслѣдъ за ними и штыками и грудью сбрасывали непріятеля въ ровъ. Въ этой то ужасной свалкѣ сотни выстрѣловъ напечатлѣлись на св. вратахъ вокругъ св. лика Христа Спасителя. Пятьсотъ пудовъ свинцовыхъ пуль собрали и продали послѣ боя безпріютные Малоярославецкіе граждане, а сколько эти пули стоили жизней. И въ эту зиму, какъ разсказываютъ старожилы, ружейными ложами отапливали печи своихъ новыхъ жилищъ. Въ отсутствіе изъ раззоренной обители ея настоятеля и братіи искатели добычи успѣли вынуть и изъ монастырской ограды три ядра и около сотни пуль, которыя о. Макарій усердно желалъ сохранить на память событія неприкосновенными.

16 октября о. Макарій, узнавъ, что обитель имъ устроенная раззорена, сожжена и разграблена, оставя Калугу, въ лаптяхъ и рясѣ, въ сопровожденіи одного послушника, спѣшилъ въ Малоярославецъ на новый подвигъ заботъ и труда. Всѣ улицы города представляли груду пепла и развалинъ. Несгорѣвшія строенія дымились еще въ пожарныхъ остаткахъ. На высотѣ Никольской слободы и по высотамъ Спасской, у развалинъ церкви Спаса Преображенія пылали и курились огромные костры непріятельскихъ тѣлъ. Окрестность, окровавленная площадь, улицы,—все было устлано мертвыми тѣлами и лошадиными трупами. Ужасно было взглянуть въ монастырскій ровъ, заваленный людьми и лошадьми! Кой гдѣ мѣстами изъ расщелинъ выходили слабые

стоны и восклицанія раненыхъ и домирающихъ. Болѣзненные вздохи терзали сердце, но вытаскивать и облегчать страданіе раненыхъ скорою помощью было невозможно. Впрочемъ, нѣсколько изъ раненыхъ были вытащены еще живыми. Остальныхъ умершихъ надо было жечь тамъ же, въ пропасти. Вѣтеръ раздулъ прахъ погибшихъ.

Долго молился о. Макарій на святыя врата, не сводя взора съ лика Спасителя, а потомъ съ должными молитвами, при содѣйствіи исправника Василія Александровича Аришова, началъ хоронить и прибирать мертвыхъ. Восемь тысячъ однихъ нашихъ положили въ трехъ курганахъ могилахъ, не считая врага испепеленнаго на кострахъ, въ огнѣ. Два кургана съ двумя простыми, деревянными, неокрашенными крестами виднѣются въ слободѣ Кисловкѣ у самаго Маріинскаго поля, а третій пространнѣе обоихъ на Безсоновскомъ кладбищѣ, возлѣ церкви св. великомученика Ѳеодора Стратилата; тоже простой деревянный крестъ, отъ времени уже погнившій, осѣняетъ прахъ защитниковъ отчизны.

Настоятель о. Макарій, затепливъ лампаду у образа Спасителя, надъ воротами обители, отслужилъ панихиду о падшихъ во брани; и съ той поры день и ночь, яркой звѣздой сіяя во тьмѣ ночной и алмазомъ сверкая при солнцѣ, горитъ неугасимо лампада. Теряясь въ раздумьѣ, онъ болѣзненно глядѣлъ на развалины монастыря, не зналъ, гдѣ взять и гдѣ искать средствъ къ возобновленію. Будущность обители была темна. Въ монастырѣ не было ни куска чернаго хлѣба, ни зерна крупы,—всѣ запасы расхищены и все цѣнное захвачено, все удобство жизни раззорено и во всемъ городѣ остались только одни печальныя признаки прошлаго быта. Въ колодцахъ и водяныхъ рвахъ въ кровавой водѣ вездѣ плавали трупы. Посланъ былъ одинъ изъ старцевъ за шестнадцать верстъ отъ города на Угадцкій заводъ за хлѣбомъ, но, съ трудомъ купленный хлѣбъ и вода, почерпнутая пригоршнями изъ ручья, не могла долго утолять голода и

быть вѣрнымъ пропитаніемъ. Необходимое возобновленіе монастыря и участь братіи вынудила о. Макарія отправиться въ Москву.

До времени братство раззореннаго Николаевскаго монастыря съ его настоятелемъ было по распоряженію Епархіальнаго начальства помѣщено на жительство въ Перемышльскомъ Троицкомъ Лютиковомъ монастырѣ у архимандрита Виталія.

Но о. Макарій, осмотрѣвъ лично свою обитель, въ которой уже при самомъ первомъ входѣ въ нее засталъ грабителей увозившихъ вещи, пощаженные огнемъ и непріятелемъ,—рѣшился, хотя и съ нуждою, водвориться въ ней немедленно, предпочитая родное пепелище чужому гостепріимному крову.

Поручая себя молитвенному покрову крѣпкаго помощника и защитника обители, святителя Николая, о. Макарій съ братіею къ празднику 6-го декабря 1812 года уже перемѣстился въ свою обитель.

Какъ мы видѣли выше, въ ней во время непріятельскаго нашествія была всего одна малая церковь (придѣльная) во имя св. великомученицы Параскевы. О. Макарій при первомъ ея осмотрѣ 16 октября нашелъ, что престолъ и жертвенникъ были обнажены, но остались на мѣстѣ; царскія двери были разломаны, рѣзьба на иконостасѣ попорчена, почему о. Макарій по водвореніи въ монастырѣ занялся исправленіемъ поврежденій: сдѣлалъ на престолъ и жертвенникъ новыя одежды (антиминсъ прежде нашествія былъ снятъ) и, приведя все въ должный порядокъ, обратился въ Консисторію съ вопросомъ: «какимъ образомъ должно ему приступить къ Богослуженію въ семъ оскверненномъ нашествіемъ непріятеля Параскевіевскомъ придѣлѣ». На это онъ получилъ указъ отъ 11 декабря того же (1812) года: «совершивъ церкви малое водосвятіе, окропить церковь внутри; затѣмъ возложить на обнаженныя непріятелемъ престолъ и

жертвенникъ одежды по чиноположенію, значущемуся въ Требникѣ Петра Могилы».

Такимъ образомъ, ровно чрезъ мѣсяцъ послѣ непріятельскаго нашествія попеченіемъ неутомимаго настоятеля было возстановлено Богослуженіе въ его полуразоренной обители.

Возложивъ все упованіе на помощь Божію о. Макарій весною 1813 года приступилъ къ вторичному возобновленію обители. Т. А. Целибѣевъ, утомленный форменными отношеніями къ дѣлу, въ которомъ онъ желалъ руководиться лишь одними сердечными побужденіями, на форменный запросъ къ нему Консисторіи: «намѣренъ ли онъ продолжать возобновленіе разореннаго монастыря», отозвался, «что онъ заниматься возобновленіемъ сего монастыря не въ силахъ». Тогда преосвященный Евлампій, постоянно поддерживавшій труды о. Макарія своимъ архипастырскимъ вниманіемъ, входя въ положеніе обители и ревнуя о ея возстановленіи, вошелъ съ представленіемъ въ Святѣйшій Синодъ, испрашивая о вознагражденіи монастыря за понесенныя имъ во время непріятельскаго нашествія убытки въ строеніи единовременнымъ пособіемъ до 3000 рублей. Вслѣдствіе этого представленія прислано при указѣ изъ Святѣйшаго Синода въ 1813 году съ другими суммами, назначенными на исправленіе разоренныхъ непріятелемъ въ Калужской епархіи монастырскихъ и прочихъ зданій, 3000 рублей; съ этими то деньгами и при пособіи доброхотныхъ дателей о. Макарій и приступилъ къ обновленію обители. Такъ въ этомъ году выстроенъ каменный двухъэтажный корпусъ съ деревяннымъ мезониномъ и подвалами длиною 36, а шириною 12 аршинъ; вверху устроены настоятельскія и для почетныхъ гостей покои, а въ нижнемъ братскія келліи, который по показанію самого о. Макарія стоитъ около 25,000 рублей; въ то же время продолжались работы и по возведенію заложеннаго въ 1812 году передъ нашествіемъ непріятеля соборнаго храма. Необходимость потребовала сломать придѣльную церковь во имя

св. великомученицы Параскевы; но лѣтомъ же была изготовлена, къ зимѣ того же 1813 года уже новая придѣльная церковка и освящена самимъ строителемъ о. Макаріемъ 23 декабря во имя преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, Печерскихъ чудотворцевъ. Въ 1814 году отошелъ ко Господу незабвенный благодѣтель Малоярославецкой обители Московскій купецъ Т. А. Целибѣевъ; чувствуя приближеніе своей кончины, онъ написалъ (10 сентября 1814 года) духовное завѣщаніе на благопріобрѣтенное имъ имѣніе и, сдѣлавъ душеприкащикомъ о. Макарія, тогда же отдалъ въ его полное распоряженіе билеты Московской Сохранной Казны на сумму 14,200 р. да отъ частныхъ людей векселей, заемныхъ писемъ и расписокъ на 56,400 рублей, а всего со включеніемъ земли и строенія, стоющаго 300 рублей, на сумму 70,900 рублей, для употребленія всей этой суммы согласно его завѣщанію на окончаніе начатаго при его жизни монастырскаго строенія.

Въ 1816 году Калужская палата Гражданскаго Суда, давая знать, что въ нее представлено изъ Малоярославецкаго городоваго магистрата на утвержденіе завѣщаніе покойнаго Целибѣева, вмѣстѣ съ тѣмъ требовала взыскать съ строителя о. Макарія слѣдующія со всей объявленной въ духовномъ завѣщаніи суммы пошлинныя 4363 руб. 50 коп. деньги и прислать ихъ въ палату. Но о. Макарій, не имѣя возможности представить немедленно требуемыхъ денегъ, какъ потому, что вся наличная сумма завѣщанная Целибѣевымъ уже была издержана, такъ и по несостоятельности векселедателей, обратился къ тогдашнему Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, князю Александру Николаевичу Голицыну, съ прошеніемъ объ исходатайствованіи Монаршей милости въ пользу монастыря.

Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго о семъ доклада Г. Оберъ-Прокурора покойный Государь Императоръ Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ царскимъ словомъ: «Закона перемѣнить не могу, но принявъ въ особенное вниманіе, что подъ стѣнами сего

самаго монастыря неоднократно переходившаго въ руки непріятеля, и наконецъ содѣлавшагося мѣстомъ достославнаго пораженія и побѣды», Высочайше повелѣлъ выдать изъ Государственнаго Казначейства 10,000 р., какъ на уплату пошлинныхъ денегъ 4363 р. 50 к., требуемыхъ Калужскою палатою, такъ и въ пособіе на исправленіе монастырскихъ зданій.

Этою Монаршею милостію и высокимъ вниманіемъ къ возстановляемой обители дѣятельность о. Макарія получила новыя силы къ продолженію начатыхъ трудовъ, и надобно полагать, что въ это то время созрѣлъ въ головѣ его планъ о построеніи нынѣшняго величественнаго соборнаго храма; это тѣмъ вѣроятнѣе, если принять въ соображеніе относящійся къ тому времени вышеупомянутый отзывъ Государя о Малоярославецкой обители, который служилъ для старца удостовѣреніемъ, что историческое значеніе обители не есть одна мечта высокой души его, но что отселѣ она уже запечатлѣна царскимъ словомъ и жертвою.

Тотчасъ по минованіи непріятельскаго нашествія, о. Макарій приступилъ къ обновленію монастыря, и дѣло это шло у него безостановочно и успѣшно; вышеупомянутыя средства служили лишь основою того, что о. Макарій издержалъ на вознагражденіе обители, при пособіи благотворителей «всякаго чину людей», которыхъ онъ успѣлъ возбудить къ участію въ судьбахъ своей исторической обители. Исчислимъ, хотя кратко, что сдѣлано имъ съ 1814 по 1825 г.

Кромѣ упомянутаго корпуса, въ 1814 г. построена вновь съ основанія каменная по правую сторону св. воротъ теплая церковь о двухъ придѣлахъ: первый внизу въ честь Корсунскія Божія Матери, а второй вверху во имя преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ съ прикладкою къ ней за ограду небольшой башни.

Въ 1815 г., противъ этой церкви, построены больничныя каменныя келліи; внизу устроенъ каменный со сводами подвалъ, а подлѣ самыхъ келлій за ограду каменная башня;

покрыты желѣзомъ и окрашены. Съ отдѣлкою половъ, дверей, рамъ, печей и со штукатуркою внутри употреблено на этотъ корпусъ 9 т. руб. съ небольшимъ.

Въ 1816 г. выстроенъ по правую сторону каменный съ деревяннымъ, посрединѣ на обѣ стороны, мезониномъ двухъэтажный братскій корпусъ въ соотвѣтственность съ настоятельскимъ шириною въ 12, а длиною въ 36 аршинъ, покрытый желѣзомъ и выкрашенный. Въ корпусѣ вверху въ мезонинѣ братская рухольня, въ срединѣ братскія келліи и братская же трапеза съ кухнею, а внизу каменные погреба, для огородныхъ овощей. Съ подѣлкою изразцовыхъ печей, оконъ и лѣстницъ, стоитъ корпусъ болѣе 19 т. руб.

Въ томъ же году сдѣлана каменная въ полтора аршина толщиною ограда монастырская, простирающаяся по правую сторону отъ теплой церкви до братскаго корпуса, а по лѣвую отъ больничныхъ келлій до настоятельскаго корпуса съ двумя каменными башнями, кои покрыты тесомъ и выкрашены (до 5 т. р.).

Въ 1817 г. построенъ кругомъ каменною стѣною обнесенный конный дворъ, съ каменною для людей избою, каменною же конюшнею на 14 стойлъ, съ сараями и поднавѣсами, покрытый тесомъ (стоитъ болѣе 7 т. руб.).

За монастыремъ подъ горою устроенъ скотный домъ деревянный, кругомъ огороженный и покрытый тесомъ.

На задней оградѣ монастыря, что въ виду съ возвышенностей отъ Московской дороги, построена новая каменная большая башня, и какъ эта, такъ оставшіеся послѣ раззоренія непріятельскаго сараи и погреба покрыты желѣзомъ и окрашены.

Начатая въ 1817 г. монастырская надъ св. воротами каменная трехъярусная колокольня окончена въ 1821 году, всею каменною отдѣлкою съ покрытіемъ купола, шпиля и карнизовъ бѣлымъ желѣзомъ.

Въ оврагахъ на ключахъ подлѣ монастыря устроены три

рыбныя сажалки, съ утвержденіемъ на нихъ трехъ высокихъ плотинъ.

Кругомъ монастыря на правой сторонѣ вновь заведенъ фруктовый садъ съ выпланированіемъ подъ него на оврагахъ 3 десятинъ и съ обгородкою вокругъ толстымъ деревомъ.

Въ 1823 г. по утвержденному плану и фасаду начата соборная, во имя святителя Николая, церковь каменная двухъэтажная, которая выведена уже до сводовъ верхняго этажа, и на которую въ теченіе двухъ лѣтъ употреблено уже болѣе 45 т. руб., да заготовлено для окончанія оной необходимо нужнаго матеріала слишкомъ на 5 т. руб.

На пожертвованной монастырю землѣ по причинѣ крайне стѣсненнаго его мѣстоположенія, окруженнаго съ двухъ сторонъ рвами, построенъ для поддержки на будущее время монастыря домъ, за монастыремъ, примыкающій къ конному двору и монастырскому саду, весь каменный покрытый желѣзомъ и зеленою краскою.

Сверхъ всего выше означеннаго пріобрѣтено о. игуменомъ Макаріемъ четыре колокола, изъ коихъ большой въ 251 п. вѣсомъ, за нимъ слѣдующій въ 172 пуда, средній въ 87 п. и меньшій въ 47 пуд.; для церковной утвари серебряныхъ издѣлій, состоящихъ въ вѣнцахъ, крестахъ, потирахъ, евангеліяхъ и прочемъ, болѣе полутора пуда серебра, и значительное количество ризъ церковныхъ и другихъ облаченій парчевыхъ и штофныхъ; на вѣчное обращеніе изъ процентовъ, для поминовенія и устроенія обители, поступило вновь сверхъ вышеозначенныхъ капиталовъ еще 30,000 руб.

Рядомъ съ этимъ шло также безостановочно съ 1814 по 1822 годъ возведеніе каменнаго соборнаго двухъэтажнаго храма, заложеннаго еще весною 1812 г. Въ одной изъ монастырскихъ бумагъ 1818 года видно, что въ это время нижній храмъ уже былъ готовъ вчернѣ, и изготовлялся для него иконостасъ, какъ вдругъ постройка остановилась... По словамъ старожиловъ поводомъ къ этому было будто бы то,

что отъ внезапной осадки фундамента подѣлались трещины въ сводахъ, на которыхъ надобно было утверждать второй этажъ. Можетъ быть и такъ, но какъ бы ни было, а создавшійся въ теченіе 8 лѣтъ (съ 1814 по 1822 г. включительно) храмъ былъ разобранъ до основанія и въ 1823 г. вторично заложенъ соборный храмъ по новому плану, утвержденному въ томъ же году преосвященнымъ Филаретомъ, епископомъ Калужскимъ и Боровскимъ.

Построеніе этого храма сдѣлалось задачей всей жизни трудолюбиваго и Боголюбиваго старца, главнымъ предметомъ его думъ, заботъ и попеченій; о совершеніи сего дѣла онъ молился въ храмѣ и въ тиши келейнаго уединенія, имъ былъ занятъ съ ранняго утра до поздняго вечера, ѣздилъ для сборовъ въ Москву и, возвратясь, съ усиленною дѣятельностью принимался за продолженіе работы, писалъ, къ кому только могъ, отъ высшихъ до низшихъ, прося, моля и убѣждая внести свою лепту на дѣло, которымъ желалъ увѣковѣчить память мѣста, послужившаго предѣломъ нашествія французовъ.

Богъ благословилъ намѣренія и труды старца, хотя ему однако и не суждено было видѣть полнаго осуществленія своей мысли,—можетъ быть для того, да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ.

«Но тѣмъ не менѣе святое дѣло совершилось, и Николаевскій храмъ изъ рода въ родъ будетъ напоминать о славномъ событіи, а величественный видъ его заставитъ невольно всякаго спросить объ имени строителя, прахъ котораго покоится подъ сводами святилища, рядомъ съ другимъ незабвеннымъ благодѣтелемъ Малоярославецкой обители Т. А. Целибѣевымъ, благочестивая щедрость котораго положила начало обители и храму»,—писалъ первый историкъ обители, о. архимандритъ Леонидъ.

Изъ сборщиковъ того времени особенной памяти Николаевской обители заслуживаетъ монахъ Іоанникій, который почти постоянно проживалъ съ этою цѣлью въ Москвѣ и пользовался

особымъ расположеніемъ московскихъ гражданъ, въ особенности же купеческаго сословія. Память о о. Іоанникіи и расположеніе къ нему въ 1861 г. проявились особеннымъ образомъ: одинъ изъ Московскихъ жителей, пользовавшійся духовными назиданіями о. Іоанникія, поручилъ о. протоіерею Московскаго Архангельскаго собора 2000 руб. серебромъ съ тѣмъ, чтобы на эту сумму чрезъ посредство его была воздвигнута въ обители надъ могилою покойнаго старца часовня, въ которой теплилась бы неугасимая лампада и совершалось въ положенные дни о упокоеніи души преставльшагося церковное поминовеніе. Тогда же была пожалована и ризница.

Ризница эта изъ зеленой матеріи съ золотыми крестами, была прислана въ Калужскую духовную консисторію отъ Министра Императорскаго Двора, при отношеніи князя Волконскаго, а изъ консисторіи къ настоятелю монастыря игумену Макарію при указѣ отъ 21 марта 1827 г. Въ отвѣтномъ отъ настоятеля донесеніи въ консисторію отъ 12 апрѣля того же 1827 года сказано, что: «за изъявленіе Монаршей милости отправлено благодарственное молебствіе соборнѣ».

Продолжая изыскивать средства къ приведенію въ окончаніе внутренней отдѣлки храма, о. Макарій до послѣдняго дня своей жизни продолжалъ трудиться надъ исполненіемъ своего плана, не уклоняясь нимало отъ его осуществленія и въ самомалѣйшихъ частностяхъ.

А между тѣмъ здоровье его, разстроенное непрерывными напряженными трудами, видимо истощалось, «какъ лампада, раздуваемая вѣтромъ». Старецъ прожилъ одно лѣто въ Москвѣ, гдѣ пользовался минеральными водами, хлопоча въ то же время о сборѣ на храмъ, и, возвратясь въ обитель, съ удвоенною ревностію принялся за любимое дѣло. Смерть застала его не на одрѣ, а среди обычныхъ трудовъ. Онъ мирно скончался на рукахъ имъ собранной и любившей его, какъ попечительнаго отца, братіи 27 августа 1839 года на

Архимандритъ Макарій

Игуменъ Пафнутій

74 году отъ рожденія и погребенъ внизу подъ сводами созданнаго имъ Николаевскаго храма, рядомъ съ возстановителемъ обители, Московскимъ купцомъ Целибѣевымъ. Память этихъ мужей написана неизгладимыми чертами въ лѣтописи Малоярославецкой обители, а особенно въ сердцахъ ея иноковъ, и Николаевскій храмъ, созданный по мысли о. Макарія, по его плану и подъ его личнымъ наблюденіемъ при пособіи Целибѣева, отказавшаго обители почти все свое достояніе, служитъ лучшимъ памятникомъ ихъ благочестія, ревности къ дѣлу Божію и полезной дѣятельности.

Изъ позднѣйшаго времени особенно замѣчателенъ въ этой обители подвижникъ—игуменъ о. Пафнутій, о которомъ имѣются только формулярныя свѣдѣнія. Вотъ они:

Пафнутій, въ мірѣ Петръ Осмоловскій, былъ родомъ изъ дворянъ Черниговской губерніи, города Глухова. Оставилъ міръ въ молодыхъ лѣтахъ, поступилъ на жительство въ Козельскую Оптину пустынь; опредѣленъ въ число братства ея указомъ отъ 29 января 1836 года. Постриженъ въ монашество 27 мая 1839 года; рукоположенъ во іеродіакона 8 сентября того же года, а въ іеромонаха 30 января 1843 года. Въ 1853 году, 30 ноября, назначенъ начальникомъ Оптинскаго скита и указомъ 26 февраля 1854 года опредѣленъ духовникомъ обители. Въ 1855 году награжденъ набедренникомъ. Въ 1862 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ по указу Святѣйшаго Синода, основанному на представленіи преосвященнаго Григорія, епископа Калужскаго и Боровскаго, назначенъ настоятелемъ Малоярославецкаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ игумена (21 ноября).

О. Макарій былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ обновителя Оптиной пустыни, о. игумена Авраамія. Въ бытность здѣсь онъ чудесно былъ спасенъ отъ смерти. Вотъ какъ это произошло. Во время обновленія Оптиной пустыни приснопамятнымъ настоятелемъ ея о. Авраміемъ, когда разбирали старую деревянную ограду, въ числѣ прочей братіи находил-

ся на этой работѣ и іеромонахъ Макарій. Онъ имѣлъ несчастіе упасть съ верху ограды, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ потомъ былъ заложенъ фундаментъ Казанской церкви, и ушибся смертельно. Во время своей жестокой болѣзни, благочестивый инокъ молилъ Пречистую Богородицу, да продлитъ ему лѣта живота. И вотъ, въ сонномъ видѣніи, увидѣлъ онъ себя въ домѣ помѣщицы, Козельскаго уѣзда, села Фроловскаго, Елены Семеновны Сабуровой, слезно молившимся предъ иконой Казанской Божіей Матери, ей принадлежащей. Проснувшись послѣ такого видѣнія, о. Макарій почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни и въ то же время далъ, отъ полноты благодарнаго сердца, обѣтъ, по совершенномъ выздоровленіи, ѣхать въ домъ г-жи Сабуровой и отслужить тамъ молебенъ предъ видѣннымъ имъ во снѣ образомъ Богоматери. По времени онъ исполнилъ свой обѣтъ. При исполненіи этого обѣта о. Макаріемъ, г-жа Сабурова въ разговорѣ сообщила ему, что она имѣетъ намѣреніе построить въ одномъ изъ своихъ селъ престолъ во имя сего образа, прибавивъ при томъ: «а если согласитесь устроить его въ Оптиной пустыни, то я съ радостію отдамъ эту икону вамъ въ обитель и сверхъ того пожертвую деньгами на постройку». Іеромонахъ Макарій, возвратясь въ обитель, передалъ о желаніи г-жи Сабуровой о. игумену Авраамію, который, принявъ это извѣстіе за знакъ особой милости Божіей къ его обители, немедленно рѣшился устроить на мѣстѣ происшествія, послужившаго поводомъ къ предложенію г-жи Сабуровой, теплую церковь въ честь Казанской Божіей Матери, о чемъ не замедлилъ сообщить Сабуровой. Исполняя обѣщаніе, г-жа Сабурова вмѣстѣ съ иконою прислала о. Авраамію еще и значительную сумму денегъ на церковное строеніе, а іеромонахъ Макарій, по усердію своему, ѣздилъ за сборомъ подаянія на окончательную отдѣлку храма. Сооруженіе Казанской церкви было начато въ 1805 году и окончено въ 1811 году; освящена была эта церковь въ 1811 году епископомъ Калужскимъ Евлампіемъ, 23 октября; а придѣлы въ 1815 г.: Воздвиженскій, преосвященнымъ епископомъ Калужскимъ Евгеніемъ, а Георгіевскій—архимандритомъ Новоспасскаго монастыря Амвросіемъ.

Игуменъ Пафнутій впослѣдствіи имѣлъ бронзовый наперсный крестъ, на Владимірской лентѣ, въ память войны 1853—1855 г.г.; по предписанію епархіальнаго начальства, указомъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 10 апрѣля 1872 года награжденъ палицею; въ 1 день апрѣля 1879 года за отлично усердную службу былъ пожалованъ ему орденъ св. Анны 2-й степени; имѣлъ знакъ краснаго креста о больныхъ и раненыхъ воинахъ; возведенъ въ санъ архимандрита преосвященнымъ Владиміромъ, епископомъ Калужскимъ и Боровскимъ 17 апрѣля 1886 года; указомъ 15 мая 1891 года за отличную усердную службу пожалованъ орденомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени. Умеръ 23 іюня 1891 года и погребенъ, съ разрѣшенія митрополита Исидора, въ особо-приготовленномъ въ нижнемъ этажѣ монастырскаго храма склепѣ.

Въ памяти же братіи образъ этого настоятеля окруженъ ореоломъ строгаго подвижничества *).

Рясофорный монахъ Ѳеодоръ Валаамскій.

(Память 30 августа).

Отецъ Ѳеодоръ въ мірѣ былъ секретаремъ при извѣстномъ Курскомъ губернаторѣ Веревкинѣ; имѣлъ крестьянъ; за какое-то слово, сказанное въ простотѣ сердца, былъ арестованъ и посаженъ въ заточеніе, въ которомъ едва не былъ съѣденъ крысами. Тогда далъ онъ обѣтъ поступить въ монастырь;

*) По соч. арх. Леонида „Истор. опис. Малоярослав. Никол. Черноостр. монастыря“ (М. 1903 г.).

почему, по освобожденіи изъ заточенія, оставилъ домъ и жену и прибылъ на Валаамъ 30 августа 1827 года; жилъ здѣсь въ скиту; потомъ исправлялъ должность письмоводителя. Никогда не видали братія, чтобы онъ смѣялся или улыбнулся; постоянно, бывало, вздыхаетъ. Приближалось время его кончины; зоветъ онъ къ себѣ духовника и проситъ исповѣдать его и причастить. «Подожди причащаться», говоритъ ему о. духовникъ, кончивъ исповѣдь: «скоро ранняя обѣдня кончится, и тебя причаститъ служащій ее іеромонахъ».—«Нѣтъ батюшка», отвѣчаетъ о. Ѳеодоръ: «ты меня причасти»! Затѣмъ, принявъ Св. Тайны, проситъ прочитать по немъ отходную, зажечь предъ иконою восковую свѣчу и дать ему въ руки крестъ. Кончилась отходная, духовникъ не успѣлъ еще спуститься съ лѣстницы, и о. Ѳеодора не стало! Скончался онъ въ 1838 году, 70 лѣтъ отъ рожденія *).

Іерей Ѳеофилактъ, Христа ради юродивый.

(Память 30 августа).

Въ половинѣ 19 вѣка жилъ и несъ тяжелый подвигъ одинъ юродивый іерей Ѳеофилактъ.—Это былъ мужъ святой жизни. И хотя краткія, но сохранились о немъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ метрическихъ книгахъ села Хитровщины, Тульской губерніи, Богоявленской церкви, значится: «1779 года, марта 8 дня, у діакона означенной церкви Авдія Никитина родился сынъ Ѳеофилактъ». По окончаніи ученія въ училищѣ и потомъ въ семинаріи, Ѳеофилактъ былъ опредѣленъ во діакона въ Веневскій уѣздъ, въ село Діаконово, а въ 1806 году въ село Хитровщино во священника. Какъ видно по духовнымъ книгамъ,—священникомъ былъ только два года: 1806 года и 1807 года, а въ 1808 году значится уже заштатнымъ, на-

*) „Валаамскіе подвижники".

ходящимся въ безумствѣ. Тогда ему было отъ роду 29 лѣтъ, а по духовнымъ значится 33 года.—Скончался отецъ Ѳеофилактъ въ 1841 году, 30 августа.—Бывшая же настоятельница Мих. Ряз. монастыря мать Раиса записала о немъ слѣд. свѣдѣнія, которыя здѣсь и приведены. «Начинаю писать съ того—во славу Божію и съ помощію Божіею—съ какого года я стала знать отца Ѳеофилакта, и что только могу припомнить о немъ: онъ имѣлъ отъ Бога великія дарованія, особенно даръ прозорливости,—онъ зналъ дѣла и помышленія людей, прозрѣвалъ отчасти и будущее.

Въ 1824 году я поступила въ Михайловскій Покровскій женскій монастырь, Рязанской епархіи; родитель мой Ироніонъ Ѳеодоровичъ Ураевъ служилъ въ уѣздномъ городѣ Скопинѣ, не помню, въ какомъ году, судьею уѣзднымъ. Случилось, что городничій былъ въ отлучкѣ, а мой отецъ правилъ его должность. Въ это время обокрали Скопинское казначейство, и родитель мой просрочилъ отрапортовать объ этомъ, по этому случаю онъ былъ подъ судомъ; но такъ какъ казначей и стряпчій не имѣли ровно ничего, мой же отецъ имѣлъ, хотя и небольшое имѣніе, то по тогдашнему положенію казна взыскивала съ моего отца: имѣніе было описано и продавалось съ аукціона. Въ 1824 году пріѣхалъ родитель мой въ нашъ монастырь,—тогда еще была жива старшая моя сестра монахиня Евстолія. Въ это время случился въ монастырѣ и отецъ Ѳеофилактъ. Мой батюшка ему и говоритъ: «вотъ я скоро долженъ остаться безъ куска хлѣба съ шестью человѣками дѣтей: продадутъ мое имѣніе, и казна все съ меня возьметъ».—Отецъ Ѳеофилактъ на это говоритъ: «нѣтъ! баринъ правъ! Вотъ поѣдутъ чрезъ Москву въ мантіяхъ и черныхъ шляпахъ, и баринъ будетъ правъ».—Батюшка мой опять говоритъ: «неужели же я буду опять владѣть имѣніемъ»?—«Непремѣнно»! отвѣчаетъ отецъ Ѳеофилактъ,—«только послѣ все разложатъ по кабакамъ». Изъ его словъ въ это время ничего нельзя было понять, но

въ 1825 году, когда Государь Императоръ Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогѣ, и повезли его тѣло чрезъ Москву, въ черныхъ шляпахъ и мантіяхъ, т.-е. въ печальныхъ одеждахъ,—отецъ мой въ то время уѣхалъ въ С.-Петербургъ, подалъ просьбу князю Волконскому, которая и была принята, и долгъ ему простили, не въ примѣръ прочимъ, по его преклоннымъ лѣтамъ и по большему семейству,—насъ было шесть человѣкъ. Вотъ и сбылись слова отца Ѳеофилакта: «баринъ правъ».—Въ 1834 году отецъ мой померъ; братъ мой остался человѣкъ пьяный и въ короткое время почти все имѣніе разложилъ по кабакамъ.—Вотъ и это предсказаніе сбылось.

Старшая сестра моя жила въ Михайловскомъ монастырѣ. Когда мнѣ было 16 лѣтъ, я у родителей выпросилась къ сестрѣ погостить въ монастырѣ; когда я гостила въ немъ, мнѣ очень понравилась монастырская жизнь, и я, безъ воли родителей, упросила игуменію Евсевію, чтобы она одѣла меня въ черное платье. Она исполнила мою просьбу: одѣла меня и поставила на клиросъ. Скоро узнали объ этомъ мои родители, пріѣхала моя мать и увезла меня домой, разсчитывая, что я еще слишкомъ молода, чтобы оставаться въ монастырѣ. Чрезъ два года меня отпустили однако опять къ сестрѣ погостить. Въ это время въ монастырѣ жила хорошей жизни одна монахиня, именемъ Серафима, изъ дворянъ; она позвала меня къ себѣ и уговаривала, чтобы я не оставляла своего намѣренія идти въ монастырь. Я ей отвѣтила, что я и сама того-же желаю, но въ настоящее время родители меня не отпускаютъ, а сама я не могу противъ ихъ воли поступать; и она посовѣтовала мнѣ, до времени, терпѣть и имѣть въ памяти монастырь, но только упрашивала не прельщаться мірской жизнію—и много говорила мнѣ назидательнаго. Чрезъ нѣсколько времени, погостивши, я опять уѣхала къ родителямъ домой. Не въ продолжительномъ времени я услыхала, что мать Серафима скончалась; я очень жалѣла о ней.

Потомъ, какъ-то сестра опять выпросила меня у родителей погостить; меня отпустили. Разъ пошла я за монастырскую ограду погулять; встрѣчаю тамъ о. Ѳеофилакта. Онъ мнѣ говоритъ: «Здравствуйте, сударыня! Мать Серафима приказала вамъ сказать: пора вамъ въ монастырь». Я ему отвѣчаю, что матери Серафимы нѣтъ уже въ живыхъ, и вмѣстѣ удивилась его прозорливости, потому-что разговоръ нашъ съ монахиней Серафимой былъ вдвоемъ. Вскорѣ послѣ этого по неотступной моей просьбѣ, родители отпустили меня съ благословеніемъ въ монастырь.—Еще какъ-то онъ былъ у меня въ келліи, мы сидѣли и пили съ нимъ чай, но только что убрали самоваръ и чашки, онъ говоритъ: «сударыня, прикажите поставить самоваръ». Я очень этому удивилась и говорю: «батюшка, да вѣдь мы съ вами сейчасъ пили чай».—«Нѣтъ, сударыня, прикажите поставить, съ дорожки-то очень хорошо».—«Да откуда-же мы съ вами пріѣхали»?—«Прикажите же, сударыня, поставить самоваръ».—Дѣлать нечего, я велѣла келейной поставить опять самоваръ, а между тѣмъ узнала, что на монастырѣ продаютъ крендели, я и отправилась покупать ихъ. Возвращаюсь въ келлію, сидитъ гость, какой-то странникъ, и о. Ѳеофилактъ угощаетъ уже его чаемъ. Для этого-то странника и велѣлъ онъ поставить вторично самоваръ.

Не помню, въ какомъ году въ нашемъ монастырѣ былъ благочинный архимандритъ Иларій. Разъ пріѣхалъ онъ къ намъ, по благочинію, при игуменіи Евсевіи. Въ то время былъ у насъ и о. Ѳеофилактъ и гостилъ по разнымъ келліямъ. Игуменія, боясь, чтобы онъ не попался архимандриту гдѣ-нибудь въ келліи, предупредила его и сказала, что у насъ гоститъ юродивый священникъ. Архимандритъ пожелалъ его видѣть; а такъ какъ я была призвана въ настоятельскую келлію для услуги архимандриту, то онъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «проводи меня въ келлію, гдѣ живетъ юродивый священникъ». Онъ въ то время находился въ келліи

и отдыхалъ на полатяхъ у одной послушницы, крестьянской дѣвицы села Ижеславля, Михайловскаго уѣзда, рясофорной монахини, именемъ Татіаны. Никто не воображалъ, чтобы къ ней пошелъ архимандритъ. О. Ѳеофилактъ сошелъ съ палатей и сказалъ: «уберите келлію, гости идутъ». И въ это время входимъ мы съ архимандритомъ, который съ нимъ повидался и расцѣловался. Архимандритъ сказалъ ему: «ты праведникъ, но священникъ, а я грѣшный, но архимандритъ, говори со мною просто, не какъ юродивый; скажи мнѣ, «причащаешься ли ты Святыхъ Таинъ»? Онъ, измѣнивъ видъ, сказалъ смиренно: «причащаюсь» — «Гдѣ-же»? — «Въ селѣ Осановѣ, каждый Успенскій постъ, и тамъ священникъ мнѣ духовникъ» (с. Осаново, Веневскаго уѣзда, Тульской губерніи).— И подлинно всѣ поняли, что онъ всегда тѣмъ постомъ уходилъ отъ насъ. Тутъ они много говорили между собой, но только я уже не слыхала и не помню, о чемъ; только, когда вышли изъ той келліи, архимандритъ сказалъ: «великій человѣкъ сей юродивый».—Вскорѣ послѣ того архимандрита Иларія перевели изъ Солодчи въ Задонскъ. Не помню, въ какомъ году, я была въ Задонскѣ. Архимандритъ Иларій послалъ со мной книжку святителя Тихона отцу Ѳеофилакту и сказалъ: «да попроси его, чтобы онъ что-нибудь написалъ мнѣ». Когда я возвратилась домой въ обитель, о. Ѳеофилакта не было въ монастырѣ, и я скоро не могла отдать ему книжку. Спустя нѣсколько времени, къ нашей одной монахинѣ, именемъ Ѳеофаніи, пріѣхали изъ города Скопина родные—и особенно къ о. Ѳеофилакту. Но такъ какъ онъ былъ въ то время въ какой то деревнѣ, то и собрались они ѣхать къ нему, и монахиня Ѳеофанія съ ними же. Я была рада оказіи переслать съ нею ему книжку и листъ бѣлой бумаги, чтобы онъ написалъ что-нибудь архимандриту.—Вотъ привозятъ письмо на цѣломъ листѣ, которое онъ начинаетъ такъ: «Ваше Высокопреосвященство и Ваше Высокопреподобіе. Когда наши россійскіе поклонники пойдутъ къ Соловецкимъ чудотворцамъ, то

вы ихъ примите, и учредите и т. д.»... Потомъ помѣщаетъ въ письмѣ: «а Надежду Иродіоновну (такъ звали меня до монашества) сдѣлайте игуменіей», но монастыри онъ назначилъ не тѣ, въ которомъ меня Богъ привелъ быть игуменіей впослѣдствіи. Конечно, для меня малодушной было это смѣшно; я была тогда еще молода очень и не была еще въ рясофорѣ.—О. Иларія тѣмъ же годомъ перевели въ Соловецкій монастырь. Тамъ совершалъ онъ службу какъ архіерей, съ осѣненіемъ. Черезъ шесть лѣтъ возвратился опять въ Задонскъ и письмо это берегъ, какъ сокровище.

Когда онъ бывалъ часто въ нашей обители, многія сестры его брали къ себѣ чай пить. Онъ почему-то иногда то обыкновенно пилъ, а иногда всю сахарницу покушаетъ съ одной или двумя чашками чая, почему другія и опасались приглашать его. Однажды онъ былъ у монахини Аркадіи; она подумала про себя: чаю сколько хочешь бы пилъ, да сахару много истратитъ.—Пришли отъ обѣдни; подали самоваръ; а отецъ Ѳеофилактъ всталъ и ушелъ куда-то; потомъ чрезъ нѣсколько минутъ возвратился и приноситъ цѣлую тарелочку комочковъ изъ снѣгу и сталъ пить съ ними чай. Монахиня Аркадія тутъ поняла, что онъ узналъ ея помыслъ.

Скажу о себѣ тоже. Одинъ разъ хотѣлось его позвать къ себѣ, но боролась съ помыслами также насчетъ сахару; только опомнившись думаю въ себѣ: да что же жалѣть. Если онъ и на синюю ассигнацію выпьетъ, мнѣ для него вовсе не жалко. Встала и пошла за нимъ; онъ сію же минуту ко мнѣ пошелъ. Я, отъ радости не объ чемъ не думая, угощала его радушно; на другой день сѣли обѣдать; онъ сидитъ очень скучный и кушаетъ мало. Я говорю ему: «батюшка! что вы такіе скучные»? Онъ вздохнулъ и говоритъ: «да, правда, и Сынъ человѣческій не имѣлъ, гдѣ главы преклонить». Я на это ему сказала: «батюшка! мы всѣ вамъ рады». А онъ отвѣчалъ мнѣ на это: «иному, сударыня, въ одинъ разъ синюю ассигнацію стану». Я ему сказала:

«батюшка: простите меня, куда же уйдешь отъ помысловъ». (Въ то время ходили старыя деньги—ассигнаціи синія, красныя). Въ это-же время онъ довольно пробылъ у меня, и въ одну ночь еще съ вечера скорбѣлъ и пѣлъ панихиду и разные заупокойные стихи. Я и говорю ему: «батюшка! или у меня кто умретъ изъ родныхъ»?—«Нѣтъ, сударыня», отвѣчаетъ онъ. Но такъ какъ онъ всю ночь и на другой день утромъ все продолжалъ пѣть и читать за упокой, то я опять нѣсколько разъ ему говорила: непремѣнно у меня кто-нибудь умретъ. Наконецъ онъ сказалъ: «а помните, какъ ко мнѣ приставала Матрона Ивановна (это была одна изъ нашихъ клирошанокъ—она скончалась и ей былъ 40-й день): «батюшка, помолитесь, чтобы моя душа прошла безбѣдно воздушныя мытарства»,—«вотъ я и молюсь о ней».—Я была у обѣдни; прихожу, онъ очень веселъ. Я спросила: «батюшка! гдѣ теперь Матрона Ивановна»?—«Теперь, сударыня, слава Богу, сидитъ на престолѣ и веселится». Точно, она была хорошей жизни и много претерпѣла болѣзней и душевныхъ скорбей.

У насъ была игуменія Евсевія, а казначеей Елпидифора. Въ гор. Касимовѣ смѣнили игуменію и взяли нашу казначею на мѣсто ея. Многія изъ сестеръ ее жалѣли. О. Ѳеофилактъ былъ въ келліи одной послушницы, по имени Павлины. Вотъ она и говоритъ: «жаль намъ, батюшка, казначею, что взяли ее отъ насъ въ игуменіи,—она до насъ хороша была».—Онъ сказалъ на это: «что ее жалѣть, пусть какъ уточка поплаваетъ тамъ, поѣстъ рыбки хорошей годочка три». Такъ и сбылось,—чрезъ три года наша игуменія Евсевія вышла въ отставку, а Елпидифору перевели къ намъ въ игуменіи. (Въ г. Касимовѣ рѣка Ока и подворье монастыря близъ Оки, а рыбы хорошей тамъ очень изобильно).

У насъ въ монастырѣ изъ г. Тулы двѣ сестры, изъ купечества,—Духанины, одна изъ нихъ была казначеей, монахиня Ангелина, а другая была по имени Рафаила, онѣ раз-

сказывали. Однажды о. Ѳеофилактъ пришелъ къ нимъ и говоритъ, что былъ онъ въ г. Тулѣ. Казначея ему говоритъ: что же вы не зашли къ нашему батюшкѣ? «Куда, сударыня, къ нимъ! его и самаго въ домъ не пускаютъ, тамъ стоятъ солдаты съ рогачами, съ баграми».—Что вы, батюшка!—«Да сударыня,»—а домъ-то каменный, взглянешь, шапка валится». Это онъ говорилъ за годъ до пожара: тогда у нихъ въ Тулѣ сгорѣлъ домъ деревянный, а послѣ выстроили каменный домъ.

Разсказываютъ наши старики. Здѣсь, въ Михайловѣ не было монастыря; въ 1819 году онъ переведенъ изъ-подъ Рязани, отстоявшій отъ нея въ 12 верстахъ. Здѣсь была маленькая церковь кладбищенская, а на полугорѣ богадѣльня, въ которой жило нѣсколько дѣвицъ и старушекъ. Тогда о. Ѳеофилактъ часто гостилъ въ богадѣльнѣ; онъ, бывало, попроситъ клубокъ шерсти или нитокъ и начнетъ мѣрить мѣсто, гдѣ быть монастырю и оградѣ, а на мѣстѣ, гдѣ теперь соборъ и алтарь, тутъ изъ камешковъ сдѣлаетъ въ родѣ престола,—и говаривалъ: «на этомъ мѣстѣ лавра будетъ,—о, какъ хорошо! и будутъ тутъ мощи». Когда перевели монастырь, и я уже была въ монастырѣ, здѣсь же жила и одна бѣсноватая женщина солдатка, имя ей Стефанида, съ дочерью молоденькою дѣвочкою; я лично ее знаю, и многія въ нашемъ монастырѣ ее знаютъ и помнятъ. Она такъ была мучима врагомъ, что страшно было видѣть, особенно постами, когда желала пріобщаться Св. Христовыхъ Таинъ. Какъ только станутъ ее подводить къ причастію, она поблѣднѣетъ и сдѣлается какъ въ изступленіи, такъ ее и вытащатъ изъ церкви.—Одинъ разъ при многихъ зрителяхъ и монастырскихъ отецъ Ѳеофилактъ взялъ ее и повелъ за ограду на могилки, читалъ надъ ней; съ ней происходило какъ съ бѣснующейся, послѣ стало лучше, лучше и совсѣмъ прошло: она успокоилась. Отецъ Ѳеофилактъ сказалъ ей: «теперь ты здорова, но не я тебя исцѣлилъ, а угодникъ

Божій Прокопій». — Неизвѣстно, по смиренію ли это онъ сказалъ или дѣйствительно онъ провидѣлъ, что здѣсь лежитъ нѣкій угодникъ, только онъ не разъ говаривалъ, что «здѣсь мощи Прокопія».—Послѣ этого женщина эта совершенно сдѣлалась здорова, жила много лѣтъ и не чувствовала припадковъ бѣсованія до самой кончины.

Молитва его была непрестанная, днемъ и ночью пѣлъ онъ духовные псалмы, изъ Евангелія особенно любилъ пѣть о блудномъ сынѣ; голосъ имѣлъ очень хорошій; ночью вскочитъ, начнетъ молиться; пища его была самая умѣренная; нестяжаніе безпримѣрное; у кого бы онъ ни бывалъ, туда приходили къ нему многіе изъ мірянъ и приносили деньги и пищу, или платочки и тому подобное, и убѣждали его взять приносимое. Онъ же обычно возьметъ, но послѣ, когда уходитъ, все оставитъ, гдѣ былъ: ничего при себѣ не имѣлъ.—У меня доселѣ хранится его полотенце и трость, которую онъ оставилъ. Иногда, бывая на базарѣ, встрѣчающагося побьетъ; за это нѣсколько разъ сажали его въ острогъ; онъ сидитъ съ большимъ удовольствіемъ тамъ и поетъ священные стихи; подержатъ его и выпустятъ, а въ послѣдніе годы его жизни не сажали его уже въ острогъ, напротивъ всѣ его уважали. Наружности отецъ Ѳеофилактъ былъ благообразной, высокаго роста, лицомъ бѣлый и правильные черты лица, лобъ имѣлъ большой, открытый. Иногда къ небольшой своей косѣ привязывалъ свернутый пучекъ лошадиныхъ волосъ. Мы его и спросимъ: «батюшка! для чего вы привязываете лошадиные волосы»?—а онъ скажетъ: «да будто пригожѣй, сударыня, такъ». Разговоръ его о духовномъ былъ горячій, назидательный, и всегда говаривалъ, что царствіе Божіе трудомъ достается каждому. Особенно наединѣ любилъ говорить назидательно и не юродствовалъ. Священное Писаніе, каждому хотящему его слушать, говорилъ вѣрно; у насъ онъ всегда читалъ духовныя книги.

Отца Ѳеофилакта любили очень мужички и выстроили ему

келлію въ селѣ Новопанскомъ Михаиловскаго уѣзда; были и въ другихъ селахъ у него келліи. Послѣ своей смерти двѣ завѣщалъ онъ намъ, въ монастырь, которыя и были (перевезены) отданы. Разсказываютъ, когда онъ жилъ въ своихъ келліяхъ, такіе труды налагалъ на себя и постъ, что по цѣлымъ днямъ не кушалъ, и часто съ самаго утра уходилъ въ болото и собиралъ въ водѣ тростникъ, до самой ночи. Возвращался въ свою келлію поздно, усталый и весь мокрый;—труженикъ былъ великій.

За полгода до своей смерти онъ принесъ къ монахинѣ Досифеѣ деревянный крестъ и просилъ ее отдѣлать его фольгой.—Эту монахиню онъ очень любилъ и часто у нея бывалъ; она и прежде занималась работой,—отдѣлывала образа фольгой. Такъ этотъ крестъ у нея и былъ. Когда же отецъ Ѳеофилактъ скончался, то монахиня Досифея поѣхала его хоронить и захватила съ собой этотъ крестъ; онъ уже лежалъ въ священническомъ облаченіи, а креста въ рукахъ у него не было,—съ этимъ крестомъ его и схоронили. Онъ сдѣлался боленъ и жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ селѣ Зиминѣ, Михаиловскаго уѣзда, у одной благочестивой дворянки; оттуда онъ нѣсколько разъ присылалъ къ монахинѣ Павлѣ, чтобы его взяли въ монастырь пожить, ибо онъ чувствовалъ близкую свою кончину. Монахиня Павла ходила къ игуменіи, упрашивала ее объ этомъ, но та никакъ не соглашалась, потому что противъ этого былъ протоіерей І. Ершовъ, съ которымъ она хорошо была знакома. Когда же о. Ѳеофилактъ скончался въ помянутомъ селѣ Зиминѣ, за 30 верстъ отъ насъ, то игуменія посылала казначею и монахиню Вѣру просить тѣло его, однако тѣла его намъ не отдали. Когда онъ былъ боленъ и лежалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ селѣ Зиминѣ у вышеозначенной дворянки, она очень боялась, что онъ умретъ не напутствованный по-христіански; поэтому сколько разъ упрашивала его причаститься, а онъ все отказывался. Она ему и говоритъ: «вотъ вы, батюшка, такъ

умрете, безъ напутствованія. Послѣ вашей смерти поднимутъ судъ»,—а онъ на это ей отвѣчалъ: «ну что же, сударыня Арина Степановна, ежели вы боитесь, отпустите меня въ какую-нибудь избу». Когда же наступилъ день его кончины, и пришелъ священникъ, онъ исповѣдался, причастился, пособоровался и въ тотъ же день, 30-го августа, скончался безъ всякихъ предсмертныхъ страданій. Предъ смертію же заставилъ дьячиху, пришедшую провѣдать его, кропить себя святой водой. Когда она уходила изъ своего дома, то посадила хлѣбы въ печь и боялась, какъ бы хлѣбы не пересидѣлись, но объ этомъ никому не говорила, а только про себя думала, а онъ на ея мысли говоритъ: «нѣтъ, сударыня, хлѣбы ваши не пересидятся». До самой смерти его она сидѣла и кропила его святой водой. Когда отецъ Ѳеофилактъ скончался, этого села помѣщикъ Н. Н. Желтухинъ, не любившій и даже преслѣдовавшій о. Ѳеофилакта, а другой Хлуденевъ очень уважавшій его, оба пришли къ тѣлу его, и тотъ и другой желали на свой счетъ схоронить его, и Желтухинъ упросилъ Хлуденева. До могилы они несли гробъ вмѣстѣ, а обѣдъ похоронный для священниковъ устроилъ Желтухинъ, кормилъ много и бѣдныхъ. Послѣ, чрезъ нѣсколько времени, разбирая его бумаги, нашли въ нихъ въ родѣ завѣщанія, въ которомъ онъ просилъ помѣщика Желтухина схоронить его и помянуть, что онъ исполнилъ еще прежде. Схороненъ онъ былъ близъ церкви, противъ алтаря, и сдѣланъ на могилѣ его памятникъ—камень съ надписью. Многіе до сего дня приходятъ, служатъ панихиды и берутъ землю, и получаютъ по вѣрѣ облегченіе въ своихъ болѣзняхъ.

У насъ, въ монастырѣ, его чудотворная икона, въ церкви, на лѣвой сторонѣ, именуемая «Взысканіе погибшихъ». Онъ (о. Ѳеофилактъ) велѣлъ написать ее, какъ ему было угодно: вверху образъ Богоматери, поддерживаемый двумя ангелами, а внизу много святыхъ угодниковъ. Иногда зашивалъ онъ икону эту холстиной, а сверху еще набойкой и опять холстиной, лики же прорѣзалъ. У него всѣ спрашиваютъ: «на что же, батюшка, зашили холстами икону»?—«На ней», говоритъ: «три ризы».

Когда о. Ѳеофилактъ былъ еще живъ, нашъ купецъ Ив. Ивановичъ Ложниковъ былъ въ г. Лебедяни, на ярмаркѣ, и разговорился о немъ съ Тульскимъ купцомъ Киселевымъ. Ему разсказывалъ Ложниковъ, что отецъ Ѳеофилактъ многихъ исцѣляетъ; у Киселева была жена больна семь лѣтъ кровотеченіемъ, лѣкаря не помогали и не могли ее излѣчить. Возвратясь въ Тулу, Киселевъ послалъ свою жену Аграфену Егоровну Киселеву къ нему. Она пріѣхала въ помянутое село къ нему въ келлію, а батюшка, встрѣтясь съ ней у своей келліи, уѣзжалъ и сказалъ только: «помолись Царицѣ Небесной и исцѣлѣешь». Она очень оскорбилась, что онъ уѣхалъ, однако взошла въ его келлію, въ которой оставалась благочестивая старушка, дѣвица Елена Сидорова; эта Сидорова пользовалась совѣтами отца Ѳеофилакта и была постница и духовной жизни, а послѣ жила у насъ въ монастырѣ и здѣсь похоронена. Елена Сидорова стала Киселеву утѣшать, потомъ облила водой образъ Божіей Матери «Взысканія погибшихъ», заставила ее молиться Ей и дала выпить эту воду. Она какъ выпила воды послѣ молитвы, въ то же время почувствовала себя совершенно здоровой. Послѣ Киселева поѣхала отыскивать отца Ѳеофилакта и видѣлась съ нимъ. Въ то же время въ знакъ благодарности Киселева сдѣлала ризу апликовую на образъ Божіей Матери, очень хорошую, и кіоту; только о. Ѳеофилакту не пришлось видѣть ризы; привезли послѣ его кончины икону и тутъ же взяли въ церковь. Мы же не думали имѣть у себя эту икону, но онъ помянутой дѣвицѣ Еленѣ Сидоровнѣ явился во снѣ и приказалъ отдать образъ къ намъ, въ монастырь, сказавъ: «Она будетъ исцѣлительница».—Я еще была монахиней, мои знакомые московскіе поусердствовали сдѣлать на эту икону

ризу серебряно-вызолоченную; потомъ въ скоромъ времени, сдѣлали на самое изображеніе Божіей Матери ризу жемчужную. Тогда вспомнили предсказаніе отца Ѳеофилакта, что на ней будетъ три ризы. Это было при игуменіи Элпидифорѣ, которая скончалась въ 1854 году, 2 марта. Послѣ смерти игуменіи Элпидифоры, вскорѣ прислали указъ на мое имя, чтобы я вступила въ управленіе монастыремъ; но я, зная свою склонность къ уединенію и постигая всю трудность этого сана, отказывалась и не вступала въ управленіе монастыремъ, несмотря на всѣ старанія и всѣхъ своихъ сестеръ монастыря. Преосвященный Гавріилъ тогда прислалъ къ намъ архимандрита Павла и приказалъ немедленно явиться мнѣ въ г. Рязань. Сперва думала не ѣхать, а все же, не смѣя ослушаться, отправилась съ тою мыслію, что лично могу владыку упросить уволить меня отъ слишкомъ трудной для меня обязанности. Когда же я явилась къ преосвященному, то со слезами стала его упрашивать избавить меня отъ сана настоятельницы; онъ же, не желая выслушать меня, не давалъ возможности выговорить ни одного слова, только твердилъ нѣсколько разъ: «готовься завтра къ посвященію въ соборѣ» (это приходилось на Вербное воскресеніе). И тутъ, какъ ни трудно было мнѣ рѣшиться принять на себя такое иго, однако не могла устоять противъ архипастыря и предалась волѣ Божіей, упросивъ владыку, по крайней мѣрѣ, чтобы посвятилъ меня въ игуменіи не въ соборѣ, какъ было назначено имъ, а въ Крестовой его церкви. Эту мою просьбу онъ и исполнилъ. Я посвящена была въ игуменіи, хотя противъ собственнаго желанія, апрѣля 4-го дня, того же года. Посвященіе мое было спустя 10 лѣтъ послѣ кончины отца архимандрита Иларія и—13 лѣтъ послѣ кончины отца Ѳеофилакта. Пророчество его исполнилось надо мной слишкомъ черезъ 20-ть лѣтъ. Когда я была игуменіей, Киселева пріѣзжала къ намъ въ монастырь помолиться; она жила, послѣ своего исцѣленія, очень долго, и до самой смерти прежняя ея болѣзнь не возвращалась». Память блаженнаго Ѳеофилакта свято чтится и теперь *).

Богучарскій протоіерей Александръ Ивановичъ Бунинъ.

(Память 30 августа).

Протоіерей Александръ Ивановичъ Бунинъ родился въ 1792 году въ селѣ Верхнемъ Карачанѣ, Новохоперскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Родители его были: священникъ Космо-Даміанской церкви того же села Іоаннъ Нестеровъ, происходившій изъ духовнаго сословія, а мать Евдокія Зотовна. Мало сохранилось свѣдѣній о родителяхъ Бунина. Родители его глубоковѣрующіе люди, были по тому времени вполнѣ грамотные и любившіе науку. Первые годы своей жизни Александръ Бунинъ провелъ подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ своихъ родителей; по крайней мѣрѣ покойный протоіерей въ задушевныхъ бесѣдахъ въ своей семьѣ всегда съ особенною любовью останавливался на воспоминаніяхъ своего дѣтства, на личности своихъ родителей, безгранично имъ любимыхъ, отъ коихъ онъ безспорно усвоилъ искреннее благочестіе, любовь къ семьѣ и ближнимъ, христіанскую простоту въ обращеніи съ людьми всѣхъ сословій и простоту въ образѣ жизни.

Первоначальное образованіе Александръ Бунинъ получилъ въ Воронежскомъ духовномъ училищѣ и затѣмъ въ семинаріи, которыя въ то время, впрочемъ, составляли одно совмѣстное учебное заведеніе. О школьной жизни его въ ду-

*) Изъ записи настоятельницы Михаиловскаго Покровскаго женскаго монастыря, Рязанской губерніи, игуменіи Раисы (Ураевой), управлявшей означеннымъ монастыремъ съ 1855 по 1882 годъ, хранящейся въ означенной обители.

ховномъ училищѣ и первыхъ низшихъ классахъ семинаріи не сохранилось особыхъ свѣдѣній. При переводѣ въ среднее отдѣленіе семинаріи онъ лишился отца—кормлица многочисленной семьи, оставшейся безъ всякихъ средствъ къ жизни. Оставаясь на собственномъ коштѣ (содержаніи) въ семинаріи, молодой Бунинъ долженъ былъ собственными трудами зарабатывать себѣ на содержаніе. Отлично успѣвая самъ въ наукахъ, усиленно сталъ онъ вести занятіе съ учениками низшихъ классовъ, получая за это ничтожную плату, все таки достаточную для своего содержанія. Въ такомъ трудѣ его не мало поддерживала чистая юношеская молитва.

Въ высшихъ классахъ семинаріи личность Бунина настолько уже обрисовалась своимъ нравственнымъ превосходствомъ надъ товарищами, дарованія его такъ выдѣлялись, что семинарское начальство почтило его необычайнымъ довѣріемъ, возложивъ на него еще на ученической скамьѣ преподаваніе французскаго языка ученикамъ семинаріи. По окончаніи же семинарскаго курса, студентъ Бунинъ былъ оставленъ учителемъ заправнаго класса духовнаго училища и въ то же время въ низшихъ классахъ семинаріи преподавалъ математику подъ руководствомъ знаменитаго профессора семинаріи Ивана Яковлевича Зацѣпина, особо благоволившаго къ молодому Бунину. Въ духовную академію Бунину не пришлось ѣхать лишь потому, что онъ отъ природы былъ слабаго здоровья. Бунинъ какъ на ученической скамьѣ, такъ и въ жизни отличался особенно знаніемъ языковъ французскаго и латинскаго; въ его домашней библіотекѣ находились, между другими французскими книгами, сочиненія знаменитаго французскаго богослова Боссюета и Массильона на французскомъ языкѣ, которыя онъ свободно переводилъ на русскій языкъ; но латинскій языкъ онъ въ особенности любилъ, зналъ его въ совершенствѣ, никогда не оставлялъ упражняться въ немъ и въ жизни; такъ называемыя «локуціи», т..е. изреченія и пословицы на латинскомъ языкѣ были любимымъ его

Протоіерей Александръ Ивановичъ Бунинъ

развлеченіемъ. Онъ получилъ мѣсто священника въ г. Богучарѣ. Разъ, когда Бунинъ прибылъ въ каникулярное время къ сестрѣ, ему предстояла трудная задача—выборъ подруги жизни, при невзрачной его наружности. Послѣ немалыхъ поисковъ выборъ его палъ на дочь священника сл. Смаглѣевки Богучарскаго уѣзда Марію Андрееву Глаголеву; предложеніе на этотъ разъ было принято, хотя слабое здоровье его внушало опасеніе родственникамъ. Супруга Бунина была изъ богатыхъ невѣстъ того времени; въ приданое за нею была дана даже семья крѣпостныхъ крестьянъ, и если она согласилась идти въ замужество за больного Бунина, то тутъ играло немалую роль честолюбіе—перспектива быть городскою матушкою. Между прочимъ сохранился разсказъ о слѣдующемъ эпизодѣ во время сватовства Бунина на Глаголевой: усвоивъ привычку читать книги передъ отходомъ ко сну, онъ не измѣнилъ этой привычкѣ и во время гощенія у своей невѣсты на правахъ жениха и лежа на постели однажды долго, за полночь читалъ книгу. Будущая теща его, женщина неграмотная и видимо благоговѣвшая передъ ученостью зятя, по любопытству рѣшилась подсмотрѣть, чѣмъ до поздней ночи занимается ея будущій зять со свѣчею, спавшій за перегородкой. Осторожно заглянувъ за перегородку, она ужаснулась при видѣ картины: женихъ спитъ съ книгой въ рукахъ, свѣча догорѣла, и уже начало воспламеняться одѣяло.

Протоіерей Бунинъ священствовалъ въ гор. Богучарѣ съ 1818 г. по 1871 годъ, болѣе полустолѣтія. Первоначально (20 декабря 1818 г.) онъ былъ опредѣленъ священникомъ къ соборной Богородице-Рождественской церкви, а въ 1830 г. переведенъ къ Троицкой церкви, переименованной въ соборъ. Такимъ образомъ вся жизне-дѣятельность почтеннаго пастыря протекла въ г. Богучарѣ.

На протяженіи болѣе пятидесятилѣтней пастырской службы, протоіерей Бунинъ горѣлъ необычайной ревностію и любовію къ церковному Богослуженію. Съ нетерпѣніемъ, замѣтнымъ

для всякаго, ожидалъ онъ своей очередной седмицы; съ сокрушеннымъ сердцемъ и горячей молитвой о своихъ грѣхахъ приступалъ къ совершенію Богослуженія; всегда онъ былъ радъ и готовъ служить за своихъ сотоварищей, а таковыхъ случаевъ было весьма много, и онъ готовился ежедневно къ службѣ безотносительно къ тому—чья седмица. И если повседневныя молитвы его: утреннія и вечернія были весьма продолжительны, то предъ днями служенія онъ, можно сказать, всю ночь проводилъ въ молитвенномъ бодрствованіи; поздно вечеромъ и рано утромъ въ его келліи (маленькой комнатѣ) свѣтился огонь. Молитвы свои онъ любилъ совершать тайно, старался, чтобы и домашніе его не знали о его ночныхъ молитвенныхъ подвигахъ, для чего дѣтей всегда укладывалъ заранѣе, совѣтовалъ также и взрослымъ ложиться ранѣе, если они долго засиживались за работой, при чемъ онъ обычно имъ говаривалъ: «еще наработаетесь... вѣкъ большой вашъ».. Уставъ церковный при его Богослуженіи исполнялся безъ всякихъ сокращеній и пропусковъ, требы совершались полностью, отчего служеніе его отличалось рѣдкою продолжительностію. Служилъ онъ истово, неспѣшно, возгласы имъ дѣлались уже по окончаніи молитвъ и пѣнія. По окончаніи Богослуженія, особенно праздничнаго, онъ справлялся «сколько часовъ» (своихъ карманныхъ часовъ онъ не имѣлъ и не умѣлъ съ ними обращаться) и, если ему говорили: 1 или 2 часа дня, то онъ былъ доволенъ, а если 11 или 12 то печалился, говоря, что слишкомъ спѣшно служилъ, не выполнилъ уставъ; особенно долго совершалъ онъ проскомидію, поминалъ очень долго самъ безъ участія или помощи діакона. Самое лицо протоіерея во время совершенія имъ Богослуженія было отображеніемъ внутренняго молитвеннаго состоянія. Въ посты, особенно въ Великій постъ, лицо его носило на себѣ печать сердечнаго сокрушенія о грѣхахъ своихъ и ближнихъ и покаянія съ надеждой на милосердіе Божіе; въ дни Рождества Христова и Благовѣщенія Пре-

святыя Богородицы и въ особенности въ дни Свѣтлаго Христова Воскресенія лицо его сіяло духовною, небесною радостію. Особенно глубоко сокрушенная молитва его была во время пресуществленія св. Даровъ. На третій день Пасхи и Рождества Христова протоіерей неотложно самъ торжественно служилъ въ Кладбищенской церкви. Въ храмовой день этой церкви (30 іюля) на его личный счетъ и при участіи церковнаго старосты устраивались поминальные обѣды, чѣмъ и привлекался народъ къ этой безприходной церкви.

Любилъ онъ проповѣдывать слово Божіе, и ни одной литургіи не оставлялъ онъ безъ назиданія; поученія его были кратки, но содержательны и назидательны. За ранней обѣдней онъ любилъ читать проповѣди Путятина; но проповѣдь его не ограничивалась храмомъ. Онъ не опускалъ ни одного случая преподать урокъ христіанской жизни; постоянными темами его таковыхъ житейскихъ проповѣдей были: глубокая вѣра въ Бога и Его безконечное милосердіе, любовь къ человѣку-ближнему, помощь въ нуждѣ другъ другу, терпѣніе въ несчастіяхъ и мирное житіе.

Настоятелемъ собора протоіерей Бунинъ состоялъ со времени назначенія его благочиннымъ, т. е. съ 19 іюля 1822 г., и по день болѣзни въ 1869 году. Будучи проникнутъ истинно-христіанскимъ смиреніемъ, онъ никогда не тщеславился своимъ положеніемъ, какъ настоятеля собора и начальника среди своихъ сотоварищей. Внѣ Богослуженія отношенія его къ сотоварищамъ по собору носили характеръ обычнаго смиренія и сознанія своего недостоинства, искренней задушевной сердечности и уступчивости. Будучи глубоко-образованнымъ онъ никогда въ кругу своихъ сотоварищей не принималъ участія въ какихъ-либо богословскихъ преніяхъ, никогда не выставлялъ на видъ своей учености. Но стоило наединѣ серьезно обратиться къ почтенному пастырю за разрѣшеніемъ какого-либо вопроса научно-богословскаго характера, какъ онъ—всегда скромный, оживлялся и поражалъ

собесѣдника глубиною своего богословскаго міросозерцанія, современностью взглядовъ и логичностью мыслей.

Нерѣдко сотоварищи его, люди молодые, приносили ему, строгому ревнителю о жизни пастырей Церкви, огорченія своимъ не всегда воздержнымъ поведеніемъ. Но онъ всячески старался скрыть недостатки своихъ сослуживцевъ отъ взора прихожанъ; чтобы поддержать добрыя отношенія къ сослуживцамъ со стороны прихожанъ, самъ вызывался замѣнять ихъ при требахъ, не принимая за это никакой благодарности, говоря, что онъ исполнялъ свой долгъ, а случаи такой замѣны были чрезвычайно часты при необыкновенной слабости сослуживцевъ его. Въ тѣхъ случаяхъ, когда кто либо изъ низшихъ членовъ причта или изъ прихожанъ, желая выслужиться предъ протоіереемъ, передавалъ ему о томъ, что его сослуживцы въ какой-либо веселой компаніи позволили осуждать его, онъ съ негодованіемъ запрещалъ имъ носить ему сплетни и укорялъ за то, что они нечестно поступаютъ относительно своихъ священниковъ.

Низшіе члены причта того времени еще менѣе удовлетворяли требованіямъ добропорядочности. Спокойно, сердечнымъ убѣжденіемъ, личнымъ примѣромъ онъ старался исправлять ихъ, и такія мѣры, должно сказать, оказывались болѣе дѣйствительными, нежели угрозы и наказанія. За то тѣ же члены причта были лучшими знатоками церковнаго устава, такъ что псаломщики епархіи, штрафованные за незнаніе устава, посылались епархіальнымъ начальствомъ для практическаго изученія Богослуженія въ Богучарскій соборъ; здѣсь же обучались уставу и лица, ищущія мѣстъ псаломщика. Въ отношеніи распорядка въ Богослуженіи, обновленія и благоукрашенія храма – собора, протоіерей никогда не пренебрегалъ совѣтами сослуживцевъ и всегда съ полнымъ вниманіемъ выслушивалъ ихъ.

Не любилъ протоіерей, когда священники вычитывали правила въ церкви; не могъ терпѣть, когда разговаривали въ

церкви, самъ обращался къ другимъ лишь въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Какъ бы ни былъ утомленъ, никогда не садился въ церкви.

Протоіерей Бунинъ горѣлъ любовію къ благоукрашенію храмовъ и особою ревностію о постройкѣ новыхъ церквей. Въ продолженіе пятидесятилѣтняго служенія возсоздалъ или перестроилъ всѣ церкви города. При его поступленіи Р.-Богородицкая церковь находилась на островѣ, ветхая и совершенно негодная для совершенія въ ней Богослуженія; его заботами она была перенесена на настоящее мѣсто и сдѣлана заново. Старая церковь, находившаяся въ центрѣ города, переименованная (съ возведеніемъ слободы Богучаръ въ городъ) въ соборъ, была заново ремонтирована и благоукрашена стѣнною живописью; по его личной иниціативѣ, его иждивеніемъ, при вспомоществованіи лишь нѣсколькихъ лицъ, особо чтившихъ протоіерея, построена нынѣ существующая въ городѣ Кладбищенская церковь; имъ же заложенъ фундаментъ и выложены стѣны настоящаго лѣтняго собора, который представляетъ до нѣкоторой степени снимокъ съ храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Протоіерей Бунинъ страшно былъ заинтересованъ созданіемъ этого величайшаго памятника избавленія Россіи отъ двунадесяти языковъ, такъ какъ хорошо помнилъ это событіе и самъ пережилъ всѣ ужасы нашествія Наполеона на Россію; съ необычайнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за ходомъ работъ по созданію величественнаго храма и отбывавшимъ въ Москву онъ дѣлалъ порученіе подробнѣе ознакомиться съ этой постройкой и планомъ храма, имѣя въ виду постройку собора въ Богучарѣ по образцу Московскаго. Кромѣ того по его иниціативѣ, живому и непосредственному участію построены церкви въ его благочиніи — въ слободахъ: Дьяченковской, Купянкѣ, Поповкѣ, Лофицкомъ, Загребайловкѣ, Донцевой, Грушевой, Дубовиковой, Липчанкѣ, Шуриновкѣ, Грековкѣ, Гадючемъ и другихъ. Дѣло устроенія церквей происходило такъ: когда въ какомъ-либо

хуторѣ съ увеличеніемъ населенія назрѣвала потребность въ устройствѣ своей церкви, протоіерей по большей части самъ подавалъ жителямъ мысль созидать церковь, и, если эта мысль была по сердцу старикамъ, то онъ горячо принимался за оборудованіе этого дѣла и всѣми зависящими отъ него средствами способствовалъ успѣшному началу дѣла. Дальнѣйшую работу: вызовъ архитектора, составленіе плана, хлопоты по разрѣшенію постройки протоіерей бралъ на себя; по разрѣшеніи онъ лично выбиралъ мѣсто, освящалъ его, неустанно слѣдилъ за каждымъ шагомъ постройки, входя во всѣ подробности ея, матеріально и совѣтомъ вспомоществуя ей. Онъ горѣлъ желаніемъ видѣть ввѣренныхъ его духовному водительству чадъ въ возможности удовлетворять свои духовныя нужды и потребности въ своемъ храмѣ, а не въ чужихъ храмахъ, отстоящихъ въ большинствѣ случаевъ на значительномъ разстояніи. При освященіи храмовъ протоіерей помазывалъ муромъ престолъ и стѣны храма, (что составляетъ принадлежность епископовъ) разсуждая, что если каждый младенецъ впослѣдствіи бываетъ удобопреклоненъ ко грѣху, но при крещеніи помазуется св. муромъ, то тѣмъ паче долженъ быть помазуемъ храмъ, какъ мѣсто всегдашняго благодатнаго присутствія Самого Господа.

Въ исполненіи приходскихъ требъ протоіерей былъ неутомимъ: ни болѣзненное состояніе его, ни старость, ни плохая погода не могли удержать его отъ исполненія пастырскаго долга; безъ выговора, безъ ропота, съ полной готовностью во всякое время дня и ночи спѣшилъ онъ явиться своевременно съ молитвенною помощію къ постели больного и вообще къ нуждающемуся въ его помощи; при чемъ къ нему, къ его мощной молитвѣ прибѣгали безпрепятственно не только граждане, но и жители окольныхъ селъ и хуторовъ въ увѣренности, что добрый пастырь не откажетъ подать помощь; онъ не имѣлъ привычки, обычной въ многоштатныхъ приходахъ, разспрашивать, «чьего прихода проситель», не спрашивалъ, почему къ нему, а не къ своему священнику обращаются, а движимый любовью къ страждущему собрату спѣшилъ съ помощію, забывъ свои лѣта, свою немощь. Между прочимъ на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, однимъ изъ старожиловъ г. Богучара В. М. Рыжковымъ разсказанъ слѣдующій случай самоотверженнаго исполненія своихъ обязанностей протоіереемъ Буниным: «былъ я въ полѣ верстахъ въ 5 отъ Богучара, гдѣ убиралъ посѣянный подсолнухъ. Поздно вечеромъ, когда уже совсѣмъ смерклось, собравъ смолоченный, но несвязанный подсолнухъ въ одинъ большой ворохъ и оставивъ этотъ ворохъ непокрытымъ, я пошелъ было домой въ городъ. Но отойдя нѣсколько отъ тока, я на полуденной сторонѣ горизонта замѣтилъ быстрое приближеніе черной тучи, грозившей дождемъ. Воротился назадъ и съ рабочими постарался прикрыть ворохъ отъ ожидаемаго дождя. Эта работа заняла немало времени, такъ, что когда ее окончили, по моимъ разсчетамъ было далеко за полночь. Несмотря на такое позднее время я отправился домой. Между тѣмъ замѣченная туча покрыла весь горизонтъ, стало темно — хоть глаза выколи, къ этому-же подулъ вѣтеръ, переходившій въ бурю. Едва я вышелъ на большую дорогу, ведущую въ городъ, какъ проливной дождь спустился съ такою силою, что въ нѣсколько минутъ пыльную дорогу превратилъ въ грязную и скользкую. Путаясь и скользя въ темнотѣ и грязи, среди шума бурно падающаго дождя, я вдругъ столкнулся съ какимъ-то человѣкомъ, шедшимъ мнѣ навстрѣчу, и едва не свалилъ его съ ногъ. «Стой! кто идетъ»? почти разомъ воскликнули мы. Но еще не успѣлъ шедшій навстрѣчу мнѣ что-либо отвѣтить, какъ я по голосу тотчасъ же узналъ его. «Это вы, батюшка, о. протоіерей, съ удивленіемъ воскликнулъ я. Куда это васъ Богъ несетъ ночью въ такую погоду и пѣшкомъ»?— спросилъ я.—«А, это ты В. М.», узналъ онъ меня. «Нужно, нужно, братъ. Тамъ женщина бѣдная умираетъ,—нужно спѣ-

шить къ ней. Богъ вѣдаетъ: застану ли я ее живую»,.. уже на ходу проговорилъ о. протоіерей и скорыми шагами поспѣшилъ впередъ. Почти передъ самымъ городомъ я услышалъ впереди себя мелкую рысь бѣгущей лошади, запряженной въ какой-то экипажъ, и громкіе крики: «батюшка, батюшка, да підожды рады Бога. Хіба жъ можно такъ робить добрымъ людямъ, якъ ты оце робишь»? Это ѣхалъ старикъ кучеръ о. протоіерея. На другой день — такъ закончилъ свой разсказъ мѣщ. Р., я узналъ, что о. протоіерей, поздно возвратившійся домой съ какой-то требы, узнавъ отъ своихъ домашнихъ о тяжкой болѣзни означенной старушки и желаніи ея быть напутствованной св. Тайнами, не дожидаясь, пока запрягутъ лошадь, а быть можетъ жалѣя своего старика Сергѣя (кучера), наскоро собрался и, несмотря на темноту и собиравшійся ливень, поспѣшно отправился туда, гдѣ его ожидали (5 верстъ). И Богъ, видя такую попечительность достопочтеннаго о. протоіерея, а быть можетъ вслѣдствіе горячей его молитвы о томъ, не попустилъ, чтобы трудъ его былъ напрасенъ: онъ пришелъ къ больной прежде своего кучера, исповѣдывалъ и пріобщилъ ее св. Тайнами, и въ минуту пріѣзда Сергѣя больная мирно скончалась.

Тамъ же разсказано. «Былъ у о. протоіерея сынъ—врачъ, сначала проживавшій въ одномъ съ нимъ домѣ. Я пришелъ къ сыну о. протоіерея съ намѣреніемъ просить его о врачебной помощи для сильно больной моей жены. Къ моему прискорбію въ этотъ разъ самъ врачъ былъ нездоровъ и потому не могъ явиться къ моей больной и помочь ей. О болѣзни врача я узналъ отъ самого о. протоіерея. Принявъ самое горячее и сердечное участіе въ моемъ горѣ, онъ обнадежилъ меня, что на завтра онъ непремѣнно пришлетъ своего сына. Это было вечеромъ. На слѣдующее утро, несмотря на обѣщаніе о. протоіерея, я самъ поспѣшилъ къ его сыну. Когда я подходилъ къ его дому, о. протоіерей выѣхалъ было въ своемъ экипажѣ (т. е. линейкѣ) со двора,

какъ оказалось послѣ, для требоисполненія въ отдаленномъ концѣ города. Увидѣвъ меня, онъ поспѣшно соскочилъ съ линейки и обратно побѣжалъ въ домъ. Какъ разъяснилось, онъ, по старческой слабости, забылъ свое обѣщаніе рано разбудить и прислать ко мнѣ сына врача и теперь спѣшилъ это выполнить. Разбудивъ сына и взявъ съ него слово немедленно помочь мнѣ, онъ оставилъ своего кучера и экипажъ для сына и меня, а самъ пѣшкомъ поспѣшилъ, куда было выѣхалъ. Ни сердитое ворчаніе Сергѣя, ни мои и его сына врача уговоры не остановили его».

Съ особымъ самоотверженіемъ исполнялъ онъ требы во время холерной эпидеміи въ 1847—54 г.г.; почтенный пастырь не зналъ устали, не имѣлъ ровно никакого покоя, напутствуя больныхъ; въ это тяжелое по воспоминаніямъ время добросердечнаго пастыря можно было видѣть лишь у одра больныхъ, вездѣ онъ появлялся, какъ ангелъ-хранитель, однихъ ободряя надеждою выздоровленія, другихъ примиряя съ неизбѣжностью смерти; едва ли не одинъ за всѣхъ священниковъ работалъ, напутствуя больныхъ, такъ какъ среди общей паники и упадка духа сотоварищи охотно предоставляли почтенному пастырю проявлять свою самоотверженную любовь къ ближнимъ. Среди такой дѣятельности его, христіанскій духъ его не поколебала даже смерть присныхъ ему — жены и дочери, скончавшихся отъ холеры почти внезапно и едва ли не въ отсутствіе его, когда онъ переходилъ отъ одного больного къ другому. Кончились ужасы холерной эпидеміи, наступили годы Крымской войны, повергшей соотечественниковъ въ глубокую печаль... съ не меньшей энергіей работалъ Богучарскій пастырь и въ эту тяжелую годину... цѣлые транспорты отправлялъ изъ Богучара сухарей, рубахъ и полушубковъ, какъ жертву гражданъ и жителей окольныхъ селъ, подвигнутыхъ на это примѣромъ пастыря и сердечнымъ воззваніемъ его ко всѣмъ жертвовать на это св. дѣло, чѣмъ кто только могъ жертвовать.

Въ отношеніи вознагражденія за требы онъ проявлялъ полное безкорыстіе. Раздавая все, что только можно было отдать, что только лежало у него подъ руками, неимущимъ, понятно, какъ далеко онъ долженъ быть отъ того, чтобы производить торги. При совершенномъ его безкорыстіи, вопросъ о вознагражденіи былъ ему совершенно безразличенъ; но не такъ смотрѣли на это его сотоварищи, которые при общей братской кружкѣ, естественно, должны были много терять и не могли мириться съ его безкорыстіемъ, такъ ощутительно отражавшемся на ихъ карманѣ. Понятно они старались вознаградить себя иными путями; такъ—плата за требы, совершаемыя другими священниками, по большой части не вносилась въ общую кружку, а дѣлилась между совершавшими требу поручно; низшіе же члены причта при совершеніи требъ самимъ протоіереемъ, напр. молебна, ухитрялись брать плату до окончанія требы.

По принятіи священства, онъ проходилъ должность законоучителя въ приходскомъ училищѣ, а по открытіи уѣзднаго училища — въ немъ преподавалъ Законъ Божій въ теченіе 20 лѣтъ, пока не передалъ законоучительства сыну своему о. Георгію, священнику Кладбищенской церкви. По отзывамъ многочисленныхъ учениковъ его, уроки по Закону Божію не носили никакого офиціальнаго оттѣнка; не слышали ученики никогда ни рѣзкаго тона, ни порицанія, ни угрозъ, ни негодованія за незнаніе урока; отмѣтки совсѣмъ не ставились. Уроки по З. Божію были — простая, задушевная, нерѣдко вдохновенная бесѣда любящаго отца со своими дѣтьми, между которыми онъ не отличалъ ни хорошихъ, ни плохихъ,—всѣ были одинаково дороги для него. Истины св. православной вѣры, уроки нравственности, подтверждаемые примѣрами изъ исторіи ветхаго и новаго Завѣта, излагались имъ такъ, что они прежде всего запечатлѣвались въ сердцѣ слушателей. Въ каждомъ разсказѣ, въ объясненіи сообщаемаго событія, замѣтна была горячая любовь батюшки

къ дѣлу и дѣтямъ и искреннее желаніе, чтобы учащіеся усвоили, внѣдрили поглубже въ себѣ сообщаемое знаніе. Благодаря тому, что законоучитель останавливался на выясненномъ событіи настолько продолжительно, сколько требовалось для основательнаго усвоенія его, программа по Закону Божію по большей части не проходилась вся, но отъ этого дѣло нисколько не страдало, напротивъ, сказывались самыя благодѣтельныя послѣдствія такого преподаванія.

Къ нему обращались въ различныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, за разрѣшеніемъ недоумѣнныхъ вопросовъ служебнаго и семейнаго характера—лица всѣхъ званій и сословій; въ особенности къ его посредничеству прибѣгали въ случаѣ разнаго рода семейныхъ споровъ, ссоръ и домашнихъ неурядицъ и не только жители города, но и изъ далекихъ окрайнъ уѣзда; прибѣгали съ вѣрой въ его безпристрастный судъ; хорошо зная, что причиной семейныхъ неурядицъ и споровъ по большой части бываетъ — гордость, самолюбіе, самомнѣніе, пастырь-миротворецъ прежде всего убѣждалъ обращающихся къ нему отбросить эти недостатки. Горячо, искренно, по-братски онъ примирялъ ссорящихся, разбирая по нѣскольку часовъ предметы ихъ вражды и ссоры, указывая на Господа Іисуса Христа, какъ образецъ милосердія и незлобія ко врагамъ и на примѣры изъ жизни угодниковъ, а также на кратковременность нашей жизни. При этомъ онъ порою самъ собою замѣнялъ лицо, желавшее примириться и со смиреніемъ, а нерѣдко и со слезами просилъ у враждующаго христіанскаго прощенія. Такая мѣра всегда почти имѣла успѣхъ. Не рѣже были случаи обращенія къ нему, къ его духовной опытности и знанію имъ жизни въ весьма серьезныхъ недоразумѣніяхъ ума человѣческаго; съ этой стороны онъ былъ извѣстенъ далеко за предѣлами уѣзда.

Расцвѣтъ благотворной дѣятельности приснопамятнаго о. протоіерея совпалъ со временемъ управленія епархіей знаменитыхъ нашихъ архипастырей Антонія и Іосифа; слава о

такой дѣятельности протоіерея Богучарскаго . заходила далеко; знали о ней и мѣстные архіереи: Игнатій, Антоній и Іосифъ, послѣдніе оба извѣстные подвижники; всѣ они относились къ Бунину не по-начальнически, а братски, любовно. Одинъ старый семинаристъ вспоминаетъ, что протоіерей Бунинъ, по награжденіи его орденомъ св. Анны 3-й ст. былъ у преосвященнаго Игнатія, и тотъ пригласилъ его на публичный актъ въ духовную семинарію. О. Бунинъ явился въ своемъ неприглядномъ костюмѣ и по обычной скромности занялъ послѣднее мѣсто. Преосвященный Игнатій замѣтилъ его, предложилъ ему сѣсть рядомъ съ собою и слѣдовательно выше многихъ знатныхъ свѣтскихъ особъ; такое необычайное вниманіе къ невзрачному на видъ протоіерею заинтересовало всѣхъ присутствовавшихъ и съ этого времени имя «Бунина» стало извѣстно среди воспитанниковъ семинаріи. Въ другой разъ къ тому же владыкѣ протоіерей явился, не застегнувъ воротъ рясы, при чемъ орденъ былъ надѣтъ наизнанку. Преосвященный шутливо любезно замѣтилъ: «что это ты, братецъ, явился ко мнѣ не въ порядкѣ: у тебя и пуговица на рясѣ не застегнута, да и орденъ наизнанку надѣтъ, дай я тебя исправлю», и самъ застегнулъ рясу и поправилъ орденъ. Ходатайства протоіерея предъ владыками всѣ почти удовлетворялись, такъ какъ архипастыри были увѣрены, что сей мужъ, живущій для Бога и ближнихъ, никогда не злоупотребляетъ довѣріемъ своихъ начальниковъ; во всѣхъ сношеніяхъ съ архіереями не было никакихъ формальностей, при чемъ о. протоіерей не любилъ официальныхъ бумагъ. При проѣздахъ по епархіи, архіереи всегда останавливались у протоіерея на ночлегъ, несмотря на чрезвычайную простоту обстановки, соединенную иногда и съ неудобствами для дорогихъ гостей. Любили архипастыри, во время ночлеговъ у него, бесѣдовать со старцемъ и разспрашивать о его жизни и дѣлахъ. Одинъ изъ свидѣтелей ночлега преосвященнаго Іосифа у протоіерея разсказывалъ: «преосвященный Іосифъ пожаловался хозяину-протоіерею на страданіе ногъ отъ ранъ и, извинившись, что не можетъ долго сидѣть, попросилъ подать подушку на деревянный диванъ, легъ на ней, посадилъ около себя протоіерея и просилъ его разсказывать о своей жизни. И вотъ старецъ протоіерей началъ повѣствовать о глубокой старинѣ, объ ученическихъ годахъ и когда началъ говорить объ учительской службѣ своей въ семинаріи и упомянулъ о преподаваніи математики, то преосвященный Іосифъ спросилъ: «а понималъ ли ты самъ математику»?—«Я имѣлъ хорошаго руководителя», отвѣчалъ старецъ.—«Кого»? снова спросилъ владыка. «Ивана Яковлевича Зацѣпина».—«Ну теперь понимаю», и долгіе часы бесѣдовали старцы, вспоминая оба прошлое своей жизни. Объ отношеніяхъ къ протоіерею преосвященнаго Антонія должно сказать, что отношенія эти были самыя сердечныя, дружественныя, основанныя на взаимномъ уваженіи подвиговъ одинъ другого. Зная подвижническую жизнь протоіерея, его духовную зрѣлость, а также знаніе въ совершенствѣ имъ церковнаго устава, архипастырь этотъ весьма часто посылалъ на духовное испытаніе къ Бунину провинившихся псаломщиковъ, нетрезвыхъ въ жизни, нетвердыхъ въ уставѣ, и участіе такихъ лицъ въ Богослуженіи собора подъ руководствомъ протоіерея замѣняло монастырскіе штрафы.

Протоіерей Бунинъ состоялъ благочиннымъ съ 19 іюля 1822 г. и по день болѣзни, сведшей его въ могилу; кромѣ того съ 30 августа 1821 г. былъ присутствующимъ въ духовномъ правленіи до закрытія правленій. Благочиніе его въ то время состояло изъ селъ и хуторовъ, числомъ доходившихъ до 40, что въ настоящее время составляетъ болѣе 3-хъ благочинническихъ округовъ; самыя дальнія церкви отстояли отъ Богучара въ 60 верстахъ. При низкомъ уровнѣ образованія, а отсюда отсутствіи сдержанности и добропорядочности, отношенія между членами причтовъ были наихудшія. Дѣлежъ кружечныхъ денегъ, спорное пользованіе церковною землею,

пренебреженіе службою, нетрезвость въ поведеніи, — все это порождало между ними взаимную вражду, переходившую на офиціальную почву въ видѣ жалобы другъ на друга въ духовное правленіе и благочинному. Вотъ тутъ-то и открывалось широкое поле для миротворческой дѣятельности почтеннаго начальника.

Духовенство его благочинія составляло одну семью, и къ нему безбоязненно шли всѣ обиженные въ увѣренности, что начальникъ разсудитъ ихъ по правдѣ. И онъ просто, безъ начальнической запальчивости, безъ повышенія голоса выслушивалъ жалобы членовъ причта, указывалъ на нерѣдкую неосновательность такихъ жалобъ (если онѣ были кляузами) и принималъ всѣ отеческія мѣры къ тому, чтобы дѣло покончить миромъ. Низшихъ членовъ причта, жалующихся на священниковъ, онъ убѣждалъ относиться къ настоятелямъ церкви съ должнымъ почтеніемъ и полнымъ довѣріемъ; священниковъ, ведущихъ нетрезвую жизнь, притѣсняющихъ низшихъ членовъ причта — несправедливо къ нимъ относящихся, преслѣдующихъ корыстныя цѣли въ приходѣ, онъ уговаривалъ наединѣ, какъ товарища, какъ брата о Христѣ достойно нести высокую обязанность своего служенія, умолялъ, убѣждалъ и не разъ, а много разъ. Прихожанъ, жалующихся на нетрезвость духовенства, лишніе поборы за требы и т. п. онъ наставлялъ относиться снисходительно къ человѣческимъ слабостямъ вообще и пастыря въ частности, убѣждалъ жить съ ними въ мирѣ, согласіи и взаимномъ уваженіи, носить тяготы другъ друга. Лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда истощались всѣ мѣры убѣжденія и примиренія члена причта съ сотоварищами или прихожанами, когда испробывались всѣ средства къ исправленію дурныхъ отношеній, и извѣстное лицо становилось совершенно нетерпимымъ въ приходѣ, онъ совѣтовалъ такому лицу хлопотать о переводѣ въ другой приходъ, при чемъ самъ лично озабочивался о томъ, чтобы такой переходъ не былъ разорителенъ

въ матеріальномъ отношеніи. Донесеній по начальству какъ самъ не могъ терпѣть, такъ неблаговидно смотрѣлъ на письменные доносы другихъ, напр. священниковъ на низшихъ членовъ причта. Одинъ священникъ разсказывалъ, что, недовольный поведеніемъ своего псаломщика, онъ донесъ рапортомъ благочинному Бунину о неблаговидныхъ поступкахъ псаломщика; отвѣта не послѣдовало; не послѣдовало никакого распоряженія отъ благочиннаго и на послѣдующіе два рапорта по тому-же дѣлу; въ недоумѣніи, что значитъ молчаніе благочиннаго, священникъ явился къ о. Бунину и высказалъ претензію на невниманіе къ его донесеніямъ. Терпѣливо, со вниманіемъ выслушавъ о N и его жалобу на дьячка, о. протоіерей сказалъ: «а я думалъ, что вы человѣкъ, какъ человѣкъ, а вы бумажный человѣкъ». Какъ, я бумажный человѣкъ? возразилъ священникъ. «Очень просто, отвѣчалъ о. протоіерей, вы любите напрасно и безъ дѣла марать бумагу; при первомъ знакомствѣ съ вами, я составилъ о васъ мнѣніе, какъ о человѣкѣ добромъ, а, оказывается, вы не усвоили себѣ этого качества; добрый человѣкъ всегда ищетъ въ другомъ хорошее, доброе, дурное-же качество не замѣчаетъ или не обращаетъ вниманія; если и замѣтитъ непорядки въ причтѣ, а также и въ приходѣ, добрый священникъ старается устранить ихъ безъ гнѣва и рвенія, однимъ духомъ кротости; священникъ долженъ быть идеаломъ мира и этотъ миръ поддерживать и въ причтѣ, и въ приходѣ, а вы вздумали бумажиться. Прошу тебя: оставь бумагомараніе и поучись жить въ мирѣ, правдѣ и добрѣ; поставь себя такъ, чтобы причтъ и приходъ полюбили тебя, уважали и почитали; повѣрь мнѣ, что если ты усвоишь себѣ это правило истины и олицетворишь ихъ въ своихъ дѣйствіяхъ, то причтъ и приходъ не только будутъ слушать тебя, но и предупреждать твои желанія». Священникъ отошелъ отъ о. протоіерея пристыженнымъ, вполнѣ сознавая свою молодую опрометчивость; добрый совѣтъ старца принялъ къ сердцу и,

руководствуясь этимъ совѣтомъ, впослѣдствіи нашелъ въ своемъ причтѣ и приходѣ и миръ, и любовь, и согласіе, а также искреннее уваженіе самого протоіерея. Протоіерей Бунинъ внушалъ духовенству, чтобы оно не только занималось чтеніемъ Свящ. Писанія и святоотеческихъ книгъ, но по возможности было въ молитвенномъ настроеніи и всегда готово къ совершенію Богослуженія. Однажды молодой городской священникъ, услышавъ звонъ къ утрени въ соборѣ въ день, когда положено святому совершать всенощное бдѣніе, взошелъ въ соборъ; служилъ о. протоіерей; съ радостію встрѣтилъ его о. протоіерей, предложивъ сослужить ему; священникъ отказывался тѣмъ, что не читалъ вечернихъ правилъ. Протоіерей на это сказалъ: «какъ? ты священникъ и не читаешь каждый день вечернихъ правилъ? Помни—вѣдь ты назорей—посвященъ Богу... ты всецѣло долженъ пребывать въ молитвѣ къ Богу; вѣдь по настоящему ты долженъ ежедневно приносить безкровную жертву Богу, и если это гдѣ не дѣлаютъ, то лишь въ селахъ по недостатку средствъ въ церкви на ежедневныя службы, и затѣмъ далъ ему прочесть молитвы къ св. Причащенію, а также прочесть на клиросѣ дневной канонъ святому, а остальное выполнить дома послѣ службы.

Подвѣдомственное духовенство высоко цѣнило такое отеческое отношеніе къ нему начальника и платило ему нелицемѣрною любовію; къ нему шли всѣ запросто не только по дѣламъ службы, но и по неурядицамъ семейнаго характера. «Ни одно событіе въ семьѣ члена причта не обходилось безъ благословенія уважаемаго начальника; женились и выходили замужъ изъ семей членовъ причта лишь по благословенію старца. Да, это была одна семья, гдѣ главою ея былъ немощный тѣломъ, но крѣпкій духомъ и вѣрою старецъ, являвшійся въ одно время и начальникомъ, и совѣтникомъ, и утѣшителемъ, и нелицепріятнымъ судіею», — такъ воспоминалъ одинъ изъ современниковъ о. Бунина. Какъ рачительный отецъ, онъ не оставлялъ рядовыхъ дѣятелей безъ наградъ,

а также ктиторовъ, которые при благоволеніи къ протоіерею мѣстныхъ архипастырей получали награды не въ очередь, непосредственно по представленію. Но что особенно дорого было для подвѣдомственнаго ему духовенства, такъ это его отеческія заботы о семьяхъ причта въ случаяхъ смерти главы семьи. Каждый членъ причта, умирая, зналъ, что необезпеченная семья его не будетъ брошена на произволъ судьбы, что у нея остается по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ общій и дорогой попечитель—сердобольный отецъ и утѣшитель, который своею любовью пригрѣетъ и пристроитъ сиротъ. Вдовы и сироты духовнаго званія, при необезпеченности и крайней бѣдности тогдашняго духовенства, всегда были предметомъ особыхъ заботъ протоіерея. Такое попеченіе его о вдовахъ и сиротахъ находило сильную поддержку во вниманіи къ такого рода его дѣятельности преосвященнаго Антонія, который, какъ извѣстно, былъ горячимъ защитникомъ и устроителемъ сирыхъ духовнаго званія. Съ его времени собственно и начались дѣятельно выражаться заботы епархіальнаго начальства о бѣдныхъ духовнаго званія и такимъ образомъ въ этой дѣятельности протоіерей являлся правою рукою своего архипастыря. Въ случаѣ смерти главы семьи (члена причта), онъ немедленно подавалъ помощь прежде всего отъ себя, а нерѣдко и по приглашенію отъ духовенства благочинія; и въ то же время испрашивалъ пособіе такимъ семьямъ отъ попечительства. Оставшаяся вдова его заботами опредѣлялась просфорнею при той же церкви, гдѣ служилъ ея мужъ, если это было возможно или въ ближайшей слободѣ; за дочерьми и сыновьями умершаго члена причта, по обычаю того времени, зачислялись мѣста отцовъ, при чемъ протоіерей самъ озабочивался пріисканіемъ жениха или невѣсты, что было сдѣлать нетрудно такому популярному покровителю, какимъ былъ протоіерей. Недостатка въ кандидатахъ на зачисленныя мѣста не было; они обыкновенно пріѣзжали прямо въ домъ протоіерея, поселялись иногда

здѣсь на все время сватовства—до женитьбы; здѣсь получались ими необходимыя свѣдѣнія о невѣстѣ и мѣстѣ и отсюда же женихъ отправлялся съ своими родными на мѣсто жительства невѣсты, и если затѣмъ дѣло сходилось, то совершался бракъ съ благословенія протоіерея; но этимъ попеченіе его о сирыхъ не ограничивалось, а онъ, какъ попечительный отецъ, озабочивался судьбою и другихъ, меньшихъ дѣтей, никогда не терялъ ихъ изъ виду и всячески вспомоществовалъ устроенію ихъ жизни.

Съ особымъ почтеніемъ относились къ нему и уѣздные помѣщики, знавшіе его благочестивую жизнь и часто обращавшіеся къ нему за совѣтами въ дѣлахъ семейнаго характера; посѣщеніе своихъ домовъ протоіереемъ они считали для себя за особую честь. Разсказываютъ, что однажды протоіерей былъ приглашенъ совершить молебствіе по случаю какого-то большого торжества въ слободу Шуриновку къ именитымъ дворянамъ Шуриновымъ, около коихъ группировалось дворянство Богучарскаго и Острогожскаго уѣздовъ; на этотъ разъ случились знатные гости даже изъ Петербурга. Близкими къ протоіерею было много потрачено и совершенно напрасно труда убѣдить его ѣхать въ Шуриновку въ болѣе приличномъ экипажѣ и на наемныхъ лошадяхъ, чтобы слишкомъ уже неприглядным видомъ собственнаго экипажа съ кучеромъ — Сергѣемъ не вызвать смѣха представителей дворянства, но протоіерей остался непреклоненъ и со смиреніемъ поѣхалъ на своей лошади, потерявшей уже цвѣтъ отъ старости и въ своемъ экипажѣ, издававшемъ разнообразные звуки и трескъ при ѣздѣ. Понятно, батюшка былъ принятъ достойно своего сана и былъ все время предметомъ самаго внимательнаго отношенія къ нему со стороны хозяевъ, всегда его чтившихъ, и гостей, коимъ, безъ сомнѣнія, было сообщено о подвигахъ невзрачнаго на видъ батюшки. Провожать чтимаго батюшку вышли всѣ гости, и каково было ихъ удивленіе, когда къ крыльцу была подана еле

передвигающая ноги лошадь и экипажъ, не имѣющій уже опредѣленнаго вида, готовый разсыпаться, со старикомъ Сергѣемъ на козлахъ—ровестникомъ и экипажу, и лошади. Пораженные такимъ смиреніемъ городского батюшки—начальника, присутствовавшіе на рукахъ снесли старца съ крыльца, усадили въ экипажъ и въ глубокомъ молчаніи, низкими поклонами проводили дорогого гостя.

По истинѣ онъ былъ другомъ всѣхъ обездоленныхъ, гонимыхъ судьбою, разбитыхъ въ жизни, выбитыхъ изъ колеи ея; къ таковымъ онъ преимущественно приходилъ съ дѣятельною помощью, утѣшалъ словомъ, кормилъ, поилъ, давалъ пріютъ, на нихъ особенно онъ изливалъ любовь своего сердца. Никто не зналъ, откуда онъ бралъ для оказанія помощи неимущимъ, но всѣ прибѣгавшіе къ нему были увѣрены, что онъ не оставитъ ихъ безъ помощи. Мы не говоримъ уже о самой дѣятельной помощи, постоянно оказываемой имъ многочисленнымъ роднымъ, изъ коихъ бѣднѣйшіе безпрепятственно и даже безъ вѣдома протоіерея изъ дома его получали все, чего недоставало въ ихъ домашнемъ обиходѣ или вѣрнѣе забирали у него все, что только можно было взять; на его средства постоянно содержались даже отдаленные родственники, коимъ онъ никогда не отказывалъ въ помощи и по возможности старался пристроить ихъ къ жизни, но кромѣ этой семьи, кровной ему по плоти, у него была другая, гораздо большая семья сродныхъ ему по духу, о коей онъ пекся не менѣе, нежели о родной. Къ этой семьѣ, пользовавшейся его кровомъ, прежде всего принадлежалъ, если можно такъ выразиться, интеллигентный пролетаріатъ изъ духовнаго званія,—это: неудачники науки, молодые люди, уволенные изъ духовнаго училища и семинаріи, не имѣвшіе опредѣленныхъ занятій, а нерѣдко и пристанища, нуждавшіеся въ сильной опорѣ и поддержкѣ для вступленія въ самостоятельную жизнь. Они являлись съ разныхъ сторонъ епархіи къ протоіерею Бунину, пользовавшемуся широ-

кой извѣстностью устроителя несчастныхъ, съ просьбою дать имъ временно какое-либо дѣло до пріисканія при его же помощи псаломщическаго или діаконскаго мѣста или на частной службѣ. Такихъ лицъ протоіерей помѣщалъ въ своемъ домѣ или же во флигелѣ. Чтобы они не предавались праздности и не отдавались порокамъ, порождаемымъ праздностію, онъ открылъ при своемъ домѣ школу, въ коей предлагалъ заниматься искателямъ мѣстъ; самъ же преподавалъ въ ней Законъ Божій, слѣдилъ и руководилъ занятіями и вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь усматривалъ тѣ или другія способности и наклонности своихъ учителей и соотвѣтственно способностямъ каждаго, по долговременномъ испытаніи, подыскивалъ имъ мѣста, лучшихъ рекомендовалъ Епархіальному Начальству для опредѣленія на діаконскія и псаломщическія мѣста, неспособныхъ же въ прохожденіи духовныхъ должностей, но доброй нравственности, опредѣлялъ въ духовное правленіе писцами, сторожами и т. п., а также рекомендовалъ на службу частнымъ лицамъ. Школа эта имѣла и другое весьма важное значеніе для духовенства; въ нее принимались почти исключительно дѣти бѣднѣйшихъ членовъ причта и преимущественно тѣхъ, которые по своей малообразованности не могли подготовить дѣтей своихъ въ духовное училище. Такимъ образомъ школа эта имѣла цѣлію—подготовку псаломщиковъ изъ неудачниковъ духовной школы и подготовку дѣтей бѣднѣйшаго духовенства въ духовное училище. Лица, принятыя подъ кровъ протоіерея, обласканныя его любовію, поддержанныя имъ въ жизни, впослѣдствіи выходили людьми дѣльными. Но не одни незрѣлые юноши духовнаго званія находили кровъ и покровительство у протоіерея; имя его, какъ покровителя сирыхъ, было особенно популярно среди воспитанниковъ духовной семинаріи; вотъ почему нерѣдко и безродные студенты семинаріи, не имѣвшіе—гдѣ приклонить свою голову, по окончаніи курса, проживали нѣкоторое время у протоіерея и при его посредствѣ находили мѣста и невѣстъ. Пріютъ,

впрочемъ, не ограничивался одними лицами духовнаго званія: между пользовавшимися его кровомъ и теперь припоминаютъ лицъ другихъ сословій и даже народностей—помнятъ одного армянина, пришедшаго съ пограничныхъ мѣстъ Турціи и даже одного выкрещеннаго еврея.

Не меньшею любовью и вниманіемъ его пользовались и разнаго рода профессіональные странники, монахи и сборщики на построеніе церквей, приходившіе иногда съ отдаленныхъ мѣстъ. Это были самые дорогіе его гости; съ ними онъ проводилъ все свободное отъ служебныхъ занятій время въ задушевной бесѣдѣ; сборщиковъ на храмы онъ разспрашивалъ подробно о нуждахъ церкви и о средствахъ построенія; монашествующихъ—о святыняхъ русскихъ монастырей, жизни монашеской и ихъ подвигахъ, но съ особеннымъ интересомъ слушалъ онъ странниковъ, посѣщавшихъ Палестину, св. Аѳонъ и другія святыни, отдаленныя отъ Россіи. Любовь его къ странноприимничеству, нужно думать, и подсказала ему благочестивую мысль устройства для пріюта такихъ лицъ особаго гостепріимнаго дома на свои средства и на своемъ дворѣ, въ которомъ никогда не выводились странники и куда они не разъ въ своихъ путешествіяхъ заходили, находя самый сердечный пріемъ гостепріимнаго хозяина-старца. Управительницею этого странноприимнаго дома была поставлена старуха хутора Поповки—Марья, по прозванію Овчарка, раза три путешествовавшая въ Палестину и побывавшая во многихъ русскихъ монастыряхъ. Пища и содержаніе этого дома шли отъ щедротъ самого устроителя пріюта. Не менѣе высокою чертою жизне-дѣятельности протоіерея Бунина было его нищетолюбіе. По выходѣ изъ церкви его всегда можно было видѣть окруженнаго нищими, которые подходили къ нему, какъ къ отцу, и всѣхъ онъ одѣлялъ деньгами, какія только получалъ при служеніи. Отецъ протоіерей не имѣлъ кошелька, а забиралъ деньги въ карманъ. Разъ однимъ прихожаниномъ было подано на проскомидію 50 к.; протоіерей никогда не

обращалъ вниманія на монеты и на этотъ разъ не замѣтилъ такой крупной монеты и, опустивъ ее въ карманъ, по выходѣ изъ собора, одѣляя нищихъ, одному изъ нихъ отдалъ полтину. Получившій ошибочно, какъ онъ думалъ, 50 коп., догналъ о. протоіерея и просилъ его обмѣнить серебряную монету на мѣдную, говоря: «я нуждаюсь въ помощи, но такой монеты не приму отъ тебя, я соберу себѣ еще въ другихъ мѣстахъ, но ты, милосердый, до копѣйки роздалъ намъ, а вѣдь есть и, быть можетъ, тебя дома ожидаютъ такіе, которые бѣднѣе насъ, и тебѣ тяжело будетъ отказать другимъ—такимъ же несчастнымъ». Протоіерей не взялъ обратно монеты, сказавъ: «тебѣ попалась эта монета—твое счастье». Немало было конечно и злоупотребленій со стороны нищихъ: вмѣстѣ съ дѣйствительно неимущими къ нему протягивали руки и молодые, способные къ труду; онъ не отказывалъ имъ, но убѣждалъ ихъ оставить это занятіе, указывая на великій грѣхъ тунеядства, когда человѣкъ въ силахъ работать, а побирается по лѣности; старался пріискать такимъ лицамъ занятіе у себя дома, въ церкви и у другихъ добрыхъ людей. Старики безродные, немощные калѣки были предметомъ особаго о нихъ попеченія; таковыхъ онъ подробно и внимательно разспрашивалъ объ обстоятельствахъ жизни и помогалъ, чѣмъ могъ: одеждою, деньгами, приказывалъ прислугѣ накормить ихъ, а когда не было болѣе нуждающихся въ его кровѣ, оставлялъ ихъ на нѣкоторое время у себя на кухнѣ. Въ дни своего ангела, а также въ дни помина всѣхъ родныхъ онъ дѣлалъ угощенія исключительно нищей братіи. Разсказываютъ такой случай. Вскорѣ послѣ женитьбы одного изъ своихъ сыновей, поселившагося съ женою въ домѣ протоіерея, протоіерей былъ именинникъ. Молодая невѣстка, свѣтски воспитанная и изъ богатаго дома, заблаговременно стала готовить яства и питія къ торжеству, въ надеждѣ видѣть въ этотъ день въ домѣ свекра именитыхъ гражданъ, предъ которыми кстати можно было ей щегольнуть своими богатыми костюмами. Въ

день ангела расфранченная невѣстка поджидала гостей, для которыхъ въ парадной комнатѣ была приготовлена разнообразная и дорого стоющая трапеза. Но каково было ея удивленіе и затѣмъ огорченіе, не имѣвшее границъ, когда во дворъ въѣхала линейка, наполненная братіей-нищими, а за нею слѣдовала еще толпа таковыхъ гостей, а вмѣстѣ съ ними и протоіерей именинникъ. Вся эта компанія была введена въ парадную комнату, и все заготовленное къ торжеству было уничтожено неожиданными гостями при усердномъ угощеніи самого именинника. Огорченная и обманутая въ своихъ ожиданіяхъ невѣстка исчезла изъ дома на это время, и бѣдному старику-имениннику пришлось со слезами просить прощенія у невѣстки за то, что онъ забылъ предупредить ее о своихъ гостяхъ... Озабоченный участью безродныхъ, немощныхъ и другихъ несчастныхъ, остающихся въ старости безъ крова, протоіерей издавна лелѣялъ мысль устроить особую богадѣльню для нихъ; но значительные расходы на осуществленіе такого учрежденія, при постоянномъ его безденежьи, нѣкоторое время задерживали осуществленіе этой завѣтной его мысли. Однакоже, Господь помогъ ему завершить и это доброе дѣло, остающееся и понынѣ памятникомъ его любви къ убогимъ: въ 1840 г., по его мысли, его же стараніемъ, при обильномъ пожертвованіи многочисленныхъ почитателей его, былъ начатъ постройкою храмъ на городскомъ кладбищѣ, наименованный храмомъ великомученика Іоанна Воина (въ честь св. патрона его отца); о. протоіерей воспользовался этимъ случаемъ, чтобы осуществить и другую мысль—устройство при семъ же храмѣ богадѣльни, въ чемъ онъ и успѣлъ при помощи благотворителя виннаго пристава Травина, пожертвовавшаго подъ богадѣльню усадьбу съ нѣкоторою постройкою, находившуюся въ смежности съ церковною оградою. На устройство этой богадѣльни несли жертвы почти исключительно жители сосѣднихъ хуторовъ—прихожане собора. Богадѣльня эта была предметомъ особаго попеченія

старца; едва ли проходилъ хотя одинъ день безъ посѣщенія ея протоіереемъ, который не могъ духовно нарадоваться на свое дѣтище. Почитателями памяти обожаемаго пастыря на содержаніе богадѣльни внесены вѣчные вклады, городъ также принялъ участіе въ судьбѣ этого учрежденія, ежегодно субсидируя на его содержаніе.

Тайную милостыню онъ творилъ преимущественно тѣмъ, кто стыдился протягивать руку за помощію открыто. Такою любвеобильною помощію его пользовались преимущественно бѣднѣйшіе жители гор. Богучара, такъ-называемой Харьковской слободки и хуторовъ Вервековки и Поповки. Разсказываютъ, что почтенный батюшка, при чтеніи предпраздничныхъ молитвъ Р. Христова и Пасхи по домамъ, часто возвращался домой, ничего не имѣя на возу; все, что давалось въ зажиточныхъ домахъ: хлѣбъ въ зернѣ, мясное и т. п.—отдавалось по домамъ бѣднѣйшимъ. Одна старуха хутора Поповки (теперь слободы) передавала, что по смерти мужа она осталась съ матерью и четырьми дѣтьми совершенно безъ всякихъ средствъ къ жизни; положеніе ея было безвыходное, оставалось идти съ сумою по міру; особенно грустно и тяжело, по ея словамъ, становилось наканунѣ великихъ праздниковъ Р. Христова и Свѣтлаго Христова Воскресенія, когда въ домѣ ея не было не только чѣмъ разговѣться, но даже нечего совершенно ѣсть; но ни разу она не осталась неутѣшенною; въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ, какъ бы невидимою рукою, отъ неизвѣстнаго лица приносилось изъ города въ избыткѣ все необходимое къ празднику, и съѣстное, и одежда, и такъ продолжалось, пока дѣти не поднялись на ноги; лишь впослѣдствіи этой вдовѣ стало извѣстно, что такое благотвореніе идетъ или шло отъ сердобольнаго Богучарскаго батюшки, да и не ей одной, а и нѣсколькимъ въ хуторѣ—подобнымъ ей. Такимъ образомъ, не только ближніе, всегда напоминавшіе о себѣ, но и дальніе, о существованіи коихъ, думалось, едва ли могъ знать пастырь-благотворитель, удостоивались

его призрѣнія. Тайная помощь его не знала границъ и достигала той степени, что онъ нерѣдко самъ оставался безъ необходимаго. Одна старица Харьковской слободы передавала, что, приходя къ батюшкѣ съ просьбой о помощи, она не разъ получала изъ рукъ его такъ называемое тѣсто, уже заготовленное для печенія хлѣба; добрый батюшка, не имѣя, что подать просителю, нуждающемуся въ кускѣ хлѣба, пользуясь отсутствіемъ изъ кухни кухарки, ухищрялся незамѣтно выбирать изъ горшка означенное тѣсто и раздавать его бѣднѣйшимъ, вызывая понятно гнѣвъ и укоры прислуги. Состоятельные родные его, пріѣзжая въ городъ провѣдать старика и зная, что у него можетъ даже не случиться чаю, предварительно заѣзжали въ магазинъ, закупали необходимаго къ чаю и этимъ угощали своего патріарха. Въ домѣ его, кромѣ книгъ, принадлежностей канцеляріи, самой необходимой мебели—простой незатѣйливой работы,—ничего не было, не говоря уже о предметахъ роскоши, о которой ничто въ домѣ не напоминало; мы не говоримъ также о деньгахъ, которыя у него никогда не задерживались, а если ему и приходилось получать изъ братской кружки какія-либо деньги, то онъ не складывалъ ихъ въ какую-нибудь шкатулку или мѣсто запираемое, а раскладывалъ ихъ по окнамъ, какъ говорили, для того, чтобы было удобнѣе брать ихъ для раздачи нищимъ—постояннымъ гостямъ его дома. Многимъ приходилось видѣть, какъ протоіерей при входѣ нищаго по всегдашней своей торопливости и суетливости подбѣгалъ то къ одному окну, то къ другому, ища руками на окнахъ денегъ и, если таковыхъ не оказывалось, то отдавалъ нищимъ то, что попадалось ему на глаза—была-ли то вещь или одежда. Богучарскіе купцы разсказывали, что почтенный батюшка ихъ никогда не забиралъ въ лавкахъ нужнаго ему товара на большую сумму за постояннымъ безденежьемъ; нерѣдко случалось, что въ ожиданіи гостей къ себѣ (напр. благочинническаго съѣзда духовенства), а больше для потребно-

стей странноприимнаго дома и богадѣльни, самъ заходилъ въ лавку и спрашивалъ отпустить ему осьмушку чаю и фунта два сахару; большей мѣры онъ не зналъ, не требовалъ, не имѣя, чѣмъ заплатить; при чемъ торопливо рылся въ карманахъ, ища денегъ, но по большей части денегъ не оказывалось. Сильно сконфуженный онъ проситъ обождать уплату за товаръ, обѣщаясь уплатить въ скоромъ времени. Зная его скромность и не рѣшаясь оскорбить его предложеніемъ принять нужный ему товаръ въ большемъ количествѣ и безъ денегъ, глубоко-чтившіе его купцы обыкновенно въ такихъ случаяхъ не давали ему товаръ на руки, а обѣщались прислать на домъ, при чемъ, вмѣсто ¹/₈ ф. чаю и 1 ф. сахару, по большей части отсылали цѣлый фунтъ чаю и голову сахару. Если протоіерей узнавалъ о присылкѣ въ такомъ количествѣ товару, то, предполагая здѣсь ошибку, отсылалъ обратно въ магазинъ, откуда тотъ же товаръ передавался кому-либо изъ домашнихъ протоіерея, съ предостереженіемъ, чтобы онъ не могъ узнать. Когда же протоіерей отправлялся въ магазинъ уплачивать долги, то купцы старались увѣрить его, что долгъ давно имъ уплаченъ, чѣмъ приводили въ большое удивленіе старца, ссылавшагося на свою старческую забывчивость. Мы уже говорили, что, за неимѣніемъ денегъ, почтенный протоіерей дѣлился съ нищими всѣмъ, что только попадалось ему на глаза, оставаясь самъ нерѣдко безъ самаго необходимаго даже въ одеждѣ. «Однажды, — передавалъ одинъ почтенный іерей, —я прихожу по дѣлу къ протоіерею; въ передней у него нищій; вхожу въ слѣдующую комнату и вижу весьма странную и на первый разъ непонятную картину: почтенный начальникъ запутался въ ночной сорочкѣ и никакъ не можетъ ни снять ее съ себя, ни надѣть на себя... нетрудно было догадаться, что протоіерей, не имѣя, что дать нищему, началъ снимать съ себя сорочку, чтобы отдать ее просителю, но по обычной своей суетливости, быть можетъ замѣтивъ мой приходъ, заспѣшилъ и забылъ растегнуть верхнія пуговки, отсюда и получилось безвыходное положеніе его. Я, понятно, помогъ ему выпутаться. Сконфуженный моимъ присутствіемъ, онъ отдалъ сорочку нищему, а самъ, не имѣя для перемѣны лишней рубахи, надѣлъ поверхъ тѣла одинъ подрясникъ. Крайне непріятно пораженный тѣмъ, что я былъ невольнымъ свидѣтелемъ этого, онъ много разъ лобызалъ меня, убѣдительно прося никому не говорить о видѣнномъ, что я и выполнилъ, не оглашая о семъ до его кончины», заключилъ іерей. Другой выдающійся случай разсказывалъ бывшій инспекторъ народныхъ училищъ г. Ф—въ, сослуживецъ протоіерея по уѣздному училищу и притомъ находившійся въ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ нимъ: «почтенный законоучитель изъ года въ годъ носилъ одну и ту же шубу, которая по своей ветхости и изношенности едва-ли шла маститому настоятелю собора, благочинному и т. п. По дружбѣ съ нимъ г. Ф—въ позволялъ себѣ неоднократно замѣчать ему: «что это вы, о. протоіерей, такъ плохо одѣваетесь, занимаете такое высокое положеніе, а шуба на Васъ никуда не годна». «Смотрю— передаетъ г. Ф—въ, однажды нашъ законоучитель является въ училище въ новой шикарной и дорого стоющей бѣличьей шубѣ и шутливо говоритъ, что вотъ де сынъ (докторъ) прислалъ ему въ подарокъ шубу и теперь онъ исполняетъ желаніе многихъ видѣть его въ приличной шубѣ. Но недолго щеголялъ нашъ батюшка въ новой шубѣ; прошло дня три—четыре, и нашъ законоучитель появился въ старой шубѣ. На разспросы — почему онъ опять въ старой шубѣ, протоіерей отвѣчалъ уклончиво, что шуба украдена.

Тайна съ шубой была раскрыта только спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти протоіерея. Одна изъ благочестивыхъ женщинъ г. Богучара при посѣщеніи Палестины удостоилась бесѣды съ Іерусалимскимъ патріархомъ, который, узнавъ, что собесѣдница изъ Богучара, между прочимъ спросилъ ее: «а

какъ поживаетъ Богучарскій протоіерей?» Пораженная тѣмъ, что смиренный старецъ-протоіерей извѣстенъ патріарху, собесѣдница полюбопытствовала узнать, какимъ образомъ Его Святѣйшеству извѣстно имя ихъ доблестнаго пастыря? Патріархъ отвѣтилъ: онъ мой благодѣтель... прислалъ мнѣ дорогую шубу. Не задерживались у о. протоіерея деньги, не имѣлось у него ничего лишняго въ вещахъ, одеждѣ и обстановкѣ; не было запаса у него зерноваго хлѣба, ни муки, ни съѣстныхъ припасовъ и вообще провизіи для семейнаго продовольствія даже къ слѣдующему дню. Амбары его всегда были пусты, равно и кладовая, а если что и приносилось отъ щедротъ гражданъ, то не задерживалось также и нѣсколько дней, несмотря на то, что домашніе его, особенно старикъ Сергѣй, постоянно запиралъ отъ о. протоіерея кладовыя, амбаръ и пр. и ключъ держалъ у себя, не довѣряя о. протоіерею. При чемъ въ отношеніи благотворенія съѣстными припасами и зерновымъ хлѣбомъ протоіерей имѣлъ нерѣдко столкновеніе съ названнымъ слугою Сергѣемъ Яковлевичемъ. Сергѣй—это вѣрный слуга о. протоіерея, или лучше довѣренное лицо, съ коимъ онъ дѣлилъ и горе, и радость въ теченіе сорока лѣтъ. Преданный слуга вѣрой и правдою служилъ батюшкѣ до послѣдняго его вздоха и пользовался полнымъ его расположеніемъ, любовью и довѣріемъ. Это былъ самый безкорыстный совѣтникъ, который на разспросы о томъ или другомъ ихъ домашнемъ дѣлѣ, въ простотѣ своей обыкновенно говорилъ: «мы съ батюшкой порадылысь (сговорились, порѣшили) такъ-то»; для такихъ-то радъ или совѣщаній Сергѣй каждый вечеръ приходилъ къ батюшкѣ—разспросить его о распоряженіяхъ къ слѣдующему дню, и здѣсь у нихъ сообща рѣшалось то или другое. Въ одномъ лишь они не сходились: батюшка любилъ раздать все бѣднымъ явно и преимущественно тайно, Сергѣй же своимъ долгомъ считалъ всячески охранить батюшкино добро отъ его чрезмѣрной «слабости», какъ называлъ Сергѣй широкую

благотворительность о. протоіерея. На этой почвѣ они не сходились, и старику-протоіерею приходилось не разъ выслушивать упреки и укоры отъ Сергѣя въ томъ, что онъ ничего не припасаетъ про черный день. Между прочимъ на этой же почвѣ между ними вышла однажды такая исторія: во время хожденія по приходу съ молитвой предъ праздникомъ Р. Христова было собрано и привезено домой нѣкоторое количество куръ, гусей, колбасъ, сала и мяса. «Птыці и мьяса, привезеннаго для своеі семьі булобъ на тыждень, або й більше», послѣ жаловался Сергѣй и затѣмъ прибавилъ: «воно то и більшъ було забрано, та хіба нашъ протопопъ—якій? шо забравъ у двоихъ або й більше дворахъ—все и раздасть, де побаче, шо тісно жывуть». Да, такъ на этотъ разъ Сергѣй самъ прибралъ все добытое мясо и проч., заперъ амбаръ и ключъ оставилъ у себя. Дня за два или за три до праздника ложась спать, Сергѣй, по забывчивости, оставилъ ключъ отъ амбара, гдѣ хранилось мясо, въ карманѣ своего полушубка, а самый полушубокъ положилъ въ сторонѣ отъ себя. Утромъ проснувшись онъ замѣтилъ свою оплошность, хватился ключа,—его не оказалось. Поспѣшилъ до амбара, онъ оказался запертымъ. Къ вечему того-же дня ключъ оказался какими-то судьбами опять въ карманѣ полушубка. Сергѣй поспѣшилъ отпереть коморю и... «ни ковбасъ, ни сала, ни кусочка мьяса, хоть бы кіжка, або кісточка гусяча чи другоі якоі птыці знайшлось». Такъ-таки ничего и не оказалось. Разспросивши, Сергѣй узналъ, что батюшка роздалъ все бѣднымъ. Разсерженный онъ спѣшитъ въ комнату о. протоіерея. «Чи ты таки умный человѣкъ, а еще протопопъ»? сердито кричитъ онъ на своего хозяина: «ну, шо ты наробівъ? у насъ теперь и разговіцця нічімъ». О. протоіерей въ это время стоялъ на вечерней молитвѣ. Услышавъ сердитое ворчаніе своего лычарды (такъ Богучарцы прозвали этого кучера о. протоіерея) онъ смущенно и какъ-то просительно заговорилъ къ нему: «мерзкій, мерзкій, молчи,

не мѣшай мнѣ». Но тотъ все продолжалъ ворчать и бранить о. протоіерея. Тогда о. протоіерей строго крикнулъ на него: «вонъ, вонъ, мерзкій! Богъ милостивъ: Онъ и намъ пошлетъ, чѣмъ разговѣться». Сергѣй, не переставая ворчать, ушелъ въ свое мѣсто. И что-же? Наканунѣ самаго праздника, Богучарцы, вѣроятно, узнавъ объ означенномъ случаѣ въ домѣ достопочтеннаго старца-протоіерея, нанесли и наслали ему столько мяса, рѣзанной птицы, колбасъ и проч., сколько онъ самъ не привозилъ съ прихода. Вечеромъ о. протоіерей стоялъ на молитвѣ. Тихо отворилась дверь его комнаты, и его вѣрный Сергѣй стремительно бросился къ ногамъ его со словами: «батюшка, прости меня, я тебя обідівъ».—«Какъ, что ты»? съ простодушнымъ удивленіемъ воскликнулъ отецъ Александръ: «я это давно забылъ, иди и не мѣшай мнѣ». Во всемъ остальномъ Сергѣй былъ незамѣнимымъ вѣрнымъ другомъ батюшки; вѣрный слуга сердечно относился не только къ нему, но и къ дѣтямъ его и ко всѣмъ роднымъ; семинаристовъ—дѣтей протоіерея — онъ называлъ «діточками», провожая ихъ въ Воронежъ, онъ напутствовалъ вмѣстѣ съ протоіереемъ своими благопожеланіями: «учісь діточка гарно, пиші сынку пісьма чаще...

Имущественной собственности или хозяйства у него, протоіерея, не было: была у него одна лошадь, такая же старая, какъ и кучеръ Сергѣй, сбруя на лошади была частію веревочная, частію кожаная; экипажъ у него все одинъ и тотъ же—длинная линейка, ветхая и настолько близкая къ разрушенію, что при ѣздѣ издавала шумъ и трескъ; колеса были разныя; это оттого, что родные, его навѣщавшіе, перемѣняли съ его экипажа, что кому нужно было. Нужно сказать, что Богучаръ лежитъ на жирной глинистой почвѣ. Весною и осенью, да и лѣтомъ въ дождливую погоду грязь по городскимъ улицамъ бываетъ невылазная; что пѣшкомъ идти, что ѣхать—почти одно и то же, но понятно не для стараго и немощнаго человѣка, — для него все-же лучше и

легче проѣхать, чѣмъ трудить свои старыя, слабыя ноги. Вотъ во время такой-то грязи, почти ежедневно, послѣ каждаго вечерняго и утренняго богослуженія, Богучарцы могли видѣть, какъ длинная линейка о. протоіерея, запряженная въ одну лошадь бывала биткомъ набита старушками, которыхъ онъ забиралъ изъ церкви и развозилъ по дворамъ. Бывало и такъ: насажаетъ вокругъ себя и ѣдетъ отъ церкви; вдругъ его лошадь или вязнетъ въ грязи или отъ непосильной тяжести выбивается изъ силъ. Видя это, протоіерей среди грязи встаетъ съ экипажа, понукаетъ лошадь или даже помогаетъ ей везти, — но никогда не позволялъ старушкамъ вставать на грязи. Часто случалось и такъ: приказавъ старику-кучеру развезти изъ церкви старухъ, самъ или остается въ церкви ожидать возвращенія своего кучера, или же скромненько по-надъ заборами пробираясь, пѣшкомъ возвращается домой. То же самое наблюдалось и при поѣздкахъ въ церковь: встрѣчая на дорогѣ какого-либо ветхаго старика и старушку, онъ приказывалъ кучеру остановиться, разспрашивалъ, куда идетъ и если оказывалось, что по пути — въ церковь, то усаживалъ съ собою и уже въ компаніи подъѣзжалъ къ церкви; если же встрѣтившійся шелъ въ другую сторону, то приказывалъ кучеру отвезти старика по назначенію, а самъ сходилъ съ экипажа и шелъ пѣшкомъ. Лошадь протоіерея была въ постоянной ѣздѣ, и ею пользовались всѣ, кто только имѣлъ нужду куда-либо ѣхать; отказу въ лошади не было никому, кто бы ни попросилъ. Разсказываютъ, что на лошади протоіерея ежегодно дѣлалось нѣсколько поѣздокъ въ Воронежъ гражданами по своей нуждѣ и понятно безплатно. Между прочимъ г. Ф—въ передавалъ о такомъ случаѣ: ему нужно было послать экипажъ съ лошадьми въ г. Павловскъ (въ 65 вер. отъ Богучара); лошади у него были свои, но не было экипажа; послалъ за экипажемъ къ протоіерею, тотъ охотно далъ ему свой экипажъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по непонятной причинѣ, настаиваетъ, чтобы въ поѣздку въ Па-

вловскъ была взята и его лошадь, хотя въ томъ не было ни какой нужды. Ф—въ не воспользовался страннымъ предложеніемъ протоіерея. Между тѣмъ въ Павловскѣ случилась бѣда: лошадей Ф—ва украли. Въ такой бѣдѣ Ф—въ утѣшалъ себя хотя тѣмъ, что украдены его лошади, а не лошадь протоіерея, которую тотъ такъ усиленно навязывалъ и за которую пришлось бы отвѣчать. Между тѣмъ протоіерей при встрѣчѣ съ Ф—мъ продолжалъ какъ-бы обижаться, почему тотъ не воспользовался его лошадью, при чемъ высказалъ, «что тогда и бѣды-бы не было».—«Пусть, какъ хотятъ объясняютъ настойчивость протоіерея взять его лошадь, заключилъ свой разсказъ г. Ф—въ, а я твердо вѣрю, что протоіерей провидѣлъ кражу моихъ лошадей».

Семья протоіерея состояла изъ жены, четырехъ сыновей и трехъ дочерей. Между его дѣтьми,—братьями и сестрами,—было развито миролюбіе, ссоры происходили очень рѣдко; сильно развитая любовь къ родителямъ и родному дому была причиной тому, что каждый изъ нихъ, будучи уже въ семинаріи, плакалъ, уѣзжая изъ дому послѣ каникулярнаго времени. Эта любовь къ родному дому питалась, такъ сказать, добрыми, ласковыми и сердечными отношеніями родителей, особенно отца къ дѣтямъ, который, при своихъ многочисленныхъ служебныхъ занятіяхъ, обращалъ большое вниманіе и на занятія и даже игры дѣтей, разрѣшая ихъ недоумѣнія и споры, поддерживая между ними миръ и согласіе, выясняя значеніе дѣтскихъ проступковъ (грубость, ложь, воровство и т. п.), научая точно отличать дурное дѣло отъ хорошаго, за которое, кромѣ душевнаго удовлетворенія, послѣдуетъ награда въ другомъ мірѣ, тогда какъ за дурные слѣдуетъ мученіе совѣсти и наказаніе и здѣсь, и тамъ. Помнится лишь одинъ употреблявшійся способъ наказанія за проступки: въ домѣ въ числѣ другихъ комнатъ былъ залъ съ самою необходимою мебелью, но обильно украшенной картинами (гравюрами) съ изображеніемъ Государя и Государыни, высочайшихъ особъ, а также писанными портретами архіереевъ, между которыми портретъ (въ 1 аршинъ) архіепископа Антонія написанный на холстѣ занималъ первое мѣсто; въ переднемъ же углу были иконы, между коими главное мѣсто занимала икона Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, несущаго крестъ и вокругъ Него множество крестовъ для Его послѣдователей *). Вотъ къ этой то иконѣ онъ подводилъ провинившагося изъ дѣтей (предварительно побудивъ его испросить прощенія у обиженнаго) и заставлялъ молитвою съ поклономъ испросить прощенія у Бога за свой проступокъ. Какъ только дѣти начинали ходить и понимать окружающее, отецъ ежедневно подводилъ къ иконѣ, складывалъ рученки и училъ молитвѣ: «Богородице... Отче нашъ». А его собственная молитва благоговѣйная, съ воздыханіями и сердечнымъ сокрушеніемъ, коей иногда дѣти были свидѣтелями,—какой прекрасный примѣръ былъ для дѣтей въ то время. Дѣвочки дѣти постоянно находились подъ руководствомъ матери, занимались съ нею чтеніемъ, рукодѣліемъ; съ нею-же бывали и въ церкви. Мальчики, какъ только можно было обходиться безъ матери и прислуги, по заведенному отцомъ порядку, не пропускали безъ важной причины ни одной литургіи; почти каждую службу ходили въ церковь, становились всегда въ алтарѣ, особенно на очередной седьмицѣ отца, молились подъ его присмотромъ и подъ его руководствомъ наблюдали за порядкомъ Богослуженія, зная, что послѣ обѣдни объ этомъ будетъ бесѣда съ отцомъ. Если-же кто-либо изъ нихъ по важной причинѣ не былъ въ церкви, отецъ заставлялъ того читать

*) Одинъ изъ родственниковъ прот. Бунина восьмидесятилѣтній старецъ протоіерей Н. передавалъ, что, проживая часто у протоіерея Бунина, ему однажды пришлось заглянуть въ дневникъ его, который онъ отъ всѣхъ скрывалъ, но на этотъ разъ случайно оставленный имъ на столѣ; между другими замѣтками онъ прочелъ о бывшемъ ему видѣніи Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ съ крестомъ окруженнаго множествомъ другихъ крестовъ. Отсюда можно заключить, что это своеобразное изображеніе Спасителя, нигдѣ не употреблявшееся, было нарочито написано по заказу прот. Бунина, вслѣдствіе бывшаго ему видѣнія.

утреннія молитвы, кромѣ того самъ читалъ послѣ обѣдни, если не былъ занятъ требами, Евангеліе и акаѳистъ Спасителю или Божіей Матери, а вся семья благоговѣйно слушала. Чтенію и письму училъ самъ отецъ, равно какъ самъ и готовилъ въ духовное училище, при чемъ въ это дѣло обученія влагалъ всю душу и сердце, какъ бывшій преподаватель училища, своими объясненіями пріохочивая дѣтей къ занятіямъ такъ, что тѣ не чувствовали горькаго корня ученія. Успѣхи ихъ въ наукахъ никогда не выпускались имъ изъ виду, когда тѣ даже обучались въ семинаріи. По пріѣздѣ на каникулы, онъ всегда избиралъ время, чтобы провѣрить ихъ знанія и дать возможность ученику сыну показать отцу свои знанія. Сыновьямъ, обучавшимся въ старшихъ классахъ семинаріи, онъ поручалъ приглашать на лѣтнія каникулы кого-либо изъ лучшихъ по успѣхамъ товарищей и по вечерамъ велъ съ ними ученыя бесѣды и диспуты. Изъ таковыхъ товарищей старшаго сына, пріѣзжавшихъ къ нимъ на каникулы, помнятъ богослова Лебединцева (впослѣдствіи митрополита Леонтія). Для того, чтобы доброе вліяніе его на успѣхи въ наукахъ и нравственность дѣтей поддерживались и за глазами, т. е. въ учебныхъ заведеніяхъ, онъ нерѣдко писалъ дѣтямъ и близкимъ родственникамъ-ученикамъ письма, при чемъ основною идеей этихъ писемъ всегда было призваніе къ молитвѣ и труду: «молись и трудись». Эту идею всей своей жизни онъ внушалъ непрестанно дѣтямъ, равно какъ и другимъ; этотъ девизъ его жизни, между прочимъ, находится и на его надгробномъ памятникѣ. Вотъ что, напр., писалъ протоіерей Бунинъ—1 апрѣля 1869 г. своему внуку воспитаннику семинаріи: «Внукъ мой Иванъ Константиновичъ. Съ самаго отъѣзда твоего изъ Богучара я ждалъ отъ тебя извѣщенія о твоемъ житьѣ, но ты три мѣсяца не пишешь ни строки. Ежели за трудами и занятіями въ наукахъ, то похвально, а ежели за лѣностію и невниманіемъ къ родственному чинопочитанію, то нехорошо. Мое желаніе

имѣть извѣщеніе о тебѣ, конечно, происходитъ оттого, что мнѣ хочется знать твои успѣхи въ наукахъ. Трудись, трудись, трудись. Не теряй дорогого времени юности. Трудъ постоянный приготовитъ тебѣ счастіе на землѣ».

Словомъ и дѣломъ воспитывая въ дѣтяхъ чувство любви, онъ заставлялъ ихъ самихъ подавать милостыню бѣднымъ, внушая, что всѣ блага, которыми мы пользуемся, ниспосланы намъ Богомъ для того, чтобы мы дѣлились съ бѣдными—неимущими, а также и то, что человѣкъ можетъ оказывать помощь другимъ не только матеріальную, но и своими знаніями, трудомъ, совѣтомъ и друг. Такія внушенія, подкрѣпляемыя постоянно его живымъ примѣромъ, сильно дѣйствовали на нихъ. Жена его была простая и добрая женщина, по своему любящая дѣтей, заботящаяся о нихъ, но въ то же время не всегда въ мѣру строгая и вспыльчивая. Отецъ, не препятствуя ей руководить дѣтьми и наказывать ихъ (самое высшее наказаніе было—ставка на колѣни въ уголъ) убѣждалъ ее смягчать мѣры наказанія, точно отличая дѣтскія шалости отъ проступковъ, такъ, чтобы и въ самыхъ наказаніяхъ было видно любящее сердце родителей. Припоминается одна характерная черта въ отношеніяхъ между отцемъ и матерью. Какъ хорошая и рачительная хозяйка, мать старалась сохранить для семьи и домашняго обихода то, что собиралось отцемъ съ приходскихъ хуторовъ, особенно изъ съѣстныхъ припасовъ, а также изъ получаемыхъ имъ въ приходѣ денегъ; живя вообще въ добромъ мирѣ и согласіи, отецъ и мать въ этомъ случаѣ какъ будто расходились. Отецъ любилъ помогать бѣднымъ хлѣбомъ, вещами, деньгами и проч, при всякомъ удобномъ случаѣ; любилъ пріютить страннаго, накормить и т. д., мать-же старалась приберечь все пріобрѣтенное и, не смѣя выражать свое противодѣйствіе открыто, обнаруживала протестъ грустію и иногда слезами... Мягко, ласково, убѣдительно старался отецъ доказать ей, что потери отъ этого не можетъ быть, и то, что

дается во имя Божіе, Богомъ-же будетъ возвращено съ избыткомъ. Въ отношеніи къ прислугѣ старецъ внушалъ—обращаться съ нею возможно гуманнѣе, убѣждая видѣть въ ней человѣческій образъ и послѣдователей Христа, такъ что всѣ живущіе въ ихъ домѣ составляли какъ-бы одну общую семью, проникнутую высоко-христіанскимъ духомъ. При такомъ высоко-нравственномъ воспитаніи дѣтей, такихъ заботахъ объ укрѣпленіи нравственныхъ устоевъ присныхъ ему, однако самому протоіерею и сама жизнь, и дѣти дали мало утѣхъ; по странному стеченію обстоятельствъ или вѣрнѣе по непререкаемому Промыслу Божію ему пришлось много, много перенести огорченій отъ жизни, но еще болѣе отъ дѣтей, какъ на ученической скамьѣ ихъ, такъ и въ ихъ жизни. Первымъ жизненнымъ ударомъ для него была одновременная смерть жены и дочери, находившихся постоянно при немъ; съ смертію ихъ онъ какъ-бы лишился всей семьи; одиночество протоіерея продолжалось 14 лѣтъ, пока одинъ изъ сыновей, поступившій на службу въ Богучарѣ, женившись, не ввелъ въ его домъ молодую хозяйку. Немного радости принесли ему дѣти и по окончаніи курса: два старшіе сына—одинъ священникъ и второй—докторъ, оба умерли еще молодыми и что всего прискорбнѣе—вѣроятная причина смерти заключалась въ невоздержномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ. Все это и другія несчастія жизни причиняли почтенному протоіерею глубокую скорбь, хотя эта скорбь и утолялась упованіемъ на Бога, преданностію его волѣ Божіей: «Господь даде, Господь и отъя... буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка».

Повседневная жизнь протоіерея отличалась замѣчательной простотой. Подвигами молитвы и труда начинался день, ими же и кончался. Подымался съ постели или вѣрнѣе выходилъ изъ своей келліи протоіерей въ 4 часа утра и, немедленно умывшись, приступалъ къ молитвѣ, которая продолжалась отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ часа въ дни неслужебные и болѣе часу

въ дни Богослуженія. Благочестивый старецъ по примѣру царя Давида въ полунощи вставалъ «исповѣдатися имени Божію»; онъ имѣлъ правиломъ, кромѣ положенныхъ каноновъ, прочитывать умилительнѣйшій акаѳистъ Спасителю и неотложно 3 каѳизмы изъ Псалтири. Кромѣ того онъ проводилъ часы ночи почти въ умной молитвѣ, распростершись на полу, отчего у него на лбу была мозоль величиною въ трехкопѣечную монету; едва-ли онъ раздѣвался на ночь, прикрываясь подрясникомъ. По совершеніи домашней молитвы онъ отправлялся въ церковь для совершенія Богослуженія или для присутствованія лишь на немъ, исправлялъ случавшіяся требы и т. п. По возвращеніи домой онъ выпивалъ 2—3 стакана крѣпкаго чаю, но совершенно безъ хлѣба, затѣмъ отправлялся въ духовное правленіе, до его упраздненія, и уѣздное училище; позднѣе, когда духовное правленіе было упразднено, а законоучительство въ уѣздномъ училищѣ онъ передалъ сыну своему, священнику Кладбищенской церкви, онъ до обѣда занимался благочинническими дѣлами, цензурой проповѣдей и т. п. Обѣдалъ ровно въ 12 часовъ вмѣстѣ съ семьею. Пища его была самая невзыскательная и всегда, по крайней мѣрѣ для него, однообразная: такъ называемая окрошка изъ квасу, кислые щи и каша, которую онъ ѣлъ преимущественно съ квасомъ. Въ послѣдніе годы, когда онъ жилъ безъ семьи, обычною пищею, замѣнявшею ему обѣдъ, были—сухари, размоченные въ водѣ, мяса онъ почти не употреблялъ, предпочитая рыбу. Послѣ обѣда, если не было экстренныхъ дѣлъ, онъ отдыхалъ и затѣмъ, по совершеніи вечерни, посвящалъ время на осмотръ и наблюденіе за церковными постройками, непрерывавшимися почти за все время его священнослуженія, посѣщалъ богадѣльню и занимался дѣлами благотворенія; при чемъ ежедневно принималъ много посѣтителей, которыхъ онъ терпѣливо и участливо выслушивалъ, помогалъ дѣломъ и совѣтомъ и отпускалъ лишь тогда, когда посѣтитель считалъ себя вполнѣ удовлетворен-

нымъ. У него ежедневно можно было видѣть лицъ духовнаго сословія, не только его благочинія, обращавшихся къ нему по дѣламъ службы, но и всего уѣзда, прибѣгавшихъ по разнымъ житейскимъ нуждамъ и недоумѣннымъ вопросамъ; на духовную бесѣду съ рѣдкимъ по благочестію старцемъ приходили лица всѣхъ сословій и званій. Вечера, по окончаніи работъ—до отхода ко сну онъ любилъ проводить въ кругу родныхъ, въ задушевной бесѣдѣ съ ними, при чемъ бесѣда была непремѣнно душеспасительная. Всякій разъ, когда ему казалось, что разговоръ переходитъ на мірское, въ особенности если въ разговорѣ рѣчь касалась осужденія ближняго, онъ прерывалъ такой разговоръ молитвой, вслухъ произносимой «Господи, помилуй... Боже, очисти мя грѣшнаго...» Любилъ протоіерей проводить свободное отъ служебныхъ обязанностей время за чтеніемъ книгъ и журналовъ всегда духовнаго и церковно-историческаго содержанія. Изъ духовныхъ журналовъ, выходившихъ въ то время въ свѣтъ, онъ выписывалъ: «Православное Обозрѣніе», «Православный Собесѣдникъ», «Странникъ», а также проповѣдническіе сборники, но преимущественно любилъ читать описанія подвиговъ святыхъ; весьма увлекался вышедшими въ то время «Письмами Святогорца»; въ общемъ у него составилась собственная порядочная библіотека любимыхъ книгъ. Читалъ онъ нерѣдко вслухъ семьѣ; въ послѣднее-же время ему читали другіе и дѣлали выписки изъ прочтеннаго по его указанію. Такимъ образомъ чтеніе св. книгъ послѣ молитвы было главнѣйшимъ и любимымъ его занятіемъ въ свободное отъ служебныхъ занятій время: ни одна минута, казалось, у него не проходила праздно. Простой въ жизни, пищѣ, онъ чрезвычайно былъ простъ и въ одеждѣ. Зимой о. протоіерей носилъ ватный подрясникъ изъ нанковой матеріи, непремѣнно подпоясанный нанковымъ кушакомъ; верхняя одежда — калмыцкая мѣховая ряса, покрытая дешевымъ сукномъ; лѣтняя одежда — нанковый подрясникъ, который онъ носилъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, и

ряса изъ бумажнаго ластика, заношенная и употреблявшаяся лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; при чемъ вслѣдствіе поспѣшности и торопливости, съ какою онъ все дѣлалъ, ряса по большей части сидѣла на немъ не въ порядкѣ (за торопливую и поспѣшную походку въ молодые годы онъ прозванъ былъ «бѣгункомъ»), сапоги шились изъ простого крестьянскаго товара; шились они въ продолженіе многихъ лѣтъ однимъ и тѣмъ-же благочестивымъ солдатомъ Суворовскихъ временъ; галошъ никогда не носилъ. Камилавку онъ носилъ одну и ту же много лѣтъ, такъ что отъ времени она потеряла цвѣтъ. Между прочимъ сохранился разсказъ, что городскіе священники, любившіе своего начальника, однажды справили ему новую камилавку; передавая ему этотъ подарокъ, они потребовали отъ почтеннаго старца взамѣнъ старую, чтобы предать ее сожженію, но протоіерей не согласился выдать имъ старую и долгое время продолжалъ еще носить ее. Архипастыри, знавшіе подвижническую жизнь протоіерея и благоволившіе къ нему, не обращали на его болѣе нежели скромное одѣяніе. Разсказываютъ, что архіепископъ Игнатій, особенно отличавшій протоіерея Бунина, въ бесѣдахъ съ послѣднимъ, незамѣтно руками поправлялъ рясу на протоіереѣ, а въ одинъ изъ пріѣздовъ протоіерея въ Воронежъ, шутя замѣтилъ ему, что такому почтенному протопопу для сохраненія здоровья не мѣшало-бы носить галоши въ дурную погоду. Освѣдомленные о таковомъ замѣчаніи преосвященнаго родные протоіерея употребили много труда, чтобы убѣдить старца справить себѣ галоши къ слѣдующей предстоявшей ему поѣздкѣ въ Воронежъ. Галоши были сдѣланы и уложены въ багажъ протоіерея вмѣстѣ съ другими вещами; надѣть и на дорогу галоши онъ не рѣшился. Отправляясь къ преосвященному, протоіерей въ первый разъ надѣлъ галоши, но, оказалось и послѣдній разъ въ жизни; по окончаніи бесѣды съ владыкой, онъ забылъ галоши въ архіерейской пріемной и уѣхалъ безъ нихъ. Чрезъ нѣкоторое время въ архіерей-

ской пріемной были усмотрѣны чужія галоши, кѣмъ-то забытыя, и когда преосвященный отъ келейника узналъ, что эти галоши забыты Богучарскимъ протоіереемъ, то разсмѣялся... Воздержный въ пищѣ вообще, скромный въ одеждѣ, протоіерей совершалъ подвиги строжайшаго воздержанія во время постовъ. Кромѣ среды и пятницы въ послѣдніе годы жизни онъ соблюдалъ еще постъ въ понедѣльникъ. Посты онъ соблюдалъ строго, не дозволяя употреблять рыбы даже въ случаяхъ болѣзни. Въ великую Четыредесятницу, въ продолженіе первой недѣли онъ не употреблялъ горячей пищи, разрѣшая таковую лишь въ субботу и довольствуясь однимъ чаемъ, который въ эти дни онъ пилъ не съ сахаромъ, а съ изюмомъ; но особенно усиленно онъ постился въ недѣлю Страстную, когда въ первые дни ѣлъ лишь сухари съ водою по вечерамъ, а въ послѣдніе ничего не вкушалъ. Строгій къ себѣ чрезвычайно, но слабый къ другимъ, онъ въ одномъ лишь не дѣлалъ уступокъ прихожанамъ—въ разрѣшеніи подъ разными предлогами вкушать скоромную пищу въ посты; отрицая всякое значеніе за доводами докторовъ въ пользу скоромной пищи для больныхъ, даже напротивъ доказывая несравненно большую пригодность по законамъ физіологіи постной пищи при перенесеніи заболѣваній, онъ не разрѣшалъ употребленія скоромной пищи и для тяжело больныхъ.

Маститому старцу по Промыслу Божію суждено было дожить до пятидесятилѣтія своего славнаго служенія Церкви, обществу и отечеству. Понятно духовенство и общество почтило достойнаго пастыря рѣдкимъ образомъ — юбилеемъ, о празднованіи коего въ то время въ обществѣ мало имѣли понятія.

Памятуя для всѣхъ живущихъ на землѣ неизбѣжный конецъ,—смерть, протоіерей не боялся послѣдняго часа и лишь всегда просилъ у Бога мирной и непостыдной кончины. Свое презрѣніе къ смерти онъ наглядно показалъ, самоотверженно

дѣйствуя въ городѣ во время холерныхъ эпидемій. Будучи отъ рожденія слабаго тѣлосложенія, но ведя крайне воздержную жизнь, онъ однакоже въ жизни своей болѣлъ очень рѣдко—легкими простудами и лихорадкой, при чемъ никогда не лѣчился аптекарскими лѣкарствами, предписываемыми докторами, противъ коихъ онъ былъ сильно предубѣжденъ, несмотря на то, что его же сынъ докторомъ былъ въ городѣ, а употреблялъ лишь народныя средства; природа и годы, однакоже, брали свое, и въ послѣднее время онъ чувствовалъ въ организмѣ общую слабость. Послѣдняя болѣзнь его—параличъ рукъ, ногъ и языка и какъ естественное послѣдствіе сего—безсознательное состояніе случились черезъ годъ послѣ празднованія юбилея въ сентябрѣ 1869 года и въ такомъ состояніи онъ находился до своей кончины, послѣдовавшей 19 апрѣля 1871 г. Болѣзнь протоіерея, сведшая его въ могилу, была вызвана сильными волненіями, пережитыми глубокимъ старцемъ при пріемѣ и ревизіи его благочинія вновь поступившимъ на Воронежскую каѳедру преосвященнымъ Серафимомъ. Вступленіе и первые шаги преосвященнаго Серафима ознаменовались распоряженіемъ по духу и характеру рѣзко отличавшимися отъ направленія въ управленіи епархіей его предшественниковъ—великихъ подвижниковъ преосвященныхъ Антонія II и Іосифа; стали устанавливаться иные взгляды на вещи и были предъявляемы иныя требованія къ начальствующимъ и духовенству, началась ломка стараго; все это не могло не волновать какъ духовенство епархіи, такъ и старыхъ благочинныхъ, свыкшихся съ опредѣленнымъ порядкомъ вещей и въ частности протоіерея Бунина, вступившаго во второе пятидесятилѣтіе своего священнослуженія и пригрѣтаго любовью своихъ архипастырей, видѣвшихъ въ немъ лучшаго исполнителя всѣхъ предначертаній. И опасенія протоіерея оказались не напрасными; ревизія его благочинія имѣла для него роковыя послѣдствія: хлопоты по пріему преосвященнаго Серафима съ многочи-

сленною свитою, явно выраженное къ нему неблаговоленіе новаго владыки при первомъ-же знакомствѣ, наконецъ сопровожденіе преосвященнаго по благочинію на ямщицкомъ экипажѣ при быстрой ѣздѣ,—все это такъ потрясло старца, что по возвращеніи домой онъ былъ снесенъ съ экипажа въ полусознательномъ состояніи, а на другой день болѣзнь уже вполнѣ опредѣлилась явнымъ признакомъ безнадежности и неизлѣчимости.

Годы болѣзненнаго состоянія протоіерея были въ высшей степени удручающими... очевидцы не могли безъ слезъ представить того въ высшей степени страдальческаго состоянія, въ коемъ онъ пробылъ полтора года, разбитый параличемъ, не владѣя языкомъ, но все таки по временамъ съ проблесками сознанія. Слушая разсказы очевидцевъ о послѣднихъ дняхъ жизни протоіерея, невольно задумаешься надъ страданіями великаго старца, всю жизнь свою страдавшаго за ближняго, но коему Господь однакоже судилъ еще много и тяжело пострадать на смертномъ одрѣ. Они составляютъ задачу для человѣческаго ума, который какъ то трудно мирится съ тайнами Промысла Божественнаго. Перебирая жизнь почившаго во всѣхъ ея подробностяхъ, судъ человѣческій едва-ли могъ указать на какое-либо пятно въ его жизни... но видимо Промыслу Божію угодно было, чтобы «чаша страданій была допита до конца», чтобы духъ пастыря, для совершеннаго очищенія отъ всѣхъ земныхъ грѣховъ, прошелъ чрезъ горнила физическихъ страданій, дабы вполнѣ сподобиться того царствія Божія, къ коему горѣлъ почившій духомъ во всю свою жизнь...

Время погребенія было весеннее, грязное, городъ съ трехъ сторонъ былъ отчужденъ водами, и къ горькому сожалѣнію многимъ изъ уѣзда не пришлось отдать послѣдній долгъ великому старцу; даже ближайшіе родственники, извѣщенные о смерти старца, не могли участвовать въ погребеніи; нѣкоторымъ, задержаннымъ весеннею переправою, пришлось лишь издали,

съ сосѣдней слободы Дьяченковой—мѣста переправы,—наблюдать величественную картину погребальной процессіи, тянувшейся отъ собора на гору—городское кладбище, гдѣ онъ и былъ погребенъ около главной аллеи, ведущей къ храму, имъ-же созданному... Впрочемъ, благодаря предусмотрительности совершавшаго погребеніе протоіерея В. Наумова, преемника Бунина, тѣло протоіерея было оставлено до вечера въ церкви, и запоздавшіе и задержанные переправой родственники и почитатели все-таки могли проститься съ дорогимъ для нихъ прахомъ. Несмотря, однакоже, на весеннее половодье, стеченіе народа при погребеніи было необычайное: весь городъ, жители окольныхъ селъ, не отдѣленныхъ отъ города водою, всѣ, кто только услышалъ о кончинѣ благочестиваго старца, спѣшили отдать послѣдній долгъ почившему, и едва-ли кто, по словамъ очевидцевъ, провожался изъ этого міра съ такимъ горемъ, слезами и воплями окружавшихъ, какъ этотъ дорогой для всѣхъ пастырь *).

Іеросхимонахъ Николо-Угрѣшскаго монастыря Іосифъ.

(Память 31 августа).

Іеросхимонахъ Іосифъ въ иночествѣ—отецъ Іовъ, при святомъ крещеніи названъ Іосифомъ, родился въ 1805 году въ Борисоглѣбскѣ (то время еще Воронежской губерніи). Родитель Іосифа—Петръ Яковлевичъ и родительница—Дарья Іоакимовна Серебряковы были изъ мѣщанскаго сословія; мужъ уроженецъ Московской губерніи, а жена родомъ изъ Касимова; жительствовали же они въ Воронежской губерніи, въ городѣ Борисоглѣбскѣ и въ Новохоперской крѣпости.

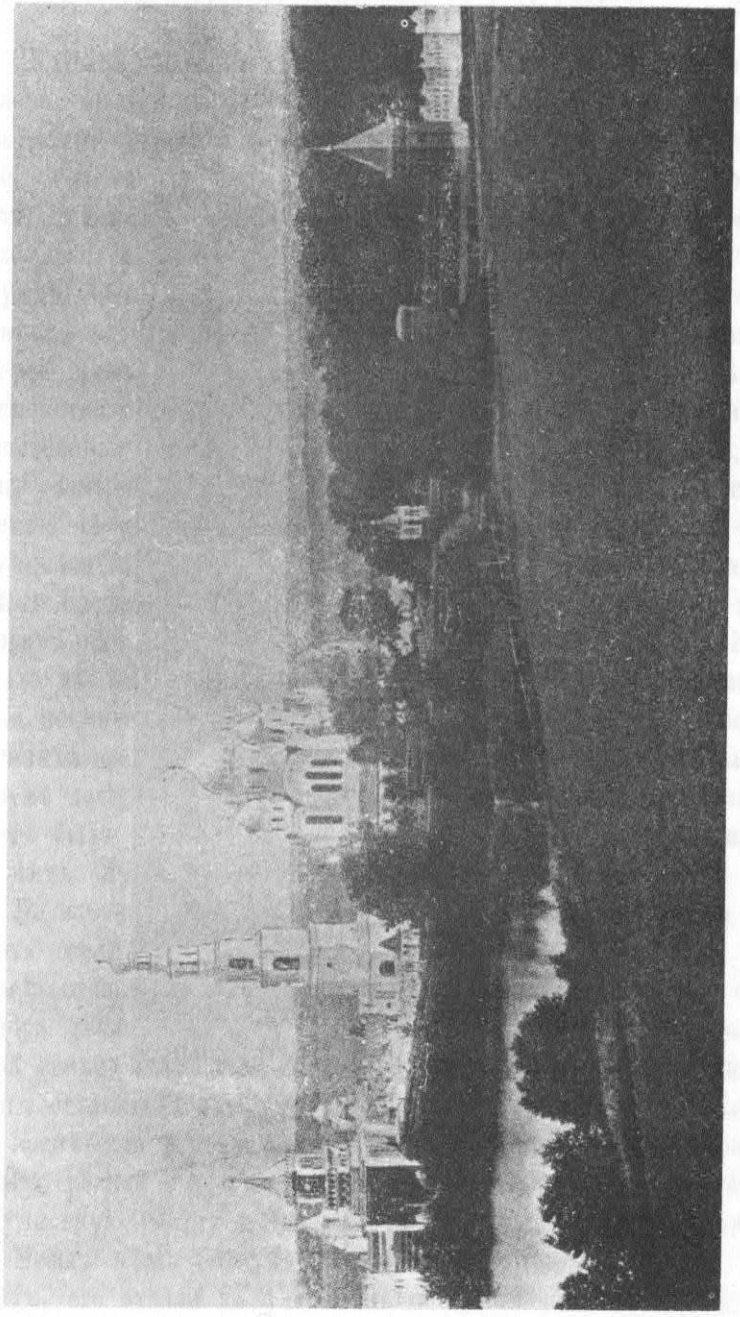
*) Взято изъ книги „Пастырь-Подвижникъ. Описаніе жизне-дѣятельности Богучарскаго протоіерея Александра Ивановича Бунина, 1792—1871 г.г. Богучаръ. Типографія И. И. Иванова. 1902 г.“. Эта прекрасная книжка, поистинѣ, должна бы быть настольною книгою каждому, особенно, сельскому пастырю: много отрадныхъ минутъ доставитъ чтеніе этой книги и не на одно доброе дѣло можетъ подвинуть пастыря чтеніе этой книжки.

Петръ Яковлевичъ занимался подрядами по строительной части, былъ строителемъ водяныхъ мельницъ, зарабатывалъ не малыя деньги и могъ бы имѣть весьма хорошія средства, но къ несчастію пилъ запоемъ и потому доходилъ до того, что пропивалъ все, что имѣлъ, и оставался почти безъ одежды. Жена его и все семейство были не только въ нуждѣ, но и въ крайней нищетѣ. Дарья Іоакимовна часто его увѣщевала; онъ раскаявался, обѣщался исправиться и нѣкоторое время крѣпился, но потомъ опять вдругъ запивалъ, и семейство его опять бѣдствовало, не имѣя хлѣба насущнаго. Постоянныя увѣщанія его жены, наконецъ, ему надоѣли, и онъ замыслилъ бѣжать и куда-нибудь скрыться, бросивъ семью свою на произволъ судьбы, а такъ какъ видъ его хранился не у него, но у жены,—онъ у нея взялъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что бумагу требуетъ хозяинъ дома, въ которомъ они жили. И послѣ того безъ вѣсти пропалъ. Это было въ 1813 или 1815 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Несчастная покинутая жена, 30-ти лѣтъ отъ роду, осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни съ четырьмя малолѣтними дѣтьми: двумя дочерьми и двумя сыновьями. Старшей дочери Елисаветѣ было 13 лѣтъ, младшей Евгеніи 11 лѣтъ, сыну Іосифу 8 лѣтъ, Лукѣ же только 8 мѣсяцевъ.

Первое время бѣдная женщина все еще ожидала мужа и, хотя терпѣла великую нужду, не трогалась съ мѣста; но когда стала приближаться осень, и наконецъ наступилъ октябрь мѣсяцъ, и нужда и бѣдственное положеніе безпомощной семьи становились еще ощутительнѣе,—тогда она рѣшилась оставить городъ, гдѣ столько горя выпало на ея долю, и поспѣшила отправиться къ себѣ на родину, въ Касимовъ. Тамъ родной братъ ея Алексѣй Іоакимовичъ принялъ свою несчастную сестру и далъ ей пристанище въ своемъ домѣ.

Между тѣмъ Іосифъ подросталъ, и когда ему минуло 10 лѣтъ, его отдали въ ученіе въ канатно-веревочное прядильное заведеніе, гдѣ онъ получалъ по 80 коп. въ мѣсяцъ жа-

Іеросхимонахъ Іосифъ



Московскій Николо-Угрѣшскій монастырь.
Фотографія нач. XX в.

лованья и провелъ тамъ два года. Будучи 12 лѣтъ, онъ былъ отданъ въ кузнечное заведеніе, гдѣ получалъ жалованья уже по 1 руб. 20 коп. въ мѣсяцъ. Въ этомъ ремеслѣ онъ провелъ только одинъ годъ, по истеченіи котораго поступилъ въ питейное заведеніе въ качествѣ подносчика съ жалованьемъ 1 р. 40 коп. въ мѣсяцъ.

Младшая изъ сестеръ Іосифа—Евгенія, имѣя только 16 лѣтъ отъ роду, вышла между тѣмъ замужъ за уроженца Шуи, Владимірской губерніи, у котораго было свое собственное питейное заведеніе, и отправляясь туда изъ Касимова, сестра Іосифа и ея мужъ рѣшили взять и его собой, считая для себя выгоднѣе и вѣрнѣе имѣть въ своемъ заведеніи подносчикомъ не посторонняго человѣка, а своего ближайшаго родственника.

Въ скоромъ послѣ того времени Іосифъ обратно возвратился изъ Шуи въ Касимовъ и поступилъ опять въ питейное заведеніе къ Чумину на жалованье 1 руб. 70 коп. въ мѣсяцъ, а потомъ получалъ уже по 2 руб. ассигн. и такъ достигъ 16-тилѣтняго возраста.

Между тѣмъ Дарья Іоакимовна, живя въ домѣ у брата своего, имѣла человѣкъ двадцать жильцовъ учениковъ духовнаго училища, ча которыхъ, съ помощію дочерей и младшаго сына своего Луки, стряпала, пекла хлѣбы, варила квасъ и стирала бѣлье и, пользуясь жалованьемъ старшаго сына Іосифа, весьма незначительнымъ, кое-какъ перебивалась и не терпѣла слишкомъ большой нужды; а когда обѣ дочери были уже замужемъ, то она продолжала трудиться одна.

Въ 1820 годахъ образовалась новая откупная система. Якунчиковъ и Горбовъ взяли на откупъ городъ Ливны Орловской губерніи, и Горбовъ (Іоакимъ Васильевичъ), отправляясь туда на жительство изъ Касимова, взялъ съ собой Іосифа, которому было около 19 лѣтъ. Тамъ въ продолженіе перваго года по своемъ пріѣздѣ, Іосифъ находился въ питейномъ заведеніи подносчикомъ, а на слѣдующій годъ Горбовъ видя, что онъ юноша добропорядочный, сдѣлалъ его сидѣль-

цемъ, въ родѣ самостоятельнаго хозяина, подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Тогда же отъ большого пожара выгорѣла большая часть Касимова—болѣе 360 дворовъ. Домъ Алексѣя Іоакимовича, въ которомъ жила его сестра, по милости Божіей уцѣлѣлъ отъ огня, но Дарья Іоакимовна въ скоромъ времени собралась на жительство въ Ливны къ старшему своему сыну и увезла съ собой и Луку.

Іосифу было уже далеко за двадцать лѣтъ и, несмотря на то, что онъ былъ содержателемъ питейнаго заведенія, онъ велъ жизнь весьма скромную, характеръ имѣлъ тихій и нераздражительный и строго воздерживался отъ худыхъ и бранныхъ словъ, за что посѣтители его заведенія любили его, а такъ какъ онъ, когда въ шутку, а когда въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ-нибудь раздосадованный, вмѣсто ругательствъ, имѣлъ обыкновеніе говорить: «молчи ты, каши тебѣ въ ротъ-то»,—его прозвали кашей. Это прозваніе такъ ему присвоили, что послѣ иначе его уже и не называли, и собиравшіеся идти къ нему покутить говаривали между собой: «а что, братцы, не сходить ли намъ къ кашкѣ выпить? онъ парень добрый и никогда никого не обмѣриваетъ и не плутуетъ».

Своимъ ласковымъ обхожденіемъ и добросовѣстностью онъ пріобрѣлъ общее расположеніе, и заведеніе его преимущественно предъ прочими было охотнѣе посѣщаемо. Замѣчательно еще и то, что Іосифъ никогда не говорилъ неправды.

Въ числѣ посѣщавшихъ Іосифа бывали очень нерѣдко причетники Георгіевской соборной церкви. Іосифъ сблизился съ причетниками и просилъ ихъ, чтобы они поучили его церковному пѣнію и читать слѣдованную псалтирь,—за что, конечно, онъ ихъ угощалъ и еще болѣе располагалъ въ свою пользу. Когда онъ нѣсколько привыкъ пѣть по обиходу и читать псалтирь, то сталъ просить, чтобы ему дозволили становиться съ ними на клиросѣ и читать то, что онъ можетъ. Зная, что подобное дозволеніе доставитъ имъ обильное угощеніе, псаломщики охотно допускали на клиросъ Іосифа.

Іосифъ имѣлъ голосъ пріятный, не очень густой, но звучный теноро-басъ. Не довольствуясь тѣмъ, что учители церковнаго чтенія и пѣнія посѣщали его, онъ и самъ сталъ ходить къ нимъ сперва изрѣдка, а потомъ и ежедневно; но такъ какъ въ продолженіе дня ему невозможно было отлучаться отъ своего дѣла, то онъ уходилъ обыкновенно вечеромъ послѣ 8 часовъ, когда, по окончаніи продажи, онъ могъ запереть двери своего заведенія и отлучиться безпрепятственно, и возвращался довольно поздно, часовъ въ 11, иногда послѣ полуночи.

Въ концѣ 1820-хъ г. Іосифъ познакомился со однимъ молодымъ человѣковъ, почти однихъ съ нимъ лѣтъ, торговавшимъ въ Ливнахъ краснымъ товаромъ, съ Алексѣемъ Яковлевичемъ Митрофановымъ. Митрофановъ съ 16 лѣтъ началъ помышлять о вступленіи въ монастырь и долго томился душой, пока въ 1832 году не удалось ему это сдѣлать. Мать его Матрона Егоровна не отпускала и слушать не хотѣла сперва, чтобы ея сынъ когда-либо былъ монахомъ. Просился въ монастырь и Іосифъ у своей родительницы, и она тоже не соглашалась на разлуку съ нимъ, пока меньшій ея сынъ Лука не подростетъ. Пристроивъ брата, Іосифъ вздохнулъ свободнѣе и, покинувъ службу въ питейномъ заведеніи, рѣшился хлопотать о своемъ увольненіи отъ общества. Выправивъ себѣ временный паспортъ, Іосифъ остался покуда еще въ Ливнахъ и, живя не при должности, ежедневно ходилъ въ церковь читать и пѣть на клиросѣ, въ особенности же по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ. Въ это время онъ познакомился въ церкви съ однимъ крестьяниномъ изъ подгородной Георгіевской слободы Аѳанасіемъ Борисовымъ Золкинымъ, который также ходилъ въ церковь и пѣвалъ на клиросѣ. Золкинъ сталъ уговаривать Іосифа заняться на его землѣ хлѣбопашествомъ, на что онъ, по своей всегдашней сговорчивости, легко согласился и принялся за дѣло; но не будучи въ этомъ нисколько опытенъ, онъ менѣе чѣмъ въ два года, безъ всякой для себя пользы, истратилъ часть

своего небольшого капитала, и переѣхалъ за 15 верстъ отъ города, въ село Куночъ, гдѣ одинъ изъ мѣстныхъ жителей пригласилъ Іосифа заняться сапожнымъ мастерствомъ. Онъ учился шить сапоги и ѣздилъ въ городъ за покупкой товаровъ; но и въ этомъ дѣлѣ не посчастливилось Іосифу. Онъ прожилъ еще до ста рублей и такимъ образомъ истратилъ почти все, что имѣлъ. Видя, что нѣтъ ему удачи въ мірскихъ его предпріятіяхъ, Іосифъ положилъ въ умѣ своемъ долѣе и не пытать попустому счастье, а скорѣе осуществить свое намѣреніе отправиться въ Москву, выправить тамъ для себя увольненіе отъ общества, возвратиться въ Ливны и, простившись со своею родительницею и братомъ, поступить въ какой-нибудь монастырь. Онъ скоро свое намѣреніе привелъ и въ исполненіе. Еще прежде его отъѣзда въ Москву 5-го декабря 1836 года, его мать, поболѣвъ нѣкоторое время, скончалась. Смерть матери побудила его не медлить болѣе и идти въ монастырь. Увольненіе отъ московскаго мѣщанскаго общества Іосифу было выдано въ 1837 году, когда ему уже было болѣе тридцати лѣтъ. По возвращеніи своемъ изъ Москвы въ Ливны онъ началъ собираться въ путь и хотѣлъ было уже отправиться, но, прослышавъ, что въ Ливнахъ набралось человѣкъ до пятнадцати молодыхъ людей, намѣревавшихся ѣхать въ Оптину Козельскую пустынь, для поступленія туда въ число послушниковъ, онъ сталъ ихъ просить, чтобы они и его взяли съ собой на его собственномъ содержаніи и съ участіемъ его въ путевыхъ издержкахъ. Но его не взяли и обозвали еще слѣпцомъ. Дѣло въ томъ, что глазами Іосифъ страдалъ съ малолѣтства вслѣдствіе неосторожности: ему было не болѣе шести-семи лѣтъ, когда однажды на пыльной песчаной дорогѣ игралъ онъ со своими сверстниками; вдругъ пронесся сильный вихрь, и песокъ съ пылью поднялся столбомъ; всѣ мальчики попадали лицомъ внизъ или прикрылись руками, а Іосифъ не успѣлъ этого сдѣлать; ему сильно запорошило глаза, которые стали у него

съ тѣхъ поръ болѣть и слезиться, волосы на рѣсницахъ огрубѣли, и начали рости внутрь, такъ что послѣ того ему приходилось, по совѣту врачей, щипчиками вырывать ихъ; это причиняло ему жестокую боль и производило частое воспаленіе глазъ; отъ тренія образовались бѣльма, превратившіяся наконецъ въ наросты. Оставшись одинъ, Іосифъ благодушно подчинился необходимости путешествовать безъ спутниковъ. И запѣвши свой любимый ирмосъ 7-го гласа: «Нощь не свѣтла невѣрнымъ, Христе, вѣрнымъ же просвѣщеніе въ сладости словесъ Твоихъ: сего ради къ Тебѣ утреннюю и воспѣваю Твое Божество»,—онъ на слѣдующій же день также отправился въ Оптину пустынь, куда и прибылъ въ одинъ день съ тѣми 15-ю молодыми людьми изъ Ливенъ, которые не пожелали взять его съ собой и которые почему-то замедлили на пути. Видя, что Іосифъ тоже прибылъ и почти въ одно время съ ними, они поспѣшили явиться къ настоятелю, надѣясь хотя нѣсколькими часами предупредить его; они были увѣрены, что въ монастырь его не примутъ и этого желали. Настоятелемъ Оптиной пустыни былъ въ то время о. Моисей.

Всѣ молодые Ливенцы были приняты отцомъ игуменомъ Моисеемъ. На слѣдующей день явился къ нему Іосифъ и былъ также принятъ. Въ какое время года пришелъ онъ въ Оптину пустынь, теперь неизвѣстно; 11 ноября 1837 года онъ былъ въ монастырѣ въ числѣ послушниковъ. Это было въ то время, когда жили здѣсь скитоначальникъ о. Антоній, о. Леонидъ и о. Макарій. Подъ ихъ общимъ руководствомъ и полагалъ начало Іосифъ. Такъ какъ всегда отличался глубокимъ смиреніемъ и безпрекословнымъ послушаніемъ, то и стяжалъ въ скоромъ времени общую любовь какъ старцевъ, такъ и всей братіи. Вскорѣ онъ былъ поставленъ на клиросъ, и такъ какъ хорошо зналъ нотное пѣніе, то ему поручено было обучать братію простому обиходному пѣнію. Въ 1843 году Іосифъ былъ постриженъ въ монашество и названъ Іовомъ. Постриженіе его совершилось 27 ноября, въ праздникъ иконы Зна-

менія Пресвятыя Богородицы. Іовъ находился нѣкоторое время въ самомъ монастырѣ, частью жилъ и въ скиту, а всего со дня причисленія къ братству (11 ноября 1837 года) и до выхода изъ монастыря (въ 1846 году) онъ находился здѣсь около 9 лѣтъ. По его желанію въ 1846 г. 12 іюля онъ былъ переведенъ въ Мещевскій монастырь, гдѣ игуменомъ въ то время былъ одинъ изъ бывшихъ учениковъ старца Леонида—Никодимъ (Демутье) и въ томъ же году въ сентябрѣ посвященъ въ іеродіакона, 13 іюля 1852 года рукоположенъ во іеромонаха, а въ слѣдующемъ 1853 году 30 сентября утвержденъ братскимъ духовникомъ. Не будучи особенно строгимъ и взыскательнымъ къ своимъ духовнымъ чадамъ, онъ особенно отличался даромъ утѣшать скорбящихъ и успокоивать смущенныхъ духомъ.

Послѣ своего посвященія во іеромонаха онъ былъ посланъ по сбору вдвоемъ съ однимъ послушникомъ, который на пути захворалъ и умеръ. Въ 1855 году о. Іовъ, послѣ своего восемнадцатилѣтняго пребыванія въ Калужской епархіи, пожелалъ перейти въ Московскую и, посѣтивши Николо-Угрѣшскій монастырь, нашелъ его по своей мысли и былъ сюда переведенъ 20 сентября 1855 года. Въ первые годы своего пребыванія на Угрѣшѣ отецъ Іовъ пользовался особымъ расположеніемъ настоятеля игумена Пимена и почетомъ, какъ братскій духовникъ. По своей общительности о. Пименъ любилъ собирать у себя въ келліи отъ времени до времени нѣкоторыхъ изъ старшей братіи и бесѣдовать съ ними о монашествѣ и старчествѣ и въ этихъ видахъ онъ довольно часто приглашалъ къ себѣ въ простой будничный день двухъ-трехъ изъ братіи наиболѣе даровитыхъ и предлагалъ имъ незатѣйливую трапезу безъ всякихъ излишествъ, будучи и самъ умѣренъ и въ высшей степени воздержанъ относительно пищи и питья; къ напиткамъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности, довольствуясь чаемъ или иногда чашкой кофе. По окончаніи обѣда или ужина всѣ переходили въ другую комнату, и тутъ начиналась искренняя задушевная бесѣда о монашествѣ, которою о. Пименъ услаждался, какъ манной самою для него сладостною. Весьма естественно, что о. Іовъ, какъ человѣкъ умный, находчивый и понасмотрѣвшійся на Оптинскихъ старцевъ и наслушавшійся ихъ богомудрыхъ назиданій, занималъ не послѣднее мѣсто въ подобномъ обществѣ.

Ознакомившись съ нѣкоторыми почтенными и благочестивыми семействами въ Москвѣ, о. Іовъ иногда самъ ѣздилъ въ городъ, иногда у себя въ монастырѣ принималъ своихъ духовныхъ чадъ и назидалъ ихъ своими простыми, но мудрыми бесѣдами. Недолго, однако, продолжалось безскорбное пребываніе о. Іова въ Угрѣшскомъ монастырѣ. Для всѣхъ стало замѣтно нѣкоторое охлажденіе въ отношеніяхъ о. Пимена къ о. Іову; уже не столь часто онъ приглашалъ его къ себѣ какъ прежде; потомъ и вовсе пересталъ его звать; началъ отказывать ему въ поѣздкахъ въ Москву и, наконецъ, не совсѣмъ одобрительно отзывался о множествѣ лицъ его посѣщавшихъ и, хотя прямо не запрещалъ ему принимать, но черезъ другихъ доходило до о. Іова, что архимандритъ не совсѣмъ доволенъ, что къ нему много народу ходитъ. Пока былъ монастырскимъ казначеемъ о. Нилъ, о. Іовъ жилъ мирно и, ежели они не были особенно близко другъ къ другу расположены, то по крайней мѣрѣ о. Нилъ, не отличавшійся ни привѣтливостью, ни обходительностью, не тѣснилъ убогаго старца; но въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по указанію архимандрита Пимена, владыка Московскій митрополитъ Иннокентій назначилъ о. Нила быть строителемъ Берлюковской пустыни, а въ октябрѣ мѣсяцѣ самъ архимандритъ его туда отвезъ и на его мѣсто временно исправляющимъ должность казначея былъ назначенъ ризничій іеромонахъ Каллистъ... Вотъ тутъ то и начались скорби для бѣднаго и болящаго старца Іова. О. Каллистъ былъ въ то время лѣтъ сорока четырехъ или пяти, видный и красивый мужчина, не очень высокаго роста, но довольно полный, ловкій и далеко не безкорыстный.

Много перенесъ униженій и гоненій отъ этого человѣка о. Іовъ.

Когда же открыли глаза архимандриту и доказали ему, что его обманули, а бѣднаго старца оболгали, тогда весь гнѣвъ настоятеля обратился на главнаго виновника-казначея: онъ призвалъ его, выбранилъ и строго велѣлъ казначею возвратить о. Іову все до послѣдней нитки, что имъ было у него взято и что онъ думалъ пріобрѣсти въ собственность. Казначей весьма горячій характеромъ и не безкорыстный горячился и кричалъ, выйдя отъ архимандрита; но какъ онъ ни храбрился, а пришлось ему возвратить, что было неправедно захвачено.

Долго оставлять въ богадѣльнѣ, куда онъ былъ загнанъ, о. Іова было невозможно, ибо его тамъ посѣщали нарочно для него пріѣзжавшіе изъ Москвы посѣтители. Подъ предлогомъ болѣзни, старости и слѣпоты старца, выведя изъ богадѣльни, не водворили снова въ его келліи, а перевели въ больницу, гдѣ была отдѣльная келлія прямо изъ коридора, въ которой ему удобнѣе было принимать приходившихъ къ нему, и гдѣ кромѣ того онъ былъ еще и подъ наблюденіемъ смотрителя больницы.

Старецъ же не только не пороптался на несправедливость въ отношеніи къ нему настоятеля и не поскорбѣлъ на своекорыстную клевету казначея; онъ какъ будто и не почувствовалъ, какъ съ нимъ круто поступили, былъ веселъ, спокоенъ и ни разу не вырвалось у него ни слова, ни намека о томъ, что было, какъ будто тому быть слѣдовало и даже иначе и быть не могло. Это дѣйствительно была великая добродѣтель благодушнаго старца умѣть въ угнетеніи и уничиженіи сохранить спокойствіе духа.

Замѣчательна была еще другая его добродѣтель—это нестяжательность и безкорыстіе. Приходившіе къ нему по своему усердію обыкновенно приносили ему разные гостинцы, кто что желалъ и что могъ, и старецъ все принималъ, чтобы не оскорбить усердствующихъ; но кто что приносилъ ему, онъ не всегда зналъ, и очень часто, прежде даже чѣмъ ему

становилось извѣстно, что ему принесено, многія изъ принесенныхъ ему вещей безъ его спросу попадали въ чужія руки, напримѣръ, кульки съ хлѣбами, вареніе, икра, лимоны и т. п. Не всѣ изъ окружавшихъ его были безкорыстны.—Ему иногда привозили ткани на ряски и подрясники, но и это мгновенно исчезало, если онъ не догадается; а то завѣдомо у него многаго не оказывалось. «Гдѣ же, вотъ тутъ у меня были лимоны, спрашивалъ онъ,—искалъ и не нашелъ, ни одного не оставили». Или: «кто взялъ у меня банку съ вареніемъ, кто унесъ сукно, что мнѣ на ряску привезли»?—«Должно быть, отвѣчали ему, не взяли-ли такіе-то братія, они давеча къ вамъ приходили и отъ васъ что то унесли».—«Ну, Богъ, съ ними, не сказывайте, а то архимандритъ узнаетъ и приставитъ еще кого за мной присматривать». Ему присылали деньги, которыхъ часто онъ вовсе не получалъ; а иногда ему давали какую-нибудь частицу изъ присланнаго вмѣсто 25 или 50 р., какихъ-нибудь 5, 10. «Ну, хорошо, что мнѣ и это оставили». Однажды онъ сталъ упрекать одного изъ приближенныхъ къ нему, что тотъ безъ спроса взялъ какую-то хорошую ткань, присланную для ряски: «зачѣмъ ты взялъ, не сказавши мнѣ? попросилъ бы у меня, и самъ бы тебѣ отдалъ». Словомъ, его кругомъ обирали; онъ это зналъ, видѣлъ и молчалъ, и только развѣ рѣдко-рѣдко когда слегка замѣтитъ. «Все растащили, ничего мнѣ не оставили»! Но, говоря это, онъ не сердился и не досадовалъ, а говорилъ это для того, чтобы знали, что онъ видитъ или догадывается. Когда освободилась большая и хорошая келлія, въ которой жилъ о. Каллистъ, поступившій строителемъ въ Бобреневъ Коломенскій монастырь, а преемникъ его казначей Мелетій отпросился на жительство въ скитъ, гдѣ онъ полагалъ начало, то о. архимандритъ Пименъ самъ вздумалъ перевести въ эту келлію о. Іова и далъ ему особаго келейника; въ этой келліи старецъ и жилъ до своей кончины.

О. Іовъ отпрашивался иногда изъ монастыря въ Москву,

и, посѣщая своихъ духовныхъ чадъ, гостилъ у нихъ по нѣскольку дней. Однажды отлучался на довольно продолжительное время, ѣздилъ въ Оптину пустынь, и тамъ, говорятъ, былъ тайно постриженъ въ схиму подъ прежнимъ своимъ именемъ Іосифъ; но такъ какъ постриженіе было тайное, то старецъ не носилъ видимо схимы, а только подъ мантіей имѣлъ аналавъ. О. архимандритъ предлагалъ ему представить его къ схимѣ, дабы онъ могъ послѣ того и видимо носить схимническія одежды, но тотъ не пожелалъ этого, почитая, можетъ быть, нѣкотораго рода тщеславіемъ ношеніе схимническаго одѣянія. По слабости своего зрѣнія онъ давно уже не правилъ череды, какъ только въ день св. Пасхи, когда соборнѣ съ архимандритомъ служили всѣ іеромонахи безъ исключенія, и тогда молитвы, читаемыя іереемъ во время литургіи, о. Іовъ читалъ по особой книжкѣ, писанной весьма крупными буквами. Онъ часто пріобщался Св. Таинъ за раннею литургіей и изъ осторожности онъ не принималъ Тѣла Христова самъ, но просилъ служащаго, чтобы тотъ ему преподалъ; равно и святую чашу онъ въ руки не бралъ, а причащался какъ діаконы. Когда онъ бывалъ въ здоровомъ состояніи, то всегда бывалъ у литургіи ранней или поздней, какъ ему было свободнѣе, и у вечерни, ежели его не задерживали пришедшіе къ нему и по нѣскольку часовъ толпившіеся у крыльца богомольцы; а когда онъ пріобщался, то выстаивалъ и полунощницу съ утреней, продолжавшуюся около трехъ часовъ, или всенощную подъ воскресеніе и праздничные дни, продолжавшуюся болѣе четырехъ часовъ, безъ особаго утомленія. Стоя въ церкви, онъ былъ всегда съ четками въ рукахъ, которыя перебиралъ весьма быстро, такъ что казалось, что онъ какъ будто вертитъ ихъ.

Старецъ не лишенъ былъ дара прозорливости. Такъ, въ 1880 году, въ концѣ іюля, о. Іовъ ожидалъ къ себѣ своихъ племянниковъ; когда имъ пріѣхать, старецъ съ утра былъ въ большомъ волненіи и нѣсколько разъ повторялъ:

«нехорошо, будетъ бѣда, ежели не послушаются меня — не пріѣдутъ... Ну, стало такъ Богу угодно».

Это было въ тотъ самый день, когда произошла страшная катастрофа на Курской желѣзной дорогѣ, около Черни, гдѣ погибло много ѣхавшихъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того о. Іовъ получилъ печальное извѣстіе, что ожидаемые племянники погибли съ прочими. И вѣдь говорилъ я, чувствовалъ, что худо будетъ; пріѣзжай сюда, и этой бѣды не было бы. Вотъ что значитъ ослушаніе; и что стоило однимъ днемъ пожертвовать, чтобы дядю старика повидать и было бы все благополучно», говорилъ онъ потомъ. Послѣ этого здоровье его съ каждымъ днемъ видимо слабѣло, и онъ уже ежедневно пріобщался Святыхъ Таинъ. 31 августа ему предложили тоже пріобщиться и, — видя, что онъ замѣтно слабѣетъ, особороваться. Въ 5 часовъ пополудни послалъ за духовникомъ, пріобщился Св. Таинъ и былъ особорованъ. Едва успѣли довершить соборованіе, какъ старецъ сталъ отходить и почти незамѣтно для присутствующихъ отошелъ въ вѣчность, такъ что и послѣдняго его вздоха никто не слыхалъ. Было 6 съ половиною часовъ пополудни. Одинъ изъ его почитателей прислалъ дубовый гробъ.

Честно погребли старца-подвижника; но поминали его и отпѣвали, какъ іеросхимонаха Іосифа *).

*) „Душеп. Чт.“ 1884 г.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

Стр.

Іеросхимонахъ игуменъ Павелъ 19
Святая Аѳонская гора 20
Юродивая Іулитта Уфимская 27
Благовѣщенскій общежительный женскій монастырь въ г. Уфѣ 28
Галицкій протоіерей Іоаннъ Григорьевичъ Наумовичъ 35
Іеросхимонахъ Мелхиседекъ 43
Іеросхимонахъ Наѳанаилъ 48
Іеросхимонахъ Піоръ 59
Ольга Васильевна Стригалева 72
Спасо-Преображенскій Валаамскій монастырь 111
Старецъ Адріанъ, іеромонахъ Ютской Дорооеевой пустыни 112
Малоярославецкій игуменъ о. Антоній (Оптинскій) 161
Малоярославецкій Свято-Николаевскій монастырь 162
Оптинскіе старцы схиигуменъ Антоній, схиархимандритъ Моисей, іеросхимонахъ Макарій 201
Схимонахъ о. Амфилохій Реконскій 202
Блаженная Марѳа 225
Іоанн, затворникъ Святогорскій 231
Успенская Святогорская пустынь в Харьковской губерніи 232
Внутренній видъ Благовѣщенскаго собора въ г. Воронежѣ 237
Мать святителя Тихона, епископа Воронежскаго, и его старшій братъ 238
Городъ Аксай 259
Старецъ іеросхимонахъ Стефанъ Вятскій 260
Схимонахиня Пафнутія 311
Матрона Наумовна Попова, основательница перваго странноприимнаго дома въ городѣ Задонскѣ 347
Старица Матрона Наумовна на смертномъ одрѣ 348
Юродивый Емеліанъ 370
Схимонахъ Іоанникій 374
Старица Неонилла, основательница Дальне-Давыдовскаго монастыря 381
Дѣвица Агриппина 390
Оптинскій архимандритъ Исаакій 445
Оптинскій архимандритъ Исаакій во время недуга 446
Поликарпъ, епископъ Орловскій 449
Схимонахъ Вассіанъ 503
Филаретъ (в схиме Ѳеодоръ), іеросхимонахъ Московскаго ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря 525
Московскій ставропигіальный Новоспасскій монастырь 526
Игуменія Филарета Уфимская 551
Уфимскій Благовѣщенскій монастырь 552
Игуменія Параскева 559
Учредительница Параскево-Вознесенской обители М.М.Киселева 561
Иванъ Босый 573
Пахомій Валдайскій 591
Святоезерскій Іверскій Богородицкій монастырь Валдайскаго уезда 592
Малоярославецкій Свято-Николаевскій монастырь. Святые врата 609
Нерукотворенный образъ Спасителя 610
Архимандритъ Макарій 621
Игуменъ Пафнутій 622
Протоіерей Александръ Ивановичъ Бунинъ 641
Іеросхимонахъ Іосифъ 687
Московскій Николо-Угрѣшскій монастырь 688

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Числа.		Стр.
	Предисловіе	3
1.	Схимонахиня Елисавета	5
2.	Схимонахъ Никодимъ Аѳонскій	6
2.	Аѳонскій подвижникъ игуменъ Павелъ	18
3.	Юродивая Іулитта Уфимская	26
4.	Галицкій протоіерей о. Іоаннъ Григорьевичъ Наумовичъ.	33
4.	Архимандритъ Игнатій Симоновскій	40
6.	Старцы Раненбургской Петропавловской пустыни: Мелхиседекъ, Наѳанаилъ, Піоръ, Ириней, Авраамій и Германъ	41
6.	Настоятельница Арзамасской Алексѣевской общины схимонахиня Олимпіада	71
7.	Священникъ Максимъ	95
7.	Схимонахъ Іоаннъ Валаамскій	96
7.	Старецъ Адріанъ, іеромонахъ Югской Дороѳеевой пустыни	113
7.	Малоярославецкій игуменъ о. Антоній (Оптинскій)	159
8.	Священникъ Евѳимій	200
9.	Схимонахъ о. Амфилохій Реконскій	203
9.	Священникъ Лука	210
9.	Раба Божія Марія	211
9.	Схимонахи Иларій и Матѳей—Соловецкіе	216
9.	Матоей и Харитонъ, схимонахи Троице-Сергіевой лавры.	217
10.	Блаженная Марѳа	223
11.	Іоаннъ, затворникъ Святогорскій	230
13.	Святитель Тихонъ, епископъ Воронежскій, Задонскій чудотворецъ	239
13.	Молчальникъ—Тихонъ Святогорскій	—
14.	Схимонахъ Евсевій, игуменъ Задонскій	243
14.	Ученики св. Тихона Задонскаго: монахъ Ѳеофанъ, монахъ Ааронъ, Никандръ Алексѣевичъ Бехтѣевъ и Косьма Игнатьевичъ Студениковъ	—
14.	Аксайскій священникъ о. Василій Петровъ	245
15.	Старецъ іеросхимонахъ Стефанъ Вятскій	261
17.	Настоятель Краснослободской Спасовой пустыни іеросхимонахъ Герасимъ	293

Числа.		Стр.
17.	Схимонахиня Ардаліона, старица Усть-Медвѣдицкаго монастыря Донской епархіи	307
17.	Матрона Наумовна Попова, основательница перваго странноприимнаго дома въ городѣ Задонскѣ	346
18.	Малоярославецкій юродивый Емеліанъ	369
21.	Раба Божія Марія—болящая	372
21.	Старо-Голутвинскій схимонахъ Іоанникій	373
21.	Первоначальницы Дальне-Давыдовскаго и Кутузовскаго женскихъ монастырей—Неонилла и Агриппина и устроительница Дальне-Давыдовскаго монастыря — схимон. Антонія	380
22.	Оптинскій архимандритъ Исаакій	413
22.	Преосвященный Поликарпъ, епископъ Орловскій и Сѣвскій.	448
23.	Настоятель Нѣжинской Греческой церкви о. Иліодоръ	490
24.	Схимонахъ Лаврентій Глинскій	496
25.	Монахъ Веніаминъ Валаамскій	501
26.	Подвижникъ Алатырскаго Свято-Троицкаго монастыря схимонахъ Вассіанъ, почивающій въ усыпальницѣ монастыря	502
26.	Блаженная Наталія Мелявская	517
28.	Филаретъ (въ схимѣ Ѳеодоръ), іеромонахъ Московскаго ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря	524
28.	Схимонахиня Макарія Гамалѣевская	535
28.	Игуменія Филарета Уфимская	539
28.	Игуменія Параскева, первоначальница Параскево-Вознесенскаго монастыря	558
29.	Кіевскій юродивый странникъ Иванъ Григорьевичъ Босый.	571
29.	Молчальникъ Пахомій Валдайскій	590
29.	Архимандритъ Макарій и его сподвижники	601
30.	Рясофорный монахъ Ѳеодоръ Валаамскій	625
30.	Іерей Ѳеофилактъ, Христа ради юродивый	626
30.	Богучарскій протоіерей Александръ Ивановичъ Бунинъ	639
31.	Іеросхимонахъ Николо-Угрѣшскаго монастыря Іосифъ	685